

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Стейс Крамер

50 дней
до моего
самоубийства

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Ее зовут Глория Макфин. Она обычный подросток с типичными для ее возраста проблемами. И у нее осталось 50 дней для того, чтобы решить, жить ей или умереть.

- [Стейс Крамер](#)
 - [Часть 1](#)
 -
 - [Day 1](#)
 - [Day 2](#)
 - [Day 3](#)
 - [Day 4](#)
 - [Day 5](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Day 6](#)
 - [Day 7](#)
 - [Day 8](#)
 - [Day 9](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Day 10](#)
 - [Day 11](#)
 - [Day 12](#)
 - [Часть 4](#)
 - [Day 13](#)
 - [Day 14](#)
 - [Day 15](#)
 - [Day 16](#)
 - [Day 17](#)
 - [Часть 5](#)
 - [Day 18](#)
 - [Day 19](#)
 - [Day 20](#)
 - [Day 21](#)
 - [Day 22](#)
 - [Day 23](#)
 - [Часть 6](#)
 - [Day 24](#)
 - [Day 25](#)
 - [Часть 7](#)
 - [Day 26](#)
 - [Day 27](#)
 - [Day 28](#)
 - [Day 29](#)
 - [Часть 8](#)
 - [Day 30](#)

- [Day 31](#)
 - [Day 32](#)
 - [Day 33](#)
 - [Часть 9](#)
 - [Day 34](#)
 - [Day 35](#)
 - [Day 36](#)
 - [Часть 10](#)
 - [Day 37](#)
 - [Day 38](#)
 - [Day 39](#)
 - [Часть 11](#)
 - [Day 40](#)
 - [Day 41](#)
 - [Day 42](#)
 - [Day 43](#)
 - [Часть 12](#)
 - [Day 44](#)
 - [Day 45](#)
 - [Day 46](#)
 - [Day 47](#)
 - [Часть 13](#)
 - [Day 48](#)
 - [Day 49](#)
 - [Day 50](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Стейс Крамер

50 дней до моего самоубийства

Мысль о самоубийстве – могучее утешение, с ней проживаешь много трудных ночей.

Фридрих Ницше

Часть 1

Rise (Восход)

Даже и не думайте о том, что я написала данный рассказ, дабы показать, что самоубийство – решение всех проблем. Это вовсе не так.

Я думаю, что каждый человек хотя бы раз задумывался о суициде. Когда нам плохо, когда у нас депрессия, когда мы ссоримся с родными – нас посещает мысль о том, что больше нет смысла так жить. Людям будет намного лучше без меня. Именно эта мысль и посетила героиню моего рассказа. Здесь будут описываться 50 дней ее жизни. Эти дни помогут ей решить: стоит ли жить или действительно лучше умереть.

В данном рассказе есть некие сцены насилия, также ненормативная лексика. Если вы не поддерживаете тему «Жить или умереть?», то лучше вам не приступать к чтению, дабы не потерять личное время.

Также прошу заметить, что ВСЕ ПЕРСОНАЖИ И СОБЫТИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ВЫМЫШЛЕННЫМИ, ЛЮБОЕ СХОДСТВО С РЕАЛЬНО СУЩЕСТВУЮЩИМИ ЛЮДЬМИ – СЛУЧАЙНО.

Приятного чтения.

Ты – не кошка. У тебя не будет в запасе еще восемь жизней. Поэтому живи так, чтобы после твоей смерти тебя еще долго вспоминали.

– Глория, Глория, хватит спать!!!

Да, мое обычное утро начинается именно так, мама кричит на весь дом так, что вся Флорида слышит, по дому витает запах горелых блинчиков, и слышны почти бесшумные шаги папы, который делает вид, что ничего не замечает.

Дорогой дневник!

Осталось ровно 49 дней до того, как я сделаю это. За эти дни я должна либо найти причины, чтобы полюбить эту жизнь, либо полностью удостовериться в том, что я не зря решила покончить с собой. Сегодня пятница, последний день учебы, а значит, я могу со спокойной душой отправиться к бабушке. Я не навещала ее целый год и думаю, что это будет неправильно, если перед своей смертью не увижу ее в последний раз. Так что основной план на сегодня – это вымолить у мамы, чтобы она меня отпустила к бабуле.

День I. Глория Макфин

Я пулей бегу в душ, затем быстро расчесываю волосы, совсем забываю про макияж, одеваю первое, что попало в шкаф, и быстрыми шагами спускаюсь по лестнице и прихожу на кухню.

– Ты в курсе, что уже опоздала на первый урок?

– Да, мам, – отвечаю я маме, и в это же время заталкиваю в свой рот горелый блинчик с клубникой.

– Ты, что опять смотрела до полуночи свой дебильный сериал?!

– Нет, мам, конечно нет. Да и к тому же он уже закончился, – я так люблю врать маме, на самом деле я каждую ночь смотрю этот сериал, если я пропускаю одну серию, то у меня сразу же начинается ломка, как у наркомана со стажем. Именно поэтому я просыпаю и опаздываю на первые уроки в школе. Мама уже к этому привыкла, но ее не перестает это раздражать.

На кухню заходит папа.

– Доброе всем утро, я убегаю на работу, – папа берет блинчик и пулей уходит из дома.

– Не, ну ты видела это? Почему он всегда делает вид, будто у нас все хорошо, хотя это абсолютно не так, почему?!!!

Я честно не знаю, что ответить маме, единственное, что я знаю, так это то, что они ненавидят друг друга. И с каждым днем я в этом все больше и больше убеждаюсь. Это одна из причин, почему я решила свести счеты с жизнью. Дело в том, что у нас была отличная семья, мы жили практически без ссор, и даже если они и были, то рано или поздно все заканчивалось и мы снова любили друг друга. Но однажды папа изменил маме со своей начальницей. Я не знаю, как это получилось, но я точно уверена в том, что папа был пьян, ибо на трезвую голову он бы точно не смог этого сделать. Затем мама каким-то образом узнала об этом и в отместку изменила папе с его братом. ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ?! Папа узнает об этом, и с этих пор у нас в доме царят бесконечные скандалы. Мама обвиняет папу, папа обвиняет маму, и так каждый день. Теперь я живу в доме ненависти и недоверия. Да и к тому же, через месяц у них развод. И от этой мысли я просто схожу с ума, я люблю их обоих, но после развода они начнут делить меня. Естественно я останусь жить с мамой, но я никак не могу смириться с той мыслью, что мне придется видаться с папой только по выходным или еще реже.

– Ладно, мам, я пойду в школу... и кстати, можно я после школы поеду к бабушке?

– Что ты там у нее забыла?

– Я просто хочу ее навестить.

– Ты попрешься через весь город, чтобы навесить женщину, которая из-за своей гребанной работы не может нам позвонить хотя бы раз в неделю?

– Ну... да.

– ...делай, что хочешь, – устало ответила мама.

– Спасибо!

Я выбегаю из дома. Нажимаю на кнопку выдвижных ворот, но они не открываются. Черт! Опять заел этот гребанный механизм.

Я перекидываю свою четырехкилограммовую сумку с учебниками через ворота и залезаю наверх. И тут срабатывает механизм, и ворота открываются! Еще одна причина моего будущего самоубийства – я неудачница. Причем с большой буквы «Н». Это же надо, я сижу, как дура на этих воротах, и они открываются. Я падаю на землю, роняю телефон, затем смотрю на часы и понимаю, что опаздываю уже на второй урок. Какой ужас! Это же урок истории у миссис Норбери. Она очень злая, и из-за нее у меня могут начаться серьезные проблемы. К счастью школа находится очень близко от моего дома. Я бегу по школьному двору, наконец-то добегаю до центрального входа, со всей силы открываю дверь и... это кошмар какой-то. Я СШИБАЮ ДВЕРЬЮ МИССИС НОРБЕРИ! Я же говорю, я – законченная неудачница. Миссис Норбери падает, из ее сумки разлетается куча бумаг, я, в страхе, с дрожащими руками начинаю все собирать.

– Миссис Норбери, простите меня, я не хотела!

– Макфин! Что это было?!

– П-простите.

Норбери встает, оттряхивается и берет из моих рук свою сумку.

– Я так понимаю, ты опаздываешь на мой урок?

– Миссис Норбери, – говорю я дрожащим голосом, – понимаете, у нас дома выдвижные ворота, ну знаете, чтобы их открыть нужно нажать на специальную кнопку. Так вот эти ворота сломались, и мы с мамой целый час ждали пока к нам приедут мастера и починят их.

– ...ну что ж, очередное убедительное вранье. Ладно, иди бы стро в класс!

Господи, ну почему это случилось именно со мной. Хорошо, что все закончилось не визитом к директору.

Я наконец-то нахожу кабинет истории. Класс сходит с ума без учителя. Кто-то танцует на партах, кто-то говорит по телефону, кто-то тупо ржет. Не могу сказать, что у нас плохая школа, но учатся здесь далеко не прилежные люди. Год назад нашу школу хотели закрыть из-за того, что одна тринадцатилетняя девочка забеременела! Seriously, она была беременна от какого-то старшеклассника, но это неважно, важно то, что школу всерьез могли закрыть, но директор каким-то образом уладил это дело.

– Лори, где ты была?

О-о, узнаю этот нежный блондинистый голос. Это голос моей лучшей подруги Тезер Виккери. Она – самая популярная девушка в школе, ее хотят все парни, и с ней хотят дружить все девочки. Но не тут-то было, мы с Тез дружим с яслей, мы вместе выросли, вместе пошли в подготовительный класс и в школу. У нее отличная фигура, внешность, да и к тому же она очень кокетлива, и именно это и сделало ее такой популярной. Чего не скажешь обо мне. Я – полная противоположность Тезер. У меня русые волосы – у Тезер золотистые. У меня ужасная фигура. Внешность обычная, ничем не примечательная. Однако Тез всегда мне говорит, что я красивая и чтобы я не отчаивалась. Наверное за это я ее и люблю. Все девочки мне безумно завидуют, что я дружу с ней. Хотя на самом деле она жуткая стерва. Тез любит подстебывать новеньких, издеваться на страшными и толстыми, но со мной и со своим парнем Мэттом она ведет себя словно ангел. Кстати о Мэтте – это шикарный парень, он играет в регби, и поэтому у него

красивые накаченные руки, а еще он высокий, красивый и... я его люблю. Да, я понимаю, это звучит ужасно, но я люблю парня своей лучшей подруги. И причем довольно давно.

Но я стараюсь делать вид, что ничего не чувствую к нему и от этого мне становится еще тяжелее.

Итак, вернемся в кабинет истории.

– Я проспала.

– О-о, и очень зря. Первым уроком была биология, и мистер Фитч надел свою новую сексуальную рубашку. Ты бы его видела, – завывала Тез.

Мысли Тезер всегда о парнях и о моде. В то время как в моей голове только мысли как безболезненно уйти из жизни и успеть померить родителей.

В одну секунду мой пульс начал безумно учащаться, потому что к парте подошел Мэтт. Боже, какой у него сегодня одеколон! Я готова нюхать его вечность.

– Тез, Лори, мы с парнями сегодня устраиваем вечеринку в бассейне, вы приглашены, – Мэтт улыбается и целует Тез.

– Отлично, мы придем, да, Лори?

– Э-м-м, нет, я не смогу, я уезжаю к бабушке сразу после школы.

Благодаря дружбе с Тез я каждый раз бываю на крутых вечеринках, куда приглашены только избранные, поэтому ничего страшного, если я пропущу эту тусовку.

– Зачем? Предки заставили?

– Нет, я сама хочу...

– Ясно, ну что ж, значит на этот раз мы повеселимся без тебя, да. Тез?

– Да, любимый, – они снова начинают целоваться, но, к моему счастью, в кабинет наконец-то заходит миссис Норбери и начинает урок.

Заветный звонок на перемену. Из-за сорокаминутной лекции Норбери про «холодную» войну, я уже начала засыпать.

Мы с Тезер направляемся в столовую, в то место, где сплетни размножаются за считанные доли секунд, где происходят самые убийные драки и где проходят самые отстойные школьные вечеринки.

– Кстати, я хотела тебе что-то сказать, но забыла, – сказала Тез и затем внимательно меня осмотрела, – а, вспомнила! Что за ужасный джемпер на тебе? Ты же знаешь, коричневый цвет тебе не идет.

– Я же опаздывала, пришлось надеть первое, что попало под руку.

Тез снимает с себя свою розовую кофту и остается в одном черном топе.

– Возьми, – Тезер протягивает мне кофту.

– Тез...

– Быстро надень ее, иначе меня стошнит на твой джемпер! Как я уже говорила, Тез всегда думает только о моде, поэтому я всегда стараюсь так же следовать новинкам, но без проколов как всегда не обойтись. Я надеваю ее кофту.

– Так лучше? – спрашиваю я Тез.

– Намного, – мы берем друг друга за руки и заходим в столовую.

Мы подходим к столу и как всегда берем еду по бессменному меню: салат из шпината (такая гадость, но Тез говорит, что мне нужно его есть, иначе я совсем располнею), две булочки с кунжутом и диетическая содовая.

– Лори, смотри как на тебя смотрит наш король прыщей. Под «королем прыщей» Тез имеет в виду Чеда Маккупера. Это обычный парень с сыпью на лице, со смазливой внешностью, в очках, я слышала, что он раз десять побеждал в олимпиаде по анатомии. Кошмар, мне казалось, что люди, которые разбираются в подобных науках уже давно вымерли, оказалось, напротив. Но

это еще не самое страшное – весь ужас в том, что в этом году на День святого Валентина он подарил мне валентинку. КОРОЛЬ ПРЫЩЕЙ ПРИЗНАЛСЯ МНЕ В СИМПАТИИ. Это была единственная валентинка в моей жизни, и это еще одна причина моего планируемого самоубийства – я никогда никому не нравилась, а если даже и нравилась, то это были парни наподобие Чеда, такие же страшненькие, но достаточно умные. К сожалению, мне нравятся такие парни, как Мэтт, – красивые, высокие, а главное такие, чтобы когда идешь с ним под руку через всю школу, все девчонки просто таяли от зависти. Но увы, такие парни, как Мэтт, встречаются лишь с такими девушками, как Тезер. Итак, вернемся в столовую.

– О, боже. Тез, прекрати.

– Знаешь, что, подойди к нему и скажи: «Привет, Чед, как дела?», – а потом сексуально оближи верхнюю губу.

– Зачем мне это делать?

– Я просто хочу посмотреть на его реакцию. Давай!

– Нет, Тез, пожалуй, сегодня мы обойдемся без этого.

– О-о, какая же ты скучная.

Мы с Тез садимся за самый элитный столик. Он элитный, потому что находится в самом центре столовой, все же остальные расположены по бокам, так что мы с Тезер как всегда в центре внимания. Мое сердце снова начинает стучать, как бешеное, ибо к нашему столику приближается Мэтт. На нем спортивная футболка для игры в регби, она так сильно его обтягивает, что я вижу каждый изгиб его мышц. Господи, ну почему у него нет брата-близнеца, тогда бы я без всяких сомнений начала с ним встречаться.

– ЕЩЕ раз привет, – говорит Мэтт.

– А разве ты не должен быть сейчас на тренировке?

– Да, но я решил заскочить сюда и сказать, что я люблю тебя. Тез встает со стула, Мэтт садится, и Тезер присаживается ему на колени, а затем они начинают снова целоваться. Вы только представьте, каково это видеть, как твоя лучшая подруга целуется в засос с парнем, которого ты любишь. Я думаю, что сейчас взорвусь от ревности, поэтому нужно не медлить, а быстро уходить.

– Э-м-м, Тез, я пойду на математику, хорошо?

Тезер даже не услышала меня, ну конечно, если бы меня целовал ТАКОЙ парень, я бы тоже никого не слышала, а просто оказалась бы в раю.

Я нервно встаю со стула, беру поднос, оборачиваюсь и... СТАЛКИВАЮСЬ С ЧЕДОМ ЛИЦОМ К ЛИЦУ. Он опрокинул на меня апельсиновый сок и тарелку с кетчупом. Вся кофта Тезер была в какой-то непонятной смеси.

– О боже, Чед!!!

– Прости, прости, я не хотел.

Тез наконец-то спускается с небес на землю.

– Это же моя кофта, ты что, совсем слепой?!!!

– Я нечаянно... я, я не видел.

– Ладно, Тез, я отнесу ее в химчистку, – сказала я.

– Пойдем, – мы уже направляемся к выходу, как слышим Мэтта. Он обращается к Чеду.

– Если ты еще раз хотя бы на метр подойдешь к этому столику, будешь соскребывать свои мозги с потолка, понял?!

Чед начал что-то мямлить в ответ, Мэтт плюет ему в лицо, все начинают смеяться над королем прыщей, а Мэтт с гордо поднятой головой направляется к нам. И хоть он сейчас поступил как самая настоящая скотина, он мне начал еще сильнее нравиться.

– Мэтт, я тебя обожаю.

– Тез, мне жаль твою кофту, – сказала я, чтобы прервать их идиллию.

– Да ладно, брось, у меня их миллион. Просто нужно было проучить уродца, – Тезер язвительно улыбнулась и пошла дальше.

«Проучить уродца», эти слова меня зацепили, как будто она это сказала про меня. На самом деле Чед вовсе и не уродец. Если ему сделать стрижку, как у Мэтта, дать нормальную одежду, снять с него рубашки его дедушки, и представить его без сыпи и очков, то он окажется таким же шикарным, как Мэтт. Ну, может и не таким уж и шикарным, но более менее.

Урок математики. Мисс Лоренс как всегда злющая, как собака Баскервилей, ходит по кабинету и раздает результаты теста.

– Результаты довольно неутешительные. Кроме Аманды – у тебя отлично. Карл, у тебя как всегда неудовлетворительно, Тезер – четыре с минусом. Глория – три.

– Как, три?!

– Расчет верный – ответ нет.

– Черт.

– Да ладно тебе, не расстраивайся. Это всего лишь математика, в ней разбираются только неудачники, – утешительно сказала Тез.

– Хотела бы я быть этим неудачником.

Остальную часть урока я вновь провела в полусонном состоянии. Я закрываю глаза и уже не могу их открыть, единственное, что спасло меня – это звонок с урока. Все уже начали расходиться, как меня окликнула мисс Лоренс:

– Макфин, задержись, пожалуйста, на пару минут.

– Я буду ждать тебе на улице, – сказала Тез.

– Хорошо, – ненавижу, когда меня оставляют после урока, – мисс Лоренс, что-то не так?

– Все не так. Посмотри на свою успеваемость. Она значительно снизилась.

– Да... я знаю, я буду стараться.

– Глория, скажи, у тебя дома все в порядке?

– ...простите?

– Может быть, родители ссорятся, или что-то еще?

– У меня дома все в порядке, мисс Лоренс.

– Раз так, значит, я навещу вас в следующий вторник. О нет, только этого мне еще не хватало!

– ...зачем? то есть мои родители будут заняты.

– Я оповещу их заранее. Можешь идти.

Я, ошеломленная, выхожу из кабинета и иду на улицу. Тезер с кем-то разговаривала по телефону, но, увидев меня, сразу закончила разговор.

– Что она от тебя хотела?

– Она придет ко мне домой в следующий вторник.

– Какой ужас. Вот стерва! – ...да уж.

– И что теперь? Родители сильно будут ругаться?

– Тез, я боюсь не этого. В моем доме царит настоящий ужас, родители ненавидят друг друга, кричат, пререкаются, и если Лоренс увидит это, то не исключено, что меня направят к школьному психотерапевту и по школе поползут слухи.

– Тез, давай быстрее! – кричит Мэтт, сидя в своей машине.

– О... Мэтт, мы едем на вечеринку. Ты не сильно расстроишься, если мы не поговорим сегодня?

– Конечно, нет.

– Люблю тебя, – Тез обнимает меня и шепчет на ухо, – все будет классно, слышишь? Ведь

мы с тобой самые клевые.

– Пока.

Тезер садится в машину и уезжает, я, не медля, бегу на школьную остановку, чтобы успеть на свой автобус. Интересно, как бабушка отнесется к моему визиту, я же, кстати, совсем не успела ее предупредить. Я залезаю в автобус, иду прямиком на последнее место, вставляю наушники в уши и, наконец, засыпаю.

Резкий поворот, капли дождя надоедливо стучат по стеклу, я спала всю поездку и чуть не проспала свою остановку. Похоже, как только я вышла из автобуса, дождь решил мимолетно усилиться. Я снимаю с плеч рюкзак, кладу его на голову и в таком виде быстро бегу до дома бабушки. Она живет в самом конце города, поэтому чтобы до нее добраться, нужно ехать почти два часа на автобусе и еще плюс полчаса добираться пешком до ее дома.

Я уже чувствую, как капли дождя медленно проникают внутрь кожи, я начинаю нервно дрожать под ливнем, но я все-таки добираюсь. Несколько раз звоню в дверь, но никто не открывает, и даже не слышно шагов. Я звоню еще несколько раз, но опять ничего. Возможно, бабушка сейчас в отъезде, но на этот счет у меня есть запасной план. Так как обратно домой я точно не попаду из-за такой погоды, я отламываю ветку дерева и начинаю приподнимать окно, таким образом, я открываю его и проникаю в дом.

– Бабушка? – спрашиваю я, чтобы удостовериться, что дома точно никого нет.

Ладно, подожду ее. Я снимаю холодную мокрую одежду, переодеваюсь в белый махровый халат и иду в душ. Господи, нет ничего лучше, чем горячий душ в такую мерзкую погоду. Вообще я обожаю быть у бабушки. По крайней мере здесь всегда тихо, спокойно, никаких ссор, с бабушкой можно всегда поговорить на любую тему, и она всегда поймет и поддержит. Именно поэтому перед своей смертью я хочу провести уикенд с ней. Потому что это, наверное, единственный человек, который меня любит. Я смываю с тела гель для душа и слышу, как открывается дверь в ванную, а затем... Я СЛЫШУ МУЖСКОЙ ГОЛОС.

– О-о, ты уже вернулась.

Я начинаю кричать так, будто мне вспарывают живот, тот тоже начинает кричать, а затем выбегает из ванной и закрывает дверь.

Кто это?! Что это за мужик в бабушкином доме? Мое сердце начинает безумно колотиться, я выключаю воду, быстро набрасываю на себя халат. И слава богу у бабушки в ванной есть телефон. Я звоню ей.

– Алло.

– Алло, бабушка, это я.

– Глорис, детка, как же я соскучилась, – она всегда неправильно произносит мое имя.

– Бабушка, я сейчас в твоём доме, но тут какой-то странный мужчина!!!

– А-а, это Максимилиано, мы познакомились с ним в Италии.

– Я тебя не понимаю.

– Мы с Максом живем вместе уже два года, я никак не решалась об этом сказать вам с Джоди, но раз уж так получилось, то...

– Что?..

– Он очень милый, надеюсь, вы с ним подружитесь.

– Ладно, я тебе перезвоню.

У моей пятидесятипятилетней бабушки появился молодой любовник? Час от часу не легче. Я открываю дверь ванной, снаружи никого нет. Я тихими шагами иду вперед и слышу какой-то шум за входной дверью. Я открываю ее и... ВИЖУ ЦЕЛЫЙ НАРЯД ПОЛИЦИИ ОКОЛО ВХОДА. Что за?..

– Вот она! Это она прокралась ко мне в дом! – кричит Макс.

– Леди, поднимите руки, иначе мы вынуждены будем применить силу, – говорит полицейский.

– Подождите, это недоразумение!

– Как же меня достали эти малолетние воры, арестуйте ее бы стрее и позвоните родителям, – сказал Макс.

Полицейский начинает надевать на меня наручники.

– Слушайте, я сейчас все объясню.

– Вы все объясните в камере, леди.

– Я НЕ ВОРОВКА. ЭТО ДОМ МОЕЙ БАБУШКИ!

– Что? У Корнелии нет детей и уж тем более внуков.

– У нее есть дочь, а я ее внучка!

– Сэр, вы понимаете, о чем она говорит?

– Если честно, не очень.

– Я только сейчас звонила ей и она сказала, что вас зовут Макс, и вы уже два года живете с ней вместе.

Макс стоял с ошарашенным видом.

– Думаю, что это действительно недоразумение, – обратился он к полицейским.

Отличный день, просто с ума сойти. Меня чуть не забрали в полицию.

Наконец все нормализовалось, мы сидим с Максом на кухне, он молчит, я смотрю на него. На вид ему лет двадцать пять. ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, У НИХ РАЗНИЦА В ВОЗРАСТЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ! Молодец, бабуля.

– Я не понимаю, почему Корнелия не рассказала мне про свою дочь и тебя.

– Не знаю, она нам тоже не рассказывала про вас...

– Ладно, хорошо, что она завтра утром возвращается, и нам с ней предстоит серьезный разговор.

– Макс, можно я останусь на ночь, а то мы живем в сорока милях отсюда, а автобусы уже не ходят.

– Да, конечно. Пойду приготовлю тебе чистую постель.

А он, оказывается, на самом деле милый, как говорила бабушка.

Дорогой дневник!

Осталось 48 дней. Сейчас я нахожусь у бабушки. Вчерашний день был полон потрясений, в частности одно из них – БАБУШКА ЖИВЕТ С ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИМ ПАРНЕМ. Я, конечно, понимаю, каждый имеет право на счастье, но почему-то мне эта новость не дает покоя. Я даже не могла сегодня уснуть, в голове мысли о предстоящей смерти, плюс о скором визите мисс Лоренс и о любовных интрижках бабушки. А еще этот проклятый дождь, он так противно барабанил по крыше, что я смогла уснуть лишь к утру, когда он, наконец, закончился. Сейчас я слышу какой-то шум на кухне, думаю, нужно на время забыть о своем разбитом полусонном состоянии и пойти проверить, что там.

День второй. Лори

Я, не успев снять пижаму, выхожу из своей комнаты. Кстати о комнате, что мне в ней всегда нравится, так это то, что бабушка никогда в ней ничего не меняет, в отличие от мамы, которая всегда так и норовит что-нибудь изменить в моей комнате. Моя комната в бабушкином доме это небольшой отрывок детства, тут все те же нежные розовые занавески, аккуратно сложены на полке мои любимые книги, которых я уже раз двести перечитывала, когда гостила у бабушки, мой любимый комод с зеркалом. А на нем, на тех же местах, сидят мои игрушки. Знаю, это звучит смешно, шестнадцатилетняя девушка рассуждает о своей комнате так, будто ей десять. В общем, как я уже говорила, мне нравится быть у бабушки, только здесь я окунаюсь с головой в хорошие воспоминания и забываю обо всех тех гребанных подростковых проблемах.

Я захожу на кухню и вижу, как бабушка разговаривает с Максом, они явно чем-то раздражены, но я решаю прервать их разговор.

- Бабушка, с приездом!
- Глорис, родная моя! Дай я тебя обниму.
- Я – Глория, когда ты уже наконец выучишь мое имя.
- Как там Джоди, Дэвид?
- Нормально, по-прежнему ненавидят друг друга.
- Я думаю, ты уже познакомилась с Максом.
- Да... познакомилась, а ты мне ничего не хочешь рассказать?
- Глория, ты уже взрослая и должна меня понять. Мы с Максом любим друг друга.
- Это... конечно, замечательно, но, а как же мама? Рано или поздно она узнает.
- Я это прекрасно понимаю, и я уже все решила. Раз уж подвернулся такой случай, то я объявлю о своих отношениях с Максом сегодня.
- Прямо сегодня? – спросил Макс.
- Да, мне надоело тянуть. Моя дочь должна наконец узнать, что ее мать счастлива.
- Ну что ж, возможно это и лучше, чем постоянно ото всех скрываться.
- Да, и я думаю, было бы неплохо, если бы мы все вместе собрались и провели этот уикенд в нашем старом доме у озера, ты помнишь его, Глория?

О нет, только не это! С этим домом у меня связано то, от чего я пытаюсь убежать уже полжизни. На самом деле, это банальная история невзаимной любви. С самого рождения я ездила отдыхать в этот дом. Там очень красиво, густой лес, повсюду небольшие домики и огромное озеро. Я проводила там каждое лето. Но была одна проблема – мне совсем не с кем было дружить. Нет, там конечно были ребята моего возраста, но я сама по себе замкнутая, и

знакомиться первой – это не по мне. И вот однажды я сидела на лодочной станции, и ко мне подошел мальчик, он заговорил со мной, заставил меня смеяться, и так мы провели весь день вместе. Как оказалось, его зовут Адам, он живет с отцом в старом полуразваленном доме, его мать умерла еще после родов. Но, несмотря на всю жуткую ситуацию, он оставался очень милым, веселым. Каждый день, каждую минуту мы проводили с ним вместе. И да, мне тогда было где-то лет шесть, я была полненькая, с дурацкими кудрявыми волосами, они тогда еще были непонятного рыжеватого оттенка, на лице была сыпь, видно какая-то аллергическая реакция на цветение травы, я еще носила уродливые очки, у меня с рождения плохое зрение, но теперь я ношу линзы.

В общем, вы представили, каким уродцем я была, но Адам не замечал этого, он дружил со мной, несмотря на эти изъяны. Я безумно сильно ждала лета, чтобы отправиться туда и вновь погулять с Адамом. Но однажды я поняла, что это уже не дружба, я влюбилась в него, причем это первая моя любовь. Когда мне исполнилось десять лет, я решила перестать стесняться своих чувств и сказала Адаму, что я люблю его. Он ответил мне тем же, и так мы стали жить и любить друг друга, несмотря на такой совсем юный возраст. ХА, ШУЧУ, ОН РАССМЕЯЛСЯ МНЕ В ЛИЦО, А ПОТОМ РАССКАЗАЛ ВСЕМ ДЕРЕВЕНСКИМ РЕБЯТАМ ОБ ЭТОМ, И ВСЕ НАЧАЛИ НАДО МНОЙ СМЕЯТЬСЯ. Если бы вы только представили, какую боль я испытала, мой друг детства высмеял меня перед всеми. И с этих пор я больше никогда не приезжала туда, я старалась как можно быстрее забыть этого мерзавца, разбившего мое сердце, но, признаюсь, сделать это было довольно не просто. И вот прошло шесть лет, и я снова вспоминаю об Адаме, и мне вновь становится плохо, как тогда.

– Бабушка, а... может, мы лучше соберемся все вместе у тебя или у нас, или в каком-нибудь хорошем ресторане?

– Я представляю, какой стресс переживет Джоди после такой новости, а лес и озеро немного успокоят ее нервишки.

– По-моему, это отличная идея, Корнелия, – проямлил Макс.

– ...да, просто потрясающая... – соврала я.

Ну а теперь я расскажу о наших сборах вкратце. Бабушка быстро позвонила маме и сказала, чтобы они с папой ехали к тому дому, Макс в это время собирал вещи и еду. А может быть, это и к лучшему, что мы туда едем. По крайней мере, перед смертью стоило бы поехать в то место, где я пережила первую любовную трагедию.

За рулем Макс, рядом с ним бабушка, а я растянулась на заднем сидении и смотрю в боковое стекло. Я боюсь представить реакцию моей матери. Она же законченная истеричка, испортит нам весь уикенд. Меня уже начинает клонить в сон, как вдруг я слышу мелодию своего телефона. Это звонит Тез.

– Привет, как выходные?

– Вроде нормально, а твои?

– Родители заставили весь уикенд заниматься с репетитором по французскому. Такой отстой. Но у меня есть для тебя хорошая новость.

– Держись там, что за новость?

– Родители Мэтта в среду уезжают в Калифорнию, и весь его дом остается полностью в нашем распоряжении. Мы решили устроить небольшую вечеринку.

– Небольшую? Разве вы умеете устраивать небольшие вечеринки?

– Представь себе. Мы решили устроить вечеринку для влюбленных пар.

– Но я...

– ...а для тебя у нас есть особое исключение, ты можешь прийти либо одна, либо привести кого-нибудь. Как хочешь. Но отказы мы не принимаем.

– Ладно, посмотрим, – я отключаю телефон.

Через двадцать минут мы подъехали к озеру. Дорога к дому заросла травой с человеческий рост, поэтому пришлось остановиться в пятистах метрах от него. Я выхожу из машины и вижу разъяренную маму. На голове у нее черт ногу сломит, одежда вся какая-то грязная.

– Ну наконец-то... – провопила мама.

– Джоди! – бабушка вылезла из машины и направилась обнимать маму.

– Привет, мам.

– Здравствуйте, Корнелия! – сказал папа.

– Дэвид, здравствуй. О-о, ты так похудел, занялся спортом?

– Нет, что вы. Это просто ваша дочь высосала из меня все соки.

– Дэвид, а не пора ли бы тебе заткнуться, – огрызнулась мама.

– Как добрались? – спрашивает бабушка.

– Просто замечательно! – говорит мама. – На полпути у нас сломалась машина, Дэвид как всегда забыл отвезти ее в ремонт, хотя я каждый день ему напоминала об этом, но он же меня вечно не слушает.

– Дорогая, у меня просто была куча работы, я забыл.

– У меня тоже куча работы, но я никогда ничего не забываю! Так вот, мы пять километров прошли пешком, а потом, к счастью, нас подобрал старый раздолбанный пикап!

– Джоди, ты когда-нибудь можешь быть в нормальном настроении?

– Я бы была в нормальном настроении, если бы у меня был нормальный муж, а не чертов изменщик! – прокричала мама. – Так, а вы что стоите? Быстро отнесите все сумки в дом, – обратилась она к Макс, видимо принимая его за бабушкиного водителя.

– Слушаюсь, мэм, – подыграл Макс и понес сумки.

– Ну что ж, пойдете в дом, а то я чувствую, что мы скоро зажаримся на этом солнце, – сказала бабушка.

Мы все дружно берем оставшиеся сумки и направляемся к дому.

Ну вот, очередная ссора мамы и папы. Как я уже говорила, у нас такое наблюдается каждый день. Но, к сожалению, я до сих пор не могу к этому привыкнуть. Если бы вы только знали, как я хочу мира в своем доме.

Мы заходим внутрь дома, это небольшое деревянное здание, со старыми, даже немного пожелтевшими окнами, в этом доме, если я не ошибаюсь, жила моя прапрабабушка.

– По-моему, его пора уже снести, – говорит мама.

– Нет, ты что, с ним связано столько воспоминаний, – ответила бабушка.

– Давно мы здесь не были, – сказал папа.

– Очень давно, поэтому я и решила провести этот уикенд здесь.

Я решаю не мешать их разговору и поднимаюсь на второй этаж дома. Дом такой ветхий, что стоит сделать маленький шаг, как сразу начинают противно скрипеть доски. На втором этаже куча комнат, но большинство из них заколочены досками, не знаю, почему. Из нескольких дверей я узнаю дверь своей комнаты. Я вхожу в нее. Если не замечать пыль, многочисленные паутины и запах гнилых досок, то здесь довольно-таки мило. Тут даже сохранились мои старые настенные рисунки, ну знаете, все же дети любили рисовать на стенах, в тайне от родителей. Что я здесь особенно люблю, так это шикарный вид из окна. Перед глазами расстилается вид на озеро, окружающие его ели, какие-то еще незнакомые деревья, можно весь день любоваться этим пейзажем.

Спустя полчаса я спускаюсь вниз, родители уже разложили еду на столе и протерли стулья от пыли.

– Я жутко голодна, – сказала мама.

– Так, давайте рассаживаться по местам, – предложила бабушка.

Я уже в предчувствии того хауса, который меня ожидает через несколько минут, сажусь за стол и как ни в чем не бывало накладываю себе на тарелку куриные крылышки.

– Ну что ж... Джоди, Дэвид, Глория, я должна вам кое-что сказать, – говорит спокойным, но дрожащим голосом бабушка. – Познакомьтесь, это Макс. Мы любим друг друга и собираемся пожениться.

ПОЖЕНИТЬСЯ?!!! У моей бабушки начался маразм!!!

– Что... что она только что сказала? – еле-еле выговорила мама.

– Джоди, я хотела тебе об этом давно сказать, но все не решалась.

– Мама, ты что совсем с ума сошла?!!!!

– Нет, я абсолютно вменяема.

– Да ты хоть знаешь сколько ему лет?? Он же тебе в сыновья годится. Интересно, он еще хоть школу закончил или нет??

– Я... – хотел сказать Макс, но мама его перебивает:

– Заткнитесь!!! Мама, я терпела всех твоих любовников, но это уже перебор!!!

– Джоди, я думала, ты меня поймешь, ведь я не могу быть вечно одна!

– А я думала, ты любишь папу, и даже после его смерти останешься ему верна... – наступает минутное молчание. – Желаю вам счастья, но на свою свадьбу меня можете не звать! – мама разворачивается и уходит на второй этаж.

– Господи, что я натворила, – на глазах бабушки появляются слезы.

– Корнелия, успокойся, все будет хорошо, – Макс обнимает бабушку.

– Пойду покурю, – говорит папа.

– Бабушка, ну ты же знаешь, как на это отреагирует мама, я уверена, что она скоро смириться с этим.

– Я тоже на это надеюсь.

Мне не впервой оказываться в семейных сценах, но в этой ситуации мне почему-то особенно трудно. Я не знаю, как успокоить бабушку и маму. Это словно находиться между двумя атомными бомбами. В конце концов я решаю просто прогуляться, в надежде, что они сами без меня разберутся. Я быстренько переодеваюсь в купальник и бегу на озеро.

Странно, из окна дома оно казалось намного шикарнее, чем вблизи. Во-первых, оно практически все заросло, во-вторых, оно стало как-то меньше, что ли, но я все равно собираюсь окунуться, потому что на улице, несмотря на осень, очень жарко.

Я отплываю от берега и начинаю наслаждаться тишиной, вокруг ни единой души. Я здесь одна, и от этого мое настроение начинает улучшаться. Но радоваться мне оставалось недолго. Я доплываю до середины озера И ЧУВСТВУЮ, ЧТО МОЯ НОГА ЗА ЧТО-ТО ЗАЦЕПИЛАСЬ НА ДНЕ. Я начинаю ее дергать, но ничего не получается. Затем я чувствую, как потихоньку погружаюсь под воду, в уши начинает заливаться вода, меня что-то тянет вниз. Мне становится безумно страшно, я начинаю барахтаться, но чувствую, что уже захлебываюсь.

– Помогите!!! – кричу я, рот полон воды, еще чуть-чуть и она дойдет до носа. – Кто-нибудь!!!! – я понимаю, что зря кричу, ведь рядом никого нет. Я начинаю еще сильнее барахтаться, но внезапно вдыхаю носом, и по воздухоносным путям пошла вода... я теряю сознание...

В голове стоит какой-то непонятный шум. Я открываю глаза, все вокруг мутное, мне начинает нехватать воздуха, я глубоко вдыхаю, и из моего рта полилась вода. Я переворачиваюсь и осознаю, что лежу на земле. Вода продолжает выходить из меня, такое ощущение, что меня рвет. Господи, что это было вообще.

– Эй. Ты как?

Какой-то незнакомый парень сидит около меня.

– Я в порядке, в порядке, – говорю я, заглатывая воздух.

– Может, доктора позвать?

– Нет, не надо... спасибо.

Наконец-то муть в глазах пропадает, и я могу нормально разглядеть парня. Это очень смуглый паренек, видно, местный, с темными волосами, карими глазами, он тоже меня начал внимательно рассматривать, но нашу идиллию прерывает голос бабушки.

– Глория, ты в порядке?

– Глория? Красивое имя, – улыбается парень. Он спас меня. Прямо как в романтическом фильме. Это так волнительно, я могла уже сегодня умереть, но он спас мою жизнь.

– А как зовут моего спасителя? – кокетливо спрашиваю я.

– Я... Джейк. Мне не впервой спасать приезжих. В этом озере лет пять никто не купается, из-за того, что оно мелеет, а повсюду расставлены рыболовные сети.

– Боже, ты вся синяя! – бабушка спускается к озеру.

– Ладно, мне пора, надеюсь, еще увидимся, – сказал Джейк. А я и не знала, что в деревушках обитают такие хорошие и симпатичные парни.

– Бабушка, все нормально. Я просто наглоталась воды.

– Пойдем скорее в дом. Тебе нужно прилечь. Практически весь оставшийся день я пролежала на диване. Я до сих пор нахожусь в шоке, меня всю трясет, но хуже всего не это. Мама с папой даже не пришли ко мне в комнату и не спросили, что со мной. Уже три часа я слышу лишь, как в соседней комнате они орут друг на друга и вновь выясняют отношения. Я встаю с дивана, в теле появляется какая-то непонятная сильная боль, но я не задерживаю на ней внимание и направляюсь к комнате, где мама и папа.

Они даже не замечают меня, я стою перед ними, как приведение.

– Мам, пап, прошу вас, перестаньте ссориться, – не выдержала я.

– Глория, а я тебя прошу, не суй свой маленький любопытный нос не в свое дело!!!

– Почему ты кричишь на нашего ребенка?!!! Почему ты вечно на всех кричишь, ведьма?!!!

– Что ты сказал, а ты думал о нашем ребенке, когда трахал свою начальницу, ублюдок?!!!

– Мама, перестань!

– Я тебе сказала, не лезь не в свое дело, пошла вон!!!

На моих глазах проступают слезы, как у пятилетнего ребенка, в горле появляется огромный ком от обиды, я не выдерживаю и выкрикиваю:

– А ТЫ В КУРСЕ, ЧТО Я СЕГОДНЯ МОГЛА УМЕРЕТЬ, И ЭТОТ УИКЕНД ЗАКОНЧИЛСЯ БЫ МОИМИ ПОХОРОНАМИ?!!!

– Что ты несешь?! Решила внимание к себе привлечь?!

Вот тут меня начинает всю безумно колотить, и я уже чувствую, как слезы потели ливнем из моих глаз.

– ...нет... ничего. Забудь.

Я разворачиваюсь, спускаюсь в низ, беру свою серую толстовку и выбегаю из дома. Я бегу изо всех сил, не обращая внимания ни на что. В душе так обидно и больно, что хочется взять и закричать что есть силы. Я не могу вам описать, что я чувствую на данный момент. Лучше бы я утонула, лучше бы мое мертвенно-бледное тело лежало перед глазами матери, чем чувствовать такое. Я останавливаюсь от того, что начинаю задыхаться, оборачиваюсь назад, и оказывается, я прилично отдалилась от дома. Я спокойно иду вперед, слезы продолжают медленно скатываться по щекам. Я чувствую, как мои веки опухли. И тут мое сердце начало сильно колоть. Я вижу перед собой ту самую лодочную станцию, где мы сидели с Адамом. Я спускаюсь на небольшой деревянный причал, вокруг вновь ни единой души, я ложусь спиной на холодные доски и

закрываю глаза. О том, что уже темнеет и нужно возвращаться домой, я даже и не думаю. Я лежу на причале уже где-то час. Мне не хочется отсюда уходить, потому что здесь так спокойно, умиротворенно, но мой покой прервали чьи-то шаги.

– Эй.

Я от внезапности вспрыгиваю, это оказался Джейк.

– Лодочная станция закрыта, здесь нельзя находиться.

– Я думала, она заброшена.

– Нет, я здесь работаю.

– Ясно...

Я уже собираюсь уходить, как вновь слышу голос Джейка.

– У нас здесь неподалеку концерт местной рок-группы, «Смол Таун» называется. Это, конечно, не городская тусовка, но там тоже весело.

– Серьезно? А где это?

– Я провожу тебя.

Все, чего я хотела на данный момент, это забыть о произошедшем дома. Мне так хочется отвлечься. Мы с Джейком направлялись на главную площадь деревушки. Я уже слышу доносящиеся звуки с концерта.

– Ты откуда? – спрашивает Джейк.

– Из Бревэрда.

– Ого, далековато, надолго здесь?

– Нет, всего лишь на уикенд.

Снова наступает молчание. Как я уже говорила, я довольно замкнутый человек, и завести со мной беседу, скажем, непросто. Но тут я решаю первой заговорить.

– Джейк... а ты знаешь парня по имени Адам?

Господи, ну зачем, зачем я это у него спросила, во-первых, что мне это даст, а во-вторых, НУ ПОЧЕМУ Я ТАКАЯ БЕЗРАССУДНАЯ ДУРА, СНАЧАЛА ГОВОРЮ, ПОТОМ ДУМАЮ?!

– Адам? Что-то знакомое, да я вроде слышал про него, но он года три назад уехал в город. А ты что, знакома с ним?

– Можно и так сказать. Я приезжала сюда совсем маленькая, и мы дружили с ним.

О, какое божественное облегчение, Адама здесь нет, Джейк его почти не знает, но я до сих пор иду вся красная от воспоминаний о той ситуации. Вообще, Джейк – второй после Адама парень, который со мной общается, то есть, со мной, конечно, много парней общается, но большинство из них одноклассники, и Мэтт. Хотя Мэтт со мной разговаривает лишь тогда, когда рядом Тез, а так он меня просто не замечает. Ладно, я что-то уже начала говорить о наблевшем.

– Вот мы и пришли, – говорит Джейк.

Маленькая деревенская площадь была заполнена от края до края людьми, в центре стоит небольшая сцена и на ней орут жутким гроулингом музыканты. Я первый раз в жизни на рок-концерте. На подобных мероприятиях я никогда не появлялась, потому что не являюсь ярым фанатом такого жанра музыки, однако перед смертью нужно сделать все, чего никогда не делал, и побывать там, где никогда не был.

Джейк меня сопровождает, и это очень хорошо, потому что на площади куча пьяных мужиков, и этого мне становилось немного страшновато. Я покупаю среднеалкогольный коктейль и наконец начинаю наслаждаться этим вечером и музыкой. Все орут, танцуют, подпевают музыкантам, конечно, если бы сюда попала Тез, то она сошла бы здесь с ума, ибо ее тонкая душевная организация не выдержит такого хауса. Сама того не замечая, я начинаю подпрыгивать под музыку и поднимать руки вверх. Волосы в разные стороны, в руках полупустая банка коктейля, хоть там и было мало градусов, мне стало очень хорошо и даже жарко, я снимаю

с себя толстовку, завязываю ее на талии и остаюсь в одном топе.

– Здесь есть одно крутое место, – внезапно хватает меня за руку Джейк.

– Что за место?

– Пойдем.

Мне окончательно сносит крышу, я иду за Джейком, и тут в мою голову влетает не очень благоприятная мысль: КУДА ОН МЕНЯ ВЕДЕТ, ВДРУГ ОН НАСИЛЬНИК ИЛИ ЕЩЕ КТО-ТО. Не, ну, правда, мы с ним идем в какие-то дебри, я в полупьяном состоянии, ничего не соображаю, хочу остановиться, но ноги продолжают идти. И тут я вижу перед собой настоящее зрелище. Среди высоких деревьев с темными устрашающими стволами находится огромное заброшенное колесо обозрения.

– Ничего себе! – говорю я, разинув рот.

– Это еще не все, нужно подняться наверх.

– Э-м-м...а разве нам за это ничего не будет?

– Нет, оно не охраняется. Лезь за мной и держись крепче.

– ...хорошо.

Мы подходим к старой ржавой лестнице, которая ведет к верхней кабине. Мои колени начинают зверски дрожать, я понимаю, что если я сейчас посмотрю вниз, то моя смерть будет незамедлительной. Я стараюсь как можно быстрее переключать руки и чувствую, как мы уже довольно высоко находимся от земли. Руки начинают потеть, я продолжаю карабкаться и вижу, как Джейк уже залезает в самую верхнюю кабинку, затем он протягивает мне руку, и я успешно оказываюсь рядом с ним. Я собираюсь с мыслями и никак не могу понять, зачем мы забрались на это колесо обозрения, рискуя своими жизнями, затем я оборачиваюсь и вижу нечто прекрасное. Закат. Розовато-желтое небо кажется совсем близко, что хочется дотронуться до него рукой. У меня даже захватывает дыхание.

– Ух ты, как красиво!

– Да, я часто прихожу сюда провожать солнце.

Господи, какой же он романтичный, еще никто и никогда не поражал меня таким прекрасным зрелищем. Я нечаянно смотрю вниз, и у меня начинает кружиться голова.

– Только главное не облакачиваться на... – я, не слушая Джейка от страха, облакачиваюсь ладонями на стенку кабины и... ТРОС, УДЕРЖИВАЮЩИЙ КАБИНУ, СРЫВАЕТСЯ, И ОНА ПЕРЕВОРАЧИВАЕТСЯ НАБОК.

– Господи, она сейчас упадет!!! – ору я.

Все тело начало колоть многочисленными невидимыми иголками от страха. От малейшего движения кабина жутко скрипела.

– Так, без паники. Нужно добрать до лестницы, – говорит Джейк и пытается подняться и докарабкаться до лестницы, но кабина внезапно опускается вниз, и мы висим на одном тросе, который через пару минут может оборваться.

– Ничего, у нас есть план «б».

– Что за план?!!! – в истерике спрашиваю я.

Джейк дает мне свою руку, мы аккуратно поднимаемся, и я вижу внизу крышу небольшого здания из красного кирпича. ОН ХОЧЕТ, ЧТОБЫ МЫ СПРЫГНУЛИ ТУДА.

– Нет... я не смогу... – мой голос начинает жутко дрожать.

– Это единственный выход.

– Мы можем позвать кого-нибудь на помощь.

– Нас никто не услышит. Здесь все пьяные и громкая музыка. Джейк медленно перекидывает ногу через стену кабины, она начинает раскачиваться и еще больше скрипеть, затем он перестает держаться и прыгает на крышу. У меня от страха начался жар, все тело трясет.

– Джейк!!!

– Я в порядке, теперь ты! – Я... я не могу...

– Давай, Глория, ты сможешь!

Я сжимаю руки в кулаки и также перекидываю ногу. Я прекрасно понимаю, что если останусь здесь, то кабина сорвется, а до земли метров двадцать, если не меньше, такую смерть я не планировала. У меня снова начинает кружиться голова, я чувствую, что еще мгновение и кабина полетит в низ.

– Давай на счет «три»! Раз, два, ТРИ!!!

Я прыгаю, при этом безумно крича и размахивая руками. Я приземляюсь на колени и замечаю на своих руках кровь. Я порезала ногу, причем порез довольно глубокий, но это не важно, главное мы с Джейком живы.

– Как ты? – Джейк подбегает ко мне.

– ...отлично... за сегодня я чуть не утонула и чуть не разбилась. Замечательный день!

– Всего лишь небольшая ссадина, а ведь мы могли бы умереть, если бы остались в этой чертовой кабине.

Я заставляю себя успокоиться, ведь все страшное уже позади, но тело и сознание меня не хотят слушаться. Меня всю продолжает трясти.

– Нужно отдохнуть, – Джейк ложиться спиной на крышу.

Я делаю так же и ложусь рядом с ним. Я совсем не заметила, как на улице стало темно. Мы лежим с ним вдвоем на крыше и смотрим на звезды. Тишина, никого нет. Мы о чем-то думаем и молчим. Господи, мне ни с одним человеком не было так хорошо и спокойно, я готова здесь пролежать целую вечность, лишь бы только с ним. Интересно, я понравилась ему или нет? Наверное да, иначе он бы не был таким романтичным и не повел бы меня сюда.

Спустя час, а может и больше, мы поднялись, спустились с крыши и направились домой. На площади все еще продолжается деревенская тусовка, но проще найти иголку в сене, чем встретить здесь хотя бы одного трезвого человека.

Мы прилично отходим от площади и приближаемся к лодочной станции.

– Ладно, мне в другую сторону, дойдешь одна?

– ...конечно.

– Тогда до завтра.

Джейк разворачивается и уходит. Ну, отлично вообще. Такие нынче у нас пошли джентельмены. На улице темно, вокруг никого, и я совсем одна плетусь домой. Несмотря на то что я ему понравилась (а я ему понравилась), он остается со мной холоден.

Я успешно добираюсь до дома, кровь из ссадины продолжает сочиться, но я на нее совсем не обращаю внимания. Сейчас нужно быстренько незаметно прокрасться в комнату и лечь спать. Но не тут-то было. Я захожу в дом и вижу всю свою припадочную семью в сборе.

– Глория, детка! – жалостливо сказала бабушка.

– Где ты была?! Мы тут себе места не находили! – кричит мама.

– Что у тебя с ногой? – спрашивает папа.

Господи, как они меня достали. За сегодняшний день я кардинально пересмотрела свое отношение ко всем членам семьи.

– Я упала.

Они так хорошо могут разыграть заботливую семейку, прям рассмеяться хочется. Я направляюсь к лестнице.

– Глория, подожди, – говорит мама удивительно спокойным тоном. – Прости меня за то, что я на тебя накричала. Мне очень жаль.

Вы только посмотрите на нее, любящая мать, господи, как смешно.

– Мне тоже. Я пойду спать, – холодно отвечаю ей я.

– Стой, – мама хватается меня за руку, – чем это от тебя пахнет? Ты что, пила?

– Нет.

– Глория, не ври мне!!! Ты пила?!

– Мама, не суй свой любопытный нос не в свое дело. Спокойной ночи.

Я разворачиваюсь и поднимаюсь наверх. Да-а, алкоголь все-таки сделал свое, в трезвом виде я никогда не ответила бы так маме. Поднимаясь по ступенькам, я чувствую, как вся семейка стоит с ошарашенным видом.

Этот день запомнится мне надолго.

Моя голова! Господи, я выпила вчера лишь баночку коктейля, а голова раскалывается так, будто я нахлесталась водки. Я кое-как собираюсь с мыслями, встаю с кровати, малейший скрип досок приносит мне невыносимую боль в голове. Время уже двенадцать дня, я и не помню, когда в последний раз просыпалась во столько. Я подхожу к зеркалу и вижу нечто. На голове, словом сказать, «воронье гнездо», под глазами синяки, изо рта какой-то непонятный противный запах. Я сейчас похожа на типичного алкоголика, хотя пью я не так уж и часто. Нужно срочно принять душ, а то меня уже начинает подташнивать от этого запаха.

Я осторожно спускаюсь по лестнице, и тут мне ударяет в голову мысль: «Что я вчера наговорила маме?». Мало того, что я пришла за полночь, так к тому же я была пьяная и еще начала огрызаться. Чувствую, сегодня мне предстоит пережить день кошмаров.

Я спускаюсь, иду на кухню, бабушка с Максом что-то готовят, затем Макс оборачивается, и они меня наконец-то замечают.

– О, Глория, ты уже проснулась? – говорит Макс.

– Как ты себя чувствуешь, детка? – спрашивает бабушка.

– Хорошо... – соврала я, – а где мама и папа?

– Они уехали в сервис на нашей машине, – ответила бабушка.

– Ясно, я пойду приму душ.

О, какое облегчение, мамы и папы здесь нет, а значит, я еще могу спокойно, без криков и скандалов прожить несколько заветных часов.

За что я не люблю этот старый дом, так это за то, что душ находится на улице. Если его, конечно, можно так назвать. На самом деле эта полуразваленная деревянная кабинка, на которую даже смотреть страшно, не то, что заходить. Но так как у меня других вариантов нет, приходится довольствоваться тем, что есть. Я захожу в эту кабинку, внутри очень темно, да и к тому же она такая тесная, что находясь в ней, я чувствую себя стокилограммовой теткой. Я снимаю с себя футболку и начинаю нащупывать кран, я открываю его и оттуда полилась просто ледяная вода, но это еще не самое ужасное. Я начала чувствовать, что что-то касается моей спины! Мне стало не по себе. Я выключаю воду и чувствую, как это «что-то» цепляется за мои волосы. Затем я поднимаю глаза вверх, и благодаря тусклому свету из щелей досок я вижу... В КАБИНЕ ТРИ ОГРОМНЫЕ ЛЕТУЧИЕ МЫШИ! Я начинаю орать, как бешеная, я с детства до смерти боюсь этих безумно противных существ. Я выбегаю на улицу, меня всю трясет, я ору еще громче, одновременно стряхивая их со своего тела, мне казалось, что они до сих пор еще на мне!

Наконец, я понимаю, что они в кабине и я в безопасности, я открываю свои зажмуренные глаза и вижу, что передо мной стоит Джейк.

– Джейк?!

– ...привет, Глория.

Спустя три секунды нашего приветствия я в ужасе понимаю, ЧТО СТОЮ ПЕРЕД НИМ ТОПЛЕС!!! Я выбежала из душа и забыла надеть футболку. ГОСПОДИ!!! Я сейчас под землю провалюсь со стыда. Джейк отворачивается, ему тоже, видно, не по себе, я быстро забегаю в кабину и надеваю футболку.

– ...я почти ничего не видел. Правда, – говорит Джейк, покрасневший от смущения.

– Можешь повернуться, – говорю я дрожащим голосом.

– ...слушай, ты же сегодня уже уезжаешь, да?

– ...да, а что?

– Ну, просто мы могли бы прогуляться напоследок.

– Да, это было бы замечательно.

– Хорошо, тогда давай встретимся в шесть на лодочной станции?

– Договорились.

Джейк разворачивается и уходит. Боже. Боже. Боже. Я, конечно, попадала в неловкие ситуации, но это уже чересчур. Как я теперь вообще смогу смотреть ему в глаза? Это самое ужасное утро в моей жизни. Я пытаюсь успокоиться и захожу в дом.

– Глория, нам показалось, или ты кричала? – спрашивает бабушка.

– На меня напали три летучие мыши.

– О, господи. У тебя же на них жуткая фобия!

– Да, бабушка, верно.

– Та-ак, а теперь давайте все вместе насладимся моими оладьями, – говорит Макс и ставит на стол огромную тарелку с оладьями.

– Макс очень вкусно готовит. Попробуй.

О-о, какой запах, оладьи с клубничным джемом, если бы Тез увидела, что я их собираюсь съесть, то она незамедлительно бы отрезала мне язык, ибо она просто ненавидит все мучное и мне не советует его есть.

Но хорошо, что тут нет Тезер, а значит, я могу полностью насладиться этой пищей богов.

– М-м... действительно вкусно, – говорю я.

– Ну а я что говорил, я приготовил их по фирменному рецепту моих любимых мам.

– «Любимых мам»? – не поняла я.

– Да, у Макса две матери, – ответила бабушка.

– Они лесбиянки.

Следующий кусок оладушка стал комом в моем горле. Ничего себе! Я первый раз в жизни вижу человека, воспитанного ЛЕСБИЯНКАМИ.

– ...круто! – говорю я, проглатывая кусок.

– Я так тебя люблю, – говорит бабушка Макс.

– Я тебя тоже, – отвечает Макс и затем целует ее.

Вы только представьте эту картину. Моя бабушка целуется в засос с двадцатипятилетним парнем, а напротив них сижу я, дожевывая оладью.

Они будто не замечают меня. Наверное, вы уже поняли, что моя семья немного ненормальная.

– Кхе-кхе, – пытаюсь нарочно откашляться погромче, чтобы они меня, наконец, заметили и перестали сосаться. Но они продолжают свой поцелуй, а я тяжело вздыхаю, встаю из-за стола и направляюсь в свою комнату.

Дорогой дневник!

Осталось 47 дней. Вчерашний день был наполовину прекрасен, а также наполовину ужасен. Я познакомилась с клевым парнем Джейком. Я уверена, что ему понравилась так же, как и он мне.

Нет, ну правда, благодаря ему я на время забыла про ссору с матерью. Кстати, о ссоре. Я теперь не знаю, что мне делать. Мама с папой скоро вернутся из сервиса, и я чувствую, нам предстоит серьезный разговор. Ну, в конце концов, мне не двенадцать лет, я, даже когда праздновала свое шестнадцатилетие, не выпила ни одной капельки алкоголя, хотя Тезер настаивала на этом. У меня не дом, а просто тюрьма какая-то, где нельзя ни выпить, ни повеселиться. Это еще одна причина моего будущего самоубийства.

В среду у Тез вечеринка, туда все должны идти парами, но так как я одиночка,

Тезер сделала для меня исключение. Но мне это исключение абсолютно не нравится. Не, ну только представить себе, все сидят со своими половинками, обнимаются, целуются, А Я БУДУ ОДНА, КАК ДУРА, СИДЕТЬ Я СМОТРЕТЬ НА НИХ. Я не знаю, как мне поступить. Если я откажусь, то, естественно, Тез обидится, хотя, если честно, мне не очень хочется смотреть, как они с Мэттом будут миловаться при мне. СТОП. Дневник, меня тут посетила суперская мысль! А почему бы мне не пойти на эту тусовку с Джейком? А что, он симпатичный, веселый, и, мне кажется, он сразу понравится нашей «свите». Отлично, проблема решена, я иду сегодня в шесть последний раз прогуляться с ним и как раз скажу ему об этом.

День третий. Лори

Сегодня, если не считать мое ужасное утро, у меня день без приключений. Остальные три часа я пролежала на диване в обнимку с плеером и книгой «Роман с кокаином». Бабушка с Максом ушли на озеро, дом в полном моем распоряжении. Я беру свой телефон и набираю номер Тез.

– Алло.

– Привет. Тез, я тут подумала, насчет вечеринки... я приду, и, кажется, не одна.

– Да ладно?! Ты что, успела подцепить кого-то за эти выходные?

– Нет, он просто мой знакомый.

– О-о, мне уже не терпится с ним познакомиться. Опиши его.

– Ну... он высокий, загорелый и... жутко симпатичный.

– Ну ты даешь, подруга!

Я начинаю смеяться, как вдруг мой смех неожиданно обрывается, громкий жалостливый писк раздается по ту сторону моего окна.

– Тез, давай я тебе попозже перезвоню, ладно?

– Ну вот, как всегда на самом интересном месте. Давай.

– Пока.

Я отключаю телефон и направляюсь к окну. Писк становится еще громче. Я высовываюсь из окна, чтобы, наконец, понять, кто это пищит. Затем я слышу собачий лай, смотрю вниз и вижу огромную черную собаку, она на кого-то лает, я поднимаю глаза немного повыше и вижу маленький свернувшийся грязно-белый комочек. Это котенок, собака загнала его на внешний подоконник второго этажа.

Пес продолжает лаять, из пасти текут слюни, будто он всем своим нутром хочет съесть этого несчастного котенка. Мое сердце начало разрываться от жалости, и я понимаю, что именно я смогу ему помочь. Я вскарабкиваюсь на подоконник, котенок находится за три окна до меня. Я цепляюсь за деревянные брусья крыши и пытаюсь подняться наверх. Я подпрыгиваю и оказываюсь на крыше.

Как я уже говорила, дом очень ветхий, и меня сразу поглотил страх, что крыша может провалиться подо мной. Но других вариантов у меня нет. Я аккуратно ползу по крыше, затем я оказываюсь прямо над окном, где находится котенок, он еще сильнее сжался в комок от страха и продолжает пищать. Я опускаю руки вниз и хватаю его за шкурку. Затем, когда котенок уже находится в моих руках, я беру камень с крыши и со всей силы кидаю в собаку, чтобы она отстала от нас.

Я осторожно спускаюсь вниз к себе в комнату, странно, но у меня даже не закружилась голова от высоты и страха. В этот момент я думала только об этом несчастном существе. Я кладу его на кровать, он жутко дрожит, я замечаю на своих руках кровь, переворачиваю котенка на спину и вижу, что у него прокусана лапа так, что даже видна кость! Плюс многочисленные укусы

в боку. У меня покатились слезы по щекам, я представила, какую боль он испытывает сейчас.

Я оставляю его на кровати и бегу вниз, чтобы найти аптечку, затем снова бегу в комнату. Он так и не шевельнулся. В аптечке всего лишь несколько бинтов, спирт, зеленка и какие-то таблетки. Я, естественно, не ветеринар, и, конечно же, в этой захолустной деревушке нет никакой клиники для животных. Я принимаю решение остановить кровь, для этого я обрабатываю раны спиртом, кое-где замазываю зеленкой, она лишней не будет. Делаю давящую повязку на лапку, и кровотечение прекращается.

Он снова съежился в комочек. Я глажу его и слышу, как он замурлыкал, будто благодарит меня. Я снова бегу на первый этаж, захватываю с собой молоко, недоеденные оладьи, колбасу, тарелки и поднимаюсь к себе. Котенок начал все разнюхивать и затем принялся есть. Шкурка – просто комок грязи. Глаза все загноенные, да и к тому же он такой худющий, что когда вдыхает, можно пересчитать каждое его ребрышко.

У меня снова начинают наворачиваться слезы на глаза, он кажется таким беззащитным и совсем одиноким в этом мире, я бы его с удовольствием отвезла домой, но тут есть одна проблема – моя мать терпеть не может животных. Однажды у меня была собака Кастл, на тот момент я была очень маленькой, но я до сих пор помню его добрые, преданные глаза, маму раздражало его присутствие в доме, и как-то ночью, когда я спала, она отпустила его на улицу и закрыла ворота в надежде, что он убежит. И ее надежда оправдалась – Кастл убежал и больше не вернулся, он почувствовал предательство и от обиды скрылся. Одна наша соседка сказала, что его будто сбила машина, и она это видела своими глазами, но я старалась в это не верить, я заставляла себя думать, что он жив и гуляет где-то далеко по парку, а добрые люди подкидывают ему хлеб и кости.

В общем, я прекрасно понимаю, что если я возьму этого котенка к себе домой, то мама его так же безжалостно выкинет. На первом этаже послышался какой-то шум. Я спускаюсь вниз, это мама и папа, они о чем-то разговаривали с бабушкой и Максом, но я решила прервать их разговор.

– Мам, пап.

– О боже, неужели ты протрезвела?! – с насмешкой сказала мама.

– Мам, извини, я вчера повела себя неправильно.

– Да, ты права. И ты под домашним арестом! Две недели, поняла?

– Но мам, я...

– Никаких «но», и собирайся, мы уезжаем.

– Джоди, мы можем поехать попозже, все вместе, – говорит бабушка.

– По-моему, я еще вчера сказала, что не собираюсь здесь оставаться, мне противно! Глория, ты меня не слышишь? Иди, собирайся!

– Вы можете ехать с папой, а я потом, с бабушкой и Максом.

– Я сказала, ты поедешь с нами, и если ты сейчас же не пойдешь собирать вещи, то твой арест продлится еще на две недели!

Я молча поднимаюсь вверх. Время почти шесть часов, я пообещала Джейку, что встречусь с ним, как мне теперь быть в этой ситуации? Котенок беззаботно уснул на кровати. Он наконец-то почувствовал себя в безопасности. Я даже не могу представить, как оставлю его здесь. Господи, ну почему я всегда всем подчиняюсь? В конце концов, у меня тоже есть свое мнение, я не обязана никого слушаться!

Я цепляюсь руками за комод идвигаю его к двери таким образом, чтобы ее невозможно было открыть с обратной стороны. Я должна встретиться с Джейком, пригласить его на будущую вечеринку, иначе в глазах Тез я буду выглядеть как полное посмешище. Я беру ящик из-под комода, стелю небольшое покрывальце и кладу туда котенка, затем прячу его под кровать, на

случай, если мама каким-то образом зайдет сюда. Затем я становлюсь на подоконник, до земли метра три, слева от меня водосточная труба. Я крепко цепляюсь за нее и, словно по канату, слезаю по ней вниз.

Ничего себе, никогда бы не подумала, что я способна так пробежать из дома. Я бегу со всей мощи на лодочную станцию, а тем временем прокручиваю у себя в голове тот скандал, который мне закатит мать, когда я вернусь домой. Если честно, я всегда боялась рисковать и делала всегда то, что мне говорят. Но, так как мне осталось жить совсем недолго, почему бы и не попробовать такое сладкое слово «риск»? Почему бы и не показать то, на что я способна? Все меня считают милой, послушной девочкой, пришла пора их разочаровать в этом. Я добегаю до станции, но там никого.

Странно, время уже шесть. Я спускаюсь на причал, как вдруг:

– Глория.

Я снова вспрыгнула от неожиданности, это оказался Джейк.

– Прости, я не хотел тебя напугать.

– Ничего... привет.

– Привет, – Джейк несколько секунд помолчал, а затем протянул мне руку, а в ней упаковка рыбных крекеров, – любишь рыбные крекеры?

– Да, обожаю.

Затем мы с ним дошли до конца причала и присели.

– Глупо конечно спрашивать, но... ты сейчас встречаешься с кем-нибудь?

Его вопрос застал меня врасплох, меня еще никто об этом не спрашивал.

– ...нет, а что?

– Ничего, просто интересно.

Ну почему парни такие нерешительные. Так не нужно тянуть, я прямо сейчас возьму и приглашу его на вечеринку.

– Слушай, мы тут с подружкой затеяли что-то типа вечеринки, туда можно приглашать своих друзей, не хочешь прийти?

– Классно, а где это будет?

– Я напишу адрес, – я достаю из кармана маленький карандаш и листок и пишу ему свой адрес, – вот, держи.

– Круто, я обязательно приду.

– Ты когда-нибудь бывал на вечеринках?

– Если честно, нет.

– Ну, тогда первый раз будет незабываемым!

– Спасибо... знаешь, я должен тебе кое-что сказать.

– Я тебя слушаю.

– Помнишь, ты меня вчера спрашивала про... про одного парня... Адама?

– ...да, помню.

– Так вот...я и есть Адам.

Вот тут у меня внутри словно разбилось стекло, и я почувствовала такую сильную противную боль. Это сон. Это все сон. Этого не может быть. Нет.

– ...что?!

– Я хотел тебе об этом еще вчера сказать, но...

– Подожди, это что, шутка?!!!! – я вскакиваю.

– Нет, я думал, ты меня сразу узнаешь.

– О господи!!! Отлично!!! Просто супер!!! Ты выставил меня полной дурой уже второй раз!!!

То, что я сейчас чувствую, невозможно передать словами, одно могу сказать точно, я прямо

сейчас готова умереть. Человек, с которым я так боялась встретиться, оказывается, был рядом со мной все это время!!!

– Глория, я...

– Зачем, скажи, зачем ты меня обманул?!!! Представился под чужим именем?

– Я не знаю. Просто я так и остался обычным деревенским парнем, а ты стала такой... красивой. Я думал, ты больше не захочешь со мной общаться.

– Правильно думал! Теперь-то мне точно противно с тобой общаться! Пока.

Я разворачиваюсь и ухожу с причала. Внутри меня все еще ноет эта боль, которая появляется после того, как тебя предали.

– Глория, подожди! Слушай, давай забудем про все эти детские обиды, и начнем, наконец, жить по-взрослому.

– Джейк... то есть Адам. Я уже запуталась! Я ненавижу, когда меня обманывают! Потому что меня, за столь короткую жизнь, уже раз тысячу обманывали. Например, мама, которая говорила, что любит меня больше жизни, хотя на самом деле это не так. Или папа, который говорит, что семья для него важнее всего, а на самом деле в тайне спал со своей начальницей! Я устала от этого! Я хочу найти человека, который будет со мной хоть чуточку честен.

– ...ладно, я признаю, я – полный подонок. Но мне вчера было хорошо с тобой. Несмотря на то, что мы чуть не погибли. Я словно побывал снова в детстве, ведь оно только благодаря тебе было ярким... удачи тебе. Наверное, мы уже больше никогда не увидимся, – Джейк разворачивается и уходит.

Сердце начало безумно колотиться, я понимаю, что еще секунда – и я уже не смогу его вернуть.

– Адам! – он останавливается и поворачивается ко мне, – я... предлагаю все забыть, и как ты говоришь, начать жить по-взрослому.

– Отлично, тогда иди сядь на причал.

Я не поняла, что он от меня хочет, но покорно его послушалась. Я снова села на причал и начала смотреть вдаль. Адам подсаживается ко мне.

– Привет, что ты тут делаешь? – спрашивает он.

– ...я... просто сижу и смотрю на закат, – я не понимаю, что происходит.

– Ясно, я – Адам, а тебя как зовут?

– ...Глория.

Наконец-то я поняла, что задумал Адам, мы вновь с ним познакомились, как тогда, шесть лет назад, и теперь, позабыв все обиды, мы начинаем все заново.

Он очень изменился, поэтому я его сразу и не узнала, он стал еще выше, мужественнее. Мы с ним уже почти полчаса сидим на причале и рассказываем друг другу, что у нас произошло за эти шесть лет. Затем он неожиданно встает и протягивает мне руку.

– Я хочу тебе кое-что показать, пойдем.

– Надеюсь, это не очередное колесо обозрения?

– Нет, на этот раз это более безопасное место.

Мы с ним идем по проселочной дороге, снова вспоминая детство, как мы проводили каждый день вместе.

– Я помню, мы здесь гуляли. А где-то там была тарзанка, как-то я на нее залезла и потом побоялась спрыгнуть.

– Да, и ты кричала так сильно, что слышала вся деревня.

– А помнишь, как мы гуляли по полю и увидели стадо бизонов, и кое-кто наделал в штанишки?

– Эй, мне было всего шесть лет, а их было так много, что любой взрослый бы обделался.

– Ну коне-е-ечно.

Еще немного, пройдя пути, Адам остановился.

– Так, кажется мы пришли.

Я обернулась, вокруг одни деревья, ничего особенного.

– Куда пришли?

– Держи, – Адам дает мне в руки небольшую лопатку.

– Там что, тайный бункер?

– Лучше.

Мы начали с ним копать землю, я в полном недоумении.

– Кажется, я на что-то наткнулась.

– Так, еще немного.

Мы продолжали копать до тех пор, пока из земли не показалась маленькая цветная коробочка.

– Я вспомнила! Это же наша тайная коробка, туда мы сложили наши вещи.

– Да, и поклялись вечно дружить и раскопать ее через много лет.

Господи, в моей душе сразу стало так тепло. Такое ощущение, что мне снова лет семь, и жизнь кажется не такой уж и тяжелой.

– Обалдеть!

Мы открыли коробку, а там, внутри, несколько наших детских фотографий, какие-то записки с нашим почерком, разные камешки, обертки от любимых конфет, вырезки из газет.

– Смотри, наши фенечки, – эти две фенечки с надписью «Дружба – навсегда» я сплела, когда мне было восемь. Я сейчас расплачусь, честное слово. Я беру фенечку и протягиваю ее Адаму, – завяжи мне.

Адам завязал мне ее, а затем взял вторую.

– И мне.

Я так же завязываю фенечку ему на руку.

– Теперь это твое, – он берет коробку и отдает ее в мои руки.

– ...нет. Это наше, общее, – я снова помещаю коробку в ямку, – я предлагаю ее снова закопать.

– Ты уверена?

– Да, – я снимаю с себя любимые сережки и кладу в эту коробку. Адам снимает со своей шеи что-то вроде амулета и также кладет в коробку. Затем мы снова закапываем ее под землю.

– Ну, что, пойдём? – спрашиваю я.

– А как же клятва?

Я улыбаюсь и встаю на колени.

– Я, Глория Макфин, клянусь, что буду вечно дружить с Адамом и мы раскопаем с ним нашу тайную коробочку через много-много лет, – затем я плюю на ладонь и протягиваю ее Адаму.

Адам также встает на колени и произносит речь.

– Я, Адам Грейс, клянусь, что буду вечно дружить с Глорией и мы с ней вместе раскопаем эту коробку через много-много лет, – он тоже плюет на ладонь и мы подтверждаем нашу клятву крепким рукопожатием.

Еще один замечательный вечер с ним. Конечно, я на него все еще осталась зла, что он обманул меня, но меня к нему очень сильно тянет. Я готова его простить, хотя бы из-за того, что он часть моей жизни.

Он довел меня до дома. Осталось всего несколько минут, чтобы попрощаться, и я пойду домой, где меня ждет «смертная казнь».

– Ну что, до встречи на вечеринке?

– До встречи.

Он становится ближе ко мне и как бы намекает на поцелуй, но я останавливаю его.

– Адам, мы же друзья.

– Да... прости, я... я пойду. И мне уже не терпится тебя снова увидеть, – он целует меня в руку и уходит.

Господи, похоже, я сейчас взлечу до седьмого неба, я серьезно.

– Глория!!! – о нет, это мама, мои крылья обрываются и снова спускаюсь с небес на землю.

– Глория, паршивка, как ты посмела запереть комнату и сбежать?!!!

– Мам, пожалуйста, не кричи, я сейчас все объясню.

– Мне не нужны твои идиотские объяснения!!! Арест на месяц!!! А теперь быстро пошла в дом и собрала свои гребанные вещи!!!

Я понимаю, что сейчас любое мое лишнее слово только усугубит ситуацию, поэтому я молча иду в дом, быстренько собираю вещи и, уже направляясь к двери комнаты, слышу что кто-то пищит.

Это котенок. Он выбрался из-под кровати и еле-еле, хромая, ковыляет ко мне и начинает мурлыкать. Я присаживаюсь на корточки и смотрю в его жалостливые, измученные глазенки.

– Прости, малыш, но мне придется тебя здесь оставить...

И тут моя сентиментальность дает о себе знать – из моих глаз, как из ведра, полились слезы, я понимаю, какой сволочью я стану, когда брошу умирать здесь это маленькое, доверчивое существо. Я беру его и кладу в большую сумку, прекрасно понимая, что ему там будет неудобно, но сейчас самая главная цель – это незаметно перевезти его к себе домой, а уже там будем думать, что делать дальше.

Я спускаюсь вниз, вся семья в сборе и рассаживается по машинам. Я, аккуратно держа сумку, сажусь на заднее сидение. И, пока никто не видит, смотрю, как там себя чувствует котенок. Он уснул, я глубоко выдыхаю, мы заводим машину и уезжаем.

Ну что ж, этот уикенд был по праву незабываемым. Я смотрю на свою руку с фенечкой и думаю об Адаме. Я так счастлива, что мы с ним, спустя столько лет, встретились. Я смотрю в заднее стекло машины, мы становимся все дальше и дальше от того места, где мне было так хорошо. А с завтрашнего дня снова начнется школа, мой домашний арест и раздумья, как сбежать из дома на вечеринку Тез.

Дорогой дневник!

Ты не поверишь, но сегодня я проснулась намного раньше, чем обычно и теперь, наконец-то, я не опоздаю на первый урок. Время – семь утра, а я уже успела принять душ, быстренько перекусить и одеться. Сегодня мое настроение лучше некуда, и все из-за того, что вчера я провела замечательный вечер с Адамом. Конечно, мне до сих пор неприятно, что он меня обманул, но за вчерашний день я поняла, что люди могут меняться. Не совсем, конечно, кардинально, но приобретая лучшие качества.

Но, дневник, у меня появилась еще одна проблемка. Очень маленькая, пушистая проблема. Я тайне привезла в дом кота, несмотря на то что мама просто ненавидит все, что мяукает, гавкает и умеет гадить. Я тайком беру еду с холодильника и кормлю его. Кстати, я уже придумала ему имя – Принц. Ну а что, я конечно не «Мисс гениальность», но мне нравится эта кличка. А Принц, уже, кажется, начал отзываться на свое новое имя. В общем, я не знаю что с ним делать, скрывать долго его от матери не могу, а взять и рассказать ей о нем у меня просто не хватит смелости. Но тут есть еще одна проблема: кто за ним будет ухаживать после моей смерти? Мама его может запросто выкинуть. У меня что ни день, то сразу новая проблема. Ладно, дневник, побежала я в школу, мне уже не терпится встретить Тез и рассказать ей о своем уикенде.

Осталось 46 дней. Лори

Вот и снова началась жуткая трудовая неделя. Очень сложно после уикенда сразу настроиться на рабочий лад. Учителя с растрепанными волосами, с растерянным видом, быстро бегут в школу, потому что через несколько минут нужно уже начинать вести уроки. Все ученики расположились на поляне студентов (это огромный газон, где можно присесть или даже полежать на траве, отдохнуть после урока) рассказывают друг другу, кто как провел уикенд. Это уже как традиция – твой уикенд должен быть обязательно круче, чем у твоего собеседника.

Я посмотрела по сторонам, Тезер еще не пришла. Я отстраняюсь от всех шумных компашек и иду на самое спокойное место, присаживаюсь, достаю из сумки учебник по литературе и начинаю читать. Затем за спиной я слышу этот знакомый блондинистый голос:

– Лори!!!

Я встаю и бегу к Тезер.

– Привет, Тез! Мы не виделись всего лишь уикенд, а кажется, что целую вечность, – мы обнимаем друг друга.

– Я по тебе так соскучилась! И я уже в курсе, что у тебя был отличный уикенд. Давай, рассказывай!

– Да ничего особенного не было, я просто встретила своего старого друга. Его зовут Адам.

– И что, у Евы вспыхнули старые чувства?

– Нет, просто было приятно с ним пообщаться.

О боже, меня вновь посещает то чувство, с которым я живу каждый день. Чувство восхищения и любви к Мэтту. Я вижу его за спиной Тез, он помахал нам рукой. Сегодня на нем такая строгая серая жилетка, классические серые брюки, и, кстати, у него новая офигительная стрижка.

Господи, как же она ему идет! Тез никогда не замечает изменения в Мэтте. Но я – не она. Я изучила каждую его деталь, я даже знаю с каким вкусом его зубная паста! Я готова смотреть на

него вечность и даже прогулять все уроки, но слова Тез прерывают мое загипнотизированное состояние.

– Лори!!! Лори, ты меня слышишь?!

– А... прости Тез я... ты что-то сказала?

– Да, я говорю, ты пойдешь сегодня со мной после школы в бутик за платьем?

– Зачем тебе платье?

– У нас в среду вечеринка, ты забыла?

– Нет, не забыла, но ведь у тебя целых два шкафа с платьями.

– Каждое из них я уже по два раза надевала на вечеринки, хочется чего-то нового, ну так что, пойдешь?

– Не знаю, я, наверное, не смогу.

– Почему?

– ...я под домашним арестом.

– Да ладно? Что ты натворила?

– Я всего лишь сбежала из дома, чтобы встретиться с Адамом.

– Ничего себе! Эй, пришелец!!! Что ты сделал с Лори?!!! Верни мне мою подругу! – мы начинаем с ней безумно ржать. – Послушай, скажи своим родителям, что идешь со мной, твоя мама меня обожает, я уверена, она разрешит.

– Хорошо, я спрошу.

– Ну, вот и договорились!

Звенит звонок. Мы быстро бежим в кабинет литературы, потому что миссис Райдан ненавидит, когда опаздывают на ее урок. Конечно, никто из учителей этого не любит, но Райдан любит наказывать учеников за их проступки и причем очень жестко. Я помню, у нас в классе училась одна девочка по имени Эмма, так вот, однажды она опоздала на урок к Райдан, и та заставила с нее снять юбку! Ну, это как бы было клеймо, что она опоздавшая. Я представляю чувства Эммы, я бы на ее месте послала куда подальше эту ведьму и ушла с урока. Но она послушалась ее, и после того дня, она забрала документы из школы и уехала в другой штат. В общем, как вы поняли, даже в тюрьме намного все гуманнее, чем в моей школе. К счастью, мы не опоздали, быстренько сели за парты и начали внимательно слушать ее лекцию про творчество французских писателей.

– Ты сказала предкам, про Мисс Лоренс? – шепотом спрашивает Тез.

– ЕЩЕ нет... я думаю, что после ее визита я не смогу пойти на вечеринку, – шепчу я.

– Да ладно, брось! Тебе шестнадцать лет, пора уже перестать слушать наставления родителей.

– Тез, я бы с удовольствием, но...

– МАКФИН И ВИККЕРИ, ЕСЛИ ВЫ СЕЙЧАС ЖЕ НЕ ЗАТКНЕТЕСЬ, ТО БУДЕТЕ СЛИЗЫВАТЬ МЕЛ С ДОСКИ, РАЗ ВАМ НЕЧЕМ ЗАНЯТЬ СВОЙ ЯЗЫК, ВЫ МЕНЯ ПОНЯЛИ?!!! – проорала миссис Райдан.

– Да, – тихо отвечаю я.

– Конечно, миссис Райдан. Кстати, у вас новый джемпер? Вам очень идет!

– Спасибо, Тезер. НО ПОДХАЛИМОВ Я НЕ ЛЮБЛЮ!!! Это было последнее предупреждение, Виккери.

Логика Тез: подлизаться к учителю, и все проблемы решены. Но с миссис Райдан такое не пройдет. Так что я просто на просто замолкаю и начинаю, наконец, слушать учителя.

– Старая сучка, у нее, наверное, климакс с рождения начался, – прошептала Тез.

Слава богу, Райдан этого не слышала, иначе весь класс бы любовался, как моя лучшая подруга слизывает мел.

Следующие пять уроков были менее интересны. Я чуть не получила два за то, что забыла очередную дурацкую теорию по геометрии. Господи, ну зачем доказывать, что у квадрата все стороны равны или что диаметр данной окружности является действительно диаметром данной окружности?! ЧТО ЗА БРЕД? Но, к счастью, я вспомнила какое-то следствие и спасла ситуацию. На испанском я перепутала правила сопоставления отрицательного артикля со словосочетанием.

Наверное, все-таки пора начать учить этот предмет, а не читать параграф за три минуты до начала урока.

Предпоследний урок у нас философия. Мистер Коннали – старикашка, ему семьдесят восемь лет, но он так любит свою профессию, что будет работать в школе, даже когда его тело превратится в прах. Он что-то мямлит про биографию Сократа, а в это время класс занимается своими делами.

Кто-то разговаривает, пользуясь тем, что Коннали глуховат. Кто-то просто спит, пользуясь подслеповатостью старичка.

– Как ты думаешь, у него еще бывает эрекция? – спрашивает Тез.

– Тез, ему почти восемьдесят.

– Смотри, что у меня есть, – в руках Тез пачка «Виагры».

– Боже, откуда это у тебя? – меня начинает распирать от смеха.

– Лучше не спрашивай.

Тез достает из сумки стаканчик и бутылку воды, наливает ее, и растворяет в стакане таблетки.

– Кажется, мистер Коннали хочет водички, отнеси ему, – Тезер протягивает мне стакан.

– Тез, это жестоко.

– Неправда. Ему будет хорошо, а нам всем весело, – несмотря на то что Тез гламурная красавица, она умеет очень классно шутить, да и тем более, было бы неплохо разбавить эту скучную обстановку в кабинете философии. Я беру стакан.

– Мистер Коннали, можно выйти?

– ...что?

– Можно выйти?! – кричу я.

– А, конечно, конечно.

Я встаю из-за стола, подхожу к нему, быстро ставлю стакан ему на стол и выхожу за дверь.

Спустя пять минут я вновь захожу в кабинет и направляюсь к своей парте.

– Ну что, он выпил? – спрашиваю я Тез.

– Да, целый стакан!

– Надеюсь, ты ему пару таблеток разбавила?

– Прости, я не удержалась... шесть.

– СКОЛЬКО? Тез, ты хоть представляешь, что с ним будет? – мы начинаем так громко смеяться, что не замечаем звонок.

– Урок окончен, можете идти, – мистер Коннали встает из-за стола и... НУ ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ РЕАКЦИЮ ЕГО ОРГАНИЗМА ПОСЛЕ ШЕСТИ ТАБЛЕТОК «ВИАГРЫ». Весь класс начал ржать над спрятанным «Пиноккио» в штанах Коннали.

– Что случилось, почему вы смеетесь? – Коннали стоит в растерянности.

В кабинет неожиданно для всех заходит мисс Пайпер, учитель химии.

– Всем добрый день, – говорит она и теряет дар речи, когда нечаянно опускается глазами до пояса Коннали.

– Здравствуй, Джулия!

– ...Мистер Коннали... класс, я пришла вам сказать, что урока биологии не будет всю неделю, мистер Фитч в отъезде, и вместо нее у вас будет химия, прошу в мой кабинет, – с трудом

говорит Пайпер и уходит.

– О нет, смысл жизни потерян, я целую неделю не увижу сексуальные бицепсы Фитча, – говорит Тезер.

Заветный последний урок пролетел очень быстро, класс, включая мисс Пайпер, еще никак не мог отойти от инцидента на философии.

Мы с Тез идем по школьному двору и направляемся к воротам.

– Моя бабушка скоро выйдет замуж за двадцатипятилетнего парня.

– Серьезно? Да ты шутишь!

– Хотела бы я, чтобы это оказалось шуткой.

– Лори, я просто обожаю твою семью.

– Мама теперь стала еще злее и поссорилась с бабушкой.

– Моя кузина, которой восемнадцать, вышла замуж за шестидесятилетнего мужика. Ты представляешь, она каждое утро просыпается с дряблым, морщинистым, волосатым телом. Так что, Лори, не у одной тебя сумасшедшая семья.

Обожаю рассказывать о наболевшем Тез – она всегда может помочь, поддержать или просто все обернуть в шутку.

Мы подходим к компашке Мэтта – это все его друзья из команды по регби.

– Мэтт, – говорит Тезер.

– О, привет, – Мэтт обнимает Тез.

– Привет, красотка, – говорит какой-то тип из команды и щиплет Тезер за пятую точку.

– Ник, ты что, совсем больной?!!! Мэтт, он меня при тебе лапает!

– Да ладно, он просто прикалывается. Он же мой лучший друг. Тем более, у него сегодня день рождения.

– Поздравляю, ПРИДУРОК! – ехидно сказала Тез. – Слушай, любимый, мы сегодня с Лори идем в бутик за шмотками, ты не заедешь за нами на обратном пути?

– Конечно, нет проблем.

– Люблю тебя, – Тез страстно целует Мэтта.

Наконец, мы закрываем школьные ворота и направляемся домой. Сейчас самое главное – это вести себя нормально при матери, чтобы она разрешила мне пойти с Тезер в бутик. Мы с Тез расстаемся на перекрестке и расходимся каждая к своему дому, при этом заранее договорившись встретиться через пятнадцать минут. Я захожу в дом, на первом этаже никого нет.

– Мам, я дома! – бросаю сумку на кресло. Мама спускается по лестнице.

– О, привет мое сокровище, как прошел твой день? Я чуть в обморок не упала от нежного тона мамы.

– Мама, ты в порядке?

– НЕТ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, Я НЕ В ПОРЯДКЕ, постарайся мне, пожалуйста, объяснить, почему твоя учительница завтра придет к нам на ужин?

– ...мисс Лоренс... мам, она ко всем приходит, каждый раз, вот, например, к Тезер она приходила на прошлой неделе.

– Перестань мне врать. Она сказала, что ты серьезно съехала по математике и не только!

– ...я знаю, но я все исправлю, обещаю.

В следующую минуту мы слышим, как на втором этаже что-то падает и разбивается.

– Не поняла, – в растерянности сказала мама.

Мы быстро поднимаемся наверх и видим множественные осколки маминой вазы, которая стояла в углу. Я с ужасом понимаю, что это дело лап Принца.

– О боже!!! Моя ваза!!! Моя любимая ваза!!! – мама замечает в осколках Принца и берет его за лапу, – а это еще кто?!!! Глория, ты мне ничего не хочешь объяснить?!!!

– ...нет, я не знаю, как он сюда попал, – соврала я.

– Ах ты, паршивец!!! – мама размахивается и со всей силы швыряет кота об стену.

Мое сердце в мгновение сжалось в комок.

– Мама, что ты делаешь?!!! – я осторожно беру котенка, он начинает жалобно мяукать, прося пощадить его.

– Избавься от него!!! Это была моя любимая ваза!!!

– ...нет мам. Я нашла его в нашем старом доме, его чуть до смерти не загрызла собака, я не могла его там бросить!

– Значит, ты, мерзавка, тайком пронесла это животное в наш дом?! Либо ты от него избавляешься, либо это сделаю я.

– ЕЩЕ неизвестно, кто здесь «животное», мама.

– Что?!

– Это всего лишь котенок! Он не сделал ничего ужасного, ты можешь купить эту жалкую, дешевую вазу в любом магазине! И знаешь что, он БУДЕТ ЖИТЬ в моей комнате, я буду его кормить и заботиться о нем. Ясно?!!! – я не выдержала, в моей душе все просто кипит, в этот момент я поняла, как сильно я ненавижу свою мать. Она стоит с открытым ртом и ничего не может сказать.

– Лори, я пришла! – кричит на первом этаже Тез.

– Это Тезер. Мы сейчас с ней идем в бутик.

– ...какой еще бутик, ты под арестом.

– Да неужели?! А мне показалось, или позавчера ты мне сказала: «Пошла вон!» – и именно поэтому я и сбежала из дома?! Не волнуйся, мамочка, теперь я это буду делать чаще! – я разворачиваюсь, отношу в свою комнату кота, беру кредитку и спускаюсь вниз.

– Ну, наконец-то. Здравствуйте, миссис Макфин, – говорит Тез.

– ...мать – сошла с ума, муж – кобель, дочь – не слушается. Ненавижу эту жизнь! – мама разворачивается и уходит в гостиную.

– Пойдем, – говорю я Тез, которая стоит посреди холла и ничего не может понять.

Мы любим с Тезер одеваться в бутиках, у нас даже есть личные кредитки для шопинга, так что все самые крутые новинки от дизайнеров только у нас появляются в гардеробе.

– Моя мать тоже сходит с ума, она решила сделать пятнадцатую пластическую операцию, – говорит Тез, ища платье в бутике.

– А как на это смотрит твой отец?

– Ему абсолютно все равно, он даже не смотрит на нее, не удивлюсь, если у него давно уже есть молодая любовница с третьим размером.

– Ты так спокойно об этом говоришь.

– Ну а мне что? Главное они дают мне деньги, покупают шмотки и не контролируют меня.

Родители Тез не сказать прямо, чтоб слишком богатые, но могут позволить себе практически все, не удивлюсь, если в детстве у нее была ферма розовых пони. Тез выбирает платье и показывает мне:

– Смотри, какое классное!

– Отличное, иди примерь его.

Тез направляется в примерочную, а я продолжаю искать себе платье. Самое главное, чтобы цена не зашкаливала, ведь я не Тезер, мои родители обычные юристы, только работают в разных компаниях, мы, конечно, не бедствуем, но стараемся экономить на менее важных для нас вещах.

– Черт!!! Не может быть! – кричит Тез.

– Что такое?

– Оно не сходится!

– Тез, это сорок шестой, ты всегда его носишь.

– Я знаю! Но это не сходится!!!

– Подожди, я сейчас.

Я направляюсь к стендам с платьями и выбираю похожее, затем мой взгляд падает на окно, и я вижу машину Мэтта. Он вот-вот зайдет сюда, чтобы полюбоваться на Тез.

– Вот смотри, оно почти такое же, только розовое, – протягиваю платье в примерочную, она мне в замен дает свое.

Это платье просто изумительное, оно белого цвета, с многочисленными кристаллами, усыпанными по корсету, и милой пышной юбкой. Я хочу его примерить, нет, я просто обязана его примерить. Я захожу в примерочную, снимаю с себя одежду и надеваю это платье, к счастью, молния сошлась, и оно мне почти не жмет. Я посмотрела в зеркало, и... я просто неотразима!

Серьезно, я никогда не видела себя такой красивой, это платье просто волшебное, оно так нежно обтягивает мои формы, что кажется, будто у меня идеальная фигура.

– Лори, оно на мне идеально сидит! – говорит Тез из соседней примерочной.

– Здорово.

– Мэтт, привет, как я тебе?

– Как всегда – суперски.

Я не знаю, выходить мне или нет? Ладно, в конце концов, я должна услышать мнение Тез, стоит ли покупать это платье или нет.

Я выхожу из примерочной, Мэтт и Тезер приковали свое внимание ко мне, они просто рассматривают меня и ничего не говорят.

– Вау, Лори, ты обалденно выглядишь! – говорит Мэтт. Я УЖЕ ЧУВСТВУЮ, КАК НАЧИНАЮ ТАЯТЬ!

– Да, потрясающе! – говорит Тез. – Но из-за этой пышной юбки твои бедра кажется слишком широкими.

– Правда?

– Да, – Тез берет первое попавшееся платье со стенда, – смотри, это тоже крутое платье, фиолетовый цвет сейчас в моде, да и посмотри какой у него шикарный корсет!

– Да, ладно.

Я послушалась Тез, и покупаю фиолетовое платье, хорошо, что оно не слишком дорогое и Тез его одобрила. Мы заплатили за свои покупки и вышли из магазина. Мэтту кто-то звонит, и он отходит в сторону. Мы с Тез стоим и молчим, она первая разбавляет обстановку.

– Нет, я так не могу!

– Тез, что такое?

– Прости меня, я такая ревнивая дура. То белое платье на тебе просто потрясающе сидело, а про бедра я все наврала.

– Зачем?

– Просто Мэтт на тебя ТАК посмотрел, что я чуть не взорвалась.

– Тез, ты серьезно?! – я начинаю жутко смеяться. – Господи, ну почему ты иногда бываешь такой глупой? Мэтт просто мне сделал комплемент из вежливости, ведь любит он только тебя.

– Так ты на меня не злишься?

– Ну, конечно нет.

– Ты самая лучшая, – Тез крепко обнимает меня, и в эту минуту к нам подходит Мэтт.

– Девочки, мне звонил Ник, он устроил шикарную вечеринку в честь своего дня рождения и приглашает всех нас.

– Ну уж нет, я не поеду к этому придурку! – говорит Тез.

– У него дом на берегу океана, а еще у него есть солярий.

– Ну хорошо, я поеду, но только из-за солярия! Лори, ты как?

– Хм... даже и не знаю...

– Поехали! Там будет круто, – Мэтт кладет мне на плечо свою ладонь, и, конечно же, я не могу отказать.

– Хорошо... если только ненадолго.

Мы все садимся в машину Мэтта – красный «Крайслер» шестьдесят девятого года с откидным верхом. Мы мчимся на побережье, я на заднем сидении, Тез рядом с Мэттом. Все мои мысли были затуманены только им. Он сделал мне сегодня комплимент, и я думаю, что не просто из вежливости. Этот день я отмечу красным цветом в календаре и буду каждый раз вспоминать про него.

То, что сейчас между Мэттом и Тез – это точно не любовь. Просто самый популярный парень и самая популярная девушка должны быть вместе. Это же закон природы. Хотя бы для взаимовыгоды, ведь быть самой красивой парочкой в школе – это самое крутое первое достижение. Тезер не раз мне говорила, что давно хочет бросить Мэтта, потому что он ей надоел, но из-за того, что он такой красавчик, она никак не может расстаться с ним.

И вот мы подъехали к дому Ника. Кстати, о Нике. Это лучший друг Мэтта, тоже играет в регби. У него черные кудрявые волосы, накаченное массивное тело, и он такой бабник, поговаривают, что ни одни его отношения с девушками не продлились дольше трех дней. Он выходит из дома.

– Вау, Мэтт, ты привез мне таких клевых цыпочек! – Мэтт смеется и жмет ему руку.

– Значит так, слушай меня, извращенец! Если ты еще раз хотя бы пальцем меня тронешь, я тебе его ОТРУБЛЮ, понял?!!!

– Конечно, красотка, нет проблем, – и тут внимание Ника переходит на меня, – о, милое создание, я всегда забываю, как тебя зовут.

– Я Глория.

– О, какое прекрасное нежное имя, прям как твои губы... – Ник подходит ко мне ближе и наклоняет свою голову, но тут Тез отталкивает его от меня.

– Ах ты, извращенец! Ее тоже не смей трогать! Иначе я от рублю тебе не только палец, но и еще кое-что продолговатое!!! Пойдем, Лори.

Мы заходим внутрь дома, и видим кучу народу, музыка настолько громкая, что трясутся картины на стенах, кругом столики с выпивкой, в общем, эта вечеринка не отличается ни от одной, на которых я бывала раньше.

Мы проходим в самый центр холла.

– Так, так, прошу внимания! – говорит Ник, – познакомьтесь, это Глория, красотка Тезер и мой лучший друг Мэтт! – все начинают громко аплодировать. – Вечеринка продолжается!

Музыка сама заставляет меня танцевать, только на таких вечеринках я забываю обо всех своих проблемах. Повсюду мелькают разноцветные огоньки прожекторов, витает сигаретный дым, несмотря на обильное разнообразие выпивки, я не притрагиваюсь к алкоголю, потому что еще один скандал с матерью я просто не выдержу. Дом Ника настолько огромный, что на первом и втором этаже поместилось по пятьдесят человек, а, может, и больше. Я устала танцевать и сажусь на свободный диванчик, достаю из сумки телефон и вижу четыре пропущенных звонка от папы. Смотрю на время, уже почти девять, сама того не замечая, я торчу уже здесь три часа. Я встаю с дивана и направляюсь к Тезер.

– Тез, я, наверное, пойду.

– Ты что, почему?!

– Родители волнуются, они же не знают, что я здесь.

– Да забудь ты про них! Оторвись, наконец, по-настоящему! Хочешь текилу? – Тез

протягивает мне рюмку, но я даю понять, что не хочу, затем она подносит рюмку ко рту и выпивает текилу.

– Что ты делаешь?! Ты же никогда не пила.

– Пробовать что-то новое весьма весело, – судя по ее интонации, это была не первая рюмка текилы, выпитая Тез. От громкой музыки и огромного количества народа у меня сильно разболелась голова.

Я иду в ванную комнату, чтобы хоть немного прийти в себя, затем я слышу рингтон моего телефона, я достаю его из сумки, это снова папа, я долго не решаюсь взять трубку, но другого выхода у меня нет.

– Да, пап.

– Глория, ты где?

– Я... я у Тез, мы вместе готовим домашнюю работу.

– Хорошо. Пожалуйста, через полчаса будь дома. Маме плохо.

– Что с ней?

– Она выпила весь бар.

– Господи... ладно, еще немного и я приду, не беспокойся за меня, – я выключаю телефон и кладу его в сумку.

Мама напилась. Этого я и боялась, она может сорваться и устроить запой на неделю, а может и на год. И все из-за меня, если бы я не накричала на нее, ничего бы не было. Так, нужно не медлить и поехать домой. Я так понимаю. Тез и Мэтт надолго здесь застряли, но мне оставаться уже нельзя.

Я выхожу из ванной комнаты и направляюсь к выходу, но тут за руку меня цепляет Ник.

– Глория, не хочешь выпить? – в руках он держит стакан с чем-то зеленым.

– А что это?

– Абсент.

– Нет, спасибо, я воздержусь.

– Ну, давай, всего один глоточек.

– Нет, мне нужно идти.

– Сегодня мой день рождения, неужели ты хочешь, чтобы мое заветное желание не исполнилось?

Просто выпей со мной.

– ...ладно.

Он отпивает жидкость до середины и протягивает мне стакан. Я делаю глоток и... меня будто чем-то очень тяжелым ударяют по голове, во рту ужасно омерзительный вкус, прожигающий все внутри, мне захотелось все выплюнуть, но абсент уже пошел по пищеводу, моя голова кружится, и я падаю на руки Ника.

– Осторожно... так, по-моему, кое-кому нужно прилечь, пойдём.

Он берет меня за руку и куда-то ведет. Я, наконец-то, прихожу в себя.

– Ник, все в порядке.

Но он не останавливается, и мы с ним доходим до какой-то двери. Ник открывает ее, это обычная комната для гостей, посреди стоит огромная кровать, слева от нее тумбочка с графином воды и стаканом. Я присаживаюсь на край кровати.

– Хочешь еще что-нибудь выпить?

– Если только воду.

– Одну минуту, – Ник наливает мне воду и дает стакан.

– Спасибо.

– Ты когда-нибудь пила абсент?

- Нет.
- Ты вообще когда-нибудь пила?
- Если только что-нибудь среднеалкогольное.
- Сколько тебе лет? – его вопрос застал меня врасплох.
- Почти семнадцать.

Он садится со мной рядом и начинает гладить по шее.

- Интересно, почему я тебя раньше не замечал?

Он целует меня в губы, затем в шею и его поцелуи спускаются все ниже и ниже.

- Ник, что ты делаешь?
- Не бойся. Все хорошо. Просто расслабься. Ник обнял меня за талию и повалил на кровать.
- Нет, я не могу! – я начинаю его отталкивать.
- Послушай, ты очень красивая, когда я увидел тебя, чуть не потерял голову. Я не сделаю тебе больно.

О нет! Боже, только не это. Он хочет переспать со мной. Нет. Нет. Мое тело сразу начало пылать жаром от страха.

- Нет!!! – кричу я.

Внезапно он так сильно хватается меня за запястье, что я чувствую как хрустнула моя кость.

- Отпусти!!!

Я сопротивляюсь, но он продолжает меня целовать, при этом делая резкие движения, от которых мне становится больно.

- Ты прекрасно знала, зачем сюда идешь! Не надо тут играть в святую невинность.

Он начинает рвать на мне одежду. Меня всю трясет, зубы скрипят от страха.

- Пожалуйста, отпусти меня!!! – я изо всех сил пытаюсь от толкнуть его от себя, но Ник намного сильнее, и мое сопротивление начало только возбуждать его, – помогите!!!!

Он поднимает свою руку и резко бьет меня по лицу, так, что я чувствую, как из моей губы потекла кровь. Он начинает расстегивать свои штаны, и в этот момент во мне проснулась злость, такое ощущение, что в меня что-то вселилось, в моей руке все еще оставался стакан, я беру и со всей силы ударяю его по голове. Он падает на пол. Я лежу на кровати, моя кофта практически вся разорвана, кровь из губы сочиться с невероятной силой, из моих глаз ливнем потекли слезы, тело продолжало дрожать. Я встаю с кровати, быстро беру сумку, собираюсь открыть дверь, но внезапно меня что-то остановило, я оборачиваюсь и смотрю на Ника. Он не шевелится, я осторожно подхожу к нему и замечаю, что он не дышит!

- Ник.

Он не откликается. Я протягиваю свою руку к его голове и замечаю, что из его виска идет кровь!

- О господи!!!

Меня трясет еще сильнее, в мыслях было только одно слово – «БЕГИ». Я открываю дверь и выбегаю из комнаты. Я бегу, расталкивая всех на своем пути, открываю входную дверь и выбегаю из дома. Я быстро бегу до дороги и пытаюсь поймать машину. У меня начинается жуткая истерика, я реву, и причем очень громко. Останавливается машина, я запрыгиваю в салон. Моя истерика не прекращается, я плачу, несмотря на присутствие других людей.

- Девушка, у вас все в порядке?

Нет. У меня ничего не в порядке. Я только что убила человека. Я УБИЛА ЧЕЛОВЕКА.

Я проснулась от того, что кто-то трогает мою голову. Это оказался Принц. Я открываю глаза, но меня сковывает ощущение, будто я их не смыкала всю ночь. Я уснула прямо в той одежде, в которой была на вечеринке. ВЕЧЕРИНКА.

В моей голове начинает что-то проясняться. Ник. Моя рука до сих пор в его крови. Нижняя губа опухла и стала синей, тушь размазалась по лицу из-за слез. Мое тело охватила нервная дрожь, во-первых, я ударила Ника по голове, я не знаю, жив он или мертв, во-вторых, время уже почти двенадцать, я опоздала на два урока и в школе меня ждет разборка с учителями. Я забываю про душ, просто умываюсь, надеваю чистую одежду, расчесываюсь и спускаюсь вниз. Нужно вести себя, как ни в чем не бывало, потому что я ни в чем не виновата, я всего лишь оборонялась.

Мама стоит посреди кухни и что-то говорит себе под нос.

– Мама.

– ...завтрак уже остыл.

– Почему ты меня не разбудила?

– Присядь, Глория.

Я покорно сажусь на стул, внутри все безумно колотится, но я стараюсь держаться.

– Послушай меня, детка. С этого дня, с этой минуты, я пере стаю играть роль в твоей жизни как мать. Хочешь идти на вече ринки? Пожалуйста! Хочешь напиться? Нет проблем! Теперь для тебя нет никаких запретов.

Слова матери застали меня врасплох.

– Мама, я тебя не понимаю.

– Разве? Вчера я поняла, что ты стала совсем взрослой, раз можешь закрыть мне рот. Теперь советы тебе могут давать подруги, любовь – парни, хорошее настроение – алкоголь, я тебе больше не нужна. И поэтому я решила, что с этого дня я перестаю быть для тебя матерью. Нет, я, конечно, буду тебя кормить, покупать вещи, я обязана выполнять эти функции до твоего совершеннолетия, но знай, что после развода я уеду в Калифорнию, и ты останешься жить со своим отцом.

– ...что за бред, ты мне нужна, мама!

– ...иди в школу! Хочешь всю жизнь тусоваться? Пожалуйста! Но про учебу не забывай! – мама разворачивается и уходит.

Что это было? Зачем мама так со мной? Я... я просто не понимаю. Я буду убеждать себя в том, что это всего лишь ее утренний бзик и что это она несерьезно. Но ее слова так и продолжают звучать в моей голове. «Я ПЕРЕСТАЮ БЫТЬ ДЛЯ ТЕБЯ МАТЕРЬЮ...»

Я бегу в школу, не обращая внимания ни на лужи, ни на прохожих, у меня сейчас столько проблем, что я начинаю медленно сходить с ума. Ник, мама, учеба, Мэтт, развод родителей – что-то мне подсказывает, что я точно не доживу эти пятьдесят дней, потому что пять из них выдались для меня невероятно сложными. А еще завтра приедет Адам, и мы пойдем на вечеринку, как я могу думать об этой вечеринке, если я еще не решила достаточно серьезные проблемы вчерашней.

Перемена. На школьном дворе куча народу. Кто-то сидит на поляне студентов, кто-то сплетничает около центрального входа, я иду мимо них и стараюсь никому не смотреть в глаза, но каждый так и смотрит на меня, все оборачиваются, чуть ли не тычут пальцами, тут я погружаюсь в полную растерянность, и мое тело, как обычно, начинает трясти, а вдруг они знают, что я сделала с Ником. Может быть, кто-то видел или слышал, что происходило вчера в

той злополучной комнате. Боже, как же хочется, чтобы все это оказалось сном, ибо я этого всего просто не выдержу.

– Та-ак, я вижу, кто-то вчера очень хорошо повеселился, раз пришел к третьему уроку? – Тез хватает на меня за руку и начинает разглядывать, – привет!

– Привет.

Глория, помни, ты должна вести себя, как ни в чем не бывало!

– Что у тебя за ужасные синяки под глазами? Ты что, забыла про такое волшебное средство, как тональный крем? И что у тебя с губой?

Так, вроде Тез ничего не знает, и я могу спокойно выдохнуть.

– Я просто пришла домой, не включила свет и собрала все углы.

– Кстати, ты нормально до дома добралась? А то мы с Мэттом тебя не нашли.

– Да, я поймала попутку.

– Ладно, пойдем. Сейчас физкультура, и я тебе покажу свое новое итальянское нижнее белье в раздевалке.

Боже, как же хорошо с Тез, с ней я себя чувствую такой уверенной, и как будто бы ничего не произошло. И в самом деле, почему я должна волноваться за этого урода? Он чуть меня не изнасиловал, все права на моей стороне, и если кто-то знает, что это сделала я, то я не буду молчать и все выскажу в свою защиту.

– Ты, видно, вчера ушла слишком рано с вечеринки, раз не знаешь про «гвоздь» программы.

– А что произошло?

– Представляешь, Ника нашли в одной из гостевых комнат, в луже крови!

– Он жив? – резко спросила я. Я чувствую, как мое сердце сейчас разорвется от страха.

– Конечно, сейчас лежит без сознания в какой-то крутой клинике. Интересно, кто его так и за что?

Я пожала плечами. Спасибо, спасибо, Иисус, ты все-таки существуешь! Я – не убийца! В душе у меня праздник несмотря на то, что этот ублюдок жив.

Мы заходим в раздевалку, идем к самому дальнему углу и переодеваемся в физкультурную форму. Краем уха я подслушиваю разговор одноклассниц, и они все как один твердят о вчерашней вечеринке и о Нике.

Внезапно дверь раздевалки открывается, и заходит мистер Гринн – помощник директора.

– Глория Макфин и Тезер Веккери, пройдемте со мной.

– Извините, а в чем дело? – спрашивает Тез.

– В кабинете директора разберемся.

Мы с Тезер в полном недоумении быстро одеваемся и идем за мистером Гринном. Мы доходим до кабинета миссис Кинсли – нашего директора и открываем дверь. Оказывается, нас не одних вызвали с Тез, перед столом директора сидит Мэтт, в таком же недоумении. Мы присаживаемся рядом с ним.

– Тезер, Глория, Мэтт, вы были вчера на вечеринке, посвященной дню рождения Ника Хьюстона?

– Да, он нас пригласил, – ответила Тез.

– Во сколько вы поехали домой?

– Мы с Тез поехали вместе где-то во втором часу ночи, – ответил Мэтт.

– А ты, Глория?

– Я... мне позвонил папа и сказал, чтобы я ехала домой, было где-то девять.

– Хорошо. Вы все прекрасно знаете, что произошло на этой вечеринке. Кто-то из присутствующих ударил Ника по голове тяжелым предметом, если бы его нашли чуть позже, он бы умер от кровопотери, – мои колени после этих слов начинают предательски дрожать, – его

отец очень влиятельный человек, и он хочет разобраться, кто чуть не убил его сына, поэтому я обязана вас допросить. Вы не замечали, может быть, Ник конфликтовал с кем-нибудь?

– Миссис Кинсли, лично я и Лори никогда не общались с Ником, потому что он – редкостный придурок и тот, кто огрел его по голове, очень умный и хороший человек, когда найдете его, пожмите ему руку от меня.

– Тезер, каждый из вас мог оказаться на его месте, на кону человеческая жизнь.

– Я вас умоляю. Миссис Кинсли, если бы его отец не спонсировал школу, то вы бы Ника первым же делом исключили, потому что он вас, как и всех остальных, безумно раздражает!

– ...спасибо Тезер, ты свободна.

Тез встает и с гордо поднятой головой выходит из кабинета. Остались только я и Мэтт.

– Мэтт, я знаю, вы хорошо общаетесь с Ником?

– Да, и если бы у него были какие-то проблемы с кем-то, то он бы мне сообщил, но он ничего не говорил.

– Ну что ж, хорошо, спасибо, вы можете идти.

Мы с Мэттом выходим из кабинета, я уже направляюсь идти на стадион, как из-за моей спины говорит Мэтт:

– Лори, подожди, – я останавливаюсь, – вчера в той комнате, где обнаружили Ника, я нашел кое-что, – он роется в кармане и что-то достает, – кажется, это твое.

Это оказалась фенечка, та самая фенечка, которую мне завязал на руку Адам, видимо, в борьбе с Ником она слетела с меня.

– Да... интересно, как она там оказалась?

– Не знаю, а ты была в той комнате?

– Нет, я все время находилась в холле, а потом сразу пошла домой.

– Ясно, – Мэтт разворачивается и уходит.

Я где-то еще минуты три стою без движения и смотрю на эту фенечку, если бы Мэтт показал ее директрисе, то я бы уже находилась в камере. Так, продолжай себя вести как обычно, Глория. Все в порядке. Ведь ты не убийца!

Я немедленно иду на стадион, выбегаю на километровую дорожку и встречаю Тез.

– Господи, так и знала, что не нужно было ехать на эту вечеринку, из-за нее столько проблем!

– Как ты думаешь, Ник очнулся?

– НАВЕРНОЕ, нет, иначе бы уже все узнали, кто его ударил. Подожди-ка, а почему ты так волнуешься за него? Ты что, запала на него?

– ...нет, я просто...

– Просто что? Лори, ты не должна влюбляться в таких мальчиков, они очень плохие. Ник с каждой девушкой играет, а потом выбрасывает, как ненужную игрушку, и если ей повезет, то у нее не останется после этого проблем.

– Я не запала на него.

– Да? Это хорошо. Но я тебя предупредила.

Мы продолжаем пробежку. На данный момент у меня в голове просто круговорот мыслей. После школы к нам домой придет мисс Лоренс, мы с мамой в ссоре, и я даже не представляю, как мы будем себя вести при учителе. Ник до сих пор не очнулся, видимо, я его очень сильно ударила, хотя неудивительно, потому что на тот момент я была такая злая, что могла бы ему перерезать глотку, если бы у меня в руках оказался нож, но, к счастью, в руке был лишь стакан, и, слава богу, он остался жив, иначе я бы себе его смерть точно бы не простила.

Пробежка заканчивается, мы становимся в шахматном порядке и внимательно слушаем нашего физрука мистера Фридэма.

Внезапно в моих глазах все темнеет, появляется какое-то невесомое состояние, ноги начинают ломить, я хватаю за руку Тезер.

– Тез... Тез...

Я падаю и со всей силы ударяюсь затылком об асфальт.

– Лори!!! – Тез подбегает ко мне, но я ее почему-то не вижу, – мистер Фридэм, Лори плохо!

Я чувствую, как меня кто-то трясет, что-то говорит, но я лишь слышу какие-то непонятные отзвуки. Наконец, я прихожу в себя и оказываюсь на кушетке в школьном медпункте.

На руке ватка, видимо, мне сделали укол, медсестра разглядывает мои глаза и заставляет следить за ручкой, а рядом на стуле сидит Тез и наблюдает за этим.

– У тебя раньше было такое? – спрашивает медсестра. – Нет.

– Я первый раз в жизни видела, как падает в обморок человек. Это так страшно, – вопит Тез.

– Ничего страшного. Такое часто со всеми бывает. Глория, скажи, ты сегодня хорошо позавтракала?

– Я... не успела позавтракать, я опаздывала в школу.

Врать, конечно, нехорошо, но в этом случае придется. На самом деле, я не ела уже почти два дня, потому что из-за этих проблем о еде думаешь в последнюю очередь.

– Ну что ж, выпей вот это, – я кладу в рот таблетку и запиваю водой, – сейчас я выпишу тебе освобождение от уроков.

– Нет, не стоит, сейчас последний урок, я думаю, все будет хорошо.

– Ладно, тогда немедленно иди в столовую и подкрепись! Если снова начнутся головокружения – сразу ко мне, со здоровьем нельзя шутить.

– Хорошо.

Я встаю с кушетки и выхожу из кабинета вместе с Тез.

– Ты меня так напугала, – говорит Тез.

Я промолчала. Я не знаю, что говорить. Внутри меня что-то очень сильно ноет, и это неопишимо больно, такое ощущение, что кто-то, словно в компьютерной игре, подсылает мне все новые сложные испытания.

Урок испанского, имя учителя, которого я, даже если сильно постараюсь, не смогу выговорить, длится так медленно и монотонно, что я начинаю засыпать.

– Лори, ты как? – спрашивает Тез.

– ...нормально.

– Ты сегодня какая-то странная. Опять что-то случилось?

– ...я поссорилась с мамой.

– В который раз?

– На этот раз очень серьезно.

– Послушай, может быть, не нужно утрировать? Мы все ссоримся с родителями, но рано или поздно мы обязательно миримся.

– Она сказала, что больше не хочет быть моей матерью, – на моих глазах начинают выступать слезы.

– ...ничего себе. Лори, я не знаю, что тебе посоветовать, но, если хочешь, ты можешь пожить некоторое время у меня. Отдохнешь от этих мыслей и разборок.

– Я не знаю.

– Я, конечно, очень хочу, чтобы вы помирились, но все-таки подумай над моим предложением.

Я обязательно подумаю, но не сейчас, ведь в моих мыслях на данный момент только мама и Ник.

Мама для меня – самый дорогой человек, и пусть она ведет себя как самая последняя

стерва, и порой я начинаю ее ненавидеть, но я люблю ее. Меня тянет к ней, несмотря на все эти ссоры и колкие слова.

После окончания урока я пулей лечу домой, нужно поговорить с мамой перед тем, как к нам придет мисс Лоренс. На ходу стараюсь подобрать слова для разговора, но пока получается только «прости меня, ты нужна мне». Она действительно нужна мне, и, несмотря на то что я в какой-то степени стала взрослее, я все равно не смогу быть без нее.

Я захожу в дом, бросаю сумку и бегу на второй этаж, открываю дверь в спальню родителей и вижу то, чего я так боялась увидеть. Мама лежит в непонятной позе, в руках пустая бутылка рома.

Я бросаюсь к ней и начинаю трясти.

– Мам, мам, проснись!!!

– ...Что-о тебе нужно? – говорит мама, еле связывая слова между собой.

– К нам через два часа придет мисс Лоренс, а ты пьяная!

– Отвали от меня!

Я чувствую, что вот-вот взорвусь от злости, но сдерживаю себя и бегу вниз, беру из сумки телефон и звоню папе.

– Ало, пап.

– Глория, я сейчас занят.

– Пап, это очень важно! К нам домой сегодня придет моя учительница, ты не мог бы освободиться?

– Не знаю, у меня куча работы.

– Пап, пожалуйста!

– Ладно, я постараюсь. Я кладу трубку.

Папа просто обязан приехать, я не хочу выглядеть перед глазами Лоренс как несчастная девочка, которой вовсе не интересуются родители. Она же ведь расскажет об этом всем в школе, и меня каждый встречный будет жалеть и считать, что я не из благополучной семьи. Нет, я не допущу этого.

Я поднимаюсь наверх, к себе в комнату. Мне себя так противно ощущать в роли жертвы, которую никто не понимает, но, к сожалению, с этой ролью я еще долго не расстанусь. Я ложусь на кровать и тупо смотрю в потолок, ко мне на живот запрыгивает Принц.

– Принц... – я начинаю его гладить, а он нежно мурлычет, – я хочу, чтобы ты меня любил... – говорю шепотом я, – потому что меня уже никто не любит.

Дорогой дневник!

Как бы я хотела, чтобы это был пятидесятый день моей жизни, и я смогла бы с чистой совестью покончить с собой. Потому что я больше не могу. Скоро все узнают, что это я чуть не убила Ника, и тогда я боюсь представить, что со мной будет. Мама ушла в запой, я всегда думала, что она сильная и сможет со всем справиться, но, оказалось, я ошибалась. Мне плохо от того, что я ежеминутно чувствую, как на маленькие кусочки разбивается моя семья. А ведь раньше у нас все было так хорошо, пока родители не совершили такие гнусные ошибки, из-за которых теперь страдаю я.

Сегодня на физкультуре я упала в обморок, знаешь, это так страшно, когда ты вроде чувствуешь, что ты жив, но находишься в полумертвом состоянии. Спасибо моей любимой Тез, она всегда со мной рядом, несмотря на ее ежедневные подколки в мою сторону, я так сильно ее люблю, как никого и никогда. Наверное, я совсем скоро решусь и перееду на несколько дней к ней, и посмотрю на ее счастливую семью, и вообще, каково это, жить, когда люди, с которыми ты ужинаешь за одним столом,

любят и уважают тебя.

Осталось 45 дней. Лори

Я проснулась из-за нашего противного дверного звонка. Оказывается, я уснула на полтора часа в объятиях с Принцем. Я быстро спускаюсь вниз, делаю глубокий вдох и открываю дверь.

– Здравствуйте, мисс Лоренс!

– Здравствуй, Глория.

– Проходите.

Так, води себя нормально, не нервничай и помни, у тебя дома все хорошо.

– А где твои родители?

– ...мама спит, она заболела, а папа скоро приедет. Хотите чай или кофе?

– Не откажусь от чая.

Я иду на кухню, а мисс Лоренс садиться на диван в гостиной. Руки безумно трясутся, наливая кипятка в кружку. Через несколько минут я направляюсь в гостиную с подносом в руках.

– Я сделала вам с лимоном, надеюсь, вы любите с лимоном?

– Конечно, спасибо, – мисс Лоренс делает небольшой глоток, и ее взгляд падает в сторону, – у вас был праздник?

Я смотрю туда же, куда и она, и вижу в углу штук десять бутылок из-под рома. Мама. Это она вчера выпила домашний бар, мои щеки внезапно покраснели, и начинаю быстро придумывать отмазку.

– К нам приезжала бабушка со своим парн... партнером по бизнесу, у нас был небольшой банкет.

Лоренс делает еще несколько глотков чая.

– Глория, как ты думаешь, почему твоя успеваемость снизилась?

– Ну... может быть, темы сложные, непонятные... а еще я пропустила несколько занятий.

– А мне кажется не из-за этого. Что происходит в твоей семье?

– Мисс Лоренс, в моей семье все в порядке, я вам это уже в который раз говорю, мы живем дружно, любим друг друга, а если у нас и бывают ссоры, то это, как в любых семьях, неизбежно. Это нормально.

– Нормально? Я вижу в твоём доме кучу бутылок из-под алкоголя, ты сегодня упала в голодный обморок, твои руки все в многочисленных синяках! Глория, я сюда пришла не как твой учитель по математике, я пришла, как человек, который хочет тебе помочь!

– Мне не нужна ваша помощь, мисс Лоренс, у меня все хорошо! – мою реплику прерывает звонок в дверь – это папа.

Я открываю дверь, и, к счастью, это действительно оказался папа.

– Здравствуйте, – говорит папа.

– Добрый вечер, мистер Макфин, извините, что я вас побеспокоила.

– Да ну что вы, мне наоборот интересно узнать, как учится моя дочь.

– Хорошо. Я принесла табели успеваемости, посмотрите.

На табелях сплошные мои тройки по математике, мне кажется, что я сейчас провалюсь сквозь землю от стыда.

– Ну, это не очень хорошие оценки, Глория, нужно стараться, – говорит спокойным тоном папа.

– Это все? Это все, что вы можете ей сказать? Мистер Макфин, скажите название школы, в которой учится ваша дочь.

– ...я не помню.

– Это неудивительно.

Вдруг мы слышим шаги по лестнице. Это мама. Она идет, шатаясь, ничего не соображая.

– Моя голова, боже...

– Здравствуйте, миссис Макфин.

– Вы кто такая?

– ...извините, я уже ухожу.

Мама, не дослушав, идет в ванную и затем мы слышим как из ее рта выходит рвота. Мисс Лоренс встает и направляется к выходу.

– ...рада была с вами познакомиться, но, мистер Макфин, за помните, теперь мои визиты к вам будут частыми, потому что мне в отличии от вас небезразлична судьба вашей дочери!

Мисс Лоренс уходит. Я ничего не хочу говорить о том, что я сейчас чувствую, мне просто омерзительно находиться в этом доме. Омерзительно.

Я поднимаюсь к себе в комнату, сажусь на пол и начинаю безумно реветь. Я знаю, вы сейчас подумаете, что я только и умею, что рыдать, но, к сожалению, у меня все накопело в душе, так накопело, что хочется просто закричать во всю глотку, чтобы меня хоть кто-то услышал.

В животе начинаются противные голодные боли, но я не хочу выходить из моего пространства, не хочу видеть лица мамы и папы. Я не хочу жить. И в этом я утверждаюсь с каждым днем все больше и больше.

Телефон в моем кармане начал вибрировать, я достаю его и вижу, что мне звонит Мэтт. МЭТТ.

– Ало...

– Мне нужно встретиться с тобой прямо сейчас в центральном парке. Я жду тебя.

Что за... мне впервые позвонил Мэтт, я даже не знала, что у него есть мой номер. На моем лице сразу появляется глупая улыбка, я спускаюсь вниз, выхожу на улицу, быстро ловлю такси и еду в парк.

На самой дальней скамье я узнаю Мэтта. Он в серой толстовке, голубых джинсах, кедах, а самое главное – ОН ЗДЕСЬ БЕЗ ТЕЗ.

– Мэтт... – он оборачивается, – ты мне раньше никогда не звонил.

– Но сегодня появился особенный повод.

– О чем ты?

– Ник очнулся, и он сказал, что это ты его ударила, это так? Вот и все. Момент истины настал. Ну а что, я должна была быть к этому готова, ведь рано или поздно это бы все равно произошло.

– ...да, это так.

– Зачем ты это сделала?

– ...он хотел меня изнасиловать! Он приставал ко мне в той комнате.

– Нет, я не верю в это. Ник не смог бы этого сделать.

– Посмотри, это синяки, которые он мне оставил, засосы, разбитая губа, и еще ту фенечку он сорвал с моей руки, когда рвал на мне мою одежду!

– ...хорошо, но почему ты его оставила умирать?!

– Мне было страшно! Мне и сейчас страшно! Я не хотела, чтобы так получилось.

– Поехали.

– Куда?

– В клинику.

– Нет, Мэтт, я не могу...

– Я сказал, поехали!

Я покорно села в его машину, и мы с ним поехали. Зачем мы едем туда? Чтобы вновь

посмотреть в глаза этого мерзавца? Я ничего не понимаю. Почему я такая наивная? Пошла с ним в эту комнату, прекрасно зная, на что он способен. Я знаю лишь одно, его отец меня сотрет в порошок, ибо папашеньки таких сынков их очень-очень сильно любят и готовы содрать с каждого три шкуры, чтобы никто не причинил вред его ублюдку-сыночку.

Мы подъехали к клинике. Я почему-то веду себя чрезвычайно спокойно, наверное, за сегодняшний день я столько нанервничалась, что у меня больше нет сил.

Мы заходим в холл одного отделения в клинике и видим Ника с его отцом.

– Здравствуйте, мистер Хьюстон! – говорит Мэтт и жмет ему руку.

– Мэтт, я рад тебя видеть!

– Привет, Мэтт, – говорит Ник, а затем свое внимание он перевел на меня, – отец, это она, это она меня ударила! – прям как пятилетний мальчик, ей богу!

– Это действительно Вы?

– ...да. Это сделала я.

– Ну что ж, очень хорошо, что Вы сами пришли и нам Ввас не пришлось искать. Я думаю, не нужно медлить, и я сразу позвоню в полицию.

– Подождите, я могу все объяснить! – говорю я.

– Вы все объясните своему адвокату! Вы чуть не убили моего единственного сына! Интересно, что он Вам сделал? Изменил или не признался во взаимности? Я обещаю вам «хороший» срок!

На моих глазах появляются слезы, я смотрю на Мэтта, он на меня. Затем он хватается за руку отца Ника.

– Подождите. Она это сделала не специально. Он хотел ее изнасиловать.

– Мэтт, ты что несешь?! – говорит Ник.

– Это правда?! – спрашивает мистер Хьюстон.

– Нет, отец, это неправда! Я и пальцем к ней не притронулся!

– Это правда! – перебивает Мэтт, – я, моя девушка и еще несколько человек, видели, как он волок ее в ту комнату.

– Мэтт, ты что совсем?!

– Вы подтверждаете его слова?

– Да. Я ударила его только из-за самообороны. Я не хотела ему ничего плохого. Клянусь.

– Так что, мистер Хьюстон, не нужно звонить в полицию, потому что Ник сам во всем виноват.

– Ах, вот значит как, да?! Значит, ты защищаешь какую-то телку и предаешь лучшего друга?!

Мэтт со всей силы набрасывается на Ника.

– Мой лучший друг никогда бы не лапал мою девушку и уж тем более не хотел изнасиловать ее подругу! Ты ублюдок! Ты выставил себя невинной жертвой, хотя это тебя самого нужно судить!!!

– Мэтт, успокойся! – вмешался Хьюстон, – вы с девушкой можете идти, мы с Ником сами во всем разберемся.

Мэтт отпускает Ника и идет ко мне.

– Ты и она! Помните, что вы пожалеете, что со мной связались! Я вам это обещаю! – кричит Ник.

– Пойдем, – говорит Мэтт.

Из моих уст не вырвалось ни одно слово. Я поражена. Мэтт вступился за меня, пожертвовав многолетней дружбой с Ником. Вся эта история наконец-то разрешилась, и я этому очень рада.

Все разрешилось благодаря Мэтту.

– Прости, что во все это втянул тебя.

– Нет, это я во всем виновата. Если бы не мое легкомыслие, я бы не пошла с ним в ту комнату, он остался бы здоров, и вы бы остались лучшими друзьями.

– Рано или поздно я бы все равно понял, что он тот еще ублюдок. Мы уже дошли до его машины.

– Мэтт, пусть все это останется между нами?

– Хорошо. Тебя довезти до дома?

– Да, если можно.

– Садись.

В душе такое приятное облегчение, как будто бы ничего и не было, но я все еще вспоминаю драку Мэтта с Ником. Я никогда не думала, что он способен на такое. А теперь, я еду с ним рядом, в его машине, на месте Тез, и могу смотреть на него сколько угодно, не прекращая.

Мэтт высаживает меня около магазина, я должна купить Принцу еды.

– Ну что, до завтрашней вечеринки? Надеюсь, она пройдет без всяких инцидентов, – говорит Мэтт.

– Я тоже на это надеюсь. До завтра.

Он уезжает. Я еще долго смотрю ему вслед, но затем он скрывается на перекрестке. Как же я его люблю. По-настоящему, и только сегодня я это действительно поняла.

Я быстро покупаю кошачью еду и иду домой. На улице очень сильно потемнело, несмотря на достаточно хорошее освещение, было-таки немного мрачно. Тем более я живу в таком районе Бревэрда, что здесь есть абсолютно безлюдные улицы. Я иду к дому, прибавляя шаг, но тут кто-то мне под ноги бросает дымовую шашку. Я в страхе падаю на землю, начинаю задыхаться, дым начал разъедать глаза, но тут я замечаю какое-то движение впереди. Это были люди, четверо, может, больше человек, они идут ко мне.

– Глория Макфин? – спрашивает хриплым голосом один из них.

– Что вам нужно?!

– С сегодняшнего дня у тебя начались серьезные проблемы, надеюсь, ты понимаешь, кто тебе их обеспечил?

Мне страшно, кажется, у меня пропал дар речи, и я не могу даже пошевелиться.

Неизвестные разворачиваются и уходят. Я не видела их лиц, одежду, только запомнила тот противный хриплый голос, от которого у меня до сих пор мурашки по коже. Похоже, то, что я раньше называла «проблемами», это был детский лепет, теперь у меня начались настоящие проблемы...

Часть 2

Desception (Обман)

Это очередное жалкое утро началось с того, что я проснулась от едкого запаха гари, который витал по всему дому. Я накидываю на себя халат и спускаюсь вниз. Весь первый этаж затянуло туманом из дыма, от запаха гари я начинаю кашлять, на кухне я замечаю какое-то движение, это оказался папа.

– У нас что, пожар? – спрашиваю я у папы, который в это время открывает окна на кухне.

– Нет, ничего страшного, я просто хотел приготовить завтрак.

– Завтрак? Ты?!

– Да. Джоди еще спит, и я решил взять готовку на себя. Кстати, ты в курсе, что занятия в школе начнутся через двадцать минут, а ты до сих пор в халате? Быстро иди в душ, завтракай и беги в школу.

– Прости, пап, а по какому случаю ты включил функцию «заботливый отец»?

– По такому, ты моя единственная дочь, и я хочу, чтобы ты стала нормальным человеком. Ты что, не слышала, что я тебе сказал?

Я в полном недоумении поднимаюсь наверх, принимаю душ и переодеваюсь в джинсы и серый свитер. Папа никогда, слышите, никогда не интересовался мной и моей жизнью в целом. Меня это, в общем-то, устраивало, а то от ежедневных нравоучений мамы и папы я бы просто сошла с ума. Но теперь он стал каким-то другим. Вчерашний визит Лоренс повлиял на него, наверное. В общем, как бы то ни было, меня почему-то не устраивает нынешнее поведение моего отца.

Я иду завтракать, но вместо еды на тарелке я вижу что-то непонятное, темно-серого цвета с отвратительным запахом.

– Что это?

– Это омлет с беконом.

– Пап, это – не омлет с беконом, это – что-то черное, противно пахнущее и уж точно несъедобное.

– Хорошо, в следующий раз готовишь ты, а пока, довольствуйся тем, что есть.

– Боже...

Я пытаюсь отрезать ножиком небольшой кусочек моего «наивкуснейшего» завтрака, но такое ощущение, что он сделан из резины, ибо проще тарелку напололам ножом разрубить, чем то, что приготовил папа.

Неожиданный звонок в дверь прерывает мои усилия. Папа идет открывать дверь, но я его останавливаю.

– А разве ты не должен сейчас быть на работе?

– Я отпросился, чтобы привести дом в порядок.

В порядок? Ха-ха. Спасибо, папа, рассмешил. Меня уже начинает настораживать его непонятное поведение. Папа открывает дверь, на пороге стоит Тез.

– Здравствуйте, мистер Макфин.

– Здравствуй, Тезер.

Тез проходит ко мне на кухню, и папа за ней следом.

– Лори, приятного аппетита... что это? Жареная крыса?

– Тез, пожалуйста, не оскорбляй папин омлет.

– О-о, простите, мистер Макфин, наверное, это о-очень вкусно.

– Естественно, хочешь попробовать? – спрашивает папа.

– ...нет, спасибо, я на диете. Воздерживаюсь от всего мясного и... несъедобного.

Я чувствую, что сейчас разорвусь от смеха.

– Ладно. Долго не забалтывайтесь и не опоздайте в школу.

– Да, МАМА, – подстебнула я папу.

Папа уходит на второй этаж. Мы с Тез остаемся одни.

– Что это с ним? – спрашивает Тезер.

– Лучше не спрашивай, – я беру тарелку с завтраком и выбрасываю содержимое в мусорное ведро. – В моем доме творится какой-то хаос. Мама третий день не выходит из запоя, а папа вдруг решил, что он изысканный кулинар и хороший отец, – Тез начинает смеяться. – Кстати, ты зашла за мной? Впервые в жизни ты за мной заходишь.

– Да, есть разговор. Не могла дожидаться до школы.

– Что случилось?

– Ну, сегодня же вечеринка?

– ...и?

– В общем... мы с Мэттом... решили сегодня... сделать ЭТО. Меня бросило в жар от услышанного.

– ...ты уверена... то есть, тебе совсем не страшно?

– Есть немного, но, кажется, я к этому готова, почему бы и не попробовать?

– Ну... я рада за вас... что вы решились...

– Нам все-таки по шестнадцать, я думаю, это нормально, просто... я бы хотела услышать твое мнение, я не совсем свихнулась?

– ...Тез, я не знаю. Если ты действительно к этому готова и... если это по любви...

– Я люблю его, – прерывает меня Тез.

– ...значит, сделай это, а потом расскажешь мне, какие ощущения!

– Конечно!

Я обнимаю Тез, пытаюсь поддержать, но чувствую, что вот-вот из моих глаз повалят слезы. Я уже привыкла к тому, что они с Мэттом целуются при мне, обнимаются, говорят друг другу разные приятные слова, но секс – это совсем другое дело. Это уже не простые подростковые шалости, а переход на новый уровень отношений. Мне тяжело. Мне очень тяжело, и я уже точно знаю, что не смогу с этим смириться.

Мы идем в школу, параллельно разговаривая о новой коллекции «Шанель» и какой-то девушке, которая переспала с самим Джоном Паркером – это командир школьной команды по регби. Если я Мэтта считаю самым красивым парнем на Земле, то Джон – самый красивый парень во Вселенной, потому что он очень высокий, с сексуальными мышцами, хорошим вкусом в одежде, и, в общем, какая-то маленькая шлюшка, если верить слухам, отдалась ему в раздевалке. Ну, я же рассказывала вам про то, КАКАЯ у меня школа. Тут и публичный дом, и тюрьма, и среднее образование – три в одном.

Мы уже почти дошли до центрального входа в здание.

– Вечеринка будет в доме Мэтта, и я уже выбрала комнату, в которой все произойдет, – говорит Тез.

– Тез, а помнишь, как мы в классе шестом или седьмом мечтали, что когда вырастим, сделаем ЭТО в один день со своими парнями?

– Конечно, помню! Но ты ведь не сильно злишься из-за того, что я предала наш договор?

– О чем ты говоришь? Вы же с Мэттом любите друг друга, и это серьезный шаг в ваших отношениях, а я еще сумею наверстать упущенное, – еле-еле с улыбкой произношу я.

Не успела я договорить фразу, как к нашей компании подходит Мэтт.

– Привет.

– Привет, любимый.

Угадайте, что они сейчас делают? Правильно, они снова сосутся у меня на глазах.

– Привет, Лори.

– Привет.

– Так, у нас сейчас физика или химия? – спрашивает у меня Тезер.

– Не знаю, кажется, физика.

– Ладно, пойдем.

Я уже собралась следовать за Тез, как вдруг Мэтт останавливает меня.

– Подожди.

Я резко останавливаюсь и с недоуменным видом кричу Тезер:

– Тез, я тебя догоню, у меня шнурки развязались!

– Ладно!

– Что? – спрашиваю я Мэтта.

– Вчера было все в порядке?

– В смысле?

– Ну, ты нормально до дома дошла, ничего не произошло?

В мою голову ударяют воспоминания о вчерашнем дне, что делать? Сказать ему или нет? А смысл говорить о том, что на меня напали, ведь это все равно ничего не изменит. Это мои проблемы.

– Да, все нормально. А почему ты спрашиваешь?

– Просто если Ник обещал нам отомстить, то он это незамедлительно сделает.

– Знаешь, я думаю, что он нас просто напугал, и ничего не произойдет. Ты что его боишься?

– Нет. Я боюсь за тебя.

Внутри меня что-то щелкнуло, он действительно это сказал, или же это моя фантазия? Господи, я сейчас растаю.

– Мэтт, не нужно за меня бояться, ведь ничего не случится. Тем более, я чуть не убила САМОГО Ника, значит, мне ничего не страшно.

– Конечно.

– Мне нужно идти, там Тез ждет...

Я разворачиваюсь, открываю дверь внутрь школы и ухожу. «Я боюсь за тебя» – эти слова еще минут десять звучат в моей голове. Но тут я снова вспоминаю, что на сегодняшней вечеринке они с Тез проведут ночь вместе, и я вновь погружаюсь в это невесомое состояние, когда ты так сильно хочешь что-то изменить, но у тебя просто нет сил и возможностей.

Урок физики. Я оперлась щекой о ладонь и пытаюсь внимательно слушать и понять мистера Косто, учителя по физике, который по всей сути является полнейшим фанатиком своей профессии. Ему почти шестьдесят, но у него уже начался маразм, потому что он нам почти на каждом уроке рассказывает про то, как он в юности познакомился с Исааком Ньютоном и тот научил его этой науке. Он заставляет нас верить в эту историю, и мы делаем вид, что действительно ему верим, если, конечно, учитывать, что если бы это было правдой, то тут у нас бы вела урок трехсотлетняя мумия.

– Ты уже позвонила своему другу? – спрашивает Тез.

– Другу? А, ты про Адама? Еще нет, не успела.

– Слушай, а что если наш договор войдет в силу сегодня?

– Ты о чем?

– Ну, я и Мэтт, ты и Адам...

– Тез, ты что, с ума сошла?! Это же глупо!

– Ну а что, ты же сама говорила, что вы с ним знакомы с самого детства, значит, это – судьба.

– Во-первых, я еще к этому не готова, а во-вторых, мы с ним не виделись целых шесть лет, а ты мне предлагаешь с ним переспать.

– Хорошо-хорошо. Но я же вижу, что он тебе нравится.

– Нравится, как друг. Мы поклялись с ним в вечной дружбе, – я показываю ей фенечку.

– А вот это уже действительно глупо, – Тез смеется.

Урок физики тянется, как мне показалось, целую вечность, но, к моему счастью, прозвенел звонок. Мы с Тез договорились встретиться в холле, около «живого уголка», где стоит небольшой кожаный диванчик, и разошлись по разные стороны: мне нужно в своем шкафчике для учебников взять дневник и предметы для черчения.

Я подхожу к шкафчику, открываю дверцу, беру все, что запланировала, и замечаю, что на одной из книг лежит маленький белый конверт. Я беру его в руки, открываю, там находится записка. На ней написано черными чернилами, неаккуратным почерком: «Не боишься, что с ним может что-то случиться?» НИК. Первая мысль в моей голове: «Это очередной его трюк, которым он хочет напугать меня, ну что ж, я думаю, это ему удалось». Мои руки начали бешено дрожать, про кого здесь идет речь? С кем может что-то случиться? Я в панике превращаю записку с конвертом в комок и выкидываю их в мусорку. Спокойно, Глория, ты не должна клюнуть на его уловки. Все будет хорошо! Я направляюсь к холлу и неожиданно подпрыгиваю из-за голоса Тез.

– Лори! – они с Мэттом сидят в обнимку на диване, уставив свое внимание на меня, – ты что такая напуганная? Такое ощущение, что ты увидела приведение.

– Ничего. Я просто не ожидала.

– Слушай, мы должны приготовить дом к вечеринке заранее, чтобы не оплошать, для этого нам нужно прямо сейчас уйти со школы.

– Уйти со школы? Ты хоть представляешь, что нам за это будет?

– Ничего не будет. Ты вчера упала в обморок, и сегодня ты снова упадешь в обморок.

Я не поняла, на что мне пытается намекнуть Тез, но, спустя пять минут, я, наконец, разобралась с ее планом. Мы дошли до школьного медпункта, я прикинулась слабой, в полубомбочном состоянии. Тез открывает дверь.

– Лори, осторожно.

– Что случилось? – спрашивает медсестра.

– Глория опять упала в обморок.

– Веди ее на кушетку.

Миссис Розмари, медсестра, снова вколола мне что-то и дала какую-то таблетку.

– Ты опять не завтракала?

– У меня совсем нет аппетита, я не знаю, что со мной происходит, – говорю я усталым голосом.

– Так, сегодня я тебе точно выпишу освобождение, но чтобы завтра мигом шла в клинику.

– Хорошо...

– Миссис Розмари, а вдруг Лори, когда пойдет домой, опять упадет в обморок? Можно я ее провожу?

– Конечно, можно.

Мы с Тез переглянулись с довольным лицом – план удался. Мы не сбегаем из школы, а уходим по уважительной причине, так что никто к нам не придерется.

Я и Тезер выходим из школы и начинаем смеяться так громко, как будто мы только сейчас ограбили швейцарский банк и нас никто не заметил.

От школы до дома Мэтта где-то три километра пешком, мы решили обойтись без такси. По пути мы забегаем в магазинчик, где продаются всякие прелести для романтического ужина. Тез набирает целых два пакета разного барахла, и, наконец, обеспечившись покупками мы доходим

до дома Мэтта.

Родители Мэтта какие-то крупные «шишки» одной известной кампании. Поэтому дом полностью соответствует их рангу. Шириной он где-то с нашу школу, светло-бежевого цвета, с громадными окнами на первом и втором этажах. Мы открываем дверь и заходим внутрь. Здесь также прекрасно, как и снаружи: огромная лестница со светло-мраморными ступенями, шикарный плафон люстры диаметром в четыре раза больше меня. Конечно, если его дом сравнить с моим, то мой дом просто собачья конура.

– Так, для начала уберем все ценные вещи в доме подальше от людских глаз, ты же помнишь, чем закончилась моя последняя вечеринка? – спрашивает Тез.

– Конечно, помню.

На прошлой вечеринке Тезер кто-то украл две платиновые кредитные карточки и статуэтку золотого орла. Родители Тез были так злы, что запретили ей устраивать вечеринки ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ. Конечно, если бы в моем доме такое случилось, то мои родители меня как минимум четвертовали и сожгли, но предки Тез намного гуманнее и... богаче.

– Так, я буду на втором этаже, а ты на первом, – говорит Тезер.

– Хорошо.

Я начинаю убирать все ценное, параллельно прибирая беспорядок в некоторых местах. Я натываюсь на фотографию в рамке, где Мэтт со своей семьей отдыхает в тропиках. Мне снова становится как-то не по себе, зная, что случится этой ночью.

– Лори, иди сюда, – кричит Тез.

Я поднимаюсь на второй этаж. Тез стоит напротив одной из комнат.

– Смотри.

Я захожу в комнату и вижу настоящий маленький любовный рай: повсюду ароматизированные свечи, лепестки роз, огромная ваза с фруктами, шампанское, два бокала, мягкое красное покрывало на большой шикарной кровати. Здесь так и чувствуется атмосфера любви и нежности.

– Ух ты! – я подхожу к одному из столиков с маленькими свечками и беру одну из них в руки, читая этикетку, – «Ароматизированные свечи для лучшего оргазма»? Что за бред? – смеюсь я.

– Положи на место. В магазине сказали, что они действительно помогают.

Я продолжаю смеяться над детской наивностью Тез. Присаживаюсь на кровать и провожу ладонями по мягким ворсинкам покрывала.

– Я думаю, Мэтту это понравится.

– Правда? – Тез садится рядом. – Я так волнуюсь. Даже представить не могу, что этой ночью я стану... совсем другой.

– Знаешь, половина девочек в школе, думают, что ты уже давно...совсем другая.

Мы с Тез смеемся.

– А вдруг, я совершаю ошибку? А потом буду жалеть?

– Тез, любовь не может быть ошибкой. Я думаю, Мэтт достоин стать твоим первым мужчиной, – с горечью говорю я.

Тезер ложится спиной на кровать, я следую за ней.

– Я люблю тебя... правда. Мне кажется, что ближе тебя и Мэтта у меня вообще никого нет.

– Ты так говоришь, будто этой ночью собираешься умереть.

– Прекрати, я в последний раз лежу здесь с тобой в девственном обличий.

Мы снова начинаем смеяться, держа друг друга за руки. Следующие минуты мы проводим в полной тишине, просто уставившись взглядами на белый потолок и думая о своем. Но нашу идиллию прерывает чей-то неожиданный звонок в дверь.

– Это курьеры привезли еду и алкоголь. Я сейчас, – говорит Тез, выходя из комнаты.

Я остаюсь одна. В моей голове снова появляются мысли о предстоящей ночи. Моя лучшая подруга лишится девственности с парнем, которого я люблю до безумия. Это так ужасно звучит, что еще мгновение и у меня начнется истерика. Но я все-таки сдерживаю себя, встаю с кровати и спокойно выхожу из комнаты.

Следующие два часа мы с Тез приводили дом в порядок, делали коктейли, сортировали еду по подносам, освобождали площадку для танцпола. Затем мы заканчиваем свою работу и расходимся по домам, чтобы, наконец, привести в порядок самих себя.

Я захожу в свой дом и слышу громкий разговор мамы и папы: они опять о чем-то спорят, мне это уже надоело, хотя их ссоры для меня стали традицией каждого дня.

Я поднимаюсь на второй этаж, прохожу мимо спальни родителей и закрываю дверь их комнаты, чтобы хоть немного приглушить их вопли, но как только я дохожу до своей комнаты, дверь спальни открывается, и выходит отец.

– Глория? Почему ты так рано пришла?

– Нас сегодня пораньше отпустили.

– Ладно, иди в комнату, делай уроки, а потом я их проверю.

– Ты проверишь мои уроки? Ты же этого никогда не делал?

– А теперь буду, потому что я хочу, чтобы у тебя были нормальные оценки.

– Хорошо, товарищ надзиратель, но, осмелюсь я вас предупредить, что сегодня вечером я уйду в гости к Тезер.

– Ты никуда не пойдешь. – Что?

– Я сказал, ты никуда не пойдешь! С сегодняшнего дня я запрещаю тебе ходить по подругам.

– Но, пап, я же с ней уже договорилась!

– Меня это не волнует. Подруги отвлекают тебя от учебы.

– Господи, неужели вчерашний разговор с мисс Лоренс на тебя ТАК сильно повлиял?

– Да, потому что я вел себя отвратительно, как отец, но теперь я хочу исправить эту ошибку!

– А, может быть, ты меня еще и на цепь посадишь, чтобы наверняка?!!

– Было бы не плохо. Иди в комнату и делай уроки. Быстро!!! Из комнаты выходит мама.

– Мам!!!

Она, не обращая на меня внимания, проходит мимо и спускается вниз. Я резко разворачиваюсь и уйду в свою комнату. Мои опасения оправдались, папа меня точно сведет с ума. Это просто какое-то наказание, конечно, я себя сейчас веду как избалованная девчонка, которая не хочет, чтобы ее контролировали родители, но мне все равно. Внутри меня сейчас столько злости, что, если бы это было топливо, то я могла бы проехать по всей Земле раза три.

Дорогой дневник!

Настал очередной день моей никчемной жизни, которая полна издевательских потрясений. Сегодня вечеринка, на которую все должны прийти со своей парой, но тут есть одна проблемка: мой отец – ИДИОТ. Знаешь, мне кажется, что именно в таких семьях вырастают будущие серийные убийцы. Потому что им каждый божий день капают на мозги, и даже человек со сверхсильной психикой не выдержит такого.

Папа запретил мне идти на нее, мало того – он запретил мне вообще выходить из дома куда-либо. Видите ли, у него проснулся отцовский инстинкт. Он думает, что своими тупыми нравоучениями он чего-то добьется от меня. Самое ужасное то, что скоро приедет Адам, и я должна попытаться ему все объяснить. И я уже чувствую, как это будет нелегко.

Хотя, может быть, это и к лучшему. Потому что на этой вечеринке должно кое-что

произойти. ТЕЗ ПЕРЕСПЯТ С МЭТТОМ. С МОИМ Мэттом. Этой «потрясной» новостью она меня сегодня ошарашила с самого утра. Знаешь, дневник, сегодня я поняла, как же это сложно, любить того, с кем ты все равно никогда не сможешь быть. Это даже не то, что сложно, это очень больно, просто невыносимо, знать, что этой ночью он будет целовать ее, обнимать, прикасаться. ФУ, ФУ, ФУ!

Осталось 44 дня. Лори

Следующие несколько часов я делаю уроки. Сама от себя не ожидая, я сделала даже те предметы, которые никогда в своей жизни не учила. Доделав последний урок, я спускаюсь на первый этаж, папа сидит в гостиной.

– Папа, я сделала все уроки! Вот, история – начало двадцатого века, я написала эссе «Экономическое развитие в Индии», я решила все задачи по физике. Вот, убедись, по английскому ничего не задали, можешь проверить, по литературе я выучила несколько стихов русских поэтов и, наконец, математика – я решила все примеры, которые нам задала мисс Лоренс, конечно, некоторые с трудностью, но все-таки, я это сделала.

– Ну, что ж, молодец!

– Ну, теперь-то я могу пойти к Тезер?

– Я же сказал, нет.

– Но, пап, я свободна, я все сделала, почему нет?!!

– Потому что тебе нужно взяться за ум и прекратить общение с подругами!

– Знаешь что, я все эти шестнадцать лет прекрасно жила без твоей опеки и дальше проживу!!!

– Если ты сейчас же не заткнешься, то я запрещаю тебе смотреть телевизор, отберу твой телефон и выключу Интернет!

Я вижу, как из кухни выходит мама.

– Мам! – она меня снова игнорирует. – Мам, стой!!! – я хва таю ее за руку. – Неужели ты так и будешь смотреть, что со мной делает этот тиран?!!!

– Мне абсолютно все равно, что он с тобой делает, пусть хоть расчленяет.

Мне стало так больно от маминых слов, что я просто перестала чувствовать свое тело, я минут пять стояла в обездвиженном состоянии, пока не услышала, как кто-то звонит нам в дверь.

– Глория, открой дверь, – говорит папа.

Я покорно иду к двери и открываю ее. Это оказался Адам.

– Привет, – говорит он.

– ...Адам? А почему ты так рано?

– Я боялся опоздать.

– Глория, кто это? – спрашивает отец.

– Это... мой одноклассник, нам задали выполнить совместную работу. Ты не против, если он поднимется в мою комнату, ведь от этого зависит моя будущая оценка?

– Хорошо, пусть проходит.

Мы с Адамом проходим в мою комнату.

– Одноклассник? – спрашивает Адам.

– Прости, это была вынужденная мера. Я так рада, что ты приехал.

– Красивый дом.

– Спасибо.

– А во сколько вечеринка?

– Адам... планы изменились, я не смогу пойти. Но я напишу тебе адрес, и ты сможешь

повеселиться без меня.

– Я не хочу идти без тебя. Почему ты не можешь?

– У меня проблемы с отцом. Он свихнулся и не выпускает меня из дома.

– Да, с моим отцом тоже такое часто бывает. А ты не пробовала с ним поговорить?

– Проще научить моего кота танцевать ламбаду, чем в чем-то убедить этого человека.

– Ну что ж, ничего страшного, это же всего лишь вечеринка. Но ты не против, если я останусь здесь ненадолго, а потом поеду домой?

– Конечно, не против.

В следующую секунду я слышу, как трезвонит мой телефон – это звонит Тезер. – Да, Тез.

– Лори, ты готова?

– ...мы не сможем прийти, прости.

– Что?! Почему?!

– Я потом тебе все объясню. В школе.

– Сегодня самый важный день в моей жизни, а тебя со мной рядом не будет!!!

– Я знаю... мне очень жаль. Я хочу пойти, но не могу.

– Пожалуйста, придумай что-нибудь. Не бросай меня! Жалостные вопли Тез натолкнули меня на одну мысль.

– Ладно, кажется, я уже придумала.

– Вот и отлично! Мы ждем вас. Я отключаю телефон.

– Адам, собирайся, мы идем на вечеринку.

– А как же твой отец?

– Я знаю, как решить эту проблему, но для начала, мне нужно переодеться.

Я быстро забегаю в ванную и надеваю свое новое фиолетовое платье, наношу макияж, расчесываю волосы и снова возвращаюсь в комнату.

– Как я выгляжу? – спрашиваю я Адама.

– Ты безумно красивая.

– Спасибо. Значит так, мы сейчас с тобой тихо выходим из комнаты, так, чтобы нас никто не услышал. Понял?

– Да.

Я беру пульт от музыкально центра, вставляю диск «Рамштайн», и мы с Адамом выходим из комнаты тихими шажочками. Мы прячемся за угол, папа сидит на первом этаже. Я беру пульт, направляю в сторону своей комнаты и делаю звук на максимум. Стены начали трястись от сверхсильной громкости музыки.

– Глория!!! – кричит на всю отец. – Глория!!! – его нервы не выдерживают, и он просто взлетает на второй этаж и бежит ко мне в комнату.

– Бежим! – кричу я.

Мы с Адамом, что есть силы, вырываемся из дома, и бежим на полной скорости вперед. Я в пышном платье, на каблуках, с распущенными волосами бегу, как олимпийский спортсмен по дистанции. Внутри меня просто взрыв адреналина, я ни о чем не думаю, мне всего лишь хочется как можно дальше убежать. Затем, когда мы понимаем, что уже достаточно далеко от дома, останавливаемся.

– Получилось! – кричу я, задыхаясь от усталости.

– А что будет, когда ты вернешься домой? – спрашивает Адам.

– Об этом пока еще рано думать, сейчас самое главное – ВЕЧЕРИНКА.

По пути к дому Мэтта, я показываю местные достопримечательности Адаму, несмотря на то что мой город не такой уж и большой, но в нем все равно много запоминающихся мест. Куча парков, старинных мостов, центральная площадь, неудивительно, что у нас здесь так много

туристов.

– Знаешь, я немного волнуюсь перед встречей с твоими друзьями.

– Почему?

– Они ведь из другого «круга».

– Тогда я тоже из другого «круга».

– Значит, ты – особенная.

– Послушай, не нужно волноваться, мои друзья – нормальные. Для них не важно кто ты и откуда, главное – какой ты.

– Но ведь я даже не знаю, о чем с ними разговаривать?

– Хорошо, в этом я тебе помогу. Мою лучшую подругу Тезер интересуют только мода, фильмы и известные актеры. Ее парень, Мэтт, увлекается регби, так что если тебе интересен спорт, то обязательно поговори с ним об этом. А все остальные – массовка, с ними ты можешь говорить о чем угодно, самое главное – не молчать и не сидеть в углу.

– Я постараюсь это запомнить.

Сейчас мы проходим мимо школьного двора, и на нем я заостряю внимание Адама.

– Это моя школа.

– Какая огромная.

– Да. Видишь вон ту вышку?

– Вижу...

– Однажды мы с Тез решили прогулять урок математики и забрались туда, чтобы нас никто не нашел, но потом мы побоялись слезть оттуда и начали кричать как сумасшедшие.

– Представляю, как вам потом влетело.

– Еще бы! В своей жизни я сделала столько безбашенных поступков, что их сейчас и не перечесть.

– Я в этом сегодня убедился.

– Мне не впервой сбегать из дома.

– И ты что, совсем не боишься последствий?

– Знаешь, если всегда чего-то бояться, то тогда какой кайф в жизни?

– Я тут подумал, что бы было, если бы я тебя тогда не встретил.

– Я думаю, твоя жизнь была бы намного спокойнее, разве нет?

– Нет, – он останавливается и берет меня за руку, – я бы просто не смог быть без тебя.

– А я без тебя... – затем я снова продолжаю путь. – Пойдем, еще немного осталось.

Через полчаса мы добираемся до дома Мэтта, уже с внешней стороны я слышу, как громко там играет музыка.

– Ну что, ты готов?

– Думаю, да.

Мы открываем дверь. Внутри около сотни народу, все танцуют парами, пьют – здесь царит самая прекрасная атмосфера.

Я ищу глазами Тез и, наконец, нахожу ее и Мэтта и веду Адама к ним.

– Всем привет, знакомьтесь – это Адам. Адам, это Тезер и Мэтт.

– Привет, – робко говорит Адам.

– Рад с тобой познакомиться, – говорит Мэтт.

– Адам, я тоже рада с тобой познакомиться. Ну что ж, добро пожаловать! Чувствуй себя в своей тарелке!

– Хорошо, спасибо!

Тез отводит меня в сторону.

– Лори, он такой лапочка!

- Я знаю.
- Ты точно уверена, что не хочешь с ним...
- Уверена, Тез. Давай закроем эту тему.

Со следующего мгновения я начинаю танцевать. Я, Адам, Тез и Мэтт в центре танцпола, все смотрят только на нас. Я чувствую, как музыка прокрадывается по моим венам к сердцу. Мне становится так хорошо, я вмиг забываю все свои проблемы и полностью погружаюсь в танец. Адам держит меня за руки, мне так тепло, я хочу, чтобы этот вечер никогда не закончился.

Мы с Тез садимся на небольшой кожаный диванчик, а Адам и Мэтт куда-то скрываются от наших глаз.

- Кажется, наши мальчики подружились, – говорит Тез.
- Это так здорово!
- Может, ты мне теперь расскажешь, почему ты не хотела прийти?
- Что тут рассказывать? Ты и так все знаешь.
- Опять родители?
- Да, на этот раз папа.
- Слушай, забей на это. Просто расслабься, все будет хорошо.
- Я на это надеюсь.

Немного отдохнув, я снова отправляюсь на танцпол, на этот раз уже одна, без Адама. Я стараюсь не думать, что будет, когда я вернусь домой. Сейчас самое главное – оторваться так, чтобы еще долго вспоминать об этом.

Минут через десять я снова вижу Адама и направляюсь к нему.

- Где вы были?
- Мэтт показывал мне свой дом, мы разговаривали, он спрашивал, как мы с тобой познакомились и как долго дружим.
- Странно, я не думала, что его это интересует.
- Видимо, интересует.

Через минуту к нам подходит Тез.

- Адам, Лори, не хотите выпить? – в ее руках две рюмки с Хеннесси.
- Нет, спасибо, когда я выпиваю, у меня просто сносит крышу, – говорит Адам.
- Так это же классно, именно для этого мы здесь и собрались! Давай же! – она протягивает ему рюмку, и он делает глоток. – Лори?

- Нет, я не буду.
- Ну что ты, у нас же вечеринка, а не похороны.
- Тез, я не хочу!
- Какая же она скучная! Пойдем, Адам, я хочу танцевать! Тезер хватает за руку Адама и ведет на танцпол. Что самое удивительное – Адам ей поддается. Ну конечно, увидев ее красоту, он сто пудов в нее влюбился и теперь не может ей отказать. Я стою, словно брошенка. Не медля, я снова иду к дивану и начинаю смотреть, как Тез танцует с моим лучшим другом. Ко мне подходит Мэтт.

- Почему не танцуешь?
- Устала.

Мэтт садится рядом.

- Твой друг здесь всем понравился. Я улыбаюсь.
- Ну как, ты готов?
- К чему?
- Ну, Тез мне рассказала, что сегодня вы...
- А, ты про это? Не знаю, наверное, да, хотя я не уверен.

– Не уверен в чем?

– В Тезер. Вдруг секс это все что ей нужно от меня, а потом она меня бросит?

– Знаешь, обычно такое девушки говорят, а не парни.

– Серьезно? – Да.

Тут меня начинает распирать на смех, Мэтта тоже. Боже, пусть эти минуты длятся вечно, пожалуйста. Я бы все отдала за то, чтобы оказаться этой ночью с ним.

Неожиданно кто-то выключает музыку, и все останавливаются.

– Всем добрый вечер! – мое сердце сейчас выпрыгнет из груди от страха. ЭТО НИК.

– Что он здесь делает? – говорит Мэтт.

– Какого черта, Ник?! Мы тебя не приглашали! – говорит Тезер.

– Успокойся, красотка! Я имею право прийти домой к лучшему другу.

– Пошел вон! – говорит Мэтт.

– Мэтт, я пришел сюда с миром. Я хочу повеселиться.

– Я сказал, пошел вон!

– Ну, зачем ты так? Я же просто хотел уладить наши проблемы, а ты меня прогоняешь из дома, – затем Ник со всей силы ударяет Мэтта так, что тот отлетает и врезается в стену. Он поднимается и отвечает Нику. Мэтт повалил его и начинает яростно бить.

– Мэтт!!! – Кричит Тез, но он ее не слышит. – Мэтт, остановись!!! – он продолжает избивать Ника, все начинают выходить из дома. – Пойдите! Куда вы?!! – никто не обращает внимания на Тез, больше половины людей уходят за пределы дома.

Мэтт останавливается.

– Повторяю, пошел вон!

Ник еле-еле встает и находит в себе силы, чтобы плюнуть в лицо Мэтту и уйти.

– Что ты наделал?!!! – кричит Тез.

– Тез, ты чего?!

– Ты все испортил!!! Из-за тебя все ушли!!! Я же просила тебя остановиться!!!

– Ну и что? Пусть уходят! Неужели для тебя так важны эти люди?!

– Важны!! Потому что от них зависит моя репутация!!!

– Я ошибся в тебе. Для тебя важно лишь то, что о тебе думают люди, а не наши отношения!

Мэтт разворачивается и уходит на улицу.

– Мэтт!!!

Тезер начинает реветь.

– Тез, успокойся, – говорю я.

– Я спокойна... спокойна. Спасибо, что вы остались, вечеринка продолжается!

Осталось где-то человек десять, но Тез все равно включает на всю музыку, берет в руки бутылку виски и уходит в левое крыло дома. Я иду за ней.

– Тез, что ты делаешь?

Она делает большой глоток виски, я выхватываю у нее бутылку.

– Я его ненавижу!!! Что теперь обо мне подумают люди?!!!

– Но ведь Ник первый начал.

– Мне все равно! Я думала, что мой парень умнее и первый закончит!!! Отдай виски!

– Ты ведешь себя как...

– Как кто?! Ну, давай, говори, подруга!

– ...как законченная имбицилка! – я возвращаю ей бутылку виски и направляюсь в холл, при этом чувствую, как Тез идет за мной.

– Адам... – говорю я, но меня прерывает Тез.

– Адам! Лори уже уходит, но ты останешься со мной?

– Но мне тоже нужно домой.

– Пожалуйста... меня бросил парень и подруга, неужели и ты меня бросишь?

– Адам, пойдем! – говорю я и хватаю его за руку, но отталкивает меня.

– Глория я... потом приду.

Тез смотрит на меня с ехидной улыбкой на лице, мне стало противно от всего этого, я одна направляюсь к выходу, затем оборачиваюсь и вижу, как Адам делает глотки виски, обнимая Тез. Тут внутри меня все перевернулось. Мой милый деревенский мальчик превратился в омерзительного подонка, как Ник. Я уйду. Я хочу сейчас разрыдаться, но мне уже и на это не хватает сил. Я бегу домой, несмотря на то что мой дом достаточно далеко от дома Мэтта, я даже и не думаю останавливаться. Я хочу затмить эту боль в душе, усталостью и физической болью в ногах.

Не считая минут, я добегаю до дома. И начинаю звонить в дверь, но ни через минуту, ни через пять никто ее не открывает. Я стучу кулаком в дверь, но снова тишина. В панике я понимаю, что оставила свою сумку, где находятся ключи от дома, у Мэтта.

– Черт... – я еще раз звоню в дверь. – Мам, пап, откройте!

Меня никто не слышит, или слышит, но тем самым преподает мне жестокий урок. Папа специально не открывает мне дверь, чтобы проучить меня за то, что я сбежала.

Я, в надежде, что он все-таки одумается, пожалеет меня и откроет дверь, сажусь на ступени крыльца. Меня начинает всю тряссти от холода, потому что на улице осень, и, несмотря на умеренный климат во Флориде, температура сегодня была где-то + 16 градусов, а сейчас почти час ночи, и стало еще холоднее. Папа не открывает. Вы представляете, этот мужчина настолько меня ненавидит, что хочет, чтобы я спала на улице при таком холоде. Мои ноги и пальцы рук настолько окоченели, что я не могу подняться. Но я все-таки нахожу в себе силы и снова начинаю нервно стучать по двери и звонить. Не открывают. Ну что ж, остается только один выход – идти обратно к Мэтту и забрать сумку. Я снова начинаю бежать изо всех сил на этот раз, чтобы согреться и почувствовать в своих жилах тепло.

Я добираюсь до дома Мэтта, уверенно захожу вовнутрь. КАК ЖЕ ЗДЕСЬ ТЕПЛО. В доме совсем пусто. Все разошлись по домам и Мэтта тоже не видно. Я медленно ищу сумку, чтобы до конца насытиться теплом и спокойствием. Наконец, я нахожу ее, и как только я направляюсь к выходу, я слышу чей-то смех. Может, мне это послышалось? Но, спустя мгновение, я снова слышу этот же смех. Похоже, он раздается со второго этажа.

Сама того не понимая я начинаю осторожно подниматься по лестнице. Смех становится все ближе и ближе. Я дохожу до двери той комнаты, где мы были с Тез, смех раздается оттуда. Я приоткрываю дверь, и... ТЕЗ И АДАМ ПОЛУГОЛЫЕ ЛЕЖАТ НА ТОЙ САМОЙ КРОВАТИ. Я закрываю свое лицо руками, чтобы не выдать, что здесь, я даю волю своей истерике, слезы так и льют ручьем из моих глаз. Я бегу вниз, выхожу на улицу, и стараюсь собраться с мыслями. ТЕЗЕР ПЕРЕСПАЛА С АДАМОМ. С АДАМОМ! Как?! Как он мог так со мной поступить?! А она?! Она же моя лучшая подруга!!!

– Лори, – я оборачиваюсь на голос и вижу Мэтта. – Я думал, все уже ушли.

– Я забыла сумку.

– Тез еще там?

– ... да... она сильно напилась, я дотащила ее до одной из комнат, так что лучше ее сейчас не беспокоить. – ПОЧЕМУ?!!! ПОЧЕМУ Я ЕЕ ВЫГОРАЖИВАЮ?!!!

– Ладно. Я подвезу тебя домой, уже поздно.

– Спасибо.

Мы снова едем с Мэттом по ночному городу. В голове я прокручиваю то, что увидела своими глазами несколько минут назад. Предательство лучшего друга и подруги. Мэтт ведь еще

тоже не знает, что натворила Тез. Я могу, конечно, ему сейчас все рассказать, но такое ощущение, будто я онемела: я смотрю вдаль и не могу сказать ни слова. Пусть он сам все увидит, когда вернется домой. Я этого очень хочу.

Мы, наконец, доезжаем до моего дома.

– Вторую ночь подряд... – Что?

– Вторую ночь подряд ты меня подводишь до дома...

– Точно. Тезер сильно на меня злится?

– ...немного.

Я выхожу из машины.

– Ладно, надеюсь, завтра все разрешится... – говорит Мэтт.

– Я тоже так думаю... – я разворачиваюсь и с ехидной улыбкой иду к дому.

Да. Завтра все разрешится. Завтра сломается тот, кто так привык ломать всех.

Теперь посмотрим, Тезер, кто из нас с тобой – слабое звено.

Дорогой дневник!

Сейчас только семь утра, но я уже искренне позавидовала тем людям, которых утром находят мертвыми. Вчера я в очередной раз обежала из дома, к счастью я была не одна, а с Адамом. Вернулась домой я где-то в половине третьего ночи, дома уже все спали, так что никто не заметил, как я вошла. Все оставшиеся часы я просто пролежала на кровати с открытыми глазами. Я не могла уснуть. В голове было столько разных мыслей, что просто взрывался мой мозг.

Тез, моя любимая Тез провела эту ночь с Адамом, другом моего детства. Мне больно. Мне настолько больно, что я захотела плакать навзрыд, но, чтобы меня никто не услышал, я кусала себе руки. Я не могу сказать сейчас, от кого я в большей степени не ожидала произошедшего, но я теперь точно знаю, как низко пали в моих глазах те люди, ради которых я бы захотела жить.

Я все-таки заснула в шесть утра, но будильник разбудил меня, я кое как проснулась, все мои руки в крови от ран, которые я себе оставила, глаза опухшие, по телу бегают мурашки, вроде бы на улице тепло, но меня всю морозит. Я набралась смелости, пошла в душ, привела себя в порядок, и тут я собираюсь зайти к себе в комнату, но на ее пороге стоит папа. Я не могу передать, каким взором он меня «наградил». Так обычно смотрят на человека, который убил сотню народу и без стыда смотрит всем в глаза. Именно этим человеком я сейчас и была.

Затем папа сказал, что теперь я под строжайшим домашним арестом. До школы и после он меня будет подвозить на машине, чтобы иметь полный контроль, если же я возражу ему, то он меня отправит в школу-пансион для девочек, которая находится в Англии! Я, естественно, не смогла ему возразить, потому что последние дни своей жизни я хочу провести дома, со своей семьей и друзьями, поэтому я согласилась на его ультиматум. Так что, дневник, теперь я точно как в тюрьме, лишь бы не сойти мне с ума от этого ежедневного заключения.

Осталось 43 дня. Лори

Я надеваю белую футболку, поверх темно-синий пиджак, такого же цвета брюки, быстро расчесываю волосы и спускаюсь вниз.

— Пап, я готова.

— Садись в машину, я сейчас приду.

Я послушно выхожу на улицу и направляюсь к нашей машине. Перед этим я останавливаюсь около почтового ящика и достаю из него газету, какой-то буклет и письмо. Затем я сажусь в машину и начинаю покорно ждать папу. На секунду обращаю внимание на письмо, оно адресовано маме. Я знаю, что читать чужие письма нехорошо, но в этот момент меня просто распирает от неземного любопытства, так что я немедленно разрываю конверт и читаю содержимое письма. Оказывается, оно с маминой фирмы.

«Уважаемая Джоди Макфин, мы изъясняем Вас, что с 15 сентября 2011 года вы больше не считаетесь сотрудником нашей компании. На Ваш счет перечислена определенная сумма денег из фонда поддержки для безработных.

Подпись»

МАМУ УВОЛИЛИ?! Но... почему, хотя, глупо задавать этот вопрос, после ссоры с отцом и бабушкой она вообще перестала выходить из дома, про работу забыла и все свободное время

проводит с алкоголем. Какая уважающая себя фирма будет терпеть такого работника?

На душе как-то не по себе, я всегда не завидовала тем, у кого работает один родитель, ведь все его средства тратятся только по нужде – еда (и то без излишеств) и плата за дом. Теперь я одна из этих людей. Но больше всего меня волнует не это, а моя мать. Она с каждым днем становится все хуже и хуже. Теряет интерес к жизни. А если она так же как и я, хочет покончить жизнь самоубийством? Нет... нет... не хочу об этом думать.

В машину садится папа.

– Сколько осталось до начала урока? – спрашивает он.

– Полчаса. Никогда так рано не приходила в школу.

– Привыкай. Теперь ты всегда будешь вовремя приходить в школу.

Папа заводит машину, и мы трогаемся с места. В руках я все еще держу письмо, рассказать ему или нет? Не знаю. Скорее всего, я отдам его маме, и пусть она сама решает что делать.

По радио играет какая-то древняя группа, совсем незнакомая мне.

– Сделай погромче. Это моя любимая песня, – говорит папа. Я увеличиваю звук, и папа начинает подпевать солисту.

– Тебе нравится эта группа? – спрашивает он. – Нет.

– Зря, это очень хорошая группа.

– И про что же эта песня?

– Про одноногую проститутку, которая работает в старом кабаре. Господи, как же хорошо, что мой музыкальный вкус – полная противоположность папиному.

Папа останавливает машину напротив школьных ворот.

– Я заеду за тобой, но, если тебя не будет – ты сама знаешь, что тебя ждет.

– Конечно, товарищ надзиратель!

Я выхожу из машины и направляюсь в школу.

А теперь я погружаюсь в раздумья о том, что сейчас с Тез и Мэттом. Представляю, что вчера было. Мэтт застал ее и Адама в комнате, они голые начинают перед ним оправдываться. И он понял, что Тезер за человек и бросил ее. Надеюсь, так все и было.

Первый урок – история. Я нахожу кабинет еще за пятнадцать минут до начала урока. Захожу в класс, ищу глазами заплаканную Тез, но ее здесь нет. Она не пришла в школу из-за вчерашней ночи. Естественно, изменила своему парню с человеком, которого знает меньше дня – да я бы на ее месте покончила собой в этот же вечер.

Я сажусь за парту, достаю учебники и наблюдаю за Мэттом – он о чем-то разговаривает с Карлосом – учеником по обмену из Италии, они смеются на весь кабинет. Что-то Мэтт не сильно похож на человека, который этой ночью расстался с девушкой. Наверное, он просто не хочет подавать вида, что ему плохо.

День пролетает удивительно быстро: не успела я оглянуться, как прошла история, английский и литература. Терпеть не могу идти одной по школе без Тез, сразу кажется, что все смотрят только на тебя и о тебе говорят. Мне не с кем даже поговорить, потому что я общаюсь только с Тезер, все же остальные в школе для меня просто массовка.

Я понимаю, что забыла свой дневник в шкафчике для учебников, поэтому мне придется идти в левое крыло школы. По пути встречаю дружков Ника, но они, к счастью, меня не заметили и прошли мимо, но несмотря на это, сердце мое колотится как бешеное.

Я дохожу до своего шкафчика, открываю его... и снова передо мной лежит письмо в белом конверте. Дружки Ника как раз шли из левого крыла – это снова они. Я аккуратно открываю конверт, достаю письмо и читаю.

«Вчерашние сюрпризы навечно в твоей памяти». Ну конечно! Ник испортил вчерашнюю вечеринку, и из-за этого поссорились Тез и Мэтт, а потом я узнаю, что Адам и моя лучшая

подруга переспали – отличные сюрпризы, нечего сказать! Я снова скомкиваю письмо, выкидываю в мусорку и направляюсь в столовую.

Так много людей, и я совсем одна, как же все-таки непривычно без Тез. Я набираю ее номер, но в ответ лишь слышу монотонные раздражающие гудки. Она не отвечает. Ну и пожалуйста, я не собираюсь перед ней унижаться, да и тем более это она должна мне звонить и извиняться, а не я.

Я кладу на поднос содовую и две булочки, затем вижу, как Мэтт сидит один за центральным столиком. Я направляюсь к нему.

– Привет, – говорю я.

– Привет. Где она?

– Тез? Я не знаю, я у тебя хотела спросить.

– НАВЕРНОЕ, она из-за меня не пришла.

– А вы что, с ней вчера не поговорили?

– Нет, когда я приехал, дома уже никого не было.

КАК?! КАК НЕ БЫЛО?! Не может быть... он ничего не знает. Как она могла исчезнуть до его прихода вместе с Адамом? У меня нет слов... хотя я могу прямо сейчас рассказать Мэтту про то, что я вчера видела, но мой язык просто не поворачивается это сказать.

– ...странно, она была в таком состоянии, я думала, что она останется у тебя до утра.

– Я звонил ей на телефон, но она не берет трубку.

– ...я тоже.

– Слушай, что я такого ужасного сделал, что она меня так сильно возненавидела?

ОНА ТЕБЕ ИЗМЕНИЛА. ОНА ТЕБЕ ИЗМЕНИЛА. ГЛОРИЯ, СКАЖИ ЭТО НЕМЕДЛЕННО!

– Мэтт, я думаю, это очередной ее бзик, скоро все пройдет, и вы помиритесь, вот увидишь!

Мои желания абсолютно не совпадают с моими действиями. Почему я не могу ему рассказать? Всего одно предложение, и Мэтт мой. Но вскоре эта мысль сама улетучивается из моей головы, когда мимо нашего столика проходит Ник. Я собираю пальцы в кулак, но руки начинают предательски дрожать.

– Ты в порядке?

– ...что? А... почему ты спрашиваешь?

– Когда этот урод прошел мимо нас, ты чуть не посинела от страха.

– Ничего... я в порядке, – я проглатываю огромный ком в горле и наконец говорю это. – Хотя нет... не в порядке. Уже второй день подряд кто-то подбрасывает мне письма в мой шкафчик.

– Что за письма?

– На одном было написано: «Не боишься, что с ним может что-то случиться?», а на втором – «Вчерашние сюрпризы навечно в твоей памяти».

– Думаешь, это Ник?

– НАВЕРНОЕ, хотя я в этом не уверена.

– Ну что ж, если он после вчерашнего ничего не понял, значит, я преподам ему еще один урок!

– Мэтт, пожалуйста, не надо! Он опасен.

– Чем он опасен? Я знаю его, как облупленного, это с виду он кажется таким всемогущим мажором, но внутри него таится гнилая душонка, которая боится всех и вся.

После того как я все рассказала Мэтту, мне стало так спокойно, словно у меня появился личный телохранитель. Зачем он это делает? Зачем он с каждым днем меня все больше и больше влюбляет в себя? Я не буду ему ничего рассказывать про Тез, просто не хочу видеть, как ему будет больно. Пусть Тезер, если, конечно, у нее проснется совесть, расскажет все ему сама. Я

думаю, так будет намного лучше.

Следующие два урока пролетают так же быстро, как и предыдущие. Из-за того, что я сидела сегодня одна за партой и мне не с кем было поговорить, мне пришлось слушать учителей. ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ? Я заставляла себя не заснуть перед глазами учителей и делать умный вид, что я их понимаю (хотя в большинстве случаев это не так). Не хочу сказать, что прямо-таки тупая, просто, когда в твоей голове мысли о предательстве лучшего друга и подруги, о том, что рано или поздно тебя пришибет Ник со своей шайкой, как-то не очень-то и думается об учебе.

На геометрии мне сказали, чтобы я отнесла домашнее задание Тезер, ибо на следующий урок у нас контрольная и нужно хорошо подготовиться. Мне так не хочется смотреть в лживые глаза моей подруги, но, похоже, придется.

Я иду в кабинет математики, как вдруг за своей спиной слышу голос Мэтта.

– Лори, – я оборачиваюсь. – Слушай, а что если мы сегодня вечером пойдем в какой-нибудь паб?

– Ты и я?... – наивно спрашиваю я.

– ЕЩЕ Тезер, и я уже пригласил Адама.

– Я не смогу... – только не говори, что ты под арестом, придумай что-нибудь умное, живо! – По социологии на завтра задали делать проект, так что я занята.

– Лори, я хочу помириться с Тез, она твоя лучшая подруга, она тебя слушает. Пожалуйста! – он берет меня за руку.

Тут я просто начинаю таять. Разве я могу ему отказать – я же это потом себе никогда не прощу.

– Ладно, думаю, социология подождет.

– Спасибо.

Я стою как дура с улыбкой до ушей, никогда мы еще с Мэттом не были так близки, раньше мы общались просто «привет – пока», да и то, только в присутствии Тез, но теперь все изменилось, я думаю, этот случай с Ником нас сблизил, и мне это нравится. В следующую секунду я делаю шаг назад и сталкиваюсь с Королем прыщей. Второй раз подряд! Из моих рук падают учебники, и разлетаются бумаги.

– Чед!!!

– Прости, я не хотел.

– Ты что, нарочно это делаешь?!

– Я правда не хотел, я сейчас все соберу.

Чед присел на колени и начал собирать мои учебники. Он кажется таким напуганным, что я даже посчитала себя виноватой в этой ситуации. Наконец, когда все разрешилось, я продолжаю свой путь к кабинету математики.

Я люблю все предметы в школе, даже эту скучную философию, которую ведет старикашка мистер Коннали, но я терпеть не могу математику. Не то чтобы я ее вовсе не понимаю, просто мой аналитический склад ума не рассчитан на то, чтобы вычислять все эти дурацкие квадратные корни, уравнения, графики – в этом я полный ноль. Я люблю те предметы, где можно почитать, вызубрить текст, те предметы, которые я, в конце концов, способна понять. Но мой же отец считает, что я должна быть абсолютным гением по всем предметам.

Мисс Лоренс объясняет новую тему и постоянно смотрит на меня: сначала я думала, что мне это кажется, но потом я все-таки убедилась, что она действительно не сводит с меня глаз. Что я опять не так сделала? В последние дни я реально начала готовиться к урокам, иначе отец с меня три шкуры сдерет, а я больше не хочу скандалов в доме.

Урок, наконец-то, закончился. Я с облегчением вздыхаю.

– Урок окончен, все свободны, – говорит мисс Лоренс, но, сделав паузу, она обращается ко

мне. – Глория, останься, пожалуйста.

Ну, конечно! Не зря она на меня так смотрела на протяжении всего урока. Сейчас опять устроит мне выговор и пригрозит снова прийти ко мне домой. Ну за что мне это?!

– Я проверила твой вчерашний тест и хочу тебя поздравить, у тебя хорошая твердая четверка!

– Здорово! Я же говорила, что буду стараться.

– Молодец.

Открывается дверь и в кабинет заходит папа.

– Здравствуйте, мисс Лоренс.

– Здравствуйте, мистер Макфин.

– Пап, смотри, я получила четыре.

– Отлично! Мисс Лоренс, я хочу сказать Вам спасибо, ведь только благодаря Вам я понял, каким ужасным отцом я был.

– Ну что Вы, такое с каждым бывает, главное, что Вы вовремя ступили на тропу исправления.

Они начинают мило улыбаться друг другу. Боже, меня сейчас стошнит. Я все-таки заставляю папу выйти из кабинета, и мы с ним вместе направляемся к машине.

– Завези меня, пожалуйста, к Тезер.

– Ты что, забыла, что я тебе сказал по поводу подруг?

– Нет, у меня с памятью все в порядке, просто Тез сегодня не было в школе и мне поручили передать ей домашнее задание.

– Ладно, только на пять минут – не больше!

Вот, сейчас меня ждет непростое испытание. Я даже не знаю, как я буду смотреть ей в глаза, не то чтобы мне противно... хотя нет, мне ПРОТИВНО, потому что чего-чего, но ТАКОГО я от нее не ожидала. Мы с ней дружим где-то четырнадцать лет, я прекрасно знаю, что она та еще стерва и что она способна жестоко манипулировать людьми, но я никогда бы и не подумала, что она сможет переспать с первым встречным, да и тем более втайне от своего парня. К тому же, если бы у меня был ТАКОЙ парень, как Мэтт, то я бы надела жестяные трусы верности с замком.

Мы подъехали к дому Тез. Я беру листочек с записанным домашним заданием для Тезер, подхожу к двери и начинаю звонить.

Спустя минуты три дверь открывается и на порог выходит Тез, не накрашенная и с ужасными отеками.

– Лори, привет.

– Привет, Тез, я принесла тебе домашнее задание.

– Спасибо... проходи.

– Нет, я не могу, меня папа ждет в машине.

– Всего на пять минут, – она хватается меня за руку и заводит внутрь дома. – Прости меня, пожалуйста, – Тез обнимает меня и начинает реветь.

– ...за что?

– За вчерашнее, я вела себя, как самая настоящая дура!

– Да я уже привыкла.

– Перестань! Ты должна сказать: «Ну что ты, ты просто была слишком пьяна».

– Ты – дура, и ты была слишком пьяна.

– Значит, ты меня не простишь?

Только я открыла рот, чтобы ответить, как тут раздается рингтон телефона Тез. Она берет его в руки, отключает и бросает на кресло.

– Кто это был? – спрашиваю я.

– Мэтт... он спрашивал про меня?

– ...да, – с горечью говорю я, – он хочет с тобой встретиться.

– Я не хочу.

– Почему? – я делаю вид, будто не понимаю, чего так боится Тез.

– Потому что... потому что он мне противен! Он так ужасно со мной поступил! Я не хочу с ним разговаривать!

Ну ничего себе. Да уж, это в стиле Тезер. Она прекрасно знает, какой ужасный поступок она совершила, но при этом обвиняет Мэтта.

Я смотрю на нее с таким презрением. Как же хочется высказать ей все в лицо, но это же я, разве я могу сделать так, чтобы мои мысли и действия совпадали?

– Я прощу тебя, если ты с ним встретишься.

– Ладно... я ему перезвоню.

– Вот и хорошо. Тогда я пойду, а то я под домашним арестом.

– Серьезно? В который раз? – смеется Тез.

– Я уже устала считать, – смеюсь я.

Я выхожу из ее дома, на душе какой-то непонятный осадок, она мне ничего не рассказала, она даже не боится смотреть мне в глаза и ей нисколько не стыдно. Вот это подруга у меня!

Я сажусь в машину с абсолютно отрешенным видом. Папа заводит автомобиль и смотрит на меня, я же в это время смотрю ненавистным взглядом на прямостоящий столб, представляя, что это Тезер.

– Мне не нравится, что ты молчишь, – говорит папа.

– Прости?

– Ты помнишь, когда мы с тобой в последний раз общались как отец и дочь?

– А разве такое вообще было?

– Вот и я о том же. Глория, ты мне можешь рассказать обо всем, что тебя волнует, или спросить о чем-то – я всегда тебе отвечу.

Я молчу минут пять, а затем задаю папе вопрос.

– Пап, почему люди врут?

– Ну, потому что без этого никак. Люди врут всегда и везде и только по двум причинам. Первая – они хотят выгородить себя из какой-то ситуации. Вторая – они хотят защитить кого-то, кто им по-настоящему дорог.

Да уж, с таким советчиком мне можно сразу петлю на шею надевать.

– Спасибо... ты мне очень «помог».

– Согласен, психолог я так себе, но зато физически хорошо развит, так что, если тебя кто-то обижает – просто расскажи мне, и тот пожалеет.

– Хорошо, а что если один парень из школы хочет меня убить из-за того, что его чуть не убила я?

– Хорошая шутка, Глория. Но в следующий раз говори мне о серьезных вещах.

Я НЕ ШУЧУ, ПАПА, Я НЕ ШУЧУ!

Через несколько минут мы добираемся до нашего дома. Я поднимаюсь к себе в комнату. Сегодня удивительно спокойный день, без всяких инцидентов для меня. Мне так не хватало такого дня. Когда можно просто думать о своих проблемах и не переживать за новые. Я начинаю делать уроки на завтра, но меня отвлекает неожиданный звонок от Тез.

– Лори, почему ты мне не сказала, что Мэтт позвал меня, тебя и Адама в паб?

– Значит, ты ему все-таки позвонила?

– Мне пришлось.

– Тез, вы обязаны с ним встретиться, по телефону проблемы не решаются.

– Я знаю. Но ты точно придешь?

– Я постараюсь быть пайнкой для папы, может, он меня отпустит. Хотя, я в этом не уверена.

В эту же минуту заходит в комнату папа.

– Глория, с кем ты разговариваешь?

– Неважно. А почему ты спрашиваешь?

– Отдай телефон.

– Но пап...!

– Я сказал, отдай мне телефон!

– Ты запретил мне выходить на улицу, общаться с друзьями, а теперь и забираешь мой телефон?!!!

– Все верно.

Я тяжело вздыхаю, мне бы еще кандалы на ноги нацепили, чтобы я окончательно была как в тюрьме. Я отдаю свой телефон.

– Поверь мне, я все это делаю для твоего же блага.

Я не отвечаю. Разворачиваюсь к нему спиной и начинаю писать в тетрадь. Он уходит. Мои последние дни жизни будут в полном заточении от внешнего мира. Ну замечательно! Я начинаю осознавать, как сильно я ненавижу своих родителей, от этой мысли у меня появляется нервная дрожь в руках. Я закрываю ладонями лицо и пытаюсь успокоиться. В конце концов, я же не человека убила! И не ограбила банк! Всего навсего получила несколько троек по математике, которые я могу исправить в считанные дни, и ушла на вечеринку, при этом выполнив все уроки. Это просто несправедливо.

Ко мне на колени запрыгивает Принц и начинает мурлыкать.

– Что, мой хороший? – говорю я шепотом.

Затем я беру его на руки и ложусь с ним на кровать. Закрываю глаза и стараюсь ни о чем не думать. Через несколько секунд я понимаю, что больше не могу открыть веки. Я засыпаю.

Какой-то непонятный разговор. Он становится еще громче, когда я открываю глаза. На часах половина восьмого, значит, я проспала где-то часа четыре. Я чувствую противную ломоту в теле, во рту сухо, рядом лежит Принц в позе креветки. Мои мысли начинают проясняться спустя пять минут. Я прислушиваюсь к разговору. Кто-то к нам пришел в дом, потому что с первого этажа раздаются какие-то звуки.

Я спускаюсь вниз и вижу, на пороге стоят бабушка и Макс. На моем лице сразу появляется улыбка, мне так их не хватало.

– Бабушка!

– Глория, как же я соскучилась по тебе, – мы обнимаем друг друга.

– Привет, Макс.

– Привет, это тебе, – он дает мне в руки огромную коробку конфет.

– Спасибо! Я так рада, что вы к нам приехали!

– Похоже, ты единственная, кто нам рад в этом доме, – говорит бабушка.

Я разворачиваюсь и вижу недовольные физиономии мамы и папы.

– Мама, я просто не понимаю, зачем ты к нам приехала? У тебя все хорошо, скоро свадьба с этим сосунком, а если ты хочешь пригласить нас на нее, то ты уже заранее знаешь мой ответ, – говорит мама.

– Да, я знаю и приехала я не за этим. В эту субботу я уезжаю в Париж, мне там сшили платье для свадьбы на заказ, и я хочу, чтобы Глория поехала со мной.

Вот тут моя челюсть отвисла до пола.

– В ПАРИЖ? Бабушка, ты серьезно?!

– Серьезнее некуда!
– Господи!!! Я очень хочу поехать.
– Вот и продолжай дальше хотеть, потому что ты никуда не поедешь, – говорит папа.
– Почему?! – спрашиваю я.
– Ты под арестом! Забыла?
– Дэвид, не волнуйся, поездка двухдневная, она будет под моим присмотром. Так что все будет хорошо.

– Ах вот как? Хочешь переманить мою дочь на свою сторону?! Так вот знай, у тебя ничего не получится!!! Я не позволю Глории ехать куда-то с шестидесятилетней маразматичкой, которая готова отдаться каждому!!! – кричит мама.

– Ч-что?.. – бабушка еле на ногах устояла после услышанного.

У меня внутри что-то передернулось...

– Заткнись, мама!!! – кричу я, – как ты смеешь ей такое говорить?!!!

– А как ты смеешь повышать на меня свой голос?!!!

– Так же, как и ты на свою мать!!!

– Ах ты, мерзавка. Вот, значит, как ты заговорила?! Стоило тебя поманить дорогой поездочкой, так ты сразу полюбила бабушку, которой целый год не звонила?!!!! Я не знала, что моя дочь такая продажная!!! Не зря я тебя возненавидела в первый же день твоего рождения. Лучше бы я тебя оставила в приюте!!!

Слезы самопроизвольно полились из моих глаз. Я стою с открытым ртом, затаив дыхание. Я слышу, как громко стучит мое сердце, я сжимаю ладони в кулаки, и, наконец, нахожу в себе силы, чтобы вновь заговорить после услышанного.

– ...действительно. Лучше бы оставила, потому что я жалею, что у меня такая мать, как ты! – сквозь слезы говорю я. – Ты посмотри на себя! На кого ты похожа?! Ты пьешь целыми днями, блюешь у всех на виду, от тебя омерзительно пахнет!!! – кричу я и достаю из кармана письмо от маминой фирмы, – а еще, знаешь, папочка, что мама теперь безработная!!! Ее уволили!

– Что?.. – спрашивает папа.

– Посмотри, чего ты добилась в этой жизни! Ты законченная неудачница!!! – я со всей силы бросаю письмо в лицо матери и выбегаю из дома.

У меня началась настоящая истерика, я высказала все, что так долго копилось в моей душе. Мне больно, и я чувствую, как сейчас больно моей матери, но мне ее абсолютно не жаль, я даже рада, что теперь она, наконец, знает, что я о ней думаю.

Бабушка подходит ко мне.

– Глория... прошу, не плачь, детка.

– Бабушка, спасибо что ты у меня есть...

– Ну, что ты... значит так, иди домой, собирай вещи – сегодня ты ночуешь у меня, а завтра мы будем с тобой готовиться к Парижу!

– Бабушка, я не хочу, чтобы ты на меня тратилась.

– Что за глупости? Я очень хочу, чтобы ты хотя бы пару дней отдохнула от этого кошмара. Если хочешь, то можешь позвать кого-нибудь из друзей. Подругу, например.

– Тезер? Да, я хочу.

– Ну, вот и отлично, значит, позови ее. Нам втроем даже будет веселее.

– Хорошо. Тогда я пойду собирать вещи?

– Да, мы тебя здесь подождем.

– Я быстро.

Я забегаю в дом, вижу, как на кухне папа орет на маму из-за того, что ее уволили, но мне на

это наплевать, я хочу как можно быстрее уйти из этого дома.

Я со скоростью света достаю чемодан и собираю вещи. Затем беру сумку с учебниками на завтра. Принц начинает ласкаться у моих ног и жалостливо мяукать.

– Прости, Принц. Я скоро вернусь, обещаю.

Затем я быстро спускаюсь по лестнице и выхожу из дома.

– Садись, – говорит бабушка.

– Знаешь, возьми мои вещи, а я потом приду. Я хочу зайти к Тез и рассказать ей о предстоящей поездке.

– Хорошо, только долго не задерживайся, а то я буду волноваться.

– Ладно.

Бабушка и Макс уезжают, а я тем временем ловлю такси и направляюсь в паб.

Время – пятнадцать минут девятого, я добираюсь до паба, у нас их немного в городе, поэтому мы выбрали небольшой паб в центре для наших посиделок, там мы справляли день рождения Тезер, где я впервые попробовала пиво.

Я захожу внутрь паба и вижу Тез за крайним столиком у окна.

– Ну наконец-то, я думала ты уже не придешь.

– А где Мэтт и Адам?

– Они пошли курить.

– Ясно. Ты с ним поговорила?

– Еще нет... я боюсь.

– Чего боишься?

– Лори... ты должна кое-что знать... этой ночью я была вместе с Адамом... – Тез вновь начинает реветь.

– ...и что же вы делали?

– Я лишилась... ну, ты понимаешь...

– Как же это произошло? – я делаю вид, будто меня это удивило.

– Мы с Адамом выпили целую бутылку виски, мы вообще ничего не соображали. Прости меня...

– За что ты извиняешься? – говорю я, проглатывая ком в горле.

– Но ведь Адам твой друг...

– Вот именно, друг, а не парень. Все в порядке.

– Как я это скажу Мэтту? Я же предала его...

Ну, наконец-то, она все-таки почувствовала себя виноватой. Что ж, придется брать ситуацию в свои руки.

– Ничего не говори. Я ему ничего не расскажу, думаю, Адам тоже. Пусть это останется между нами.

– ...ты думаешь, это правильно?

– Так или иначе, он не должен об этом знать. Ведь ты же это не специально сделала.

– Нет, не специально... я чувствую себя последней шлюхой.

– Знаешь, а у меня есть для тебя крутая новость.

– Думаешь, меня сейчас может что-то развеселить?

– Думаю, да. Бабушка предложила мне и тебе поехать вместе с ней в Париж!

– Что?! Это что, шутка?

– Нет! Мы сможем по-настоящему оторваться и хоть на время забыть о наших проблемах.

– Лори, я тебя обожаю! – Тез начинает улыбаться сквозь слезы, затем она меня крепко обнимает.

В эту минуту к нам приходят Мэтт и Адам.

- Привет, – говорит Мэтт.
- Привет, – говорит Адам.
- Всем привет, – говорю я.
- Что вы такие счастливые? – спрашивает Мэтт.
- Мы с Лори едем в Париж!
- Seriously?
- Да, – смеется Тезер.
- Ну, тогда нужно выпить за это! – говорит Адам. – Бармен! Нам приносят четыре рюмки

текилы.

- Тез, ты простишь меня? – говорит Мэтт.
- Разве я могу сказать нет?

Их губы смыкаются в поцелуе. Я смотрю на все это, и у меня на глаза наворачиваются слезы от обиды. Но все же, это я их помирила, так что не нужно все принимать близко к сердцу. Я беру рюмку текилы и выпиваю до дна, Адам, Тез и Мэтт последовали моему примеру.

Во рту все стало противно жечь, но я не обращаю на это внимание, я иду в центр паба и начинаю танцевать, Мэтт просит сделать музыку погромче и также начинает танцевать вместе с Тезер, затем к нам присоединяется Адам. И так продолжается наш вечер. Мы пьем текилу и танцуем, не обращая ни на кого внимания.

Когда уже полностью потемнело на улице, мы решаем прервать наше веселье. Я выпила достаточно рюмок, но, однако, чувствую себя адекватно.

- Всем пока! – говорит Мэтт, обнимая за талию Тез.
- До завтра! – говорит Тезер.
- Готовься к Парижу!
- Пока, – говорит Адам.

Тез и Мэтт уходят в одну сторону, мы с Адамом в другую.

- Классно посидели, – говорит Адам и берет меня за руку.
- Не трогай меня!
- Глория, ты чего?
- Не делай вид, что ты ничего не понимаешь! Как ты мог, Адам?!
- Я действительно не понимаю, о чем ты?
- О тебе и Тезер, и о ночи, которую вы провели вместе с ней!
- Откуда ты знаешь?
- Мне все рассказала Тез, мы подруги!
- ...я не хотел этого... я не знаю, как это получилось...
- Ну, конечно!!! Ладно Тез, она глупая и была сильно пьяна, но ТЫ! Ты же прекрасно

знаешь, что у нее есть парень, с которым, как мне показалось, вы отлично ладили. Зачем ты это сделал?!

- Она сама этого хотела. Я всего лишь поддался...
- Адам, я думала, ты другой...

Я разворачиваюсь и иду вперед.

- Глория... я сделал это не по пьяни... кажется, я люблю ее. Я останавливаюсь.
- Что за бред, когда ты успел ее полюбить?!
- Не знаю... мы вчера долго разговаривали, когда ты ушла, и я понял, какой она человек...
- И какой же она человек?
- Она – прекрасная, ее невозможно забыть.
- Даже если это и так, у нее есть парень, так что тебе придется постараться ее забыть.

Я снова продолжаю движение.

– Ты же сама хочешь, чтобы они расстались! – Ты что, совсем?!!!

– Ты прекрасно знаешь, что я прав, – он подходит ко мне ближе. – Думаешь, я не заметил, как ты смотрела на Мэтта, когда он целовал Тез? Признайся, он тебе нравится!

– Адам, перестань нести чушь!

– Просто выслушай меня! Я хочу здесь остаться. Я сниму жилье, найду где-нибудь работу, отец будет только рад, если я выберусь в город. Просто мне нужно хотя бы пару дней пожить где-нибудь, чтобы обустроиться.

– «Где-нибудь» – это мой дом?

– Почему бы и нет? Глория, ты – единственный человек, которого я хорошо знаю в этом городе. Ты мне поможешь?

– Что мне с этого будет?

– Ну, например, мы можем организовать союз. Только вместе мы сможем разлучить эту парочку, при этом не сделав никому больно.

– Господи, что ты несешь?

Адам плюет на ладонь и протягивает ее ко мне.

– Ты согласна?

А что, почему бы и нет? Если Адаму нравится Тез, а мне Мэтт, почему бы нам действительно не организовать союз? Тем более эта «сладкая» парочка все равно на грани разрыва. Я плюю на ладонь и жму руку Адаму. – Да. Я хочу разлучить Тезер и Мэтта. Я хочу быть с Мэттом...

Это утро особенно светлое и теплое. Тишина еще не проснувшегося мира смешивается со стуком тарелок на кухне. Здесь мне не страшно открыть глаза, здесь я ощущаю себя в полной безопасности. И мне совершенно не хочется думать о родителях, я даже не хочу вспоминать их злые лица. Эти пару дней просто обязаны быть спокойными и без особых происшествий.

Я надеваю на себя голубую блузку и джинсы, я взяла с собой сравнительно немного вещей: пару брюк, четыре футболки, свитер и эту блузку. Конечно же, я еще взяла дневник, это же часть меня, я не могла его там оставить.

Захожу на кухню, бабушка стоит у плиты, Адам сидит за столом и о чем-то с ней беседует.

– Всем доброе утро.

– Доброе утро, детка, – говорит бабушка.

– Доброе утро, – говорит Адам.

– Можешь позавтракать оладьями, или у меня есть твои любимые хлопья.

– Спасибо, бабушка, но я не хочу.

– Как это? Впереди еще целый день в школе, нужно подкрепиться!

– Я поем в столовой, но сейчас у меня нет аппетита.

– Хорошо, но я на всякий случай положу тебе в контейнер яблоко и пару оладьев.

Бабушка уходит в другую комнату, я остаюсь вместе с Адамом.

– Она такая заботливая, – говорит Адам.

– Я ее обожаю. Какие планы на сегодня?

– Я постараюсь найти работу и начну искать жилье.

На кухню снова заходит бабушка и прерывает наш разговор.

– Искать жилье? Зачем, Адам? Ты можешь жить у меня.

– Мне неудобно вас стеснять.

– Ну что ты, ты же мне как внук, вы ведь с Глорией провели почти все детство вместе, живи у меня, сколько хочешь!

– Спасибо, мисс Мальбресс.

Надо же, он помнит фамилию бабушки.

– Зови меня просто Корнелия, – бабушка и Адам улыбаются. – Глория, Макс отвезет тебя в школу. Собирайся.

Сегодня последний день учебы, а завтра я уже буду наслаждаться красотами Парижа. Сама тому не верю, но, кажется, сейчас у меня действительно все хорошо. Я быстро собираю рюкзак, сегодня нетрудные предметы, за исключением химии, вчера я пришла к бабушке полупьяная, и во мне уже не оставалось сил учить параграф.

Как только я подхожу к порогу дома, слышу за спиной голос бабушки.

– Глория...

– Да, бабушка.

– Может, ты позвонишь матери?

– Зачем?

– Вдруг она волнуется?

– Она не волнуется, я тебя уверяю, единственное, что ее беспокоит в последнее время – это то, чтобы в домашнем баре была запасная бутылка портвейна.

Бабушка промолчала, я поняла, что она абсолютно согласна со мной.

Я сажусь в машину Макса, мы трогаемся с места. Макс достает из сумки небольшую алюминиевую банку, открывает ее и делает глоток.

- Ты пьешь за рулем?
- Это энергетик, мне нужно взбодриться. Хотя Корнелия это не одобряет.
- Как твои родители отнеслись к свадьбе с моей бабушкой?
- Они не знают. Да и им неинтересно.
- Ты с ними не общаешься?

– Нет, в восемнадцать лет я ушел из дома, потому что жизнь с ними стала просто невыносимой. Они меня начали допекать, следить за мной, мне это надоело, и я сбежал.

– И с тех пор ты им даже не звонишь?

– Нет, у них своя жизнь, а у меня своя. Самостоятельная жизнь, конечно, не сахар, но она тоже немного сладкая.

Я улыбаюсь.

Мы подъехали к школе, я смотрю на часы, до начала первого урока осталось пять с лишним минут, я, не торопясь, иду к кабинету английского, по пути нахожу свой шкафчик, открываю его и, что вы думаете... ОПЯТЬ ПИСЬМО. Кажется, эта шутка немного затянулась. Я комкаю конверт и выкидываю в пустое мусорное ведро. Мне это уже надоело, что Ник от меня хочет? Почему он подкидывает эти письма со странными надписями? Только в моей жизни наконец-то появляются проблески белой полосы, так тут снова является Ник.

Около библиотеки я встречаю Тез и Мэтта. Они стоят в обнимку, Тез целует Мэтта в ухо, тот смеется... в общем, меня сейчас стошнит.

– Привет всем, – говорю я.

– Лори, смотри, я похожа на француженку?

Тез сегодня одета в коротенькую клетчатую юбку, такого же тона берет на ее макушке, а белая блузка с кокетливым вырезом значительно увеличивает объем ее груди.

– Скорее ты похожа на тринадцатилетнюю фанатку Джастина Бибера.

– Я так и знала! А Мэтт сказал, что мне очень идет.

– Ну, я же не законодатель мод. Главное, юбка короткая, сексуальная, мне нравится.

– Тезер, подойди ко мне, пожалуйста, – говорит мисс Лоренс. Тез послушно идет ей навстречу. Мэтт подходит ко мне.

– Сегодня без происшествий? – спрашивает он.

– В смысле?

– Я про письмо.

– ...Ник не останавливается.

– Что он опять написал?

– Я не читала, я сразу его выбросила.

– Зачем? Неужели тебе не хочется узнать, что сегодня на уме у этого урода?

– Оно еще там лежит.

– Пойдем.

Мэтт хватается меня за руку, мы подходим к мусорному ведру, он аккуратно достает из него скомканный конверт, открывает его и читает.

– «Пытаешься убежать?»

– Что это означает?

– Ты кому-нибудь рассказывала про Францию?

– Нет...

– Странно, он как-то узнал об этом.

– У меня уже скоро разовьется паранойя, кажется, что он преследует меня ежеминутно.

– Он просто хочет тебя запугать, держать в страхе, не обращай на него внимания.

– Эй! Что вы здесь делаете? – кричит Тезер.

– Мы ходили за дневником, – соврал Мэтт.

Мы все вместе идем на урок, прекрасно зная, что опаздываем на три минуты. Мы с Тезер начинаем обсуждать нашу поездку, мы уже продумали по каким магазинам прогуляемся в Париже.

Английский, за ним физика, проходят быстро, физик мне чуть не вклеил два за подготовку домашнего задания, точнее за не подготовку, но я спасла ситуацию тем, что рассказала ему два определения из курса механики.

Химия – это урок, которого я очень боюсь, несмотря на то что мисс Пайпер достаточно мягкотелый человек, двойку она поставить мне может и даже не одну, а этого мне не нужно.

– Кстати, я забыла тебе сказать, перед поездкой нам нужно привести себя в полный порядок, так что я записала нас в салон красоты к одному моему знакомому мастеру.

– Тез, не нужно. Я сейчас на мели, живу у бабушки...

– Насчет этого не парься, я уже за все заплатила, да и к тому же, я тебе по гроб жизни обязана...

– ...Адам решил остаться здесь жить.

– Что?! Зачем?

– Ему понравился наш город, да и к тому же, зачем ему «тухнуть» в том захолустье.

– Отлично! Теперь он все расскажет Мэтту.

– Не расскажет, ему просто незачем это делать, тем более они хорошо ладили с Мэттом.

– Ты думаешь?..

В следующую секунду в класс заходит мисс Пайпер, и мне стало легко на душе, когда она произнесла заветные слова: «У нас будет лабораторная работа».

Как обычно, она распределяет нас по парам, а я, как обычно, молю, чтобы мой партнер был ботаником, и мы выполнили работу на «отлично». К счастью, моя мольба была услышана и моим партнером стал Чед Маккупер.

Я прослушала задание, но Чед даже записал слова Пайпер в блокнот, я поражаюсь его задротничеству по учебе.

– Чед, ты не против, если ты будешь выполнять задание, а я наблюдать за тобой и записывать?

– Конечно, нет. Но зря ты отказываешься от работы, химия – это очень познавательно.

– Для кого как, Чед.

Ровно десять минут я наблюдаю за тем, как он протирает многочисленные пробирки и читает этикетки на колбах. Если честно, он начинает меня бесить, а еще больше меня бесят его выпуклые очки с толстенными линзами, его глаза кажутся такими маленькими, будто он вьетнамец-подросток, честное слово.

– Так, нам нужно получить сульфат калия, для этого я смешиваю щелочь КОН с серной кислотой.

– И что, это все?

– Да, напиши название реакции, и мы можем сдать работу.

– ...название реакции...

– Нейтрализация.

– Да, точно! Нейтрализация! Я просто забыла.

– Если хочешь, я могу подтянуть тебя по химии.

– Нет, Чед, я прочитаю пару параграфов и все пойму. Чед зовет мисс Пайпер к нашему столу.

– Так, Глория, что у вас получилось в результате реакции?

Я открываю рот и ничего не могу сказать, ПОТОМУ ЧТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ.

– Результат реакции... он... в общем...

– Глория хочет сказать, что реакция прошла успешно и у нас образовались растворимая соль и вода, – подхватил меня Чед.

– ...да! И вода...

– Молодцы, я ставлю вам по пятерке.

Я с облегчением вздыхаю. Пятерки мне сейчас очень нужны, возможно, из-за них папа перестанет меня гнобить.

– Спасибо, Чед.

– Да ладно, пустяки.

Чед покраснел от смущения.

Получать пятерки всегда приятно, и мое настроение сразу улучшилось.

Дорогой дневник!

Сейчас урок геометрии, но я не думаю об этих окружностях и аксиомах, сейчас я полностью погружена с головой в мысли о предстоящей поездке. Я никогда не была во Франции. Я вообще редко выезжаю из своего маленького городка. И поэтому обидно было бы умереть, так и не побывав в каком-нибудь прелестном месте. Я еду вместе с Тезер и бабушкой. В этой поездке я должна постараться не думать о маме и папе, потому что я очень устала от всех этих проблем. Вчера у нас как всегда состоялся грандиозный скандал, в котором я высказала все маме в лицо, и мне даже не было стыдно, мне и сейчас нисколько не стыдно. Во мне что-то изменилось, только я не могу понять, что именно. Может, я стала взрослее? А может, у меня просто закончилось терпение, оно ведь ни у кого не вечное.

Осталось 42 дня. Лори

После школы Мэтт отвез нас в салон красоты. Если честно, я и представить не могу, что можно сделать с моей внешностью. Мы заходим внутрь, здесь так приятно пахнет чем-то цветочным. Зал пустой, все мастера будут работать только на нас. Тезер разговаривает с главным стилистом салона – его зовут Ден, по его походке и тону голоса можно сразу понять, что он гей. На ногтях рук у него черный лак с блестками, щеки отдают легким румянцем, и сначала мне показалось, что у него накрашены глаза, но потом я поняла, что у него такие густые черные ресницы.

Две девушки азиатской внешности начали делать нам педикюр, третья девушка – маникюр, а четвертая наносила нам на кожу какую-то непонятную зеленую смесь. Ден сказал, что это особая восточная маска из киви и каланхоэ. Лицу сразу стало так приятно и свежо, я начинаю засыпать в таких райских угодьях.

Спустя несколько минут нам смывают маску, и Тез обращается к Дену.

– Ден, а как ты думаешь, Глории пойдет более темный цвет волос?

– Безусловно, она так даже станет еще красивее.

– Тогда приступай.

– Тез, нет, – говорю я.

– Лори, ты просто обязана подцепить какого-нибудь француза, а я обязана сделать из тебя красотку, так что молчи.

Ден начинает наносить на мою голову краску, около корней немного щиплет, но, в целом, это даже приятно, он массирует мою голову, я начинаю как дура улыбаться, не обращая ни на кого внимания.

Поверить не могу, что через несколько мгновений у меня будет другой цвет волос, до этого я никогда не красила волосы, потому что мама говорила, что у меня прекрасный цвет волос и

незачем его портить.

Ден смывает краску под теплой струей воды, сушит волосы и поворачивает кресло, на котором я сижу, к зеркалу.

НИЧЕГО СЕБЕ! Я не узнала свое отражение. Это была вовсе не я, а какая-то симпатичная брюнетка, смотрящая мне в глаза. Мои волосы стали на три тона темнее, они так красиво переливаются из-за лучей лампы, что я не могу от них оторваться.

– Ден, ты просто волшебник! – говорю я.

Тезер так же рассматривает волосы. Ее тоже покрасили, но она осталась блондинкой, только с пепельным отливом.

Мы выходим из салона и ловим такси, нужно как можно раньше вернуться домой и собрать вещи, потому что рейс рано утром.

– Я даже не знаю, как тебя отблагодарить, – говорю я.

– Да брось, это всего лишь покраска. Теперь ты поняла, насколько ты красива?

– Спасибо тебе. Кстати, ты мне так и не рассказала про свои ощущения после ночи.

– Ну, если честно, я помню только начало. Эти нежные, робкие прикосновения, он снимает с меня одежду, а я с него... и поцелуй, такой долгий, предвещающий... нечто иное.

– Было больно, когда он вошел в тебя?

– Фу, Лори! – Тез смеется. – Я была слишком пьяна и это подействовало как наркоз, но все следующее утро я провела с грелкой на животе, была такая противная боль...

Тут мы погружаемся в дикий смех и не замечаем, как остановилось такси.

Я возвращаюсь в бабушкин дом, все поначалу не узнали меня с новым цветом волос, но затем сказали, что мне очень даже идет. Адам, к счастью, нашел себе работу в автосервисе. И он уже несколько сотен раз поблагодарил меня за то, что я помогла ему обжиться в незнакомом городе.

Завтра свершится поездка моей мечты. Наверное, это самое лучшее, что произойдет перед моей смертью.

Дорогой дневник!

Я сейчас нахожусь на высоте 6000 метров над землей. Еще девять часов и мы будем в Париже! В самолете невероятно холодно, несмотря на то что я в достаточно теплой толстовке и мне еще принесли плед. Я сижу у иллюминатора, рядом со мной сидит Тез, читает журнал, а на крайнем сидении сидит бабушка, завернутая в плед. Уши противно заложило, запрещают включать плеер, и еду подадут еще не скоро. В общем, начало поездки меня не радует. Я всегда боялась летать на самолетах, мне кажется, что именно с моим рейсом случится какая-то беда, для самоубийцы я слишком трепетно отношусь к своей жизни. А еще у нас симпатичный стюард, поэтому я раз двести нажимала на кнопку вызова стюарда и просила его то принести плед, то стакан воды, а он лишь улыбался и вежливо просил подождать минуту. Сзади меня сидит парочка влюбленных французов, они уже битый час о чем-то разговаривают на своем языке и не перестают при этом целоваться. ПРОТИВНО! Я мысленно заставляю себя заснуть, чтобы проснуться уже на посадке. Мы проведем всего лишь два дня в Париже, но я хочу, чтобы они тянулись вечно.

Остался 41 день. Лори

Прошло тринадцать часов полета, самолет приземлился в 16.00. Я, в полусонном состоянии, еле-еле разобрала, где мы находимся. Итак, Я В ПАРИЖЕ. И первые минуты пребывания в этом городе повергли меня в восторг. Париж очень сильно отличается от Бревэрда и вообще от всей Америки в целом. Другой стиль домов, климат, люди совсем другие, воздух другой! Я достаю свой фотоаппарат и снимаю каждый миллиметр улицы. За считанные секунды на фотопленке появляются сотни фотографий домов, голубей, людей, машин, столбов с рекламками. Я веду себя как сумасшедшая, но ведь никому не объяснишь, что это последнее путешествие в моей жизни.

Мы садимся в автобус, Тезер с огромным красным чемоданом никак не может нормально расположиться. Я рассматриваю улицы Парижа, вижу вдалеке Эйфелеву башню, говорят, она по-настоящему прекрасна ночью, когда на ней зажигаются огни. Здесь довольно прохладно. К тому же, сегодня пасмурно и идет небольшой дождь. Но это не испортит мое впечатление об этом городе. Я с детства мечтала поехать в Париж. Но родители всегда были заняты, бабушка в разъездах, поэтому мне оставалось сидеть дома и читать книги о Франции. Так что можно считать, что моя давняя детская мечта сбылась.

Спустя полчаса мы приезжаем в отель Le plaisir. Здесь всего двенадцать этажей, но здание кажется невероятно красивым. Огромные колонны, окна сделаны под старину, цвет камня темно-бежевый, будто это здание из девятнадцатого века. На наш этаж нас сопровождают трое портье, один из них идет впереди, а остальные несут наши сумки.

– Я сняла нам два номера, они находятся очень близко, так что мы не потеряемся, – говорит бабушка.

Наши номера находятся на девятом этаже. Мы с Тез будем жить в двухместном номере. Я никогда еще не ночевала вместе с Тез, несмотря на то, что мы дружим довольно-таки давно.

Мы заходим в номер. Это абсолютно обычная комната, одна кровать у окна, другая – около противоположной стены. Я занимаю именно эту, сажусь на нее и откидываюсь назад. Поездка очень сильно утомила меня, я чувствую, как гудят мои ноги.

– Я устала, – говорю я.

– Лори, что ты делаешь? – Тез подсаживается ко мне и заставляет подняться.

– Я хочу лежать.

– Отлежишься в нашем захолустном Бревэрде, а здесь нужно веселиться.

– Я поражаюсь, откуда в тебе столько энергии?

– Сама удивляюсь, – Тез подходит к окну и одергивает шторы. – Ты только посмотри, какой у нас шикарный вид из окна... достопримечательная местная мусорка, пара магазинчиков, и, кажется, я вижу фонтан, – смеется Тезер.

Да уж, вид из окна оставляет желать лучшего.

– Ладно, давай разберем вещи и пойдем прогуляемся, – говорю я.

– Отлично! Кстати, я где-то слышала, что во Франции самые сексуальные портье.

– О боже, опять ты за свое.

Мы разбираем вещи, у меня лишь небольшой рюкзачок, в котором поместилось все мое тряпье, я аккуратно раскладываю их по полочкам в шкафу. У Тезер же тяжеленный чемодан, такое ощущение, что мы сюда на год приехали, хотя и за целый год не сносить все эти вещи.

После того как мы разобрались с вещами, мы спускаемся на первый этаж, здесь полно народу, каждый то и дело волочет за собой чемоданы, я вижу здесь несколько арабов, французов, англичан, японцев, и все они куда-то торопятся, будто кто-то займет их номера.

Мы с Тез спокойно доходим до ресепшена, Тезер была права, портье здесь действительно очень сексуальный. В красном пиджаке, брюках, черные жгучие волосы и приятный французский акцент.

– Добрый день, чем я могу вам помочь? – спрашивает портье.

– Скажите, а в вашем отеле красивым девушкам дают бесплатный бокал шампанского? – кокетливо спрашивает Тез.

– Если эти девушки такие же красивые как вы, то разумеется. Одну секунду, – француз отходит в сторону.

– Он такой милый! – завопила Тезер.

– Тез, я не буду пить, здесь же моя бабушка.

– Лори, расслабься и получай удовольствие пока ее нет. Портье снова подходит к ресепшну и дает нам в руки по бокалу шампанского.

– Мерси, позвольте, я вас отблагодарю, – Говорит Тез, затем она подходит ближе к портье и целует его в щеку. Тот весь по краснел и заулыбался, мы с Тезер тоже начинаем смеяться и делаем глоток шампанского.

Следующие минуты я и Тез проводим в обнимку с фотоаппаратом, в отеле куча зеркал и нет ни одного, в котором мы не сфотографировались. Я стараюсь сделать как можно больше фотографий, чтобы дома смотреть на них и чувствовать, что ты сейчас находишься во Франции.

За спиной я слышу голос бабушки.

– Девочки.

– Да, бабушка.

– Мне сейчас нужно отъехать по делам, но чтобы вы не сидели здесь весь оставшийся день, я записала вас на экскурсию.

– По всем достопримечательностям? – радостно спрашиваю я.

– Конечно, так что идите собирайтесь, автобус отходит в половину у центрального входа.

– Спасибо, бабушка, я тебя люблю! – я обнимаю бабушку.

– Спасибо, Корнелия! – говорит Тез.

– Развлекайтесь!

Мы быстро поднимаемся в номер, кладем в сумку деньги и еще какие-то побрякушки, переодеваемся и идем к центральному входу.

Огромный автобус почти заполнен, свободными остались только наши два сидения. Мы занимаем их, и автобус трогается с места. Экскурсовод – женщина лет сорока пяти, с приятным голосом, – приветствует нас и начинает рассказывать про историю Парижа. Я практически не слушаю ее, смотрю в окно и вновь люблю архитектуру и самую атмосферой города. Одни люди куда-то торопятся, другие спокойно сидят на лавочках и читают газету или пьют кофе на пару с собеседником. Я вижу многочисленные парки с еще зеленой травой, и с ней отлично контрастируют желтые опавшие листья деревьев.

Сейчас мы подъезжаем к огромной Триумфальной арке. Автобус останавливается, мы выходим, и у каждого из нас просто захватывает дыхание, когда мы узнаем, что высота этой арки 49 метров! Экскурсовод рассказывает нам, что арка – еще со времен правления Людовика XIV. Мы делаем несколько десятков фотографий и снова садимся в автобус.

Следующая остановка – Лувр, мы любим улыбку Джоконды, также экскурсовод рассказывает нам вкратце о других творениях Да Винчи.

Уже стемнело, мы отправляемся к Эйфелевой башне, а затем, с замиранием сердца, ждем, пока зажгутся ее огни. Этот момент настал, зажигают ее весьма красиво. Очень медленно, постепенно начинают загораться лампочки на ней. И разгораются все сильнее и сильнее.

После этого мы посещаем несколько памятников, и последней нашей остановкой является Музей старой Франции, здесь нам продолжают рассказывать историю Парижа, мы видим царские наряды, троны, картины.

– Сколько время? – устало спрашивает Тез.

– Половина двенадцатого.

– Я уже засыпаю.

– Тебе что, неинтересно?

– Нет, знаешь, меня всегда интересовало, чьи задницы сидели на этом троне.

– Тез, потише!

Она раздраженно вздыхает и отходит в сторону. Я иду за ней.

– Куда ты?

– Слушай, я приехала сюда, чтобы отлично провести время!

– А мы разве его не отлично проводим?

– Нет! Такое ощущение, что я в школе, и меня тошнит от поступающей информации в мой мозг!

– Хорошо, я позвоню бабушке, она за нами приедет.

– Подожди, знаешь, я никогда не была в парижских клубах.

– Ничего страшного, у тебя еще вся жизнь впереди.

– Я не хочу ждать, я хочу сейчас.

– Нет, это исключено, бабушка уже заплатила за экскурсию.

– Да ладно тебе, неужели ты не хочешь по-настоящему оторваться во Франции?

– Мы не знаем ни города, ни языка, куда мы пойдем?!

– В Париже сотни туристов из Америки, найдем их и познакомимся.

– Нет! Если тебе неинтересно, можешь уходить! Но я останусь здесь!

– Вот и прекрасно!

Тез разворачивается и уходит.

Мне становится страшно оставаться здесь одной, поэтому я иду за ней.

– Тезер.

Мы сбегает с экскурсии, ловим такси и просим подвезти нас до ближайшего клуба.

Бабушка узнает об этом и убьет меня. Разве я могу хотя бы раз в жизни не совершать безбашенных поступков? Конечно, нет!

– Ну, не дуйся, – говорит Тез.

– Отвали.

– Лори, я же для тебя стараюсь, я хочу, чтобы эта поездка тебе запомнилась.

– Она мне уже прекрасно запомнилась! А теперь мы едем черт знает куда втайне от моей бабушки!

– Ох. Какая же ты зануда!

Мы подъезжаем к клубу La Suite, Тезер расплачивается с таксистом. Вообще, я не очень люблю ходить по клубам, не понимаю, в чем кайф от того, что ты прыгаешь под раздражающую музыку с кучей пьяных потных людей.

Мы заходим в помещение, здесь играет совершенно не похожая на американскую клубную музыку песня. Но в одном все клубы схожи – куча цветных прожекторов так и стремятся тебя ослепить, повсюду искусственный дым смешивается с дымом от сигарет, люди в непонятных одеждах улыбаются, танцуют, разговаривают.

– Распусти волосы, – говорит Тез, но я ее не слышу. – Что?

– Я говорю, распустить волосы! Так у нас больше шансов подцепить кого-нибудь.

Я слушаюсь Тез и снимаю резинку с волос.

– Поверить не могу, что я это делаю. Мы подходим к барной стойке.

– Ты что будешь? – спрашивает меня Тезер.

– Ничего.

– Ладно, Бармен, нам, пожалуйста, две порции виски.

– Я же сказала, я ничего не буду!

– Молчи!

Бармен ставит на стойку два стакана виски.

– Благодарю, – Тез дает мне один, а второй она в считанные секунды выпивает залпом.

Я следую ее примеру.

– А теперь пришло время идти на танцпол! – говорит Тез и берет меня за руку.

Алкоголь быстро ударяет мне в голову, мне становится легко, я танцую под эту непонятную музыку. Мы с Тез не замечаем, как возле нас начали танцевать два парня, которые то и дело пялятся на нас обеих. Это, наверное, такой намек на знакомство в клубе, Тез понимает этот намек, и мы все вместе отходим к барной стойке.

– И как же вас зовут, миледи? – говорит один из этих парней.

– Я – Тезер, а это Глория.

– Очень приятно. Меня зовут Тео, а это мой друг Андре.

– Что будете пить, дамы? – говорит Андре.

– То же, что и вы, – кокетливо отвечает Тез.

– Я так понимаю, вы приезжие. Откуда? – спрашивает Тео.

– Майами, штат Флорида, – соврала Тез.

– Ого, и что же вас привело в Париж?

– НАВЕРНОЕ, мы чувствовали, что познакомимся здесь с вами.

– Выпьем за это! – говорит Андре и дает каждому в руки стакан с каким-то коктейлем.

Парни начинают расспрашивать нас о себе, кто мы, чем увлекаемся, я лишь застенчиво улыбаюсь, а Тезер всю ночь флиртовать. В процессе мы выпиваем еще несколько стаканов коктейля с противным вкусом и ароматом.

– Я хочу танцевать! А ты, Тео? – спрашивает Тез.

– Я только с удовольствием.

Они отправляются на танцпол, я остаюсь лицом к лицу с Андре.

– Для Майами ты слишком бледная.

- Это... наследственное. Моя кожа почти не воспринимает солнечные лучи.
- Удивительно, вы с Тезер подруги, но такие разные.
- Да, это точно.
- А мне нравятся такие девушки, как ты. Скромные... невинные...
- Андре, у меня есть парень, и у Тезер тоже.
- Но ее же это не останавливает.
- Но мы же разные.
- Я все понял. Ну, ты хоть не откажешься выпить со мной еще по стаканчику?
- Не откажусь.

Мы делаем несколько глотков напитка и присоединяемся к Тезер и Тео.

Я снова начинаю делать произвольные танцевальные движения. Сегодня я чувствую себя конкретно пьяной. Я всегда ограничивала себя в приемах алкоголя, но сегодня я выбилась из колеи.

Внезапно Тезер падает мне на руки. Мое сердце начало безумно колотиться.

– Тез, ты чего?!

Она не отвечает. Я оглядываюсь по сторонам, все танцуют и не обращают на нас внимания. Я оттаскиваю Тезер в женский туалет.

- Посмотри на меня! – я начинаю бить ее по щекам. Она, наконец, приходит в себя.
- Что со мной. Лори?..
- ...я не знаю.

У меня начинает двоиться в глазах. В голове какой-то шум.

– У меня просто закружилась голова... – говорит Тез.

– У меня сейчас тоже – я облокачиваюсь на стену, мое сознание возвращается ко мне, и тут на меня находит какое-то странное ощущение, будто чего-то не хватает. СУМКА. В моих руках нет сумки!

– Тез, а ты наши сумки оставила на барной стойке?

– ...я не помню...

– Жди здесь, я сейчас приду.

Я выхожу из туалета, бегу к стойке – наших сумок там нет. Я начинаю кричать бармену.

– Извините, а тут были два парня, один такой с красным галстуком, где они?

– Они уже ушли.

Я начинаю искать глазами в толпе Тео и Андре, но они действительно ушли. Выбегаю на улицу, надеясь, что они недалеко успели отойти, НО ИХ НИГДЕ НЕТ. Меня охватывает ужасное чувство паники. НАС ОБОКРАЛИ!

Я снова забегаю в туалет и начинаю рыдать всхлеб.

– Лори, что случилось?

– Наши сумки пропали!

– ...как, пропали?..

– Эти два француза что-то подсыпали нам в коктейли и украли наши сумки!!!

– ...там же мои кредитки... и дорожный телефон... о господи... – Тез садится на пол и облокачивается на стену.

– Это все из-за тебя!!! – в истерике кричу я.

– Из-за меня?!

– Да!!! Сейчас мы бы спокойно уже отдыхали в отеле, но тебе же приспичило переспать с французом, и теперь у нас нет ни денег, ни документов, НИЧЕГО!

– Успокойся, мы что-нибудь придумаем, – поднимается с пола Тез.

– ЧТО?! ЧТО МЫ ПРИДУМАЕМ?!

– Пойдем.

Мы выходим из клуба, начинаем искать прохожих. В результате останавливается какой-то старикашка. Тезер спрашивает у него, где здесь ближайшее здание полиции, но он не понимает по-английски, мы начинаем по слогам ему говорить: «ПО – ЛИ – ЦИ – Я» – наконец, он понимает, что нам нужно и указывает дорогу.

Тушь растеклась по моим щекам, я сейчас похожа на малолетнюю путану. Я нахожусь в отделении полиции, Тез рассказывает полицейскому нашу историю, а у меня просто нет слов. Я хочу как можно скорее добраться до номера и лечь спать.

– Я позвонила твоей бабушке, она сейчас приедет.

– Что они сказали?

– Мы нарвались на мошенников. Они уже не в первый раз обкрадывают приезжих. Специально отслеживают их в клубах и втираются в доверие.

– Я... я всего лишь хотела отдохнуть. Нормально отдохнуть...

– ...прости меня...

– Просто молчи. Я не хочу тебя слышать.

Через несколько десятков минут за нами приезжает бабушка. Господи, если бы вы только знали, как же мне стыдно смотреть ей в глаза. Я выхожу из пункта, и тут в моем рту становится противно кисло, я отхожу в сторону и из моего рта начала выходить рвота. Тез держит мои волосы и дает платок. Все это видит бабушка, стоящая около такси.

– Быстро садитесь в машину!

– Бабушка, я не хотела...

– Я никогда не думала, что ты станешь такой...

– Какой?

– Такой же, как твоя мать – омерзительной!

Эти слова больно вцепились в мою душу. Я сама во всем виновата, и я это прекрасно понимаю. Я каждый божий день совершаю убогие поступки, после которых мне еще больше не хочется жить.

Сегодня во мне разочаровался единственный человек, который любил меня на этом свете. Я проклинаю этот день.

Часть 3
Jab (Удар)

Сухо во рту. Противно сухо. Я открываю глаза, яркий свет больно проникает сквозь зрачки. Неужели я вчера ТАК много выпила. Чувствую себя отвратительно. Будто из меня вытрепали всю мою плоть.

Тез лежит рядом со мной на кровати с открытым ртом. На часах половина первого.

– Тез, – говорю я хриплым голосом, но она меня не слышит, – Тез, проснись! – говорю громче я и толкаю ее за плечо.

Она, наконец, просыпается.

– Отстань, – невнятно говорит Тезер. – Тез!

– Черт... голова.

О да, эта головная боль, наверное, еще неделю будет в моем сознании. Я ничего не чувствую, кроме этой боли.

Я нахожу в себе силы встать с кровати и подойти к небольшому зеркалу.

– Боже... – говорю я.

Глаза – черные. Тушь превратилась в непонятную массу и размазалась по моему лицу, волосы – словно корм для быка, честное слово.

– Дай мне воды... – говорит еле – как Тезер.

Я наполняю стакан водой и подхожу к кровати.

– Держи, – она снова отключилась, – Тез!

Не слышит. Во мне проснулась небывалая ярость, мало того, что это из-за нее я переживаю сейчас такие муки, так она еще на меня внимания не обращает, я размахиваюсь и со всей силы выливаю стакан с холодной водой на ее голову.

Тут она, естественно, просыпается.

– Что ты делаешь, дура?!!!!

– С добрым утром!

Я ставлю стакан на столик и иду в ванную. Тезер идет за мной.

– Ты что, совсем с ума сошла?!!! – продолжает кричать Тез.

– Я принимаю душ первая!

– Хорошо... – Тез заталкивает меня в душевую кабину, включает холодную воду и начинает обливать меня.

– Прекрати! – говорю я и одновременно смеюсь. Затем я выхватываю из ее рук смеситель и начинаю ей мстить.

Мы все напрочь мокрые, вся ванная в воде, Тезер выбегает в комнату, я за ней. Мы продолжаем безумно ржать и не замечаем, как перед нами стоит бабушка.

– Э-э... Доброе утро, Корнелия! – говорит Тез.

– Оно не такое уж и доброе.

– ...бабушка, прости... Это все Тез, она меня уговорила поехать в клуб, я не хотела.

– Ну, конечно! Я нацепила на тебя ошейник и повела за собой! – кричит Тезер.

– А что мне оставалось делать?!!! Без меня бы ты точно пропала!

– А вот и не пропала бы!!!

– Замолчите обе! – говорит бабушка. – Я думала, что вы уже взрослые, самостоятельные и можете отвечать за свои поступки, но как же я ошибалась! – мы с Тез стоим, потупив глаза. – Быстро приведите себя в порядок и идите завтракать!

Бабушка выходит из нашего номера.

– Знаешь, очень круто во всем обвинять меня!

– А разве не ты во всем виновата?!

– Виновата! Но и ты не божий ангелок!

– Бабушка – единственный человек, который меня понимает, я так не хотела разочаровывать ее в себе. Но из-за тебя у меня и ее не осталось!

Я разворачиваюсь и снова ухожу в ванную, оставив Тез одну.

В девять часов вечера у нас обратный рейс во Флориду. Так не хочется отсюда уезжать, несмотря на вчерашний инцидент. Хотя полицейский в пункте сказал нам, что они разыщут этих мошенников и вышлют нам бандеролью наши потери. Но сейчас в моей голове вовсе не мысли об украденных сумках, на данный момент я думаю только о бабушке. Что если она все расскажет отцу про клуб, и тогда он меня точно прицепит наручниками к батарее.

Следующие полчаса мы красимся, одеваемся, в общем, возвращаем, наконец, свой человеческий облик. Мы не разговариваем друг с другом. Да и сказать нам друг другу нечего. Мы и так все знаем. Глупо сейчас кого-то в чем-то обвинять, мы обе погрязли во вчерашнем дерьме, и мы должны вместе из него выбраться.

Наконец, мы пришли в небольшой ресторанчик на первом этаже отеля. Здесь так красиво, белые стены украшены в углах скульптурами из роз. Люди здесь такие приветливые, смотришь на каждого из них и чувствуешь, что у них на данный момент все хорошо, и только ты сидишь с кучей проблем, не зная, как из них выпутаться.

Тез открывает меню.

– Меня ото всего тошнит.

– Может, закажешь виски, ты ведь это ТАК обожаешь, – из моих уст льется сарказм.

– А может, ты прекратишь?!

– Официант! – паренек в белом костюмчике за секунду подходит к нашему столику. – Мне, пожалуйста, латте и тирамису.

– А вам? – обращается он к Тез.

– Мне то же самое.

В следующую минуту раздается громкий рингтон второго телефона Тезер.

– Да, любимый... мы с Лори завтракаем, а ты там как без меня?.. Не скучай, мы скоро приедем, и я тебя очень сильно люблю... целую тебя.

Тез заканчивает свой разговор, от которого меня начало выворачивать.

– Мэтт звонил?

– Да, спрашивает, как мы тут, завидует нам жутко.

– Слушай, Тез, а мне интересно, вы с Мэттом когда-нибудь захотите сделать «это», и он ведь догадается, что ты не девственница?

Тезер минуту молчит.

– Я думала об этом. К тому времени мы уже успеем расстаться.

– Почему?

– Не знаю, но после той ночи я стала по-другому смотреть на мир. Мэтт такой самоуверенный, думает, что он самый классный и все его хотят. А Адам... он такой милый, чуткий... если бы не я, у нас бы ничего не было, представляю, как ему было стыдно.

– То есть ты хочешь сказать, что...

– Я ничего не хочу сказать.

– ...что Адам тебе нравится?

– Я этого не говорила.

– Но дала понять.

– ...Лори, я запуталась, кажется, нужно немного притормозить, чтобы, в конце концов, во всем разобраться.

К нашему столику подходит бабушка.

– Девочки, я должна сейчас поехать за платьем и даже не знаю, как оставить вас здесь одних.

– Бабушка, если можно, я хочу с тобой поехать.

– И я тоже, – говорит Тез.

– Ну что ж, тогда я жду вас через двадцать минут у входа.

Мое настроение становится на ступень выше. Я еще смогу насладиться пейзажами Парижа, и к тому же я узнала просто нереальную новость. ТЕЗЕР НРАВИТСЯ АДАМ. Значит, наш план с Адамом потихоньку начинает осуществляться.

Через двадцать минут, как и было приказано бабушкой, мы с Тез подходим к центральному входу в отель. Бабушка нас уже ждет в такси. Я снова достаю фотоаппарат и щелкаю все вокруг, начиная с салона машины и заканчивая многочисленными скверами Парижа.

Ровно через сорок дней я умру. Самой даже не верится. В те моменты, когда мне хорошо, я начинаю жалеть о том, что я решила сделать. Ведь, быть может, все еще наладится, и это всего лишь небольшая черная полоска в моей жизни, у кого такого не бывает. Ну нет, если я решилась на это, значит, я доведу это дело до конца. А сейчас нужно просто не подавать виду, что я будущая самоубийца.

Мы доезжаем до ателье, где сшили бабушкино свадебное платье. И меня начинают посещать мысли, что я ведь никогда не выйду замуж, не надену пышное белое платье, о котором мечтает каждая девочка с юных лет, не познаю эти многочисленные свадебные хлопоты, никогда не узнаю, сколько бешеных ударов сердца я услышу перед алтарем. А может, это и к лучшему, что я никому не испорчу жизнь, став чьей-то судьбой.

Бабушка ушла примерять платье, я и Тезер сидим в холле, она мне что-то говорит, но я ее не слышу, я полностью погружена в свои мысли.

– Ты чего такая грустная? – спрашивает Тез.

– ...все нормально, просто... не хочется отсюда уезжать. Снова начнутся проблемы, ссоры, я опять не захочу возвращаться домой.

– Лори, я тебе уже несколько раз предлагала пожить у меня, но ты отказываешься.

– Я не отказываюсь, я всего лишь не хочу вас стеснять.

– О чем ты говоришь? Моих родителей сутками не бывает дома. То в разъездах, то на корпоративах. Практически каждый день дом в моем распоряжении.

– Ну, раз так... то было бы неплохо.

– Было бы очень круто! Ты только представь, мы просыпаемся с тобой вместе, собираемся в школу, учим надоедливые уроки, готовим вместе еду. Это же так здорово!

– ...и забываемо. Я согласна!

– Вот и супер! Подруга, веселье только начинается! Бабушка спускается по лестнице в шикарном белом платье.

Оно обшито стразами, и поэтому, при попадании лучей солнца на него, платье просто переливается, словно оно все из бриллиантов.

– Бабушка, ты восхитительна!

– Корнелия, вам очень идет!

– Правда? А я как-то неудобно себя в нем чувствую.

– Ты что? Оно замечательное. Макс, когда увидит тебя, просто сойдет с ума.

– Ну раз сойдет с ума, значит, стоит его купить. Мы смеемся.

Осталось пять с половиной часов до отъезда в аэропорт. За эти два небольших дня я чем-то привязалась к Парижу. С удовольствием бы поехала сюда еще раз, но, боюсь, за эти оставшиеся сорок дней не успею.

Мы колесим по всему городу, одновременно останавливаясь в сувенирных магазинчиках и покупая по четыре пакета всяких безделушек. Фотографируемся с каждым памятником на пути. Несмотря на то что пошел сильный дождь, мы даже и не думали возвращаться в отель, нам всем так хочется еще несколько минуток побыть в прекрасном Париже. Мы находим парк, где куча деревьев с разноцветными ленточками – это деревья желаний. Я снимаю со своей руки фенечку и завязываю на ветку, параллельно загадывая желание, – чтобы больше никто и никогда не приезжал во Францию с мыслями о суициде и мечтами поскорее расстаться с этой чертовой жизнью. Пусть я буду последним таким человеком.

Дорогой дневник!

Я в аэропорту. Через час мы навсегда уедем из Парижа. Вчера произошло нечто не очень приятное. Мы с Тезер сбежали с экскурсии и поехали в клуб. Там мы познакомились с французами Тео и Андре, они нас чем-то напоили и украли наши сумки. Вчера у меня была жуткая истерика по этому поводу, но сейчас мне почему-то хочется смеяться над этим происшествием. Мы такие глупые и наивные. А главное, мы не умеем отличать хороших людей от плохих, и поэтому доверяемся каждому встречному. Эти два дня не были бессмысленными в моей жизни. По крайней мере, я снова смогла вернуть доверие бабушки, и с Тез у нас теперь более теплые отношения. Ошибки – это уроки жизни. Только благодаря им мы узнаем: что такое хорошо, а что такое плохо. Это наше зеркало в окружающий мир. Сейчас я смотрю на маленькую девочку, которая плачет на весь аэропорт, она твердила сквозь слезы своей матери, что не хочет уезжать туда, где ей плохо. Девочке на вид лет пять. И она уже знает, что это такое, когда тебе плохо. Удивительно.

Прощай, Париж, я буду скучать.

Осталось 40 дней. Лори

Время девять утра. Я чувствую себя такой измученной, все, чего я хочу на данный момент, – это спать. Причем очень долго и ничем не прерываемо. Через час я снова окажусь в Бревэрде, от «красот» которого тянет разве что блевать. Спустя тринадцать часов полета у меня началась сильная ломка по атмосфере Парижа, по его жителям, улицам, воздуху. Единственное, что меня пока что утешает, так это то, что я перееду на несколько дней в дом Тезер. Мне практически всегда было с ней хорошо.

Тез останавливается и смотрит вглубь аэропорта.

– Лори, мне кажется, или там стоит твоя мама?

Я начинаю вглядываться в толпу. И действительно. Мама стоит посреди пункта ожидающих и смотрит по сторонам, словно кого-то ищет.

– К сожалению, тебе не кажется.

– Джоди? – бабушка тоже увидела маму.

– Что она здесь делает? – спрашиваю я.

– По всей вероятности, ждет нас.

Мы идем к ней. Я не понимаю, зачем она сюда приехала, бабушку она терпеть не может, меня тоже, что она здесь забыла?

– Мама, Глория, наконец-то, я уже вас заждалась!

– Джоди, мы не думали, что ты за нами приедешь.

– Я решила вас встретить, вы ведь такие уставшие, я уже заказала такси.

Мама разворачивается и ведет нас к выходу.

– Я не узнаю свою дочь.

– Бабушка, мне кажется, она что-то затеяла, и мне это уже не нравится.

Мы остановились и смотрим друг другу в глаза.

– Эй, вы идете? – кричит Тез.

Мы доходим до такси, на улице так жарко, воздух спертый, не то, что в Париже. Мы вблизи Майами-бич, и поэтому температура здесь зашкаливает.

В Бревэрде будет немного попрохладнее.

В машине полная тишина. Никто ни с кем не разговаривает. Я лишь нахожу секунды, чтобы посмотреть на маму и понять, что с ней такое. Что она задумала. Вот мы проезжаем мегаполис Флориды, с высотными зданиями, кучей людей, машин, и без малых намеков на осень. И уже через час, может больше, высотки сменяются обычными домами, там, где была куча модных магазинов, появляются небольшие заброшенные парки с желтой листвой. Мы в Бревэрде.

Когда такси останавливается около моего дома, мама молниеносно выходит из салона.

– Так, заходите все в дом, я испекла пирог и боюсь, что он уже остыл.

– Ладно, Лори, я пойду, – говорит мне Тез.

– Подожди, Тезер, еще рано уходить, ты обязана попробовать мой фирменный пирог!

– Миссис Макфин, я бы с удовольствием, но родители жутко волнуются, так что я поспешу домой, – говорит Тезер и уходит.

– Джоди, я, наверное, тоже пойду.

– Но как же так? Я же старалась, готовила.

– Вопрос – зачем? После последней нашей встречи у меня не очень хорошие воспоминания.

– Я знаю, мам, и я хочу все исправить. Давай мы зайдем в дом, выпьем чаю и обо всем поговорим?

– Хорошо.

Бабушка заходит в дом.

– Глория, я так соскучилась, дай я тебя обниму, – говорит мама и протягивает ко мне свои руки.

– Не прикасайся ко мне...

Я отталкиваю ее и захожу в дом.

Бабушка уже уселась за стол в гостиной и ждет маму, я не обращаю на нее внимания, поднимаюсь вверх, прохожу мимо спальни родителей и замечаю сидящего на краю кровати папу. Он просто смотрит на стену и будто совсем не дышит. У меня мурашки побежали по коже.

– Папа...

– С приездом, дорогая.

– Я привезла тебе сувенир, – я достаю из сумки небольшую статуэтку Эйфелевой башни, – держи.

– Спасибо.

– Что происходит?

– Ты о чем?

– Я о маме. Она какая-то странная. Любезничает со всеми, пытается быть доброй.

– Это все ее психотерапевт.

– Она ходит к психотерапевту?

– Теперь да. После твоего отъезда она записалась на сеансы и восстановилась на работе.

– ...даже не верится.

– Она хочет измениться.

– И ты думаешь, у нее получится?

– Не знаю... мне лишь хочется во все это верить.

– Глория, иди пить чай! – кричит мама.

Неужели мама действительно решила изменить себя? Если так, то это очень здорово. По крайней мере, она ведет себя сдержанно, не истерит, приветливо общается с бабушкой. Это очень даже хорошо.

Я захожу в комнату, бросаю сумки, беру в руки телефон (пока я разговаривала с папой, я смогла незаметно стащить его со столика) и звоню Тезер.

– Тез, все остается в силе, я вечером приду к тебе, – говорю я шепотом.

– Отлично, тогда я начну готовить тебе комнату.

– Представляешь, мама записалась к психотерапевту.

– И что, у вас теперь дома мир и покой?

– Кажется, да.

– А почему ты говоришь шепотом?

– ЕЩЕ до отъезда папа забрал у меня телефон, так что пришлось его украсть.

– Да уж. Отличный «мир и покой». Ладно, я буду ждать тебя.

– Пока.

Я прячу телефон под тумбочку и замечаю Принца, лежащего на кровати, он так крепко спит только после того, как его хорошенько накормят, значит, мама не забыла про него за эти два дня. Как бальзам на душу, честное слово.

Я спускаюсь вниз, мама и бабушка о чем-то беседуют и смеются при этом.

– Садись скорее, терпеть не могу, когда люди пьют холодный чай.

– Это что, пирог с орехами?

– Да, и черносливом. Очень вкусный, попробуй!

– ...мам, у меня жуткая аллергия на орехи.

– ...ах точно, аллергия... как же я могла забыть?..

– Да ничего страшного! Помнишь, как я забыла, что у тебя аллергия на цитрусовые и купила тебе крем с экстрактом лайма, потом у тебя все лицо покрылось красной «корой», как раз в тот день, когда в школе был «Зимний балл», – смеется бабушка.

– Да, я потом на тебя так сильно злилась! – мама тоже начала смеяться.

Нет, ну вы только посмотрите – эта женщина говорила в лицо своей матери отвратительные слова и теперь так мило смеется с ней над прошлым. Как же меня это бесит.

– А может быть, хватит?!!! – кричу я, мама и бабушка уставились на меня. – Бабушка, неужели ты забыла, какие вещи тебе говорила она? Как выгоняла тебя из дома, как паршивую собаку?!!!

– ...нет, не забыла...

– А ты, мама, неужели один сеанс с психотерапевтом научил тебя снова любить свою мать?!!!

– Ты ходишь к психотерапевту?

– Да, мама. Я думаю, это единственный выход. Я очень хочу измениться, и для начала, я хочу попросить у тебя прощения. Когда я говорила тебе те слова, я была омерзительным существом, я ненавижу себя за это, и я счастлива, что ты выходишь замуж, что ты любима. Прости меня! – мама начинает реветь и бабушка с ней в унисон.

– Ну, конечно, Джоди, я тебя уже давно простила, ведь я тебя так сильно люблю!

Они обнялись и плачут. Чувствую, что если останусь здесь еще на одну минуту, то тоже начну реветь.

Дорогой дневник!

Вот я и снова в своем нелюбимом городе Бревэрде. В принципе, у нас не такой уж и плохой городишко, но такое впечатление о нем у меня сложилось из-за людей, живущих здесь. Из-за матери, которая теперь, по всей видимости, хочет стать другим человеком. Из-за отца, который абсолютно пассивен в этой жизни и лишь изредка интересуется нашей семьей. Из-за подруги, которая вроде бы и не совсем тупая, но делает такие поступки, что и пятилетний ребенок на ее месте так не поступил. Из-за Мэтта, который вроде бы и самоуверенный, но слабохарактерный. Они – мои основные причины для самоубийства. Но без них я, наверное, и оставшихся дней не проживу. Вот так все сложно.

Осталось 39 дней. Лори

Я проспала где-то часа три. Сначала я много думала о том, что в нашей семье все еще может нормализоваться. Что, если мама и папа не разведутся? Да я же буду самым счастливым человеком на Земле! Из-за всех этих мыслей меня начало жутко клонить в сон. И теперь я чувствую в своем теле некую бодрость.

Бабушка уже ушла, я с ней даже не попрощалась. И мне снова становится стыдно за то, что я на нее накричала. Я выхожу из комнаты, папа на работе, так что в доме только я и мама. Она сидит в спальне и разбирает вещи на полке.

– Мам...

– Что, Глория?

– Я хочу тебя обнять.

– Так смелей же!

Я подхожу к ней ближе и обнимаю. Как же мне этого не хватало! Последние дни мы с ней только и делаем, что ссоримся, а теперь она меня обнимает. Я чувствую аромат ее травяного шампуня.

– Прости меня за тот вечер... за все, – говорю я.

– Ну что ты, не извиняйся, ведь я сама во всем виновата. Довела свою малютку до такого состояния! – я улыбаюсь, а мама меня целует в макушку. – Но теперь все будет по-другому. Я обещаю.

На первом этаже звонит телефон, мама выходит из комнаты. Я все еще нахожусь в блаженном состоянии. Впервые мне безумно хорошо. Вдруг мой взгляд падает на журнальный столик, стоящий посреди комнаты. Я вижу визитку. Беру в руки, на ней написано: «Доктор Фрейз: я всегда Вам помогу!», внизу визитки телефон и адрес. Сеанс сегодня.

Мама уже начинает собираться. В мою голову приходит мысль – может, мне тоже начать туда ходить. Что если этот чудо-доктор заставит меня верить в то, что на самом деле жизнь прекрасна. Да и, в конце концов, я должна поблагодарить его за то, что он помогает маме, в нашей семье появилась хоть какая-то гармония.

Я быстро одеваюсь и выхожу из дома вслед за мамой. Но она не должна знать, что я тоже пошла с ней на сеанс, поэтому я надеваю на голову капюшон и иду медленно небольшими шагами.

Через полчаса плутания по городу мама заходит за угол какого-то красного дома, поднимается по полуразвалившейся лестнице и заходит в здание. Да уж, я думала у этого «волшебника» клиника более цивилизная. Но выбирать не приходится, спустя пять минут я захожу в этот дом, внутри, кстати, довольно мило, играет приятная музыка, светло, в углу небольшой столик с регистратором.

– Здравствуйте, вы куда? – спрашивает регистратор.

– Я к доктору Фрейзу.

– Проходите в зал, сеанс скоро начнется.

– Спасибо.

Я захожу в так называемый зал, это небольшое помещение с довольно большими окнами, здесь куча народу, все они разговаривают, смеются. Я вижу в толпе людей маму, он тоже с кем-то ведет беседу. Чтоб она меня не заметила, я быстро иду на самый дальний ряд зала, сажусь на стул и начинаю ждать.

Совсем скоро в зал заходит мужчина лет пятидесяти, я так понимаю, это и есть Фрейз.

– Я вас приветствую! – говорит он, все поднимаются со стульев, кладут правую руку к сердцу и делают поклон. – Я рад всех вас здесь видеть.

Меня немного насторожило то, что все ему кланялись, это выглядело странно со стороны.

– Вы выполнили мое поручение?

– Да, Владыка, – все отвечают ему хором. ВЛАДЫКА?! Люди, вы что, с ума сошли?

– Грег, ты попросил прощения перед ближними? – встает парень с первого ряда, кланяется и говорит:

– Да, Владыка.

– Мона, ты попросила прощения перед ближними?

Поднимается девушка со второго ряда, так же кланяется и говорит:

– Да, Владыка.

– Джоди, ты попросила прощения перед ближними? Мама встает с третьего ряда, делает поклон:

– Да, Владыка.

Господи, мне становится здесь не по себе. Эти люди словно зомбированы.

– Я доволен вами. А теперь, мы выполним новое упражнение, – в его руках коробка с чем-то блестящим. – Возьмите по одному лезвию.

Все послушно берут лезвия, и никто даже не спрашивает: ЗАЧЕМ?

Фрейз подходит ко мне и начинает удивленно рассматривать.

– Закройте все глаза, а вы представьтесь, пожалуйста.

Я встаю, колени жутко дрожат, «доктор» просто сверлит меня своим взглядом.

– Я... Молли, я пришла сюда, чтобы... чтобы вы мне помогли, – говорю я первое, что пришло в голову.

– Хорошо, Молли, я исполню вашу просьбу, – я достаю из коробки лезвие. – Откройте глаза.

Я снова сажусь на стул и начинаю адски дрожать.

– Так, повторяйте за мной: я сильнее вас всех!

– Я сильнее вас всех! – говорят все хором.

– У меня внутри собственный Владыка!

– У меня внутри собственный Владыка!

– Я докажу вам всем!

– Я докажу вам всем!

Затем каждый берет лезвие в руки и начинает резать сухожилия на запястье. Причем ни у одного из них даже слезы от боли на глазах не появляются, все смотрят куда-то вдаль и режут себе руку.

В моей голове лишь одна мысль: ГЛОРИЯ, БЕГИ, ЧТО ЕСТЬ ДУХУ!!!

Пока Фрейз отвернулся, я встаю со стула и выбегаю из зала, к счастью, на меня никто не обратил внимания.

– Стойте, вы должны заплатить за сеанс! – говорит мне регистратор.

– Я должна вызвать полицию!

Регистратор замолкает, я выбегаю на улицу и начинаю тяжело дышать. ЭТО СЕКТА! Ну конечно, такие люди, как этот доктор Фрейз специально ищут несчастных людей с проблемами в семье и затем начинают пользоваться их состоянием и вымогать деньги, при этом зомбируя их.

Моя мама в беде, ее нужно спасать. Но как? Неужели она меня послушает и перестанет ходить на эти сеансы? Хотя, попробовать стоит.

Я ловлю такси и через несколько минут оказываюсь дома.

У меня перед глазами до сих пор лица тех людей, в том числе и мамы, когда они себя изувечивали. Никогда не бывала на подобных мероприятиях. Я всегда старалась избегать их. И все-таки не понимаю, как мама, юрист по образованию, могла купиться на это мошенничество с использованием несчастных человеческих душ?

Я стараюсь успокоить себя и подобрать правильные слова при предстоящем разговоре с матерью.

Я сижу в своей комнате и чувствую приятный аромат, доносящийся с кухни. Мама дома. Так, Глория, ты обязана ее переубедить.

Я спускаюсь вниз. Мама стоит у плиты.

– М-м, как вкусно пахнет!

– Я готовлю жаркое по-испански, надеюсь, у тебя нет аллергии на какие-нибудь специи?

– Нет, – я обращаю внимание на ее перебинтованную руку. – Что у тебя с рукой?

– О-о, глупая ситуация. Выхожу я из магазина, и тут на меня набрасывается огромная собака, наверное, почувствовала запах тунца в моем пакете. Они меня и укусила.

– Какой кошмар... мам, я вижу, тебе стало хорошо от этих сеансов, может, тогда ты прекратишь на них ходить?

– Ну что ты, я обязана пройти весь курс лечения. С психикой шутки плохи. Да и к тому же, хуже мне от этого не станет.

– Мам, но ведь на это нужны деньги, а они у нас не лишние...

– Глория, что происходит? Благодаря этим сеансам я, наконец-то, чувствую себя адекватно. Что тебе в этом не нравится?

– Мне не нравится то, что ты мне врешь.

– Я тебе вру?

– Да, мама, я знаю, что тебя не кусала собака! Это не сеанс психотерапии, а настоящая секта!

– О чем ты говоришь?! Доктор Фрейз кандидат наук!

– Да мне плевать кто он, он может погубить тебя! Мам, пожалуйста, завязывай ты с этими сеансами.

– Нет, доктор Фрейз мне помогает.

– Чем он тебе помогает?! Правильно вскрывать вены?!!!

– Не говори так о нем! – мама хватается нож.

–мам, но ведь это правда, он – мошенник!

– Заткнись!!! – мама толкает меня, держа в этот момент в своих руках нож, еще чуть-чуть и она может в меня им пырнуть. К счастью, в этот момент домой возвращается папа.

– Джоди, что ты делаешь?!

– Ничего, дорогой, я просто поскользнулась.

– Глория, ты в порядке?

– ...нет пап, я не в порядке...

Я поднимаюсь к себе в комнату, беру еще неразобранную сумку с вещами в одну руку, Принца в другую и вновь спускаюсь вниз, не замечая родителей выхожу из дома и направляюсь к Тезер.

На улице темно и немного прохладно, я стараюсь идти быстро, мне так хочется лечь на кровать, закрыть глаза и ни о чем больше не думать.

Я дохожу до дома Тез и звоню в дверь.

Спустя три минуты дверь открывается.

– Лори, заходи.

– Я пришла к тебе не одна, – показываю ей кота.

– Ой, что это за прелесть?

– Его зовут Принц, прости, я не могла его там оставить.

– Ничего страшного, для него найдется здесь местечко.

– А где твои родители?

– Мама на предсвадебном девичнике какой-то своей подруги, а папа, кажется, отмечает подписанный контракт. Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Мы поднимаемся на второй этаж. Дом у Тезер весьма большой, к тому же обставлен повсюду дорогой мебелью, я себя чувствую в царских хоромаш.

– Это комната для гостей.

Я захожу внутрь. Синие стены, высокий потолок с многочисленными лампочками, шикарная двуспальная кровать, огромный шкаф, и мягкий-премягкий коврик.

– Ух ты, больше похоже на президентский люкс.

Тез смеется.

– Располагайся, чувствуй себя как дома, то есть лучше постарайся забыть, как ты чувствовала себя дома.

– Спасибо тебе.

– Да брось! Ты голодна?

– Нет, ничего не хочется.

– Как знаешь. Тогда ты не против, если я пойду спать? А то я очень устала.

– Как я могу быть против. Тез?

– Ладно, ванная находится прямо в твоей комнате, в шкафу ты можешь найти пижаму, халат и прочее. И... спокойной ночи!

– Спокойной ночи, и еще раз спасибо. Принц уже расположился на кровати.

Сегодня с меня достаточно. Теперь я молю Бога, чтобы не думать всю ночь, как вытащить свою мать из секты, которая может реально погубить ее.

Только бы не думать об этом. Только бы не думать...

Так непривычно просыпаться в чужом доме, где другие правила, другой образ жизни. Не могу сказать, что дома мне намного лучше, но даже у Тез я испытываю какой-то дискомфорт. Я проснулась позже всех, быстро одеваюсь, привожу себя в порядок и бегу на кухню, где мама Тезер и сама Тез уже давно завтракают.

– Всем доброе утро, – говорю я.

– Доброе утро, Глория, как тебе спалось в нашем доме? – спрашивает мать Тез.

– Замечательно! У вас очень уютно.

Я сажусь за стол и начинаю уплетать свой завтрак: чашечка крепкого кофе, пирожное, на маленькой тарелочке бекон и какой-то салат – все выглядит довольно вкусно.

– Грейс! Грейс, иди сюда немедленно!!! – кричит Тез. – У нас такая тупоголовая домработница!

– А мне нравится Грейс, она очень услужливая.

Через минуту к столу подходит женщина небольшого роста, которая чуть ли не клонится к ногам Тезер.

– Да, мэм.

– Я терпеть не могу кофе со сливками!!! Ты что, элементарных вещей не понимаешь?!

– Извините, мэм, я все исправлю.

– Поздно! Минус двести баксов из твоей зарплаты!

– Прошу, мэм, не делайте этого. Вы уже вчера урезали мою зарплату, мне нечем кормить ребенка.

– Мне все равно. Свободна. Женщина молча уходит.

– Мам, когда ты ее уже, наконец, уволишь?

– Мне ее жаль, да и к тому же с твоим поведением у нас никто работать больше не будет.

– Ты на что-то намекаешь?

– Нет-нет, я просто сказала.

– Вот и помалкивай, мамуля.

Что меня всегда удивляло в этом доме, так это манера общения. Похоже, здесь никто никого не уважает, и это абсолютно всех устраивает.

Мимо стола проходит отец Тезер, он с кем-то разговаривает по телефону, не обращая на нас никакого внимания.

– Доброе утро, дорогой! – говорит мать Тез, но тот ее не слышит. – Милый!

– Папа!

Он продолжает свой разговор и выходит из дома.

– Он такой трудоголик!

– А по-моему, ему просто наплевать на нас.

– Возможно и это.

В следующую секунду мы слышим громкий сигнал машины на улице.

– Черт, это Мэтт, а я еще не готова! – Тез встает из-за стола и уходит.

– Глория, я хотела тебя спросить, у тебя дома какие-то проблемы?

– Нет, с чего вы взяли?

– Просто к подругам ходят ночевать, когда дома что-то неладное.

– У меня все хорошо, миссис Виккери.

– Вот и чудесно, но если что-то случится, ты можешь рассказать мне. Я тебя выслушаю и помогу, чем смогу.

– Спасибо.

Матери Тезер кто-то звонит, она отвечает:

– Да, дорогой... да, он уже уехал... конечно приезжай... я жду тебя... целую.

Она начинает смеяться и уходит на второй этаж.

Да уж, в каждом доме есть свои скелеты в шкафу. Интересно, Тез в курсе, что творит ее мать? Наверняка в курсе, и ее терпению можно только позавидовать.

Я выхожу на улицу, машина Мэтта уже стоит на въезде, это так круто, когда за тобой заезжает такой красивый парень, вот еще одни минуты моей зависти Тез. Я бы все на свете отдала, чтобы видеть его каждое утро около моего дома.

– Привет!

– Привет, Тез скоро?

– Кажется, да.

Я сажусь в его машину. Сразу вспоминаю те дни, когда он подвозил меня до дома, после стычки с Ником и после вечеринки. Как я сидела на переднем сидении рядом с ним и ощущала его тепло. Как же мне этого не хватает.

– Как Париж?

– Там очень круто! Мы сделали столько фотографий!

– А я никогда там не был, отец все время возит либо в Испанию, либо в Италию, а с Францией у него связаны какие-то неприятные воспоминания.

Нашу идиллию прерывает Тез, она выходит из дома и направляется к машине.

– Привет, любимый.

– Привет.

Они начинают целоваться на моих глазах, мне так неприятно это видеть, честное слово, но я стараюсь держаться.

– Поехали быстрее, а то мы уже опаздываем, – говорит Тез, и машина трогается с места.

Снова школа, как будто бы и не было этой поездки во Францию и всего, что там произошло. Опять уроки, опять мучительные ожидания перемены, опять мне хочется спать, сидя на геометрии и английском. Как же мне это надоело.

На биологии все девочки класса, как обычно, пялились на бицепсы нашего учителя мистера Фитча, как я уже говорила, он очень сексуальный, и в нашей школе нет ни одной девчонки, которая бы не влюблялась в него еще больше после каждого урока, проведенного с ним. Но мои мысли на данный момент сейчас не о нем, а об опросе домашнего задания. Я снова ничего не выучила, и мне не поздоровится, если я получу очередную двойку.

– Господи, какой же он классный. Как же повезло его жене, да. Лори? – я пытаюсь быстро запомнить абзацы параграфа, но Тезер мне мешает. – Лори...

– Тез, не отвлекай меня, я учу.

– Да успокойся ты, это же всего лишь биология.

– Если я получу два, то родители меня отправят по путевке в ад! Мистер Фитч уже начинает водить пальцем по классному журналу и искать фамилию того несчастного, кто будет отвечать.

– И отвечать сегодня будет... Макфин!

– Черт... – говорю я, параллельно вставая со стула —...благодаря многочисленным исследованиям... э-э... было установлено, что... то есть была открыта теория, которая... в которой...

– Макфин, ты учила?

– Мистер Фитч, я... – в следующее мгновение я чувствую, как Тез толкает меня со всей силы, и я падаю на пол.

– Глория, что с тобой? – Фитч быстро подбегает ко мне.

– Все в порядке, просто голова закружилась...

– Тебе нужно срочно в медпункт.

– Мистер Фитч, можно я ее отведу? – спрашивает Тез.

– Конечно, Тезер.

Тез берет меня за руку и выводит из кабинета.

– Что ты натворила?! – спрашиваю я.

– Я спасла тебя, дура. Теперь он тебя пожалеет и не поставит два.

– Ладно, спасибо... какой раз мы уже так мухлюем?

– Это же круто! Нет, я, конечно, обожаю Фитча, но он говорит так монотонно, что я уже начала засыпать.

Мы смеемся, но в следующий момент мы замолкаем. Мы слышим женский и мужской голоса, кто-то смеется, кто-то говорит: «Ты такая прекрасная, я тебя хочу».

– Ты слышишь это? – говорю я.

– Да. Кажется, кто-то сейчас ведет урок неприличного флирта.

– Это из кабинета Лоренс.

– Ничего себе, а я думала, что она тридцатипятилетняя девственница.

Мы подходим ближе, из любопытства я начинаю искать щелки в двери, наконец, нахожу, и то, что я сейчас вижу, подвергает меня в шок...

– Папа?... – шепотом говорю я.

– Да уж... она еще та потаскуха...

Они полушепотом разговаривают, смеются. Папа касается ее плеча, она закрывает глаза... Я СЕЙЧАС УБЬЮ ЭТУ ШЛЮХУ!

– Нет, я не могу больше это слышать, – я хочу открыть дверь, но Тез останавливает меня и толкает к стене.

– Стой!!! Ты что делаешь?!

– Там мой отец!!! Я не могу стоять здесь и ничего не делать!

– Послушай, неужели ты не понимаешь, что это козырь?

– В смысле?

– Ты можешь ее шантажировать и тем самым нормализовать свои оценки по математике.

– Тез, что ты несешь?!!!

– В любой ситуации есть свои плюсы. Теперь Лоренс будет тебе пятки лизать, иначе ее жизнь превратится в ад.

– Но это же мой отец... моя семья, она разрушается...

– А разве она уже не разрушена?

Действительно, от моей семьи уже ничего не осталось, мать ходит к какому-то уроду, становясь зомбированной, теперь я узнаю, что мой отец втайне встречается с математичкой. Семьи больше нет, есть только люди, которые уже не могут друг друга терпеть.

Школьный двор пуст, в это время все либо в столовой, либо на стадионе. Лишь только я одна сижу на пришкольной лавочке и пытаюсь тишиной убить свои мысли. Как же хочется лишиться себя жизни именно сейчас, чтобы не мучиться, ничего не чувствовать.

Я слышу чьи-то шаги, это Мэтт.

– А где Тез? – спрашивает он, странно, что он здесь делает, неужели сам не догадывается, что она в столовой? – Лори...

– ...что?

– Что-то случилось?

– Нет... неважно.

Я хочу, чтобы он ушел, потому что я чувствую, что еще немного и я разрыдаюсь, а я не хочу,

чтобы он видел мои слезы.

– Опять Ник?

– Мэтт я... хотела посидеть здесь одна...

– Понял. Извини, я пойду.

– Нет, все нормально... мне как раз нужно уже идти.

Я прибавляю шаг и заворачиваю за угол школы.

Слезы сами льются из моих глаз, я не могу остановиться. Какая же я слабая, если бы вы знали, как мне надоело реветь по каждому поводу, но мои нервы просто не выдерживают. Родители своими поступками медленно убивают меня.

– Не грусти, красотка.

Сердце начинает бешено колотиться, я оборачиваюсь и вижу тех здоровенных амбалов, которые угрожали мне около дома. Вокруг школы никого, даже если я стану кричать, меня никто не услышит.

– Что вам нужно?!

– Расскажи нам о своих проблемах, – язвительно говорит один из них.

– Да пошли вы к черту! – я стараюсь вырваться, но самый крупный из них толкает меня, я падаю на землю и больно ударяюсь копчиком.

– Ответ неверный.

– Ты думаешь, будешь долго бегать от Ника? Он ведь так просто не прощает.

– Эй, отстаньте от нее! – я вижу за их спинами Мэтта.

– Смотри-ка, твой защитник вовремя подрос.

– Я сказал, отстаньте от нее.

– И что же ты нам сделаешь?

– Мне, конечно, противно марать свои руки о лица шестерок Ника, но мне придется это сделать!

– Так, ничего не нужно делать. Мы пришли сюда, чтобы просто вас предупредить. У вас проблемы, ребятки. И очень серьезные.

Амбалы разворачиваются и уходят. Мэтт помогает мне подняться.

– Ты в порядке?

– Да... как ты узнал, что они?..

– Из твоей книги выпало письмо. Мэтт дает мне в руки конверт.

– «Бойся острых углов...». Боже, как же мне это надоело! Что ему от нас нужно?

– Мы задели его самолюбие, и теперь он нам мстит.

– Когда же это закончится?..

– Когда мы сами это закончим.

Мэтт стремительно идет к главному входу школы.

– Мэтт... – я иду за ним.

Он направляется в столовую. Я чувствую, как он зол, и он может сделать все, что угодно. От этого мне становится страшно.

– Мэтт, что ты хочешь сделать?

– Я хочу покончить с этим раз и навсегда.

Он вырывается из моих рук, забегает в столовую, останавливается около столика Ника.

– Эй, Ник, – тот оборачивается и Мэтт со всей силы ударяет его кулаком в челюсть.

Ник отлетает на несколько метров, все начинают кричать, в том числе и Тез.

– Мэтт, что ты делаешь?!!!

Он не слышит ее, только Ник хочет привстать, как Мэтт снова набрасывается на него и начинает избивать.

– Мэтт!!!! – кричит изо всех сил Тезер.

В эту же минуту в столовую пулей влетает наша директриса миссис Кинсли.

– Что здесь происходит?!!!

Мэтт и Ник не обращают на нее внимания.

– Мэтт Гинс, прекрати немедленно!!!

Ребята из команды по регби разняли двух бывших друзей.

– Это у тебя начались проблемы, ублюдок!!! – кричит напоследок Мэтт.

– Оба ко мне в кабинет, живо!!!

Мэтт и Ник послушно направляются за Кинсли. У Тезер началась истерика.

– Зачем он это сделал?!!!

– Тез, успокойся.

– Он снова нас опозорил перед всей школой!!!

– Я тебе сейчас все объясню, только успокойся.

Мы выходим из столовой и заходим в туалет. Пока никого нет я рассказываю Тезер обо всем, что со мной произошло. О той вечеринке, где я чуть не убила Ника, о том, как он меня и Мэтта шантажирует и угрожает расправиться с нами. Мне надоело все это скрывать от нее. Все-таки у друзей не должно быть никаких секретов.

– Так значит, это ты виновница торжества... с ума сойти... почему ты мне раньше ничего не рассказала?

– Я не хотела, чтобы ты знала об этом. Из-за одного идиотского вечера моя жизнь перевернулась вверх дном.

– А что, если позвонить в полицию?

– Он все обернет так, что мы останемся виноватыми.

– Нет, я, конечно, знала, что Ник тот еще идиот, но чтобы он хотел кого-то изнасиловать, а потом мстить... в голове не укладывается...

– Я не знаю, что мне теперь делать...

– Послушай, ему когда-то это надоест, так что нужно немного потерпеть и все.

– А я думаю, что он не остановится.

Прошло два урока, Мэтт не появлялся в классе, по лицу Тезер было заметно, что она за него переживает. В один день уже столько потрясений. Драка Мэтта, отец с мисс Лоренс. Как же хорошо, что у нас сегодня нет математики, иначе следующая драка была бы между мной и этой шлюхой преклонного возраста.

Мы выходим из школы, около ворот видим Мэтта, стоящего возле своей машины. Тезер бежит к нему, я за ней.

– Мэтт, что она сказала? – спрашивает Тез.

– Ничего особенного. После уроков я должен мыть классы. Как всегда, она придумала «оригинальное» наказание.

– Ты с ума сошел! Я так за тебя испугалась.

Тезер обнимает Мэтта. Он тем временем смотрит на меня. Я, не понимая, что он хочет «сказать» этим взглядом, сажусь в его машину.

Дорогой дневник!

Сейчас я лежу одна в комнате Тез, рядом со мной Принц, он, кажется, уже привык к новой обстановке. Сегодня произошло нечто ужасное, ПАПА ВСТРЕЧАЕТСЯ С МИСС ЛОРЕНС! Поверить не могу, что после того как она пришла к нам домой рассказать о моей успеваемости, у моего отца появилась симпатия к ней. Тез говорит, что у меня в руках козырь, и, может быть, это только и к лучшему, но, к сожалению,

лучшего я здесь не вижу.

Мама теперь пребывает в какой-то секте, она думает, что ей от этого становится только лучше. Вчера вечером я попыталась ее в этом переубедить, так она на меня чуть ли не с ножом накинута. Мне очень плохо. Я уже забыла каково это, когда в твоей семье присутствует взаимопонимание, любовь, поддержка. Очень сложно контролировать себя во всех этих ситуациях, происходящих со мной. Наверное, пора смириться с тем, что семьи у меня больше нет. Нужно дожить оставшиеся дни, а потом уже будет всем намного легче. Меня не станет.

Я замечаю, что каждый новый день – это еще одна причина для самоубийства. Конечно, смерть не самый лучший выход из всех проблем. Но в моем случае она на первом месте.

Осталось 38 дней. Лори

– Лори... Лори, быстрее!

Я быстро спускаюсь вниз на крик Тезер.

– Тез, что такое?

– Как думаешь, мне идет красная помада?

– Ты только за этим кричала на весь дом?

– Да, а что?

– Я думала, тебя убивают!

– Не дожدهшься!

Мы смеемся, внезапно кто-то звонит на телефон Тезер.

– Алло...привет... нет, не занята... хорошо, а во сколько?... ладно, увидимся... пока... –

Тезер отключает телефон, – угадай, кто мне позвонил?

– Мэтт?

– Нет, Адам!

– Ух ты, и что он тебе сказал?

– Предложил встретиться сегодня вечером в его автосервисе... как глупо!

– А по-моему, очень мило. Вечер, запах бензина, сломанные машины и вы вдвоем. Как романтично! – смеюсь я.

– Да уж, вот только не вдвоем, а я, он и ТЫ.

– Не поняла.

– Ты поедешь с нами!

– Нет, Тез.

– Да, Лори. Вы – старые друзья, давно не виделись, и мы все вместе посидим в этой милой обстановке.

– Но пригласил-то он тебя!

– И что? Лори, у меня есть парень, поэтому я не могу ехать одна на встречу к какому-то парню.

– Но спать ты с ним можешь!

– Давай не будем уходить от темы. Иди, собирайся!

– Тез, я не хочу быть третьей лишней.

– А я не хочу совершить очередную глупую ошибку, из-за которой буду винить себя вечно. Помоги мне, Лори.

– ...хорошо.

– Только Мэтту об этом ни слова.

– Я поняла.

Через несколько часов мы ловим такси и едем к месту назначения. На улице уже достаточно темно, там, куда нас пригласил Адам, нет ни единой души. Обстановка мрачноватая, и у меня уже начинают мурашки бежать от холода.

– Ты уверена, что это то место?

– Да, он сказал, на пересечении Люксембургского шоссе.

В десяти метрах от себя мы видим небольшое здание – это и есть тот самый автосервис, только никаких признаков того, что там внутри кто-то есть, нет.

– Странно, и где он? – спрашивает Тезер, оглядываясь по сторонам.

– Позвони ему.

– Сейчас, – Тез роется в сумке, и достает телефон. – Черт, батарея села.

– А я свой забыла дома.

Тезер начинает стучать по двери здания.

– Адам!!!

Через пять минут автоматические ворота сервиса открываются, и нас ослепляет яркий свет от многочисленных разноцветных мигающих гирлянд, развешенных по стенам.

– Привет, я думал, ты будешь одна.

– Привет, – заулыбалась Тез.

– Извини, Адам, это она меня попросила поехать с ней.

– Ничего страшного, заходите.

Внутри очень красиво, повсюду мерцающие огоньки, как будто бы сейчас Рождество.

– Здесь очень круто, – говорит Тезер.

– Я старался.

– Как там бабушка?

– Отлично, я и не думал, что мы с ней так быстро поладим.

– Адам, я проголодалась, у тебя есть что-нибудь из еды? – спрашивает Тез.

– Конечно, одну минуту. Адам уходит в другую комнату.

– Это что, свидание? – шепотом спрашивает Тезер.

– Похоже на то.

– Лори, я так не могу, надо уходить.

– Постой, он же ведь готовился, мы не можем вот так взять и уйти.

– ...верно.

– А вот и еда.

Адам несет огромный поднос с кучей всяких вкусностей.

– Спасибо. М-м, как все вкусно выглядит! – говорит Тез.

– Глория, можно тебя на секунду?

Я встаю с мягкого пуфика и иду за Адамом.

– Как там наш план?

– Все идет как по маслу. В Париже она призналась, что ты ей нравишься.

– Серьезно?

– Да, так что продолжай в таком же духе.

– Я решил устроить романтический ужин.

– Ты просто гений! Тезер обожает парней, которые устраивают для нее сюрпризы. Я пойду домой, но ты мне должен кое-что пообещать.

– Что?

– Держи себя в руках. И помни, что у нее пока есть парень, и если он узнает об этом, то тебе придется провалиться сквозь землю.

– Я обещаю. И помню.

Мы снова возвращаемся к Тезер.

– Тез, я, наверное, пойду.

– Что? Ты куда?

– Я... я вспомнила, что не покормила Принца, да и к тому же на завтра нужно делать кучу уроков, так что я побегу.

– ...ладно.

– Пока, Адам.

– Пока.

Я выхожу из автосервиса и направляюсь на шоссе.

Время почти десять вечера, ни одной машины на дороге. Меня снова начинает колотить от холода, единственный фонарь освещает улицу тусклым светом, еле видно, что находится перед собственным носом. Как только я окончательно теряю надежду, что смогу поймать попутку, около меня останавливается черный джип с тонированными стеклами. Я понимаю, что это мой единственный шанс добраться до дома. Сажусь в салон, закрываю дверь.

– Мне, пожалуйста, до...

В эту минуту у меня все сковало внутри, от страха я перехватило дыхание, В МАШИНЕ СИДЯТ ТЕ САМЫЕ АМБАЛЫ, КОТОРЫЕ НАПАЛИ СЕГОДНЯ НА НАС С МЭТТОМ.

– Вот ты и попалась, красотка.

– ...нет, – я начинаю открывать дверь, но понимаю, что она уже заблокирована. Машина трогается с места. – Остановите машину!!! Пожалуйста!!!

– Если ты сейчас не заткнешься, мне придется тебя вырубить! Я начинаю биться в заднее стекло:

– Эй, помогите!!!!

– Я предупреждал.

В следующую секунду, я чувствую, как меня резко ударяют чем-то тяжелым по голове, я теряю сознание...

Часть 4

Sigh (Вздох)

– Лори... Лори, ты меня слышишь?.. Лори?.. – меня кто-то бьет по щекам, я открываю глаза, во рту привкус крови, через несколько секунд мое сознание начинает пробуждаться.

– ...Мэтт?

– Слава богу!

Я приподнимаюсь и осматриваюсь, в помещении только я и Мэтт, это больше похоже на какой-то подвал с крохотной лампочкой на потолке.

– Где мы?

– ...не знаю.

На его лбу застывшая кровь, видимо, его так же, как и меня, сюда заволокли. Во мне просыпается ярость, я начинаю колотить руками в дверь и кричать.

– Эй!!! Выпусти нас, ублюдок!!!

– Лори, успокойся.

– Выпусти нас!!!

– Лори, – Мэтт отталкивает меня к стене. – Кричать бессмысленно, нас никто не услышит.

– Почему?

– Кажется, я знаю это место. Это клуб-бункер Ника, здесь проводятся закрытые вечеринки. Музыка тут такая громкая, но снаружи вообще ничего не слышно.

– И что же теперь делать?

– Ждать. Рано или поздно он откроет эту дверь, и мы все обсудим.

Я сажусь на корточки и облокачиваюсь на стену. У меня такое измотанное состояние, что просто не описать. Мне хочется плакать, но я не могу, даже на это у меня не хватает сил. Как же хочется, чтобы это, наконец, закончилось. Я бы все на свете отдала, чтобы оказаться дома, с мамой и отцом, даже их я готова вытерпеть, лишь бы уйти отсюда.

Мы молчим уже где-то полчаса, я смотрю в одну точку и стараюсь ни о чем не думать, но Мэтт прерывает наше молчание.

– Есть хочу. Я бы сейчас съел даже червя в томатном соусе.

– А я хочу отсюда выбраться.

– Тебе страшно?

– Нет. Мне противно. Мне противно здесь находиться, противно не знать, что с нами будет дальше.

– Это очередной план мести Ника. Он не остановится, пока не доведет дело до конца.

– А что, если он нас убьет?

– Не думаю. Ник слишком труслив, чтобы на это пойти. Внезапно за дверью я слышу какие-то звуки.

– Ты слышишь это?

– Да, это шаги снаружи, – Мэтт подходит к двери и начинает барабанить по ней руками. – Ник, открой эту чертову дверь... Ник!!!!

– Я больше ничего не слышу.

– Я тоже.

Я снова сажусь к стене и замечая на бетонном полу медальон.

– Что это? Это твое?

– Да. Я купил его Тезер.

– Красивый. Ей понравится.

– Знаешь, она тебе ничего не говорила о нас?

- В смысле?
- Ну, может быть, ее что-то не устраивает во мне?
- Нет. Не говорила.

– Просто в последнее время она какая-то странная, наши отношения изменились. Она тебе точно ничего не говорила?

Я вскакиваю и начинаю кричать от злости:

– Мэтт!!! Мы находимся черт знает где, неизвестно вообще, что с нами будет, а ты думаешь о Тезер. ЭТО НЕНОРМАЛЬНО!!!

- Ты чего кричишь?
- Да потому, что мы оказались здесь из-за тебя!!!
- Из-за меня?!
- Если бы ты не устроил эту тупую драку в столовой, нас бы здесь не было!!!
- А если бы ты не пошла на той вечеринке с ним в ту комнату, ничего бы вообще не произошло!!!
- Я не знала, что так получится!!!
- И я тоже не знал, что так получится!!!

Я выдыхаю. Господи, какая же я дура. Я ведь виновата, и причем очень сильно, а теперь еще и срываю свою злость на любимом мною человеке.

- ...прости.
 - И ты меня прости. Я действительно виноват.
 - Нет, это я во всем виновата. Если бы только вернуться назад и все исправить...
- В следующую секунду металлическая дверь открывается и заходит какой-то парень.
- Доброе утро, голубки. Прошу за мной.
 - Мы никуда с тобой не пойдем, – говорит Мэтт.
 - Мэтт, нужно делать все, что он говорит, – я становлюсь за спиной этого парня.
 - Вот, видишь, не желаешь последовать примеру своей умной подружки?

Мэтт, молча, становится рядом со мной. Мы долго идем по длинному коридору. Здесь такой тусклый свет, что я чувствую, как он начинает раздражать мои глаза.

- Дэйв, интересно, сколько он тебе платит, чтобы ты выполнял эту грязную работенку?
- Достаточно, Мэтт, достаточно.
- И тебе совсем не противно лизать ему пятки?
- Знаешь, что, будущий труп, я бы на твоём месте так со мной не разговаривал, а то тебя и родная мать не узнает.

Мы доходим до какой-то двери, Дэйв открывает ее. Перед нами огромное помещение, больше похожее на подземную парковку. Здесь пахнет сыростью, противный свет, ржавые стены, в центре стоит огромный стол, от него исходит запах еды, а рядом с ним стоит Ник.

- Наконец-то, а то я уже вас заждался. Не хотите позавтракать?
 - Иди к черту, – говорит Мэтт.
 - А ты, Глория?
 - ...нет, спасибо, – главное не злить его, главное не злить.
 - Ну что ж, тогда перейдем сразу к делу. Подойдите ближе ко мне.
- Я делаю несколько шагов вперед, Мэтт остается неподвижен.
- Мэтт, я сказал, подойди ко мне.
 - А я сказал, иди к черту!
 - Глория, детка, не стесняйся, подойди ближе.

Я подхожу к столу, мой пульс учащается в считанные секунды, вот теперь мне становится по-настоящему страшно.

– Ник, прости меня. Я очень сильно виновата перед тобой, оставила тебя истекать кровью, мне до сих пор это в кошмарах снится! Прости меня, пожалуйста. Я не хотела, чтобы так получилось.

– Bravo! Молодец, именно это я и хотел от тебя услышать! Теперь ты, Мэтт.

– Я не собираюсь извиняться перед таким ублюдком, как ты.

– Я даю тебе время подумать. Либо ты встаешь на колени, извиняешься, и я вас отпускаю целых и невредимых, либо все будет совсем иначе.

– Я не буду этого делать!

– Хорошо... Джек, – из коридора в помещение заходит огромный мужик, он сразу направился ко мне. Затем он достает нож из кармана и приставляет его к моему горлу.

– Итак, Мэтт, либо ты извиняешься, либо Джек перережет ей горло. Считаю до трех. Один.

Я начинаю задыхаться, при этом чувствую, как лезвие проникает мне сквозь кожу.

– Что ты делаешь?! Отпусти ее!!! – Два.

– Немедленно отпусти ее!!!

– Два с половиной... – Мэтт смотрит мне в глаза, я тем временем чувствую, как капли крови стекают по моей шее. – Три.

– Стойте!!! – Мэтт падает на колени. – Прости, прости меня! Я конченный мерзавец. Прошу, прости меня, умоляю!!!

– Джек, отпусти.

Я падаю на колени и хватаюсь за горло. Меня начинает судорожно трясти.

– Вот видишь, Мэтт, это не так-то и трудно.

– Теперь ты отпустишь нас? – спрашивает Мэтт.

– Знаете, а я хочу еще с вами немного поиграть. Мне так понравилось, как вы защищаете друг друга.

Ник дает мне руку, я встаю с колен.

– Глория, ты так дрожишь, меня это заводит, – он наклоняется ко мне. – Знаешь, чего я хочу? – я словно язык проглотила. – Ответь, знаешь или нет?!!!!

– Нет!

– Я хочу продолжить то, что мы не закончили с тобой на той вечеринке.

У меня начинается истерика. Я плачу захлеб.

– Ник, пожалуйста, не надо! – сквозь слезы говорю я.

– Не трогай ее! – кричит Мэтт.

Ник делает два хлопка, в эту минуту в помещение заходит около семи огромных парней, они все окружают Мэтта и начинают жестоко избивать.

– Выбирай, Глория, либо ты соглашаешься, либо его избивают до смерти.

Меня бросает в жар, я смотрю, как Мэтт по секундам умирает. Мне очень страшно. Я не хочу заниматься сексом с Ником, но в то же время тем самым я могу спасти Мэтта. Ведь я люблю его, я не допущу, чтобы он из-за меня пострадал.

– Не слушай его, Лори, – кричит Мэтт.

– Время идет, – говорит Ник.

Давай, Глория, ты обязана это сделать...

– Я согласна! – кричу я, одновременно захлебываясь струями слез.

– Остановитесь, – приказывает Ник. – Ты не перестаешь меня радовать, детка. Пойдем.

Он хватается меня за руку и ведет в коридор.

– Нет, Лори, не иди с ним! – еле-как говорит Мэтт.

Я не слышу его. Мы выходим в коридор, я иду за Ником не сопротивляясь. А к чему тут сопротивления? Я не хочу видеть Мэтта в луже крови, а то, что сейчас произойдет между мной и

Ником послужит самой весомой причиной для моего самоубийства. Теперь-то я точно знаю, что мне не жаль расстаться с этой жизнью.

Ник открывает дверь, мы заходим в небольшую комнату, в центре стоит большая кровать, вслед за нами в комнату заходят еще каких-то три парня.

– Кто это?

– А-а, извини, я забыл тебя предупредить. Просто моим друзьям ты тоже очень понравилась, и они хотели бы к нам присоединиться, но ты же не против?

Четверо огромных парней в комнате, я одна, даже представить боюсь как они будут надо мной извращаться.

– Садись! – Ник толкает меня на кровать, парни садятся рядом со мной.

– Я же уже извинилась перед тобой, что тебе еще нужно?!

– Ты знаешь, что мне нужно. Раздевайся!

Я сижу на кровати, словно статуя, будто наступил паралич.

– Раздевайся, иначе я тебя сейчас прикончу! – угрожает Ник. Я начинаю нащупывать верхнюю пуговицу кофты, но тут мой взгляд падает на тумбочку, как в тот раз на ней стоит большой стакан. Я быстро беру его в руки, со всей силы разбиваю, хватаю большой осколок и прижимаюсь к стене.

– Ух ты, шоу начинается! – говорит Ник.

– Знаешь что, Ник, ты можешь не пугать меня смертью! Я ее не боюсь, я наоборот ее жду, считаю дни. И вот, наверное, этот день настал... только, пожалуйста, отпусти Мэтта. Ведь он был твоим лучшим другом! А знаешь, когда он узнал, что я с тобой сделала, он был готов вцепиться в меня! Потому что он любил тебя! И готов был отомстить каждому!

Я подношу осколок к руке, стекло глубоко входит в кожу, я начинаю кричать от боли, все присутствующие в комнате с открытым ртом и широкими от ужаса глазами наблюдают за процессом, словно в оцепенении. Я делаю полый разрез, кровь начинает быстро струиться.

– Вот видишь, Ник... как легко расстаться со своей дерьмовой жизнью...

В это же мгновение в комнату врывается Мэтт, в его руках пистолет.

– Значит, так, теперь я буду диктовать свои условия! Либо ты нас отпускаешь, либо я стреляю в тебя и мне плевать на свидетелей!

– Эй вы, идите отсюда.

Трое парней выходят из комнаты.

– Ну, давай, стреляй, чего же ты ждешь?

– Я не хочу этого делать, просто отпусти нас.

– Я вас не отпущу. Стреляй! – Мэтт не рискует нажать на курок. – Вот видишь, ты тряпка! И ты всегда был тряпкой! А я всегда был лучшим, и ты завидовал мне.

– Ну, конечно! Это же так круто быть тем, кого все ненавидят и не плюют в лицо лишь потому, что папочка крупная шишка. Ты жалок, Ник.

– Ну, раз я такой жалкий, убей меня, давай! Мэтт кладет палец на курок.

– Мэтт, не делай этого! – говорю я. Мэтт замечает кровь на моей руке.

– Лори, что он с тобой сделал?..

Ник, пользуясь моментом, ударяет Мэтта, выхватывая у него пистолет, тот падает к стене, затем он толкает меня к нему.

– Ну что, голубки, пора прощаться!

В следующую минуту в комнату забегают четверо полицейских.

– Какого черта?! – говорит Ник.

– Ник Хьюстон, вы арестованы.

Я чувствую, как постепенно из меня уходят жизненные силы.

– Лори... – Мэтт хлопает меня по щекам. – Эй!!! Она умирает!!! Ей срочно нужно в больницу!

Свет. Такой яркий, что мои глаза начинают слезиться. Повсюду белые стены, мое тело накрыто белой простыней, рука перевязана, и я уже совсем не чувствую боли. Я в больничной палате, здесь так тепло, я делаю глубокий выдох и понимаю, что, наконец, в полной безопасности.

На моем лице появляется улыбка, когда я поворачиваю голову и вижу сидящего на стуле около моей кровати Мэтта. Он спит. Весь в пластыре, все раны обработаны. Я приподнимаюсь с кровати и начинаю его будить.

– Мэтт... Мэтт, – шепотом говорю я.

Он просыпается и, увидев меня, мило улыбается.

– Уже очнулась? Как себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Доктор сказал, что рана не глубокая, быстро заживет. Так что тебе еще повезло.

– Да уж... неужели все это закончилось?

– Да. Весь этот кошмар кончился. Теперь Ник еще долго будет за решеткой.

– Как ты вызвал полицию и достал пистолет?

– Очень просто. Шестерки Ника сильные, но такие тупые. Они оставили меня одного, на столе лежал чей-то телефон и пистолет, – Мэтт делает небольшую паузу. – Знаешь, не нужно было этого делать.

– Что делать?

– Идти с ним. Из-за меня.

– Они бы тебя убили.

– Не убили...

– У меня не было другого выхода.

Мэтт снова молчит, затем начинает рыться в своем кармане и что-то достает.

– Я хочу, чтобы он был у тебя.

В его руках тот самый медальон.

– Ты же купил его Тезер?

– Думаю, тебе он больше подойдет.

Он берет мою перевязанную руку и кладет в ладонь медальон.

– Спасибо, – шепчу я.

Он еще долго держит мою руку. Что между нами происходит? Неужели он сейчас испытывает то же, что и я? А я испытываю небывалое удовольствие. Вы только представьте: парень, которого я люблю на протяжении долгих лет, сейчас держит мою руку, в которой весьма дорогой медальон. Я не хочу, чтобы это заканчивалось, но тут внезапно в палату заходят Адам и Тез.

– Лори, Мэтт! – Тезер подбегает к своему парню и обнимает его.

– Привет, как вы? – спрашивает Адам.

– Мы нормально. Вроде еще живы, – с улыбкой говорит Мэтт.

– Я чуть с ума не сошла! – Тезер смотрит на мою руку. – Боже!

– Тез, перестань, все уже позади.

– Да ты представить себе не можешь, что я пережила! – Тезер делает паузу, – господи, какая же я эгоистка. Ребята, я так рада, что с вами все хорошо.

– Я еще не успел обо всем рассказать твоим родителям, – говорит Адам.

– И слава богу. Я не хочу, чтобы они об этом знали.

– Уверена?

– ...да.

– Теперь я с вас двоих глаз не спущу. Поняли? – говорит Тез. Мы смеемся. В палату заходит медсестра.

– Глория Макфин, как самочувствие?

– Отлично. Думаю, я готова поехать домой.

– Для начала я должна тебя осмотреть.

Медсестра подходит ко мне, светит фонариком в глаза, щупает руку, измеряет пульс.

– Так как самоубийство было непреднамеренным, думаю, ты можешь обойтись без визитов к психотерапевту.

– Спасибо.

Как камень с плеч, честное слово.

– Мэтт Гинс, а вы как себя чувствуете?

– Лучше не бывает.

– Вам еще повезло, кости крепкие – выдержали сильные удары, но впредь пообещайте мне, что больше не будете совершать таких глупостей.

– Обещаю.

– Ну что ж, тогда через часик можете собираться и ехать домой.

НУ, НАКОНЕЦ-ТО, я так хочу очутиться в нормальной обстановке и постараться забыть обо всем этом ужасе.

– А я и не знал, что еще существуют такие милые медсестры, – говорит Адам.

– Да ты посмотри, какой у нее коротенький халатик.

– Мэтт, между прочим, я еще здесь и все слышу! – пищит Тез.

– Прости, наверное, я начал выздоравливать, и мои инстинкты вернулись в прежнее русло, – смеется Мэтт.

– Тезер, может, оставим их? Пусть отдохнут, а мы пока подготовим машину? – предлагает Адам.

– Хорошо. Не скучайте тут без нас.

Адам и Тез уходят, мы снова остаемся одни.

– Как будто бы ничего и не было, – говорю я.

– Да уж... с ними не соскучишься. Медсестра вновь заходит в палату.

– Мэтт Гинс, вы вообще собираетесь идти к себе в палату или нет?

– Да-да, конечно, – Мэтт встает и направляется к выходу. – Увидимся.

– Повезло тебе с таким парнем. Я сразу начинаю краснеть.

– Это не мой парень.

– Ну, значит, с другом. Всю ночь около тебя просидел, я даже чуть не расплакалась.

На моем лице снова появляется идиотская улыбка. Он сидел рядом со мной и смотрел, как я сплю. ПО-МОЕМУ, ЕМУ ХОРОШО ТРЕСНУЛИ ПО ГОЛОВЕ.

Спустя несколько часов я оказываюсь в доме Тезер. Я чувствую внутри себя прилив сил, сейчас бы с удовольствием пошла в школу, но доктор сказал, что хотя бы один день я должна провести в постели, избегая лишних нагрузок.

– А разве ты не должна быть сейчас в школе? – спрашиваю я.

– Какая к черту школа? Сегодня я весь день проведу с тобой.

– Тез, не стоит, я уже хорошо себя чувствую.

– Знаешь, любой бы на твоём месте радовался, что ему целый день будут носить апельсиновый сок и крекеры.

Мы улыбаемся. Неужели хоть что-то разрешилось в моей жизни? Неужели я теперь смогу

жить без ежедневных параноидальных мыслей? Самой не верится.

Дорогой дневник!

Я не знаю, как описать все, что со мной произошло за эти два дня. Ник похитил меня и Мэтта, а затем унизил нас, заставил перед ним извиняться и., хотел со мной переспать. Если бы не Мэтт, то еще неизвестно, чем бы все это закончилось. Я не буду об этом рассказывать родителям. Зачем им копаться в моих проблемах? Мать сходит с ума из-за развода с папой, а отец тем временем ухлестывает за мисс Лоренс. ОТЛИЧНАЯ СЕМЕЙКА.

Но сейчас не об этом. Дело в том, что между мной и Мэттом что-то происходит. И это звучит, конечно, ужасно, но я в какой-то степени рада всей этой ситуации с Ником, потому что благодаря ней мы стали намного ближе. Я всегда об этом мечтала. Когда он целовался на моих глазах с Тез, я мысленно представляла, что он целует не ее, а меня. Это ужасно глупо, но я его очень люблю, и да, это уже не просто влюбленность, а именно любовь. Мне нужно постараться сделать так, чтобы Тез как можно больше времени проводила с Адамом, и тогда, быть может..

Осталось 36 дней. Лори

Я принимаю душ, переодеваюсь в чистую одежду, ложусь на кровать. Рядом со мной Принц, он уже целый час ласкается о мои ноги. Как же я давно мечтала об этой обстановке умиротворения.

В комнату заходит Тез с огромным подносом.

– Так, Грэйс приготовила для тебя кремовый суп.

– Я бы с удовольствием его съела, но у меня нет аппетита.

– Ты что, забыла, что тебе сказал доктор? Только постельный режим и много пищи, так что не перечь доктору!

Тезер ставит поднос на стол, я беру ложку и делаю небольшой глоток супа.

– Очень вкусно.

– А то, Грэйс хоть и тупоголовая, но готовит – пальчики оближешь! – я делаю еще несколько глотков, – знаешь, я тут представила, что, если бы вы с Мэттом не вернулись? Наверное, это было бы самой большой потерей для меня.

– Тез, все закончилось. Нужно постараться об этом забыть.

– Ты хотела покончить с собой... ты думала, когда резала себе вены, обо мне? Своей матери, отце? О чем ты думала вообще тогда??

– Я не могла иначе поступить. Знаешь, смерть – не самое страшное, что с тобой может произойти.

– Но для меня это было бы самое страшное! – на глазах Тез появляются слезы.

– Успокойся. Я здесь, с тобой. Рядом с нами мурлычет кот. Разве это не прекрасно?

– Чертова оптимистка.

– Кстати, ты кормила Принца эти дни?

– Конечно. Ах вот как, значит, какой-то кот тебе важнее любимой подруги? – Тез садится мне на живот и начинает меня щекотать, прекрасно зная, что я до смерти боюсь щекоток.

– Ну что ты, вы для меня оба очень важны!

– Ну, спасибо, что ты меня ставишь вровень с уличным котом! – мы не перестаем смеяться.

– Ладно, давай уйдем от темы. Ты лучше расскажи, что было, когда я ушла от вас с Адамом?

– О нет, только не это...

– Так-так, я жду подробностей!

– Ничего особенного. Мы просто поговорили, поели, а потом он меня подвез до дома и...

– И что?

– ...и пригласил меня сегодня прогуляться.

– И что ты ответила?

– Ничего. Но, скорее всего, нет.

– Почему?

– Да потому что, Лори, повторяю в тысячный раз, у меня есть парень! Его чуть не убили, и я не могу с ним так поступить в очередной раз!

– Послушай, ты просто с ним прогуляешься, никому ничего от этого не будет.

– Не знаю... я безумно хочу с ним пойти, но меня что-то отталкивает.

– Значит так, иди красься, надень свое лучшее платье и позвони Адаму!

– А как же Мэтт?

– А что, Мэтт? Он сейчас дома, отлеживается, и ему по-любому сейчас не до тебя.

– НАВЕРНОЕ, ты права. Я позвоню Адаму. В конце концов, мы с ним просто друзья!

– Конечно.

– И то, что мы с ним переспали, – ничего не означает.

– Разумеется.

Тез встает с кровати и направляется в двери.

– Ладно, отдыхай.

ЧТО Я ДЕЛАЮ? Я специально свожу ее с Адамом, чтобы потом быть с Мэттом. Господи, как же это ужасно. И главное, она мне доверяет и следует моим советам. Я бы уже давно поняла, что мною манипулируют.

Через пару часов за Тез заходит Адам, и они вместе уходят на свидание. А что, если Тезер действительно будет встречаться с другом моего детства? Ведь они так классно подходят друг к другу. То, что Тез сейчас испытывает к Мэтту, – это всего лишь показуха. Они уже редко проводят время вместе, ходят в кино, созваниваются. Лишь на публику в школе они целуются, обнимаются и пытаются делать вид, что они – идеальная парочка и у них все хорошо. Мне лично уже противно за этим наблюдать. Я очень хочу, чтобы Тезер была счастлива, и Мэтт тоже. И они будут счастливы только отдельно друг от друга.

Весь дом полностью в моем распоряжении. Я исследую все его многочисленные комнаты, смотрю фотографии. Здесь чувствуется пустота, повсюду дорогая мебель, украшения. В этом доме можно даже заблудиться.

Внезапно я слышу, как кто-то звонит в дверь. Наверное, Тезер, уже вдоволь нагулялась. Но мои догадки были ошибочными. Я открываю дверь и вижу на пороге Мэтта.

– Еще раз привет. А Тез дома?

– Нет, она... она ушла к репетитору по французскому, – соврала я.

– Ясно.

– Проходи, дома никого нет. Родители Тез где-то в разъездах, а Грэйс уже отработала.

Мэтт заходит внутрь.

– Я принес кое-что.

Я вижу в его руке бутылку виски.

– Ух ты. Ты решил ей устроить романтический ужин?

– Нет, я просто хотел, чтобы мы выпили все вместе за то, что мы одолели мерзавца Ника. Ты не против?

– Алкоголь мне противопоказан.

– Да ладно, от одной стопки ничего не будет.

– Хорошо. Уговорил.

Мы проходим в огромную гостиную, располагаемся на полу. Мэтт разливает по стопкам виски.

— Ну что, выпьем за нас?

— За то, что мы сумели все преодолеть.

Я выпиваю до дна. Горький вкус виски напомнил мне тот вечер в Париже, когда мы с Тез познакомились с местными грабителями.

— Ну вот, видишь, хуже тебе не стало, так что давай еще по одной.

— Мэтт... только немного.

Я снова делаю глоток виски и опираюсь спиной на диван.

— А вдруг его выпустят... ведь его отец просто всемогущий.

— Не волнуйся, мой отец постарался сделать так, что Ник будет только рад сидеть за решеткой.

Наступает молчание. Я смотрю на камин и чувствую, как алкоголь начинает ударять мне в голову.

— Знаешь, тогда, в больнице, я хотел тебе кое-что сказать.

— Что же?

Неожиданно зазвонил телефон Мэтта.

— Я сейчас.

Он встает и уходит в другую комнату. Что он мне хочет сказать? Господи, Мэтт, ну нельзя же так интриговать людей! Спустя три минуты он возвращается.

— Кто звонил?

— Мама. Спрашивает, где я.

Меня начинает распирать на смех.

— Чего ты смеешься?

— Извини, просто я никогда не думала, что такого здорового парня все еще контролируют родители. Я думала, ты — мачо, — я продолжаю смеяться.

— Я и есть мачо!

— Ну, конечно! — я не замечаю, как выпиваю очередную стопку виски. — Ну, не смотри на меня так, а то ты сейчас похож на пятилетнего мальчишку!

— Ах, так?

Я срываюсь с места и бегу, что есть сил, Мэтт бежит за мной. Мы сейчас похожи на двух малолетних придурков, честное слово.

Он пытается догнать меня, но я вновь удираю. Быстро спускаюсь по какой-то лестнице, бегу по коридору, открываю какую-то незнакомую дверь. Оказалось, это — бассейн. Мэтт забегают в помещение, я снова от него убегаю, при этом мы ржем как сумасшедшие. Выбрав подходящий момент, я толкаю Мэтта в бассейн. Он начинает барахтаться, а я зловеще смеяться.

— Ну что, мачо, охладился?

— Ладно, ты победила.

Он подплывает ко мне, хватая за руку и через секунду я с визгом оказываюсь в бассейне.

— Дурак!

Я окатываю его брызгами, он отвечает мне взаимностью. Капли воды попали в ухо, глаза, но я не обращаю на это внимание и продолжаю мстить. Он резко хватается за руку, и я уже не могу ему ничем ответить. Он так близко. Я смотрю в его глаза, а он в мои, при этом мы тяжело дышим, как будто бы только сейчас кросс пробежали. Вода в бассейне начинает успокаиваться. Наступает тишина вперемешку с нашим дыханием. Я чувствую, как он меня плавно обнимает за талию, и я просто парю в воде. Неужели это сейчас произойдет? В самом деле? ДА. Наши носы соприкасаются, я закрываю глаза и кладу руки ему на плечи. Губы сливаются в поцелуе. Он

такой нежный. Кровь начинает бурлить в теле. По коже бегут мурашки. Щеки безумно горят. Он и не думает останавливаться, но я открываю глаза, и, наконец, в мою голову возвращается разум. Я целуюсь с парнем лучшей подруги. Я ДОЛЖНА ОСТАНОВИТЬСЯ! Я отталкиваю Мэтта. Быстро подплываю к бортику бассейна и выбираюсь из воды.

– Лори! – говорит Мэтт.

Я начинаю еще чаще дышать. Быстрым шагом я направляюсь на улицу, чтобы проветрить свои КУРИНЫЕ МОЗГИ. На порог дома выходит Мэтт.

– Ты чего?

– Не подходи ко мне!

– Зайди хотя бы внутрь, тебе же холодно.

– Мне не холодно! – стуча зубами говорю я. Мэтт, весь мокрый и продрогший, подходит ко мне.

– Я хотел тебе тогда сказать, что я больше не отношусь к тебе, как просто к девушке.

– Молчи...

– ...я чувствую что-то большее.

– Прощу, молчи...

– ...и этот поцелуй, он не случаен.

– Мы просто пьяные... а пьяные люди часто совершают глупые поступки...

– Ну, неужели ты ничего не почувствовала?

– Почувствовала, Мэтт!!! Почувствовала, что перебрала! – я отхожу от него, он снова смотрит мне в глаза, – уходи домой.

– ...нет.

– Ладно... тогда уйду я.

Я разворачиваюсь и иду вперед.

Как же сложно просыпаться и знать, что тебя ждет не лучший день. Вчера я вернулась достаточно поздно, Мэтта, к счастью, уже не было, а Тез спала в своей комнате. За время прогулки мне нужно было все как следует обдумать. Я поцеловалась с Мэттом. Разве не этого я хотела? Тогда почему меня так терзает совесть? Тезер всегда поддерживает меня, выслушивает, а я так с ней поступила, да и еще создала этот дурацкий договор с Адамом. Господи, как же паршиво быть мной.

Я хотела сегодня вообще не идти в школу, чтобы лишний раз не видеться с Тез и Мэттом, но я уже несколько дней не посещаю занятия, и Кинсли позвонит родителям, а мне это совсем не нужно. Так что я просыпаюсь в половине шестого утра, быстро одеваюсь и тихими шагами спускаюсь на первый этаж.

Я уже собираюсь открывать входную дверь, как слышу за спиной голос Грэйс:

– Доброе утро, мэм.

– Доброе утро, Грэйс.

– Я не думала, что вы так рано проснетесь, подождите несколько минут, и я приготовлю вам завтрак.

– Нет, спасибо, Грэйс. Мне нужно бежать.

Я открываю дверь, но тут снова обращаюсь к домработнице Тезер.

– Грэйс...

– Да, мэм?

– Скажите, пожалуйста, Тезер, что я буду ждать ее в школе.

– Хорошо, мэм.

Я на автомате выхожу на улицу, ловлю такси и не замечая, как сообщая водителю адрес моей бабушки.

Через полчаса я оказываюсь около ее дома. Я должна все объяснить Адаму, я не могу предать лучшую подругу и за ее спиной плести интриги с ее парнем. Это мерзко.

Долго звоню в звонок. Через несколько минут бабушка открывает дверь.

– Глория, детка!

– Привет, бабушка. Адам дома?

– Да, собирается на работу.

– Позови его, пожалуйста.

– Проходи на кухню, я его сейчас позову.

– Нет, я тороплюсь. Он мне нужен срочно.

– А что у тебя с рукой? – бабушка смотрит на мое перебинтованное запястье.

– Неудачная попытка самоубийства.

– Ну и шуточки у тебя!

Да уж, бабушка, мне совсем не до шуток... Спустя пять минут из дома выходит Адам.

– Привет.

– Я отменяю договор.

– Что?.. А-а, ты про это. Почему?

– Вчера... Мэтт меня поцеловал.

– Это же круто! Еще немного и они...

– Хватит! Все зашло слишком далеко. Я сама не ведала, что творю. Тезер хорошо с тобой, но она никогда не бросит Мэтта.

– А разве не ты мне говорила, что я все делаю правильно?

– Говорила... но теперь нужно взглянуть правде в глаза. Ты хороший парень, и даже если Тез влюбится в тебя, она будет втайне встречаться с тобой, потому что ей нужны вечеринки, высший свет, а что ты ей можешь дать? Прогулки по парку? Свидание в автосервисе?

– ...но ведь ей это нравится...

– Адам, просто забудь ее и наш договор, – я разворачиваюсь и делаю шаги вперед.

– А ты сможешь забыть своего Мэтта? – с досадой спрашивает Адам.

Я вновь поворачиваюсь к нему лицом.

– Да... постараюсь.

Ну что ж, я сделала это. Теперь мне, наверное, не так сложно будет смотреть в глаза Тезер.

Я успеваю к началу урока. Учителя английского еще нет в кабинете, и класс, как обычно, сходит без него с ума. Я заглядываю сквозь дверную щель и вижу, как Тез готовится к уроку. Мэтт еще не пришел. Отлично! Может быть, он вообще сегодня не придет? Мне это только на руку. Я прохожу в кабинет.

– Лори, где ты была? – спрашивает Тез.

– Я проснулась пораньше, чтобы успеть заехать к бабушке.

– Могла хотя бы предупредить!

– Извини...

Вдруг я чувствую, как чья-то рука касается моего плеча. Это Мэтт.

– Привет, – говорит он.

Я нервно опускаю глаза вниз, стараясь избежать его взгляда на себе.

– Привет, – быстро говорю я и начинаю судорожно искать учебники в сумке, делая вид, что не замечаю его.

Урок тянется целую вечность, все это время я стараюсь не думать о Мэтте, о нашем поцелуе. Даже если я очень сильно захочу, я никогда не буду с ним. Зачем тогда себя напрасно мучить? Тем более, мне все равно осталось недолго жить. Я не хочу, чтобы он страдал из-за меня.

Все остальное время я пытаюсь проводить в отдельности от Тезер и Мэтта. Мне надоело им докучать. Пусть парочка побудет наедине и разберется в своих чувствах.

Я дохожу до корпуса со шкафчиками для учебников. Здесь обычно всегда тихо. Я открываю свой шкафчик, смотрюсь в зеркало, трогаю пальцами свои уродливые мешки под глазами и замечаю в стопке учебников КОНВЕРТ.

Глазам своим не верю! Неужели это еще не закончилось?!

Я открываю конверт: «Ты сделала правильный выбор».

Что это значит? Какой еще выбор? Пока я пытаюсь разобраться в значении этого письма, я совершенно не замечаю, как возле меня все эти минуты стоит Мэтт.

– Ну, и зачем ты меня избегаешь?

– Я тебя не избегаю.

– Серьезно? Думаешь, я не понял, что ты не поехала с нами в школу, чтобы не видеть меня? – он замечает в моих руках письмо, и его выражение лица мгновенно меняется. – Не может быть...

– Он что, на свободе?

– Нет, Ник под стражей, а всех его дружков сейчас допрашивает полицейский.

– Значит, тогда...

– Значит, это не он тебе шлет эти письма...

– Ну, круто... я так скоро совсем с ума сойду.

– Нужно найти этого псевдоманьяка и все у него выпытать.

– Нет, не нужно. Если ему так нравится меня пугать этими письмами, то пусть продолжает

это делать. Рано или поздно ему надоест, и он сам от меня отстанет.

– Как знаешь... Лори, я тут подумал насчет вчерашнего...

– Мэтт... – перебиваю его я.

– Выслушай меня. Это действительно была ошибка. Ты права. Мы были пьяны. Нужно постараться забыть об этом.

– Да...

– Так что, теперь снова все как в старые добрые времена?

– Конечно, – с натянутой улыбкой говорю я.

Мэтт уходит. Мне становится не по себе. Одна часть меня хочет, чтобы я как можно скорее забыла его, а другая все еще любит его, и ей больно такое слышать от него. Господи, я точно схожу сума.

Урок математики. Я его так не хотела. И не из-за того, что я в очередной раз не сделала домашнее задание. Меня просто блевать тянет, когда я вижу лицо мисс Лоренс. Сразу представляю рядом с ней папу, и хочется ей хорошенько врезать.

– Я вижу две незакрытые двойки у Глории. Так что прошу к доске.

Фу, шлюха, не произноси мое имя! Я молчу и нагло перелистываю тетрадь.

– Глория Макфин, к доске, пожалуйста.

– Я не хочу.

– ...не поняла?

– Я сказала – я не хочу. Настроение сегодня не то. На лице Лоренс появляется злоба.

– Встань. Быстро встань! – я медленно поднимаюсь. – Это что еще за выходки, Макфин?!

Мне что, позвать миссис Кинсли?

– Пожалуйста, зовите, а заодно расскажите ей, как хорошо целуется мой отец.

Лоренс онемела. Я увидела в ее глазах удивление, смешанное со страхом. Весь класс просто замер, многие даже открыли рты. И все смотрят на меня, а во мне кипит невероятная ярость, я действительно готова вцепиться в эту суку.

– ...садись. Мы продолжаем урок.

– А что такое, мисс Лоренс? Стыдно в глаза смотреть? Или вы опять играете в святую невинность?!

– Макфин, сейчас идет урок, не срывай мне его, пожалуйста.

– Значит, я вам ваш урок не должна рушить, а вы мне мою семью рушить можете?!!! – проорала я на весь кабинет. Я хватаю свои вещи и выбегаю в коридор. Мне совсем не хочется плакать, я лишь хочу убежать подальше от этого места.

Дорогой дневник!

Я НЕНАВИЖУ ее. НЕНАВИЖУ, НЕНАВИЖУ, НЕНАВИЖУ!!! Пусть эта тварь сдохнет в адских муках! Она спит с моим отцом, а потом без зазрения совести смотрит мне в глаза и делает вид, что ничего не произошло! Моя цель была, перед тем, как я покончу с собой, – помирить родителей. Ведь папа мог бы одуматься и простить маму, а мама простить папу. НО ТУТ ВМЕШИВАЕТСЯ ЭТА ПРЕСТАРЕЛАЯ ТВАРЬ Я ВСЕ МОЯ ПЛАНЫ РУШАТ. Да чем она вообще понравилась папе? Худющая, с уродливыми кудрявыми волосами, в очках, озабочена математикой. НУ, КАК ТАКОЕ МОЖЕТ ПОНРАВИТСЯ? Не понимаю. Ладно, все еще в моих руках. Я еще покажу этой шлюхе, с кем она связалась!

Осталось 35 дней. Лори

Сегодня я первый раз в жизни решила не прогуливать школу, ведь я никогда в нее не ходила по субботам. Родители и учителя уже смирились с этим. Но в этот день мы с Тез делаем исключение. К тому же скоро нужно писать курсовую по выборочному предмету. Я поняла, что если я буду отвлекать себя мыслями об учебе, то совсем скоро забуду о Мэтте и о проблемах в семье. Но мои желания как всегда напрасны.

Урок физики. Наш сумасшедший учитель мистер Косто читает лекцию о каком-то физике, но никто, кроме Чеда, его не слушает. Я смотрю в окно и... вижу, как папа с букетом цветов стоит рядом с мисс Лоренс.

– У меня что, галлюцинации? – вслух говорю я.

– Что? – спрашивает Тез.

– Посмотри в окно.

– Твой отец с этой шлюхой...

– Значит, у меня не галлюцинации, – я поднимаю руку вверх, – мистер Косто!

– Да-да, что такое?

– Можно выйти? Мне нужно срочно в медпункт.

– Конечно.

Я поднимаюсь.

– Лори, ты куда? – с недоумением спрашивает Тез.

– Я должна это остановить!

Я молниеносно бегу по коридору, спускаюсь по лестнице, чуть не сбиваю с ног директора, затем выбегаю на улицу.

Папа и Лоренс стоят в обнимку, мило улыбаются, я чувствую, как моя рвота вот-вот окажется на асфальте. Я подхожу к ним ближе, но они меня не замечают.

– Здравствуй, папочка!

Папа, увидев меня, чуть не потерял дар речи.

– Глория... ну наконец-то! Мы с Джоди тебя обыскались! Где ты пропадала?

– Вау! Вы такие заботливые, – нервно смеюсь я.

– И не нужно смеяться! Мы себе места дома не находили. Я даже пришел сюда к мисс Лоренс, чтобы она помогла нам в поисках.

Господи, у меня сейчас взорвется мозг от его вранья.

– А цветы эти мне на могилу? На случай, если меня убили, да?

– Нет, что ты такое говоришь! Эти цветы... тебе, – он сует мне в руки букет.

Я смотрю на него с ухмылкой и в то же время с небывалым отвращением.

– Дэвид, она все знает, – говорит шлюха.

– Что знает?

– Все, папочка. Начиная с того, как она засовывала язык тебе в рот, и заканчивая тем, что...

– Хватит! – перебивает меня Лоренс. – Я больше не могу это терпеть. Глория, я понимаю твои чувства, но... твои родители через несколько недель разводятся, и твой отец будет свободен...

– И что? Это означает, что вы полноправно можете с ним спать?!

– Глория! – вмешивается отец, – мне нравится мисс Лоренс, и я хочу с ней жить. Ты будешь жить с мамой, я сниму вам хороший дом, мы будем часто видеться.

– ...да я лучше сдохну, чем еще раз увижу тебя...

Я разворачиваюсь и ухожу. До центрального входа в здание я так и не дохожу. На стадионе

тихо, спокойно, никого нет. Я сижу одна и не замечаю, как начинаю реветь. Мне так неприятно все это терпеть. «Я хочу с ней жить...» Ублюдок! Прекрасно знает, что маме сейчас плохо. Хотя она и ненавидит его за его ужасный поступок, но она все еще его любит. Если мама узнает, что он вновь принялся за старое, то ее психике точно придет конец. Я ненавижу своего отца. И еще больше ненавижу Лоренса. Неужели ей самой приятно быть разлучницей? Знать, что от этого будет плохо мне и маме? Да этой суке все нипочем. Наверное, уже составила список гостей на свадьбу.

Я слышу чьи-то шаги, поднимаю глаза, из-за слез все вокруг расплывается, но я узнаю этот знакомый цвет куртки.

– Лори, тебя что, выгнали с урока? – спрашивает Мэтт.

– Что ты тут делаешь?

– Вообще-то у меня тут тренировка.

Я вытираю слезы, поднимаюсь с трибуны и уже хочу уйти, как снова слышу голос Мэтта.

– Подожди. Что-то случилось?

– Да, случилось, и я хочу побыть наедине.

– Может, лучше выскажешься, и тебе полегчает?

– А тебе что от этого?

– Лори, мы столько вместе пережили. Мне кажется, мы уже не чужие люди.

Я понимаю, что он прав. Снова усаживаюсь на дальнюю трибуну, он садится рядом со мной, и я ему все рассказываю. Про папу, мисс Лоренс, маму. Про все, что у меня накопилось на душе, а он меня внимательно слушает и кивает головой.

– Да... это ужасно. Но может, это и к лучшему?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, если твои мама и папа не любят друг друга, зачем тогда им мучиться, живя вместе?

– Не знаю... но у меня в голове не укладывается, что они разводятся и у меня больше не останется семьи.

– Ну, почему же? Семья останется. Ведь тебя все еще будут любить твоя мама и твой отец. Просто они будут жить порознь. Такие обстоятельства.

Я на миг задумываюсь: а что, если он действительно прав? Что, если отпустить отца? Пусть делает, что хочет, а я буду вдвоем с мамой, буду ее поддерживать?

– Гинс! Быстро на тренировку! – кричит тренер.

– Мэтт, спасибо тебе за поддержку... правда, я тебе очень благодарна.

– Да ладно... не за что.

Он встает, собирается уйти, как вдруг разворачивается и целует меня в щеку. Затем, ни слова не сказав, уходит. Я сижу и улыбаюсь, как дура. Ну чего ты радуешься? Ты снова наступила на те же грабли.

Я привожу себя в порядок и успеваю на начало урока биологии. Мистер Фитч становится посреди кабинета и готовится сказать нам что-то важное.

– Класс, у меня для вас есть новость. Все вы знаете, что к концу семестра вы должны сдать курсовую. И, как обычно, большинство учеников пишет курсовую по биологии. Поэтому я решил устроить для вас поход с ночевкой! – радостно произносит Фитч. Весь класс в ошарашенном виде. Провести единственный выходной в лесу?! Да вы что, издеваетесь?!

– Почему я не вижу радости на ваших лицах? – в классе полная тишина. – Послушайте, мы целый день будем ходить по лесу и знакомиться с разными растениями и животными, это же так увлекательно! – все снова молчат.

Вид у одноклассников, будто их пытали.

– Ладно, мне плевать, что вам не нравится эта новость. Но явка обязательна! Иначе вы

будете не аттестованы в семестре по биологии. Всем все понятно?

– Да... – устало говорит класс.

Ну что ж, супер. Все воскресенье я проведу вместе с классом и сексуальным, но очень раздражающим Фитчем.

По окончанию уроков я быстро ловлю такси и, втайне от Тез, уезжаю.

Я назвала адрес своего дома. Да, именно сейчас я хочу увидеть маму, услышать ее голос. В конце концов, она там совсем одна, я буду чувствовать себя последней сволочью, если в это время буду тусоваться с друзьями.

Машина доезжает до дома. Я еще долго не решаюсь зайти внутрь. Здесь так пусто и серо. Кажется, что дом заброшен. Или хозяева уехали отдыхать. Я поднимаюсь по скрипучей лестнице вверх. Так тихо, что слышу свой пульс. Я открываю спальню родителей. Мама калачиком лежит на кровати. Я смотрю на нее и улыбаюсь, а на глазах снова начинают выступать слезы. Она выглядит такой беззащитной, одинокой. Хочется ее обнять и согреть. Я сажусь на край кровать и медленно глажу ее по волосам. Затем она просыпается и, проморгавшись, узнает меня.

– ...Глория

– Привет.

Она приподнимается, берет с комода баночку какого-то препарата, вытаскивает из нее четыре синенькие таблетки и заглатывает. Затем снова ложится на кровать и закрывает глаза. Зря я ее беспокоила. Я тихо встаю и направляюсь к выходу.

– Останься...

Я резко поворачиваюсь, мама смотрит на меня и у нее одна за одной текут слезы.

– Прошу тебя, останься... не оставляй меня одну. Я обнимаю ее.

– Мам... мам, ты чего?

– Не оставляй меня... пожалуйста...

– Успокойся... я буду с тобой...

– Не оставляй меня... останься со мной.

– Тише, тише, я останусь, – я целую маму в макушку, – я останусь с тобой...

Я проснулась как можно раньше. Стою у плиты и поджариваю кусочки бекона. Наверное, это единственное, что у меня хорошо получается готовить. Мама еще спит, вчера мы разговаривали с ней почти полночи. Я все пыталась как-нибудь тонко намекнуть на то, что у папы появилась новая пассия, но у меня язык не поворачивался.

Я слышу шаги на лестнице. Это мама.

– Ты так рано проснулась, – говорит она.

– Да, и я уже успела приготовить нам завтрак.

Мама улыбается, а затем снова мрачнеет, когда смотрит на вешалку в прихожей и не находит там папиного пальто.

– Дэвид не пришел...

– Наверное, у него куча работы. Ты же знаешь, какой он трудоголик.

– Он не ночует здесь который день...

– Мам, да какая тебе до него разница? Мы вдвоем в огромном доме, у нас куча еды, – я даю маме ломтик сыра.

– Что это за сумки? – говорит она, смотря на рюкзаки для похода.

– Мы сегодня вместе с мистером Фитчем и всем классом идем в поход с ночевкой. Я забыла тебя предупредить.

– Ты уходишь?..

– Всего на один день и ночь.

Она достает из широкого кармана пижамы баночку того же лекарства и снова выпивает горсть таблеток.

– Что за таблетки ты пьешь?

– Доктор Фрейз прописал.

– Ты все еще ходишь к нему?

– Глория, я знаю, что тебе не нравится то место, но там я себя чувствую не такой одинокой. Там много людей, мы все общаемся, улыбаемся... и мир кажется не таким пустым.

– Мам, но теперь я буду всегда с тобой. Обещаю, ты больше не почувствуешь себя одинокой.

В это мгновение мы слышим сигнал машины.

– Это Тезер и Мэтт. Мне нужно идти.

– Ты хоть поела?

– У меня в рюкзаке куча еды, так что не беспокойся за меня, – говорю я, надевая на плечи тяжеленный рюкзак.

Выхожу на улицу, красный крайслер Мэтта уже стоит наготове.

– Привет, – говорю я.

– Лори, у тебя что, новое хобби, сбегать ото всех, не объясняя, куда и зачем?

– Тез, прости. Вчера я решила навестить маму, узнать, как она здесь одна, но потом... в общем, я должна жить с ней, иначе, я чувствую, что что-то случится.

– Хорошо... как знаешь, – говорит Тезер и мы трогаемся с места.

Я не в восторге ехать на весь день с классом в лес. Во-первых, я не хочу снова оставлять маму одну. Во-вторых, я терпеть не могу спать в палатках, закрывая свои уши, чтобы не слышать чей-то храп. Многие находят в этом некую романтику, но я, к сожалению, кроме многочисленных комариных укусов и отвратительных консервов на ужин, ничего в этом не нахожу. Тем более, мне придется повсюду сталкиваться с Мэттом. Я думала, что хоть за воскресенье от него отдохну. Но не тут-то было. Он, конечно, меня вчера поддержал, и мне

действительно благодаря ему полегчало, но тот поцелуй никак не может выйти у меня из головы.

Я и не успела заметить, как крайслер сменился на большой школьный автобус. Мистер Фитч был так доволен, что в этот поход пришел весь класс, что готов был каждого расцеловать. В помощники он взял себе мисс Лоренс. ДА ЭТА ШЛЮХА ВЕЗДЕ СУЕТ СВОЙ НОС! Отлично, я так и знала, что эта поездка обернется для меня крахом. Я занимаю свободное сидение. Тез и Мэтт садятся позади меня, Фитч читает нам правила безопасности на природе, Лоренс через каждые пять минут пересчитывает наши головы.

Автобус полчаса в пути, мы уже далеко от цивилизации. Фитч приказал отвезти нас как можно дальше в лес, чтобы было побольше растительности и пропал сигнал связи, чтобы никто не смел переговариваться со своими друзьями «на воле» или сидеть в Интернете. Он точно смерти нашей хочет.

Автобус останавливается. Мы все с затекшими ногами выползаем из него и направляемся за Фитчем и Лоренс. Через час блуждания по лесу мы добираемся до небольшой поляны и сбрасываем рюкзаки на землю.

– Так, думаю, здесь мы можем разбить лагерь.

Погода сегодня пасмурная, и если пойдет дождь, то я и остальные мои одноклассники проклянем все на свете. Кто-то собирает хворост для костра, кто-то набирает в общую кучу пищу с рюкзаков. У кого-то на лице кислая мина из-за усталости, а кто-то, наоборот, радуется этому дню, эти «кто-то» всего два человека – Виктория и Чед. Самые заядлые ботаны нашего класса.

– Чертова палатка! Из-за нее я все свои ногти поломала! – визжит Тезер.

– Тез, достаточно прочитать инструкцию, и все пойдет как нужно.

– Ну раз уж ты такой эксперт по палаткам, тогда, пожалуйста, собери мне ее! – Тез издает неприятный возглас и уходит прогуляться.

Я начинаю возиться с палаткой, ко мне подходит Мэтт.

– Фитч нашел в моем рюкзаке пиво и отобрал.

– Отлично... чувствую, нам будет здесь очень «весело».

– Слушай... вчера я поцеловал тебя, чтобы успокоить, только и всего, так что ты не думай ничего и...

– ...нужно постараться забыть об этом? Мэтт, у меня дежавю. Мы начинаем в голос смеяться, не обращая ни на кого внимания.

– Глория, Мэтт, раз вам нечем заняться, прошу сюда, – говорит Фитч.

Мы переглядываемся.

– Никто еще не хочет пойти с нами на исследовательскую прогулку? Может быть, ты, Тезер?

– Нет, спасибо. Я лучше останусь здесь и соберу свою палатку, – она подходит ближе ко мне и говорит на ухо, – веселенькой прогулки, неудачники, – Тез смеется и уходит.

Нас шестеро, если не считать Фитча. Памела, Грег, Чед, Виктория и мы с Мэттом. Отлично, мы в кучке тех, кто любит проводить выходные не на вечеринках, а в клубе любителей Коперника.

– Как ты думаешь, он заметит, если мы по-тихому сбежим отсюда? – спрашивает Мэтт.

– Думаешь, я не думала об этом? У него есть третий глаз на затылке, он все узнает.

Следующие полчаса мы бродили по лесу и останавливались около каждого кустика, чтобы узнать его название, тип жилкования и толщину гран в хлоропластах. В общем, вы представляете, как нам было интересно все это слушать.

Мы доходим до высоченного дерева и останавливаемся.

– Посмотрите на это чудо. Кто знает, что это? – спрашивает Фитч.

Перед нами небольшая ямка, обсыпанная листьями и ветками.

– Это чья-то нора.

– Молодец, Виктория, это нора карликового мангуста. Такие животные вообще редко обитают в наших краях, так что нам очень повезло, что мы это нашли. Сейчас я постараюсь вам его показать, – Фитч начинает бить по стволу дерева, чтобы зверек вылез из ямки.

– Мистер Фитч, может, не стоит? – говорит Чед.

– Стоит, Чед. Вы этого никогда не забудете.

Он начал еще сильнее бить по стволу, и тут Чед указывает нам пальцем наверх. Оказывается, на одной большой ветке висит огромный пчелиный улей, еще немного, и он свалится на голову Фитча.

– Какой ужас, нужно удирать отсюда, – говорит мне Мэтт.

– Мистер Фитч, там...

– Пошли, – Мэтт не дает мне договорить, хватая меня за руку и мы начинаем бежать.

– Куда мы?

– Подальше от этого дурдома.

– Но лагерь в другой стороне!

Мэтт не отвечает мне. Мы продолжаем бежать вглубь леса. Затем, когда мы прилично отбегаем от лагеря, останавливаемся.

– Ну и где мы?

– Не знаю. Зато теперь нас никто не будет доставать.

– Ты дурак! Фитч нас убьет, а потом и миссис Кинсли.

– Я тебя спас! Сейчас бы мы бегали по всему лесу от диких пчел. Я улыбаюсь, поворачиваю голову и слышу странный шум из-за кустов.

– Смотри, что там?

Я поднимаюсь и иду на шум. Мэтт идет за мной. Спустя мгновение перед нами расстилается небольшой водопад. Он окружен невысокими деревьями, с многочисленными камнями и листьями по берегам.

– Вау, эти лохи даже и не подозревают, что здесь такая красота, – говорит Мэтт.

Я подхожу к воде, беру охапку листьев и швыряю их в Мэтта.

– Эй, за что?!

– За то, что ты втянул меня в это!

– Ах, так?

И понеслась! Мы снова, как малые дети, начали носиться по местности, кидать друг в друга листьями, затем дело доходит до самого водопада. Мэтт толкает меня в воду, я отвечаю ему тем же. Вода невероятно холодная, но нам все равно. И только после того, как нашу одежду можно просто выжимать, мы, наконец, останавливаемся.

– Я вся из-за тебя мокрая!

– Взаимно!

Он снимает с себя футболку.

– Что ты делаешь?

– Снимаю мокрую одежду, ее нужно высушить. Кстати, тебе тоже бы это не помешало.

– Ну, конечно. Всегда мечтала мелькать своими прелестями перед тобой.

– Сама же хуже себе делаешь. Мэтт снимает с себя джинсы.

– О боже, – говорю я и отворачиваюсь.

– Все девочки в школе мечтают это увидеть.

– Хорошо, что я – не они. Ладно, нужно возвращаться в лагерь.

– Я никуда в таком виде не пойду, пока не высушу одежду. Он берет зажигалку, поджигает ветки и на длинной палке начинает сушить свои джинсы.

- Скоро они начнут нас искать.
- Слушай, я никогда не думал, что ты такая зануда, – говорит Мэтт, смотря на меня.
- А я никогда не думала, что ты носишь трусы с «Южным парком».
- Их все носят.
- Да, все двенадцатилетние мальчишки. Я смеюсь. Мэтта это начало раздражать.
- Ну хватит... – я не останавливаюсь. – Прекрати!
- Прости, не могу. Посмотри вперед.

Мэтт оборачивается и видит, как огонь полыхает на его штанах.

– Черт! – он начинает на них прыгать, и от джинсов остается черная дырявая тряпочка, – твою мать!

- Да уж, сегодня не твой день.
- Теперь я точно никуда не пойду.
- Скоро дикие звери начнут на нас охоту.
- Плевать на зверей. Когда совсем стемнеет, пойдем в лагерь. А пока нужно отдохнуть, – он ложится голой спиной на землю и закрывает глаза.

– Хорошо...

Я отхожу на пару метров и следую его примеру.

- Может, ты ляжешь рядом со мной?
- Это еще зачем?
- Ну, вообще-то люди так и делают, чтобы согреться, мы же все-таки в лесу.
- Я никогда не буду с тобой спать, как бы ужасно это сейчас не звучало!

Я ложусь набок и закрываю глаза.

Уже стемнело, небо покрылось многочисленными яркими звездами, я начинаю трястись. Мэтт был прав. Нужно было отбросить все свои принципы и лечь рядом с ним. Он еще спит. Я тихо подкрадываюсь к нему, чтобы согреть его и себя. Но тут он резко встает и набрасывается на меня.

– Ага, попалась!

Он садится верхом на меня, крепко удерживая мои запястья.

– Что ты делаешь?!

– Ты теперь в моей ловушке.

– Отпусти меня! – я начинаю всячески изгибаться, но он еще сильнее сдавливает мои руки. – Отпусти!

Он наклоняется ко мне и целует. Поначалу я продолжаю брыкаться, но затем его поцелуй полностью расслабляет меня. Его руки с моих запястий медленно переходят в мои ладони, и наши пальцы переплетаются. Я чувствую, как он дрожит, все мое тело покрывается мурашками, по нему проходит приятная дрожь. Наш поцелуй такой долгий, и на этот раз я не собираюсь его отталкивать. Я лежу на земле, он сидит на мне, наши ладони не разжимаются. Я забываю о том, что мне когда-то было холодно. Сейчас внутри все пылает.

Мы останавливаемся, чтобы глотнуть воздуха. Я смотрю в его глаза, он в мои.

– И-и... что это было?

– ...фонарь. – Что?

– Я вижу чей-то фонарь.

Он слезает с меня, быстро набрасывая на себя футболку.

– Вот черт, нас нашли, – говорю я.

– Мэтт, Глория? – говорит в темноте знакомый голос.

– Здравствуйте, мисс Лоренс, – говорит Мэтт.

– Что вы здесь делаете? Какое право вы имели сбежать?

– Мисс Лоренс, давайте вы не будете тратить на нас свое время, а лучше позвоните моему папочке и расскажите какое на вас сегодня нижнее белье.

Лоренс после моих слов замолкает, я хватаю Мэтта за руку и веду за собой.

Половину дороги мы просто молчим, но затем я прерываю наше молчание.

– Ты так и не объяснил, что это было?

Мы останавливаемся. Он снова смотрит мне в глаза.

– Поцелуй.

– Мэтт, я не понимаю... зачем?

Он проводит своей рукой по моим волосам.

– Может быть, затем, что ты мне нравишься? Наши губы снова смыкаются в поцелуе.

Земля неимоверно жесткая, спать неудобно, даже в палатке. Я просыпаюсь с небывалым дискомфортом, передо мной в палатке сидит Чед, от неожиданности я даже подпрыгнула.

– Какого черта?! – говорю я.

– Я так понимаю, это означает «спасибо» за то, что я посреди ночи впустил тебя в свою палатку?

А что вообще вчера было? У меня такое состояние, будто я была на вечеринке. Когда мы вернулись с Мэттом в лагерь, все уже давно спали в своих палатках, было так темно, что я забралась в чью-то, даже не спросив разрешения, и сразу же отрубилась. Значит, я попала в палатку Маккупера. Боже, позор-то какой, я ночевала с Королем прыщей.

Я ничего не отвечаю Чеду, мне срочно нужен свежий воздух. Я вылезаю из палатки и вижу, как все мои одноклассники уже проснулись: кто-то снова разжигает костер, кто-то смеется, кто-то фотографируется. А мы с Чедом, как сладкая парочка, вылезаем из палатки позже всех.

– Ладно, можешь и не благодарить. Я не обижусь.

Я снова ничего не отвечаю, просто пропускаю мимо ушей его слова.

К нам приближается мисс Лоренс.

– Глория, мне нужно с тобой поговорить.

– Прощу, не портите мое утро своим присутствием.

Я разворачиваюсь, нахожу глазами Мэтта и Тезер и иду к ним, подальше от шлюхи.

Они в стороне ото всех расположились на поляне, сидят в обнимку и о чем-то разговаривают. У меня сразу комок в горле сжался, Мэтт себя ведет так, будто вчера ничего и не было.

– Ух ты, неужели она соизволила проснуться? – язвительно говорит Тез.

– Тез, не надо. У меня была ужасная ночь, я провела ее в палатке Чеда.

Тезер скривила лицо.

– Фу, бедняжка. И как ты?

– Вроде нормально.

– Для девушки, которая провела ночь с Королем прыщей, ты выглядишь слишком живой, – говорит Мэтт, и они с Тез начинают смеяться.

Я смотрю на их лица и ничего не понимаю. Зачем Мэтт подстебывает меня? Пытается тонко унизить, и все это после того, что между нами было.

– Мэтт, ты такой шутник, но поосторожнее, а то Лори может обидеться.

– Да нет, я не обиделась, – сквозь зубы говорю я.

– Меня так достала эта природа, хочется побыстрее оказаться в цивилизации, – взвыла Тез.

– Да уж, я вообще не понимаю, зачем мы сюда приехали? Сейчас бы спокойно сидели дома, смотрели телик, пили горячий шоколад, – говорит Мэтт.

– Не травми душу, любимый, – Тезер целует Мэтта, он поддается ей, и этот поцелуй затягивается, я только вижу, как мелькают их языки. Боже, как противно, он прекрасно знает, что я равнодушна к нему, мог бы хотя бы при мне с ней не сосаться.

Я вскакиваю, и удаляюсь от них. Я просто больше этого не вынесу. Я подхожу к самодельному походному умывальнику, набираю в ладони воды и окунаю лицо. На душе довольно мерзко. Я пытаюсь все это смыть с себя, смыть поцелуи Мэтта, его запах, воспоминания вчерашнего вечера. Хочется стереть это из своей памяти.

– Ребята, все внимание! – говорит Лоренс. – Скоро мы поедем домой, но все вы знаете, что мы прилично отошли от дороги, поэтому сейчас мы соберем все свои вещи и дружно пойдем к

автобусу.

Класс устало кивает.

Я хочу домой. Хочу закрыться в комнате и обо всем, что здесь произошло, забыть.

– Глория...

– Да вы что, следите за мной?! – говорю я мисс Лоренс.

– Я же сказала, мне нужно с тобой поговорить.

– Я не хочу с вами разговаривать.

Я вытираю свое лицо о рукав толстовки и делаю шаги вперед.

– Подожди... это касается твоей матери.

– Не смейте ничего говорить по мою мать!

– Она больна.

Я останавливаюсь и смотрю в упор.

– Что вы сказали?

– Я знаю, что она больна, Дэвид мне все рассказал. Я могу ей помочь, – Лоренс достает из своего кармана визитку. – Вот, держи, здесь телефон одного очень хорошего доктора.

– Мисс Лоренс, засуньте свою помощь куда подальше, моя мать абсолютно здорова, и ей не нужен никакой доктор!

– Просто возьми, – она подходит ко мне и кладет в руки визитку, – и потом, когда поймешь, что не права... позвонишь.

Лоренс уходит.

Я стою в ступоре, в моей голове непонятный шум. Мама больна? Что за чушь! Лоренс что-то задумала, она хочет избавиться от моей матери. Что это еще за доктор? Новая секта? Или психбольница? Ну уж нет, Лоренс, я ни за что не куплюсь на твои уловки. Я сжимаю в руках визитку, кидаю в рюкзак. Сажусь на корточки и пытаюсь сосредоточиться на том, что скоро я уже буду дома вдали от Мэтта и папиной шлюхи.

– Хочешь чаю? – спрашивает тот, о ком я стараюсь не думать.

– Я ничего не хочу.

– У тебя опять что-то случилось?

– Отстань от меня.

Он садится рядом со мной и протягивает большую кружку чая. Тезер поблизости нет.

– Держи, только осторожно, он очень горячий.

– Я же сказала, я не хочу.

– Отказываться от горячего чая на природе – грех.

Я беру из его рук кружку, делаю маленький глоток, он обжигает губы и язык.

По пищеводу пошло неприятное ощущение.

– Ну, что у тебя случилось?

– Зачем ты со мной играешь, Мэтт?

– Не понял?

– Сначала целуешь, а потом прикалываешься, пытаешься скрыться за сарказмом.

– Да ты все не так поняла!

– Я все правильно поняла, Мэтт!

Я делаю резкое движение, и кружка кипяточного чая опрокидывается на меня. Кипяток проникает сквозь мою кофту и начинает прожигать тело.

– Я же сказал, осторожно!

Я вскакиваю, начинаю дуть на обожженное место.

– Черт!

– Снимай кофту.

– ЕЩЕ чего!

– Себе хуже делаешь, дура.

Его слова заставляют меня забыть о стеснении. Я снимаю с себя кофту, он дает мне свою толстовку. Кожа около ключицы и груди покраснела и начала щипать, сопровождаясь невероятной болью.

– Сильно больно?

– Нет, ты что, я всего лишь обварилась кипятком!

– Прости...

– Я неудачница...

– Подумаешь, с кем не бывает. Ты лучше посмотри на Фитча, вот кто неудачник, так это он. Фитч сидит около своей палатки, все его лицо распухло от укусов пчел. Даже глаз не видно.

– Бедный... надо было не убегать, увести его, и ничего бы и не произошло.

– Ну, тогда бы вообще ничего не произошло, – говорит Мэтт, намекая на вчерашний поцелуй.

– А может, это было бы и к лучшему.

– Тебе что, не понравилось?

– Какая разница?! Нужно с этим прекращать.

– Неужели я тебе совсем не нравлюсь?

Я смотрю в его глаза и чувствую, как боль на месте ожога постепенно проходит.

– Ошибаешься, Мэтт. Ты мне очень сильно нравишься, но я так не могу! У тебя есть девушка, и она моя лучшая подруга!

– Я знаю, это выглядит дико, но когда я целую ее, я представляю твои губы... твои глаза, сначала я думал, что свихнулся, но потом понял, что встречаюсь с ней, для того, чтобы быть ближе к тебе...

Его слова проникли вглубь моей души, я уже чувствую, как моя физиономия растекается в улыбке.

Но мое сознание возвращается, когда Тез обвивает руками шею Мэтта.

– О чем беседуем?

– О том, что мы хотим уже свалить домой, – соврал Мэтт.

– Я тоже... Лори, а почему на тебе толстовка Мэтта?

– Я пролила на себя чай, он был очень горячим, – я показываю Тез свой ожог.

– Боже... тебе нужна какая-нибудь мазь или вроде того...

– Мазь? В лесу? Может, заодно, и «Макдональдс» здесь найдем? Тез и Мэтт начинают смеяться.

Это свершилось! Когда мы, наконец, собрали свои палатки и прочие вещи, мы направляемся к автобусу. Фитч, весь искусанный, пытается еще как-то своим распухшим языком рассказывать нам про растения. Лоренс следит, чтоб никто не отставал. Спустя долгие десятки минут, мы, наконец, добираемся до автобуса и едем в Бревэрд.

Я смотрю, как мы постепенно отдаляемся от многочисленных деревьев и птичьих голосов. Здесь произошло нечто прекрасное. Наш поцелуй с Мэттом. Скорее всего, я буду его помнить все свои оставшиеся дни. Я благодарна этому лесу, что он еще сильнее сблизил нас с ним. Но мысль о Лоренс и о ее визитке до сих пор не дает мне покоя. Неужели она так сильно ненавидит мою мать, что таким образом решила от нее избавиться. И все-таки я права, она та еще сука.

Дорогой дневник!

Я, наконец-то, дома. Все эти два дня я была в походе со всем своим классом. Вчера мы с Мэттом снова поцеловались, на этот раз наш поцелуй был намного

страстнее и продолжительнее. Сегодня я призналась Мэтту, что он мне нравится. Я никогда не думала, что это будет так легко. Тезер ни о чем не догадывается, и это очень хорошо. Конечно, мерзко встречаться с парнем своей лучшей подруги у нее за спиной, но я слишком долго этого ждала. Я теперь мне кажется, что мечты все-таки могут сбываться. В конце концов, перед своей смертью я хочу узнать каково это, быть рядом с любимым человеком, целовать его, наслаждаться его запахом.

Будет слишком сложно со всем этим расстаться.

Осталось 32 дня.

Уроки, к счастью, уже закончились, Мэтт ждет нас у машины, а мы с Тез, не медля, идем и разговариваем обо всякой ерунде. Кто сегодня как одет, кто с кем расстался, на какой вечеринке кто с кем переспал, в общем, темы наших разговоров никогда не меняются. Внезапно Тез останавливается.

– Смотри, там твой отец.

И действительно, на стоянке стоит папа. Мое настроение сразу скатилось вниз.

– Опять к Лоренс приехал. Они еще бы потрахались у меня на глазах, чтобы быстрее добить меня.

– Фу, Лори, нельзя быть такой грубой. Кстати, по-моему, он тебя зовет.

Папа делает жесты рукой, чтобы я к нему подошла, но я – ноль эмоций.

– Мне все равно. Пойдем.

– А если это что-то важное?

– Что бы это ни было, я ни за что к нему не подойду.

– Тогда он подойдет к тебе сам.

Я оборачиваюсь и вижу, как отец приближается к нам.

– Здравствуй, Глория.

– Что тебе нужно?

– Мне нужно поговорить с тобой, это очень важно.

– Я не хочу с тобой разговаривать. Мне противно. Он хватает меня за руку.

– Меня не интересует, хочешь ты этого или нет. Ты обязана со мной поговорить.

– Лори, я тогда пойду? – спрашивает Тез. – ...да, иди.

– Залезай в машину.

Я захлопываю дверцу папиной машины, здесь пахнет отвратительным одеколоном, я открываю стекло.

– Ну что, поехали.

– Куда поехали?

– Скоро узнаешь.

– Нет! Либо ты говоришь, куда мы едем, либо я вылезаю из машины!

– Наберись терпения, Глория, я же тебя не на скотобойню везу.

Папа нажимает на газ, мы прилично отъезжаем от школы. Я смотрю на дорогу и пытаюсь понять, куда мы едем.

– Как дела в школе? Я молчу.

– Глория?..

Снова делаю вид, что не замечаю его.

– Слушай, что бы ни происходило в нашей семье, я остаюсь твоим отцом, а ты моей – дочерью!

– В школе дела отлично. Я каждый раз вижу твою любовницу и представляю, как вы кувыркаетесь с ней в постели втайне от мамы. А у тебя как дела? – выпаливаю я.

– Ну, зачем ты так?

– Я повторяю, ты мне противен! И я жду не дождусь, когда вы разведетесь с мамой, и я больше, надеюсь, тебя никогда не увижу!

– Да уж, а я и не заметил, как ты быстро выросла.

– Меньше надо было проводить время с другими бабами, папуля.

Мы едем почти полчаса. Затем, когда я уже начинаю засыпать, машина останавливается.

Я еле-еле вылезаю. Мы находимся около какого-то огромного белого здания, я читаю табличку на нем.

– Клиника?..

– Да, пойдём.

– Зачем ты меня сюда привез?

– Пойдём, и ты сама все узнаешь.

Я следую за ним. Мы идем мимо больничного дворика, там куча пациентов. У них у всех пустой взгляд, они тихо ходят, не разговаривают. У каждого – огромные синяки под глазами и измотанный вид. Мне становится не по себе от увиденного.

Ненавижу больничный запах, он сразу мне напоминает историю с Ником. Когда мы с Мэттом были на волосок от смерти.

Мы заходим в кабинет. Он довольно просторный, с синим диваном в центре. Нас встречает высокий мужчина средних лет.

– Глория, познакомься, это доктор Рэйдан.

– Здравствуй, Глория.

– Здравствуйте, – выдавливаю я из себя.

– Присаживайтесь.

Мы усаживаемся на диван. Доктор берет в руки какие-то бумаги.

– Результаты анализов готовы, – он передает бумаги отцу.

– Какие еще анализы? – спрашиваю я папу, на одной из бумаг я вижу имя «Джоди». – ...мама?

– У Джоди Макфин обнаружена третья стадия гиперстенической неврастении.

– И что это означает? – спрашивает папа.

– Это означает, что ей необходимо срочное лечение в нашем стационаре.

– ...подождите, я ничего не понимаю. Какая еще неврастения? – в недоумении спрашиваю я.

– Глория, вы замечали у своей матери частые смены настроения? Апатию, чрезмерную раздражительность, сонливость? И она употребляет большое количество алкоголя?

– ...да, но... буквально несколько недель назад она была абсолютно нормальной.

– Болезнь уже была внутри нее, и развод, а это огромный стресс, именно он сыграл ключевую роль в развитии этой болезни.

Неужели мама действительно больна? Не могу в это поверить... я просто не могу в это поверить...

– И что будет, если это не вылечить? – спрашиваю, сквозь слезы я.

– Больные третьей стадией делятся на две группы – одни из них кончают жизнь самоубийством, из-за безысходности. Другие просто-напросто сходят с ума.

Его слова меня подвергают в шок. Я быстро встаю и выбегаю из кабинета.

Я открываю дверь на улицу, чтобы глотнуть воздуха, непропитанного медикаментами. Внутри все так и свербит. Моя мама серьезно больна, и все это из-за отца, это он ее довел до такого состояния.

– Глория, – папа выбегает вслед за мной, – я понимаю, тебе сложно это принять, но я пытаюсь помочь...

– Не ври!!! Ты специально хочешь сплавить сюда маму!!! – в истерике кричу я.

– Успокойся, ты же сама слышала слова доктора, ей нужно лечение.

– Да ты посмотри на этих больных! Они же настоящие психи!!! Маме здесь не место!!!

– Прощу тебя, не плачь. Я привез тебя сюда специально, чтобы ты поняла насколько все серьезно.

– Отвези меня...

- Глория, нужно все обсудить.
- Отвези меня!!!! Я хочу домой!
- Хорошо.

Я запрыгиваю в машину.

– Я не отвезу сюда Джоди до тех пор, пока ты сама не поймешь, что ей это нужно. Только боюсь, что потом будет уже поздно.

Я молчу, слезы продолжают скатываться по щекам.

Я отказываюсь верить во все, что слышала. Мама здорова, я это знаю. Да, пусть она и раздражительна, но она всегда такой была. Такая уж у нее натура. Просто папа с Лоренс хотят от нее избавиться, вот и все. Доктор этот явно подкуплен. Все это розыгрыш. Но я на это не поведусь. Я ни за что не отправлю свою мать в психушку!

Папа довозит меня до дома. Я, не попрощавшись с ним, вылезая из машины. Он уезжает. Я захожу домой. Повсюду валяются пустые бутылки из-под спиртного. Здесь воняет перегаром. Меня не было дома всего полдня, а мама уже в стельку пьяная, лежит на диване в гостиной. Я, спотыкаясь о разбросанные бутылки, иду к ней.

– Мам... мамочка...

– ООО, вернулся, – затем она хватается за свой рот и бежит в ванную, следующие минуты я слушаю, как она выжимает из себя рвоту.

Значит, это не розыгрыш, значит, мама больна... боже, расстреляйте меня кто-нибудь прямо сейчас, пожалуйста! Мама выходит из ванной.

– Мам, что это такое? – тихо спрашиваю я.

– Прети... прети, я все уберу, – еле-еле говорит мама.

– Сколько ты выпила?

Молчит. Я хватаю ее за плечи и начинаю трясти со злости.

– Сколько ты выпила?!!!!

– Золтце, ты чего?

Я выдыхаю, мои руки разжимаются, и я крепко обнимаю маму.

– Пожалуйста... пожалуйста, прекрати... я прошу тебя, – шепчу я маме сквозь слезы.

– Отпусти меня, я хочу спать.

– Мам, ну что с тобой стало? Ты ведь была совсем другой. Я хочу, чтобы все было как раньше, – я еще крепче ее обнимаю, моя мольба превращается в очередную истерику.

Мама отталкивает меня со всей силы.

– Я сказала, отпусти меня! – говорит она и еле-как начинает подниматься на второй этаж.

Это конец... я потеряла свою мать. Навсегда.

Знаете, как ни крути, но именно в школе мы забываем о всех своих проблемах с родителями, парнями, мы заталкиваем в свою голову всякие уравнения, лекции, задачи – они действуют, как обезболивающие. Пусть это и звучит странно.

Я стараюсь быть сама по себе, подальше от Тез, ведь она сразу поймет по моим глазам, что я что-то от нее скрываю. Но все-таки вчера ночью я позвонила ей и рассказала все, что происходит с мамой. Нужно ли отвезти ее в стационар или нет? Я еще не определилась. Тез обернула всю ситуацию в мою пользу, она сказала, что мама и так мне достаточно потрепала нервы, и поэтому есть повод отправить ее на лечение, к тому же, дом останется полностью в моем распоряжении, потому что папа сейчас кантуется у Лоренс (и перед своей смертью) я могу устроить дюжину вечеринок. Мне понравилась идея Тезер. Но я снова окунулась в свои мысли. Отправлять маму в клинику, где лечат психически больных для того, чтобы устраивать вечеринки, – это жестоко. Она ведь моя мать.

В шкафчике для учебников новое письмо, в нем написано: «Кто он для тебя?» Меня уже не удивляют эти письма, и я совсем не стараюсь разгадать значения этих надписей. Я даже не интересуюсь, кто это. Плевать. Если кому-то так нравится писать мне эти непонятные письма, то пусть и дальше продолжает. А я лишь буду наблюдать за этим.

На уроке философии Тез подсаживается ко мне.

– Слушай, может, сходим после школы куда-нибудь? В кино или в кафе?

– Тез, я не хочу. Настроения нет.

– Да перестань ты! Хватит сидеть с кислой миной. Нужно развлекаться, и тогда все будет хорошо.

– Тез, моя мать больна, а отец втайне спит с моей учительницей по математике. Кажется, это «хорошо» никогда не настанет.

– Знаешь, что меня в тебе бесит больше всего? – Что?

– То, что ты всегда на что-то жалуешься, делаешь из себя жертву. Лори, у людей и не такое случается, но ничего, они же живут как-то.

Эти слова меня разозлили. Тезер, что ты вообще знаешь о проблемах? У тебя идеальная богатая семья, все парни тебя хотят, и даже некоторые девочки. Твое будущее полностью обеспеченно, на что ты можешь вообще жаловаться?!

– Прости... – она понимает по моим поникшим глазам, что меня задела ее слова.

– Ничего... знаешь, ты права. Я действительно слишком заиклена на своих дурацких проблемах...

Тезер обнимает меня и кладет голову на мое плечо.

– Я люблю тебя, и я знаю, что ты тоже любишь меня, и пока мы вместе, у нас все будет клево.

Я сразу вспоминаю о Мэтте и о том, что между нами было. Я предательница. Я просто омерзительная.

– Да... я очень сильно тебя люблю, – говорю я.

Наши объятия прерывает мистер Коннали, учитель философии, он начинает очередную скучную лекцию. Я открываю учебник и вижу маленькую записку. Разворачиваю ее: «Я заеду за тобой в восемь, будь готова. Мэтт».

Что он задумал? Сейчас не время для шуток. Пора со всем этим заканчивать.

После уроков мы выходим, как обычно, с Тез под ручку. Мы, как говорит Тезер, элита, и поэтому должны всегда держаться вместе, чтобы все завидовали нашей дружбе и даже пытались

подражать. Звучит, конечно, глупо, но ничего не поделаешь, когда дружишь с самой популярной девушкой в школе.

Внезапно Тез останавливается.

– Вот черт, только не это.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Там Адам стоит. Лори, спрячь меня!

– Так, подожди, не нужно никуда прятаться. Он пришел к тебе, значит, подойти к нему. А Мэтта я отвлеку.

– Ладно... я быстро.

Тез удаляется от меня к Адаму.

Адам не закончил нашу игру, ну что ж, раз уж я сама хороша, думаю, стоит опять поддерживать наш уговор. Из корпуса школы выходит Мэтт.

– Мэтт! – кричу ему я.

– Ты нашла мою записку?

– Нашла...

– Только постарайся не опаздывать. Вы, девушки, любите заставлять вас ждать на первом свидании.

– Не волнуйся, не заставлю. Я никуда не пойду.

– Почему?

– Я просто не могу. Мне очень дорога Тезер. Я не хочу потерять с ней дружбу.

– А я не хочу потерять тебя... послушай, я знаю, ты не хочешь скрываться, но нам пока нужно немного времени, чтобы подготовиться и все ей рассказать.

– Ты думаешь, стоит ей рассказывать?

– А разве нет? Разве я должен быть с человеком, которого уже не люблю? – его слова ставят меня в ступор.

– Я чувствую себя предательницей. Это самое омерзительное чувство, Мэтт.

– Хорошо. Давай сделаем так. У нас будет дружеское свидание.

– Дружеское?

– Да, ведь друзья ходят куда-нибудь вместе? И это ничего не значит.

– Ну раз дружеское, тогда почему бы и нет.

– Вот и отлично.

К нам приближается довольная Тез:

– Ну что, поехали?

– Да, любимая.

Мэтт направляется к машине. Мы медленно идем за ним.

– Ну, что он сказал? – спрашиваю я.

– Он пригласил меня в кино. Представляешь, Мэтт меня уже лет двести никуда не водил.

– И поэтому ты согласилась?

– ...Лори, я такая дура. Я пытаюсь покончить с Адамом, но у меня ничего не получается. Он такой милый, мне его будет нехватать.

– Только не говори, что ты влюбилась в него.

– Нет, конечно! Я... просто к нему привязалась. Такое бывает. Мы начинаем смеяться.

Дома тихо, мама пошла к Фрейзу. Мне становится намного спокойнее, когда я ее не вижу.

У меня никогда не было первого свидания, даже дружеского. Я совершенно не знаю, как себя вести, что надеть, что говорить. В моем возрасте девушки уже имеют огромный опыт в этом, но я, словно дикарка, познаю все в первый раз. Я роюсь в шкафу, нахожу изумрудно-черное платье – мне его подарила Тез на шестнадцатилетие. Я его так никуда и не надела. Теперь

появился повод. Что сделать с волосами? Распустить или сделать что-то вроде косы? Я во всем всегда советуюсь с Тез, но теперь мне придется думать самой. Я наношу макияж, пусть это и дружеское свидание, но выглядеть я должна отпадно.

Дорогой дневник!

У МЕНЯ СВИДАНИЕ С МЭТТОМ. Такое могло мне только присниться, но сон стал явью. Мое волнение бьет через край, я боюсь показаться полной дурой. Боюсь разочаровать его. И вообще, где будет проходить это свидание? В кафе или в парке? Ладно, у всех все бывает в первый раз. Нужно просто расслабиться и смириться с ситуацией.

Я ищу поводы, чтобы сбежать из дома и не видеть, как мама постепенно сходит с ума. Сегодня мне в этом поможет Мэтт. А что будет завтра? А послезавтра?

Может, ей действительно будет лучше в этой клинике?

Осталось 30 дней.

Я сижу в платье, мои волосы завиты в кудрявые локоны. Я приготовилась за час до того, как Мэтт заедет за мной. Наконец, я слышу звук дверного звонка.

Мэтт стоит на пороге, рассматривая меня. Мое сердце начинает колотиться.

– Ух ты... я даже не знаю что сказать... ты прекрасна.

– Ты тоже.

– Ну, поехали?

Я закрываю дверь. Мэтт открывает мне дверцу машины.

– Кстати, а куда мы едем?

– Это сюрприз.

Ночью Бревэрд намного красивее, чем днем. Многочисленные огни, машины, жизнь кипит, только вечером можно увидеть по-настоящему счастливых людей. Кто-то возвращается с работы, кто-то идет на свидание, как я, кто-то просто прогуливается или сидит в ресторане, наслаждаясь вечером. Это волшебная атмосфера.

Спустя несколько минут мы приезжаем. Вот только куда, я еще не пойму. Здесь очень темно, нет ни ресторана, ни кафешки, даже людей вокруг нет. Мы здесь абсолютно одни.

– Мэтт, ты что, меня решил здесь убить? – говорю я, вылезая из машины.

– Не сегодня, милая. Иди за мной.

Перед нами огромное заброшенное высотное здание. Оно такое мрачное, кажется, что там обитают маньяки или какие-нибудь чудовища. Отличное у меня первое свидание!

Мы поднимаемся наверх по разрушенным ступенькам.

– Знаешь, я с детства боюсь темноты, – говорю я.

– Но со мной же тебе не страшно? – Ну... как сказать.

– Эй, я твой типа воин.

– Ну, конечно, мне с тобой не страшно, но немного жутковато.

– ЕЩЕ чуть-чуть и мы на месте.

Мои ноги уже начинают неметь от усталости. Мэтт открывает какой-то люк, я поднимаюсь по железным ступенькам. В меня ударяет поток свежего воздуха. Мы на крыше. Впереди меня стоит небольшой столик с кучей еды, рядом – два кресла-качалки, а под огромным навесом стоит что-то типа кровати.

– Ничего себе! – говорю я, – это ты все сам?

– Да. Но это еще не самое крутое. Закрой глаза. Я слушаюсь его, он ведет меня вперед за руку.

– Подними ногу... теперь вторую, – он поднимается за мной следом, – можешь открывать.

Я медленно поднимаю веки, и... мы стоим с ним на самом краю крыши высоченного здания, под нами миллионы разноцветных огней, над нами бесконечное звездное небо, кажется, что оно совсем близко. У меня захватывает дыхание.

– Господи, как же красиво!

– Будто вся Флорида на ладони.

– Я никогда не видела ничего прекраснее, Мэтт.

– Я старался.

Мы еще долго стоим на краю. Ветер развивает мои волосы, я чувствую себя русалкой.

Следующие тридцать минут мы сидим за столиком и уплетаем еду, параллельно разговаривая обо всем.

– Можно задать вопрос? – говорю я.

– Конечно.

– Ты водил сюда Тез?

– Нет.

– Почему? Ей бы здесь тоже понравилось.

– Вообще, это мое тайное место. Что-то типа личного штаба, как в детстве. Я прихожу сюда, когда хочу побыть один. Здесь так тихо. Спокойно.

– Значит, я разрушила твой тайный штаб?

– Нет, теперь он наш общий, – я расплываюсь в улыбке.

Я замечаю, как начинаю замерзать. Я на крыше в легеньком платьице из шелка. Оно ничуть не согревает. Тело начинает дрожать.

– Мог бы предупредить, чтобы я взяла с собой куртку.

– Не вопрос, сейчас согрею.

Он встает с кресла, берет меня на руки, относит на кровать, садится, я у него на коленях. Он крепко обвивает меня руками. Мне становится гораздо теплее.

– Знаешь, это свидание не похоже на дружеское, – говорю я.

– Ну, я же должен был хоть как-то тебя затащить сюда.

– Значит, ты меня обманул? Да как ты мог! – смеюсь я и толкаю его, он ложится спиной на кровать.

– Если не хочешь, можешь возвращаться домой.

– Ну, конечно, сначала завез меня черт знает куда, а теперь – возвращайся? Ну уж нет!

Он притягивает меня к себе руками, я лежу у него на животе, он снова обнимает меня. И опять происходит этот момент. Когда хочется лишь молчать и смотреть в его бездонные глаза. Он прекрасен, он по-настоящему прекрасен.

– Никогда не думал, что с тобой может быть так хорошо, – говорит он, водя ладонью по моей спине.

– Поцелуй меня, – вырывается из моих уст, – поцелуй меня, Мэтт.

Он выполняет мою просьбу. Я чувствую тепло его нежных губ. Этот поцелуй такой страстный и даже возбуждающий. Я инстинктивно начинаю снимать с него толстовку, мне кажется, что одежда только сильнее отделяет нас друг от друга. Он мне поддается. Внутри меня так горячо, кровь приятно пульсирует по венам. Мы делаем небольшие передышки между поцелуями, и наши губы снова смыкаются. Я оказываюсь лежа на спине, он на мне, я жду того момента, когда он, наконец, расстегнет мое платье, но Мэтт резко останавливается.

– Ты чего? – спрашиваю я.

Он слезает с меня и ложится рядом на спину.

– Я не хочу торопить события.

Господи, какая же я дура. Теперь он подумает, что я так каждому готова отдаться. Но ведь это не так. Я сама не понимала, что со мной происходит, мне просто хотелось его, и я не знаю, как это объяснить.

– Ты прав...

Наши пальцы вновь переплетаются. Мы тяжело дышим, тело продолжает гореть. Я целую Мэтта в щеку. Не знаю, зачем я это сделала, но мне стало от этого так приятно и легко. Я кладу свою голову ему на грудь, он обнимает меня и целует в лоб. Я смотрю на небо и слушаю, как бьется его сердце. Я не замечаю, как начинаю засыпать.

Утренний душ всегда ободряет. Я закрываю глаза. Струи воды медленно стекают по моему телу. Я начинаю вспоминать о вчерашнем вечере, о Мэтте, мне хорошо. Побыв рядом с ним, я будто зарядилась энергией, мне хочется жить, хочется дышать, хочется снова его увидеть и поцеловать. Я не знаю, как описать это чувство, когда ты счастлив. Я мало когда бываю по-настоящему счастливой.

Я переодеваюсь в школьную одежду. Хочу быстро собраться и незаметно уйти. Мама все еще спит. Я не стала ее беспокоить.

Я слышу звонок в дверь. Передо мной стоит Тезер с обеспокоенным видом.

– Тез?..

– Лори, у меня проблема.

– Что случилось? Проходи.

Она заходит в дом, я закрываю дверь.

– Мэтт куда-то пропал.

– Что значит, пропал?

– Я звонила ему вчера весь вечер, а он мне не ответил.

– Подожди, может быть, не стоит паниковать? Может, он поехал куда-то с друзьями?

– ...может быть.

Тез тяжело вздыхает, проходит в гостиную и садится на диван.

– Лори, я запуталась.

– Хочешь чаю?

– Нет, аппетита совсем нет. Что мне делать? Мэтт или Адам?

– Кто тебе больше нравится?

– ...ну, Адам такой... такой нежный, особенный, мне с ним хорошо. А Мэтт, он... он мне нужен.

– Нужен? Как человек или как приложение к тебе?

– На что ты намекаешь?

– Я намекаю на то, что ты должна для начала разобраться в себе, а уже потом решать, кто тебе по-настоящему нужен.

Через полчаса мы оказываемся в школе. Я забыла, когда последний раз учила уроки, слишком много всего произошло за последние дни. Все учителя сегодня почему-то на взводе, нервные, даже боишься рот раскрыть. Но меня больше всего волнует не это. Мэтт до сих пор не пришел. Он скрывается? Но зачем? Я так хочу его увидеть, почувствовать запах его одеколона.

В столовой все разделились по столикам, как обычно, каждая компания беседует о чем-то своем. За доли минуты здесь рождаются всякого рода сплетни, а уж сколько про нас с Тез болтают. Тезер нравится быть в центре внимания, и она, наоборот, только кайфует от этого. А я, хоть и смирилась, все равно не могу адекватно к этому относиться. Меня бесит, что каждая тринадцатилетняя девчонка знает обо мне больше, чем я сама.

– Боже, ты посмотри, как она одета. Какой кошмар! – говорит Тез и тычет пальцем в девушку. Она одета в зеленую джинсовую юбку с молниями по краям и черный кардиган.

– Это Луи Тревис, – говорю я.

– И что?

– Ее родители месяц назад погибли в автокатастрофе.

– ...я об этом не знала. Но даже если это и так, мы – девушки, и мы обязаны хорошо выглядеть в любых ситуациях.

Господи, иногда Тезер меня безумно раздражает. В следующее мгновение к нашему столику приближается Мэтт.

– Привет, – говорит он.

– Где ты был?!

– Прости?

– Я звонила тебе весь вечер, а ты мне не отвечал!

– Я... я был на тренировке, ты же знаешь, что у меня скоро соревнования.

– Мог бы хотя бы предупредить!

– Извини, я же не думал, что ты так расстроишься.

– Кстати, у меня есть для вас новость.

– Что за новость? – спрашиваю я.

– Чарли устраивает крутую вечеринку, и мы все приглашены.

– Кто такой Чарли?

– Кто такая. Чарли Эдкинс – это дочь вице-премьера модельного агентства «Манхеттен», мы обязаны пойти на вечеринку одной из самых богатых девушек Флориды.

– Я не могу. Я должна быть с мамой.

– Ты можешь хотя бы раз в жизни ни о чем не думать? Мы просто придем туда, потанцуем, пообщаемся, это же так здорово! Грех отказываться от качественной выпивки и общения с элитным обществом.

– Ну а что, по-моему, это идея. Я за, а ты как. Лори? – спрашивает Мэтт.

Он сидит напротив меня, я чувствую, как его рука приближается к моему колену, он берет меня за руку, и мы переплетаем наши пальцы.

– ...ну, раз уж вы идете, значит, и я тоже.

– Вот и отлично! Сегодня вечер будет, что надо!

После школы я сразу начинаю готовиться к предстоящему вечеру. Особого желания идти туда у меня нет, но Тезер расстроится, а если она расстроится, то будет нить целую вечность. Так что другого пути у меня нет. Я быстро накручиваю плойкой волосы, заранее наношу макияж, чтоб потом не мучиться с ним.

Когда время уже близится к шести часам, я начинаю одеваться. Я решаю пойти в обычных синих джинсах и футболке, я же все-таки не элита, так что могу пойти, в чем хочу.

Спускаюсь вниз, Мэтт и Тез уже ждут меня за порогом. Внезапно я слышу голос матери.

– Ты уходишь?

– Да, мне нужно.

– Куда ты уходишь?

– На вечеринку Чарли Эдкинс, тебе это о многом говорит?

– Ты злишься на меня?

– Нет, что ты, мне очень нравится приходить домой и видеть тебя пьяной, это так здорово слышать, как тебя рвет в ванной. Продолжай в таком же духе, мамочка.

– ...прости меня.

– Ладно, проехали.

– Где твой отец? – Что?

– Дэвид который день не ночует дома. Где он?

Этот момент настал, я обязана обо всем рассказать маме и перестать ей врать.

– Я думаю, ты должна об этом знать. Папа... встречается с другой женщиной. С моей учительницей по математике, мисс Лоренс.

– ...давно?

– Не знаю. Я сама недавно об этом узнала. Он живет у нее. Мама молчит, опускает глаза

вниз. Меня настораживает это молчание. Она подходит к комоду, берет фоторамку с фотографией, где они с папой улыбаются, смотрит на нее и со всей силы швыряет вниз. После того как сотня мелких осколков разлетелось по полу, она поднимается на второй этаж к себе в спальню. Я иду за ней.

– Мам, успокойся, – мы садимся на кровать, я обнимаю ее. – Вы же все равно с ним разводитесь.

– И что? Я все равно его люблю...

– Как можно любить человека, который изменил тебе, дважды?

– Хорошо, что ты этого не понимаешь и не знаешь, как это больно, когда от тебя уходит любимый человек.

Эти слова цепляют меня за сердце.

– Если хочешь, я никуда не пойду?

– Нет, иди...

– Ты сильная... Ты справишься, – говорю я, поглаживая по спине маму.

* * *

Дом Чарли Эдкинс очень огромный. Повсюду прожектора, слышен смех народа, звон бокалов. Обожаю такую атмосферу. Если честно, я эту Чарли даже в глаза не видела, но судя по ее дому, он та еще штучка.

– Шикарный дом! – говорит Тез.

– Да уж, ее домработницы после вечеринки будут вешаться.

– Эй. Чего вы ждете? Пойдемте, – говорит Мэтт.

Мы заходим внутрь. В помещении довольно темно, свет отражается только от разноцветных огромных прожекторов. Внутри людей не меньше сотни. Все девушки в элегантных платьях, парни в костюмах. Одна я такая пришла в джинсах, теперь понимаю, почему на меня все так уставились.

– Чарли, привет! – говорит Тез.

К нам навстречу идет высокая худая девушка со стрижкой под каре, она одета в бархатное коричневое платье, в тон своей смуглой кожи.

– Тезер! Рада тебя видеть на своей вечеринке.

– Это мой парень Мэтт.

– Мэтт Гинс, я много слышала о тебе. Это ты играешь в команде по регби?

– Да, это я.

– Приятно познакомиться.

– А это моя лучшая подруга Лори, – говорит Тез.

– Привет, милая футболка.

– Спасибо.

– Ну что ж, развлекайтесь, чувствуйте себя как дома. Вечеринка в полном разгаре!

Я начинаю этот вечер с порции текилы, Мэтт и Тезер сразу уходят на танцпол, но когда я уже забываю про трезвое состояние, присоединяюсь к ним.

Здесь курит каждый третий, но из-за того что дом огромный, сигаретный дым быстро развеивается.

Я танцую до тех пор, пока ноги окончательно не начинают гудеть. Я отхожу к барной стойке, ко мне подходит Тез.

– Ты чего одна стоишь?

- А что мне еще делать? Я потанцевала, устала и теперь хочу отдохнуть.
- Лори, на вечеринках принято знакомиться.
- Да ты посмотри вокруг. Тут все со всеми уже знакомы, я не хочу ни к кому навязываться.
- Да я не об этом. Здесь ты можешь найти себе крутого парня.
- Перестань. Я не хочу пока этого.
- Подожди.

Тез отходит куда-то и в толпе на танцполе скрывается из виду. Затем, спустя несколько минут, возвращается под ручку с каким-то парнем.

- Познакомься, это моя подруга Лори. Лори, это Джеймс.
- Привет, – говорит он.
- Привет.
- Кажется, меня Мэтт зовет, я пойду.

Подстава! Что мне теперь делать с этим Джеймсом? Он меня всю осматривает с ног до головы, а затем произносит слова:

- Хочешь выпить?
- Да, хочу, – выпаливаю я.
- Одну секунду.

Он дает мне в руки стакан какого-то коктейля, сделав небольшой глоток, я понимаю, что это ром в смешении с каким-то соком или типа того. Гадость редкостная, но я стараюсь не кривить физиономию. Может, Джеймс сам поймет, что я скучная и не хочу с ним общаться, и уйдет?

- Даже не думал, что вы с Тезер Виккери лучшие подруги.
- Почему?
- Ну, с виду вы абсолютно разные.
- Знаешь, ты прав.

Неожиданно заиграла медленная красивая музыка.

- Может, потанцуем?
- Я не умею танцевать, – пытаюсь отмазаться я.
- Я тоже.

Он берет меня за руку и выводит на танцпол. Я смотрю в его глаза, и мне кажется, что в этом громадном доме мы одни. У Джеймса светлые русые волосы, густые темные ресницы, голубые глаза, у него массивные руки и широкие плечи. Голос приятный, и наверное только из-за этого я продолжаю с ним общаться.

- Кажется, я слышал немного о тебе.
- Правда?
- Историю с Ником.
- ...я не хочу об этом вспоминать.
- Прости, я все понимаю. Раньше я дружил с Ником.
- И что произошло?
- Я вовремя понял, какая он скотина. Так что я даже рад, что он теперь за решеткой.

Мы продолжаем танцевать в обнимку до тех пор, пока медленная музыка не сменяется быстрой.

Мы садимся на кожаный диванчик, он рассказывает мне о себе, а я, в свою очередь, о себе. К нам присоединяются Мэтт и Тезер.

Внезапно зазвонил телефон Джеймса.

- Я сейчас.

Тез подсаживается ко мне поближе.

- Ну, как он тебе?
- Зачем ты это сделала?
- Я хочу, чтоб у тебя наконец-то появился парень.
- Но не таким же образом.
- Он что, тебе совсем не нравится?
- Нет, почему, он милый... красивый, с ним интересно общаться.
- А то, я плохого не посоветую.
- Тезер, можно тебя на секунду? – говорит Чарли.
- Конечно.

Мы остаемся с Мэттом одни.

- Значит, он милый?
- Тез сумасшедшая, я не хотела с ним знакомиться.
- Однако, тебе с ним интересно общаться.
- Да, он неплохой собеседник.
- Ты его сама отошьешь, или мне помочь?
- Зачем? Он мне нравится, я хочу с ним общаться.
- Значит, мне все-таки тебе помочь.
- Мэтт, прекрати, я свободна и имею право общаться с тем, с кем захочу.
- А если он такой же, как Ник? И затащит тебя в постель?
- Я сама разберусь. Следи лучше за своей девушкой. К нам приближается Джеймс.
- Лори, не хочешь прогуляться со мной?
- С удовольствием.

Я смотрю на ночное небо и сразу же вспоминаю вчерашний вечер. Что я делаю? Почему я сейчас с Джеймсом? Мэтт же пытался меня остановить. Хотя, может быть, это и к лучшему. Джеймс вроде бы неплохой, Тез его одобряет, что если благодаря ему я забуду Мэтта и начну жить нормальной жизнью?

- Знаешь, я устал от этой вечеринки, не хочешь со мной проехаться по городу?
- Почему бы и нет?
- Только у меня есть к тебе один вопрос.
- Что за вопрос?
- У тебя есть парень?
- Джеймс, если бы у меня был парень, как ты думаешь, я бы сейчас здесь с тобой стояла?
- Ну, конечно, глупый вопрос. Ладно, садись в машину.

Передо мной огромный черный кабриолет с откидным верхом, он весь блестит, у меня даже руки трясутся, чтобы открыть дверцу машины.

– Лори!

Я оборачиваюсь и вижу Мэтта.

- Что тебе нужно, Мэтт?
- Куда это вы собрались?
- Не твое дело!
- Мэтт, у тебя какие-то проблемы?
- Нет, что ты, у меня все в порядке, просто Лори с тобой не поедет.
- Мэтт, уходи, – говорю я.
- Действительно, кажется, твоя девушка уже скучает, – язвительно говорит Джеймс.
- Да, наверное. А как ты думаешь, твоя жена с ребенком сейчас по тебе скучает?
- ...что? Жена с ребенком? О чем это он? – спрашиваю я с недоумением.
- Какая разница? Поехали.

- Подожди, сколько тебе лет?
- Разве это имеет значение? Я разворачиваюсь и ухожу.
- Не забудь купить подгузники сыну, – говорит Мэтт.

Господи, ну неужели в этом мире совсем не осталось искренних людей? Я в очередной раз чувствую себя обманутой, такое чувство, будто мою душу смяли в комок, как ненужную бумагу.

- Лори, подожди!
- Как ты узнал про него?
- Я – Мэтт Гинс. Я все про всех могу узнать. Кстати, ты интересовалась, сколько ему лет?

Так вот, ему 31.

- Какой кошмар...

Я подхожу к дороге и начинаю голосовать.

- Что ты делаешь?

- Ловлю такси.

- Я могу тебя подвезти до дома.

- Не нужно.

– Ты что, на меня злишься из-за этого Джеймса? Да он же настоящий подонок, он бы встречался с тобой втайне от своей жены!

Около меня останавливается такси.

- А разве ты не такой же?

- Ты для меня намного важнее.

– Это не имеет значения, – я сажусь в машину и уезжаю. Ненавижу свою жизнь, каждый, кто в ней появляется, оказывается предателем. Проще стать изгоем или вообще не жить.

Я захожу домой. Здесь опять тихо, словно в склепе нахожусь.

- Мам, я дома.

Не отвечает, наверное, спит.

Я поднимаюсь наверх. Открываю дверь в спальню, но ее там нет.

- Мам...

Я проверяю все комнаты – пусто.

Спускаюсь на первый этаж и замечаю, что в ванной горит свет. Дверь полуоткрыта.

- Мам, ты здесь?

Я толкаю дверь и... мама без сознания лежит на полу, в ее руках баночка того препарата, который ей выписал Фрейз. У меня сердце сжимается.

- О господи!!!

Я кидаюсь к ней и начинаю бить по щекам.

- Мама!!!

Ноль реакции. Она не дышит. Я нащупываю пульс – есть. Она еще жива. Я быстро бегу в гостиную, хватаю телефон и звоню отцу.

- Алло, – говорит папа.

- Папа, приезжай быстрее!!!

- Что случилось, Глория?

- Мама наглоталась таблеток, она не дышит!!!

- Так, не паникуй, я уже еду, вызывай скорую!

* * *

Мои веки распухли и покраснели от слез, я сижу и никого вокруг не замечаю.

– Все хорошо. Врачи сказали, что ты вовремя ее обнаружила. Еще бы немного и... – говорит папа.

– Я согласна.

– Не понял.

– Я согласна, чтоб ты ее отвез в ту клинику.

– Молодец. Это правильное решение. Там ей будет намного лучше. Думаю, ее прямо сейчас можно направить туда.

К нам подходит шлюха Лоренс.

– Дэвид, езжай с ней, а я посижу с Глорией.

– Хорошо.

Папа и врачи уходят из дома, я слышу, как машина с мигалками набирает скорость. Мама все дальше и дальше отдаляется от меня.

– Хочешь, я приготовлю тебе чай или что-нибудь еще?

– Пошла вон.

– Глория, я очень тебе сочувствую. И я верю, что с твоей мамой будет все хорошо.

– Пошла вон из моего дома.

– Дэвид, наверное, забыл тебя предупредить, дело в том, что теперь мы переезжаем сюда, и этот дом теперь такой же мой, как и твой.

– ...нет.

– Тебе придется с этим смириться.

Я больше этого не вынесу, я хочу умереть прямо сейчас.

Яркий свет больно бьет в глаза, я слышу, как кто-то одергивает шторы. Я открываю глаза, передо мной стоит Лоренс.

– Глория, просыпайся.

Я протираю глаза и отвечаю ей хриплым голосом.

– Что вы делаете в моей комнате?

– Бужу тебя. Ты уже пропустила один урок, но, если хочешь, я позвоню миссис Кинсли и скажу ей, что ты заболела?

– Убирайтесь отсюда.

– Я уже приготовила тебе завтрак, так что вставай.

– Хотите меня задобрить своей дешевой заботой, мисс Лоренс?

– Нэнси, зови меня просто Нэнси.

– Хорошо, Нэнси, пожалуйста, валите из моей комнаты.

– ...ладно, я позвоню Кинсли и скажу, что ты не придешь. Заодно подготовишься к осеннему балу.

ЧЕРТ! Осенний бал, я про него совсем забыла, а он уже будет завтра. Черт, черт, черт. Ладно, нужно придумать весомую причину, чтобы не идти туда.

Я слышу рингтон телефона. Нехотя поднимаю трубку.

– Алло.

– Какого черта твоя ленивая задница не на уроках, а?

– Тез...

– Мало того, что она сбегает с вечеринки, не объяснив никому причину, так она еще и школу прогуливает! Ты что, забыла про наши планы?!

– Какие еще планы?

– Ну, отлично!!! Мы должны заехать в агентство и забрать наши платья!

– Я не пойду на бал.

– Что?! Это еще почему?

– Тез, я потом тебе все объясню.

– Я не хочу потом, объясняй сейчас же!!!

– Моя мать наглоталась таблеток и чуть не умерла, сейчас она лежит в клинике. Лоренс и отец переехали в наш дом, поэтому сейчас мне совсем не до бала.

– ...какой ужас. Ну, и как твоя мама?

– Кажется, нормально. Не знаю... я хочу ее навестить.

– Послушай, мы целый год мечтали, чтобы этот бал скорее настал. Я хочу стать королевой вечера.

– Ты и станешь, вы пойдете туда с Мэттом, и все будет хорошо.

– Но я хочу, чтобы и ты там была! Мы с тобой одно целое!

– Ладно, Тез, я перезвоню.

– Не смей бросать трубку!

– Пока.

Я быстро одеваюсь в первое, что попадается в шкафу, спускаюсь на первый этаж и направляюсь к выходу.

– Я почти разобралась в вашей кухне, она такая компактная и удобная.

– Замечательно.

– А ты куда?

- Не ваше дело.
- Кажется, я знаю куда ты, ты едешь к маме?
- Да, а что, вы мне запрещаете?
- Нет, просто я могу тебя отвезти.
- Не нужно, я сама.
- Ты хоть знаешь адрес?
- Знаю.

Я ловлю такси и через некоторое время оказываюсь около клиники. Из-за пасмурной погоды она кажется еще мрачнее, чем обычно. Неужели моя мама будет здесь лечиться? Ужас.

Я подхожу к регистратору.

- Здравствуйте, я бы хотела навестить одну вашу пациентку – Джоди Макфин.
- Подождите секунду.

Регистратор начинает много раз кликать мышкой компьютера.

- Кем вы ей приходитесь?
- Я ее дочь.

Она продолжает кликать, и затем снова издает голос.

- Пройдемте за мной.

По пути меня заставляют напялить на себя белый халат и бахилы, мы поднимаемся на третий этаж и через некоторое время заходим в палату. Здесь никого нет, только две кушетки.

- Подождите здесь.

Я слушаюсь ее и жду. Спустя несколько минут дверь палаты открывается, и регистратор ведет за руку маму, на ней что-то типа пижамы. Глаза отекающие, кожа бледная. Вид совсем измотанный.

Женщина выходит из палаты и оставляет нас одних.

- Мам, привет.

Она молча присаживается на кушетку.

- Как ты себя чувствуешь?
- Хорошо.
- Ты меня так напугала. Зачем ты это сделала? Молчит.
- Почему ты не хочешь со мной разговаривать? Снова молчит.

Я похожу к ней, приподнимаю подбородок.

- Мам, мам, посмотри на меня!
- Ее глаза продолжают смотреть в пустоту.
- Мам!

Она меня будто не слышит.

Я направляюсь к двери, открываю ее.

- Эй! Кто-нибудь! Регистратор подходит ко мне.
- Что случилось?
- Чем вы ее накачали?!
- Не поняла?
- Чем вы ее накачали? Она как зомби! Женщина подходит к маме.
- Джоди, вы еще хотите с ней разговаривать?

Мама медленно показывает головой, что не хочет.

- Марк!

В палату заходит молодой парень, он уводит маму.

- Мам, подожди!!! Не уводите ее! Меня никто не замечает.
- Успокойтесь, присядьте на кушетку. Она сама не захотела с вами разговаривать.

- Чем вы ее накачали?
- Транквилизаторами. Слышали о таком? Простите, как вас зовут?
- Глория.
- Глория, ваша мама пыталась покончить с собой, в ее возрасте токсины медленно выводятся из организма. Мы пытаемся ей помочь.
- Превращая ее в овоща?
- Послушайте, скоро ваша мама выйдет из этой клиники абсолютно здоровой, нужно только подождать.

* * *

- Хочешь еще чаю, Тезер?
- Нет, спасибо, – Тез замечает меня. – Ну, наконец-то! Как твоя мама?
- Выйдите отсюда, – говорю я Нэнси. Она послушно уходит.
- Ну, как она?
- Они накачали ее транквилизаторами и сказали, что она поправится.
- Ну, вот видишь, значит, ничего плохого не произошло. Ну что, ты передумала насчет бала?
- Тез, о чем ты? Какой бал? Я сейчас вообще ничего не хочу.
- Лори, я тебя понимаю.
- Нет, ты меня не понимаешь.
- Послушай меня, мы целый год мечтали выйти в красивых пышных платьях, чтобы все смотрели на нас и завидовали. Неужели, ты хочешь перечеркнуть нашу мечту?
- Ну, если это для тебя так важно...
- Конечно, важно, если хочешь, я сама поеду в агентство и привезу тебе платье?
- Да, так было бы лучше.
- Я люблю тебя.
- И я тебя.

Дорогой дневник!

Начнем с того, что мне еще больше хочется себя убить, чем раньше. Мама пыталась покончить с собой, по-моему, это у нас семейное, не так ли? На самом деле, это очень больно, когда ты понимаешь, что твой любимый человек на волоске от смерти. Но, благо, обо мне никто не будет так печалиться. Мама точно не будет. В ближайшее время она застряла в психушке. Папа – тем более, ему всегда было наплевать на меня.

Мэтт? Ха-ха-ха, может, он немного погрустит, ну а потом перестанет, найдет себе новую пассию и пригласит на крышу, посмотреть на ночную Флориду. Тез расстроится, ведь она лишится своей девочки на побегушках. Ей посрать на все, что у меня творится в душе. Она всегда думает только о себе. Подумаешь, у меня мать чуть не сдохла, есть куда более важные проблемы, например, Тезер хочет стать королевой бала, и поэтому все должны разбиться в лепешку ради этого.

Я люблю эту жизнь только тогда, когда меня в ней кто-нибудь полюбит.

Осталось 28 дней.

День начался с отвратительного запаха лака для волос. Мы все утро с Тез проторчали в салоне, чтобы нам сделали прически. Бал начнется в шесть вечера, и за это время мы должны успеть нарядиться, накраситься, подобрать аксессуары. Меня все это просто раздражает. Да, год назад я мечтала, чтоб этот бал быстрее настал, но ведь тогда я еще даже не представляла, в какое дерьмо скатится моя жизнь. Я сейчас не могу думать о веселье и прочем. Но, в конце концов, осталось жить мне уже не пятьдесят дней, а всего двадцать семь. Уже меньше месяца. Вы даже не представляете, как я этому рада. Лучше быть закопанной под толщей земли, чем терпеть все это.

Дорогой дневник!

Я сейчас нахожусь в своей комнате, в огромном пышном платье. Оно просто потрясающее. Нежно-голубого цвета, с корсетом, небольшим шлейфом. Я в нем похожа на героиню сказок. С моей прической оно отлично сочетается. Мои темные локоны завиты в кудри и закреплены заколкой. Платье полностью оголяет плечи, мне это очень нравится, вот бы меня похоронили в таком платье.

Мне осталось жить меньше месяца, а я еще даже не продумала способ моего самоубийства. Что это будет? Повешение? А может, напиться снотворного? Нет, меня так могут легко откатать. Нужно за оставшиеся дни как можно тщательнее продумать свою будущую смерть.

Осталось 27 дней.

Я слышу чьи-то шаги за дверью. Это папа. Он заходит ко мне в комнату и начинает рассматривать меня.

– Вау, Глория, ты очень красивая.

– Спасибо, – бросаю я.

– Ну, что за обиды?

– Все нормально, пап.

– Глория, я же чувствую, что что-то не так.

– Почему вы не можете жить отдельно от меня?

– Потому что ты еще ребенок и я не могу оставить тебя одну в этом доме.

– Я справлюсь.

– Я твой отец, и я обязан быть рядом с тобой.

– Ладно, делай что хочешь. Все равно скоро это закончится.

– Что закончится?

Так, молодец, Глория, ты чуть не проболталась.

– Ну, я же поступлю в университет и уеду от вас.

– Конечно. Тебя отвезти в школу или за тобой заедут?

– Отвези.

– Хорошо, я буду ждать тебя.

Папа направляется к выходу, но снова останавливается.

– Нэнси любит тебя, она очень хорошо к тебе относится.

– Но я никогда не смогу ее полюбить, потому что она чужая, потому что она не мама... и она никогда ее не заменит.

Я еле-еле усаживаюсь в машине. Папа заводит двигатель. Мы не разговариваем. Интересно, какой будет его жизнь после моей смерти? Я уверена, что через несколько месяцев у них

появится ребенок и время от времени они будут водить его ко мне на могилу, а потом и вовсе забудут.

Мы подъезжаем к школе.

– Хорошо тебе повеселиться, принцесса.

Я молча вылезаю из машины. Школа вся украшена огромными гирляндами, от них исходит желтый свет, многочисленные фонари во дворе превращают здание в замок. Я захожу внутрь, здесь слабое освещение, в холле вывеска с огромными буквами «Осенний бал». Обычно на такие мероприятия все приходят парами, но я же, как всегда, от всех отличаюсь. Я прохожу в актовый зал. Так много народу. Все девушки в пышных платьях, а парни в стильных смокингах. Играет тихая нежная музыка. И повсюду многочисленные гирлянды.

Я нахожу Тезер и Мэтта. У Тез почти такое же платье, как у меня, только нежно-розового цвета. Мэтт стоит в шикарном черном фраке, рубашка с бабочкой. Он пожирает глазами меня.

– Привет, – говорю я.

– Сучка, тебе это платье больше идет, чем мне, – улыбаясь говорит Тез.

– Прекрати, ты все равно красотка, и обязательно станешь королевой бала.

– Я надеюсь. Ладно, пойду всем строить глазки, чтобы набрать больше голосов.

Она отходит от нас. Мэтт смотрит мне в глаза. Я – в его. Я просто тону в них.

– Ты замечательная.

– Спасибо. А ты вообще на принца похож.

– Только мне белого коня еще не хватает, – мы смеемся. – Ты больше не злишься на меня?

– Давай просто забудем об этом.

– Согласен.

Он берет меня за руку, мое сердце начинает биться быстрее.

– Ученики, прошу внимания, – говорит Кинстли, – все вы знаете, что в конце вечера мы выберем короля и королеву бала, но мы решили изменить условия конкурса. В течение вечера наш фотограф будет вас фотографировать, и та пара, фотография которой нам понравится больше всего и станет победителями.

– Кажется, Тез эта идея не понравится, – говорю я.

– Да, это точно.

– Какого черта?! Испокон веков было установлено, что король и королева бала выбираются голосованием, а не дурацкими фотографиями! – истерит Тез.

– Успокойся, наша фотография будет самой лучшей, я тебе обещаю, – говорит Мэтт.

Следующие два часа мы проводим по отдельности друг от друга. В зале собрались все ученики старшей школы. Становится душно. По полюсам помещения расположены столы с пуншем и пирожными. Тезер была права, наши платья, по сравнению с остальными, действительно шикарные. Музыка то быстрая, то медленная. Несмотря на то что нам, девушкам, совсем неудобно двигаться в платьях, мы все равно танцуем.

Я наливаю в бокал вишневый пунш, ко мне подходит Чед. Я его не узнаю. Он без очков, в черном элегантном костюме, который его делает намного выше и массивнее. Он бесподобно выглядит, и сыпь на его лице уже менее заметна.

– Глория... ты прекрасно выглядишь, – смущаясь, говорит Чед.

– Спасибо, ты тоже. Этот костюм тебе очень идет.

– Мне его мама выбирала, говорит, что я в нем похож на Джеймса Бонда.

– Действительно похож, – смеюсь я.

– Ты не хочешь потанцевать... со мной?

– Ну, раз уж я все провожу этот вечер в одиночестве, то почему бы и нет?

Чед обхватывает меня руками за талию, я обвиваю его шею. От него довольно приятно

пахнет. Раньше он мне никогда не казался таким симпатичным. Руки у него сильные, я думала, что он хлюпик, который полностью помешан на физике и шахматах, а, оказывается, он просто милый умный парень. Музыка очень медленная, завораживающая. Кажется, что все присутствующие в этом зале смотрят только на нас. Я слышу голос Мэтта.

– Лори.

– Я сейчас, – говорю я Чеду.

Я подхожу к Мэтту, он смотрит на меня с ухмылкой.

– Чед? Серьезно?

– Он просто предложил мне потанцевать.

– А вы с ним мило смотрите.

– Перестань. Что ты хотел?

– Может, отлучимся ненадолго?

– А как же Тез?

– Я ей сказал, что мне нужно сделать один очень важный звонок. Ну что, пойдём?

Он протягивает мне свою руку, я неловко цепляюсь за нее, бросаю взгляд на Чеда и мы с Мэттом уходим.

На улице похолодало. Тишина, в школьном дворе, только мы одни. Мы заходим в школьный сад.

– Здесь нас никто не увидит, – говорит Мэтт.

Напротив нас стоит небольшая беседка, она вся украшена огоньками.

– Здесь просто сказочно, – говорю я.

У меня возникает чувство, что на нас кто-то смотрит. Я оглядываюсь по сторонам – вокруг никого. Наверное, показалось.

– Мадам, не хотите со мной потанцевать?

– Здесь же нет музыки?

– Как это нет? Вы разве ее не слышите? – Мэтт берет меня за талию и начинает танцевать. –

А я вот слышу.

Мы начинаем вальсировать.

– Кажется, я тоже слышу эту музыку.

Вокруг полная тишина, но мы все равно танцуем, в окружении многочисленных желтых огоньков.

– Я не могу на тебя наглядеться, – говорит он.

– Перестань меня смущать.

Мэтт прижимает меня к себе, проводит рукой по волосам и наши губы соприкасаются. Невинный поцелуй перетекает в страстный, обжигающий. Я забываю про то, что в каких-то двухсот метрах от нас веселится вся школа. Я не хочу, чтобы эти минуты заканчивались. Мне хочется просто убежать с ним далеко-далеко, чтобы нас никто не нашел.

* * *

В актовом зале все та же атмосфера, все веселятся, танцуют. Через несколько минут объявят результаты конкурса. Мы подходим к Тез, она вся на взводе.

– Где тебя черти носили?!

– Тез, ты чего?

– Нас ни разу не сфотографировали, ты это понимаешь?!

– И что? Тез, это просто конкурс.

– Для меня это не просто конкурс! Ты смыл в унитаэ мою мечту!!! На сцене появляется Кинстли.

– Ну что ж, вот подошел к концу наш вечер. И сейчас начнет ся самое интересное. Кто же станет королем и королевой бала? Внимание на экран.

Мое сердце разбивается одним ударом на тысячи осколков, когда я вижу на экране, КАК МЫ С МЭТТОМ ЦЕЛУЕМСЯ В БЕСЕДКЕ. Все присутствующие открыли рты.

– Прошу на сцену Мэтта Гинса и Глорию Макфин!

Меня окатывает жаром. Я стою, поворачиваю голову и смотрю на Тезер. Она тоже смотрит на меня, ее глаза блестят от слез.

– Тез, я...

Не дослушав меня, она выбегает из зала. Мы с Мэттом бежим за ней.

Нас трое в холле. У Тез начинается истерика.

– Тез, успокойся, – говорит Мэтт.

– ...подождите, я ничего не понимаю... это что, вы вместе?

– Мы давно тебе хотели об этом сказать.

– Давно?!!

– Тез, прости меня, – тихо говорю я.

– Заткнись!!! Как ты могла?! Ты же моя лучшая подруга... я ведь тебя поддерживала, была рядом с тобой, а ты... – Тезер начинает захлебываться в слезах.

– Тез...

– Я сказала, заткнись!!! А ты, как ты мог променять меня на эту?! – обращается Тезер к Мэтту и указывает пальцем на меня.

– Все изменилось. Тез. Она мне нравится. Тезер начинает краснеть от ярости.

– Что?! Ах ты, подонок!!! Мерзавец!!! – Тез бросается на Мэтта, тот отталкивает ее.

– Виккери, Гинс, Макфин, что здесь происходит? – в холл заявляется Кинстли.

– Я ненавижу тебя!!! – говорит мне Тез. – Я давно должна была об этом догадаться! Ты ведь вся такая невинная овечка, «пожалейте меня, я такая несчастная», а на самом деле, ты та еще тварь! – она толкает меня, я со всей силы падаю на спину, по всему телу раздается адская боль.

– Виккери, успокойся! – орет директор.

– Ненавижу тебя!!! – Тез садится на меня верхом и начинает бить по лицу, я стараюсь сопротивляться ее ударам. Мэтт и еще двое парней оттаскивают ее от меня. – Чтоб ты сдохла вместе со своей чокнутой мамашей, поняла?!!!

Все учащиеся перебрались из зала в холл. Кто-то нас снимает на телефон, кто-то просто ржет, кто-то кричит: «Бей ее!»

Я встаю. Из моей губы течет кровь. Кажется, она меня «хорошо» ударила в глаз, и он начинает опухать. Тут нечему удивляться. Это не просто девушка, у которой отбили парня, это сама Тезер Виккери, она закопает заживо того, кто посягнет на ее вещь или человека.

– Поняла, – отвечаю я, – но раз уж все карты раскрыты, думаю, Мэтт тоже должен кое-что знать. Может, ты сама ему рас скажешь?

Тез молчит.

– Хорошо, я сама. Мэтт, твоя девушка изменяла тебе с Адамом. А потом втайне от тебя встречалась с ним, ходила на свидания и заставляла меня молчать.

– Мэтт, не слушай ее, пожалуйста, не слушай, она все врёт! Мэтт не произносит ни слова. Он разгребает толпу, скопившуюся у выхода, руками и выходит из здания.

– Если вы сейчас же не прекратите этот беспредел, я вызову полицию! – говорит Кинстли.

Тез долго смотрит мне в глаза, а затем молча выходит из школы.

Все. Не могу поверить, что наша многолетняя дружба вот так закончилась... теперь про этот

бал все будут года два говорить, если не больше.

Я выхожу на улицу, вижу вдали Мэтта и бегу к нему.

— Мэтт! Мэтт, подожди.

Он останавливается.

— Что?

— ...куда ты уходишь?

— Прости меня.

— За что?

— Оказывается, это очень сложно прощаться с прошлым. Теперь вся школа меня считает подлецом.

— И что? Какое нам дело до школы? Теперь мы можем быть вместе и ни от кого не прятаться.

— Знаешь, отец мне пару недель назад предложил переехать в Канаду и учиться там. Типа там образование лучше и все такое. Наверное, я соглашусь.

— Что?.. Подожди, ты не можешь уехать, а как же я?

— Я уже попросил у тебя прощения.

— Ты что, меня бросаешь?

— А разве между нами что-то было? Два поцелуя легко можно забыть.

— Ты не можешь так со мной поступить.

— Прости... я буду звонить тебе, обещаю. Но в эту школу я больше не вернусь. С меня хватит.

Мэтт разворачивается и уходит.

Я стою одна, дует пронизывающий ветер. Из распухших от ударов глаз начинают литься горячие слезы.

— Мэтт! Пожалуйста, не уходи!

Он даже не оборачивается. С каждой секундой он все дальше и дальше от меня.

То, что сейчас творится у меня в душе, не под силу никому описать. Опустошение. Боль, что не сравнить с физической. В один момент я лишилась подруги и человека, которого любила все эти годы.

* * *

Бутылка виски через некоторое время становится легкой. Все содержимое выпила я. Я сижу на тротуаре моста, мимо меня проезжают машины, и никто даже не обращает на меня внимание. Когда я допиваю последнюю каплю виски, я встаю, меня шатает во все стороны. Я никогда так много не пила. Мое сознание отключилось уже после третьего глотка. Я ничего не соображаю. Я дохожу до бордюра моста и кидаю бутылку в канал. Я смотрю на падающую бутылку и представляю себя. Вот я лечу так же, как и она. Совсем скоро я узнаю, как это больно, когда твое тело со всей силы ударяется о воду. Я хочу быть этой бутылкой. Я хочу умереть. Сегодня. Прямо сейчас.

Я ставлю ногу на железную перекладину, затем другую, потом перебрасываю их, цепляюсь руками за бордюр и в таком положении смотрю вниз. Слезы ручьем скатываются с моих щек. Неужели это все? Моя жизнь была такой короткой. Говорят, что самоубийцы горят в аду, раз сами отвергают жизнь. Но меня это не пугает. Я вообще в это все не верю. Одно лишь я знаю точно. Я умру. Перестану дышать, чувствовать. Меня забудут. Моя могила зарастет сорняком, а памятник постепенно начнет разрушаться из-за частых дождей. Это не страшно. Люди будут ходить по кладбищу, смотреть на мои годы жизни и смерти, и поражаться, почему я так мало прожила и что

со мной вообще произошло.

– Не нужно этого делать.

Я оборачиваюсь, сзади меня стоит Чед.

– Ты что, следишь за мной?!

– Можно и так сказать. Слезай оттуда.

– Нет. Уходи.

– Глория, не делай глупостей.

– Уходи!!!

Чед подходит ближе, перелезает через бордюр и двигается ко мне.

– Прыгнешь ты, прыгну и я.

– Катись к черту!

– Я уйду отсюда только с тобой.

– Я так больше не могу. Я устала. Всем, слышишь, всем на меня насрать. И маме, и папе.

Они лишь только делают вид, что думают обо мне, но на самом деле я никому не нужна!!! Я больше не хочу жить.

– Ты мне нужна.

– Нет. Не ври мне.

– Ты, правда, мне нужна.

– Нет, нет, нет!!!

– Хорошо, раз так, то и мне больше незачем жить. Чед прыгает вниз.

Мое сердце сжалось в комок.

– Чед!!!

Я начинаю тяжело дышать, а затем прыгаю вслед за ним.

* * *

Вода ледяная. Я захлебываюсь. Течение в канале слабое, я плыву ко дну, вода кажется совсем черной из-за темноты. Я на ощупь начинаю искать тело. Мне не хватает воздуха. Я выныриваю. Глотаю кислород и замечаю на берегу какое-то движение. ЧЕД. Он отжимает свою толстовку и смотрит на меня.

– Ну, как водичка?

Я в ярости. Я выбираюсь на берег, меня всю трясет от холода.

– Ты придурок!!! Я думала, ты утонул!!! – ору я.

– Можешь побить меня. Но ты жива, и я этому рад.

Я перевожу дыхание. Он что, спас меня? Он прыгнул в эту ледяную воду ради меня? Мне не верится.

Мы разожгли костер, пламя начинает нас согревать, но в мокрой одежде я все равно чувствую себя, словно во льду.

– Значит, я действительно тебе нужна?

– Я в тебя влюблен еще с подготовительной школы. Я написал тебе сотню валентинок, но подарил лишь одну. Потому что я знаю, что такие девушки как ты, никогда не встречаются с такими, как я. Они просто не замечают их... но я готов ждать.

Мы снова молчим. Я прерываю наше молчание.

– Мне холодно.

– Возьми мою толстовку, она правда еще мокрая, но, кажется, чуть-чуть подсохла.

Он садится рядом со мной и помогает мне надеть толстовку. Я касаюсь его шеи, и мне

становится невероятно тепло от этого. Я смотрю в его глаза. Он очень симпатичный, в мокрой футболке я вижу его небольшие мускулы. Он так близко, что я не сдерживаюсь и целую его. Он отталкивает меня.

– Что ты делаешь?

– Просто молчи.

Я снова его целую, он оказывается на спине, я на нем. Затем я снимаю с него футболку.

– Глория, чего ты хочешь?

– Я хочу... узнать, почему все люди так любят секс.

– М-может, не стоит?

– Чед, я тебе нравлюсь и я пьяная – конечно, стоит.

Я теряю самоконтроль. Мне ничего не хочется, кроме Чеда. Я хочу Чеда.

Голова раскалывается на тысячи мелких кусочков. Я ничего не соображаю. Повсюду густой туман, тишина. Мы лежим на влажной земле, вокруг ни души. Он еще спит, и, надеюсь, что не заметит, как я уйду. Мое светло-голубое платье превратилось в комок грязи. Из-за жуткого похмелья меня шатает в разные стороны, но я стараюсь уйти как можно дальше отсюда. Как только я дохожу до обочины шоссе, меня осеняет, что помимо жуткой головной боли у меня невыносимо болит низ живота. Я начинаю вспоминать вчерашние события, и... Я ПЕРЕСПАЛА С ЧЕДОМ МАККУПЕРОМ. Причем это был мой первый секс. Боже, я стала чувствовать себя еще хуже. Не может быть, этого просто не может быть. Мы занимались плотскими удовольствиями на земле, возле заброшенного канала. РОМАНТИКА. Никогда не думала, что мой первый раз будет таким.

Я себя ненавижу. Я себя чувствую шлюхой. Состояние просто омерзительное. Была бы моя воля, я б содрала с себя шкуру, ибо мне противно в ней находиться.

Я иду по обочине, закутавшись в толстовку Чеда. Мимо меня проезжают машины, водители смотрят на меня, как на малолетнюю проститутку. Я стараюсь не обращать на них внимания.

Не успела я оглянуться, как стою на пороге собственного дома. Открываю дверь. Папа и Нэнси сидят за обеденным столом и как только замечают меня, вспрыгивают со своих мест и бегут ко мне.

– Глория, где ты была?! Мы тебя всю ночь искали! – кричит папа.

Я не слышу его слов. Он осматривает меня, и я вижу, как в его глазах появляется страх и презрение.

Я захожу в ванную, включаю воду и начинаю реветь. Смотрю в зеркало. Мои щеки черные из-за туши, волосы похожи на воронье гнездо. От ударов Тезер у меня распухла губа и левый глаз. Слезы с мгновенной скоростью скатываются с щек.

Дорогой дневник!

Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ. Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ. Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ.

Вчера я лишилась девственности с человеком, с которым общаюсь раз в год. Еще у меня теперь больше нет подруги. Меня бросил Мэтт. Я не понимаю только одно, за что меня так ненавидит Иисус?

Все мое тело адски болит. Такое ощущение, будто меня изнасиловал целый вагон заключенных.

В один вечер вся моя жизнь вывернулась наизнанку. Как мне теперь вернуть Тез? Я же люблю ее. Я не хочу, чтобы наша дружба вот так закончилась.

А Мэтт? Когда он ушел, у меня было такое чувство, словно мне отрубили ноги, мне жутко больно, и я не могла пошевелиться.

Зато всем остальным вчерашний бал запомнился надолго. Представляю, сколько сплетен родилось про меня, Тезер и Мэтта.

Ну и ладно. Все равно, мне осталось жить недолго, и я жду не дождусь, когда это все, наконец, закончится.

Осталось 26 дней.

Я лежу на кровати, не двигаясь, уже который час. Мне ничего не хочется. Я пытаюсь заснуть, но в голову одна за другой лезут мысли. Я чувствую себя омерзительно жалкой.

Дверь комнаты открывается.

– Глория, я принесла тебе поесть, – говорит Нэнси. Я слышу, как она ставит поднос на

комод. – Я знаю, что вчера произошло на балу, и я уверена, что вы с Тезер скоро помиритесь.

– Огромное спасибо за поддержку, но не могли бы свалить из моей комнаты?

– Хорошо... – Нэнси подходит к двери, но затем снова оборачивается. – Кстати, к тебе там кое-кто пришел, мне сказать, что ты занята?

В моей голове сразу появляется мысль о Мэтте. Неужели это он? Господи, хоть бы это был он. Я чуть с ног не сваливаю Лоренс, быстро перескакиваю с ступеньки на ступеньку, смотрю в разные стороны, ищу его. Но меня сразу бросило в жар, когда из гостиной выходит Чед.

– Привет, Глория.

– Что ты здесь делаешь? – с яростью спрашиваю я.

– Я пришел навестить тебя, ты сбежала, я подумал, что что-то случилось.

– Да, случилось, например, вчера ночью ты воспользовался моим положением и трахнул меня.

– Но... ты сама этого хотела.

– Я была пьяна! Я вообще ничего не соображала, а тебе это было только по кайфу!

– Прости. Я действительно виноват перед тобой, но я сделал это не из-за плотских удовольствий, а только потому, что я тебя люблю. И я хочу быть с тобой.

– Пошел вон.

– Глория, я...

– Пошел вон, иначе я скажу своему отцу, что ты меня изнасиловал!!!

Чед молча смотрит на меня. Затем, не проронив ни слова, выходит из дома.

По лестнице спускается Нэнси.

– А что, Чед уже ушел? А я думала, что он останется на чай, – говорит Лоренс.

Я обхватываю голову руками, на меня начинают давить стены. Меня тошнит от этого дома. Я выбегаю на улицу и ловлю такси.

* * *

Не знаю, зачем я сюда приехала. Обычно я здесь оказываюсь, когда мне очень плохо, видимо, сейчас как раз этот случай. Я звоню в дверь. Открывает ее Макс.

– О, Глория, привет.

– Привет, Макс. Бабушка дома?

– Да, проходи.

В этом доме всегда вкусно пахнет, а главное, здесь всегда тебе рады и готовы выслушать. Мы проходим на кухню.

– Корнелия, смотри, кто к нам пришел.

– Глория! Я уже хотела сама к вам заехать, так соскучилась! – обнимает меня бабушка.

– Привет.

– А что у тебя с лицом?

– Споткнулась, упала. Ничего страшного.

– Макс, приготовь нам кофе.

– Будет сделано, моя Госпожа.

Я сажусь на маленький диванчик, бабушка рядом со мной.

– У тебя точно все в порядке? Вид у тебя какой-то измотанный. Я молчу и стараюсь не смотреть ей в глаза.

– Глория, расскажи мне, что случилось?

– Мама лежит в клинике. Она пыталась покончить с собой.

– Я знаю. Дэвид мне все рассказал.

– Ты навестила ее?

– Нет. Сейчас дел очень много. Подготовка к свадьбе и все такое. На следующих выходных навещу.

– А ты знаешь, что папа теперь встречается с новой женщиной и они живут в нашем доме?

– И это я знаю. Я так рада за Дэвида.

– Бабушка, да что с тобой?! Твоя дочь чуть не умерла, а ее мужу на это посрать!.

– Глория, Джоди сама себя довела до такого состояния. Я никогда не оправдывала ее действия.

– А если бы ее не стало, ты бы так же говорила?

– Да. Джоди давно для меня перестала существовать, как дочь. Глория, я люблю тебя больше жизни, и я хочу, чтобы у тебя была настоящая любящая семья. Дэвид и Нэнси как раз и есть такая семья.

«Перестала существовать, как дочь» – эти слова запали мне в душу. Бабушка абсолютно такая же, как и моя мать. Ведь для мамы я тоже никогда не существовала. И если бы со мной такое произошло, она бы и пальцем не пошевелила, чтобы мне помочь. Какая же я дура. Я всегда думала, что моя бабушка – святой человек и только она меня может понять. Как же жестоко я ошибалась.

– Ладно, давай сменим тему. Через два месяца у нас с Максом свадьба, так что начинай искать самое красивое платье!

Через два месяца я уже буду гнить в гробу, бабуля.

– Корнелия, я дома.

– О, Адам пришел. Я уверена, ты хочешь с ним поговорить.

* * *

– Значит, теперь вы с Тезер больше не подруги? – спрашивает Адам.

Мы сидим на крыльце возле дома бабушки. Я так давно хотела с ним поговорить, высказаться. Ведь он мой друг детства. Я рассказала ему про вчерашний бал.

– Да, получается так. Я сама во всем виновата. Если бы она со мной так поступила, я бы возненавидела бы ее каждой клеточкой тела.

– Может, не стоит так утрировать? Пройдет недели две, может, больше, и, я уверен, вы помиритесь. Просто нужно поговорить с ней, она поймет и простит.

– Адам, это Тезер, она не умеет понимать и уж тем более прощать.

– Я хочу сладкую вату, – говорит он. – Что?

– Мне жутко захотелось сладкой ваты. Аж слюнки текут. Он срывается с места и целеустремленно куда-то идет.

– Адам, куда ты?

Я еле-еле его догоняю. Мы направляемся в парк аттракционов. Конечно, это же обитель сладкой ваты. Иногда Адам ведет себя, как маленький. Но меня это забавляет.

– Не понимаю вас, женщин: вы можете десятки лет дружить, а потом из-за какого-то дурацкого случая возненавидеть друг друга до смерти.

– Можно подумать, у вас, мужчин, все намного проще.

– Конечно. Мы можем поссориться, подраться, если нужно. Но потом мы все равно миримся, это закон природы.

Мы находим ларек со сладкой ватой. Обожаю этот запах сахара! Запах детства. Сразу

вспоминается счастливые беззаботные времена, когда я была совсем маленькой. Когда мама и папа еще были вместе, и вроде как мы все были счастливы, чего не скажешь сейчас.

Мы с Адамом сидим на одной из лавочек в парке и жуем вату. Она тает во рту, мне становится так хорошо, я кладу голову на массивное плечо Адама.

– Ты с ней все еще общаешься?

– Да. Знаешь, наверное, ты права. Деревенский мальчик не нужен городской элите.

– Нет, я ошибалась. К тебе она чувствует намного большее, чем к Мэтту. А теперь они расстались, и у тебя есть все шансы воплотить свою мечту.

– Значит, и у тебя есть все шансы?

– Я что, не рассказала тебе вторую часть истории?

– Видимо, нет.

– Мы с ним расстались. Ну, то есть, как расстались, мы и не встречались, но... он решил уехать в Канаду. И забыть все, что здесь произошло.

– А как же ты? Мне казалось, что ты ему нравишься.

– Мне тоже так казалось. Но это была игра. Просто увлечение.

– Ты должна остановить его.

– Это бессмысленно.

– Глория, вы с ним, может, больше никогда не увидите, ты обязана поговорить с ним.

– Прямо сейчас?

Адам встает с лавочки и тянет меня за руку.

– Да, поехали.

– Не знаю, мне кажется, это глупо.

– Ты хочешь, чтобы он остался или нет?

ДА, ОЧЕНЬ ХОЧУ. Я улыбаюсь, беру ладонь Адама, и мы вместе с ним бежим ловить такси.

* * *

Мое сердце бешено колотится. Я до сих пор не могу подобрать слова. Что я ему скажу? Я люблю его. И это не просто подростковая влюбленность, а именно любовь. Пускай не идеальная и не взаимная, но если я его лишусь, он станет самой огромной потерей в моей жизни. Я хочу, чтобы он провел вместе со мной оставшиеся двадцать шесть дней.

– Удачи, – говорит Адам.

Я подхожу к двери, звоню. Спустя пять минут ее открывает какая-то женщина.

– Здравствуйте, могу я увидеть Мэтта?

– Простите, а вы кто?

– Я... его одноклассница.

– Мэтта сейчас нет, он оформляет документы, завтра он уезжает в Канаду.

Меня обдает жаром. Уже завтра. Так мало времени осталось.

– Где он? Мне нужно срочно его увидеть.

– Я же сказала, он в посольстве, оформляет документы. Я не знаю, что вчера произошло, но он больше не намерен здесь оставаться.

– ...извините.

Я разворачиваюсь. В моих висках стучит кровь. Неужели это все? Я скоро умру, и перед своей смертью я его больше никогда не увижу. Мне не по себе от этой мысли.

– Прости, а ты Тезер? Его девушка? – спрашивает меня женщина.

– Нет, я Глория, – отвечаю я хриплым голосом.

– Подожди секунду.

Она заходит в дом. Я не понимаю, что происходит. Затем женщина снова открывает дверь и дает мне желтый конверт.

– НАВЕРНОЕ, это тебе.

– Что это?

– Он сказал передать это Лори. Это же ты?

– ...да. Спасибо.

– До свидания.

Она закрывает дверь. Мои руки трясутся. Я разрываю конверт, в нем записка.

«Лори, я знаю, ты сейчас злишься на меня, но я должен уехать. Я хочу сменить обстановку, познакомиться с новыми людьми. Просто забыть этот город, Тезер и... тебя.

Я знаю, это будет непросто. Ведь я до сих пор вспоминаю твои глаза, твой голос. Я помню наше молчание в клинике и тепло твоей ладони. Сложно будет забыть наши поцелуи. Сложно будет тебя выкинуть из моего сердца.

Прости меня. Я так хочу тебя обнять, но не могу, потому что знаю, что, увидев тебя, я уже не смогу остановиться.

Постарайся и ты меня забыть. Лучше ненавидь меня. Я уверен, что у тебя все будет хорошо. Ты прекрасная, особенная. Ты можешь дарить счастье людям, менять их в лучшую сторону.

Я люблю тебя. Прощай.»

У меня очень тяжелое дыхание. Голова кружится, слезы снова наполняют мои веки.

Зачем он так со мной? Почему всегда нужно все усложнять? ПОЧЕМУ?

Я слышу шаги Адама.

– Мне очень жаль.

Я начинаю реветь, Адам обнимает меня. Мы молчим. Сейчас так сложно что-либо сказать. Я потеряла Мэтта. Я потеряла его навсегда.

* * *

Мы идем по тесным улочкам Бревэрда. Молчим, я слышу лишь наше дыхание в унисон. Уже потемнело, но мы не собираемся возвращаться домой.

– Ну, ты как, в порядке?

– Не знаю.

– Лори, забудь его. Если бы он тебя действительно любил, он бы никуда не уехал. Потому что это глупо, уезжать черт знает куда от любимого человека.

– Как ты меня назвал?

– Лори, мне казалось, тебе нравится, когда тебя так называют. «Лори», я вспоминаю, как меня так называл Мэтт. Я еще боль ше мрачнею.

– Мне это надоело. Мне все надоело. Этот город, эта осень, все эти люди, даже мой цвет волос, он такой темный, прям как моя жизнь! Я чувствую себя такой жалкой, никчемной, – я достаю из кармана джинсе письмо Мэтта. – Нужно действительно все за быть и начать жить заново, – я рву на мелкие кусочки письмо и безо всякого сожаления бросаю их в воздух. – Я хочу стать другой. Новой Глорией, – Адам смотрит на меня с недоумени ем. – Пойдем, – говорю я.

Через некоторое время мы оказываемся около салона красоты, где мы так часто бывали с Тез.

– Привет, Дэн, – говорю я.

– Детка, я рад тебя видеть, ну, как прошел бал?

– Просто отлично! Столько «приятных» воспоминаний.

– Садись, рассказывай. А это кто? Твой парень? – указывает он на Адама.

– Нет, это мой друг, Адам.

– Адам, ты не хотел бы сделать крутую стрижку? – Дэн подходит близко к Адаму и начинает дышать ему прямо в лицо. – У тебя такие мягкие, густые волосы, с ними можно многое сотворить, – Адаму стало не по себе от услышанных слов. Дэн начинает смеяться. – Люблю так прикалываться над натуралами.

Я тоже подхватываю его смех. Адам стоит в растерянности.

– Ну, что будем делать? – спрашивает Дэн.

– Я хочу перекраситься в какой-нибудь яркий, необычный цвет.

– Смотри, тут вся палитра, – Дэн дает мне в руки каталог цветов. – Могу посоветовать тебе рыжий, рыжий цвет сейчас в моде, или красный, ты будешь такой жгучей.

Я не слышу его слова, мне в глаза бросается яркий голубой цвет.

– Голубой, – говорю я. – Что?

– Голубой цвет такой красивый.

– Согласен. Но никто, кроме фриков, на такой цвет не решится. Я закрываю каталог.

– Решено, перекрась меня в голубой цвет.

– Ты что, шутишь?

– Нет, я говорю на полном серьезе, я хочу голубой цвет.

– Ну что ж, я сейчас, – Дэн уходит в другую комнату. Ко мне подходит Адам.

– Ты что, с ума сошла?

– Я хочу стать другой, Адам.

– Думаешь, перекрасишься в яркий цвет, и жизнь станет лучше?

– А почему бы и нет? Я хочу всех шокировать.

– Действительно, таким ужасом ты точно всех подвергнешь в шок.

– Вот и отлично.

Дэн возвращается с кучей всяких тюбиков и полотенец.

– Ты уверена, что хочешь этот цвет? – Да.

– Тебе придется обесцветить волосы, а это неприятно.

– Я потерплю.

– Господи, ты действительно свихнулась!

– Дэн, начинай уже делать свою работу.

Следующие несколько часов Дэн колдовал над моими волосами. В момент обесцвечивания я едва сдерживала слезы, это действительно неприятно. Я вспоминаю, как в этом же салоне мы с Тез готовились к поездке в Париж. Как меня впервые перекрасили. Это навечно останется в моей памяти.

Дэн высушивает феном мои волосы. Пока что он мне не позволяет смотреть в зеркало.

– Ну что, готова? – Да.

Он разворачивает кресло. И в зеркале я вижу отражение какой-то другой девушки. Мои голубые глаза сливаются с цветом волос. Они ярко голубые, волнистые и такие мягкие. Я потрясена.

– Обалденно! – говорю я.

– Кто бы и сомневался.

– Сколько я тебе должна?

– Боже упаси. За такой ужас еще и деньги брать.

– Дэн, я тебя обожаю!

Я выхожу на улицу, из-за света фонарей мои волосы становятся еще ярче. Адам долго и

пристально меня рассматривает.

– Ты сумасшедшая, – наконец произносит он.

– Я знаю.

* * *

Я спешу домой. Представляю, как отец на это все отреагирует. Открываю дверь, захожу внутрь. Вижу несколько свечей на кухне. Похоже, у них романтический ужин. Отлично! Как раз самое время его испортить. Я стою перед ними. Папа и Нэнси с широко раскрытыми глазами смотрят на меня. Дэвид даже чуть не поперхнулся.

– Матерь божья! Что ты сделала со своими волосами?!

– Я знала, что тебе понравится. О, что это у нас? Итальянская паста? – смотрю я на стол. – Обожаю ее!

Они все еще продолжают смотреть на меня как на инопланетянина, а меня это даже начало забавлять.

Пора начать все заново. Нужно дожить эти дни так, чтобы меня запомнили надолго.

Яркий макияж, глаза подведены черным карандашом, верхние веки покрыты темными тенями. Голубые волосы ниже плеч, кожаная куртка, черные шортики – в таком виде я пришла в школу. Раскрытые от удивления рты, широкие глаза, нервный шепот, удивленные взгляды – я иду по коридорам здания, все смотрят только на меня, все в шоке. Я уверенно иду и ни на кого не обращаю внимания. Внутри все кипит, так и хочется закричать: «Ну что, думали, что я сломаюсь? А вот и нет!»

Я захожу в кабинет философии, мои одноклассники потеряли дар речи, в частности, и Тезер. Она уставилась на меня, я стараюсь делать вид, что не замечаю ее открытого рта, сажусь за стол, раскладываю учебники. В школьном шкафчике я обнаружила очередное письмо: «Будь сильной».

Я замечаю на себе удивленный взгляд Чеда. Я смотрю на него и улыбаюсь. Возможно, теперь я ему разонравилась, и это круто. Отныне я больше никому не хочу нравиться. Любовь доставляет только боль.

Перед началом урока в кабинет заходит миссис Кинсли под ручку с какой-то девушкой.

– Прощу внимания, я хочу вас познакомить с вашей новой одноклассницей Ребеккой Донелл, – в глазах девушки виден страх и стеснение. Она сама по себе очень худая, с темными волосами, она кажется такой хрупкой. Мне искренне жаль, что она теперь будет учиться в нашей школе, ибо ее здесь сломают, как сгоревшую спичку. – Ребекка, я желаю тебе поскорее освоиться и найти новых друзей.

– С-спасибо, – робко отвечает она.

Ребекка неуверенно ковыляет к свободному столу и раскладывает свои вещи.

– Так, и прошу после этого урока Глорию Макфин и Тезер Виккери ко мне в кабинет.

После этого Кинсли выходит из кабинета.

Черт! Как же я раньше не подумала, что нам грозит выговор за то, что мы устроили на балу. Ну что ж, как говорится, понедельник – день тяжелый. Нужно его постараться пережить.

После философии я, как и было велено, отправляюсь в кабинет Кинсли.

Тезер уже сидит в кресле перед директором, я присоединяюсь к ним.

Кинсли с презрением осматривает мой внешний вид.

– Что за балаган вы устроили на балу?

– Миссис Кинсли, понимаете, Глория Макфин пополнила список шлюх в нашей школе, – с ухмылкой говорит Тез.

– Что, прости?

– Да, и она не случайно пришла сегодня в таком виде, этот стиль как раз подчеркивает ее истинную натуру.

– Миссис Кинсли, если вы забыли, в этой ситуации я оказываюсь жертвой, потому что Тезер на меня накинулась и начала прилюдно избивать.

– А она права, – говорит директриса.

– Она это заслужила, потому что на той фотографии она целовалась с МОИМ парнем! Была бы моя воля, я бы все кишки из нее выпотрошила, и не пожалела бы об этом.

– Меня не интересуют ваши личные отношения, но факт на лицо, Тезер, ты публично избила Глорию, и поэтому ты понесешь наказание.

– Это нечестно! – завопила Тез.

Я смотрю на нее, и на моем лице появляется злая улыбка.

– Видимо, из-за этого инцидента Мэтт Гинс забрал документы из нашей школы.

– Что?.. – спрашивает Тезер.

– Он переезжает в Северную Америку, если ты не знала.

Тез сглатывает комок в горле. Она этого не ожидала. А я только этому рада. Пусть почувствует ту же боль, что и я.

– Миссис Кинсли, мы можем идти? – спрашиваю я.

– Да, конечно.

Математика, история, английский пролетают незаметно. Буквально на всех в школе я произвела сногшибательное впечатление. Все привыкли ко мне обычной. Не накрашенной, скромной, немногословной. Но теперь что-то изменилось во мне, только я не до конца уверена – что.

Я захожу в столовую. Каждая компашка так и говорит обо мне, Мэтте и Тез. Теперь мне стало это нравиться. Быть в центре внимания не так уж и плохо. Я смотрю на наш столик, теперь около него Тез и ее новые подруги, для меня там места уж точно не осталось. Я оглядываюсь по сторонам, стоя с подносом в руках, все столики до единого заняты. Впервые я оказываюсь в таком затруднительном положении. Я смотрю на самый дальний столик, там сидит Чед. Возле него еще два стула. Ну что ж, придется смириться с положением.

Я подхожу к нему, он смотрит на меня с улыбкой. На нем по-прежнему очки, клетчатая рубашка и бабочка. Боже, и с этим человеком я лишилась девственности.

– Привет, – говорит он.

– Ты не против, если я здесь сяду?

– Конечно, нет, только не на тот стул, а то там ножка сломана, можно упасть.

Я сажусь рядом с ним.

– А голубой цвет тебе идет.

– Спасибо, ты первый, кто мне это говорит, – я начинаю ковырять вилкой в тарелке. – Знаешь, прости меня за то, что я тебя выгнала вчера, я была не в себе.

– Да, я все понимаю. И ты меня прости за то, что я...

– Ясно, забыли.

– Ну, как тебе мое место? Нравится?

– Если честно, нет. Не зря мы его с Тез называли местом лузеров. Прости.

– Да ничего, я уже привык. Зато отсюда тебя никто не выгонит, и здесь тебя никто не замечает.

Мы не заметили, как к нашему столику подошла Ребекка.

– Привет, можно я с вами сяду? – тихо спрашивает она.

– Конечно, – говорит Чед.

– Спасибо.

Она садится на тот самый сломанный стул, и в этот момент ножка стула отваливается и Ребекка, держа в руках поднос с едой, падает спиной на пол. Все содержимое подноса оказывается на ней. Все присутствующие начинают дико ржать над новенькой.

– Черт возьми, Ребекка! Ты в порядке? – я помогаю ей под няться.

– Все хорошо, все хорошо, – повторяет она. Учащиеся все еще не умолкают.

– Я принесу тебе новый поднос, – говорит Чед.

Ребекка стоит с растерянным видом. Я представляю, как ей сейчас неловко, и хочется сквозь землю провалиться.

– Пойдем, – говорю я.

Мы оказываемся в туалете, я помогаю ей смыть с себя остатки еды.

– Не зря мне мама говорила, что первый день в новой школе очень тяжелый. Надо мной будут подшучивать, издеваться, нужно просто с этим смириться.

- Кажется, твою блузку уже не спасти, – говорю я.
- Ничего страшного, это не смертельно. Дверь открывается, и в туалет заходит Чед.
- Ну, как вы тут?
- Чед, это женский туалет, – говорю я.
- Я знаю, с пятого класса старшеклассники макали здесь меня головой в унитаз, так что теперь для меня нет разницы – женский это туалет или мужской.
- Глория, Чед, спасибо вам за помощь. Я даже не знаю, как вас отблагодарить, – говорит Ребекка.
- Да ладно, пустяки.
- Если что, можешь обращаться ко мне. Уж я то знаю, каково это – быть лузером, – говорит Чед.
- Да уж, ты умеешь успокаивать людей, Чед, – с ухмылкой говорю я.

* * *

В моей голове снова все перемешалось. Вот еще недавно мы ходили втроем: я, Мэтт и Тез, меня все устраивало. Я с нетерпением ждала той минуты, когда мы с Мэттом останемся вдвоем. А теперь ничего этого нет. Все закончилось так же быстро, как и началось. Весь день Тезер смотрит на меня с ненавистным взглядом. Около нее вьются кучи мечтательниц заполучить мое место – место лучшей подруги Тезер Виккери. Так противно. Все это время я общалась с людьми, для которых важно было чужое мнение. Вся их жизнь – игра на публику, не более.

Углубляясь в свои мысли, я не заметила, как рядом со мной по коридору идет Ребекка.

– Глория, ты не подскажешь мне, где у вас здесь библиотека, и еще, я в вашем городе совсем недавно, может быть, мы с тобой когда-нибудь прогуляемся и ты покажешь мне все тут?

– Мне некогда.

– Ясно, просто я хотела...

– Ребекка, я не нанималась тебе в приятели. И я ненавижу, когда за мной бегают!

Я прибавляю шаг и скрываюсь за углом. Мне не нужны друзья. Теперь не нужны. Проще быть одной, чем угождать кому-то, общаться, жить чьими-то проблемами. И я больше не смогу пережить очередной разрыв дружбы.

Мимо меня проходит Тезер, затем она неожиданно останавливается.

– Вижу, у тебя появилась новая подружка? Недолго же ты мучилась. Интересно, а она знает, что ты будешь втайне от нее сосаться с ее парнем? Или это для нее тоже будет сюрпризом? – язвительно говорит Тез.

– Она мне не подружка.

– Хорошо, значит, я полноправно могу провести «обряд новичков».

ЧЕРТ. Я совсем про это забыла. «Обряд новичков» – это что-то типа посвящения новеньких. Мы с Тезер придумывали всякие мерзкие шутки и издевались над новичками. Цель этого «обряда» – унижить человека, тем самым показав, что в этой школе тебе не рады. Половина таких несчастных просто на просто уходила из школы, а кто-то до сих пор здесь, но душевная травма осталась навечно. И теперь Тез хочет провести это с Ребеккой. Мне искренне жаль девочку, она такая невинная, доверчивая, просто лакомый кусочек для издевок и провокаций.

– Тез, не надо, она и так уже перед всеми опозорилась в столовой.

– Во-первых, теперь я для тебя не Тез, а Тезер. А во-вторых, столовая не считается. Я сама проведу этот «обряд». Так что готовь камеру, Ребекка опозорится по полной.

Нет. Я не могу этого допустить. Переубедить свою бывшую стервозную подругу у меня уж

точно не получится, помешать ей я тоже не в силах. Остается только на время стать телохранителем Ребекки. Как бы мне не хотелось, но мне придется с ней подружиться.

Я захожу в кабинет, у нас сейчас урок физики. Ребекка сидит одна в самом дальнем углу класса, ее никто не замечает, она для всех пустое место. Прямо как я.

Я подхожу к ней.

– Ребекка, знаешь, я тут подумала, я как раз сегодня не занята, поэтому я смогу тебе провести экскурсию по городу.

– Правда? Это было бы здорово. Спасибо, Глория! – она обнимает меня, как пятилетний ребенок.

– Я сяду с тобой, Беккс, ты ведь не против, если я буду называть тебя Беккс?

– Беккс, это очень круто! Меня еще никто так не называл, – она улыбается.

– Вот и отлично. Значит, теперь слушай меня, Беккс, видишь вон ту блондинку? – указываю я на Тез.

– Да.

– Это – Тезер Викиери, настоящая ведьма, советую тебе держаться подальше от нее.

– Почему?

– Просто поверь мне. И держись все время возле меня, так будет лучше.

– Ты же не любишь, когда за тобой бегают?

– Ну мы ведь теперь с тобой подруги? А подруги должны всегда быть вместе.

– Круто! Я первый день в школе, и у меня уже появилась подруга. Мама будет довольна.

* * *

Уроки наконец-то закончились. Я уже почти смирилась с мыслью, что мне придется притворяться хорошей подружкой Ребекки. Моя главная цель – защитить ее от Тез. Я считаю это своим долгом.

Беккс стоит у центрального входа и ждет меня.

– Ну что, идем? – спрашиваю я.

– ...Глория, я сегодня не могу.

– Что-то случилось?

– Ты будешь злиться.

– Беккс, выкладывай.

– В общем, ко мне подошла Тезер и пригласила меня на вечеринку.

– Ты согласилась?

– Да, меня еще никто и никогда не приглашал на вечеринки!

– Я же тебе сказала, держаться подальше от нее!

– Она не такая уж и ужасная, как ты мне ее описала, наоборот, она очень даже милая.

Все ясно. «Обряд» произойдет на вечеринке.

– Беккс, не ходи туда, это подделанная вечеринка, Тезер хочет тебя унижить перед всеми.

– Знаешь, ты просто мне завидуешь, ведь тебя же не пригласили. Кстати, Тезер рассказала мне про тебя. Ты отбила ее парня, а это очень нехорошо! Так что прости.

Ребекка делает надменный взгляд, разворачивается и идет вперед.

– Ребекка! – кричу я.

Она не обращает на меня внимания. Да что эта пигалица надумала о себе? Я не собираюсь перед ней унижаться, пускай идет куда хочет.

– Что происходит? – ко мне подходит Чед.

- Ничего, просто она сейчас подписала себе приговор.
- О чем ты?
- Тезер хочет устроить «обряд новичка». Она пригласила Ребекку на вечеринку, и та согласилась.
- Ты сказала ей не идти туда?
- Сказала, но она мне не поверила, – я смотрю в глаза Чед и вспоминаю, как в мои глаза смотрел Мэтт. Сразу закололо в сердце. Господи, помоги мне быстрее забыть его. – Чед, могу я тебя кое о чем попросить?
- Конечно.
- Не надевай больше эти очки, ты красивый, но в них ты похож на сорокалетнего закомплексованного девственника.
- Хорошо, – смеется Чед. – Знаешь, а мне понравилось то, что было между нами тогда.
- Мне тоже... у тебя неплохо получилось, ты что, уже занимался этим?
- Нет, я просто много читал об этом, – я смеюсь. – Ну, что будем делать с Ребеккой?
- Ничего. Пусть опозорится и поймет, что из себя представляет Тезер Веккери. Это будет для нее небольшим уроком.
- Ты сейчас говоришь, как Тезер. Его слова задевают меня.
- Хорошо, что ты предлагаешь?
- Нам нужно пойти на эту вечеринку и помешать Тезеру исполнить ее план.
- Но нас же не приглашали.
- А ты всегда следуешь правилам?

Дорогой дневник!

Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, и все закончится. Для меня. Навсегда. Я еще никак не могу отойти от разрыва дружбы с Тез. Не могу перестать думать о Мэтте. Может быть, это и к лучшему? Я имею в виду все, что между нами произошло? Тез и Мэтт два самых близких мне человека. Я не хочу, чтобы они страдали, когда я умру. Я не хочу, чтобы меня кто-то жалел, плакал, переживал, винил себя в моей смерти. Я лишь хочу, чтобы меня не забывали.

Осталось ровно 25 дней до моего самоубийства. Еще немного и я оставлю этот мир, этих людей, эту никчемную жизнь навсегда.

Я спускаюсь вниз. На мне широкая полосатая туника. На ногах сетчатые колготки и сапоги. Кудрявые голубые волосы красиво расположились на плечах.

Увидев меня, отец чуть не потерял дар речи.

- Ты куда собралась?
- Не важно.
- Ты что, снова решила от рук отбиться? Мало того, что не ночуешь дома, так ты еще и сбегашь куда-то посреди ночи!
- Сейчас только девять вечера!
- Куда ты идешь?!
- На вечеринку. Пропусти, – я толкаю его, он хватает меня за запястья. Мне становится больно.
- Ты никуда не пойдешь, тем более в таком виде!
- Пап, давай не будем начинать все сначала! Мне не нужна твоя «забота». У тебя своя жизнь, у меня своя!
- Либо ты возвращаешься в комнату, либо я снова отбираю у тебя телефон и запираю тебя!

– Дэвид, отпусти ее, – вмешивается Нэнси. Папа высвобождает мои запястья.
– Ты что, защищаешь ее?!

– Да, Дэвид. Я ведь тоже была девочкой-подростком и пони маю каково это, когда твой отец тебя излишне контролирует.

Папа молчит.

Я слышу, как Чед звонит в дверь.

– Это за мной.

Я быстро подбегаю к двери, останавливаюсь. – Нэнси... спасибо. Она улыбается.

* * *

Мы стоим напротив дома Виккери. Слышна музыка с недетскими басами. Мы с Чедом переглядываемся.

– Ну что, ты готова? – спрашивает он.

– Да. Нам нужно незаметно проникнуть в дом.

– Боюсь, что с твоей шевелюрой это будет не так-то просто, – Чед указывает на мои голубые волосы. Мы смеемся.

Несколько минут спустя, мы оказываемся внутри дома. Тесный холл заполнен кучей народа. Кто-то танцует, кто-то пьет, кто-то обжигается в углу. В общем, вечеринка в полном разгаре. Я ищу глазами Ребекку. Но это просто бессмысленно, потому что здесь столько людей, что даже воздуху не хватает.

– Ты видишь ее? – спрашиваю я Чеда.

– Нет. Так много народу.

Мы заходим в дом, я вижу миниатюрную девушку с темными волосами, стоящую возле Тезер. Ребекка!

– Смотри, – говорю я.

– Похоже, она заняла твое место.

– Или план Тезер начинает оправдываться. Мы скрываемся за углом.

– Беккс! – кричу я. Ребекка нас замечает.

– Глория, Чед, вас тоже пригласили?

– Можно и так сказать. Послушай, ты уже достаточно побыла на этой вечеринке, теперь можно уйти и прогуляться с нами по городу, – говорю я.

– Как-то неловко уходить. Тезер расстроится.

– Беккс, последний раз спрашиваю, ты идешь с нами или нет?

– Нет. Простите ребята. Мы можем прогуляться в следующий раз. Только не обижайтесь на меня.

– Ребекка!.. – мы слышим издали голос Тез.

– Ой, меня Тезер зовет. Ладно, увидимся еще, – Беккс уходит. Злость во мне так и кипит.

– Пойдем отсюда, – говорю я.

– Подожди, а как же Ребекка?

– Слушай, мне это надоело. Я устала играть роль великой спасительницы. Мы ее предупредили, остальное дело за ней, – я хватаю Чеда за руку и веду к выходу. Вдруг музыка резко останавливается, и мы слышим звук микрофона.

– Дамы и господа, я очень рада, что вы все пришли на мою вечеринку, надеюсь вам здесь весело, – в центре холла стоит высокий подиум, на нем находится Тез.

Все присутствующие в доме начинают свистеть и хлопать.

– Я хочу вас познакомить с моей новой подругой Ребеккой Донелл! – Беккс неуверенными шагами поднимается на подиум. Я чувствую, что сейчас что-то случится. – Ребекка, скажи что-нибудь, – Тез отдает микрофон.

– Я... я очень рада быть здесь и...

– Достаточно, Ребекка. Ну что ж, мы продолжаем наш вечер. Оттягивайтесь по полной! – Тезер кивает кому-то.

Неожиданно для всех кто-то срывает платье с Ребекки, а Тезер толкает ее вниз. Мы видим, как она падает полуобнаженная. Все, в том числе и Тезер, начинают ржать. Мое сердце разрывается на части.

Почти все снимают происходящее на камеру. Ребекка пытается прикрыть себя руками, на полу валяется ее платье. Она тянется за ним, но Тезер толкает ее, Беккс падает на спину, Тез выхватывает платье и поднимает его вверх.

– Тезер, пожалуйста, – просит умоляюще Ребекка. На ее щеках появляются слезы.

– Целуй ноги, – говорит Тез.

– Что?..

– Целуй мои ноги, и платье твое.

Все снова начинают ржать. Ребекка наклоняется к ногам Тез. Все, я больше этого не выдержу.

Я уверено расталкиваю всех руками.

– Разошлись все! – кричу я, затем со всей силы выхватываю платье из рук Тезер и кидаю Ребекке. – Чед, уведи ее.

Чед послушно берет руку Беккс.

– Какого черта ты делаешь на моей вечеринке?! – кричит Тез.

– Ну, как же я могла пропустить вечеринку у самой Тезер Виккери! – ехидно говорю я.

– Ах ты тварь! Как же я тебя ненавижу! – Тезер кидается на меня, но я успеваю захватить руками ее волосы, от боли Тез вскрикивает, окружающая нас толпа народа даже не пытается нас разнять.

– Значит так, слушай меня, Тезер, – толкаю ее со всей силы, она падает на пол. Я жду момента, когда она посмотрит мне в глаза.

– Решила затеять со мной войну? Пожалуйста! Вот только запомни. Я дружила с тобой больше половины своей жизни. Я знаю про тебя все, до мелочей. Все твои слабости, все твои страхи. И если я воспользуюсь этим, то тебе проще самой себе вырыть могилу! – в холле установилась полная тишина. Тезер смотрит на меня с ужасом, я улыбаюсь. Затем, окатив ее надменным взглядом, разворачиваюсь, теперь мне уже не приходится расталкивать толпу, все расступаются передо мной, я медленно иду, не замечая, как расплылась в довольной улыбке. Я лучшая. Тихая, незаметная Глория осталось в прошлом, так же как и все то дерьмо, что произошло со мной в последние дни.

Я выхожу из дома.

Чед и Ребекка сидят на крыльце соседнего дома. Беккс захлебывается в слезах.

– Ну, как ты? – спрашиваю я.

– Глория, прости меня, пожалуйста. Прости за то, что я тебе не поверила. Я такая дура! Ну, почему я такая наивная?! – Ребекка вся покраснела, ее глаза распухли, на коленках огромные царапины, из них нешуточно кровоточит. Чед отдал ей свой пиджак, но она все еще жметя и дрожит. Она напоминает мне меня. Когда я так же ненавидела себя за свою доверчивость к людям. Я доверилась Нику, Мэтту, Тезер, и что из этого получилось? Причин для самоубийства стало намного больше.

– Не волнуйся, завтра об этом никто и не вспомнит.

– Что ты сделала? – спрашивает меня Чед.

– Ничего особенного. Беккс, прекращай реветь. Пойдемте в какой-нибудь паб, я жутко проголодалась и хочу выпить.

Мы поднимаемся с крыльца и, держась за руки, идем вперед. Я, Чед, Беккс, наверное, это начало новой истории.

Часть 7

Escape (Бегство)

Мы сидим за столом, водим вилкой по тарелке. Так тихо, что я слышу с какой скоростью каждый из нас проглатывает комочек нашего «семейного» завтрака. Папа молчит и смотрит на меня. Я делаю вид, что не замечаю его взгляд на себе, и продолжаю спокойно ковырять вилкой в тарелке.

– Слушайте, а что если мы на этих выходных куда-нибудь по едем? Погода хорошая, можно устроить пикник? – говорит Нэнси.

Снова наступает раздражающая тишина.

– Сколько это будет продолжаться? Сколько еще ты будешь мучить меня?! – обращается ко мне отец.

– Дэвид, давай не сейчас, – говорит Лоренс.

– Нет, именно сейчас, потому что потом она опять будет где-нибудь шлаться!

Я молчу.

– Дэвид, она всего лишь подросток.

– И что? Подросткам свойственно становится шлюхами в 16 лет?! – все внимание на мне. – Ну, что молчишь?! Может быть, скажешь что-нибудь?!!! – орет отец.

– Передай мне ломтик сыра, пожалуйста, – говорю с насмешкой я.

Это окончательно раздавило папу, он берет тарелку с нарезанным сыром и со всей силы швыряет ее на пол. В эти секунды мы слышим, как сотни осколков разлетаются по нашему дому.

Затем папа отодвигает стул и уходит.

– Ну так что, как насчет пикника? – тихо спрашивает Лоренс.

– Нэнси, не нужно делать из нас идеальную семью. Ты никто. Ты живешь здесь только потому, что даешь папе.

– Как ты можешь так говорить?..

– Так и могу, – я отодвигаю стул и направляюсь к выходу, затем снова разворачиваюсь и смотрю на Нэнси. – Знаете, я никак не могу понять, что вас зацепило в папе? Он ведь законченный имбицил. Он делает больно всем и всегда. Когда-нибудь вы это поймете.

* * *

В школе все снова смотрят только на меня, и уже не из-за голубых волос, а из-за вчерашней вечеринки. Интересно, как там Тезер? Возможно, я подорвала ее репутацию, но мне все равно. Раньше я никогда не думала, что способна на такое. Мне было комфортнее отсиживаться в сторонке, лишь бы меня никто не трогал. Но теперь все изменилось, и мне очень нравятся такие перемены.

В кабинете литературы ко мне подсаживается Чед. Вчера я, он и Беккс провели почти всю ночь в пабе, это было здорово. Вообще никогда не думала, что ботаники вроде Чеда могут быть такими веселыми, благодаря ему я стала хоть немного забывать о Мэтте.

– Привет, как ты после вчерашнего? – спрашивает Чед.

– Нормально, немного побаливает голова, но это терпимо. Сегодня Чед без очков, и, о боже мой, как же ему это идет. Он в джинсовой рубашке, в темных джинсах, выглядит очень круто. В следующее мгновение в кабинет заходит Тезер. Впервые она пришла в школу в кофте с длинными рукавами и без декольте. Все из-за синяков, которые я ей по-любому оставила на теле. Она выглядит подавленной, и мне это даже нравится.

– Что это с ней? – спрашивает Чед.

– Наверное, вечеринка удалась.

– Так что ты сделала с ней на той вечеринке?

– Я же сказала, ничего особенного.

– Ничего особенного? Тезер Виккери выглядит, как запуганный ребенок.

– Чед, я просто поставила ее на место. Это того стоило.

В кабинет заходит миссис Райдан, спустя несколько минут дверь кабинета снова открывается и заходит Ребекка.

– Извините, можно войти?

– ДА, БЫСТРЕЕ!!! – как я уже говорила, Райдан терпеть не может, когда опаздывают на ее уроки.

Ребекка мимолетом подходит к столу и начинает раскладывать свои вещи.

– Второй день в школе, а уже опаздываем? – говорю я.

– Я еле проснулась после вчерашнего.

– Ты же пила безалкогольные напитки?

– И что? Мой организм слишком восприимчив ко всему новому... да и к тому же, я вообще не хотела приходить сегодня в школу.

– Из-за вечеринки? – Да...

– Беккс, все уже давно забыли об этом.

– Зато я не забыла. Мне даже это сегодня снилось...

* * *

Я захожу в дамскую комнату, около зеркала стоит Тезер, рядом с ней Шонна, высокая мулатка с очень противным голосом, наверное, это ее новая подруга. Два сапога пара.

Я подхожу к зеркалу.

– А синяки тебе очень к лицу, – с насмешкой говорю я.

– Хм, не знаю как тебе, но мне это уже надоело. Я предлагаю тебе установить нейтралитет.

– Ты сдаешься?

– Нет, просто не хочу, чтобы какая-то шавка раздавила мою репутацию. Ну, так что?

– Ладно, я согласна.

– Вот и отлично. Шонна, пойдем.

* * *

– Тезер Виккери предложила установить нейтралитет? Это что-то новенькое, – говорит Чед. Мы идем с ним по коридору к шкафчикам с учебными принадлежностями.

– Я сама сначала не поверила, но оказывается, это действительно так.

– Ты согласилась?

– Да, тем более я все равно победила в этой борьбе.

Я открываю шкафчик, поверх стопки с учебниками снова лежит конверт с письмом.

– Чед, отнеси, пожалуйста, мою сумку в кабинет.

– Хорошо.

Я хватаю письмо: «Ты – совершенство». На моем лице появляется странная улыбка. А мне уже начинают нравятся эти письма.

- Глория... – я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу Ребекку, – ты идешь на математику?
- Да-да, уже иду, – я превращаю письмо в комок бумаги и выбрасываю в урну.

* * *

Полная тишина в кабинете математики. Лоренс смотрит прямо мне в глаза, наверное, до сих пор не может забыть утренний инцидент.

– Я хочу начать наш урок с довольно неприятной ноты. Я проверила ваш тест и была просто в ужасе. Все вы знаете, что скоро конец семестра, и ваши оценки никуда не годятся! Глория Макфин, ты собираешься вообще учиться исправлять свои ошибки или нет?!

- Мне все равно, мисс Лоренс.
- Тебе все равно?! С такими знаниями ты скоро вылетишь из этого заведения!
- И что же мне теперь делать?
- Либо ты исправляешься, либо я...
- Что? Вызовите в школу отца или дома поговорим, по семейному, так сказать?
- Я что-нибудь придумаю и заставлю тебя исправиться.
- Идите вы знаете куда, мисс Лоренс? Класс замер с открытым ртом.
- Что ты сказала?!
- Мне повторить?
- Либо ты заканчиваешь сейчас же этот балаган, либо вон из класса!

Я не мешкая начинаю собирать свои вещи в сумку. Лоренс стоит ошарашенная.

- Что ты делаешь? – шепотом спрашивает Беккс.
- Собирай вещи.
- Что?
- Я сказала, собирай вещи, быстро!

Ребекка послушно начала запихивать книги в рюкзак. Затем мы обе встаем из-за стола и направляемся к двери.

- Донелл, вас я попрошу остаться, – говорит Нэнси.
 - А вас я попрошу заткнуться, – говорю я и хватаю Беккс за руку.
- Мы выходим из кабинета, у Ребекки начинается истерика.
- Что ты наделала?!
 - Успокойся.
 - Успокойся?! Меня теперь исключат из школы! – Беккс прижимается к стене.
 - Не исключат, у Лоренс кишка тонка.
 - Да откуда ты знаешь?!
 - Знаю. Она живет в моем доме и спит с моим отцом.
 - Ты шутишь?..
 - Конечно шучу, у меня юмор такой.
- Я разворачиваюсь и быстрыми шагами иду к центральному входу.
- Глория, подожди!

* * *

Школа остается позади нас. Я рассказала Ребекке всю свою историю про семью. Про то, что папа сделал с мамой, про Лоренс, мою новоиспеченную мачеху. Про все. Так накопилось на

душе. Я прекрасно понимаю, что мы с Ребеккой знакомы от силы два дня, но мне показалось, что я могу ей довериться. Потому что больше никому.

– Да уж... не думала, что Лоренс способна на такое. И как теперь твоя мама?

– Не знаю, я уже несколько дней ее не навещала, надеюсь, что все хорошо. Вот видишь, теперь мы настоящие подруги, ты все про меня знаешь.

– Зато ты про меня ничего не знаешь. Кстати, хочешь, я познакомлю тебя со своей мамой? Она классная, тебе понравится!

– Почему бы и нет?

– Только давай чуть попозже, чтобы не возникло подозрений.

– Хорошо. Я как раз хотела заскочить в одно место.

* * *

Здесь спокойно. Люблю сюда приходить и забывать обо всем. Пожалуй, самое любимое место в городе. Дикий пляж. Огромные глыбы камней по всему берегу, волны такие сильные, что камни содрогаются при ударе. Рядом заброшенный пирс. Маловероятно, что здесь кто-то бывает помимо меня.

Мы лежим с Ребеккой прямо на земле. Наши глаза закрыты, каждый думает о своем, слушая, как шумит океан. Возможно, здесь я бы и хотела умереть.

– А этот Мэтт действительно такой красивый? – спрашивает Беккс.

– Очень...

– Неужели ты до сих пор любишь его, после того, что он с тобой сделал?

– Не знаю. Но очень трудно разлюбить того, кто стал для тебя смыслом жизни.

– Тебе нужно забыть его. Просто стереть из памяти.

– Если бы было все так просто.

– А Тезер? Вы были с ней лучшими подругами, а теперь она тебя так ненавидит.

– А если бы я так с тобой поступила, ты бы меня простила?

– ...да, простила. Не сразу, конечно, но если бы мы с тобой дружили несколько лет, я бы ни за что не променяла бы тебя на какого-то парня.

– А ты была когда-нибудь влюблена? – Нет.

– Ну, я серьезно.

– Я тоже серьезно. Я никогда не была влюблена.

– Разве такое возможно?

– Возможно, когда интересуешься другим.

– И чем же ты интересуешься?

– Учебой, книгами, Интернетом. Любовь приносит только боль. Она как наркотик. Сначала тебе очень хорошо, но потом на чинается ломка, и ты просто умираешь.

* * *

Мы приближаемся к дому Ребекки. Я, если честно, немного побаиваюсь знакомиться с ее мамой. Вообще не понимаю смысла этого. Беккс уверенно открывает дверь.

– Мам, я пришла.

В доме пахнет чем-то жареным, у меня тут же разыгрался аппетит. К нам выходит женщина лет сорока, она внимательно рассматривает нас.

- Ребекка, почему ты так рано?
- Нас отпустили пораньше. Мам, познакомься, это Глория, моя новая подруга.
- Здравствуйте, – вежливо говорю я.
- Здравствуй, здравствуй. Это та подруга, с которой ты до половины третьего ночи гуляла?
- Мам, давай не будем сейчас об этом.
- Как скажешь. Проходите на кухню, я приготовлю вам горячий шоколад.

Мне становится как-то не по себе. Мы проходим вглубь дома, я вижу на полке большую фоторамку. Беру ее в руки.

- Классная фотография. Это ты с семьей?
- Да, это я, папа и младший брат.
- А где они сейчас?

– ...они погибли в автокатастрофе. Майку, моему брату, нужно было на тренировку, и папа его решил отвезти. В них врезался какой-то грузовик. Мы с мамой еле-еле пережили это, поэтому и переехали сюда, чтобы хоть как-то... забыть.

У меня начинает голова кружиться от этих слов. Представляю, какую боль она испытала. Мне становится страшно.

- ...прости, пожалуйста.
- Да ничего страшного. Вот видишь, теперь и ты обо мне кое-что знаешь.
- Так, присаживайтесь, я принесла вам шоколадные пирожные и круассаны.
- Глория, попробуй, мама сама пекла.

Я беру в руки пирожное и откусываю кусочек.

- Потрясающе... очень вкусно, миссис Донелл.
- Благодарю, ешьте на здоровье.
- Ну, как тебе наш дом? – спрашивает Беккс.

– Красивый, у вас здесь очень уютно, – я стараюсь быть вежливой.

– Мы, правда, еще не до конца все обставили, но, надеюсь, со временем обустроимся, – говорит Ребекка.

- Глория, а расскажи о себе, чем ты занимаешься?
- Эм... ну, я раньше увлекалась танцами, но потом забросила. А еще я неплохо рисую...

Мать Беккс сверлит меня своими глазами.

- А как ты учишься?
- Мам, разве это важно?
- Для меня важно. Я хочу, чтобы моя дочь общалась с людьми на ее уровне.

Это вызвало во мне ярость. Тут я понимаю, что она просто хочет дать понять, что я не должна даже рядом находиться с ее дочерью.

– Я ужасно учусь, миссис Донелл. Знаете, люблю прогуливать уроки, не выполняю домашние задания.

- Глория... – перебивает меня Ребекка.
- А что такое? Я просто отвечаю на вопрос. Или вас что-то не устраивает?
- Ну почему же, меня все устраивает, – спокойно говорит Донелл.
- Простите, где у вас тут туалет?
- Прямо и налево, не заблудитесь.
- Благодарю.

Я пулей лечу в ванную комнату.

Быстрее бы сбежать из этого дома. Не думала, что у Ребекки такая злобная мамаша. Может быть, горе на нее так подействовало. Никому не пожелала бы такого. Потерять сразу и мужа, и сына, отца и брата. Я бы не смогла такого пережить.

Из кухни доносятся голоса. Я прижимаюсь ухом к двери.

– Что мам? Что мам? Эта девушка просто ужасна!

– Нет! Она очень даже хорошая.

– Я уверена, что эта «хорошая» втянет тебя в дурную компанию.

– Не говори так!

– А ее вид? Знаешь, кто так выглядит?

– Мама, прекрати!

Я больше не могу это терпеть. Я выхожу из ванной и направляюсь к выходу. Из кухни выходят Беккс и ее мать.

– Глория, ты куда? – спрашивает Ребекка.

– ...мне позвонил отец и сказал, чтобы я срочно шла домой.

– Я тебя провожу.

– Нет, не нужно, я сама.

– Тогда увидимся завтра?

– Увидимся. До свидания, миссис Донелл.

* * *

Трудно дышать, особенно, когда находишься рядом с этим местом. В моих руках пакеты, набитые всякой всячиной. Хочу увидеть маму. Обычно после таких встреч мне еще больше не хочется жить. Но я так соскучилась по ее взгляду, до дрожи, вспоминаю ее улыбку. Я обязана ее увидеть.

В клинике пусто, в будний день мало кто навещает своих близких. Я быстро нахожу мамину палату. Трясущимися руками я открываю дверь. Она сидит за маленьким столиком и смотрит в окно. Затем оборачивается.

– Глория?..

– Привет, мам. Как ты тут? Я принесла тебе фрукты и еще кое-что.

– Что у тебя с?.. – мама показывает на мои волосы.

– Ты заметила? Я думала, что ты еще находишься в том состоянии.

– Если бы я не была обколота транквилизаторами, я бы оторвала тебе голову с этими ужасными волосами.

– Ну, наконец-то! Узнаю свою прежнюю маму, – на наших лицах появляется улыбка.

– У тебя все хорошо?

– Да... но я очень по тебе скучаю. Обещай, что больше не будешь делать глупостей.

– Обещаю... – мама закрывает глаза, и внезапно выражение ее лица меняется.

– Что такое, мам?

– Снотворное... я сейчас отключусь.

– Давай я тебя уложу.

Я обхватываю маму руками и отвожу к кровати. Она уже без сознания. Я долго смотрю на нее, держа ее холодную руку. Затем я наклоняюсь к ней, целую в лоб.

– Я люблю тебя.

Дорогой дневник!

Я раздавлена. Единственное, о чем молю я Бога, чтобы мама наконец-то поправилась. Я вспоминаю, сколько раз я говорила, как ненавижу ее. Мне становится очень больно. Я хочу, чтобы она была жива, была счастлива. Я очень надеюсь, что

после моей смерти она найдет мужчину своей судьбы. У них родятся дети, и у этих детей не будет такой поганой жизни, как у меня.

Что касается отца, так я желаю ему наконец-таки понять, что он настоящая скотина. Я хочу, чтобы он мучился до конца своих дней и, черт возьми, не дай бог у них родятся дети. Никому больше не пожалею, чтобы еще одна невинная душонка называла этого человека «папой».

Осталось 24 дня.

Новое письмо: «Ты не избавишься от всех проблем». Черт возьми, да кто же ты такой?! Кажется, что этот человек знает обо мне все, даже больше, чем я сама о себе знаю.

Я хочу, чтобы меня не замечали, превратиться в пустое место. Так бы у меня и проблем было бы поменьше. Я вижу ее лицо и стараюсь скрыться в толпе учеников. Но она меня все же замечает.

- Глория... – кричит Ребекка, я делаю вид, что не слышу и ускоряю шаг. – Глория, подожди. Беккс подбегает ко мне и хватается за руку.
- Ты чего?
- Я просто стараюсь избегать тебя.
- Зачем? Что-то случилось?
- А разве не этого хотела твоя мать?
- Ты все слышала... Глория, мне плевать, что говорит моя мама. Я хочу с тобой дружить.
- Твоя мама права. Я принесу тебе кучу неприятностей, – я резко отдергиваю руку и ухожу прочь.

* * *

- Затем добавьте серную кислоту в спирт. Запомните, кислоту в спирт, а не наоборот! Практическая работа по химии. Мы как всегда с Чедом напарники.
- Ты в порядке?
- Что? В смысле?
- Ты какая-то дерганная.
- Не выпалась просто.
- Чед держит пустую пробирку, а я осторожно вливаю в нее кислоту.
- А я и не думал, что ты так не любишь мисс Лоренс.
- Не люблю – это еще мягко сказано. Я бы с удовольствием влила эту серную кислоту ей в глотку.
- А с тобой опасно.
- ЕЩЕ как.

Я отвлекаюсь, и мой взор устремляется на Тезер, они с Шонной напарники, она смеется, как будто специально, чтобы меня разозлить. Так противно на все это смотреть. Я слишком долго смотрю на Тез, отодвигаюсь в сторону и слышу крик. Я ПРОЛИЛА ПОСЛЕДНЮЮ КАПЛЮ КИСЛОТЫ ИЗ ПРОБИРКИ НА РУКУ ЧЕДА.

- О господи, Чед!!! – кричу я.
- Чед, все будет хорошо, пойдем со мной, – тревожным голосом говорит мисс Пайпер, учитель химии.

Я вижу, как рука Чед становится бурой. Сердце безумно колотится, на меня смотрит весь класс. Я чувствую, что сейчас провалюсь сквозь землю.

* * *

Прошло около часа. Чед в медпункте. Я сижу в коридоре напротив дверей. ГОСПОДИ, ЧТО

ЖЕ Я НАДЕЛАЛА??? Я приношу людям одни несчастья. Дверь открывается и выходит Чед, с перебинтованной рукой. Слезы наворачиваются на мои глаза.

– Чед, как ты?!

– Все хорошо, все худшее позади. Мне вкололи обезболивающее. Правда, останется шрам на всю кисть, но это не смертельно. Да и к тому же меня отпустили домой.

– Прости меня, пожалуйста. Я криворукая корова.

– Да я же говорю, пустяки. Такое с каждым могло случиться.

– Нет. Я должна как-то искупить свою вину.

– Да перестань.

– Я серьезно. Что ты хочешь? Может, чизбургер? Или свидание с какой-нибудь классной девчонкой? Говори, я все устрою.

– Свидание? Это хорошо.

– Так, говори с кем.

– ...с тобой.

– А может лучше с Шонной? Новой подружкой Тезер? Или Джессикой? Она баскетболистка, и у нее отличная фигура!

– Нет, я хочу свидание только с тобой.

– Ну что ж, хорошо. Когда и во сколько?

– Сегодня, приходи ко мне домой часов в семь.

– Отлично.

Наш разговор прерывается голосом директора: «Прошу учеников, а также всех учителей, собраться в спортивном зале».

* * *

Куча народу скопилась в спортзале. Мы располагаемся на трибунах и недоумеваем, зачем нас здесь всех собрали.

– Уважаемые ученики нашей школы, коллеги, гости, я очень рада, что мы все здесь собрались, потому что наше заседание по священо одной очень важной новости. Наша школа открывает фонд для поддержки подростков из неблагополучных семей.

Все остальное время, а это больше получаса, гости школы по одному поднимались с трибун и произносили речь. Было так скучно, что я чуть не заснула. Было много сказано слов о том, как подростков унижают в семьях, бьют, убивают в них личность. Я понимала каждое слово, каждую фразу, будто это говорили про мою жизнь. Так глупо, что кто-то верит в то, что этот фонд поможет кому-то. Разве могут какие-то жалкие психологи изменить твою жизнь? Заставить родителей полюбить тебя, понять, что ты живое существо и ты можешь чувствовать. Все это бред. Если ты не можешь изменить свою жизнь, то посторонние люди вряд ли тебе помогут.

– Ну что ж, наше заседание подходит к концу. Если кто-то еще желает высказать свои предложение по поводу фонда, то прошу сюда.

У меня пересохло во рту от удивления, когда у микрофона я увидела Тезер.

– Здравствуйте. Меня зовут Тезер Виккери. Я очень рада, что наша школа создала такой фонд. Это очень здорово, надеюсь, он поможет многим... например, моей подруге Глории Макфин, – мое сердце сжалось в одночасье, – ее отец изменил ее матери. Но это еще не самое страшное. Вы представляете, миссис Макфин пыталась покончить с собой, и теперь она лежит в психиатрической клинике. Сама Глория ни раз сбегала из дома, и не исключено, что она уже пробовала наркотики, или еще хуже того. Пожалуйста, если вы можете помочь Глории,

откликнитесь на ее беду. У меня все, – Тезер с злобной ухмылкой смотрит мне в глаза. Я вижу, как она выходит из спортзала. Все присутствующие на заседании смотрит на меня. Вы только представьте, около трехсот человек, сверлят тебя глазами и говорят о тебе. Во мне просыпается знакомое чувство ярости. Я быстро выбегаю из зала.

– Тезер! – кричу я.

Она оборачивается и начинает противно смеяться.

– Ну что, опять будешь бить меня?

Я быстрым шагом подхожу к ней и толкаю к стене. Вытянутыми руками я опираюсь о холодную стену и смотрю в глаза Тезер.

– Шонна, засними это, – говорит она.

– Уже снимаю. Тез.

– Я просто хотела тебе помочь, подруга, – ехидно произносит Тезер.

Я выдыхаю. Нащупываю на шее цепочку с медальоном Мэтта. Рву ее.

– Этот медальон Мэтт купил тебе, но подарил мне, потому что любил меня, а тобой просто пользовался, – я кладу цепочку в руки своей бывшей подруги, – правда красивый? – с улыбкой говорю я, хотя чувствую, что вот-вот у меня ливнем потекут слезы.

Я разворачиваюсь и с высоко поднятой головой отдаляюсь от Шонны и Тез.

Мое лицо закрыто руками, ладони стали совсем мокрыми от слез. Я плачу не из-за того, что мне жутко обидно, что больше сотни людей узнали о моих проблемах благодаря Тезер, моей бывшей лучшей подруге, которой я доверяла почти все свои тайны. Так поступают только совсем черствые люди. Я плачу от безысходности. Ровно 27 дней назад я надеялась, что моя жизнь не так уж и ужасна и что не стоит совершать самоубийство. Но я ошиблась. Вновь. Я сижу в той самой беседке, где я и Мэтт танцевали на балу. Здесь так тихо, нет ничьих голосов, ничего. Но спустя некоторое время мое спокойствие нарушают чьи-то приближающиеся шаги. Это Ребекка. Она молча заходит в беседку. Садится около меня и крепко обнимает. Я ничего не говорю, она тоже. Мы молчим, обнявшись. Так проходят несколько минут. Я успокаиваюсь, протираю красные от слез глаза.

– Поплачь, ты должна вызволить все это из себя, – говорит Беккс.

– Мне уже лучше.

– Какая же она сволочь. Я ее ненавижу. Услышав эти слова, мне в голову пришла одна идея.

– Беккс, ты можешь мне кое в чем помочь?

– Конечно, что угодно.

* * *

Ну что ж, Тезер, если ты решила продолжить войну – я поддерживаю твоё решение.

Мы стоим с Ребеккой напротив дома Виккери. Я уже полностью обдумала план наших действий.

– Ты уверена, что хочешь это сделать? – Да.

– Слушай, а что если нас заметят?

– Не заметят.

– А если нас увидят соседи?

– Беккс, ты согласилась мне помочь, поэтому, пожалуйста, следуй за мной и помалкивай.

Чувство волнения Ребекки нахлынуло и на меня, а вдруг нас действительно поймают? Виккери довольно известные люди в городе, нас будут клеветать до конца наших дней. Хотя мне все равно осталось немного, почему бы и не совершить очередной безбашенный поступок. Мы

обходим дом кругом, перед нами водосточная труба. Я цепляюсь за нее руками и начинаю карабкаться по ней вверх.

– Чего ты ждешь? – кричу я Ребекке.

Она следует моему примеру. Я достигаю козырька крыши, слева от меня находится окно, я осторожно нащупываю руками под металлическим козырьком палку. Затем при помощи этой палки я пытаюсь отворить окно.

– Давай быстрее, у меня руки соскальзывают, – говорит Беккс.

– ЕЩЕ немного! – спустя несколько секунд моих усилий окно открывается, – готово!

Я забираюсь внутрь дома, Беккс еле как поспевает за мной. Мы находимся в кладовой у Виккери. Отлично, первая часть плана выполнена безупречно.

– Я вижу, ты не первый раз это делаешь, – говорит Ребекка.

– В детстве, когда Тезер наказывали, только так я пробиралась к ней в дом, и мы смотрели с ней сериалы.

На цыпочках я и Беккс выходим из кладовой и направляемся к лестнице.

– Ты уверена, что он здесь?

– Тише... – я оглядываюсь по сторонам, – да, уверена.

Конечно, то, что мы делаем – противозаконно, но раз уж Тезер решила играть во взрослые игры, то я обязана взять реванш.

– Слышишь? – шепотом спрашиваю я.

На первом этаже слышны шорохи, женский и мужской смех. ОН ЗДЕСЬ. Мы аккуратно спускаемся по длинной лестнице. Доходим до двери гостиной. Я смотрю в щелку – миссис Виккери и ее любовник нежатся в кровати. Я прекрасно помню разговор матери Тезер с этим любителем престарелых богатеньких дамочек, когда жила у нее. А еще я знаю, что мистер Виккери очень серьезный человек, и если даже у него есть романы на стороне, он никому не прощает измены.

– Давай, – говорю я Беккс.

Она достает из сумки фотоаппарат, приоткрывает дверь и делает снимки.

– О господи, они же совсем голые!

– Фотографируй, быстрее!

Мы стоим у двери несколько минут, затем мы слышим чьи-то шаги. ГРЭЙС. Ну конечно, как я могла забыть про их домработницу.

– Беккс, бежим.

Мы быстро открываем входную дверь и с невероятной скоростью убегает от дома Виккери. На моем лице царит безумная улыбка. Ветер бьет в лицо. Мы бежим с Ребеккой словно нас преследуют копы.

После того как мы проявили кучу фотографий, на улице стемнело, в моих руках белый конверт, с адресом компании мистера Виккери. В самом конверте фото его жены и ее любовника. Я злобно улыбаюсь. Никогда не думала, что мстить так приятно.

– Представляю, что будет с ее отцом, когда он увидит эти фотки, – говорит Беккс.

– Не забудь, что Тезер завтра ждет еще один сюрприз.

– Все будет сделано.

Я бросаю конверт в почтовый ящик. Ну что ж, теперь начинается самое интересное.

* * *

Дорогой дневник!

Почему нельзя безжалостно убивать люсердце? Подведем итоги этого дня. Я чуть дне угробила Чеда, согласилась идти с ним на свидание. Затем я была опозорена на всю школу. А потом мы с Ребеккой добыли приличный компромат на семью Виккери. Не знаю, что со мной происходит, раньше бы я такого никогда не сделала. Куда делась милая, тихая, безобидная Глория? Ее больше нет! И это очень хорошо, по крайней мере, я теперь знаю, как это круто, показывать всем свое «Я». Особенно, когда тебе осталось жить всего лишь 23 дня.

Шелковое синее платье красиво переливается из-за света фонарей. Я подхожу к дому Чеда. Хотя я и обещала ему прийти в семь, в конце концов, пришла в половине девятого. Звоню в дверь. Спустя несколько секунд она открывается.

– Привет, я уж думал, ты не придешь.

– Ну, я же должна искупить свою вину.

Я прохожу в дом. Здесь так уютно, и очень вкусно пахнет.

– Проходи в гостиную, я сейчас.

Я следую указанию. Открываю дверь в гостиную, и меня ослепляет множество маленьких свечей. В комнате нет света, но благодаря этим огонькам она вся сияет. У меня захватывает дух. Но в мою голову снова приходят воспоминания, как мы с Мэттом провели ночь на крыше высотки. Это незабываемо.

– Я не знал, что ты любишь пить, поэтому купил самое дорогое.

– Джек Дэниэлс? На свидании? Отличный напиток, – меня распирает от смеха.

– Я никому никогда не устраивал свидания, так что не смейся. Кстати, как тебе здесь?

– Здесь очень красиво. Ты такой романтик.

– Стараюсь.

– Как твоя рука?

– Нормально. Если честно, я даже рад, что ты это сделала. Так бы ты никогда не пошла со мной на свидание.

Чед наливает виски мне в рюмку, потом себе и мы вместе с ним делаем глоток.

– Какая гадость! – говорит он, жмурясь. Я снова начинаю смеяться. Затем замечаю, как из кухни валит густой белый дым.

– Чед, что-то горит! – кричу я.

– Вот черт!

Мы бежим на кухню. Он открывает духовку и достает что-то похожее на яблочный пирог.

– Мой пирог! – говорит он, смотря на поднос.

– Ты испек пирог? Как это мило, – говорю я и не перестаю смеяться.

– Да уж, повар я никудышный. Кстати, тут осталась еще съедобная сторона. Будешь?

– Давай.

Чед отрезает мне кусок. Я откусываю несгоревшую часть.

– М-м, очень вкусно.

– Да ладно, я знаю, что он ужасен.

– ЕЩЕ как! – смеюсь я.

– Эй, могла бы и не соглашаться, – он подхватывает мой смех. Я слышу, как разрывается мой телефон. Я отключаю его.

– Папа звонил.

– Почему ты не ответила?

– Не хочу, чтобы он портил такой замечательный вечер. Следующие несколько часов мы то и делали, что пили, ели и разговаривали обо всем. Я рассказала ему о том, что произошло сегодня

в школе, после того, как он ушел домой. Мне с ним так уютно и спокойно. Хочется провести так целую вечность. И не возвращаться домой. Никогда.

– Я абсолютно пьян.

– Не-ет, я пьянее тебя.

– Я никогда столько не пил. Да что уж там говорить, я вообще никогда не пил.

– Значит, выходит, я делаю из тебя плохого мальчика?

– Получается, так.

– Тебе это нравится?

– Очень.

Мы делаем еще по глотку виски.

– Даже не представляю, как я в таком виде пойду домой.

– Я тебя провожу. А если хочешь, можешь остаться у меня.

– Как это многообещающе звучит, Чед, – мы смеемся, – я устала...

Чед сидит на полу, я ложусь с ним рядом и кладу свою голову ему на колени. Нас окружают мелкие свечи, от них исходит приятный аромат и тепло.

– Ты такой мягкий.

Чед начинает гладить мою голову, нежно проводить руками по волосам. От этого я таю.

– Ты еще любишь Мэтта?

– ...я думаю о нем. Постоянно.

– Понимаю. Очень трудно любить того, кто этого не ценит. Это он говорит про меня. Я поднимаюсь и смотрю ему в глаза.

– Я ценю это, Чед, правда. Но все очень сложно.

Он проводит ладонью по моей щеке, а затем целует в губы. Я полностью растворяюсь в этом поцелуе. Но он внезапно прерывается, и Чед отстраняется от меня.

– Прости. Опять на те же грабли.

Я смотрю на него. Верхние пуговицы его рубашки расстегнуты и я вижу его крепкую грудь. Во мне просыпается желание, которое я еще никогда так сильно не испытывала.

– Продолжай... пожалуйста.

Мне не требовалось его долго умолять. Чед снова приближается ко мне, обхватывает мою талию руками и валит на пол. Все это сопровождается поцелуем. Наши пальцы сплетаются. Мое тело охватывает приятная дрожь, когда Чед целует меня в шею. Я цепляюсь руками в его напряженное тело. Я чувствую, как он тоже дрожит.

Я никогда тебя не отпущу, слышишь? Никогда.

Я открываю глаза. В комнате очень светло. Его рука обнимает меня. Я поворачиваюсь к Чеду.

– Доброе утро, – говорит он.

– Для кого как, – мной овладела противная головная боль из-за того, что мы вчера столько выпили.

– У меня есть для тебя сюрприз.

В руках Чед стакан с холодной водой и таблетка от головной боли.

– Это самый лучший сюрприз на данный момент, – я смеюсь и запиваю таблетку водой. Чед смотрит на меня, и проводит пальца ми по моей руке. Мне щекотно, и по телу начинают бегать мурашки.

– Не смотри на меня. Я сейчас ужасная.

– Ты прекрасна.

– Ну конечно, отекающие глаза и невыносимый запах перегара изо рта – это весьма прекрасно, – мы смеемся, затем я обращаю внимание на часы. – Черт!

Я вскакиваю, впопыхах начинаю искать свои вещи.

– Что такое?

– Мы опаздываем в школу!

– Ну и что, подумаешь, опоздаем на первый урок. Нам сегодня все можно.

– Чед, мы должны быть в школе прямо сейчас, одевайся быстрее!

* * *

Мы выходим из дома.

– Я поймаю такси, – говорит Чед.

– Давай, – тем временем я набираю номер Ребекки.

– Алло.

– Беккс, ты где?

– Я в школе, уже все готово.

– Отлично! Я скоро буду.

– Глория, – кричит Чед. К счастью, он уже поймал машину. Я отключаю телефон и забираюсь в салон автомобиля.

– Давайте быстрее! – кричу я водителю.

– Может быть, ты объяснишь, к чему такая спешка?

– Мы с Ребеккой подготовили для Тезер небольшой сюрприз.

– Что за сюрприз?

– Приедем в школу, узнаешь.

* * *

Страх за репутацию, слезы, смущение, ненависть – все это сейчас испытывает Тезер, которая только что зашла в школу и увидела, как по всему холлу РАЗВЕШЕНЫ ФОТОГРАФИИ ее ГОЛОЙ МАТЕРИ И ЛЮБОВНИКА. Мы с Ребеккой специально сделали копии снимков, и теперь

их увидела вся школа. Шонна и Тез начинают срывать фотографии, но уже поздно, теперь это будут помнить еще несколько лет, а может, и больше.

Мы стоим с Беккс у центральной лестницы и наблюдаем за всем происходящим.

– Ребекка, ты молодец.

– Мы молодцы. Теперь она знает, каково это, когда тебя уни жают перед всеми.

В толпе я вижу Чеда. Он подходит к нам.

– Чед, ну как тебе? – спрашиваю его я.

– То, что вы сделали – это аморально!

– Серьезно? А то, что она вчера сделала со мной, это нормально?

– Или со мной на той вечеринке, ты что уже забыл? – говорит Беккс.

– Просто не нужно было опускаться до ее уровня, – он осуждающе смотрит на нас, а затем уходит.

– Чед! – кричу я, но он не обращает на меня внимания.

– Донелл и Макфин, ко мне в кабинет, немедленно!!! – кричит Кинстли.

* * *

– Да как вы вообще додуматься могли до этого?! Вы хоть представляете, что это уголовно наказуемо?

– Представляем, но у нас не было другого выхода. Мы всего лишь отплатили Тезер Веккери той же монетой.

– Я знаю, что Тезер не ангел, но то, что вы сделали – это выходит за все рамки. Я обязана вас наказать.

– Отлично. И что на этот раз? Мытье унитазов? Или вы что-то новенькое придумали?

– Да, придумала. Я сейчас вызываю сюда Тезер, и вы обе перед ней извинитесь.

– Ни за что! Мы не будем извиняться перед этой тварью!

– Выбирай выражения, Макфин!

– Это я еще любя сказала, миссис Кинстли.

– Значит так, либо вы извиняетесь, либо я вас исключаю из школы.

– Я согласна извиниться, – пропищала Беккс.

– Хорошо, Ребекка.

Все устремили свой взор на меня.

– Я согласна. ИСКЛЮЧАЙТЕ.

– Это твое окончательное решение?

– Да. Так что звоните отцу, собирайте документы, я на все согласна. Но запомните, я никогда, слышите, никогда не буду извиняться перед тем, кто этого не достоин.

– Я готова извиниться за нас обеих, – говорит Беккс.

– Ребекка, Глория уже сделала свой выбор.

– Но вы не можете ее исключить!

– ЕЩЕ как могу. Ну что ж, Глория, ты пока свободна, но потом я позову тебя на педагогический совет о твоём исключении.

– Пойдем, Беккс.

Мы выходим из кабинета. У Ребекки снова начинается истерика.

– Если бы я знала, что все так закончится, я бы не стала тебе помогать!

– Успокойся, все нормально.

– Нормально?! Тебя исключают из школы!

– И что? На этом жизнь не заканчивается. Ладно, мне нужно найти Чеда.

* * *

Я стою в коридоре и ищу глазами Чеда. Я должна все ему объяснить. Господи, я не могу его потерять. За эти несколько дней он стал мне очень дорог.

Ко мне подходит Шонна, новая подруга Тезер.

– То, что вы сделали – это омерзительно.

– Да неужели? А по-моему, это как раз в стиле твоей подружки.

– Из-за тебя ее родители разводятся.

– Правда? Какая жалость. Интересно, как она это переживет, бедняжка, – ехидно говорю я.

Шонна окатывает меня презрительным взглядом и уходит. Ну что ж, мой план мести выполнен на 100 %. Я совсем не испытываю чувства жалости к Тезер, наоборот, я только рада, что она наконец-таки оказалась в моей шкуре. В этой «войне» я одержала победу. Я не чувствую себя сволочью, мне даже нравится быть такой.

Я вижу, как из кабинета выходит Чед. Я кричу ему. Он останавливается.

– Слушай, прекращай на меня дуться, я же тебе ничего плохого не сделала.

– Я всегда думал, что ты особенная. Что ты отличаешься от всех остальных девушек, у которых на уме только парни, вечеринки, месть бывшим подружкам. Но, оказывается, я ошибся.

– Да, ты прав, я не особенная. И очень жаль, что ты это только сейчас понял. Кстати, хочу тебе сказать, что я получила по заслугам. Меня исключают.

– Что?! Как, подожди, я думал, все обойдется обычным наказанием!

– Могло бы обойтись, но я выбрала второй вариант.

– Зачем?..

– Я... хочу, чтобы меня все забыли. Ты, Тезер, Ребекка. Вот так взяли и забыли. Ладно, мне нужно идти, сейчас начнется педсовет и будет решаться вопрос о моем исключении, в общем, дел по горло, – я уже собралась уходить, как вдруг снова останавливаюсь и смотрю в глаза Чеда, – и кстати, ночь была замечательная.

Он хватается мою руку, но я резко отдергиваю ее от него и ухожу.

* * *

– Итак, мы собрались здесь, чтобы вынести окончательный вердикт об исключении Глории Макфин, – говорит миссис Кинсли.

– Послушайте, может быть, мы сможем с вами договориться? Я не хочу, чтобы мою дочь исключали, – говорит отец.

– Мистер Макфин, ваша дочь сама приняла такое решение. Если она, конечно, не передумала, – все уставились на меня.

– Нет, не передумала.

Я вижу, как отец начинает краснеть от ярости.

– Миссис Кинсли, Глория еще ребенок, и она не понимает, насколько это серьезно, – вмешивается Нэнси.

– Мисс Лоренс, у меня есть достаточно аргументов, чтобы исключить Глорию. Аргумент первый: она неоднократно пропускала занятия и сбежала с уроков. Аргумент второй: она хамит учителям и срывает уроки. Третий: устраивает драки. Четвертый: низкая успеваемость. Пятый:

еще ни один дебош в школе не проходил без ее участия. Мне продолжать? – все молчат, лишь отец тяжело дышит и смотрит с гневом на меня. – А то, что она сделала сегодня, вообще не требуется объяснять, поэтому я исключаю Глорию Макфин из нашей школы, – Кинстли ставит поспись на какой-то бумаге и заставляет всех последовать ее примеру. – Ну что ж, на этом наш совет окончен.

– Ну, наконец-то! – говорю с улыбкой я и выхожу из кабинета.

Дорогой дневник!

МЕНЯ ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ ШКОЛЫ! Теперь я стала совсем плохой девочкой. Мне это безумно нравится. Я сейчас нахожусь дома, слышу, как папа с Нэнси о чем-то разговаривают. Тем временем я вспоминаю прошлую ночь. Как мы занимались любовью с Чедом. На этот раз мне действительно все понравилось. Мне так нравится его тело. Его тепло. Его голос. Никогда бы не подумала, что с ним мне будет так хорошо. А что касается школы, так это очень круто. Мне осталось жить всего 22 дня. Я не хочу убивать их на уроки. С меня хватит. Хочу провести оставшиеся дни с драйвом и весельем. Хоть перед смертью почувствую себя человеком.

Дверь комнаты открывается, заходит Нэнси.

– Глория, Дэвид хочет с тобой поговорить.

– Я сейчас не в духе, чтобы с ним разговаривать.

– Это важно. Не зли его, лучше спустись.

Я выдыхаю, встаю с кровати и спускаюсь вниз. Папа сидит в гостиной за столом. Ох, чувствую, разговор будет серьезным.

– Ну, что тебе нужно? Опять будешь говорить, какая я плохая дочь?

– Нет. Мне это надоело. Держи.

Отец дает мне в руки буклет, я читаю то, что на нем написано и мои глаза расширяются от удивления.

– Военная школа для девочек? Ты шутишь?

– Вовсе нет. Раз уж я не могу тебя воспитать, то, надеюсь, военная форма и устав тебя усмирят.

– Я не буду там учиться! – мои руки рвут буклет пополам.

– Ты сейчас пойдешь к себе в комнату, соберешь вещи, а завтра утром я отвезу тебя в эту школу на собеседование.

– Ты что, глухой?! Я же сказала, я не буду там учиться. Я никуда не поеду!

– Глория, Дэвид прав. Это очень хорошая школа. Там в тебе воспитают дисциплину, что немаловажно.

– Да пошла ты!

– Не смей так с ней разговаривать!

– А кто она мне такая? Мать? Она мне теперь даже не учительница! Поэтому я могу с ней разговаривать, как хочу!

Отец хватает меня за запястья.

– Послушай меня, я не знаю, что ты там о себе возомнила, но я хочу, чтобы ты выросла нормальным человеком. Ты сегодня не ночевала дома, мы тут чуть с ума не сошли!!!

Я вырываюсь из его рук.

– Да ладно?! А теперь послушай меня, папочка. Я все свои шестнадцать лет жила без твоей заботы и опеки, потому что ты в это время спал с другими бабами! А теперь в тебе проснулась необъяснимая отцовская любовь. Да пошел ты с этой любовью!!! Ты заставил страдать меня и

маму. Из-за тебя она чуть не умерла, слышишь, из-за тебя, мерзавец!!! – кричу во всю глотку я.

– Закрой свой рот!

– Нет! Теперь я тебе все выскажу! Я тебя ненавижу!!! Я ненавидела тебя всю свою жизнь, будь ты проклят!

– Замолчи!!!

– Жизни меня решил учить?! А чего ты сам добился в этой жизни, а? Ублюдок!!!

Папа размахивается и со всей силы ударяет меня по лицу.

– Дэвид!!! – кричит Нэнси

Я отлетаю от его удара и ударяюсь головой об угол журнального столика. На минуту мое сознание отключается, но потом я снова прихожу в себя. В глазах сначала темно, потом все расплывается. В ушах шум. Я нахожу в себе силы, чтобы подняться. Нашупываю на своем лбу ссадину, из нее струится кровь. Я смотрю на отца. Теперь на его лице уже не гнев, а что-то другое, такого я еще никогда у него не наблюдала – сожаление.

– Прости, – говорит тихо он.

Я отхожу от шока. Делаю шаги вперед. Я ни минуты больше не хочу оставаться в этом доме.

Отец хватается меня за руку и падает на колени, смотря мне в глаза.

– Прости меня!!! – кричит он.

Я тоже смотрю в его глаза и чувствую, как кровь медленно стекает по моему лбу.

– ...у тебя больше нет дочери. Я отталкиваю его.

Выбегаю в прихожую, голова кружится, но меня это не останавливает, я хватаю с вешалки свою толстовку, открываю дверь и начинаю бежать изо всех сил.

* * *

Я не знаю, где сейчас нахожусь. Я продолжаю идти куда глаза глядят. Рана на голове вроде бы перестала кровоточить, но появилась ужасная боль в висках. Все-таки ударилась я на славу. Жалко, что не на смерть.

Раздается рингтон моего телефона. Единственное, что мне удалось взять из дома так это его и дневник.

Бабушка звонит. Я игнорирую вызов. Но через несколько секунд рингтон снова начинает раздражать мои уши.

– Черт! – вслух произношу я. – Алло.

– Глория, детка! Дэвид сказал, что ты сбежала из дома.

– Да, сбежала.

– Родная моя, приезжай ко мне, я тебя умоляю.

– Нет. Там он найдет меня.

– Тогда скажи, где ты находишься, я прошу тебя.

– Не могу... бабушка, у меня все в порядке, не волнуйся за меня, – говорю я дрожащим голосом.

– Глория, пожалуйста...

– Пока.

Я отключаю телефон, затем бросаю его на асфальт и со всей силы разбиваю ногой. Теперь вы меня точно не найдете.

Пройдя еще несколько метров, я слышу какую-то музыку и шум толпы. Вижу вдалеке музыкантов и небольшие прожектора. Я иду на их свет.

Куча людей столпилась у трех музыкантов, они играют на гитарах и исполняют незнакомую

мне песню. Голос у солиста довольно-таки приятный.

Я пробираюсь сквозь толпу, выхожу в первый ряд и начинаю слушать песню. «Девочка моя, я помню, как мы лежали в твоём дворе, наблюдая за падающими звёздами, пробивающими ночное небо. А как насчёт обетов, которые мы делали, проводя часы в нашей постели, желая, чтобы день никогда не заканчивался? Но мы, как чеканка теней, мы никогда не были так близки к солнцу. И все эти моменты будут потеряны со временем, как слёзы в дождь [\[1\]](#).»

Эта музыка пробивает меня до дрожи, кажется, что солист смотрит только на меня, в свете этих прожекторов.

* * *

Концерт окончен. Толпа начинает расходиться по домам. Везет же кому-то. Им есть куда идти. Их кто-то ждёт. Чего не скажешь обо мне. Я не вернусь домой. Да разве можно это назвать домом? Нет.

Я сижу совсем одна в каком-то парке, где был концерт. Здесь совсем темно и начинает холодать. Я надеваю капюшон, засовываю руки в карманы. Неужели именно здесь я буду ночевать? С ума сойти.

– Привет.

Я вздрагиваю от страха и неожиданности. Рядом со мной садится тот самый солист из группы.

– Привет, – говорю я.

– Все в порядке?

– Могло быть и лучше.

Он начинает рыться в своём кармане.

– Косячку?

– Я не курю.

– Молодец.

Он поджигает джойнт и начинает его раскуривать.

– Можно? – говорю я.

Солист даёт мне косяк, я беру его в рот, вдыхаю и следующие секунды я кашляю без остановки, из меня выходит густой дым, у меня кружится голова, в горле что-то жжёт. Какая гадость.

– Нужно в затяг, – говорит он.

– Как это? – прокашлявшись, говорю я.

– Смотри, – солист берёт косяк в рот, вдыхает, вынимает косяк, делает ещё один медленный вдох и спустя секунду выдыхает дым, – попробуй, – я следую его примеру, делаю дополнительный вдох, а потом медленно выдыхаю и получаю снова легкое головокружение, но мне оно при этом уже нравится.

– Ну как?

– ...классно.

– Можешь оставить себе.

– У вас отличная музыка.

– Благодарю, сначала я не хотел эту песню вносить в альбом, но потом передумал.

– И не зря. Все были от вас без ума.

– Алекс, ты что там завис?! – кричит светлый парень из группы.

– Иду!

- Значит, ты Алекс? А я Глория.
- Красивое имя. Глория, тебе нравятся бродячие рок-музыканты?
- Если честно, нет. Но вы меня впечатлили.
- Завтра мы выступаем на Бревэрд-бич. Если хочешь, приходи.

Алекс поднимается и постепенно отдаляется от меня. Я смотрю ему вслед и делаю очередную затяжку.

* * *

Я снова здесь. Время уже где-то половина второго ночи. Господи, хоть бы он услышал мой звонок в дверь. Но ни с первой, ни со второй попытки он ее не открывает. Ну что ж, Глория, похоже, тебе действительно придется ночевать на улице.

Внезапно дверь открывается.

- Глория?
- снова привет, – говорю я Чеду.
- Что ты здесь делаешь, сейчас же так поздно?
- Может быть, ты меня сначалапустишьдомой?
- Конечно, проходи.

Я захожу в дом Чед. Я вся околела за это время на улице, меня не по-детски трясет.

- Что с твоей головой?
- Да ничего страшного. Упала.
- А если по правде? На тебя что, напали?
- Нет... это мой отец.
- ...господи, у меня где-то была аптечка, сейчас поищу.
- Чед, я сбежала из дома. Мне больше не к кому, кроме тебя, пойти.

– О чем разговор? Мой дом – твой дом. Душ находится вон там, пока ты будешь мыться, я найду тебе чистую одежду и аптечку, и еще, ты голодна?

- Э-э, чуть-чуть.
- Отлично, я заказал курицу по-пекински, и, кажется, у меня в холодильнике есть содовая, – Чед пошел к кухне, я стою с растерянным видом. – Ты долго будешь у двери стоять? – спрашивает Чед.

Я улыбаюсь, хотя глаза уже на мокром месте. Я так люблю его, никто еще обо мне так не заботился. Да что там уж говорить, никто и никогда меня еще так не любил.

Господи, неужели я действительно в этом призналась себе? Я люблю его? Я люблю его.

Лучи солнца пробиваются сквозь темные занавески и прожигают мои закрытые веки. Я провожу рукой по его половине кровати и обнаруживаю, что в постели лежу только я. Наконец, я открываю глаза и начинаю наслаждаться такой спокойной обстановкой. Если бы вы знали, как же это непривычно, просыпаться не под папин крик, не слышать семейных разборок.

Я чувствую приятный запах чего-то жареного. Он исходит из кухни. Я поднимаюсь. На мне огромная голубая рубашка Чед, я в ней просто тону, но мне все равно приятно находится в его вещах.

Я дохожу до двери кухни. Чед стоит у плиты, я вижу его голый торс. Я опираюсь о косяк двери и продолжаю любоваться им. Он прекрасен. Его руки умело орудуют ножом на разделочной доске. Никогда не думала, что парни умеют нормально готовить. В принципе, такое мнение у меня возникло из-за отца, у которого мясо получается со вкусом пережаренного ботинка.

Я подхожу ближе к Чеду, обнимаю его со спины и кладу свою голову ему на плечо. Он даже не вздрагивает, будто чувствовал, что я уже пять минут на него таращилась.

– А я хотел сделать тебе сюрприз.

– Так вкусно пахнет, я не могла удержаться.

Чед поворачивается ко мне, неловко дотрагивается руками до моего лица. Смотрит на рану.

– ЕЩЕ болит?

– Когда ты рядом, у меня ничего не болит.

– Какие нежности, – смеется он, затем его руки погружаются в мои голубые волосы и наши губы смыкаются в поцелуе. Я, сама того не замечая, начинаю идти спиной вперед, наконец, останавливаюсь около стола, сажусь на него. Чед обхватывает мою талию, при этом не переставая меня целовать.

– Пойду приму душ, – говорю я.

– Возьмешь меня за компанию?

Следующие полчаса мы проводим вдвоем в одной кабинке для душа. Никогда не чувствовала себя более раскрепощенной. Крепкое желание охватывает нас обоих, мы не в силах этому противостоять.

* * *

– Никогда не думал, что буду завтракать с девушкой моей мечты.

Мы сидим за кухонным столом. Только я и он. Больше никого. Словно мы одни в своем собственном мирке, в который больше никто не сможет проникнуть, кроме нас.

– Чед, я должна тебе кое-что сказать.

– Что такое? Тосты пережаренные или бифштекс слишком соленый?

– Нет, бифштекс замечательный. Я хочу сказать, что... я никогда еще не чувствовала себя такой счастливой. Мне с тобой хорошо.

– Лучше, чем с Мэттом?

– Давай ты перестанешь о нем вспоминать? Это все в прошлом.

– Глория, я хочу, чтобы, целуя меня, ты не думала о нем.

– ...целуя тебя, я думаю только о том, чтобы это никогда не заканчивалось, чтобы ты всегда был рядом. Несмотря ни на что.

– Я люблю тебя, – Чед снова целует меня, – мне пора в школу.

Он встает из-за стола, поправляет свой костюм. Даже не верится, что теперь мне не нужно ходить в школу. Чувствую себя какой-то обделенной.

– А что мне теперь делать?

– Все, что захочешь. Раз уж тебе все равно нечем теперь заняться, этот дом полностью в твоём распоряжении. Только пообещай мне, что ты не спалишь его и не устроишь наводнение.

– Обещаю.

Я подхожу к нему ближе.

– Слушай, может, ты пойдешь со мной в школу, попросишь прощения у Кинтли, и она тебя снова примет, а?

– Нет. Ни за что.

– Но ведь ты же не можешь вечно сидеть дома и ничего не делать. Образование – это святое.

– Я обязательно что-нибудь придумаю, Чед, – я целую его, – иди, а то опоздаешь.

* * *

По телевизору нет ни одной нормальной передачи. Перескакивая с канала на канал, я уже чувствую, как мои веки медленно смыкаются.

– Господи, как же скучно, – вслух произношу я. Выключаю телевизор. Начинаю исследовать дом Чеды. Он оказывается не очень большой, если, конечно, сравнивать с хорами Тезер.

В одной из комнат я нахожу небольшую библиотеку. Здесь куча книг, при этом в воздухе царит такой приятный запах книжного переплета. На полках огромное количество книг с пожелтевшими страницами, а есть совсем новые, при раскрытии которых слышен треск переплета. Среди таких я нахожу то, что совсем не надеялась увидеть.

– «Библия секса»? Теперь понятно, почему ты в этом такой знаток, – с насмешкой говорю я.

Кладу книгу обратно, и мое внимание сразу привлекает другая книга с яркой обложкой – это кулинарная книга. На одном развороте страниц я нахожу заголовок «Порадуйте вашего любимого вкуснятиной». Точно! Вот чем я займусь сегодня, приготовлю Чеду кое-что приятное. Должна же я все-таки отблагодарить его за то, что он впустил меня к себе домой и так заботится.

Я составляю список нужных мне продуктов.

* * *

Для дальнейшего независимого существования мне нужны деньги. Сначала эта мысль завела меня в тупик. Где мне взять деньги? Вернутся к отцу я не могу и не хочу. А жить за счет Чеды очень неловко и даже стыдно. Но мне на ум пришла одна идея. Если сейчас все пойдет по моему плану, то куча денег у меня уже в кармане.

Я захожу в банк. Здесь совсем мало народу, я иду к свободной кассе. За ней сидит юный паренек, наверное, стажер. Ну, с ним мне будет гораздо легче воплотить в реальность мою идею.

– Здравствуйте, – говорю я.

– Добрый день, чем я могу вам помочь?

– Видите ли, у меня случилась одна неприятность. Украли мою сумочку, а в ней находилась моя кредитка. Что мне теперь делать?

– Не волнуйтесь, я смогу вам помочь. У вас есть документ, подтверждающий вашу

личность?

– Понимаете, он тоже был в сумочке. Я уже обратилась по этому поводу в полицию, но когда они найдут грабителя – неизвестно.

– Ну, что ж, думаю в течение недели, мы сможем восстановить вашу карту.

– Недели? Мне нужна карточка именно сейчас. Это очень важно. Прошу вас, я знаю, что есть какие-то исключения и вы можете мгновенно восстанавливать кредитки в частных случаях.

– Извините, но это невозможно.

– Вы наверное не знаете, кто мой отец и на что он способен? А я вам объясню. Мой отец – Ричард Виккери, он владелец нескольких крупных компаний в Бревэрде, и если вы дорожите своим рабочим местом, то советую вам все же помочь мне именно сейчас в этой непростой ситуации.

Паренек онемел от услышанного.

– ...хорошо. Думаю, можно воспользоваться частным случаем. Но это будет стоить вам круглой суммы.

– Я согласна.

– Как ваше имя?

– Тезер Виккери.

Я прекрасно помню, как нас с Тез ограбили в Париже. Она и забыла про эту кредитку, хотя на ней куча денег. Чтобы добро не пропадало, я решаю воспользоваться случаем и заполнить кредитку Тез, представившись ее именем.

– Назовите, пожалуйста, последние три цифры кода вашей карты.

– Пять, девять, четыре.

– Все верно. Заполните этот бланк и вам следует подождать несколько часов, пока я буду восстанавливать вашу кредитную карту.

– Хорошо.

Я знаю о Тезер все. Ее серию паспорта, ее коды многочисленных кредиток, поэтому мне не стоило труда заполнить бланк, где нужно указывать сведения паспорта и других документов личности. Спустя три с половиной часа пребывания в банке, я наконец получаю кредитку Тезер. На ней оказалось —13000 долларов. У меня чуть челюсть не выпала, когда я узнала, сколько у меня теперь денег. Да здравствует новая жизнь!

* * *

Я накупила кучу продуктов и уже успела приготовить еду. Буженину в грибном соусе, канапе, несколько десертов и еще кучу вкусностей.

Для более романтической обстановки не хватает свечей – а я как раз-таки забыла их купить. После нашего свидания у Чеда должно было остаться несколько свечей.

Я начинаю смотреть по шкафам, захожу в кладовую, здесь куча забытых богом вещей, но среди них я все же нахожу небольшую упаковку свечек. На радостях, я на секунду теряю координацию и толкаю позади себя какие-то ящики, накрытые темной тканью. Раздается очень неприятный звук. Я даже вскрикиваю от неожиданности. Впопыхах начинаю собирать то, что упало на пол и... в одном из ящиков я обнаруживаю то, что меня потрясло мгновенно. КОНВЕРТ. Именно такой же конверт, в которых мне приходили письма. Он отличается от других обычных конвертов тем, что у него в уголке имеется белая, сливающаяся с фоном, выпуклая буква «L». От удивления я протираю глаза и обнаруживаю, что в этом ящике бесчисленное количество таких же конвертов. Я в шоке. Меня начинает трясти. Господи, неужели это он?! Нет,

не может быть. Он не мог так со мной поступить. Я испытывала столько страха, когда обнаруживала у себя такие письма. Мне и сейчас становится страшно. Глазам своим не могу поверить.

* * *

Я слышу, как открывается дверь. Мне хочется прямо сейчас вцепиться в его грудную клетку и расспросить его про эти конверты. Узнать, за что он так со мной.

– Глория, я пришел, – я сижу за столом на кухне, смотрю в одну точку, стараюсь вообще не думать о происходящем, но у меня это плохо получается, – ух ты! Когда ты успела все это на готовить? Обалдеть, – я молчу – эй, что случилось?

Я медленно поднимаю на него свои глаза.

– Присядь, пожалуйста, – Чед садится рядом со мной, мои руки опущены, в одной из них я держу тот самый конверт, – я хочу тебе кое-что рассказать.

– Я весь внимание.

– Вот уже почти месяц кто-то подбрасывает мне странные письма. Я их находила каждый день в школьном шкафчике. Раньше меня пугали эти письма, но потом я привыкла. Я никогда не понимала смысл этих писем, и мне всегда было интересно узнать, кто же мне их пишет.

– Какой ужас. Кто-то пытается тебя шантажировать?

– Да. Кто-то...

– Но ведь теперь тебе нечего бояться? Ты уже не ходишь в нашу школу, а значит, больше не будешь получать эти дурацкие письма.

Я смотрю на него презрительным взглядом и на моем лице так и написано: «Ну, признайся же, трус!»

– Да что с тобой такое? – спрашивает он.

Я не выдерживаю и поднимаю вверх конверт.

– Я хочу знать, что с тобой такое. Это ты писал мне те письма?

– С чего ты взяла?

– Каждое письмо было именно в таком конверте. Таких и во всем городе не сыщешь, а у тебя их сотни!

– Это просто конверт, Глория! Я не писал тебе никакие письма, я бы не стал тебя так запугивать.

Я выдыхаю.

– Прости... я просто начинаю сходить с ума. Этот человек будто чувствует меня. Он знает обо мне все, каждое мое движение.

– Послушай, давай забудем об этом? Ты приготовила прекрасный обед, я не хочу это портить.

Мы начинаем потихоньку уплетать еду. Тишину прерывает внезапный звук телефона. Чед уходит в прихожую. Я слышу его разговор с кем-то:

– Алло... нет, это его сын, что ему передать?.. подождите, я запишу... хорошо... до свидания, – Чед снова заходит на кухню. – Папе звонили, очень неприятный тип.

– Кстати, где сейчас твои родители?

– Я бы тоже хотел знать, где они. Мои родители – исследователи. Они путешествуют по всему земному шару и собирают материал о природе. В общем, у меня сумасшедшая семья.

Мы смеемся.

– Ну, как тебе моя еда?

– Превосходная, я и не знал, что ты такая хозяйюшка.

– Ты пока ешь, а я пойду подышу свежим воздухом, голова что-то кружится.

Я направляюсь в прихожую, хочу открыть входную дверь, но меня внезапно останавливает маленькая записка, которую только что написал Чед. Она лежит на столике около шкафа с верхней одеждой. Я беру в руки эту записку и мои руки снова начинают зверски дрожать. Почерк очень похож на тот, который был в тех письмах. Боже, да это точно такой же почерк!

– О господи, – шепотом произношу я. ЭТО ВСЕ-ТАКИ ОН.

В дверь раздается звонок, я подхожу к глазку и вижу, что по ту сторону двери ПОЛИЦИЯ. Мне становится вдвойне страшно.

Я забегаю на кухню.

– Черт! – говорю я.

– Что такое?

– Там полиция!

– Так, успокойся, иди лучше спрячься, я все улажу.

Меня охватывает чувство паники, я поднимаюсь вверх, забегаю в какую-то комнату и слышу, как Чед открывает дверь.

– Добрый день, вы Чед Маккупер?

– Да, это я. А что случилось?

– Пропала ваша бывшая одноклассница Глория Макфин, ее отец очень беспокоится и обратился к нам за помощью. Вы знаете что-нибудь о ее местонахождении?

– Я? Да вы что! Это же сама Глория Макфин. Мы с ней ни разу не общались. У нас разные круги общества.

– Очень жаль. Но все же, если вы что-то узнаете о ней, сообщите нам.

– Разумеется.

– Всего доброго. Чед закрывает дверь.

Я медленно спускаюсь вниз и настороженно смотрю на Чеда.

– Ну все, перестань бояться, они уже ушли, и твой отец никогда не найдет тебя здесь, – Чед подходит ко мне, но я отталкиваю его. – Глория, ты чего?

– Это ты... это ты писал мне те письма.

Чед опускает глаза вниз, затем поворачивается и тихо произносит:

– ...да.

Боль накатывает на меня с новой силой.

– Господи, зачем, зачем ты это делал?!

– Слушай, ну что здесь такого? Это просто куски бумаги.

– Если бы это были просто куски бумаги, ты бы мне не врал!!!

– Глория, успокойся.

– Я не желаю успокаиваться до тех пор, пока не узнаю правду! Зачем ты писал мне эти письма?!

– Я просто помешан на тебе. Слишком одержим. Все это время я следил за тобой. За каждым твоим шагом. Видел, как ты плакала, как ты улыбалась. Тайком ходил на все ваши вечеринки, особенно мне запомнилась та, на которой Мэтт подрался с Ником и на которой твоя бывшая лучшая подруга переспала с твоим сельским дружкой. Я видел, сколько раз ты сбегала из дома к Тезер или к бабушке. Следил за вами, когда вы ходили в паб или еще куда-нибудь. Я даже знаю, что произошло на том балу в беседке. Помню, как ты плакала, когда от тебя ушел Мэтт. Я все это видел. Видел, как ты покупала бутылку виски, чтобы затмить боль о потере подруги и парня своей мечты. Я все о тебе знаю, Глория. ВСЕ, даже больше, чем ты можешь себе представить.

Мое сердце колотится, как бешеное. Я просто поверить не могу в это.

– ...ты больной. Тебе лечится нужно!

– Глория, я...

Чед пытается сделать шаг ко мне, но я снова отстраняюсь от него.

– Не подходи ко мне! Я боюсь тебя.

– А не ты ли мне говорила, как тебе хорошо со мной?

– До тех пор, пока я не узнала, что ты гребанный псих. Я обхожу его, забираю свои вещи и выхожу на улицу.

– Куда ты?! – кричит Чед. Я иду вперед и слышу, как он идет за мной. – Стой! – я ускоряю шаг, но он подбегает ко мне и хватает меня за руки. – Почему ты всегда пытаешься сбежать от проблем?!

– Отпусти меня!

– Я же люблю тебя, и ты меня тоже, я это чувствую.

– Я сейчас ничего к тебе не испытываю, кроме страха и отвращения! Отвали от меня! – я отталкиваю его и бегу прочь.

* * *

Звоню в дверь, как же я хочу, чтобы меня не проигнорировали. Я ни к кому больше не могу пойти, кроме нее. Дверь открывается.

– Здравствуйте, миссис Донелл. Ребекка дома?

– Нет, она ушла. Ей что-нибудь передать? Боже, ну где она, когда она мне так нужна?

– ...нет, не нужно. До свидания.

– Мам, кто там пришел? – слышу я голос Ребекки. Обалдеть, ее мамаша решила меня тупо отшить. Это во мне вызывает новый прилив гнева.

– Неважно! – кричит она.

– Беккс, это я! – ору изо всех я сил.

Мать Ребекки злостно окатывает меня взглядом, а я ей улыбаюсь в ответ.

– Глория! – Беккс выбегает ко мне и обнимает, – я скучала по тебе весь день.

– Ребекка, зайди домой, быстро!

– Мам, ты чего? Она моя подруга, я что, не имею права с ней пообщаться?

– С такой «подругой» не имеешь. Иди домой!

– Не указывай мне, что делать! Я уже не маленькая.

– Так, ты что, меня не слышишь?!

– Прекрасно слышу! – Беккс хватает меня за руку и мы с ней ускоренным шагом отдаляемся от ее дома.

– Ребекка! – кричит миссис Донелл, – можешь больше не возвращаться! Ты поняла меня?! – затем мы слышим громких хлопок двери.

Мы останавливаемся.

– Как же она меня бесит, – говорит Беккс.

– А я и не думала, что ты на такое способна. Мне нравится.

– Чувствую, скандал будет слышен на всю округу.

– Ты все правильно сделала.

– Ну, куда теперь пойдём?

– Пока не скажу. Но я уверена, тебе там понравится.

Мы на Бревэрд-бич. Сюда я пришла, чтобы хоть как-то забыть про то, что произошло между мной и Чедом.

– Обалдеть, сколько народу! – говорит Беккс.

– Пойдем поближе. Это очень классная группа, они исполняют клевые песни.

Мы расталкиваем толпу, пробираемся в первые ряды. В конечном счете мы оказываемся прямо около сцены. Я крепко держу за руку Беккс и вижу, как она в восторге от того, что здесь происходит.

– А сейчас мы исполним для вас нашу новую песню.

Все присутствующие начинают громко визжать, чувствую, что сейчас оглохну.

«Ты делаешь меня счастливым,
Ты делаешь меня намного лучше,
Ты заставляешь меня быть определеннее,
Хотя все, что у меня есть сейчас, —
это только твоя фотография^[2].»

Концерт длится еще полтора часа. Все это время я только наслаждаюсь музыкой и стараюсь не думать ни о чем.

– Я никогда не была на таких концертах, оказывается, это так здорово! – говорит Беккс.

– Я же тебе говорила.

Когда все начинают уходить с пляжа, мы также следуем за ними. Вот только остается один вопрос: куда мне теперь идти? Точно не домой, не к бабушке, Чеда я тоже не хочу видеть, ни минуты не желаю проводить с этим психом. К Беккс по-любому мне нельзя. Следовательно, сегодня я ночую на улице. Ну что ж, отлично. Нечего сказать.

– Глория! – слышим мы за спиной мужской голос. Оборачиваемся – это Алекс.

– Откуда он знает твое имя? – в недоумении спрашивает Беккс.

– Долго объяснять.

Алекс подходит к нам ближе.

– Привет, рад, что ты пришла, и не одна.

– Привет, Алекс. Классный концерт. Нам очень понравилось.

– Да, я обязательно скачаю все ваши песни к себе в плеер.

– Это моя подруга Ребекка.

– Можно просто Беккс.

– Ну что ж, Беккс, Глория, мы сейчас с парнями уезжаем отрываться в одно клевое место, не хотите с нами?

У меня сразу в голове вспыхивает мысль о том, что мне негде ночевать, и меня всюду ищет полиция.

– ...нет, нам пора домой, – говорит Ребекка.

– Я бы хотела, – отвечаю я.

– Отлично. Тогда прошу за мной.

Алекс разворачивается и начинает от нас отдаляться. Ребекка внезапно останавливает меня и смотрит, как на сумасшедшую.

– Ты что творишь?!

– Беккс, они классные! Здесь была сотня девочек, а они позвали только нас. Это круто!

– Это же музыканты! Ты что, не знаешь, что они делают с такими, как мы?

– Ну и что же они с ними делают?

– Они... занимаются с ними плохими вещами. Очень плохими!

– Ну и что, что они их трахают, может быть, я этого и хочу?!

– Глория, ты с ума сошла!

– Слушай, если не хочешь ехать – иди домой. Там тебя ждет твоя ужасная мамаша, которая до скончания веков будет держать тебя взаперти и желать, чтоб ты танцевала под ее дудку! Давай, иди! Твоя жизнь останется такой же никчемной и ты никогда не узнаешь, что такое драйв! – я продолжаю следовать за Алексом.

– Подожди! – я останавливаюсь и смотрю в глаза Ребекки —...я иду с тобой, но только ради того, чтобы с тобой ничего не случилось, ясно?!

– Я тебя обожаю! Пойдем скорее.

Мы догоняем Алекса. И в следующий миг наше с Ребеккой дыхание одновременно захватывает.

– Добро пожаловать в нашу берлогу на колесах, – говорит Алекс. Перед нами огромный автодом белого цвета. Никогда не ездила на таких.

– Ничего себе! – говорю я.

К нам подходят два парня. Это остальные участники группы. Один из них высокий мускулистый парень, с очерченными чертами лица и крашенными белыми волосами, другой чуть пониже блондина, с темными волосами, менее накачан.

– Так, а это еще кто? – говорит блондин.

– Знакомьтесь, это Глория и Беккс. Девушки, это Стив, – указывает он на блондина, – и Джей.

– А у тебя губа не дура, Алекс, – говорит Джей.

– Вам у нас понравится, малышки, – с ухмылкой говорит Стив.

Мы поднимаемся по ступенькам в автодом, внутри он оказывается еще больше, чем я себе представляла. Здесь есть и кухня, и спальня, душ, телевизор. В общем неплохо, если бы не одно но. Теперь мне становится действительно не по себе. Мы с Ребеккой сейчас поедем неизвестно куда с незнакомыми парнями. В прочем, у меня все равно нет выбора. В любом случае здесь лучше, чем ночевать на улице.

– Ну что, поехали? – спрашивает Джей.

– Конечно, – говорит Алекс.

Мы с Беккс осматриваемся. Парни смотрят на нас как зверь на добычу. Я хватаю за руку Беккс.

– Глория, мне страшно, – шепотом говорит она.

– Я с тобой. Все будет хорошо.

Я смотрю на него уже больше часа. На его закрытые веки, чуть приоткрытый рот, расслабленные плечи. Он словно младенец. Кажется таким беззащитным, что не хочется сводить с него глаз.

Наша кровать кажется крохотным островком, где только я и Чед. Я провожу рукой по его лбу, затем по скулам, по губам. Он открывает глаза и улыбается.

– Давно проснулась?

– Да.

– И все это время смотришь на меня?

– Да, – смеюсь я. Чед приподнимается, обхватывает меня, и затем мы оба растворяемся в поцелуе. – Чед, ты, конечно, сумасшедший... но я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю и обещаю, что больше не буду тебя пугать письмами.

Мы снова улыбаемся.

Чед ложится на свою сторону кровати, не переставая смотреть на меня. Я кладу свою голову ему на грудь и слышу, как быстро бьется его сердце.

– Вот бы этот день никогда не заканчивался, – говорю я.

– Глория. – Что?

– Глория!

Я поднимаю голову и с недоумением смотрю на Чеда.

– Что, Чед? Что случилось?

– Глория!! – Чед хватается меня за руки и начинает трясти, мне становится больно, я вскрикиваю.

– Чед, что ты делаешь?!

Он еще сильнее сдавливает мои кисти.

– Чед!!! – кричу я, при этом резко открывая свои глаза. Огромное окно. За ним видны то какие-то озера, то холмы, то пустыри.

– Глория, ты чего? Я еле-еле тебя разбудила, – говорит Беккс. До меня наконец-таки доходит. Мы в автодоме. С каждой секундой мы становимся все дальше и дальше от родного дома.

– Где мы? – спрашиваю я.

– Не знаю. Я боюсь к ним выходить.

– Господи, что же я наделала? – шепчу я.

Значит прекрасное утро с Чедом – это всего лишь сон? У меня мурашки бегут по коже. Меня окатывает страх неизвестности. Куда мы едем? Зачем мы едем? И что с нами вообще будет?

Мы находимся в небольшой комнате автобуса. Я открываю дверь, иду на кухню. Беккс следует за мной. Белобрысый парень по имени Стив сидит за столом, в его руках что-то похожее на гамбургер.

– Ну вы и спите, малышки, – говорит он.

– Где Алекс? – спрашиваю я.

– За рулем.

Мы идем в кабину водителя. Алекс и Джей сидят на разных сидениях, в руках у обоих по косяку, у Джея в придачу еще и гитара.

– Доброе утро, дамы, – говорит Алекс.

– Куда мы едем?

– Я же сказал, в одно клевое место.

– Мы хотим обратно, в Бревэрд.

Алекс и Джей начинают дико ржать над моими словами.

– Извините, сударыня, но Бревэрд уже за двести миль от нас, – говорит Джей.

Во мне просыпается злость. Зачем мы нужны этим отмороженным? Если они хотят нас изнасиловать, то почему сразу это не сделали вчера? Вместо этого они лишь накормили нас и выделили комнату. Даже пальцем к нам не прикоснулись.

– Останови машину, – говорю я. Он игнорирует мои слова, что вызывает во мне еще больше гнева, – останови машину!!! – я кидаюсь на руль и начинаю крутить его в разные стороны.

– Ты что делаешь, идиотка?!!!

– Глория!!! – кричит Беккс, но я даже и не думаю отцепляться от руля.

– Ты что, с катушек съехала?! – Джей хватается меня за талию и оттаскивает от Алекса.

– Останови эту чертову машину!!! – кричу я, затем снова со всей силы цепляюсь за руль, дабы заставить Алекса нажать на тормоз, но вместо этого он резко разворачивается, и в следующую секунду наш огромный автодом врезается в деревянный электрический столб. Мы все вчетвером ударяемся головой о лобовое стекло.

– Твою мать! – говорит Джей.

– Вот и остановились... – произносит Алекс. В кабину забегают взъерошенный Стив.

– Эй, что случилось? – спрашивает он.

– Скажи спасибо голубоволосой, – говорит Алекс.

Парни выходят из автобуса и начинают оценивать ущерб от аварии.

Я до сих пор не могу прийти в себя.

– Глория... мы чуть из-за тебя не погибли! – говорит Беккс.

– Прости, я просто совершила самую ужасную ошибку в своей жизни.

– ...нам нужно выбираться отсюда.

– И что ты предлагаешь?

– Ты меня спрашиваешь? Вообще-то мы из-за тебя здесь оказались, ты забыла?

– ...нет.

Мы спускаемся по ступенькам на улицу. Стив, увидев меня, резко хватается за мои плечи.

– Ты совсем больная?! – кричит он.

– Я просила его по-хорошему, но он меня не слышал!

– Ну что ж, мы повредили двигатель и нам придется немного над ним похлопотать, из-за этого мы опоздаем, – говорит Алекс.

– Куда опоздаем? – спрашиваю я.

– Джей, иди за инструментами. Стив, поможешь мне, – продолжает Алекс.

– Эй, вы меня слышите?! – кричу я.

Но каждый расходится по своим делам. Парни начинают чинить автобус, Ребекка стоит в стороне с отчужденным видом.

– Беккс...

– Отстань.

– Беккс, я не думала, что так получится. Я всего лишь хотела поехать в какой-нибудь клуб и все, – я подхожу к ней ближе, – я даже представить себе не могла, что мы в такое вляпаемся.

– Что нам теперь делать? Они увезут нас черт знает куда... а что если они вообще нас в бордель продадут? – говорит Ребекка со слезами на глазах.

– Не плачь. Не подавай виду. Кажется, у меня есть идея.

– Что за идея?

Я хватаю ее за руку и мы тихими шагами идем прямо.

– Мы куда?

– Тише...

С каждым новым шагом мы начинаем потихоньку отдаляться от автодома. Я прибавляю шаг, оборачиваюсь назад, вроде отошли прилично.

– Беккс, бежим, – говорю я.

Я не знаю, сколько минут прошло, но мы, не останавливаясь, продолжаем убегать от музыкантов. Я не чувствую усталости, во мне лишь бушует небывалая энергия. Я бегу неизвестно куда, лишь бы поскорее найти какую-нибудь машину и уехать подальше из этого места.

– Стой! Я больше не могу, – задыхаясь вопит Беккс.

– Давай! Еще немного.

– Нет... – она падает на раскаленный асфальт, продолжая тяжело дышать.

Я подхожу к ней.

– Ладно, давай отдохнем.

Я сажусь рядом с ней. Тишина смешивается с нашим дыханием, я осматриваюсь вокруг – ни единой души, ни звука машин. Совсем мертвое место.

Я слышу, как Беккс снова начинает плакать.

– Представляю, что сейчас чувствует мама, – говорит она.

– Беккс, успокойся.

– Я не могу успокоиться! Мы находимся неизвестно где и неизвестно что с нами еще будет!

– ...Беккс, я сбежала из дома. Меня ищет полиция. Я хотела скрыться где-нибудь и поэтому поехала с этими музыкантами.

Ребекка долго молчит, но затем произносит:

– Знаешь, мы с тобой знакомы всего несколько дней, но я уже поняла, кто ты есть на самом деле.

– И кто же я?

– Ты эгоистка. Тебя не волнует мнение других людей и ты хочешь, чтобы все поступали по-твоему. Наверное поэтому вы и дружили с Тезер, ведь вы этим так похожи.

– Мы с ней не похожи.

– А вот и нет... да, тебе плохо, да, у тебя сейчас проблемы, но неужели ты не задумываешься, что кому-то может быть намного хуже, чем тебе? Ты никогда не теряла близкого человека, ты не знаешь, что такое настоящая боль. А я знаю. Я видела, как закапывали в землю моего отца и брата, и я видела, как моя мать чуть не прыгнула за ними в могилу. У всех в этом мире есть проблемы, Глория, и никогда не нужно заикливаться на себе.

Я просто онемела после того, что услышала. Я смотрю на Беккс и наконец произношу жалкие слова.

– Ты права...

Затем я снова замолкаю. Беккс тоже молчит.

Я действительно эгоистка. Я такая же, как и Тезер. Поэтому Мэтт и бросил меня, ведь он думал, что я другая, а я абсолютная копия Тезер. Мне просто противно находиться в своем теле.

Когда ты наконец понимаешь, насколько твоя жизнь дерьмо и насколько ты сам являешься дерьмом, тебе остается лишь побороть себя и решиться на самоубийство. Это и есть мой случай.

Наше молчание прерывает шум автомобиля.

– Слышишь? – говорю я.

– Это машина! Мы спасены!

Мы встаем и начинаем оглядываться по сторонам, затем мое сердце мгновенно уходит в пятки, потому что в следующую секунду мы видим, как к нам приближается тот самый автодом.

Мы стоим с Беккс, хотим вновь убежать, но прекрасно понимаем, что бежать уже некуда.

Автобус останавливается. Из него выходит Алекс.

- Ну как, прогулялись?
- Мы хотим домой, – говорю я.
- А мы – нет.
- Хорошо... тогда вы езжайте, а мы останемся здесь и будем ждать попутку.

– Ждите, вот только позвольте вас осведомить, дамы, но этого шоссе даже на карте нет. Его давно закрыли, но такие же отшельники, как и мы, проезжают здесь раз в два года. До ближайшего населенного пункта триста миль. Если хотите, идите пешком, это полезно.

Алекс снова залезает в автодом. Беккс стоит несколько минут около меня, но затем следует за Алексом.

- Беккс...
- У нас все равно нет другого выхода.

Дорогой дневник!

Я не знаю, где я, и не знаю, как отсюда выбраться. Кто эти трое? Стив, Алекс и Джей. На насильников они не похожи, но тем не менее держат нас здесь, не объясняя, почему. Я такая дура, что согласилась ехать с ними. Я еще втянула во все это Беккс. Она меня ненавидит, я это чувствую.

А еще я постоянно думаю о Чеде. О его письмах. Я о моем бзике. Если бы я спокойно его выслушала и не убежала, все бы было хорошо.

Единственное, что меня радует, так это то, что я не вижу и не слышу отца. Мне смешно от того, что он заявил в полицию обо мне. Делает вид, что волнуется. ХА-ХА.

Остается нерешенным вопрос – что нам делать с Беккс? Я из-за этой неопределенности мне становится вдвойне страшно.

Осталось 20 дней.

* * *

Прошло несколько часов. Скоро начнет темнеть, а населенным пунктом здесь даже и не пахнет. Автобус внезапно останавливается. Беккс сидит на кровати и даже не смотрит в мою сторону. Все это время мы лишь смотрели в окно и молчали.

- Беккс, ты так и будешь со мной не разговаривать?
- Я не знаю, о чем говорить. Я уже ничего не знаю.
- Слушай, у меня есть план.
- Если мне не изменяет память, один из твоих планов успешно обломился.

– На этот раз все пойдет как надо. Когда мы приедем в то самое место, мы сбежим. Найдем полицию. Мое имя уже в розыске есть, а твоя мать наверняка уже тебя ищет. Нас отвезут домой, Беккс.

На лице Ребекки медленно появляется улыбка. Мне становится легче.

Дверь открывается, заходит Алекс.

– Дамы, прошу к столу, – говорит он.

Мы заходим на кухню. В центре небольшого стола стоит тарелка с курицей гриль. Джей и Стив уже сидят на местах. Мы присоединяемся к ним. Парни начинают уплетать еду, а мы с Ребеккой даже пальцем к ней не притрагиваемся. Внутри нас обеих царит непонятное чувство. То ли нам страшно, то ли нам просто противно здесь находиться.

– Вы не любите курицу? – спрашивает Алекс. Все уставились на нас. Я решаюсь отломить небольшой кусочек от жирной курицы, Беккс следует за мной. – Ну что ж, думаю, сейчас самое

время рассказать вам о себе. Кто первый?

Мы с Ребеккой переглянулись.

– Мы расскажем о себе только после вас, – говорю я.

– Мы всего лишь музыканты.

– Зачем мы вам нужны? – спрашивает Беккс.

– Я отвечу на этот вопрос только после того, как вы ответите на мой.

Я дожевываю кусок курицы.

– Я Глория. Я сбежала из дома, потому что мой отец врезал мне так, что у меня чуть не вылетели мозги. А еще меня исклю чили из школы за то, что я развесила по всему холлу фотки голой матери моей бывшей лучшей подруги. Пока что все.

Парни меняют свое выражение лица и устремляются на Беккс.

– Я Ребекка, я недавно переехала в Бревэрд и познакомилась с Глорией. Я ненавижу свою мать и люблю отца, но он, к сожалению, гниет под толщей земли. У меня все.

– Теперь моя очередь. Я взял вас с собой, потому что почувствовал, что вы такие же, как и мы, – отшельники, изгои, желающие как можно дальше удрать от своих проблем. Можно считать, что я исполнил вашу мечту.

Наступает минутное молчание. Стив и Джей продолжают на нас пристально смотреть. Видимо, они не ожидали узнать, кто мы такие на самом деле и что из себя представляем.

– Джей, у нас еще осталось? – спрашивает Алекс.

– Сейчас посмотрю.

Джей поднимается с места, минуту роется в какой-то сумке и возвращается обратно к столу. В его руках маленький пакетик с желтоватым порошком, он передает его Алексу.

– Дамы, будете?

– Что это? – спрашиваю я.

– Это speed, обычный амфетамин.

Алекс насыпает на стол маленькую порцию порошка и отдает его Джею. Тот делает так же. Затем Стив, после того как отсыпал себе порошка, передает его Беккс.

– Нет, – говорит она.

– Да ладно тебе, – насмехается Стив.

– Я ни за что не буду употреблять наркотики! – Беккс встает из-за стола.

Стив отдает пакетик мне в руки. Я рассматриваю его. Маленькие желтые кристаллики переливаются на солнце. Это меня завораживает. Я собираюсь умереть через двадцать дней и за всю свою жизнь ни разу не была под кайфом. Нужно это исправить.

– Глория, не смей, – говорит Беккс.

– А что будет, если попробовать в первый раз?

– Необычное ощущение, может возникнуть рвота, но поверь, оно того стоит, – отвечает Алекс.

Я делаю себе дорожку и у меня мурашки побежали от мысли, что все это мне придется вдохнуть в себя.

– Глория! – кричит Ребекка.

– Беккс, я просто хочу попробовать.

Алекс, Стив и Джей по очереди вдыхают порошок.

Затем я наклоняюсь к столу, зажимаю одну ноздрю, а другой резко вдыхаю. В носу начало противно пощипывать. Такое непонятное ощущение, будто я только что песок вдохнула.

– И когда я что-нибудь почувствую?

– Совсем скоро, – с улыбкой говорит Алекс.

Время девять вечера. Мы находимся в каком-то непонятном месте. Здесь довольно темно, два фонаря, освещающие небольшое здание, из которого слышны сильные биты.

У меня кружится голова, но не смотря на это я ощущаю невероятный прилив энергии. Я вижу странные огни, и чем они ярче, тем сильнее мне хочется смеяться.

– И что это за место? – спрашивает Беккс.

– Здесь мы должны кое с кем встретиться. Ну а вы пока можете веселиться, кстати, здесь очень хорошее пиво, советую попробовать, – говорит Алекс.

Беккс хватается за руку.

– Глория, надеюсь, ты не забыла про наш план?

– Какой еще план?

– Ты что совсем? Мы собирались сбежать, – шепотом говорит Ребекка.

– Конечно, я все помню! Только Беккс, давай попозже, я хочу танцевать.

– Эй вы идете? – слышим мы голос издалека.

– Идем, идем, – говорю я.

Я подбегаю к Джею, хватаю его за руку, и мы вместе с ним заходим внутрь клуба.

Нас оглушает громкая музыка. Мои ноги начинают сразу подпрыгивать в такт. Во мне кипит энергия, мне хочется ее выплеснуть.

– Это и есть ваше клевое место?

– Оно самое. Вам здесь понравится.

Мы подходим к барной стойке. Джей достает из кармана пакетик с маленькими таблеточками.

– Что это?

– Экстази.

– Я много слышала про них. Дай мне попробовать.

– Нет. Ты уже получила свою дозу. Для новичка этого достаточно.

– Но я хочу, хочу! Пожалуйста, Джей.

– Ладно, держи.

Джей дает мне в руки таблетку розового цвета, и мы с ним одновременно заглатываем экстази.

Я постепенно забываю кто я, где я, что вообще происходит. Единственное, что хочу – танцевать под эту нереально громкую музыку в клубе. Я смеюсь сама с собой, параллельно вливая в свой рот коктейли, при этом не переставая танцевать.

Мне хорошо, мне действительно хорошо. Я закрываю глаза, не обращаю внимания на сотню скопившихся здесь людей. Я хочу раствориться в воздухе. Здесь и сейчас. Мое тело, словно на волнах, начинает качаться. Я поднимаю руки вверх и все еще с закрытыми глазами продолжаю делать произвольные движения.

Я вспоминаю, как мне когда-то было плохо, как меня ударил отец, бросил Мэтт, как Тезер порвала со мной отношения, как Ник Хьюстон чуть меня не изнасиловал, как я вскрыла вены из-за него, как я увидела свою бездыханную мать, отравленную таблетками. Я вспоминаю, как моя мать, пребывая в секте, резала себе руки на моих глазах. Я все это прокручиваю в голове и

начинаю дико смеяться над этим. Громче, и громче, и громче. Я продолжаю смеяться даже тогда, когда из моих глаз внезапно потекли слезы.

Кто-то хватается меня за руку. В глазах все расплывается, но я узнаю очертания лица Беккс.

– Глория, мы здесь уже почти два часа, пора сваливать!

– Зачем сваливать? Здесь же так хорошо... – говорю я.

– Господи, что с твоими зрачками?

– Эй, не будь занудой, иди лучше выпей пивка и отстань от меня.

* * *

Огни. Их так много. Я открываю глаза и ничего не вижу, кроме этих огней. Я начинаю кружиться, а в голове появляются обрывки из детства. Как мы с родителями гуляли по пляжу. Тогда еще все было хорошо. По крайней мере мне так казалось. Мне нравилось быть маленькой девочкой, потому что родители всегда при мне делали вид, что они счастливы, что мы самая лучшая семья на свете. И вот мы гуляем по пляжу, папа держит меня за одну руку, мама за другую, я иду босиком по горячим камням и слушаю, как мама с папой беседуют о своем рабочем дне. Это, наверное, самое лучшее воспоминание из детства. А теперь я вновь вспоминаю прежние дни своей жизни и снова начинаю громко смеяться. Смеяться и плакать одновременно.

Я протираю глаза, но все равно ничего не вижу. Только блики и непонятные лучи. Я чувствую, как кто-то толкает меня, я ударяюсь о что-то твердое, кажется, это стена. Затем в глазах все проясняется. По моим рукам что-то ползает, я поворачиваюсь и вижу, что эта стена полностью покрыта червями! Их много. Их очень много. Я кричу от омерзения, смотрю на пол, но вместо пола я снова вижу червей. Одни толстые, другие маленькие, их больше тысячи, мои ноги погрязли в них. Черви ползут по моим икрам, рукам, щекам, я начинаю их стряхивать, но их становится еще больше. Я кричу. Кричу, что есть силы. Но кажется, что меня никто не слышит. Я здесь совсем одна. И меня пожирают черви.

Я бегу, впереди я вижу лишь блики, но я продолжаю бежать в неизвестность.

В меня ударяет холодный воздух. Я осматриваюсь кругом, кажется, я на улице. Я бегу и внезапно с кем-то сталкиваюсь.

– Эй, ты чего? – спрашивает мужской голос.

Я поднимаю голову и вижу, что передо мной стоит ЧЕД!

– ...ты здесь?

– А где я еще должен быть?

– Господи, как же я рада, что ты здесь! – я обнимаю Чеду – я... я должна тебе кое-что сказать.

– Глория, не сейчас, мне нужно идти.

– Подожди, пожалуйста. Прости меня за то, что я сбежала... я тебя люблю.

– Все ясно, тебя конкретно накрыло.

– Чед, выслушай меня!

– Какой еще Чед? Я Алекс.

В моем сознании начинает все потихоньку проясняться, я протираю глаза и вижу, что на самом деле разговариваю с Алексом.

– Что?.. – говорю я, – что со мной происходит?

Алекс сосредоточенно смотрит на меня, в его взгляде присутствует некое беспокойство.

Блики. Снова блики в глазах. Я опять ничего не вижу. Чувствую, как моя спина со всего

размаху ударяется о что-то твердое. Я пытаюсь за что-то ухватиться руками и фалангами пальцев снова ощущаю что-то непонятное, слизкое. Это черви. Опять. Я открываю глаза и вижу, что я нахожусь будто в яме, где все от и до заполнено червями. Они заползают мне в рот, уши, глаза, нос. Я ощущаю их у себя на животе. Мне становится более чем омерзительно, я кричу во всю глотку.

– Помогите!!!

– Глория, – слышу я мужской голос из ниоткуда.

– Вытащите меня отсюда!!!

Несколько червей оказывается у меня во рту. С каждой секундой их становится все больше и больше. Я утопаю в них.

Я открываю глаза. Белая комната. Я бы даже назвала это просто белым пространством, без окон, дверей, потолка. Я осматриваюсь вокруг, и белый цвет начинает прожигать мои глаза.

– Глория, – слышу я женский голос. Затем среди всего белого я узнаю знакомые черты лица.

– Мама?

– С тобой все в порядке? – спрашивает она.

– ...нет, со мной что-то не то.

– Где ты взяла еще одну дозу?

– Что?..

– Где ты взяла еще одну дозу?!!! – мама со всей силы начинает бить меня по щекам, я кричу, но она меня не слышит.

– Мам, что ты делаешь?!!!

Мама продолжает бить меня по щекам, я чувствую, как из носа потекла кровь. Мои щеки уже горят от многочисленных ударов, но мама не останавливается. Слезы смешиваются с кровью, я чувствую, что больше не выдержу очередных ударов, еще немного и у меня атрофируется челюсть. Я кричу от боли. Я задыхаюсь.

* * *

Я лежу на асфальте. Еле-еле открываю глаза. Сначала все мутно, но потом все начинает проясняться. Вокруг меня стоят Алекс, Джей, Стив, Ребекка.

Я еле дышу, каждый слабый вдох сопровождается непонятной болью в мышцах. Я поворачиваю голову и вижу, как мои руки, одежда, все в моей рвоте.

– Кажется, она оклемалась. Интересно, где она умудрилась достать еще дозу? – спрашивает Алекс.

– Это я. Я дал ей экстази, – говорит Джей.

– Ты что, совсем больной?! – Алекс вцепляется в грудь Джею, тот начинает брыкаться.

– Алекс, – говорит Стив.

– Ты хоть понимаешь, что еще немного и мы бы сейчас думали, где спрятать ее труп?!!!

– Отпусти меня! Я не думал, что так получится!

– Гребанный ты идиот... – Алекс отпускает Джея, – ты будь с ней, – говорит он Беккс, – а у нас еще встреча с Королем Шейном.

Алекс и Стив уходят.

– Эй, ей нужен доктор. Она еле живая, – говорит Беккс.

– Да ничего ей уже не нужно. Все страшное позади, – говорит Джей.

– Слушай, ты! Ты чуть не убил мою подругу! Я сейчас заору на всю округу, что у вас полный трейлер наркоты!

– Во-первых, можешь орать сколько угодно, здесь нет ни госпиталя, ни полиции и ни единого трезвого человека. А во-вторых, она сама меня попросила дать ей таблетку. Это для нее послужит уроком.

Джей уходит.

– Глория, как ты?

Я нахожу в себе силы, чтобы пошевелиться. Беккс помогает мне подняться. Из меня снова начинает выходить рвота. Много рвоты. Я чувствую, как силы покидают меня с каждым мгновением. Никогда не думала, что мой организм будет так сильно восприимчив к наркотикам.

Я пытаюсь сделать шаги вперед, но в голове еще стоит какой-то гул, координация полностью нарушена.

– Ну что, это и есть твоя жизнь с драйвом? По-моему, это пол ный отстой.

Я стою. Закрываю глаза и пытаюсь заставить свой организм подчиниться мне. Но наркотики продолжают делать свое дело. Я смеюсь. Смеюсь очень громко, до хрипоты. Мой истерический смех сопровождается слезами, криком. Я смеюсь. На асфальте лужа. Я смотрю в нее и вижу свое отражение. Оно такое жалкое, ничтожное, омерзительное. Истерика набирает новую силу.

Возле нас останавливается машина. Открывается дверца, и какой-то мужик начинает на нас пялиться.

– Эй, красотки, идите к нам, – говорит он.

– Да пошел ты, козел! – Беккс.

– Ух, какие мы нервные.

В этот момент из моего рта снова потекла жидкость. Я замечаю, как лицо парня скривилось, затем дверца захлопывается и машина трогается с места.

Из клуба выходят Алекс, Стив и Джей. На их лицах царит улыбка.

– Такими темпами мы скоро себе личный самолет купим, – говорит Стив.

– Да уж, отличная нажива, – поддакивает Джей. Алекс подходит ко мне и начинает рассматривать:

– Ну, ты как?

– Кажется, что кто-то сверлит мою голову.

– Это нормально. Скоро пройдет. Могла бы вообще коньки отбросить. Ладно, поехали. Нам больше нечего здесь делать.

– А куда мы теперь едем? – спрашивает Беккс.

– Слушай, неужели ты до сих пор не поняла, что мы не будем посвящать вас в наши планы? Придется с этим смириться. Такие уж мы, – говорит Стив.

Ребекка хватает меня за руку и мы вместе с ней идем за парнями. Снова уходим. В неизвестность.

Состояние такое, будто по мне раз десять проехался грузовик. Кажется, что все мои кости переломаны, я не знаю, как иначе объяснить эту невыносимую боль. Я открываю глаза. Ребекка лежит рядом. Она так крепко спит, что мне не хочется ее будить. Автобус стоит на месте. При этом не слышно никакого шума за дверью. Я поднимаюсь. Бегу в ванную, из моего организма выходят последние остатки вчерашнего «веселья». Я принимаю ледяной душ. Смываю с себя грязь, рвоту. Моя кожа безумно липкая. Мне противно быть собой.

* * *

Я выхожу на улицу и вижу неподалеку Алекса. Он стоит, смотрит на рассвет, в его руках сигарета. Я подхожу к нему.

– Сколько времени? – спрашиваю я.

– Половина шестого утра. Обожаю просыпаться в это время.

– Где мы сейчас?

– Разве это имеет значение? – Алекс дает мне в руки сигарету, я затягиваюсь, – вчера ты нас сильно напугала.

– Я думала, что наркотики приносят только кайф.

– Так оно и есть, если их принимать в умеренных количествах. Я чувствую, как мои легкие пропитываются никотином и мне становится невероятно легко. Боль начинает постепенно исчезать.

– И кто же это такой – Чед?

– Неважно. Он из прошлой жизни.

– Наверное, это единственный человек, который делал тебя счастливой, раз уж ты так рада была его видеть в моем обличий.

Я смеюсь.

– Да, это действительно так. И он мне слишком дорог, чтобы причинять ему боль.

– Ты правильно делаешь, что пытаешься все забыть. Только так ты сможешь начать жить по-новому.

Алекс разворачивается и направляется к автобусу. Я решаю докурить сигарету, продолжая наслаждаться рассветом.

Дорогой дневник!

Я первый раз в жизни попробовала наркотик. И как говорится – первый блин комом.

Я могла бы вчера умереть. Но не умерла. Эта мысль угнетает меня. У меня был такой шанс, но Алекс спас меня. Я могла бы утонуть, прыгнув с моста, но меня спас Чед. Это закон подлости! Все будто предчувствуют, что я хочу умереть, и теперь будто оберегают меня. Мы снова едем вникуда. На этот раз мне действительно все равно, куда мы едем и зачем мы едем. Не вижу смысла бояться за свою жизнь. Я ей не очень-то и дорожу. Единственное, что приводит меня в смятение, так это Ребекка. За нее я боюсь. Допустим, мы проведем оставшиеся 19 дней моей жизни с этими музыкантами. Но что потом? Я умру, а Беккс останется с ними? Зря я ее втянула во все это. В очередной раз убеждаюсь, какая же я дура.

Прошло несколько часов. Ребекка со вчерашнего дня со мной не разговаривает. Я бы на ее месте тоже со мной не разговаривала. Я мерзкая. Я ненавижу себя, и поэтому моей единственной целью на данный момент является как можно быстрее добить себя.

Автобус останавливается. Я выхожу из комнаты.

– Что случилось? Почему мы остановились? – спрашиваю я.

– Нужно закупить кое-какие продукты. Надеюсь, в этом сарае что-нибудь найдется для нас.

Я смотрю в окно и вижу, как в нескольких метрах от автобуса находится небольшой магазинчик. Крыша железная, ржавая, половина окон заколочены досками. Ну и местечко.

– Я с тобой. Хочу прогуляться.

– Хорошо. Догоняй. Я захожу в комнату.

– Беккс, ты пойдешь с нами?

– Нет. Я не хочу.

На улице, несмотря на палящее солнце, прохладно. Дует сквозной ветер, пыль метит в лицо. В глазах неприятное ощущение. Мы заходим в магазин. Здесь отвратительно пахнет, но выбора у нас все равно нет.

– Что будем брать? – спрашиваю я.

– Ищи воду и что-нибудь аппетитное.

Мы с Алексом расходимся. Я начинаю осматриваться, беру корзину для продуктов, кладу в нее фрукты, половина из них уже сгнили, но у некоторых еще есть шанс оказаться съедобными. Беру несколько упаковок спагетти, крупу, яйца, молоко. Бутыли воды. Я встречаю Алекса у прилавка.

– Это какой-то кошмар. Здесь продукты со времен динозавров. Кто сюда вообще заезжает? – говорю я.

– Такие же, как и мы. В дороге нужно довольствоваться всем, что есть.

Продавец, мужчина лет пятидесяти азиатской внешности, долго не обращает на нас внимание, но потом, в конце концов, замечает нас и начинает пробивать продукты.

На прилавке стоит доисторическое радио, играет музыка, от которой хочется сойти с ума. Затем музыка внезапно обрывается.

«Мы прерываемся, чтобы сделать срочное объявление: пропала девушка. Возраст – шестнадцать лет. Особые приметы: волосы окрашены в ярко голубой цвет, была одета в серую толстовку и джинсы, на лбу имеется ссадина. Если вы что-либо знаете об этой девушке – просьба обратиться в полицию. Вознаграждение гарантировано». Музыка снова начала играть. А у меня внутри все свело. Продавец уставился на меня. Затем его рука плавно двинулась к телефону. Я смотрю на Алекса, он на меня. В следующее мгновение Алекс хватается за голову продавца и со всей силы ударяет ей о стол.

– Алекс!!! – кричу от страха я.

Но он не обращает внимания на мой крик и продолжает избивать продавца до тех пор, пока его лицо не превратилось в кровавое месиво. Я, в шоке от всего увиденного, поворачиваюсь к двери и вижу КАМЕРУ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ. Алекс тоже ее замечает.

– Бежим! – говорит он.

Мы хватаем продукты и выбегаем из магазина. Стив и Джей стоят на улице, увидев нас, как мы бежим, на их лице появляется паника.

– Стив, Джей, сваливаем, – говорит Алекс.

Мы залезаем в автобус. Я не могу отдышаться. Из комнаты выходит Ребекка.

– Ты убил его?

– Не думаю. Он скоро оклемается.

– А если нет?

– Глория, он позвонил бы в полицию, и ты снова бы оказалась со своим отцом. Ты хочешь этого?

Я молчу. Алекс и ребята уходят в кабину водителя.

– Ты в порядке? – спрашивает Беккс.

– Да, кажется, да.

– Пойдем, мне нужно тебе кое-что показать. Мы заходим в комнату.

– Когда вы ушли, я включила телевизор, а там шли новости. Я засняла это на видео.

Ребекка дает мне телефон с включенной видеозаписью.

«Сегодня утром было обнаружено тело известного криминального авторитета Альберта Шейна, или, как его называют в бандитском обществе. Короля Шейна».

У меня холодок по спине пробежал.

– Король Шейн, это же с ним вчера встречались Алекс, Стив и Джей.

– Значит, это была не просто встреча.

– Ты думаешь, это они его убили?

– А кто же еще? Они ехали столько миль не ради того, чтобы просто потанцевать в клубе.

Да и к тому же, я кое-что нашла.

Мы заходим на кухню, пока нас никто не видит.

– Я искала что-нибудь съедобное, а в результате... – Беккс открывает шкаф, а внутри него куча пистолетов разного калибра, массы и размера.

– Обалдеть... – говорю я.

– Теперь ты наконец поняла, что это не просто музыканты?

– И что мы будем делать?

– Бежать! У нас бы вчера все получилось, если бы не ты.

– Да. Теперь нам точно здесь оставаться нельзя.

– Иначе это путешествие хорошим не закончится.

* * *

Стемнело. Беккс продумывает план нашего побега, а в моей голове снова всплывают обрывки из так называемой прошлой жизни. Я вспоминаю Ника, как он похитил меня и Мэтта, и как вся эта ситуация нас с Мэттом сблизила. Я вспоминаю тот день, когда мы впервые с ним поцеловались или когда Тезер меня прилюдно избил, в тот же день я лишилась девственности с Чедом Маккупером. Так не хочется возвращаться обратно в Бревэрд, хотя одна моя половина меня туда тянет из-за Чеда, а другая сопротивляется, потому что прекрасно знает, что начнутся снова семейные скандалы с отцом и Нэнси, я снова увижу свою мать, напичканную транквилизаторами. Все снова войдет в привычное русло и мои жалкие девятнадцать дней жизни пройдут скучно и обыденно.

Мы прибываем в нужное место. Какой-то небольшой городишко. Несколько домов, пара машин, магазин, аптека. Радует то, что трасса оживленная. Мы впятером выходим из автобуса.

Ребекка смотрит на меня и улыбается.

– Ой, черт, я сумочку забыла, вы идите, а мы вас потом дого ним, – говорит она.

– Встречаемся в клубе, – говорит Алекс. Парни постепенно отдаляются от нас.

– Ну что, ты готова?

– ... я не могу.

– Что? Что значит «не могу»? – спрашивает Беккс.

– Возможно, Алекс прав, и мне действительно нужно начать новую жизнь.

– Глория, ты чего? Ты что, забыла, что они убийцы?!

– Нет... но уж лучше быть с ними, чем с моим отцом.

– А как же я?

– Беккс, ты должна бежать без меня. Я их отвлеку, а ты лови какую-нибудь машину и уматывай отсюда как можно дальше.

– Я не брошу тебя здесь!

– Со мной все будет хорошо, и я надеюсь, что с тобой тоже. Вспомни о своей матери, ведь она там совсем одна.

– И твоя тоже.

– За моей, по крайней мере, присматривают врачи. Они ей помогают. Беккс, у тебя еще не все потеряно, уезжай отсюда и забудь все это как страшный сон.

Ребекка начинает плакать, я тоже. Она крепко обнимает меня. Так хочется, чтобы эти объятия не заканчивались, ведь теперь мы с ней больше никогда не увидимся.

Она долго смотрит на меня, затем молча уходит.

Я опираюсь спиной об автобус. Слезы продолжают скатываться по щекам. Глория, успокойся. Теперь, если все получится, у Беккс будет нормальная жизнь. Нормальная – то есть без меня. Этому нужно только радоваться. Нужно идти в клуб, чтобы музыканты ни о чем не заподозрили.

* * *

Здесь куча народу и все они пьяные в стельку. Помещение больше похоже на паб, чем на клуб. На небольшом подиуме играет какая-то местная группа. Все присутствующие пьют пиво, текилу, виски. Я начинаю глазами искать одного из музыкантов. В толпе вижу, как Стив целуется и одновременно лапает за грудь девушку легкого поведения.

– Стив! – кричу я.

– О, а где твоя подружка?

– Она... скоро придет. Не знаешь, где Алекс?

– Он сейчас занят, – говорит Стив, а затем снова продолжает целоваться с девушкой.

Ну что ж, Глория, теперь ты по-настоящему одна. И от этой мысли мне становится только еще страшнее. Я заказываю у бармена кружку пива, расплачиваюсь кредиткой Тезер. С двух сторон ко мне подсаживаются какие-то мужики, от них разит перегаром. Мне становится противно. Я допиваю пиво и начинаю искать уборную.

Как хорошо, что хоть здесь никого нет. Я смотрюсь в зеркало, лицо такое же синее, как мои волосы, вероятно, мой организм еще не до конца отошел от вчерашнего. От громкой музыки у меня начинает трещать голова. Я открываю кран и окунаю в воду свое лицо. В туалет заходят две полураздетые девушки, и, совсем не обращая на меня внимания, начинают целоваться в засос. Я захожу в кабинку и жду, пока закончатся эти лесбийские потехи. Они уходят. Я только собираюсь открыть дверь, как в уборную снова кто-то заходит. На этот раз это одна девушка. Она

осматривает помещение, и по ее выражению лица становится понятно, что она хочет, чтобы ее никто здесь не увидел. Я не решаюсь открыть дверцу кабины. Девушка опускает руки за батарею и достает оттуда две пачки купюр.

– Вот, – говорит она кому-то, вероятно, тот стоит за порогом дамской комнаты.

– Держи, – говорит мужской голос. Я вижу руки этого человека, они держат большой пакетик с белым порошком, похожим на муку.

– Эй, а где остальное? – спрашивает девушка. Незнакомец с пакетом приближается к ней ближе и теперь я наконец могу разглядеть его лицо.

– Расценки изменились, детка. Так что извини, – говорит АЛЕКС.

* * *

Я снова сижу за барной стойкой и мне до сих пор не по себе от увиденного. Так вот значит, чем они занимаются. Торгуют наркотиками, поэтому мы и ездим в непонятные места, чтобы найти покупателей.

Ну уж нет, я не намерена здесь больше оставаться. С этими ребятами шутки плохи. Ребекка права, нужно было бежать в самом начале, ибо хорошим это не кончится.

Я направляюсь к выходу, но внезапно меня кто-то хватает за руку.

– Куда мы собрались? – спрашивает Алекс.

– Отпусти!

– Ну что, Беккс сбежала?

По моему лбу начинает стекать холодный пот.

– Как ты узнал?

– Ну, потому что я вспомнил, что у нее нет никакой сумочки.

– Да, она сбежала и я тоже хочу. Я знаю, кто вы такие и чем вы занимаетесь.

– И кто же мы такие?

– Вы наркоторговцы, а между делом убиваете людей, например Короля Шейна.

– Ну что ж, браво. Ты разгадала нашу тайну. И теперь ты уходишь?

– Да. Ты прав, мне нужна новая жизнь, но не такая.

– Ну, тогда желаю тебе удачи.

– Ты меня отпускаешь?

– А я тебя и не держал. Глория, я не хотел ничего плохого тебе и Ребекке. Заметь, я даже к вам обеим пальцем не притронулся. Мир, в котором мы живем очень жесток. Мы обычные музыканты, а все музыканты употребляют наркотики и торгуют ими. А людей мы убиваем только в крайних случаях, в целях самозащиты.

Так что если хочешь уйти – уходи. Только будь осторожнее. В одиночку справляться со всем этим дерьмом очень сложно.

Слова Алекса затронули меня до глубины души. Может быть, в этом действительно нет ничего страшного? По крайней мере в моей жизни были люди и похуже. Что я буду делать одна? С музыкантами по крайней мере я чувствую себя защищенной, да и тем более я стала к ним потихоньку привыкать. К тому же велика вероятность того, что меня найдет полиция и отвезет обратно к отцу. Ну уж нет, я этого не хочу.

Я заказываю себе еще одну кружку пива. Алкоголь ни разу мне не ударяет в голову и меня начинает это раздражать. Я наблюдаю за Алексом, он пьет текилу в компании Джея. Я наблюдаю за Стивом, он выходит из мужского туалета вместе со своей пассией, тяжело дыша и застегивая ширинку. Я замечаю, как на моем колене оказывается чья-то рука. Я поворачиваюсь и

вижу, как возле меня трется какой-то пьяный отморозок.

– Руки от меня свои убрал! – с гневом говорю я.

Но тот до такой степени пьян, что ничего не соображает и продолжает меня лапать.

– Отстань от меня! – кричу я.

Мой крик только больше начинает возбуждать его, и он с новой силой начинает трогать меня за грудь, талию и ноги.

Я собираю всю свою злость в кулак и со всей силы бью ногой ему в область паха. Тот скрючивается, теряет равновесие и падает. Злость во мне кипит, я снова вспоминаю своего отца, как он избивал меня, я представляю, что этот отморозок и есть мой отец. Я сажусь на него верхом и начинаю кулаками со всей своей яростью бить по его лицу. Он не сопротивляется, а я все равно его бью и одновременно представляю, что я избиваю своего отца, мщу ему за то, что он сделал со мной, мамой, со всей нашей семьей. На моих руках появляется кровь отморозка, похоже, он уже без сознания. Я встаю. Тяжело дышу, затем осматриваюсь кругом, и, наконец, замечаю, что музыка больше не играет и никто не танцует. Все смотрят только на меня и на разбитый нос отморозка. Внезапно Алекс хватается за руку и мы с ним выбегаем из клуба, вслед за нами бегут Стив с Джейм.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Ты сейчас врзала по яйцам главарю одной из самых крупных банд. Нам повезет, если нас сразу прикончат.

Мы бежим, что есть силы, я оглядываюсь назад и вижу, как за нами бегут семь здоровенных мужиков с пистолетами. Страх охватывает меня. Я спотыкаюсь и падаю всем телом на асфальт.

– Давай!!! – кричит Алекс.

Я встаю, бегу за ним, Стив и Джей опережают нас. Алекс смотрит назад и понимает, что эти семеро нас сейчас догонят. Мы сворачиваем за угол какого-то здания, но там ТУПИК.

– Черт! – говорит Алекс.

Шестеро из банды бегут мимо нас. И только один посмотрел в нашу сторону и остановился. Я слышу, как он заряжает пистолет. Мое сердце колотится, как бешеное, я хочу покончить жизнь САМОУБИЙСТВОМ, а не быть пристреленной каким-то ублюдком.

Он прицеливается на нас.

Алекс смотрит на меня, я на него, и в это мгновение мы слышим голос из-за спины мозгоправа.

– Опустил пистолет!

Тот разворачивается, и я вижу, как он оказывается на мушке У РЕБЕККИ.

– Если вы не опустите пистолет, я стреляю!

Около меня лежит небольшой булыжник, я тихо беру его в руки и на цыпочках подкрадываюсь к бандиту. Тот нажимает на курок и раздаются выстрелы, Ребекка успевает лечь на асфальт и пули проходят мимо нее. Я размахиваюсь и ударяю мозгоправа по голове, он падает, Алекс подбегает, хватается за пистолет и стреляет ему в голову. Мой страх смешивается с радостью, что мы спасены, я помогаю Ребекке подняться и обнимаю ее. К нам на бешеной скорости приближается автодом.

– Залезайте быстрее, – говорит Джей.

Мы все запрыгиваем в автобус и трогаемся с места.

– Почему ты не уехала? – спрашиваю я Беккс.

– Повторяю еще раз, я не оставлю тебя с этими убийцами.

– Может быть, ты расскажешь, как ты нашла наше ружье? – спрашивает Алекс.

– А, может быть, вы расскажете, кто вы такие на самом деле?

– Беккс, я все знаю, – говорю я.

– Я тоже все знаю, вы – убийцы!

– Мы убиваем только в целях самообороны, как сейчас, например. Такие люди заслуживают наказания. Вы знаете, что Король Шейн изнасиловал и убил свою родную дочь, а сына продал за героин? Пусть мы и будем гореть в аду, но зато эти твари будут с нами в одном котле!

* * *

В лесу очень темно, но, благодаря разожженному нами костру, здесь довольно светло и тепло. Мы приехали сюда, чтобы отдохнуть от всего того, что произошло несколько часов назад. Мы одни в лесу, нас никто не беспокоит, и только здесь можно вздохнуть полной грудью.

Джей сидит у костра, играет на гитаре, рядом с ним Алекс и Стив. Я и Ребекка сидим чуть подалеже от них и любуемся на ночное небо. В моих руках снова сигарета, с каждой затяжкой я будто вхожу в транс, мне это начинает нравится.

– Не понимаю, как ты можешь вдыхать в себя эту гадость, – говорит Беккс.

– У нас был сложный вечер, нужно расслабиться.

– Разве может одна паршивая сигарета заставить тебя забыть о убитом человеке?

– Он хотел нас убить, Алекс все правильно сделал.

– Скажи честно, ты в него влюбилась?

– Это здесь при чем?

– Да потому, что только влюбленная или сумасшедшая станет оправдывать убийцу.

К нам подходит Стив и дает в руки по баночке коктейля.

– Ловите, малышки.

– Спасибо, – говорю я, – вот видишь, они не такие уж и плохие. Ребекка только фыркнула в ответ. Мы с ней вместе делаем глоток коктейля.

– Алекс, подойди на секунду, – говорю я.

– Что такое?

Солист садится рядом со мной.

– Нас теперь будет искать полиция?

– Не думаю. Те, кто в банде сами скроют его труп и никто ни о чем не узнает, – я выдыхаю с облегчением, – кстати, Беккс, спасибо тебе, ты спасла нам жизнь.

– Да пошел ты, – Ребекка встает, – пойду спать. Я смеюсь, Алекс тоже.

– А я в вас не ошибся. Ты так круто врезала тому главарю.

– Надеюсь, что он скоро поправится.

– Не хотела бы присоединиться к нашему делу?

– Убивать людей?

– Скажем так, наказывать виновных.

– Вряд ли у меня получится.

– С чего ты взяла?

– Я же девушка.

– А если попробовать?

– ...не знаю. Ты уверен, что именно такой должна быть моя новая жизнь?

– Абсолютно. Ты сможешь забыть свою старую жизнь только сделав безбашенный поступок.

– Алекс, в моей жизни уже было столько безбашенных поступков, что их и не перечесать.

– Какие например?

– ...однажды мы с моей подругой и ее парнем пошли на вечеринку в честь дня рождения,

так вот, ее именинник хотел изнасиловать меня, но я ему врезала по голове стаканом и оставила его истекать кровью.

– Что ж, неплохо...

– Я собственноручно поместила свою мать в психушку, хотя, может быть, это и правильно, возможно, она выздоровеет. А еще я в тайне встречалась с парнем своей лучшей подруги, потом она узнала об этом и начала мне мстить. А совсем не давно я ушла от человека, который подарил мне несколько счастливых дней, и поэтому теперь я сижу здесь, с тобой, и рассказываю тебе все эти до жути «интересные» истории.

– Да уж... если я был девчонкой на твоём месте, я бы уже давно покончил жизнь самоубийством, – мне захотелось смеяться на этом моменте и сказать «а я как раз это и собираюсь сделать через 19 дней», – но ты встретила нас, и твоя жизнь кардинально изменится, я тебе обещаю. Теперь мы одни против целого мира – и это круто.

Раннее утро. Мокрая земля под ногами. Лес еще не проснулся. Я прилично отошла от нашего лагеря. Медленными шагами я иду вперед, наслаждаюсь тишиной, здесь я чувствую умиротворение. Я такого еще никогда не испытывала. Как же все-таки прекрасен мир утром. Я осматриваюсь кругом и запоминаю каждый миллиметр этого леса. Я больше никогда не окажусь здесь. Мы снова уедем в неизвестном направлении.

Мое сердцебиение учащается, когда я начинаю взбираться на небольшой склон. Я, наконец, достигаю цели, и в это же мгновение передо мной расстилается шикарный вид. Я нахожусь на обрыве, внизу шумит река, вода зеленоватого оттенка, в ней отражаются огромные кроны деревьев, расположенные по берегам. У меня дух захватывает.

– Правда, красиво?

Рядом со мной стоит Чед. Он рассматривает прекрасный пейзаж, а я тем временем смотрю со страхом на него. Почему он мне является? Что со мной происходит? Неужели я окончательно сошла с ума...

– Ты всего лишь галлюцинация, да?

– А ты как хочешь?

– ...я хочу, чтобы ты был рядом. По-настоящему. Чед смотрит на меня.

– Я всегда с тобою рядом.

Мне становится тепло, будто я снова дома у Чеда, мы едим его сгоревший пирог и весь мир кажется для нас двоих отдаленным.

– Глория, – я резко оборачиваюсь от неожиданности, – ты чего так далеко ушла? – спрашивает Ребекка.

Я замечаю, что Чед исчез, и в моей душе снова возникает непонятная пустота.

– Захотела прогуляться.

– Тебя Алекс ищет, – Беккс поднимается ко мне.

– Алекс?

– Да, думаю, этот музыкантишка запал на тебя. Я начинаю смеяться.

– Беккс, что за чушь?

– Я серьезно. Он, конечно, странный, но симпатичный. С моего лица еще не скоро сходит улыбка.

– Вон они где, – я слышу поблизости голос Джея.

Все трое музыкантов приближаются к нам, затем смотрят вниз, и я замечаю, как на их лицах появляется некий детский восторг.

– Ууууу! Обалдеть! – говорит Стив.

Алекс становится возле меня, докуривает сигарету.

– Ну, кто первый? – спрашивает он.

В эту минуту нас озаряет молчание, затем его прерывает Джей.

– Ладно, давайте я.

Он начинает снимать с себя одежду.

– Ты что, собираешься туда прыгнуть?! – спрашивает Беккс.

– Нет, я просто решил показать вам стриптиз. Мы все смеемся, все, кроме Ребекки.

– Сумасшедший... – ворчит она.

Джей отходит на пару метров, разбегается и прыгает. Высота обрыва с пятиэтажный дом. Мы слышим громкий удар Джея о поверхность воды. Некоторое время вода продолжает бурлить, но затем все прекращается. Мы с ужасом смотрим вниз, у каждого из нас сейчас в голове: «Он

что, утонул?». Но эта мысль рассеивается, когда из воды выныривает довольный Джей.

– Вода обалденная! Прыгайте! Мы все выдыхаем с облегчением.

– Разойтись! – Стив уже успел снять с себя одежду, он разбегается и прыгает вслед за Джейм.

– Ну, дамы, кто следующий? – спрашивает Алекс.

Я смотрю вниз и у меня начинают мурашки бегать по коже.

– Нет, это не для меня, – говорю я.

– И не для меня, – поддакивает Беккс.

– Да вы что, трусили?

Действительно, чего я так боюсь, в любом случае, если я прыгну с обрыва и разобьюсь о воду, это будет не так ужасно. Подумаешь, совершу самоубийство раньше положенного срока. Хуже я этим себе точно не сделаю.

– Черт с тобой, – говорю я и начинаю снимать с себя футболку и джинсы.

– Глория, не смей меня здесь оставлять одну!

– Давай с нами?

– Нет... ни за что.

– Чего ты так боишься? – спрашивает Алекс.

– Высоты боюсь, рыб там всяких боюсь, а вдруг там вообще крокодилы или булжники? Я могу разбить себе голову или сломать позвоночник.

– Беккс, какая же ты все-таки зануда, – говорю я.

– Я не зануда, я просто боюсь за свою жизнь, в отличии от некоторых.

– Тогда подойди поближе и посмотри, как мы прыгнем, – предлагает Алекс.

Ребекка медленно подходит к обрыву, я слышу, как она тяжело дышит, затем замечаю странный взгляд Алекса, будто он что-то задумал.

– Да прыгайте уже, самоубийцы хреновы.

Внезапно Алекс толкает Беккс, и та, с душераздирающим криком, падает с обрыва. На мгновение я представила какой ужас она сейчас испытала.

Ребекка выныривает, несколько минут приходит в себя.

– Сволочи!!! Вы сволочи, понятно?!!! – кричит она. Я смеюсь.

– Она сейчас хуже пирании.

– Ты готова? – спрашивает Алекс. Я даю себе пару минут отдышаться. – Да.

Алекс берет меня за руку, и через несколько секунд мы отрываем ноги от земли и прыгаем.

Мое тело оказывается заточенным в тысяче водных пузырьков. По всем законам физики я опускаюсь на дно. Вода здесь такая холодная, что я чувствую, как постепенно замирают мои мышцы. Я прихожу в себя и руками и ногами поднимаю свое тело на поверхность. Я выныриваю, глотаю воздух. Сердце продолжает бешено биться, я до сих пор не могу поверить, что я прыгнула с такой высоты.

Мы все впятером барахтаемся, окатываем друг друга водой. Все это сопровождается диким смехом. Мы ведем себя, как дети, и мне это нравится. Я чувствую себя живой. В такие моменты мне хочется жить. Я забываю обо всем плохом, что со мной произошло. Это место просто маленький рай. Я смотрю на небо, руками удерживаю себя на плаву, закрываю глаза и молю, чтобы такие хорошие минуты когда-нибудь еще повторились. Аминь.

* * *

Мы у автобуса. Мои волосы еще остаются мокрыми, тело продолжает дрожать. Ребекка

сидит у остатков нашего костра. На ней полотенце, я вижу как ее челюсти от холода стучат.

– Беккс...

– Я не хочу с тобой разговаривать.

– Ну это же была просто шутка. Тебе же самой понравилось.

– Я могла умереть! У меня фобия, ты понимаешь это?

– Не я же тебя толкала.

– Какая разница?!

– Глория, иди сюда, – я слышу голос Алекса.

– Можешь дуться, сколько хочешь, – говорю я и направляюсь к солисту.

– Ты умеешь стрелять?

– Смеешься? Я пистолет-то в руках не держала.

– Значит, сейчас самое время.

– Ты серьезно?

– Пойдем.

Мы отходим несколько метров от лагеря и оказываемся на лесной опушке, окруженной огромными толстыми деревьями.

– Допустим, дерево – это человек, и тебе его нужно убить, ну или хотя бы ранить.

Алекс встает в позицию, в его руках пистолет, он небольшой и кажется игрушечным. Солист прицеливается и стреляет.

– Я попал ему в сердце, – Алекс протягивает мне пистолет.

– Может быть, не стоит?

Он молчит, я понимаю, что другого выхода у меня все равно нет. Я беру пистолет в руки, становлюсь на позицию Алекса.

– Хорошо... что я должна делать?

– Держи крепко рукоятку, выбери для себя цель. Я внимательно смотрю на дерево передо мной.

– Ну, допустим, вон тот самый большой сучок, – говорю я.

– Отлично, целься.

Я прищуриваюсь и мысленно представляю, как попадаю в цель.

– Теперь опусти пистолет на два сантиметра вниз, – я сле дую его указаниям, – спусти курок, – раздается неприятный звук, – и плавно жми на спусковой крючок.

Мой указательный палец дрожит, но не смотря на это, раздается громкий оглушающий выстрел. Я роняю пистолет и замечаю, что пуля пролетела мимо.

– Я же говорила, у меня ничего не получится.

– Это всего лишь первый раз. Пробуй еще.

Я поднимаю с земли оружие, опять прицеливаюсь и вспоминаю все указания Алекса. Стреляю – снова мимо.

– Алекс, это плохая затея.

– Ты не уйдешь отсюда, пока не попадешь в цель.

Он отходит в сторону. Я смотрю на дерево, «помни, дерево – это человек» звучит у меня в голове.

– Привет, Глория, – говорит НИК, странные галлюцинации не дают мне покоя, – давно не виделись, ты рада меня видеть?

Страх начинает поглощать меня с новой силой. Я вспоминаю, как Ник приказал своим друзьям избить Мэтта, как один из его отморозков чуть не перерезал мне горло. Страх смешивается с яростью и желанием отомстить. Ник приближается ко мне, на его противном лице появляется зверская улыбка. Мои руки жутко трясутся, я представляю, что Ник

действительно здесь и он по-настоящему вот-вот приблизится ко мне. Я нажимаю на крючок, потом снова, и снова, и снова. Четыре выстрела.

Ник исчез, у меня внутри все продолжает кипеть.

Алекс подбегает к дереву, я вижу, как на том самом сучке образовалась дырка. Все четыре пули попали в одно место.

– ...признаться, я от тебя такого не ожидал. Молодец.

Дорогой дневник!

Мне начинает нравиться моя новая безбашенная жизнь. В ней все по-другому, другие люди, отношения. Мы каждый день приезжаем в новые места. Встречаемся с новыми людьми и приключениями. Всегда удивляюсь, почему раньше моя жизнь не была такой? Почему все это время меня окружали не те люди. Почему из-за всего этого я решила свести счеты с жизнью.

Я не знаю, к чему приведет нас с Ребеккой это путешествие. Что произойдет за эти 18 дней. Может быть, я вообще передумаю и не буду убивать себя. Кто знает? Вдруг в моей жизни еще не все потеряно.

– Что ты чувствовала, когда стреляла? – спрашивает Беккс.

Мы сидим на кухне, смотрим в окно, я наслаждаюсь таинственностью нашего маршрута.

– Страх... и какое-то непонятное желание.

– Ты думаешь, ты способна убить человека?

– А я и не собираюсь никого убивать. Мне просто было интересно ощущение, когда ты держишь в руках смертоносное оружие.

– Мне не понравилось. До сих пор не понимаю, что меня так сильно ударило в голову, что я схватилась за ружье. Это так страшно.

На кухню заходят Алекс и Джей.

– Если этот фестиваль пройдет как надо, то мы отлично раскрутимся, – говорит Алекс.

– Что за фестиваль? – спрашиваю я.

– Инди рок-музыки. Там будет куча конкурентов, но мы обязаны их порвать, – говорит Джей.

– Я уверен, у нас это получится.

Джей достает из кармана пакетик с белыми таблетками. Они с Алексом принимают их внутрь.

– Глория? – солист протягивает мне пакетик.

– Давай.

Я запиваю таблетку водой. Беккс смотрит на меня с презрением. Алекс и Джей уходят.

– Вижу, тебя жизнь ничему не учит, – говорит Ребекка.

– Это всего лишь таблетка. Мне будет некоторое время хорошо, но потом все пройдет.

– Глория, ты чуть не умерла из-за этих таблеток!

– Слушай, ты меня достала со своей заботой. Я сама за себя отвечаю, и не нужно меня контролировать.

– Да пожалуйста! Люди наоборот радуются, когда о них кто-то думает, но ты, видимо, с другой планеты.

Я выдыхаю.

– Так, иди лучше принеси мне тостов.

Беккс с неохотой поднимается и идет к холодильнику. Я тем временем открываю пакетик, достаю таблетку, кидаю ее в стакан и наливаю туда сок.

Затем наливаю сок себе в другой стакан.

– Тостов нет, есть какие-то бутерброды, но я не уверена, что они свежие.

– Ладно, давай просто выпьем соку. Мы делаем глотки.

– По-моему, этот сок тоже уже не свежий, – говорит Беккс.

– Дамы, идите сюда.

Мы выходим из кухни, перед нами металлическая лестница, ведущая на крышу.

Алекс помогает нам забраться сквозь люк. Мы оказываемся на крыше трейлера. Так высоко. Автобус мчится с бешеной скоростью. Таблетки начинают делать свою работу. Я становлюсь бесстрашной. Я делаю шаги вперед, поднимаю руки в стороны и закрываю глаза. Парни свистят, делают произвольные выкрики. Ветер бьет мне в лицо, голубые волосы развиваются и переливаются на солнце. Я чувствую свободу. Это такое сладкое чувство. Кажется, что каждый миллиметр Земли наш и мы можем делать с ней все, что захотим.

* * *

Мы снова в неизвестном городе. Здесь будет проходить рок-фестиваль. Я и Беккс решили прогуляться, пока парни настраивают аппаратуру. Мы ходим по маленьким улочкам, рассматриваем прохожих. Рядом с Ребеккой я чувствую себя не такой одинокой. За эти несколько дней мы нереально сблизились. Я ценю ее заботу, но иногда мне это надоедает. Наверное потому, что в моей короткой жизни обо мне мало кто по-настоящему заботился, если, конечно, не считать бабушку. Это святой для меня человек. Но теперь у нее новая жизнь, новый молодой муж, я для нее стану огромной шестнадцатилетней обузой. Я этого не хочу, поэтому я оставляю ее теплые нежные руки и добрые глаза в прошлой жизни.

– Интересно, кто создает эти Богом забытые городки? – смеется Беккс.

– А мне здесь нравится, только люди тут какие-то странные.

– Сказала девушка с голубыми волосами.

Мы смеемся. Я замечаю на углу какого-то дома магазинчик с платьями.

– Смотри, что у них здесь есть, – говорю я.

Мы направляемся туда. Я вспоминаю, как мы с Тезер почти каждые выходные ходили по бутикам и покупали платья. Мои, конечно, отличались от платьев Тезер, потому что я покупала либо со скидкой, либо находила по минимальной цене. Но сидели они на мне так же великолепно, как на Тез.

Теперь мы идем по магазину с Ребеккой и рассматриваем платья.

– Как ты думаешь, мне подойдет это платье? – спрашивает Ребекка, в ее руках синее бархатное платье, сверху украшенное маленькими кристаллами.

– Я думаю, да. Примерь его.

– Не вижу смысла, оно стоит 250 баксов, а у меня в кармане и пяти центов-то нет.

– Беккс, у меня есть деньги, – я показываю ей кредитку Тезер.

– Ты что, кого-то обокрала?

– Нет, это моя карточка, – соврала я, – так что мы можем купить здесь все, что захотим.

Следующие полтора часа мы примеряем каждое платье, что здесь есть. Параллельно смеемся, когда находим смешные фасоны. Как же мне этого не хватало. Простая девичья обстановка. И этот нелегкий выбор, какое же платье на тебе лучше сидит, а какое нет.

В конце концов, мы определяемся и идем на кассу. Кассир пробивает наши покупки, у Ребекки белое велюровое платье, с оголенными плечами. Выглядит просто, но отлично сидит. Я купила себе черное платье на бретельках, обшитое огромными красными стразами. Мне

понравилось, как оно облегает мое тело.

Я отдаю кредитку.

– Ну и что мы будем делать с этими платьями? – спрашивает Ребекка.

– Понятия не имею, – смеюсь я.

Лицо Ребекки мрачнеет, когда на чеке она замечает «покупатель: Тезер Виккери».

Я хватаю пакеты и выхожу на улицу.

– Твоя карточка, говоришь?

– Беккс, да какая разница, чья она?

– Ты украла ее! Это ворованные деньги, а значит, и ворованные платья.

– Послушай, у Тезер этих карточек больше, чем у тебя извилин в мозгу, так что я не вижу ничего плохого в том, что я ею пользуюсь, – я замечаю, как лицо Беккс внезапно бледнеет, она хватается рукой за меня, я вижу, как ее шатает, – что с тобой?

– Голова кружится и в глазах все двоится... – Ребекка опирается о стену и пытается отдышаться, я стою, притупив глаза, – ...сок. Ты что-то подсыпала мне в сок! – она вскакивает и смотрит на меня яростным взглядом.

– Беккс, не волнуйся, скоро все пройдет.

– Как ты могла?!

– Я не хотела ничего плохого, я... просто подумала, что тебе нужно развеяться.

– Ты хочешь, чтобы я опустилась до твоего уровня?

– ...в смысле?

– Чтобы я начала пить, курить, употреблять всякую дрянь. Ты хочешь, чтобы я стала такой, как ты?! Ни за что! В очередной раз жалею, что связалась с тобой.

Ребекка разворачивается и уходит.

– Беккс, прости меня! – она делает вид, что не слышит, – ну и катись к черту!

* * *

Я медленно приближаюсь к автобусу. Как же мне не хотелось ссориться с Ребеккой, ведь она сейчас для меня самый близкий человек. Я должна все ей объяснить.

Я захожу в автобус, открываю дверь нашей комнаты, но никого там не застаю.

Парни о чем-то разговаривают, собирают свои инструменты.

– А что, Беккс еще не возвращалась? – спрашиваю я Джея.

– Нет. Вы с ней разминулись?

– ...да.

Проходит несколько минут, но Ребекка так и не появляется, во мне возникает тревожное волнение.

– Фестиваль начнется через полчаса, за это время мы должны успеть подготовиться, – говорит Алекс.

Мы выходим из автобуса.

– Подождите, – говорю я, – может быть, дождемся Беккс?

– Сама придет, куда она денется? Нам нельзя опаздывать, – говорит Стив.

* * *

Огромная сцена, прожектора и визг сумасшедших фанаток. Все это сейчас вижу я. Начиная

со средней школы я, благодаря Тезер, ходила на самые крутые вечеринки, на которые приглашаются только избранные. И теперь я здесь, в том месте, где собрались все отбросы общества. Но я к этому уже начала привыкать. Здесь можно найти таких же, как и я, разочарованных в жизни подростков, ищущих себя.

Парни выступают на сцене, я стою, смотрю на них, но внутри все равно какое-то беспокойство. Беккс здесь нет. Я три раза все осматривала, но результата это не принесло. Она не могла сбежать от нас, да и шляться в одиночку это не по ней. Тогда где же она?

Я снова начинаю искать ее в толпе – ничего. С ней что-то произошло, и эта мысль приводит меня в ужас.

После того как парни выступили и спустились со сцены, их начинают раздирать фанатки. Я расталкиваю их.

– Алекс... – говорю я, но он то с кем-то фотографируется, то у кого-то расписывается на бедре, – Алекс! – ноль эмоций.

– Стив! – тот также не реагирует на меня. Я хватаю за руку Джей.

– Джей, подожди.

– Правда мы круто выступили?

– Да-да.

– Мы их всех порвали просто!

– Джей, кажется, у нас проблемы.

– Что еще за проблемы?

– Ребекка до сих пор не вернулась.

– Фу-ух, я уж думал, что что-то серьезное. Тут столько народу, я уверен, что она где-то здесь.

– ЕЕ здесь нет! Я все обыскала... мы с ней поссорились, и она ушла в другом направлении.

Мне кажется, что с ней что-то случилось. Джей долго стоит в недоумении.

– Ладно, пойдем, – говорит он.

* * *

– Я уверен, что она сейчас сидит в автобусе.

– Как же я этого хочу.

– Из-за тебя я пропущу автограф-сессию, парни меня убьют. Мы приближаемся к трейлеру.

Я открываю дверь, поднимаюсь внутрь.

– Беккс?! – тишина.

Я осматриваю все комнаты, включая душевую, – пусто.

– ЕЕ здесь нет...

– Смотри, – Джей дает мне в руки какую-то записку.

«Ваша цыпочка у нас, если вы в течение пяти часов не принесете нам б тысяч долларов – мы убьем ее. Встречаемся у местного кладбища.»

– О господи... – говорю я.

– Так, без паники, нужно ехать за парнями. Джей открывает ящик и что-то из него достает.

– Держи, – он дает мне в руки пистолет, – теперь ты знаешь, как с этим обращаться.

* * *

Среди толпы мы находим Алекса и Стива. Они раздают всем автографы, тем временем на

сцене выступает другая группа.

– Алекс, нам нужно уходить отсюда, – говорит Джей.

– Что случилось?

– Вчерашняя банда проследила за нами и похитила Беккс.

– ...черт.

Алекс и Джей уже собираются уходить, как их останавливает Стив.

– Эй, вы что, серьезно решили уйти? Мы же так долго к этому стремились!

– Стив, закрой рот. Нам объявили войну. Мы принимаем вызов, – говорит Алекс.

* * *

Автобус мчится не по-детски. Мы все находимся в кабине водителя. Я пытаюсь собраться с мыслями, успокоиться, но ничего не получается. Что сейчас с Беккс? Жива ли она вообще? Я себе этого никогда не прощу.

– ...это я во всем виновата. Я всегда всем приношу боль.

– С ней все в порядке. Им нужны деньги, они ее не убьют, – говорит Алекс.

– Хорошо, а где мы возьмем столько денег? – спрашивает Стив.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Это всего лишь паршивая девчонка, а мы из-за нее рушим наши планы! – говорит Стив.

Я вцепляюсь в него.

– Заткнись! Не смей про нее ничего говорить, ты меня понял?!

– Эй, поосторожнее! Я сейчас вышвырну тебя из автобуса! Я выдыхаю, прижав руками Стива к двери пассажира.

Я дергаю за ручку и дверь открывается, Стив еле удерживается за поручни.

– Ты что делаешь, дура?!! – кричит он.

– Повторяю еще раз, закрой свою пасть!

– Глория, – я слышу за спиной голос Алекса. Боже мой, что я творю. Мое сознание ко мне возвращается. Я отхожу в сторону, Стив закрывает дверь, – мне нравится твой настрой, примени его при встрече с этими ублюдками.

* * *

Мы приезжаем в назначенное место. Здесь жутко темно. Перед нами кладбище и полуразвалившееся здание. Я вся дрожу. Я понятия не имею, что сейчас здесь будет происходить. Во всяком случае, я знаю одно, я готова пожертвовать своей жизнью ради Ребекки. Я хочу, чтобы она жила и у нее было отличное будущее. Мне все равно не страшно умереть.

– Эй, здесь кто-нибудь есть? – спрашивает Алекс.

Ответа нет. Лишь холодный ветер и тишина царят в этом гиблом месте. Но спустя мгновение мы слышим женский голос.

– Помогите!

– Это Беккс, – говорю я.

Мы вчетвером бежим на эхо. Кажется, оно раздается со второго этажа здания. Мы поднимаемся по лестнице, у каждого из нас есть оружие, что придает нам еще больше уверенности. Мы оказываемся правы. Ребекка действительно здесь. Рядом с ней еще три огромных мужика. Один из них закрывает ей рот рукой, другой стоит с пистолетом наготове, а

третий с улыбкой смотрит на нас. Я знаю его. Это он вчера приставал ко мне в клубе и это ему я врезала в пах. Именно за это он и мстит нам, и еще за то, что мы убили одного из его людей.

Я вижу, как по щеке Беккс стекают слезы. Мне становится очень страшно за нее.

– Ну, вот мы снова и встретились, – говорит главарь.

– Дезмонд, отпусти девушку и мы отдадим тебе деньги, – говорит Алекс.

– Только после вас.

Мы долго стоим в тишине, я предательски трясусь, но в следующую минуту ко мне в голову приходит одна мысль.

– Вот! – я протягиваю ему кредитку Тезер, – на этой карточке больше десяти тысяч долларов.

– Почему я должен вам верить? Мне нужны наличные. Я тяжело сглатываю. Мой план пошел под откос.

– Значит так, если вы через минуту не отдаете мне деньги, я пристрелю ее, а потом и всех вас.

Лицо Ребекки краснеет. Я чувствую, как сильно дрожит ее тело. Я подхожу к парням.

– Откуда у тебя столько денег? – шепотом спрашивает Джей.

– Потом объясню, сейчас это неважно.

– У нас в автобусе есть деньги, но я не уверен, что его устроит эта сумма, – говорит Алекс.

Я снова смотрю на Беккс. Сейчас она страдает только из-за меня, поэтому только я могу решить эту ситуацию.

– Послушайте, у нас нет наличных, но я могу вам предложить кое-что другое... – все замерли —...себя.

Ребекка издает возглас, я не обращаю на него внимания.

– Вы ее отпускаете, а взамен можете делать со мной все, что захотите.

Дезмонд осматривает меня с ног до головы, затем делает жест рукой, и один из костоломов отпускает ее. Она бежит к нам.

– Глория, пожалуйста, не делай этого. Я тебя умоляю! – кричит она, цепляясь за мою руку. Я отталкиваю ее и делаю шаги к главарю.

– А ты мне еще давно понравилась. В клубе.

Я смотрю на Алекса, он кивает головой, будто знает, что я задумала.

– Надеюсь, вы меня простили за то, что я с вами сделала?

– ЕЩЕ нет. Ты отработаешь мое прощение.

Я приближаюсь к нему так, что чувствую его дыхание.

– С удовольствием... – со всей силы я ударяю ему по колену, тот падает. В это время парни убивают костоломов. Я достаю пистолет, удерживаю тело главаря ногой и начинаю прицеливаться.

– Вы еще пожалеете, что связались со мной!

– Давай, прикончи его! – кричит Стив.

Я целюсь, целюсь, но все равно понимаю, что не могу. Я не способна убивать. Я не такая, как они, и никогда не стану такой. Я опускаю пистолет. Ко мне подходит Алекс, одним движением руки он вырубает из сознания Дезмонда.

– Нужно сматываться отсюда, – говорит он.

* * *

Я сижу рядом с Ребеккой и не могу нарадоваться, что она жива. Автобус постепенно

отдаляется от того ужасного места.

Мы с Беккс до сих пор дрожим. Вряд ли мы сможем забыть то, что произошло.

– Что они с тобой делали? – спрашиваю ее я.

– Ничего. Они лишь сказали, чтобы я не орала, иначе убьют... Глория, прости меня за то, что я тебе наговорила, – плачет Беккс.

– Забыли. Я рада, что с тобой все хорошо, – мы обнимаем друг друга и вздыхаем с небывалым облегчением. Да уж, вот нам жизнь и припасла «сюрпризов». Раньше я спокойно спала в своей кровати и думала, как прогулять урок истории. Теперь все это кажется таким далеким.

– Да, малышка, я ошибался насчет тебя. Ты, оказывается, еще та штучка, – говорит Стив.

– Если ты еще раз назовешь меня «малышкой», я отстрелю тебе яйца.

Как же приятно осознавать, что ты в самом деле сильный человек и способен преодолевать трудности. Всю свою жизнь я считала себя слабой, в чем теперь я очень сомневаюсь. А что если это самоубийство действительно плохая идея? Ведь сильные люди так не поступают...

Ночь была тяжелой. Я еле-еле смогла уснуть. В голове просто каша. Столько мыслей сразу лезет в голову, что мозг разрывается.

Я лежу на кровати, очень медленно открываю еще не проснувшиеся глаза, здесь приятно пахнет. Я заставляю свое тело и разум проснуться.

– Доброе утро, – говорит Ребекка. В руках у нее поднос со стопкой блинчиков, джемом и горячим чаем.

– Боже мой, когда ты успела все это приготовить?

– Ну, я же должна хоть как-то отблагодарить тебя за то, что ты сделала.

– Я ничего особенного не делала.

– Да. Ты всего лишь спасла мою жизнь.

Беккс кладет поднос на кровать, я сажусь. Пахнет все изумительно. Кажется, что я так давно не ела нормальной домашней еды. Я беру блинчик, макаю его краешек в клубничный джем и откусываю кусочек.

– Какой вкусный, – говорю я. Во рту все приятно тает, на минуту мне показалось, что я сейчас у бабушки дома.

– Меня мама этому научила. Она отлично печет блинчики.

– ...скучаешь по ней?

– Очень. Наверное, только в разлуке с кем-то мы понимаем, насколько дорог нам этот человек.

Я вспоминаю Чеда и понимаю, как же сейчас права Беккс.

– Да... – я смотрю в окно. За ночь мы прилично отделились от того ужасного города, – как думаешь, где сейчас мы?

– Флоридой здесь точно не пахнет. Возможно, мы приближаемся к Оклахоме.

– Оклахома... никогда там не была.

– А я была. Мы несколько лет жили в Талсе, потом много раз переезжали... и потом случилась эта жуткая авария.

Я вижу, как она мрачнеет на глазах.

– Беккс, ты должна забыть об этом.

– Как? Тот день, он словно осколок в сердце.

– Тот день в прошлой жизни. Ее больше не вернуть, события не изменить. Все, что мы можем это только стать сильнее и двигаться вперед.

Настроение Ребекки немного улучшается после моих слов.

– Ну что ж, тогда да здравствует Оклахома? – она поднимает чашку чая.

– Да здравствует Оклахома! – я тоже беру кружку и мы чокаемся, при этом не переставая улыбаться.

Дорогой дневник!

Я с уверенностью могу тебе заявить – я стала совсем другой. Я эта другая Глория мне очень нравится. Не знала, что всего за несколько дней во мне может родиться новый человек. Все, что мне нужно, – это забыть всех тех, кого я любила, из-за кого я страдала и по кому я очень сильно скучаю. Я должна забыть маму, отца, Нэнси, бабушку с Максом, Мэтта, Тезер, Адама, Чеда. Я не уверена, что когда-нибудь еще с ними встречусь, и это, возможно, очень хорошо.

Я хочу, чтобы со мной всегда были рядом Беккс, Алекс, Джей и придурок Стив.

Алекс сидит за рулем. Джей и Ребекка беседуют на кухне. Впервые здесь умиротворенная обстановка. Я захожу в душевую. Закрываю дверь на замок. Разворачиваюсь и... вижу, как передо мной стоит ГОЛЫЙ СТИВ. Без единой материи у себя на теле.

– Боже! – кричу я и отворачиваюсь.

– Тебя стучатся не учили?

– Я думала, что здесь никого нет, – я начинаю дергать за замок, но тот заклинило! Черт!!!

– Замок давно сломан, поэтому мы и не закрываем эту дверь.

– Эй, откройте дверь! – кричу я и стучу руками о дверь. Похоже, меня никто не слышит.

Стив хватает меня за плечо и поворачивает к себе.

– Слушай, а что если это маленькое недоразумение загладить одним приятным процессом?

– Приятным процессом ты будешь заниматься с проститутками в баре.

Блондин начинает гладить меня по шее одной рукой, а другой еще крепче схватился за мою талию.

– Боже, как же ты меня заводишь.

– Стив, если ты сейчас же меня не отпустишь, я возьму с раковины твою бритву и отрежу твой член.

Он выдыхает. Его кисть постепенно разжимается. Я снова разворачиваюсь и начинаю возиться с замком, чтобы открыть, наконец, эту чертову дверь. Пока что у меня это выходит безуспешно.

– Отойди, этим должен заниматься мужчина.

– Эй, мужчина, сначала прикрой свое хозяйство полотенцем. Стив фыркает в ответ. Спустя несколько минут его колдовства над замком, дверь все же открывается, и я с облегчением выдыхаю. Захожу на кухню.

– Мне показалось, или ты кричала? – спрашивает Джей.

– ЕЩЕ я долбила руками о дверь, но вы видно были так сильно заняты, что не услышали этого.

– Я видела, как в душевую заходил Стив, – говорит Беккс.

– Да, именно там я его и встретила.

– Он к тебе случайно не приставал? – продолжает допрашивать меня Джей.

– Весна еще не началась, но этот мартовский кот похоже сошел с ума.

– Теперь он от тебя не отстанет.

– Это еще почему?

– Он любит таких, как ты. Если ты с ним не переспишь, то он так и будет бегать за тобой и зажимать в углу.

– ...по-моему, его пора кастрировать.

Внезапно автобус останавливается. Причем так резко, что мы чуть с ног не попадали.

– Что случилось? – спрашивает Ребекка.

Алекс выходит из кабины водителя и приближается к нам.

– Мы пересекаем штат. Сейчас автобус будет осматривать полиция.

– Полиция? Если они меня здесь найдут, то... – мой голос начинает дрожать.

– ...я знаю. Джей, спрячь оружие и наркоту, а ты пойдем со мной.

Алекс ведет меня в свою комнату. Здесь куча плакатов известных групп, сотни фотографий.

На полу три гитары. Необычная атмосфера. Алекс открывает что-то типа маленькой кладовой.

– Надеюсь, ты здесь поместишься.

Сама удивляюсь, как я смогла уместиться в таком маленьком пространстве. Я слышу, как полицейский ходит по автодому. Открываются ящики, двери комнат. Наконец, он заходит в комнату Алекса, осматривает все и уходит. Побыв еще минуты три в этой кладовой, я начинаю попросту задыхаться. Я выбираюсь наружу. Мышцы безумно свело. Я заставляю свое тело прийти в норму и нечаянно задеваю коробочку на полке. Она падает. Черт! Если полицейский все еще здесь и он все это услышал, то мне лучше испариться прямо сейчас, иначе билет домой мне обеспечен. К счастью, этого никто не услышал. Я начинаю собирать с пола содержимое коробочки. Это фотографии. На них изображена девушка с неестественно бледной кожей, черными волосами и хрупкой тонкой талией. Этих фотографий много, и они ничуть не помятые. Словно их бережно хранили. Я все возвращаю на прежнее место. Дверь открывается.

– Все закончилось, – говорит Алекс. Я подхожу к нему ближе.

– Спасибо...

* * *

Спустя несколько часов мы приезжаем в какой-то небольшой городок. Здесь, по крайней мере, развитые улицы, много прохожих, машин. Здесь чувствуется хоть какая-то жизнь. После того как мы попали в так называемую цивилизацию, мы находим автосервис. Как сказал Алекс, полицейский настоял, чтобы мы сдали автобус в ремонт, ибо после той аварии (которой поспособствовала я) у нас серьезно барахлит двигатель.

Так как нам теперь негде ночевать, мы находим старую гостиницу. Здесь всего несколько номеров. Парни будут жить на втором, а мы на третьем этаже.

Отклеившиеся пожелтевшие обои, старые зеленые занавески, которые, похоже, не стирали со времен Буша старшего. Две кровати с матрацем, от которого не очень вкусно пахнет, прямо-таки скажем – воняет. Да, это наш номер. Глядя на него, я вспоминаю, как мы с Тезер были в Париже, тот номер тоже был не идеальным, но по крайней мере он не был похож на ночлежку для бродяг.

– В ванную лучше не заходить, я там увидела тараканов на виселице, – говорит Беккс.

Я смеюсь. Никогда не жила в таких ужасных условиях, а заплатили мы, между прочим, за это по 50 долларов с человека.

– За эти несколько дней я отвыкла от настоящей кровати, – говорю я.

– Да уж... – Беккс смотрит в окно, за ним в нескольких метрах кирпичная стена. ОТЛИЧНО, – как у тебя это получается?

– Что именно?

– Влюблять в себя людей. Как ты это делаешь? Мэтт, Чед, теперь Стив.

Я снова смеюсь.

– Во-первых, между мной и Мэттом была всего лишь симпатия. Да, я его любила несколько лет, но когда ты не получаешь от человека взаимности, ты постепенно отвыкаешь от него. Во-вторых, Стив – это просто ужас. В нем нет ничего, кроме жалких мужских гормонов. И в-третьих, Чед... тут ты, может быть, и права. Наверное, это единственный человек, который ко мне что-то чувствовал. Подожди, а почему ты спрашиваешь?

– Ничего... просто интересно. Ребекка начала краснеть.

– Джей... Когда я зашла на кухню, я заметила, как ты на него смотрела.

– ...он умный, красивый, веселый. Я еще никогда таких не встречала.

– Ну, тогда в чем проблема? Добейся его.

– Легко сказать. Он музыкант. Таких как я у него сотни.

– Знаешь, жизнь меня кое-чему научила: если ты чего-то хочешь – ты обязан этого добиться, и плевать на все принципы, страхи и мнения других людей.

Дверь номера открывается.

– Эй, мы собрались прогуляться по этому захолустному городку. Вы с нами? – спрашивает Джей.

– Пять минут и мы готовы, – говорю я. Дверь закрывается.

Я открываю доисторический гостиничный шкаф, там лежат наши пакеты, я достаю из них наши вчерашние покупки.

– Кажется, я нашла назначение нашим платьям. Глаза Ребекки загорелись мгновенно.

* * *

Парни стоят в смятении. Они никогда нас еще не видели в чем-то подобном, только джинсы и футболка. Теперь мы с Беккс вальняжной походкой, нога в ногу идем и улыбаемся. Музыканты стоят в нескольких метрах от нас, каждый уставился на наши тела, невинно прикрытые платьями.

– По-моему, мы собрались просто прогуляться, а не на котовую дорожку, – говорит Алекс.

– Тебе не нравится? – спрашиваю я.

– Как раз наоборот. Вы обворожительны.

– Фу, Алекс, что за слова? Ты же все-таки рок-музыкант! Телки, у вас отличные задницы в этом шмотье, – говорит Стив.

Мы с Беккс одновременно фыркаем ему в ответ.

* * *

Этот город оказывается довольно красивым ночью при свете фонарей, многочисленных огней разноцветных вывесок. Он чем-то напоминает Бревэрд. Такой же маленький со своими тайнами и загадками. Мы бродим по его улицам, смотрим в лица незнакомых людей. Есть полностью вымершие улицы, а есть, наоборот, развитые, с огромными магазинами, парками, стоянками. Мы осматриваем все, при этом парни не перестают шутить и смеяться над всем, что им попадает в внимание. Мы с Ребеккой держимся за руки и просто наслаждаемся такой обстановкой. Мы это заслужили. Вчера у нас был довольно неприятный день. И у меня до сих пор мурашки бегут по телу, когда я вспоминаю об этом.

Мы останавливаемся напротив афиши у одного из зданий.

– Смотрите, здесь вечеринка 80-х, может, зайдём? – предлагает Джей.

– У меня разорвутся перепонки, если я услышу голос Си Си Кетч, – говорит Стив.

– А по-моему, там весело, и еще здесь написано, что там раздают бесплатные напитки, – говорит Беккс.

Может, парни и не поддерживают музыку в стиле диско, но халыва их все равно к себе приманила.

Мы оказываемся в небольшом здании. Здесь куча людей, среди них я не вижу ни одного нашего ровесника. Тут только те, кому давно за тридцать и сорок и так далее. На меня все это наводит дикий смех. Мы не обращаем внимания на трясущих своими телами стариканов. У

барной стойки нам раздают обещанные напитки. СКОТЧ. Никогда еще не пробовала шотландский виски. Он крепче обычного. Один глоток из рюмки уже заставляет меня потерять самоконтроль. Я смотрю, как парни выпивают залпом одну рюмку, потом другую, третью... Ребекка, сделав также один глоток, как и я, выплевывает виски на пол и в конечном счете заказывает себе мохито безалкогольный. Я не следую ее примеру и выпиваю все содержимое рюмки до последней капли, потом еще и еще.

Меня шатает в разные стороны, но я умудряюсь как-то двигаться в такт «Бони Эм». парни тоже подключаются ко мне. Беккс продолжает сидеть за барной стойкой и наблюдать за происходящим.

* * *

Алекс и я, оперевшись спинами о стену, смотрим, как сигаретный дым выходит из нас. Максимальное расслабление испытываешь только сейчас. Мы молчим и даже не смотрим друг на друга. Люди продолжают почти синхронно танцевать под хиты 80-х, но внезапно музыка прекращается.

– А сейчас на танцпол приглашаются те, кто хочет выиграть главный приз нашего вечера – виниловую пластинку с песнями всех звезд 80-х! – говорит ведущий.

Я приподнимаюсь.

– Ты хочешь идти? – спрашивает Алекс.

– Да, я слишком много выпила, и чтобы не запачкать платье рвотой, я лучше выплесну алкоголь в танце. Ты со мной?

– Нет, я посмотрю со стороны.

Заиграла очень быстрая музыка, я поддаюсь ей. Мое тело выполняет произвольные движения, волосы в разные стороны, руки и ноги просто отдельно от меня. Я пьяная. Я безумно пьяная, и мне это нравится. Я замечаю, как рядом с Алексом садится Стив и они оба сверлят меня глазами. Это придает мне еще больше драйва и наслаждения. Я закрываю глаза, окончательно отключаю сознание, слушаю музыку и танцую. Я чувствую, как прожектор светит мне прямо в лицо, я раздвигаю руки по сторонам, я ощущаю себя неземной. Я представляю, как от этого прожектора сияет мое платье, благодаря огромным стразам. Как блещут мои голубые волосы. Как блистаю вся я. Только в такие минуты я ощущаю себя неким совершенством, на которое смотрят все и восторгаются.

* * *

Беккс и Джей сидят за одним из столиков, я присоединяюсь к ним.

– О чем разговариваете?

– Джей рассказывает мне, как они решили создать группу.

– Никогда не думал, что такие как ты увлекаются рок-музыкой.

– ...конечно, я люблю рок, – неуверенно говорит Ребекка.

– Я обожаю Мика Джаггера.

– Да... классная группа, я много слышала о ней.

– Вообще-то, это солист Роллинг Стоунз, – говорит Джей. Я замечаю, как Беккс снова начинает краснеть.

– А-а-а, Мик Джаггер? Конечно он солист, просто мне послышалось название одной очень

известной группы... – начинает выкручиваться Беккс.

Наступает молчание. Я чувствую, как Джей начинает постепенно разочаровываться в Ребекке, а ее щеки тем временем продолжают гореть красным пламенем.

– Слушайте, а почему бы вам не пойти потанцевать? – предлагаю я.

– Я не умею нормально танцевать, – говорит Джей.

– Отлично! Ребекка мне рассказывала, как она в детстве занималась бальными танцами, сейчас как раз играет медленная музыка. Так что она тебя всему научит.

– Ладно, все равно делать нечего. Джей встает и направляется на танцпол.

– Беккс, будь собой, и тогда ты ему понравишься.

– Спасибо тебе...

Я наблюдаю, как наша парочка мило смотрится на танцполе. Я еще несколько минут наслаждаюсь плодом моего труда, затем начинаю искать глазами Алекса и Стива, но понимаю, что они уже ушли. Мне тоже пора. Я слишком устала, и голова очень болит после виски и этих бешенных танцев.

* * *

В гостинице очень тихо. Здание почти полупустое. Я иду одна по коридору, в моих руках ключ от номера, я прижимаю его к замку, но замечаю, что дверь уже открыта. Я захожу внутрь. Темно. Нащупываю пальцами на стене выключатель, щелкаю. И вижу, что на моей кровати лежит Стив!

– Снова привет, – говорит он.

– Стив, что ты здесь делаешь?!

– Знаешь, некоторые мои фанатки готовы мне ноги целовать, лишь бы оказаться в моей постели. Ты не представляешь, от чего отказываешься.

– Как раз представляю. Я отказываюсь от самовлюбленного блондина, который возомнил себя мистером Всемогушим и ничего не чувствует, кроме своего либидо.

Он встает с кровати и хватается меня за руки.

– Глория, неужели ты не понимаешь, что разговаривая так со мной, ты меня еще больше заводишь?

– Давай я помогу тебе перебить желание, – я бью его коленом в живот, тот скрючивается, – проваливай из моего номера.

Но Стив оказывается крепким орешком. Он еще сильнее хватается за меня и заваливает на кровать. Затем блондин начинает целовать мою шею, губы, продолжая держать меня.

– Стив, это уже не смешно, отпусти! – кричу ему я, но ему все равно до моих слов, – кто-нибудь!!! – кричу я.

– Давай не будем делать вид, будто я хочу тебя изнасиловать. Ты же сама этого хочешь.

– Единственное, чего я хочу, это врезать тебе так, чтобы у тебя разорвалась селезенка!

Это вызывает в нем еще больше ярости и желания. В следующую секунду я чувствую, как кто-то оттаскивает за шкуру Стива и бьет его со всей силы в лицо. Этот кто-то – Алекс.

– Ты что, спятил?! – бросается Стив.

– Вовсе нет. Разве я тебя не предупреждал, чтобы ты не притрагивался к ним обеим?

Стив ничего не говорит, только недовольно выдыхает носом и уходит.

Я сажусь на край кровати и поправляю платье.

– Ты как?

– У меня дежавю. Странно, что я его еще стаканом по голове не ударила...

- Не обращай на него внимания. Я уверен, что он больше к тебе и пальцем не прикоснется.
 - Ладно... спасибо тебе, что оказался здесь вовремя. Алекс делает шаги к выходу, но останавливается.
 - А ты хорошо танцуешь.
 - Я просто пьяная, – смеюсь я.
 - Научишь меня?
- Я поднимаюсь, беру в руки мой приз и подхожу к Алексу.
- Я выиграла пластинку, не знаешь, где здесь можно найти проигрыватель?

* * *

Мы находимся в номере Алекса. Он долго роется в своих вещах и наконец-то достает какой-то старый чемоданчик, открывает его, и теперь я вижу, что в нем находится. Проигрыватель.

- Это раритет. Я храню его, как зеницу ока.

Я отдаю ему в руки пластинку, он заставляет прибор работать, и мы, наконец, слышим музыку.

- Итак, Алекс, вчера ты учил меня, как правильно стрелять, а сегодня я буду учить тебя, как правильно двигать тазом.

Мы смеемся. Он руками обвивает мою талию, я – его шею.

- В танце главное расслабиться. И помни, что музыка идет не из проигрывателя... а из твоего сердца.

Я начинаю его учить примитивным движениям, он повторяет за мной. Я стараюсь не рассмеяться, ибо у него это так смешно получается. Постепенно я и Алекс вливаемся в танец. Все это сопровождается смехом, я вижу в лице Алекса Мэтта, затем Чеда, и мне это не нравится. Почему воспоминания из моей прошлой жизни до сих пор беспокоят меня? Как сказал мне Алекс, чтобы обо всем забыть, нужно сделать безбашенный поступок. Я максимально приближаюсь к нему и целую. К моему удивлению, он не отталкивает меня, а наоборот, еще сильнее прижимает к себе. Наш мимолетный поцелуй быстро перетекает в страстный. Я начинаю снимать с него футболку, он спускает бретели моего платья. Мы отходим на несколько сантиметров назад, я сажусь на комод, Алекс кладет свои руки на мои оголенные плечи, пытается расстегнуть платье, но внезапно он останавливается. Он прижимается лбом к моему, не переставая тяжело дышать.

- Я не могу... – говорит он.

- Я тоже, – соврала я.

Алекс отходит от меня. Я продолжаю сидеть на комоде. В моем теле все бурлит, сердце никак не может перестать быстро биться.

- Ты из-за Чеда?

- Да... а ты из-за той девушки? – Алекс резко поворачивается ко мне и смотрит с недоумением. – В твоей комнате я случайно нашла фотографии какой-то девушки. Она очень красивая.

- Ты рылась в моих вещах?!

- Я же говорю, я случайно нашла. Кто эта девушка?

- Неважно. Тебе лучше уйти в свой номер.

Я разочаровано выдыхаю. Возвращаю бретельки платья на свои места, спускаюсь с комода и иду к выходу.

- Алекс, почему я тебе все рассказала о себе, а ты мне не можешь?!

– Потому что я не обязан тебе ничего рассказывать! Уходи. Я долго смотрю на него.

– Я открыла тебе свою душу, а ты...

Выхожу из его номера, надеясь, что он одумается и остановит меня, но все мои надежды впустую. Его дверь закрывается. Мне становится неловко. Я думала, что этот человек понимает меня.

Пусть мы с ним и знакомы всего ничего. Недаром говорят, что посторонние люди понимают нас намного лучше, чем близкие. Значит, в Алексе я ошиблась. И все, что между нами сейчас произошло, – одна сплошная ошибка.

Я смотрю вперед. Прямо передо мной стоит Чед. Он смотрит на меня, то ли с жалостью, то ли с презрением. Как же меня это достало! Если Алекс не помог мне забыть все, что произошло со мной в другой жизни, тогда мне поможет другой.

Я стучусь в его дверь. Проходит пара минут, дверь открывается.

– О, красотка пришла извиниться или добить мой второй глаз, м? – спрашивает Стив.

– ...я пришла пожелать тебе спокойной ночи.

Стив улыбается, берет меня за руку и заводит к себе в номер. Дверь закрывается.

Голова гудит. Пить несколько дней подряд никогда не было в моем стиле, но теперь все изменилось. Я уже стала забывать, каково это, быть трезвой, не одурманенной никакими таблетками. Мои веки еле-еле приподнимаются, от шума и боли в висках я начинаю сходить с ума. Осматриваю помещение, где я нахожусь. Номер гостиницы, повсюду разброшенные вещи. Я вижу в углу мое платье. Чувствую, что на кровати лежу я не одна. Поворачиваю голову и вижу, как рядом со мной лежит СТИВ! После выпитого в огромных количествах скотча, в моей голове с трудом все начинает проясняться. Я провела эту ночь с блондином. Это по сути мой второй мужчина, ведь кроме Чеда у меня больше никого не было. Господи, что может сделать с людьми алкоголь. Несмотря на то что я сотворила эту глупость, в моей голове до сих пор крутятся мысли о Чедде и о моем побеге от него.

Я заглядываю под одеяло, мы со Стивом абсолютно голые.

Я приподнимаюсь, сажусь на край кровати, начинаю искать свое белье. Когда я, наконец-таки, заканчиваю застегивать свой бюстгальтер, я чувствую, как рука Стива оказывается на моей талии.

– Уже проснулась, малышка?

– Ты забыл, что я тебе говорила насчет «малышки»?

– Я так люблю, когда ты злишься.

Он приближается ко мне и целует в шею.

– Стив, ты сам от меня отцепишься или мне тебе врезать?

– Подожди, я ничего не понимаю. Сначала, ты прыгаешь ко мне в койку, а потом играешь в святую невинность.

– Я пришла к тебе лишь потому, что мне было скучно. Захотелось новых ощущений. И кстати, ты не такой уж и самец, каким кажешься.

Стив отодвигается от меня, я поворачиваюсь и вижу его возмущенный вид.

– Ты первая, кто мне об этом говорит.

– И надеюсь, не последняя.

Я встаю с кровати, смотрю на него и мне хочется смеяться.

– Значит, ты меня сняла на ночь?

– Получается, так.

– Боже мой! Я себя чувствую изнасилованной девчонкой! Я смеюсь.

– Поддай мне, пожалуйста, мое платье.

Во взгляде Стива полно ярости, и мне это начинает нравиться. Думаю, что он впервые в жизни почувствовал, каково это, быть брошенным после первой ночи. Он ощутил себя на месте тех многочисленных девушек, которых он так же бросал. Именно этого я и хотела добиться.

* * *

Я направляюсь к своему номеру. Интересно, как провела эту ночь Беккс? Уверена, что она сейчас очень злится на меня и весь день будет доставать своими нудными расспросами.

Дверь номера открывается, и я вижу, как из него выходит Джей. Я делаю несколько шагов назад, чтобы он меня не заметил, и прячусь за стеной. Он проходит мимо меня, не замечая. На моем лице появляется улыбка. Ну что ж, мой план сработал, у Ребекки появился парень, и теперь мы обе с ней готовы начать новую жизнь без родителей и прочих проблем.

Я открываю дверь. Беккс стоит с растерянным видом.

– Глория, где ты была? Я так волновалась.

– Серьезно? А мне показалось, что ты провела отличную ночь вместе с Джем.

Щеки Ребекки в момент вспыхнули.

– ...ничего не было. Мы даже не поцеловались. Просто разго варивали всю ночь, а потом заснули. Вместе. На одной кровати.

– Да уж, не думала, что с рок-музыкантом можно не спать всю ночь только из-за банального разговора.

– Хорошо, с моей ночью все ясно. А как насчет тебя?

– Я не хочу об этом рассказывать.

– Эй, так нечестно! Ты что, с кем-то познакомилась в клубе и провела с ним ночь?

– Можно сказать и так.

– Обалдеть! Как у тебя это получается? Ведь для того чтобы переспать с человеком, нужны какие-то чувства, особая химия...

– Беккс, для того чтобы переспать с человеком, нужны презервативы и желание, – я вижу, как у Ребекки отвисла челюсть, после услышанных слов, – ладно, пойду в душ.

Дорогой дневник!

Бежать от прошлой жизни, совершать умопомрачительные поступки, которых бы прошлая я никогда бы не сделала – оказывается очень весело. Повторюсь еще раз – мне нравится такая жизнь. Без родителей, без правил, без цензуры. Я делаю только то, что хочу, а не то, что хотят другие. Я пусть эта новая жизнь опасна и противозаконна, я уже не хочу с ней расставаться.

Единственное, что меня здесь немного смущает, – это Алекс. У него очень много тайн. С самой первой нашей встречи он показался мне загадочным, странным. Вот только почему он ничего не хочет мне рассказывать? Я ведь перед ним была честна. Надеюсь, что я скоро, наконец, узнаю, кто эта девушка на фотографиях и что она значит для Алекса.

Осталось 16 дней.

* * *

Мы сидим в кафе у гостиницы. Людей здесь практически нет. Мой организм пытается переварить только что съеденное мною блюдо из бистро.

– Кто-нибудь заходил к Алексу? – спрашивает Джей.

– Нет. Он не царь, чтобы к нему заходить и оповещать о завтраке, – вспыльчиво отвечает Стив.

– Эй, ты чего? Я же просто спросил.

– А я просто ответил.

– Кстати, тебе очень идет этот огромный синяк под глазом. Вижу, у тебя была веселенькая ночь, – смеется Джей.

– Заткнись. Тебя сегодня в номере не было, полагаю, ты тоже хорошо развлекся.

– О да.

– И с кем же?

Я смотрю на Ребекку, ее щеки снова горят, но она улыбается.

– Подцепил одну в клубе, а потом мы поехали к ней. Улыбка сразу сходит с лица Беккс,

неужели Джей просто стыдится рассказать всем правду о сегодняшней ночи?

– Фу, извращенец. Им же всем было за сорок.

– Ох, если бы ты знал, что она вытворяет в постели.

– Прошу прощения, что прерываю этот высокоинтеллектуальный разговор, но, может быть, вы заткнетесь? – не выдерживаю я.

Беккс в смятении. Мне ее безумно жаль, а Джею, по его виду, все равно.

К столику подходит официант и протягивает счет, я даю ему кредитку Тезер.

– Кстати, ты обещала нам рассказать, откуда у тебя столько денег, – говорит Джей.

– Все очень просто. Дело в том, что я продаю органы таких же любопытных парней, как ты.

Еще вопросы?

Стив заливается смехом, а Джею, по его выражению лица, не понравился мой сарказм.

В следующее мгновение к нам приближается Алекс.

– Всем привет.

– Пойду отолю, – вскользь говорит Стив и уходит.

Алекс не обращает на это внимания и присаживается рядом со мной.

– А я пойду в номер. Глория, ты со мной? – спрашивает Беккс.

– Я дождусь кредитки.

Ребекка кивает головой и постепенно отдаляется от нас.

– Ты как, чувак? – спрашивает Джей.

– Отлично. Пока вы всю ночь веселились, я написал новую песню. Она, конечно, еще недоработанная, но, думаю, на следующем выступлении мы ее исполним.

– Супер!

Через минуту мы видим, как у нашего столика стоит молодой мужчина в деловом костюме.

– Простите, я случайно услышал, что вы написали песню, значит, вы музыкант? – спрашивает он Алекса.

– Да, а что такое?

– Меня зовут Эрик Роудс. Я устраиваю свадьбы. И вот сегодня как раз будет такое мероприятие. Но город очень скучный, и мне не удалось найти ничего подходящего для нормальной свадебной вечеринки. Вы не откажетесь выступить на ней? Гонорар гарантирую.

Алекс думает несколько секунд.

– Почему бы и нет? Новая публика – это всегда интересно.

– Отлично! Возьмите мою визитку, ближе к вечеру позвоните, и я сообщу вам адрес.

– Хорошо.

Эрик хватается за телефон и отходит от столика.

– Алекс, ты что, серьезно хочешь, чтобы мы были шутами на этой свадьбе? – говорит с недоумением Джей.

– Во-первых, он пообещал деньги, а во-вторых, у меня в номере куча наркоты, нужно от нее избавляться, и я думаю, что на этой вечеринке будет много гостей, которые не откажутся от волшебных пакетиков.

* * *

Я захожу в номер. Мы не обмолвились с Алексом ни словом. Не могу разобраться, кто из нас в обиде: я или он. За эти несколько дней я стала слишком зависима от него. Чем-то он меня притягивает. Это точно не влюбленность, а что-то другое. Что-то, что заставляет меня меняться за считанные секунды. Несмотря на свое ужасное похмелье, я прекрасно помню наш вчерашний

поцелуй с Алексом. Мне это, безусловно, понравилось. Но только почему он остановился? Мне казалось, что я его привлекаю, как женщина, пусть он ко мне и относится, как к ребенку.

На уголке кровати сидит очень знакомый силуэт. Чед. Снова он. Я точно схожу с ума, ведь нормальным людям не приходят галлюцинации, тем более, когда они не пьяные.

– Чед, что ты здесь делаешь?

– Ты забыла? Я обещал всегда быть с тобою рядом.

Я выдыхаю. Иногда мне становится страшно от того, что он мне является. Раньше он пугал меня своими пророческими письмами, а теперь своим псевдопризраком, который преследует меня по пятам.

– Все изменилось... я изменилась. Я хочу тебя стереть из памяти.

– Человек не может измениться за несколько дней.

– Кажется, я смогла. Я прошу тебя, перестань меня преследовать.

Чед долго сидит, не вымолвив ни слова.

– Сядь со мною рядом, – говорит он.

Я делаю шаги вперед и покорно сажусь с ним. Чед берет мою руку и крепко ее сжимает. Она такая теплая. Мне не хочется ее отпускать. Как же я соскучилась по его прикосновениям.

– Я здесь. Я с тобой. Зачем все это менять? – спрашивает он.

– Это всего лишь сон.

– Но ты же чувствуешь мою руку.

– Чед, прекрати.

– Я не хочу тебя потерять.

В следующий момент наши губы соприкасаются. Мне становится тепло, затем жарко, а потом совсем горячо. Так не хочется останавливаться, так не хочется проснуться и снова оказаться в реальности. Я пользуюсь этими жалкими секундами соблазна. Я целую его и еще крепче сжимаю его руку, затем открываю глаза.

Я лежу на кровати, рядом со мной Стив и он целует меня, при этом я отвечаю ему взаимностью. От недоумения я отталкиваю его.

– Какого черта?! – кричу я. Значит, это был действительно сон, а вместо Чеда я целовала и держала за руку Стива... боже, я точно так сойду с ума.

– Эй, не ори на меня. Я специально выгнал из номера твою подружку, чтобы мы уединились, и где твоя благодарность?

– Неужели ты еще не понял, что все, что между нами было – это последствия алкоголя и дури?

– Понял. Я все понял. И я хочу это продолжить.

Стив снова тянется ко мне, но я его вновь толкаю к кровати.

– Зато я не хочу. Проваливай!

Выражение лица блондина быстро меняется. Оно становится мрачным, а губы растягиваются в ехидной улыбке.

– Ах вон оно что. Наша голубоволосая запала на солиста, а я всего лишь утешение. Теперь все ясно.

– Что ты несешь?

– Вот только запомни, детка, ты для него никто. Он подобрал тебя, как жалкую дворнягу, а как только наиграется, снова вышвырнет. Как и остальных.

– Остальных? – переспрашиваю я.

– Конечно. А ты думала, что ты одна такая неповторимая и загадочная? Мечтай!

Слова Стива задевают меня. Через несколько секунд он, неудовлетворенный, выходит из номера.

А может, блондин и прав. Что если та девушка на фотографиях и есть одна из тех «остальных»? Вот только что с ней стало? Почему Алекс хранит ее фотографии и не желает ничего упоминать о ней? Как же все это странно.

* * *

– Итак, вот план наших действий: пока мы развлекаем публику, Ребекка и Глория будут продавать наркоту, – говорит Алекс.

Мы стоим в холле гостиницы. Парни держат свои инструменты, и Алекс, тем временем, дает мне и Беккс по несколько пакетиков таблеток.

– Ты уверен, что у нас получится? – спрашиваю я.

– Нет. Но ты согласилась помогать нам в наших делах, и поэтому это будет ваше первое испытание.

– Я не согласна это делать, – возражает Беккс.

– Представь, что ты продаешь не наркоту, а что-то другое. Как только ты найдешь своего первого покупателя, тобой овладеет азарт, уж поверь мне.

– Эй, хватит трепать языками. Мы уже опаздываем, – говорит Стив.

Алекс раздает нам последние порции дури.

– Я заранее желаю вам удачи.

* * *

Сердце колотится, как бешеное. До сих пор не понимаю, зачем я согласилась на это. Острые ощущения, это конечно же круто, но не в таком деле. Сегодняшний вечер я проведу в качестве барыги. Всегда об этом мечтала! Я даже не знаю, что нужно говорить, как смотреть в глаза человеку, чтобы загипнотизировать его и продать ему как можно больше товара.

На улице темно, где-то вдалеке слышатся звуки проезжающих машин. Я шаркаю затрепанными кедами по мокрому асфальту и пытаюсь делать вид, что я абсолютно спокойна.

– Мне так страшно, а тебе? – Беккс хватает меня за руку. Ее ладонь такая холодная, это вызывает во мне дрожь.

– После того случая с бандой мне уже ничего не страшно, – соврала я.

– А что если нас поймают? – шепотом спрашивает Ребекка.

– Давай не будем думать об этом.

Мы приближаемся к серому зданию. С каждым шагом музыка становится все громче и громче. Волнение охватывает меня еще сильнее.

* * *

Куча народу, громкие басы и запах перегара. Ничего нового. Для меня это уже становится привычной обстановкой. В центре танцпола зажигают невеста и жених. Платье девушки стало грязно-белого цвета. Жених, по-моему, уже не помнит, какой сегодня день и что он вообще здесь делает. Кто-то валяется на полу в своей же рвоте, кто-то еще немного трезв и ухлестывает за официантками. Смотрю на все это с отвращением и сама понимаю, что я – одна из них. Я уже вписалась в эту массу. Меня исключили из школы, я сбежала из дома и теперь каждый день

вливаю в себя граммы алкоголя, вдобавок балую себя цветными таблетками и порошком. Я отношусь, как там их называют, к «трудным подросткам»? Ведь у всех моих сверстников есть какие-то цели, они трудятся в школе, планируют, в какой университет поступать и вообще как им дальше жить. Мои же планы – умереть. Но перед этим попробовать все, чего я еще никогда не пробовала. Ощутить драйв, риск, кайф от препаратов, которые разрушают психику.

– Эрик! – говорит Алекс.

Зачинщик всего этого подходит к нам с огромной улыбкой на лице.

– Я рад, что вы пришли, ребята. Вы меня выручили. Гонорар получите сразу после выступления.

– Договорились, – Алекс смотрит на меня и Ребекку, – эй, ну хватит трястись, идите лучше выпейте чего-нибудь, а уже потом ищите покупателей.

Мы ничего не отвечаем. Одновременно развернувшись, я и Беккс направляемся к бармену. Спустя некоторое время возле нас оказываются бокалы с зеленоватой жидкостью.

– Что это? – спрашивает Ребекка.

– «Холодная Маргарита». Попробуй, тебе понравится.

Я делаю несколько глотков. Напиток приятно и в то же время обжигающе проходит по пищеводу.

Беккс, следует моему примеру. Ее лицо в момент скривилось после первого глотка, но затем она не останавливается и выпивает все содержимое залпом. Моя нижняя челюсть пребывает в отвисшем состоянии.

– Хочу еще...

– Беккс, ты в порядке?

– Да... в полном. Дайте мне еще Маргариты!

– Слушай, если у тебя что-то случилось, ты можешь рассказать мне.

– Ничего не случилось, Глория. Я просто никому не нравлюсь. И никогда не понравлюсь.

– С чего такие выводы?

– Он постыдился всем сказать, что провел эту ночь со мной... конечно, я же малолетка. Кому я вообще нужна?

– Мне нужна. И я уверена, что ты нравишься Джею.

– Зато я в этом не уверена.

Я достаю из маленькой сумочки, которую мне пришлось купить, ради того, чтобы класть наркоту, пакетик.

– Что ты делаешь? – спрашивает Беккс.

– На этот раз, я ничего тебе не буду подмешивать. Ты это примешь сама.

– Я не хочу...

– Беккс, я понимаю, что наркотики – это плохо, но, может быть, благодаря ним ты станешь хоть немного уверенней в себе?

Я кладу на ладонь две таблетки. Одна из них оказывается у меня во рту, я запиваю ее Маргаритой.

– Запивать таблетки алкоголем – верная смерть.

– Может, оно того стоит? – говорю я.

Беккс неуверенно берет с моей руки таблетку и через несколько секунд раздумий запивает ее.

– У тебя все получится.

Алекс был прав, после принятия алкоголя страх отпал за считанные секунды. Стало легко. Опять. Раньше это ощущение было таким незнакомым, а теперь довольно привычное.

Парни выступают на сцене, все присутствующие вслушиваются в их песни, кто-то поднял

руки и водит их по сторонам в такт. Я осматриваю помещение и изучаю гостей. Дилером быть не так-то просто. Нужно искать людей, которые уже давно потеряли свою бдительность и готовы согласиться на все, что им предложат. Кажется, я уже нашла одного из таких людей.

Мужчина лет тридцати пяти сидит один, возле него пустая бутылка рома.

– Привет, не хочешь повеселиться? – говорю я и достаю из сумочки пакетик.

– Сколько?

– Семьдесят.

– Беру двойную порцию.

Я отдаю ему дурь, он мне деньги, затем мы делаем вид, будто ничего не было. Вспоминаю слова Алекса, что после первого покупателя нами овладеет азарт. Это действительно так. Когда люди соглашаются у тебя что-то купить, и дают хорошие деньги, – это необъяснимый кайф. Я нахожу еще одного покупателя, и еще, и еще. В конечном счете моя сумочка совсем опустела. У меня куча денег.

Я вижу в толпе довольную Ребекку. Она танцует, видимо, действие наркотика ей начинает нравиться.

– Беккс!

– Я почти все продала! – радостно говорит она.

– Я тоже, у нас неплохо получается.

– Видела бы мама, чем я здесь занимаюсь, – смеется Беккс. Она совсем не отдает себе отчета, что делает. Мне нравится видеть ее такой. Неозадаченной, не погруженной в свои проблемы. Каждому человеку, хотя бы раз в жизни нужно расслабиться, пусть даже при помощи наркоты.

* * *

Мы торчим здесь уже больше трех часов. Вечерника продолжается и еще неизвестно, когда она закончится. Я снова танцую среди таких же пьяных и обдолбанных людей, как я. Никогда бы не подумала, что моя атмосфера может стать такой.

Внезапно меня кто-то хватает за руку. Это Алекс. Мы отходим с ним к стене.

– Ну, как идут наши дела?

– Просто отлично! – я показываю ему прибыль.

– Ух ты. Повторюсь в сотый раз – я в вас не ошибся.

– Держи, – говорю я, и отдаю ему в руки половину суммы.

– А все остальное?

– А все остальное – мое. Ты что забыл, что мы теперь в одной упряжке?

Алекс долго стоит с недоуменным видом.

– Да уж... спасибо и на этом. Нужно найти Ребекку.

– Подожди. У меня есть для тебя сюрприз.

Я достаю из сумочки одну таблетку, которую я приберегла специально для него.

– Думаю, сегодня можно обойтись и без этого.

– Алекс, всего одна таблеточка.

Он смотрит мне в глаза, затем открывает рот, я при помощи указательного пальца кладу ему на язык таблетку.

Это выглядело очень сексуально, я чувствую, как у нас появилось обоюдное желание, такое же, как и вчера. Но я не собираюсь ему подчиняться. Алекс вчера оттолкнул меня, значит во мне что-то не так. Следовательно нечего поддаваться искушению.

Я спиной опираюсь на какую-то дверь.

– Что здесь? – спрашиваю я, открывая дверь.

В меня ударяет запах улицы, мокрого асфальта. Выход на крышу. Длинная лестница ведет к маленькой дверце на чердак. Я поднимаюсь по ней.

– Что ты делаешь?

– Хочу охладиться.

Алекс следует за мной. Через несколько минут мы оказываемся на крыше здания. Ночное небо, холодный ветер, шум машин внизу – все это мне напоминает наше свидание с Мэттом. С парнем моей мечты. Внутри меня раздается непонятная боль. Боль прошлого. Такая боль возникает именно тогда, когда очень хочется что-то вернуть, но время оказывается намного сильнее нас и оно нам неподвластно. Я осматриваю панораму этого маленького городка. Он такой чужой, и люди в нем совсем чужие. Не такие, как в Бревэрде. Весь этот воздух чужой. В моей голове сейчас бред, и вы это наверняка заметили. Я делаю шаги вперед, подхожу к самому краю крыши, поднимаюсь на перекладину и закрываю глаза.

– Глория, слезь оттуда, – слышу я голос Алекса.

– ...я хочу летать... так высоко... чтобы все смотрели на меня... и завидовали, что у меня есть крылья...

Сейчас все мое тело подчинено литрам алкоголя и граммам наркотического вещества. Мое сознание витает в облаках, и я не подчинена сама себе.

Ветер нарушает мое равновесие и я сама не замечаю, как мои ноги отрываются от земли, я открываю глаза и понимаю, что вот-вот сорвусь и разобьюсь с огромной высоты. Я не чувствую страха. Еще секунда и моя жизнь закончится. Хотя бывали случаи, когда люди падали с крыши и не погибали, на всю жизнь оставаясь инвалидом, употребляя энтеральное питание.

В это же мгновение я чувствую, как Алекс обхватывает мою талию, и с такой же скоростью мы падаем на поверхность крыши. Солист оказывается на мне, мы дышим в унисон. Я смотрю на его испуганное лицо и начинаю истерически смеяться. Он откидывается и ложится рядом со мной. Господи, сейчас бы я лежала на земле, около меня бы была багровая лужа крови, затем бы началось дикое скопление людей, с одним и тем же вопросом: «Зачем она это сделала?». Обалденно. Но Алекс всего этого меня лишил. Во мне сейчас борются чувства благодарности и ненависти. Я слышу звук зажигалки, Алекс делает длинную затяжку, затем выдыхает. Черное звездное небо становится из-за дыма серым и блеклым.

– Тебя не учили с девушками делиться?

– На сегодня тебе уже хватит.

– Всего одна затяжка.

– Одна затяжка, одна таблетка. Тебе конкретно сносит крышу, когда ты употребляешь.

– И это мне говорит наркодилер.

Мы смеемся. Алекс все же дает мне в руки сигарету. Мы смотрим на небо, не обращаем внимания на жутко холодную и мокрую поверхность крыши, из-за которой наши тела дрожат.

– Прости за то, что я выгнал тебя вчера.

– ...это ты меня прости. Иногда я бываю слишком любопытна.

– Иногда?

– Прекрати. Я тут пытаюсь извиниться перед тобой по-нормальному, а ты меня подкальываешь?

– Молчу-молчу.

Он такой взрослый, с ним очень уютно. Интересно, сколько Алексу лет? Выглядит он точно не на восемнадцать. Щетина, длинноватые черные волосы и массивные руки делают его очень мужественным.

Внезапно я замечаю какое-то изменение в нашей обстановке. Нет басов снизу. Абсолютная тишина. Слишком странно для свадебной вечеринки.

– Музыка перестала играть, – говорю я.

– Пойду посмотрю, что там.

Алекс поднимается и направляется к двери. Я изменяю свое положение на сидячее и обхватываю колени руками. Очень холодно. Каждый участок тела покрыт мурашками.

– Черт возьми! – кричит Алекс.

– Что случилось? – я вскакиваю.

– Там полно копов. Кто-то вас засек. Меня мгновенно бросает в жар.

– ...боже, этого не может быть. Все были только рады, что я им это продавала.

– Нужно бежать.

Солист начинает искать пожарную лестницу.

– Там же Беккс, я не могу ее бросить!

– Она со Стивом и Джем. Они выберутся.

Слова Алекса показались мне убедительными. Я следую за ним. Он крепко цепляется за лестницу и спускается.

– Главное, не смотри вниз, – говорит он мне.

На мгновение мне показалось, что действие наркотика закончилось, ибо сейчас мне очень страшно, и в голову лезут мысли, разрушающее мое спокойствие.

Я переступаю с одной железной перекладки на другую. От них на руках остается неприятный желтый налет из-за ржавчины. Мы оказываемся на земле, у задней стороны здания. Я и Алекс направляемся к главному входу ресторана, я насчитываю около шести машин полицейских.

– Как же их много, – говорю я.

Алекс быстрыми шагами идет на автомобильную стоянку, берет камень и разбивает стекло у одной из машин.

– Алекс, ты что, собираешься ее угнать?

– А ты что мне еще предлагаешь?

– Давай дождемся ребят, пойдем в гостиницу и пересидим там.

– Полиция начнет искать нас везде, а когда найдут, то всю оставшуюся жизнь мы будем гнить в тюрьме.

Солист садится в машину. Я оглядываюсь по сторонам в надежде увидеть Беккс, но из здания никто не выходит. Другого выхода у меня все равно нет. Я сажусь в машину. Алекс что-то мудрит с проводами, дабы завести машину. Я вижу, как из здания выходят пара полицейских.

– Быстрее! – говорю я.

Машина заводится, через несколько секунд мы потихоньку отдаляемся от этого места.

* * *

Ночной город, смешение света фонарей, и куча проезжающих мимо такси. Спустя некоторое время мы оказываемся вне города. Едем не по федеральной трассе. Здесь больше нет машин. Только мы. Я через каждую минуту смотрю назад, не едут ли за нами копы. Но, к счастью, дорога совсем пуста.

– Куда мы едем? – спрашиваю я.

– Понятия не имею. Главное, как можно дальше уехать от этого места.

– А как же Беккс, Стив, Джей?

– Я же сказал, они выберутся. Сейчас нам нужно думать только о самих себе.

Мой лоб соприкасается со стеклом. Вся эта мертвая обстановка за пределами машины только омрачает нашу ситуацию. Мы едем в неизвестность. Полиция будет нас искать повсюду. Если найдет, то меня и Ребекку направят обратно во Флориду, а там уже и приговор будут выносить. Тюрьма хуже самоубийства. Лучше доживать последние свои дни на свободе, общаясь с людьми, чем провести их в четырех стенах, медленно сходя с ума.

От всех этих мыслей мои веки смыкаются. Я прекрасно понимаю, что спать мне сейчас ни в коем разе нельзя, но усталость берет свое.

* * *

Я не слышу звук мотора, и мой лоб не бьется о стекло из-за движения. Я открываю глаза. Машина стоит у обочины. Рядом находится фонарный столб. Свет противный и тусклый. Я замечаю, что Алекса нет на месте. Выхожу из автомобиля. Ноги ужасно затекли. Я вижу Алекса. Он сидит на асфальте и делает глубокий вдох.

– Почему мы остановились?

– Меня начало накрывать.

Я сажусь рядом с ним. Челюсти нервно соприкасаются друг с другом из-за холода. Я начинаю дуть на ладони теплым воздухом, но это едва помогает согреться.

– Раньше я думала, что моя жизнь дерьмо и если я убегу, то все изменится... Черт возьми, как же я ошибалась.

– Мы выберемся из этого дерьма, я обещаю.

– Да дело не в этом, – вскакиваю я, – дело в том, кем стала я. Я хотела измениться в лучшую сторону, а получилось только хуже. Хотела стать сильнее, а стала еще слабее. Я хотела встретить хороших людей, но на самом деле, всех хороших я уже давно оттолкнула от себя.

– Ты сейчас несешь бред.

– ...я переспала со Стивом, – не знаю зачем я это сказала. Но я просто не могу в себе ничего таить. Пусть он знает правду.

– И что? С ним пол штата переспало. Это вызывает во мне недоумение.

– То есть... для тебя это ничего не значит?

– Конечно, нет.

Его слова словно удар ножом в спину. Стив был прав. Я действительно для Алекса никто и ничто. Я чувствую, как начинаю ему надоедать, и скоро он от меня избавится. Господи, ну сколько можно уже ошибаться в людях?! Пора бы давно понять, что все люди – твари, которые только пользуются тобой.

– Ладно, нужно ехать.

Алекс садится в машину, а я продолжаю стоять с невероятно гадким чувством на душе.

– Ты еще долго будешь там стоять?

Как же хочется сорваться и убежать, но я знаю, что одна я пропаду и поэтому мне некуда деваться.

Я залезаю в салон. Машина трогается с места.

Пытаюсь взглянуть в темноту, но все равно ничего не вижу. Освещения на дороге нет. Лишь старые фары машины нас спасают. Меня снова начинает клонить в сон, но на этот раз я не собираюсь ему поддаваться. Автомобиль внезапно начинает вилять в разные стороны. Я смотрю на Алекса. У него красные глаза, пот струится по лицу, вид довольно жуткий.

– Тебе плохо? – спрашиваю я.

– Нет. Все нормально.

– Может, еще остановимся?

– Я же сказал, все нормально!

Я замолкаю. Его конкретно накрывает. Машина резко сворачивает на встречную полосу.

– Алекс, смотри на дорогу! – он меня не слышит, я чувствую, как его сознание постепенно исчезает. В следующий миг автомобиль съезжает с дороги, я ощущаю некую невесомость, сквозь темноту я пытаюсь понять, что происходит, и, наконец, до меня доходит – мы падаем.

– Алекс!!! – кричу я.

Колеса машины со всей силы ударяются о землю, и с огромной скоростью автомобиль скатывается со склона. Алекс пытается нажать на тормоз, но техника ему не подчиняется. В следующую минуту автомобиль во что-то врежется и переворачивается.

Мое сознание мгновенно отключается.

Глубина. Вода ледяная, мышцы сковывает моментально. Все черное. Я ничего не вижу вокруг. Внутри меня еще есть немного воздуха, но его едва ли хватит, чтобы выжить. Я парю в воде. Еще минута и воздуха не останется. В моих легких окажется вода. Я умру. Я смотрю наверх. Там светло и вода кажется теплее. Я помогаю себе руками и ногами, чтобы добраться до поверхности. Воздух предательски меня покидает, но еще немного и я выберусь из этой проклятой глубины. Одна секунда, вторая, я захватываю ртом воздух, я наконец-то вынырнула. Я жива.

* * *

Резко открываю глаза, тяжело дышу. Пройдет несколько минут перед тем, как я пойму, что нахожусь вверх тормашками. Одно малейшее движение вызывает противный скрип металла. Я в машине, в подвешенном состоянии, меня лишь удерживает ремень безопасности. На моих руках кровь и порезы из-за разбитого лобового стекла. Я делаю усилие и поворачиваю голову – Алекс до сих пор без сознания. Я еле-еле протягиваю к нему руку, снова раздается этот противный скрип.

– Алекс...

Я не чувствую никакой боли. Слышу лишь громкое биение своего сердца. Я жива. Я снова выжила. Мы находимся в этой машине давно, еще немного и произойдет взрыв. Нужно выбираться. Отстегиваю ремень безопасности, ногой начинаю вышибать заклинившуюся дверь. С первого раза не получается, со второго тоже. Но на третий мне удастся подчинить себе эту железяку. Я в прямом смысле выползаю из-под груды металла. Хватаюсь руками за землю, перестаю чувствовать едкий запах бензина, в меня ударяет чистый холодный воздух. Я еще долго лежу на земле, свернувшись калачиком. Мною одолевает чувство паники. Из-за долгого пребывания в перевернутом состоянии кровь бешено стучит по вискам. Голова кружится. Ко рту подбирается рвота.

Я нахожу в себе силы, чтобы подняться. Осматриваюсь вокруг. Ни души. Ни звука. Здесь только я, Алекс и обломки машины. А что если я уже умерла? Ведь после такой аварии я не чувствую совсем ничего. Хотя это возможно просто шок. Я, прихрамывая, обхожу автомобиль. Кое-как открываю водительскую дверь. Алекс тоже покрыт слоем запекшейся алой крови. На минуту мне показалось, что он совсем не дышит. Чувство паники накатывает с новой силой. Я цепляюсь за Алекса и начинаю его вытаскивать из машины. Это оказывается сложнее, чем я думала. Мне кажется, что еще немного и мои сухожилия разорвутся от такой тяжести. Я закрываю глаза и мысленно себе говорю, что я обязана это сделать. Я тащу его. Голова начинает кружиться еще сильнее. Я сажусь возле него, и вот сейчас мне становится действительно страшно. Вся эта ситуация сама по себе ужасна. Мы разбились из-за того, что были под кайфом. Лучше бы я умерла, ведь теперь только от меня зависит жизнь Алекса.

– Алекс, очнись, – говорю я, одновременно ударяя его по щекам, – пожалуйста, очнись! – я чувствую, как из моих глаз по текли слезы. Он не дышит. Его грудь совсем не движется.

Я, не раздумывая, кладу одну ладонь на другую в области сердца Алекса и начинаю делать непрямой массаж. Одновременно заглатываю порцию воздуха и вдыхаю ему в рот. Когда-то в школе нас учили оказывать первую помощь. У меня просто безвыходная ситуация.

– Очнись! – делаю пятнадцать нажатий на грудину с двумя вдохами, движения получаются

очень неумелыми.

– Очнись!!! – кричу я, не переставая делать нажатия. Теперь я начинаю чувствовать боль в запястьях, но мне все равно.

– Очнись!!!

Я кладу пальцы на шею и проверяю его пульс – я его ощущаю. Снова делаю искусственное дыхание. В этот же момент он открывает глаза.

– Алекс, ты жив! Слава богу! – я обнимаю его, слезы не прекращают скатываться с щек.

Я смотрю на него и ощущаю его боль. Он медленно дышит ртом, поворачивает голову, смотрит на машину. Я вижу в его глазах страх.

– Черт побери... – тихо говорит он, затем я замечаю, как ему становится еще больнее, – кажется, я вывихнул плечо.

Я аккуратно дотрагиваюсь до его руки, нащупываю на плече головку сустава, на лбу Алекса появляется холодный пот.

– Да... нужно его вправить.

– ...сможешь?

– Я постараюсь, – с неуверенностью говорю я.

Крепко держу его запястье одной рукой, плечо другой и насчет три резко дергаю его руку. В этот момент Алекс издает душераздирающий крик. Я не знаю, как я смогла это сделать. В меня будто вселился кто-то другой. Кто-то более сильный и отважный.

– Ну и сила у тебя, – говорит Алекс с зажмуренными от боли глазами, – ...спасибо. Ты-то как?

– Нормально. В таких случаях обычно говорят, что мы родились в рубашке.

Мы оба чувствуем, как запах бензина становится еще более четким.

– Черт! Сейчас здесь все рванет! – кричит Алекс.

– Давай, – я помогаю ему подняться, медленными шагами мы отдаляемся от машины, но через мгновение за нашими спинами раздается взрыв. Мы падаем. Уши моментально закладывает. Все заволкло черным дымом. Я смотрю на Алекса. Мы оба не по-детски дрожим.

– С добрым утром, – говорит он.

У меня начинается истерический смех. Я и он смеемся в унисон. Не описать, какие чувства мы испытываем на данный момент. Это хуже, чем страх, паника и все вместе взятое.

* * *

Сейчас мы похожи на девяностолетних старичков, хотя даже они намного здоровее и активнее нас. Мы держимся друг за друга, помогаем друг другу идти, хромаем в унисон. Кое-как я и Алекс добрались до дороги. Это очередная мертвая зона. За столько времени, сколько мы идем, не попалось еще ни одной машины. На улице серо и сыро. Не думала, что в Оклахоме настолько мрачно.

– Джей, я не знаю, где мы находимся. Мы отъехали, неверно, миль сто... – говорит Алекс по едва уцелевшему после аварии телефону.

– Спроси, как там Ребекка.

– Мелкая с вами? – они называют Беккс «мелкой»? Очень мило. – Да, она с ними и через каждую секунду спрашивает о тебе, – я улыбаюсь и с облегчением выдыхаю. – Молодцы, что забрали все вещи, за вами не было хвоста?.. Отлично. Как только мы доберемся до какого-нибудь населенного пункта, то сразу позвоним вам, – Алекс отключает телефон, чтобы сэкономить батарею.

Мы идем посередине дороги. Дует сквозной ветер. Мое тело, перепачканное кровью из-за множества царапин, облачено всего лишь в то самое платье со стразами. Мне очень холодно.

– О чем думаешь? – спрашивает Алекс.

– О д-душе, теплой воде, постели и горячем чае, – скрипя зубами, говорю я.

Алекс останавливается и отдает мне свою кожаную куртку.

– Надень.

– Тебе тоже холодно.

– Перестань, – он аккуратно надевает на меня куртку. Мне становится чуть-чуть теплее, – с тобой точно все в порядке?

– Я же сказала, да. Только царапины.

Мы продолжаем идти. Серость погоды начинает угнетать меня.

– Знаешь, я тут подумал... тебе нужно вернуться домой. У меня вмиг пересыхает во рту.

– Почему?..

– Я тебя чуть не угробил.

– Это был несчастный случай.

– Глория...

– Что?! – мы останавливаемся и смотрим друг другу в глаза. – Ты хочешь избавиться от меня? Я теперь тебе больше не нужна?

– Ты еще мала, чтобы это понять.

– Хватит! Не говори со мной так, будто я маленькая девочка.

– А разве это не так? Ты поссорилась с отцом, сбежала из дома – это поступок обычного подростка.

– ...ты же сам сказал, что мне нужна новая жизнь?

– Я ошибся, – Алекс снова делает шаги вперед, – найдем населенный пункт, поймаешь машину и уедешь.

Я продолжаю стоять на месте.

– Я никуда не поеду.

– Тогда мне придется тебя заставить.

– А Ребекка? Она будет с вами?

– С ней мы тоже разберемся. Глория, пойми, я не хочу больше тебя калечить. Из-за этой аварии мы чуть не погибли.

– Да я лучше бы сто раз сдохла в той машине, но я никогда не вернусь к своему отцу! Я его ненавижу! Ты слышишь меня? Я его ненавижу!!! – внезапно вся моя чувствительность снова ко мне возвращается. Я ощущаю острую боль в боку, будто кто-то воткнул туда нож и вертит его по часовой стрелке.

– Что с тобой?

– ...ничего, – нахожу в себе силы ответить я.

Холодные капли с неба падают мне на лицо и постепенно скатываются по подбородку.

– Ну, отлично! Дождя нам еще не хватало, – говорит Алекс.

Мы продолжаем путь. Редкие капли с каждой секундой учащаются и небольшой дождь превращается в ливень. С каждым шагом становится все труднее и труднее идти. Капли ледяного дождя с ветром – это убийственная смесь. Раны начинают сильно щипать. Кажется, что кто-то их расковыривает иголками. Машин нет. Мы одни в забытом богом месте. Начинает урчать в животе от голода, я забыла, когда последний раз клала крошку хлеба в рот. Голова кружится. Силы постепенно покидают нас.

Через некоторое время мы уходим с дороги, находим высокое дерево с обширной кроной и садимся у его ствола. Боль растет с каждым мгновением. Мне трудно дышать, и я до сих не

понимаю, от чего она исходит.

– По-моему, он никогда не закончится, – говорит Алекс.

Я смотрю вникуда, пытаюсь забыть о том мучении, которое я испытываю сейчас.

– Так и будешь молчать?

– Стив был прав...

– В смысле?

– Ты со всеми так поступаешь. Со всеми девушками. Сначала ты их находишь, играешь в героя, а потом выбрасываешь. Теперь я одна из них.

– Это бред, – Алекс садится рядом со мной. – Стив так сказал лишь потому, что ревнует тебя ко мне.

– Ревнует? Он просто похотливый самец, для него ревность и любовь неприемлемые вещи.

– Ошибаешься...

Я немею. Неужели я нравлюсь Стиву? Да быть такого не может. Он не способен любить. Его жизнь – это минутные перепихоны в уборных клубах.

– Глория, я думал, что если ты поедешь со мной и познаешь, когда жизнь действительно называется дерьмом, то ты вернешься домой и у тебя все будет хорошо.

– Дома у меня никогда не будет хорошо.

– А как же Чед?

– Забудь о нем! Помимо Чеды меня там ждет мать, которой еще лет пять жить на транквилизаторах, папуля-тиран и мачеха. Я не хочу туда возвращаться. Мне хорошо с вами, и мне не нужна больше моя семья.

– ...когда-то я тоже так сказал. Знаешь, мой отец намного хуже твоего был. Он избивал меня, маму, сестру. Мать почти каж дые полгода лежала в реанимации с переломанным черепом. Мне надоела эта жизнь, и я сбежал из дома. Познакомился со Стивом и Джем. Нас объединила музыка. Мы решили уехать из города и сочинять песни. Сначала все было круто, но потом я понял, какая же я скотина. Я бросил маму и сестру с этим чудовищем. Я вер нулся... но вместо дома я увидел руины. Случился пожар, мама с отцом сгорели заживо. И вот тогда я понял, каким же я был идио том, когда сказал: «Мне не нужна моя семья».

Я пребываю в потрясении от услышанного.

– А сестра? Где она?

– Соседи сказали, что после пожара она уехала в неизвестном направлении. Все, что у меня от нее осталось, – это фотографии.

– То есть... та девушка – это и есть твоя сестра?

– Данна. Она чем-то похожа на тебя. Такая же глупая... но сильная.

Наконец-то я теперь все о нем знаю. Всю его жизнь, боль и потери. Все его слабые места.

– Алекс, наши семьи разные. С моей такого не произойдет. Они, наоборот, будут только рады жить без меня. Я хочу остаться с вами.

Солист молчит. Я не слышу от него ответной реакции.

– Дождь закончился. Нужно идти, – резко говорит он. И правда, стало так тихо, даже ветра не слышно.

* * *

Земля превратилась в месиво. Кеды разъезжаются, идти очень сложно. Боль продолжает меня сопровождать. Очень трудно отвлечься от нее, она сковывает все движения. Я пытаюсь делать вид, что со мной все в порядке.

– Можно спросить? – говорю я.

– Сегодня день вопросов?

Я смеюсь, это вызывает во мне новую порцию боли.

– Сколько тебе лет?

– Ну что ж, пора раскрыть все карты. Двадцать шесть.

– Ну ты и старикашка! – говорю со смехом я.

– Спасибо.

– Я шучу. Двадцать шесть... десять лет разницы... так вот по чему рядом с тобой я себя чувствую как-то по-другому, будто ты мой учитель или даже отец.

Он останавливается.

– Я с тобой тоже себя чувствую иначе. Кажется, что ты моя сестра. Самое родное, что у меня осталось в этом мире.

Его слова застают меня врасплох.

– Ты пытался ее найти?

– Смысла нет. Я уже никогда не смогу разыскать ее.

– А что если попытаться?

В следующий момент мы глазам своим не верим, на дороге появляется машина! Мы становимся в центр и начинаем голосовать, чтоб наверняка.

На наше счастье автомобиль останавливается.

– Эй, что вы здесь делаете в такую погоду? – спрашивает во дитель, мужчина лет пятидесяти.

– У нас машина сломалась. Довезешь до города? – говорит Алекс.

– Садитесь.

Здесь тепло. Играет радио. Я чувствую, как меня начинает уже тошнить от сырости и запаха дождя. Машина заводится. Я обхватываю себя руками. Хочется завизжать от боли в боку, но я терплю, делаю глубокие вдохи и смотрю в окно.

– Да уж. Оклахома – это вам не рай. Дожди идут круглые сутки. Вы слушали синоптиков?

– Нет, – отвечает Алекс.

– По вам видно. Значит, вы не местные.

– Полиция продолжает поиски группы подростков, продававших наркотики. По предположительным данным, в группу входят две девушки и трое юношей. Фотороботы пока не составлены. Следите за развитием событий, – сообщает диктор по радио. У меня мурашки побежали по коже. Мы с Алексом переглянулись.

– Что этим подросткам спокойно не живется? Вечно они ищут приключения на свою задницу.

* * *

Через некоторое время мы оказываемся в каком-то маленьком городке. Я боюсь смотреть в глаза людям, потому что мне кажется, что они сразу поймут, кто я, и позвонят в полицию. Алекс несколько минут разговаривает по телефону, затем подходит ко мне.

– Я позвонил Джею, сообщил наши координаты. Они скоро будут.

– Я так хочу есть, сейчас с ума сойду.

– Я видел неподалеку кафе. Пойдем.

Он и я сидим друг напротив друга, едим гамбургеры на деньги, которые я заработала, продавая наркоту. Еда немного заставляет меня забыть о спазме в боку.

– Алекс...

– Что? Опять хочешь о чем-то меня спросить?

– Угадал... Ты любил когда-нибудь?

– Да. Музыка.

– А если серьезно?

– Может быть. Я всегда стараюсь избегать этого чувства. Оно делает людей слабее.

– По-моему, лучше быть слабым, но кем-то любимым, чем всегда одиноким.

– Вот когда повзрослеешь, поймешь, что это не так.

– Опять начинаешь? Я уже взрослая и все прекрасно понимаю. – Да?

– Да.

– А бургер нормально есть еще не научилась, – он протягивает ко мне свою руку и стирает с щеки майонез.

– Научишь меня, папочка? – говорю я, убирая его руку.

– Ну, что это за угрюмое лицо? Улыбнись. Я приказываю тебе улыбнуться!

– Еще чего!

Алекс привстает, обеими руками дотрагивается до моего лица и пальцами раздвигает уголки моего рта. Мне становится щекотно, и я смеюсь.

– Так лучше, – говорит он.

Резко боль в боку становится в три раза сильнее. Я не могу себя уже сдерживать. Чувствую, что еще немного и из моих глаз непроизвольно пойдут слезы.

– Я сейчас приду.

Еле-еле встаю и направляюсь в туалет. Слава богу, что здесь никого нет. Я подхожу к зеркалу. Снимаю куртку и замечаю, что она вся пропитана кровью. Затем смотрю в зеркало, половина моего платья в крови. Я медленно расстегиваю молнию на боку и вижу, что у меня чуть ниже ребер торчит осколок от лобового стекла! Боль из сильной превращается в адскую. Я зажмуриваюсь, хватаюсь за осколок и резко вынимаю его из тела. Я вскрикиваю от боли. Кровь льет струей. Осколок вошел не слишком глубоко, хотя по размерам он где-то около шести сантиметров. Я хватаюсь за бумажные полотенца, пытаюсь остановить кровь, но у меня ничего не получается. Я рыдаю навзрыд от боли. Поражаюсь себе, как я столько могла терпеть. Шок сыграл свою роль. Бумага пропитывается алой кровью. Я застегиваю платье. Мою руки и заставляю себя стать хоть немного сильнее. Утешаю себя только тем, что еще немного и я смогу умереть от кровопотери. Нужно продержаться еще несколько часов. Алекс ничего не должен заподозрить и, возможно, уже сегодня я обрету вечный покой.

Я подхожу к столику. Куртка на мне застегнута, чтобы Алекс не увидел испачканного кровью платья.

– Ты еще что-нибудь будешь? – спрашивает он.

– Нет. Я сыта, – тихо отвечаю я.

– Вид у тебя какой-то бледный.

– Я просто устала.

– Предлагаю найти какой-нибудь мотель и отдохнуть до приезда наших.

В глазах все темнеет, голова кружится, я стараюсь не терять сознания. Алекс берет меня за руку.

Спросив у прохожих, мы находим мотель. Он больше похож на заброшенную ферму, но выбора у нас все равно не остается. Сейчас я ощущаю какую-то легкость, боли нет, ну, может, она и есть, вот только я почему-то ее больше не чувствую. Лишь силы с каждой секундой сбегают от меня. Смотрю вниз и вижу, как по ноге потекла струя крови. С каждым разом она все темнее и темнее. Я сажусь на корточки. Алекс все еще идет вперед.

- Ты чего там?
- Шнурки развязались.
- Догоняй.

Он отворачивается, а я быстро стираю кровь с ноги рукавом куртки. У меня ничего не выходит, нога становится только краснее. Я поднимаюсь, иду медленно, мне кажется, что я парю. Все передо мной кружится, в голове стоит непонятный гул. Наверное, это же и чувствует человек перед тем, как он умрет. Ни страха, ни боли, только легкость и предчувствие покоя.

Я еще держусь на ногах, когда Алекс покупает номер и берет ключи у портье. Но когда мы оказываемся в номере, я понимаю, что мне остается существовать недолго. Сил нет даже чтобы сделать глубокий вдох.

– Ну что ж, здесь неплохо, – Алекс идет осматривать ванную, а я падаю на кровать. Я закрываю глаза. Глория, все хорошо. Еще немного и тебя уже здесь не будет. Только жалко Алекса, ему придется прятать мое тело. Хотя мне уже будет все равно.

– Ты первая пойдешь в душ, или... – Алекс смотрит на меня. Мое состояние предательски выдает меня, – Глория... – солист подходит ко мне с испуганным взглядом.

– Я... п-потом.

Алекс дотрагивается до моего лба.

– Господи, да ты вся горишь...

– Все нормально, мне нужно немного поспать.

Алекс расстегивает на мне куртку, я вижу в его лице самый настоящий ужас.

– Твою мать! Почему ты мне сразу не сказала?!

– Это всего лишь царапина.

Солист быстрыми шагами направляется к двери.

– Куда ты идешь?

– На ресепшн, пусть они вызовут доктора.

– Мы в розыске! Приедет скорая, приедет и полиция...

– Ты слышишь, что ты говоришь?! Мне плевать на полицию! Если что, я возьму всю вину на себя.

– Алекс, не надо, пожалуйста! – я падаю на пол, Алекс подбегает ко мне и обхватывает руками.

– Все хорошо. Все будет хорошо, – его руки гладят меня по щекам.

– ...я... хочу умереть.

– Что?..

– Позволь... мне... умереть.

– Ты бредишь.

– Нет... помнишь, ты сказал... что если бы ты... оказался на моем месте... то покончил бы с собой?.., так вот... ровно тридцать пять дней назад... я решила это сделать... я поставила себя на счетчик... пятьдесят дней... если я умру раньше... то ничего от этого не изменится...

Глаза Алекса расширились после услышанного.

– Глупая... какая же ты глупая! – говорит он, целуя меня в лоб.

– ...дай... мне... умереть.

В глазах окончательно все потемнело.

– Глория, посмотри на меня... Глория! Я прощаюсь со своим сознанием.

– Кровопотеря не слишком серьезная. Хорошо, что вы вовремя меня обратились, а то без переливания было бы уже не обойтись. Организм молодой, он с этим справится, – возле кровати стоит лысоватый мужчина в очках и белом халате, на столе разбросаны медицинские приборы. Я лежу почти что голая под простыней. – Нужно обратиться в клинику, девушке необходим покой и постоянный присмотр.

– А что если обойтись без клиники? Покой и присмотр я обеспечу, – наступает минутное молчание, – почему вы на меня так смотрите?

– Просто все это кажется мне немного странным. Рана девушки очень похожа на ножевое ранение, и вы меня вызвали сюда тайком.

– Подождите, вы хотите сказать, что я пырнул ее ножом?

– Мне, кажется, что так оно и есть. Я слышал про эту девушку с голубыми волосами, ее разыскивают родители.

– Он этого не делал, – вырывается у меня.

– Глория, я сам с этим разберусь, – говорит Алекс и резким ударом вырубает доктора, – как ты?

– ...к сожалению, жива. Алекс садится около меня.

– Послушай меня и запомни раз и навсегда – забудь ты про эту хрень с самоубийством. Ты должна жить. Твоя жизнь только начинается.

– Ты не в праве решать мою судьбу. Я хотела, чтобы за эти пятьдесят дней я сто раз передумала о суициде, но теперь у меня появилось еще сто причин, чтобы свести счеты с жизнью.

Раздается рингтон телефона Алекса.

– Да. Хорошо, мы выходим, – Алекс отключает телефон, – это Джей. Они приехали.

– Отлично, нужно свалить, пока он не очнулся.

Я медленно встаю с кровати. Мне ввели обезболивающее, так что сейчас, к счастью, я ничего не чувствую. Надеваю на себя кровавое платье, хотя его платьем уже назвать нельзя. Застегиваю куртку. Собираюсь выходить из номера, как Алекс хватает меня за руку.

– Я хочу стать одной из причин, чтобы ты жила. Просто знай это.

* * *

Автомобиль. Ребята. Как же я рада их видеть. Хочется поскорее забыть о том кошмаре, что мы пережили с Алексом.

– Ну наконец-то! – радостно говорит Джей, подходя к нам. Он обнимает меня и Алекса. Из трейлера выходит Ребекка.

– Глория! – она бежит ко мне и чуть не сбивает с ног.

– Беккс... – мы крепко обнимаемся.

– Я чуть с ума не сошла без тебя.

– Как вы выбрались? – спрашивает Алекс Джея.

– Через черный ход. Пересидели в какой-то заброшке, а потом забрали все вещи из гостиницы. И теперь мы здесь.

– С сегодняшнего дня я завязываю с торговлей наркоты. Наше призвание – музыка. Так давайте не будем забывать об этом, – говорит Алекс.

Мы все обнявшись направляемся к автобусу. Я не вижу Стива. Он даже не вышел к нам. Неужели он так сильно обиделся на меня и Алекса. Похоже, я ошибалась насчет него.

Я рассматриваю свой бок. Наложённые швы теперь уродуют его. Рана кажется такой маленькой, что даже не верится, что из-за нее я могла умереть. Я до сих пор чувствую какую-то слабость. После принятия душа и смены одежды мне становится намного легче. Теперь на мне длинная футболка Алекса. В ней очень уютно.

– Глория, парни уже ужинают, ты идешь? – спрашивает Беккс.

– Конечно.

Как же мне не хватало такой обстановки. Мы все сидим на кухне. Едим, общаемся, смеемся. Не бегаем от полиции, не стреляем в отморожков и не дрыгаем телами в такт клубной музыки.

Стив проходит из кабины водителя в свою комнату, Джей его задерживает.

– Стив, может посидишь с нами, ради приличия?

– Перебьюсь.

– Что это с ним? – спрашивает Беккс.

– Пойду с ним поговорю, – Алекс встает из-за стола и направляется в комнату Стива.

Через несколько минут я следую за ним, встаю около двери. На секунду оборачиваюсь назад. Джей и Ребекка даже не заметили моего ухода. Они смеются, разговаривают о чем-то, кажется, у Беккс все получилось.

– Что с тобой происходит? – слышу я голос Алекса за дверью.

– Ничего.

– Стив, ты ведешь себя, как пятнадцатилетний пацан.

– Ты... ты ударил меня из-за какой-то телки! Ты никогда такого не делал. Мы были почти братьями... Но теперь все изменилось.

– Стив, ты же сам прекрасно знаешь, это не «просто телка». Эта девушка нравится тебе.

Долгое молчание.

– Может быть, но это уже не имеет ни какого значения. Она выбрала тебя. Все выбирают тебя. Ты же такой супер крутой, кроме тебя вообще никого не существует.

– ...я отношусь к Глории по-другому. Когда я впервые увидел ее, мне показалось, что она такая же, как и все. Стоит в толпе, слушает нашу музыку и думает, какие же мы красавчики. Но когда я подошел к ней после выступления, я понял, что ошибался. Она совсем другая. С кучей проблем, на которые всем наплевать. Она такая же, как моя сестра. Одинокая, настроенная против всего мира. Когда я поцеловал ее, я понял это еще раз. Мне казалось, что я целую Данну... Так что если она тебе нужна – добивайся ее. Я не буду стоять у тебя на пути.

У меня перехватывает дыхание. Я еще долго стою, оперевшись спиной на стену и снова по слову все перебираю у себя в голове.

Дорогой дневник!

Этот день добавляется в копилку моих самых ужасных дней жизни. Да, среди тридцати пяти дней все же были хорошие мгновения. Встреча с Адамом, другом моего детства, обзаведение котом, поездка в Париж, свидание с Мэттом, ночь с Чедом, знакомство с Ребеккой. Я буду помнить это всегда.

Но теперь все переменялось. Странное чувство гнетет меня изнутри. Алекс относится ко мне, как к сестре. Он очень любит ее, и вообще вся эта ситуация с его семьей просто ужасна. У меня никогда не было ни брата, ни сестры. Я не знаю, каково это, любить кого-то родного, заботиться о нем. Ко мне никто и никогда до этого времени не относился, как к сестре. Я не знаю, как мне к этому относиться.

Но это еще не самое худшее. Я РАССКАЗАЛА АЛЕКСУ ПРО СВОИ ПЛАНЫ. Теперь он будет контролировать меня, чтобы я не натворила глупостей. Черт! О чем я только думала, когда все это ему рассказывала?

Теперь уйти из жизни мне будет сложнее. Но, надеюсь, я смогу с этим справиться. Осталось всего 15 дней до моего самоубийства.

Больно дышать полной грудью. Из-за шва на боку все неприятно стягивает. Я чувствую, как кто-то тербит меня за руку. С неохотой открываю глаза. Комната полутемная, автобус стоит на месте. Я с трудом узнаю, кто передо мной стоит.

– Алекс? – говорю в темноту я.

– Тише... – он заставляет меня подняться, – пойдём.

Мы на цыпочках, чтобы никого не разбудить, выходим из комнаты. Я мимоходом смотрю на часы.

– Пять утра?! Ты меня убить хочешь, – говорю я.

– Сказала будущая самоубийца. Я смеюсь.

Алекс открывает люк, достает лестницу, и через несколько секунд мы оказываемся на крыше автодома.

Теперь я, наконец, поняла, зачем он разбудил меня в такую рань. Рассвет. Небо покрыто одновременно и розовыми, и оранжевыми, и желтыми красками. Солнце скрывается за невысоким зеленым горным хребтом. Все это смешивается с тишиной и необыкновенной свежестью утра. Дух захватывает от всего увиденного.

– Ух ты... – говорю я, осматривая все вокруг.

– Правда, красиво?

– Очень даже.

Мы садимся на корточки.

– Знаешь, я все еще не могу прийти в себя от того, что ты мне вчера сказала. Пятьдесят дней, планирование самоубийства. Ради чего все это?

– Я так решила.

– А ты подумала о родителях, о друзьях?

– Да. Много раз. У папы новая любовница, так что я для него обуза. Может, погрустит недельку, а потом снова заживет нормальной жизнью. Мама – больна. Она все мои шестнадцать лет твердила, как ненавидит меня и как жалеет, что не избавилась от меня в первый же день, когда узнала о своей беременности. Бабушка выходит замуж. Я за нее счастлива. Думаю, что хоть это поможет ей забыть обо мне. А друзья? У меня их почти нет. Лучшая подруга готова закопать меня заживо, а с Ребеккой мы знакомы всего ничего, она с этим справится. Больше никого и не осталось. Больше не для кого жить.

– Посмотри на этот рассвет. Это восьмое чудо света. Ради этого нужно жить. Каждое утро наслаждаться этим, наслаждаться музыкой, свободой. Для счастливой жизни люди не нужны. Уж поверь мне.

– Алекс, мы с тобой знакомы несколько дней, почему ты так печешься обо мне?

– Да потому что я не понимаю, почему молодая, здоровая девушка, полная энергии, хочет расстаться с жизнью.

– В том-то и дело, что это моя жизнь и только мне решать: умереть мне или нет.

– Я все равно не допущу этого.

– А я все равно не захочу жить. Какой смысл? Неужели мы всю жизнь будем ездить по дерьмовым городишкам, ходить по клубам, пить, употреблять? Разве это ты называешь жизнью?

– Во всяком случае, если ты покончишь с собой, то это означает, что ты слабая.

– Мне плевать. Да, я слабая, и я так больше не могу.

На нас обрушивается молчание. Снова мертвая утренняя тишина. Затем в нее вмешивается звук зажигалки. Алекс дает мне сигарету, я затягиваюсь.

– Обычно люди, перед тем как умереть, составляют список того, что они хотят сделать перед смертью, – говорит он.

– Я уже почти все сделала. Съездила в Париж. Поцеловалась с парнем моей мечты. Высказала отцу все, что накопилось за шестнадцать лет. Попробовала наркотики и еще познакомилась с такими классными музыкантами.

– А что еще осталось сделать?

– Ну... я не умею кататься на серфе.

– Серьезно? Ты всю жизнь прожила во Флориде и ни разу не каталась на серфе?

– Да, – смеюсь я.

– Тогда тебе тем более нельзя умирать.

Я делаю вторую затяжку, затем третью, четвертую. Ветер уносит пепел ввысь.

– Как твой шов?

– Нормально. Немного побаливает, но это терпимо. А ты как? Как твоя рука?

– Все хорошо... Слушай, если ты хочешь умереть, почему же ты вылезла из машины? Она бы взорвалась, и все твои проблемы решены.

– ...тогда бы и ты погиб, а я не хочу, чтобы из-за моей прихоти кто-то пострадал.

* * *

Я просыпаюсь. Комната стала совсем светлой. После нашего разговора с Алексом прошло, неверно, часов пять, не меньше. Ребекки рядом нет. Я встаю с кровати, открываю дверь. Замечаю, что Джей и Алекс тоже куда-то испарились. На кухне слышу какое-то шуршание. Стив. Он стоит у плиты с голым торсом, а нижняя часть тела прикрыта белыми полотенцем.

– Где все? – спрашиваю я.

– Без понятия.

Я вижу, как рядом с ним лежит какая-то записка. Беру ее в руки: «Мы пошли в магазин, не теряйте нас».

Значит, без понятия он. Отлично, теперь он будет мне мстить за то, что я его кинула, как мелкую девчонку.

– Ты бы хотя бы оделся для приличия.

– О-о, тебя смущает мое тело? А пару дней назад ты его с удовольствием трогала, – я поворачиваюсь к нему, – да уж, у тебя такой дерьмовый вид, и как я мог переспать с тобой?

– Неужели я затронула самолюбие нашего мистера Голая Задница? – с усмешкой говорю я.

– Да я спал с такими девушками, которые тебе и в подметки не годятся.

– Утешай себя этим.

Я открываю холодильник, хочу достать ветчину, но Стив опережает меня и выхватывает ее у меня из рук.

– Как жаль, что ветчины не хватит на нас обоих.

– Ты что, издеваешься?

– А что ты хотела, малышка? Ты живешь здесь не одна, а в большой семье, как говорится, клювом не щелкают.

Чувствую, что еще одно мгновение, и я взорвусь от злости. Направляюсь к плите, хочу взять турку с кофе, но Стив отталкивает меня.

– Кофе я заваривал себе, не обессудь.

Он делает противную ухмылку и уходит к себе в комнату. Я достаю из полупустого холодильника салат в контейнере. В животе неприятно урчит, я беру вилку, пробую салат, и

только потом замечаю, что салат покрыт плесенью!

– Да кстати, салат трехнедельной давности, – выглядывает Стив из-за двери, и увидев мое перекошенное от этой мерзости лицо, начинает ржать, как лошадь.

Прекрасное утро!

Дорогой дневник!

Стив меня ненавидит. Я не знаю, сколько это еще будет продолжаться, но уверена, что он сделает все, чтобы я исчезла из их жизни.

Алекс продолжает меня уговаривать не совершать суицид. Мне это порядком надоело. Он единственный человек, который знает о том, что я задумала. Я совершила огромную ошибку, рассказывая ему об этом. Теперь каждый день мне придется слушать лекции о том, как жизнь прекрасна и какая же я глупая девчонка.

Мне до сих пор трудно передвигаться. Я уже битый час в постели. То сплю, то просыпаюсь, затем снова сплю. Не хочу выходить из комнаты, ведь там снова будет Стив с его идиотскими шуточками, еще одна его такая выходка и я точно врежу ему промеж ног.

Осталось 14 дней.

* * *

– Эй соня, хватит спать! – будит меня Ребекка. – Мы сейчас в таком классном городе.

– Беккс, у меня раскалывается голова, не кричи, пожалуйста.

– Прости. Ты что, плохо себя чувствуешь?

– Нет, что ты. Я всего лишь вчера чудом выжила в аварии. Беккс смеется.

– Пока ты спала я взяла кредитку Тезер и прошлась по магазинчикам. Ты не против?

– Ты же это уже сделала, зачем спрашиваешь?

Ребекка кладет на кровать кучу пакетов разных марок магазинов.

– Я купила и платья, и футболки, джинсы. Размер у нас, кажется, одинаковый, так что будем носить все по очереди. Мне надоело ходить в одном и том же, и я решила обновить наш гардероб.

– Круто...

– Тебе не нравится? Зря я, наверное, взяла без спроса кредитку, да?

– Нет, все нормально.

– Тогда примерь все это, и, кстати, сегодня вечером будет пляжная вечеринка, ты пойдешь с нами?

– Нет. Хочется отдохнуть от всех этих вечеринок, людей, и хотя бы один день провести нормально.

– Как знаешь.

Беккс начинает раскладывать вещи по полкам в маленький шкаф-купе.

– Ты вся светишься, – говорю я.

– ...просто я почувствовала, каково это, быть счастливой. И все это благодаря тебе, – Беккс отбрасывает пакеты в сторону и ложится рядом со мной. Я обнимаю ее.

– Вы теперь с Джем вместе?

– Пока нет, но мы хорошо общаемся... Знаешь, раньше я боялась общаться с парнями, думала, что у них только одно на уме. Но Джей не такой.

– Беккс, нельзя быть уверенным в человеке на сто процентов.

– Ты же сама хотела, чтобы я была с ним?
– Хотела... и хочу, но еще я хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы тебя не предавали так, как меня.
– Пока ты рядом, я буду счастлива.
Я еще крепче обнимаю Ребекку.
– Ты хочешь домой? – спрашиваю я.
– Да... но не сейчас. Возможно, через год. Я вернусь в Бревэрд и покажу маме, кем я стала.
А ты?
– Не знаю... за год может все изменится.
– Ну, ты только представь, ты возвращаешься домой, и твой отец падает в обморок, ведь все уже наверняка считают, что мы погибли... а мы живы. Мы счастливы и свободны.
«Мы счастливы и свободны»... ее слова еще долго звучат эхом в моей голове.

* * *

Я открываю глаза. Вокруг темно. Смотрю на часы – время десять вечера. Обалдеть, я проспала весь день. Из-за этого у меня ломота по всему телу. Выхожу из комнаты. Здесь тихо и пусто. Все ушли на вечеринку. Я начинаю думать о том, что я буду здесь делать совсем одна. Мне осталось жить всего ничего, а я прозябаю целый день дома. Отлежусь в гробу, а сейчас нужно веселиться. Я иду в душ. Снимаю с себя помятую одежду и то, что я вижу в зеркале, повергает меня в шок. Нет почти ни единого кусочка тела, на котором нет ссадин или синяков. Мое тело похоже на тело мученицы. Ужасное зрелище. Я включаю воду, смотрю на свой шов, он начинает щипать, я зажмуриваю глаза. Это просто пытка какая-то, малейшее движение приносит мне новую порцию боли.

* * *

Открываю шкаф. Новые вещи так приятно пахнут. Я просматриваю каждую обновку и выбираю, наконец, одну из них. Черное платье из какого-то мягкого теплого материала. Длинные рукава. То, что нужно. Не хочу, чтобы каждый третий видел мои синяки. Я привожу себя в порядок. Причесываю волосы, поправляю платье. И все-таки, Стив был прав, вид у меня действительно дерьмовый.

* * *

Я иду по темной улице на шум музыки. Этот город уже намного больше, чем все предыдущие. Он окружен прекрасными горными массивами. Во Флориде такого не было. Я привыкла к простору. К бесконечному океану. А здесь, кажется, что все пространство сжато.

– Эй красотка, иди к нам, не бойся! – кричат мне четверо парней с другой стороны дороги.
«Уроды», – думаю я про себя и прибавляю шаг. Через несколько минут я оказываюсь на пляже. Горы, звездное небо, темная река, в которой отражается все это. Здесь прекрасно. Куча людей босиком танцуют на желтом песке. Повсюду горят костры. В центре всего этого стоит диджей и соблазняет всех присутствующих своей заводной музыкой.

Кто-то под кайфом, кто-то попросту пьян. Здесь собрались только те, у кого куча проблем,

но им на это наплевать.

Я нахожу в толпе солиста.

– Алекс!

Он поворачивается ко мне, я обращаю внимание на его пьяный, туманный взгляд.

– О, наша спящая красавица проснулась?

– Я никогда не была пляжных вечеринок.

Да, я это звучит ненормально. Я жила в Флориде, в штате, где круглые сутки на побережье океана проводились вечеринки, но в это время я всегда сидела дома. Мать запрещала мне туда ходить. Мне лишь удавалось тайком выбираться на вечеринки Тезер.

– В твоей жизни еще столько всего не было, а ты хочешь с ней расстаться.

– ...давай не будем об этом.

Я начинаю осматриваться кругом, искать глазами Беккс, но Алекс отвлекает меня.

– Пойдем, – он берет меня за руку и куда-то ведет. Мы расталкиваем своими телами толпу народа и поднимаемся на деревянную сцену, на которой находится диджей.

– Сумасшедший! Нас же здесь все будут видеть, – говорю я, не скрывая своей улыбки.

– А ты представь, что здесь никого нет. Только мы одни. И эта музыка только для нас, этот воздух, эта ночь.

Я постепенно погружаюсь в атмосферу этого вечера, и несмотря на то что мне тяжело двигаться, я заставляю свое тело танцевать.

Мы слышим внизу, как нам кричат: «Зажгите на этой сцене!». Я полностью подчиняюсь музыке, смотрю на Алекса, он смотрит на меня. Сегодня мы звезды. Сегодня нам хорошо.

– Как ты там учила меня танцевать? – он обхватывает мою талию одной рукой, другой крепко держит мою ладонь, и, несмотря на то что музыка клубная, мы начинаем под нее вальсировать. Получается весьма нелепо, но все это заставляет нас смеяться и забыть о том, что произошло за последние дни.

– А ты способный ученик, – говорю я.

Мы делаем несколько танцевальных маневров, диджей специально для нас миксует музыку. Внезапно Алекс меняет свое выражение лица.

– Ты чего? – спрашиваю я.

– Все в порядке. Просто резко повернулся. Видно по его лицу, как ему больно.

– Ты уверен?

– ...да. Пойдем лучше что-нибудь выпьем.

Мы спускаемся со сцены и направляемся к бару. Несколько минут выбираем, что же мы будем пить и, наконец, останавливаемся на водке «Абсолют». После того как бармен дает нам в руки две стопки со льдом, мы одновременно делаем резкий выдох и выпиваем все содержимое. Во рту аж все онемело. Сначала водка жгет желудок, а потом приятно ударяет в голову. Мы смотрим друг на друга, на наши перекошенные лица и смеемся. Затем я теряю равновесие и цепляюсь за Алекса. Еще немного. Еще совсем чуть-чуть и наши губы соединятся в поцелуе, я медленно закрываю глаза, но Алекс отталкивает меня.

– Глория, нет.

– Почему?

– Ты сама знаешь.

– ...Алекс, я не твоя сестра!

– Это очевидно.

– Тогда почему ты со мной обращаешься, как с маленькой девочкой?!

– Потому что мы оба знаем, что будет после этого поцелуя.

– ...и что с того?

– Глория, я не хочу тебя сравнивать с девушками, с которыми у меня просто секс. Ты особенная.

– Да что во мне такого особенного?! Просто скажи, что я тебя не привлекаю.

Алекс долго молчит, смотря мне в глаза, но затем с его уст срываются слова.

– Ты меня не привлекаешь.

Пустота. Противную пустоту я ощущаю сейчас внутри себя. Я разворачиваюсь и ухожу. Он даже не попытался меня остановить. Господи, Глория, о чем ты думала? Такие парни, как Алекс, тебе никогда не светят. Ты лишь достойна парней типа Мэтта. С красивой оболочкой, но гадкой внутренностью. Ты достойна только парней-трусов, парней-предателей. Которые готовы ради своей жалкой репутации бросить тебя и уехать в неизвестном направлении.

Я вижу в толпе танцующую девушку в милом голубом платье. Ребекка.

Я подхожу к ней, она меня не замечает. Ее глаза закрыты, и я чувствую, как ее разум давно уже подчинился алкоголю.

– Вижу, тебе здесь очень весело, – говорю я.

– Глория, ты все-таки пришла! Я знала, что это платье будет на тебе отлично сидеть. Ты пробовала когда-нибудь абсент?

– Да... – сразу вспоминается тот случай с Ником.

– Гадость редкостная, но вставляет не по-детски, – смеется она.

– ...я тебя не узнаю, – на мгновение, мне показалось, что мы с ней поменялись ролями, когда-то она на меня смотрела так, с презрением и недопониманием.

– Хочешь? – Беккс протягивает мне бутылку абсента.

– Нет, на сегодня мне хватит. Давай прогуляемся?

– ...вообще-то мы с Джем планировали пройтись по пляжу, ну знаешь, звезды, шум волн, романтика. Ты же не обидишься на меня?

– Конечно, нет.

К нам подходит Джей.

– Извини, Глория, но мне придется украсть у тебя эту красотку, – говорит он, Ребекка смеется, и они вместе с ним, пританцо вывая, отдаляются от меня.

Мне становится не по себе. Я снова одна? Беккс постепенно становится другой, Стив меня ненавидит и всяческими способами показывает это, а Алекс... про него я вообще думать не хочу. Я нахожу его в толпе и вижу, как он обнимает двух девушек. Мне становится противно. Я делаю шаги вперед, намереваясь уйти с пляжа, как вдруг слышу голос Стива сзади.

– Что, твой герой и подружка бросили тебя? Я поворачиваюсь к нему.

– Ты следишь за мной?

– Еще чего. Чтобы я, собственной персоной, следил за такой, как ты.

– ...какой же?

– Мелкой девчонкой с неустроенной личной жизнью.

– Знаешь, наши чувства абсолютно взаимны, я тоже терпеть не могу парней, которые думают, что они само совершенство, а на самом деле являются лишь похотливыми кобелями.

– О-о, малышка злится.

– Ты мне противен.

Я разворачиваюсь, но снова слышу его реплику.

– Да уж, и что Алекс нашел в тебе?

– А что ты нашел во мне? – спрашиваю я, резко повернувшись к нему.

– Меня в тебе ничего не привлекает.

– Да ладно?! Врать ты не умеешь. Я слышала вчера ваш разговор с Алексом.

Стив делает несколько шагов ко мне.

– Ты не такая уж и красотка, фигура у тебя не фонтан и еще ты любишь сверлить мозг. Ты можешь понравиться только последне му идиоту.

Мне становится так неприятно, после услышанных слов, что я готова расплакаться здесь перед ним, как пятилетний ребенок, но я этого не делаю, лишь смотрю на него прищуренным взглядом, скрывая свою ненависть и обиду.

– ...спасибо, Стив. Ты умеешь делать комплементы девушкам. Наверное поэтому ты так одинок, и единственное, что тебе све тит, это секс со шлюхами и малолетками.

Я в очередной раз разворачиваюсь.

– И задница у тебя тоже не очень, – говорит он.

– А у тебя маленький!

– Что-о?!..

– ...мозг, Стив, мозг.

* * *

Музыка становится все дальше и дальше от меня. Людей на улице практически нет. Старожилы уже все спят дома, а молодежь тусуется на пляже. Я вижу лишь свою длинную тень из-за фонарей.

– Эй, смотрите, вон она, – я этот голос уже слышала. Оборачиваюсь и вижу снова тех парней, которые чуть не пристали ко мне перед вечеринкой. Я ускоряю шаг, но они все четверо подбегают ко мне.

– Не торопись, красотка.

От них ужасно воняет, сами они все грязные, это вызывает во мне еще больше отвращения.

– Посмотрите на ее шевелюру, она что, с другой планеты? – говорит один писклявым голосом.

Другой хватает меня за руку и начинает дышать мне в лицо. От брезгливости я зажмуриваю глаза и всеми способами пытаюсь выпутаться.

– Пойдем, повеселимся, – говорит он.

– Как только, так сразу, – я со всей своей яростью бью его в пах, но один из его приятелей-мерзавцев толкает меня, и я падаю на мокрый асфальт. Новая боль смешивается со вчерашней. Я начинаю тяжело дышать. Господи, ну почему все это происходит именно с мной?!

– Девушка не хочет по-хорошему, значит, будет по-плохому. Я ищу в себе силы встать и дать им отпор, но у меня ничего не получается. Лучше бы они меня сразу убили.

Внезапно, мы слышим в нескольких метрах от нас чей-то голос.

– Эй, чуваки, вы что-то совсем заигрались, – я смотрю вперед и вижу Стива, с его фирменной ухмылкой, – я тоже знаю одну классную игру, называется «Прострели яйца отморозку», с кого начнем?

– Да пошел ты, урод, – говорит один из них. Стив достает пистолет.

– Игра началась, – он стреляет в небо, я вижу, как отморозки чуть не обделались со страху.

– Валим! – кричат они.

Стив пускается вдогонку, но затем останавливается и смотрит на меня.

– Тебе руку дать или как?

Я с трудом поднимаюсь сама. Отряхиваю грязь с платья.

– Сейчас ты тоже за мной не следил?

– Я просто шел к автобусу.

Во мне смешиваются чувства неприязни к нему и чувства благодарности за то, что он спас

меня.

– Слушай... я поняла, ты меня ненавидишь, поэтому давай будем игнорировать друг друга?

Стив не отвечает мне. Он лишь медленно приближается ко мне и смотрит мне в глаза.

– Что? Что еще? Давай, говори, какая я страшная, как тебя воротит от меня! Ну же, давай! – кричу я, но в этот момент Стив прижимает меня к себе и целует. Я, в недоумении, отталкиваю его.

– ...и что это значит?!

– Это значит, что я последний идиот.

«Ты можешь понравиться только последнему идиоту» – всплывает у меня в памяти. Стив сейчас кажется совсем другим. Он ждет от меня ответной реакции, но я стою в оцепенении. Зачем он ко мне придирался все утро, издевался, унижал, неужели таким образом он пытался скрыть свои чувства?

– ...я не сказала тебе спасибо.

– Забей.

Я беру его за руку.

– Стив, прекрати играть в злобного блондинчика. Я чувствую, что где-то там, внутри, ты очень хороший, но скрываешься под маской.

Он долго смотрит в мои глаза.

– Господи, как меня угораздило влюбиться в малолетку?!

Мы отходим друг от друга. Все снова возвращается во круги своя.

– Действительно! Ты же у нас такой красавчик, ловелас, все девушки тебе под ноги бросаются.

– Вот именно, ВСЕ, но не ты... Стив делает шаги вперед.

– Автобус в другой стороне, – говорю я.

– Я хочу продолжить игру. Я подбегаю к нему.

– Может, не стоит?

– А ты представь, что бы было, если бы я не шел за тобой?

Да уж, эти сволочи могли сделать со мной все, что угодно, и мне даже не хочется об этом думать.

– Ну, и куда мы идем?

– Я видел, как один из них побежал в бар на углу.

Через пять минут мы оказываемся именно в том самом баре. Во мне кипит ярость и бушует небывалая ненависть ко всем ублюдкам, что здесь собрались.

– Вон он, – говорит мне Стив, и я вижу одного из тех, кто ко мне приставал. Он уже целуется с какой-то девкой около туалета.

Стив готовит кулаки к ударам, но я останавливаю его.

– Подожди. Я сама с ним хочу разобраться.

– У-у, малышка, ты не перестаешь меня удивлять.

– Дай мне пистолет.

Стив покорно отдает мне в руки оружие, и я направляюсь к уборной. Толкаю за плечо отморозка.

– О, это снова ты. Присоединишься к нам?

Я фальшиво улыбаюсь, открываю дверь туалета, он заходит туда, я следую за ним.

– Пошла вон, – говорю я шлюхе, которая минуту назад обжималась с ним.

Закрываю дверь, тот уже снимает с себя штаны.

– Ну давай, раздевайся, – я замечаю, что у него нет одного переднего зуба. На вид этому мужлану лет тридцать, не описать сейчас, как же мерзко мне здесь с ним находиться. Я

выставляю пистолет вперед. У того, чуть глаза на лоб не вылезли.

– Эй, ты чего?..

Я молчу. Мои руки дрожат, но не от страха, а от злости, которая бушует во мне. Он мелкими шагами приближается к двери.

– Стоять! К стене, быстро!

– Что я тебе сделал? Я не хотел к тебе приставать, это все они! Я замечаю в кармане его штанов бумажник, достаю его – де нег ни гроша.

Затем я вижу под прозрачной пленкой бумажника маленькую фотографию, на ней изображен он с, видимо, его женой и ребенком. В моей голове сразу выплывает лицо отца. Этот отморозок точно такой же, как и мой отец, пока его жена и ребенок сидят дома и ждут его, тот в это время развлекается и трахает баб. Как же я ненавижу этих тварей!

– Подонок... – говорю я.

– Забирай все, но не убивай меня! У меня ребенок! Сволочь... только сейчас, похоже, он и вспомнил о нем.

Я размахиваюсь и ударяю рукояткой пистолета о его висок.

Тяжело выдыхаю.

Выхожу из уборной, в меня ударяет спертый воздух с запахом алкоголя и сигарет, я вижу, как Стив сидит за барной стойкой, но, увидев меня, сразу же идет вслед за мной.

Мы выходим на улицу. Я вдыхаю в себя холодный воздух.

– Быстро ты его, – я смотрю в сторону, Стив подходит ко мне, – он тебя тронул?

– Нет... держи, – я отдаю ему пистолет.

– Пойдем к автобусу или обратно на пляж?

– ...у меня есть идея получше.

– Так-так, я весь внимание.

– Я тоже знаю одну игру, называется «Правда или действие». Стив смеется.

– Ты серьезно?

– Правда или действие, Стив?

– ...правда, – неуверенно говорит он.

Я несколько секунд думаю над вопросом.

– Как звали девушку, в которую ты впервые влюбился?

– О боже. Давай еще спроси меня, во сколько лет я использовал свой первый презерватив, – я сверлю его взглядом, – Эмили... ее звали Эмили.

– Кем она была для тебя?

– Это уже второй вопрос.

– Ты выбрал правду, значит, отвечай.

– ...она была моей няней. Мной овладевает приступ смеха.

– Что здесь смешного? Мне было двенадцать лет, а она была для меня богиней.

– У тебя в двенадцать лет была няня? Теперь понятно, откуда у тебя столько комплексов, – я не перестаю смеяться.

– Так, правда или действие?

– ...действие, – говорю я.

Стив оглядывается по сторонам, затем произносит.

– Видишь вон ту стоянку байков? – он указывает мне пальцем на здание, около которого стоят десять черных мотоциклов.

– Да..

– Угони один из них.

– ...я не умею водить.

– Ты выбрала действие, крошка, так что извини.

Я невольно сглатываю. Ну что ж, я сама затеяла эту игру, придется выполнять ее условия. Я медленно иду к стоянке. Стив стоит, смотрит на меня и раздражающе смеется.

– Перестань.

– У тебя такой серьезный вид.

– Слушай, няньколюб, будь добр, заткнись!

Я выбираю один из банков и откатываю его, он невероятно тяжелый и массивный. Мои колени дрожат. Если меня кто-нибудь заметит, то крышка мне и Стиву.

Я подкатываю байк к блондину.

– И что теперь?

– Садись, – говорит он.

Я кое-как, в коротком платье, забираюсь на блестящий черный мотоцикл. Затем за своими спинами мы слышим голос разъяренного мужика.

– Эй, вы что делаете?! Это мой байк!!!

– Держись крепче, – говорит Стив и в это же мгновение мотоцикл трогается с места. Мы набираем скорость, я крепко держусь за спину Стива и чувствую, как у нас обоих бушует адреналин. Ветер развеивает мои волосы, дорога пустая, неприличная скорость и вся эта обстановка приносит необъяснимый кайф.

Внезапно я чувствую, как теперь на дороге мы не одни, смотрю назад и меня мгновенно ослепляют фары целой банды байкеров.

– Стив, они едут за нами!

– Покажи им средний палец!

– С ума сошел? Они же нас прикончат.

– Давай на счет три.

– Один, два, три, – и мы одновременно со Стивом показываем неприличный жест куче разъяренных байкеров. Я смеюсь и еще крепче обвиваю руками Стива. Он снова разгоняется, затем сворачивает на какую-то узкую улочку, потом еще поворот и еще, останавливаемся, видим, как преследователи проезжают мимо нас. Стив заводит мотор, и мы разворачиваемся.

Только мы одни. Одни среди этой бесконечной ночи. Мы едем, наслаждаясь сильным пронизывающим ветром, который бьет нам в лицо. Через некоторое время мы останавливаемся.

Облегченно дышим. Нам кажется, что мы неуязвимые, что море нам по колено. Нереальное чувство.

– Кажется, оторвались, – говорит Стив. Я понемногу начинаю приходить в себя.

– Правда или действие?

– ...действие, – отвечает Стив.

– Знаешь игру «самолетики»?

– Эм... «самолетики»? – переспрашивает он.

– Да, расставляешь руки в стороны и бежишь со склона, воображая, что ты самолет.

– Глория, мне 25 лет, я рок-музыкант... может, еще в Барби сыграем?

– Что, Няньколюб, боишься запятнать репутацию?

– Если я это сделаю, ты перестанешь называть меня Нянько-любом?

– ...посмотрим.

Мы как раз находимся на холме. Стив встает передо мной, расставляет руки по сторонам и начинает бежать вниз.

– У-у-х-у-у-у-у! – кричит он.

Я заливаюсь хохотом. Поднимаю руки вверх и бегу за ним. Мы кричим, смеемся. Если бы нас кто-то увидел, то нас бы забрали в психиатрическую клинику.

Мы счастливы и свободны. Мы счастливы и свободны.

Я забываю про ту боль, которая меня мучает уже второй день. Мне очень легко. Мне хорошо.

Мы останавливаемся. Сердце бешено колотится внутри. По всему телу стекает пот, обдаёт жаром.

– Я с тобой с ума сойду, – говорит Стив, – правда или действие? – спрашивает он задыхаясь.

– Правда.

– ...смогла бы сбежать со мной?

– Сбежать?

– Да... От Джея, Ребекки и... Алекса?

– ...это глупо. Я не хочу.

Стив выдыхает и отворачивается от меня.

– Да и к тому же, – продолжаю я, – ...я люблю другого человека.

– Конечно, как можно не любить солиста! – со злостью говорит Стив.

– ...это не Алекс. В моей прошлой жизни остался один человек, который помог мне измениться.

– Если ты его так любишь, зачем же переспала со мной?

– Я хотела с помощью тебя забыть его... но у меня не получилось.

Стив сжимает кулаки, резко разворачивается и смотрит на меня.

– Терпеть не могу, когда мной пользуются! – он отодвигает меня в сторону и направляется к байку.

– Я думала, что ты другой, что после той ночи ты забудешь меня!.. Стив! – он не оборачивается.

Я чувствую себя настоящей скотиной. Мной тоже пользовались и неоднократно, а теперь я уподобляюсь тем людям, поступая так же. Меня использовала Тезер, я была у нее девочкой на побегушках. Использовал Адам, лишь бы я все сделала так, чтобы он и Тезер были вместе...

Стив садится на байк.

– Лучше бы ты не приходила на тот концерт, лучше бы я тебя вообще не знал.

Я ничего не говорю. Мне просто стыдно. Я сажусь на второе сидение.

Мотоцикл разгоняется. Потом еще и еще. Мы едем так быстро, что мне кажется, сейчас с меня слезет скальп от такой скорости.

– Стив, не гони так! – кричу я ему, но он еще сильнее разгоняется.

– Стив!

Я чувствую, что мы сейчас взлетим. Мне не страшно погибнуть, я боюсь за него. Он не должен умирать. Его время еще не пришло.

Мотоцикл резко останавливается. На голове волосы превратились в воронье гнездо. У меня по всему телу дрожь. Мои руки намертво вцепились в Стива.

– Не нравится, как я вожу, – проваливай.

– Ну и пожалуйста! – говорю я дрожащим голосом. Слезая с байка и, шатаясь, иду вперед.

– Ну, и куда ты идешь? – спрашивает меня блондин. – Надо было тебя оставить с теми отморозками, может быть, благодаря им ты бы забыла своего бывшего, – с насмешкой говорит он.

– Как же ты меня достал!!! – кричу на всю я, подхожу к нему, толкаю его так, что мотоцикл падает, а он еле как успевает спрыгнуть с него. Пока он пытается сообразить, что происходит, я, пользуясь случаем, ударяю его по лицу, затем ощущаю такую боль, будто всю мою кисть раздробили. Я вскрикиваю, а Стиву хоть бы хны. Я сквозь боль множество раз ударяю его по груди, а он только смеется от этого. Я останавливаюсь и с недоумением смотрю на него.

– Ну, давай, ударь еще раз. Ты такая классная, когда злишься.

От безысходности я в последний раз бью его по плечу, разворачиваюсь, но он резко хватает меня за руку, крепко обнимает и наши губы снова сливаются в поцелуе. Сначала я хотела ударить его под дых, чтобы он отстал от меня, но этот поцелуй словно наркотик, он все больше и больше одурманивает меня. Я теряю себя. Я полностью подчинена ему. Его сильные руки поднимаются к моей шее, затем погружаются в мои волосы. Мои руки горят от ударов, но вместе с ними пылает и все тело. Мы останавливаемся и смотрим друг другу в глаза. Так хочется что-то сказать, но мои губы до сих пор не могут отойти от этого поцелуя. Я опускаю глаза вниз, сажусь на байк.

– Поехали.

– Нам вдвоем круто, признай это.

– Поехали, Стив.

– Я не хочу.

Ну что ж, я хотела по-хорошему, но ты сам меня на это подтолкнул.

Перед нами стоит какое-то здание, очень похожее на офис. Я слезаю с байка, беру кирпич и кидаю его в окно этого здания. Стекло разбивается за считанные секунды. Срабатывает сигнализация.

– Черт бы тебя побрал, Глория!

«Теперь-то ты точно поедешь», – про себя думаю я. Стив заводит мотор, и мы уезжаем из этого места.

* * *

Пляж. Мы видим, как Джей, Беккс и Алекс сидят у костра и по очереди пьют из бутылки. Я и Стив подъезжаем к ним на мотоцикле.

– Ничего себе! Где вы взяли байк? – спрашивает Джей.

– Угнали у одного местного авторитета, – отвечает блондин. Я сажусь рядом с Ребеккой. От огня веет приятным теплом.

Песок еще теплый. От шума волн начинаешь невольно расслабляться.

– Здесь мило, – говорю я.

– Мы купили маршмэллоу, – говорит Беккс.

Я нанизываю зефироподобную вкуснятину на палку и начинаю держать ее над огнем. Любимая сладость детства.

– Значит, все-таки Стив? – спрашивает Ребекка.

– Что, прости?

– Ты выбрала Стива?

– ...я никого не выбирала.

– Глория, перестань. Они смотрят на тебя, как на добычу.

– Может, расскажите, где вы были? – спрашивает Алекс. Стив садится рядом со мной.

– Ты нам не папочка, чтобы мы докладывали тебе о своих действиях.

– Кстати о действиях, мы забыли про нашу игру, – говорю я.

– Точно! Нужное продолжить. Джей, правда или действие?

– Эм... правда.

– Скажи... как ты называешь свой пенис?

– Никак я его не называю.

– Да ладно!

Все устали на Джея.

– Слушайте, что за бред?

– Такая игра. Ты обязан сказать правду, – говорю я. Джей несколько минут молчит.

– ...Бобби.

Мы все падаем со смеху. Джей краснеет. Каждый из нас даже прослезился.

– Хорошо-хорошо. Посмеялись и хватит, – смущенно говорит Джей, – Стив, правда или действие?

– Действие.

– ...иди, окунись в воду...

– Легко.

Стив направляется к реке, но Джей его останавливает и дополняет условие.

– ...голым.

Все замерли. Стив, пожалуйста, будь умнее и не соглашайся на это.

– Без проблем, – говорит он, начиная раздеваться. Мы все издаем возгласы и смеемся.

– О боже, я этого не вынесу, – говорит Беккс.

Стив снял джинсы, футболку, настала очередь трусов. Он снимает их и, мелькая своей накаченной задницей, идет в воду.

У меня уже уголки рта болят от смеха. Стив ныряет в воду, крича «Yeah!».

– Пойдем, – Джей хватается за руку Ребекку.

– Ты спятил? Вода же ледяная.

– Ты идешь или нет?

– Нет. Я еще не совсем тронулась умом.

– Ну, ладно.

Джей хватается Беккс на руки таким образом, что ее ноги оказываются у его лица.

– Отпусти меня! – смеется Ребекка.

Они присоединяются к Стиву. Все вместе взвизгивают от темной, холодной воды. Мы с Алексом сидим вдвоем у костра и продолжаем смеяться, наблюдая за всем происходящим.

Солист делает несколько глотков из бутылки, я жую горячий воздушный маршмэллоу. Мы смотрим друг на друга.

– Присмотрись к нему. Он хоть и ведет себя иногда, как при дурак, но он умеет любить.

Алекс берет бутылку, затем встает и уходит с пляжа.

«Умеет любить».

Внезапно во мне появилось острое желание снова поцеловать Стива. Этого красивого, безбашенного музыканта. Он, Беккс и Джей продолжают плескаться в воде, а мне тем временем пришла в голову нехорошая мысль. Вещи Стива продолжают бесхозно валяться на песке. Я беру их и прячу за большой серый камень.

Наконец, они втроем выходят на берег, все трясутся, как осиновы листья.

– Как же холодно, – говорит, стуча зубами, Джей.

– Смотри, чтоб твой Бобби не отвалился, – смеется Стив.

– Иди ты!

– Нужно выпить, чтобы согреться, – говорит Ребекка. Стив осматривается.

– Не понял, а где мои вещи? Я подхожу к нему.

– Ты и без них хорош.

– Твоя работа. Я же сейчас в ледышку превращусь.

Стив дрожит, я чувствую, как его мышцы сковывает холод. Его мускулистое тело сплошь покрыто мурашками. Я дотрагиваюсь до него. Он так напряжен, и мне это нравится.

– ...я тебя согрею, – говорю я.

На этот раз я его прижимаю к себе. Его холодные губы овладевают моими. Я чувствую, что еще немного и этот поцелуй перетечет в нечто большее.

Часть 10

Fall (Падение)

Сколько сейчас времени? Может, часов девять или десять утра. Я нахожусь не в своей комнате. Я вообще не помню, каким образом я здесь очутилась.

Лежу на боку, меня обнимает массивная рука Стива. Видимо я долго лежала в таком положении, ибо мое тело сильно затекло. Я пытаюсь лечь на спину, как тут рука Стива мгновенно схватывает меня.

– Опять хочешь сбежать от меня? – говорит он, тем временем прижимая меня к себе, – но теперь я тебя никуда не отпущу.

Стив целует меня в плечо, я медленно таю от этого.

– А я и не собиралась от тебя убежать, – говорю я с улыбкой. Мы долго смотрим друг на друга. Впервые я почувствовала, как мне хорошо с ним, и я готова признаться себе – он помогает забыть мне Чеда и все, что произошло со мной в прошлой жизни.

– А без одежды ты гораздо симпатичнее, – говорит Стив. Я смеюсь.

– Господи, Стив, ты хоть раз можешь не думать о пошлом?

– Ну, когда рядом со мной лежит полуголая девушка, другие мысли в мою голову не лезут.

Я рассматриваю его. Он такой милый, не проснувшийся, с взъерошенными белыми волосами, он кажется совсем другим, и мне это безумно нравится.

Затем я осматриваюсь в его комнате. Все стены оклеены плакатами, фотографиями, необычная атмосфера. Рядом со мной на стене приклеен рисунок. На нем изображены Стив, Джей и Алекс, у каждого своя гитара в руках.

– Это ты нарисовал?

– Да. Я знаю, он ужасен.

– С ума сошел? Очень красиво, – я дотрагиваюсь пальцами до бумаги, этот карандашный набросок словно живет своей жизнью, он несет в себе целую историю. На него хочется смотреть и смотреть.

– У меня есть еще кое-что.

Стив открывает тумбочку, роется в ней и, наконец, что-то достает.

Еще один рисунок. Он дает мне его в руки. Я и Ребекка. Мы стоим, обнявшись, и беззаботно смеемся.

– Ты нарисовал нас? Обалдеть! – говорю я, не скрывая улыбки. Это действительно очень красиво.

– Да, это моя слабость. Я вижу новых людей или что-то интересное и стремлюсь запечатлеть это на бумаге.

– ...у тебя талант, – я продолжаю рассматривать рисунок.

– Оставь себе.

– Спасибо... – я аккуратно складываю рисунок, – почему ты не можешь быть всегда таким?

– Каким?

– ...открытым, нежным? Почему ты пытаешься быть brutальным мерзавцем?

– Потому что я такой и есть.

– Не правда... Знаешь, мне кажется, я единственная, кто увидел тебя настоящего.

Стив понимающе смотрит на меня. Проходит несколько секунд, я начинаю искать свои вещи. Стив продолжает прожигать своим взглядом мою обнаженную спину.

– Может, ты перестанешь смотреть на меня?

– Нет, – говорит, улыбаясь, он.

– Стив, если ты не отвернешься, мне придется тебе выколоть глаза.

Он смеется и, затем, отворачивается.

В хламе комнаты я так и не смогла найти свое черное платье, на полу валяется чья-то белая рубашка, я хватаю ее и надеваю на себя.

* * *

Мы со Стивом заходим на кухню. Алекс, Джей и Ребекка уже сидят на своих местах и пристально смотрят на нас.

– О, смотрите, кто пожаловал к завтраку, наши милые кролики! – смеясь говорит Джей.

– Как провели ночь? Хотя нет, не рассказывайте, мы и сами все слышали, – говорит Беккс и все начинают смеяться, за исключением меня и Стива.

– И вам тоже доброго утра, – говорю я.

Мы жадно набрасываемся на завтрак, продолжая слушать насмешки ребят. Такое ощущение, что я нахожусь в своей школе. Ведь когда какая-то девчонка или парень начинают крутить роман, то все остальные смотрят на них ехидно и выпускают из своих уст различные бредовые приколы в их сторону. Хотя над нашей интрижкой с Мэттом никто не шутил, ведь все знали, что за это Тезер Викиери каждому из них надерет зад и выставит посмешищем перед всей школой.

– Мадмуазель, прошу, ваша ветчина, – говорит Стив, в этот момент я вспоминаю вчерашнее утро, как мы с ним боролись за остатки еды в холодильнике.

– О, а ты всегда после секса такой любезный? – спрашиваю я, и в это время Алекс, Ребекка и Джей начинают снова дико смеяться.

– А я вижу, что ты присоединилась к кучке тех идиотов, над шутками которых и в психбольнице не будут смеяться.

– Стив, лучше не зли меня.

– И что ты мне сделаешь?

Я беру стакан с водой и резко выливаю его содержимое Стиву в лицо. Тот сжимает кулаки.

– Ах ты... – не успев договорить фразу, Стив поднимается, я тоже вскакиваю и выбегаю из автобуса. Стив бежит за мной.

Спустя несколько секунд я осознаю, что бегу по улице, где ходит куча народу, в одной рубашке, через которую просвечивают бюстгальтер и черные мини-шортики.

Я бегу босиком. Несмотря на то что сейчас утро, и солнце еще недавно проснулось, асфальт жутко горячий. Я оказываюсь на пляже. Останавливаюсь, даю себе отдохнуть, но в этот же момент замечаю, что Стива нигде нет. Мной овладевает минутное облегчение, но спустя доли секунд, кто-то резко берет меня на руки и злобно смеется. Это Стив. Я обхватываю его шею руками, я до последнего верила, что он меня отпустит, но Стив начинает бежать по пляжу.

Это необыкновенно. Куча людей на пляже. Волны широкой реки прибивают к берегу, палящее солнце смешивается с приятной утренней прохладой. И Стив бежит, я у него на руках. Мы кричим, как сумасшедшие. Я еще крепче его обнимаю, люди, находящиеся на пляже, смотрят на нас, но нам все равно. Здесь только мы. И этот мир только наш. Все вокруг принадлежит только нам.

– Молодые люди, вы не могли бы не орать! – говорит нам вслед седовласая старушка.

Мы останавливаемся. И тут Стив со всей силы прижимает меня к своему горячему телу, в это же мгновение мы начинаем страстно целоваться прямо перед этой вопящей старухой.

– Что вы делаете?! Какое бесстыдство!

– Я хочу тебя, – говорит Стив.

– Давай прямо здесь, – отвечаю ему я.

– Дева Мария! – говорит старуха, перекрещивается и быстрыми шагами отдаляется от нас, продолжая что-то вопить.

Мы смотрим ей вслед и начинаем смеяться. Это настолько смешно, что даже захватывает дыхание.

– А мне понравилось твое предложение, – говорит Стив.

– Даже и не думай об этом, – говорю, улыбаясь, я.

Дорогой дневник!

Я не хочу умирать! Я и раньше чувствовала себя счастливой, но сегодня что-то кардинально изменилось. Каждая минута, проведенная со Стивом, превращается в маленький рай. Мне хочется быть с ним, смеяться вместе с ним, просто смотреть на него и понимать, что он хочет того же самого. Я забываю о Чедде. С каждой миллисекундой он становится все дальше и дальше от меня. Мы с ним больше никогда не встретимся, это факт, поэтому я не вижу смысла продолжать думать о нем и считать себя предательницей по отношению к нему, проводя время со Стивом. Если я не буду совершать самоубийство, то я просто обязана забыть свою прошлую жизнь. Теперь в моей новой жизни появились новые люди, которые делают меня счастливой.

Возможно, Алекс и прав, мне пока что не стоит умирать. Возможно, моя новая жизнь приготовила мне еще кучу сюрпризов и за эти оставшиеся 13 дней все изменится.

* * *

По небольшому телевизору идут новости. Показывают штат Флорида, случилась какая-то авария, пострадавших, к счастью нет. Оператор мельком снимает панораму какого-то города, а я смотрю на надпись внизу экрана «штат Флорида», и на глаза наворачиваются слезы. Вроде бы я и рада жить вдали от дома, но в какой-то степени мне все еще грустно, что я больше туда никогда не вернусь.

– Даже и не верится, что когда-то мы были там, – говорит Ребекка.

От неожиданности я вздрагиваю. – Да...

– Глория, мне нужно поговорить с тобой, – тихо произносит Беккс.

– Конечно, я тебя слушаю.

– Не здесь.

Вы заходим в нашу комнату, Беккс закрывает дверь.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– ...я, – Беккс садится на край кровати, – даже не знаю, как это сказать... в общем... кажется, я готова.

– Готова к чему?

– Ну... с Джемом. Я готова с ним...

– ...лишиться девственности?

– Ах боже, как же это ужасно звучит. Меня бросает в жар. Я сажусь рядом с ней.

– Ну что ж, ты действительно хочешь этого?

– Кажется, да. Я просто посмотрела на вас со Стивом, вы такие счастливые.

– Перестань. Между мной и Стивом всего лишь игра.

– В смысле, игра?

– Мне хорошо с ним, ему хорошо со мной, и пока это так, мы будем играть в счастливую

парочку.

– Но так же нельзя! Ведь ты ему нравишься по-настоящему.

– Беккс, давай поговорим о тебе и Джее.

Я замечаю, как Ребекка начинает краснеть.

– ...я боюсь. Но я безумно хочу этого.

– Значит, дерзай. Но я должна тебя предупредить. Сейчас, пока ты еще не делала этого, ты еще можешь сто раз подумать над этим. Просто... я не хочу, чтобы ты допустила такую же ошибку, как я. Ведь невинность больше не вернешь, а груз на сердце, воспоминания, они всегда будут с тобой.

– Спасибо... теперь мне стало еще страшнее, – Ребекка неловко улыбается.

– Беккс, это твоя жизнь, и я не вправе убеждать тебя в том или ином. Подумай сама, чего ты хочешь.

В комнате несколько секунд царит тишина.

– Неужели ты пожалела, что сделала это с Чедом?

В мою голову снова ударяют воспоминания, от которых я всячески пыталась скрыться.

– Если бы ты знала, какая у меня была истерика. Я ненавидела себя. Но потом я поняла, что рано или поздно это должно было слушаться. Каждая девушка через это проходит. Это своеобразный этап взросления, его не избежать. Главное, быть уверенным в человеке, с которым ты хочешь это сделать. Чтобы на следующее утро он не сбежал от тебя или не смотрел на тебя, как на ненужную вещь.

Внезапно автобус резко останавливается. Мы с Беккс ничего не понимаем.

– Что это за остановка? – спрашивает Ребекка. Мы выходим из комнаты и направляемся к парням.

– Твою мать! Мы должны быть в городе ровно в восемь. Если мы отменим и это выступление, то проще распрощаться с этой группой и музыкой раз и навсегда!

– Стив, не истери, – говорит Алекс, – Джей, у нас остались канистры?

– Нет, мы который день в пути, все пусто.

– Ладно, посмотрим, что тут у нас, – Алекс берет в руки карту и внимательно рассматривает ее, – отлично! Всего в нескольких милях есть населенный пункт, нужно найти заправку, и дело с концом.

Алекс направляется к выходу, затем открывает какой-то шкаф и достает из него пустые большие канистры.

– Я иду с тобой, – говорю я.

– Зачем?

– Хочу размять ноги.

– Ладно, держи канистру.

– Я тоже иду с вами, – резко выкрикивает Стив.

Алекс нехотя соглашается и дает Стиву несколько канистр.

– А мы останемся здесь и будем сторожить фургон, – говорит Беккс.

– Да, только постарайтесь вернуться поскорее, – говорит Джей.

– Как получится, – Алекс открывает дверь, и мы втроем выходим из автобуса.

Я понятия не имею, где мы находимся. Нас снова окружают невысокие зеленые горы, впереди расстилается раскаленная асфальтированная дорога. Мы отдаляемся от автобуса. Стив внимательно смотрит на меня и Алекса. Не понимаю, зачем он вообще с нами пошел. Хотел проконтролировать, не наделаем ли мы с солистом какие-нибудь глупости? Смешно!

– Вообще-то, мы с Глорией сами могли бы справиться, – говорит Стив.

– Серьезно? Да ты и в двух шагах заплутаешь, – с насмешкой говорит Алекс.

- Слушай, отдай нам карту и возвращайся в фургон.
 - Во-первых, я никуда возвращаться не буду, а во-вторых, я вас с собой не звал, вы сами мне навязались.
 - Навязались?! Да кем ты вообще себя возомнил?!
 - Хватит!!! – кричу я, – вам обоим прет третий десяток, а вы ведете себя, как дети!
- Я выхватываю из их рук канистры.
- Что ты делаешь? – с недоумением спрашивает Стив.
 - Я одна пойду, а вы возвращайтесь в фургон!
- Я разворачиваюсь и быстрыми шагами иду вперед.
- Глория... – слышу я позади голос Алекса, – может, ты хотя бы карту возьмешь?
 - Я сама найду дорогу!

* * *

Я уже перестала считать секунды, сколько я в пути. Канистры хоть и пустые, но из-за них руки ужасно устали. От солнца голова просто пылает, хочется пить и лечь в холодную постель, но я не останавливаюсь. Вижу, как передо мной стоит знак с длинным названием какой-то деревни или что-то типа того.

В моих мыслях появляется недавний разговор с Беккс. Когда-то точно такой же разговор у меня был с Тезер. Тогда я еще любила Мэтта, и мне было очень больно слышать, что этой ночью у них с Тез будет секс. К счастью, или же наоборот, Тезер переспала с моим другом детства Адамом. Вообще мы с ней со средней школы мечтали лишиться невинности с самыми крутыми парнями Флориды до выпускного вечера. Мы с Тез продумывали каждую секунду этого события. Но все пошло не так, как нужно. Я всегда хотела, чтобы моим первым мужчиной был Мэтт. И когда Тез делилась со мной своими планами по поводу их будущей ночи, я ей безумно завидовала и всячески пыталась это скрыть. В итоге, мой первый раз был с Чедом, ботаником и изгоем школы. Но, как говорится, первое впечатление всегда обманчиво. Ведь каждая девушка мечтает, чтобы ее первый раз был с особенным человеком, и Чед Маккупер как раз-таки и был таким. Так что теперь я ничуть не жалею об этом, но все равно, как бы тяжело мне не было, я должна забыть о нем и обо всем, что между нами произошло.

Я добираюсь до населенного пункта, нахожу заправку, захожу внутрь помещения. Здесь пусто, пахнет чем-то непонятным, вроде какого-то масла. Я звоню в колокольчик. Открывается дверь, выходит пожилой мужчина с огромным пузом.

- Чем могу помочь?
 - Наполните эти канистры.
 - Далеко застряли?
 - Почти.
 - Ох, как я вам не завидую, – мужчина считает канистры и литры, – с вас 20 долларов.
- Я отдаю ему кредитку, через некоторое время он мне ее возвращает. Забирает канистры и снова уходит в какую-то комнату.

Я слышу, как к заправке подъезжает машина. Внимательно смотрю на нее. ПОЛИЦИЯ. Мои руки сразу начинают нервно дрожать. Я уверена, что обо мне, Беккс и музыкантах знает уже каждая собака. Я надеваю на голову капюшон своей толстовки.

- Пожалуйста, можно быстрее, – говорю я, продолжая дрожать.
- Так, Глория, веди себя спокойно, чтобы он ничего не заподозрил.
- Полицейский заходит внутрь. Я стою к нему спиной, стараясь сделать так, чтобы он не

увидел моего лица.

– Чарльз, заправь мою колымагу.

Мужчина выходит из комнаты с полными канистрами.

– О, Мэтью, давно тебя не видел. Как идет борьба с преступностью?

– Справляемся. Столько подростков сейчас в отделении, так и норовят с кем-нибудь подраться, продать наркоту или что-то своровать.

– Держи, – говорит мне мужчина.

– Спасибо, – тихо говорю я, быстро открываю дверь и выхожу на улицу. Глоток свежего воздуха помогает мне прийти в себя.

Я делаю шаги вперед, как вдруг замечаю, что передо мной стоят Алекс и Стив!

– И что вы здесь делаете?

– Пришли за тобой. Ведь ты же Глория, ты всегда во что-нибудь вляпаешься, – говорит Стив.

Парни подходят ко мне и забирают из моих рук тяжелые канистры.

– Там был шериф.

– Он узнал тебя? – спрашивает Алекс, забирая последнюю канистру.

– Нет, раз я здесь стою, – Алекс резко пошатнулся, я снова вижу на его лице чувство боли, – что такое?

– ...ничего, – он быстрым шагом идет вперед.

– Нужно сматываться отсюда, – говорит Стив.

* * *

Мы уже видим вдалеке наш фургон. Я и ребята безумно устали от этой «прогулки». Я иду рядом со Стивом, Алекс прилично отдалился от нас.

– Зачем ты пошел с нами? – спрашиваю я.

– Хотел помочь.

– Стив, кого ты обманиваешь? Ты ведешь себя так, будто ревнуешь.

– Для того чтобы ревновать, нужно хотя бы любить. Его слова заставляют меня онеметь.

– ...конечно, – еле-еле выговариваю я.

– Подожди, – Стив хватает меня за руку.

– Мы отстаем от Алекса.

– Вот только не нужно делать вид, будто я задел тебя этими словами! Ведь между мной и тобой всего лишь игра, не так ли? – в его глазах появляется ненависть.

– ...ты подслушал наш разговор с Беккс?

– Случайно. И очень хорошо, что я его услышал.

– Стив, я...

– Молчи! Знаешь, я ведь действительно подумал, что ты не такая, как все. Но ты даже хуже них. Ты используешь людей, делаешь им больно. Когда тебе плохо, ты бежишь ко мне в объятия, но когда хорошо, ты либо сбегаешь, либо просто воротишь нос. А у меня, к твоему сведению, есть чувства, и я терпеть не могу, когда их кто-то задевает.

– А что ты от меня хочешь?! Я, по-моему, была перед тобой искренна! Я сказала, что люблю другого, и я не могу после какого-то поцелуя или ночи стать сразу твоей, у меня тоже есть чувства!

– Не нужно выворачивать ситуацию в свою пользу! Будто я такой мерзкий зверь, а ты несчастная овечка... я выхожу из игры.

Стив разворачивается и идет вперед.

– Стив... – говорю я, но ответной реакции не последовало. Я снова лишилась того, ради чего захотела жить.

* * *

Мы оказываемся в автобусе. Я с отрешенным видом иду в комнату, Беккс следует за мной.

– Глория, все хорошо?

– ...да. Все просто замечательно, – с отвращением к себе, говорю я.

Беккс начинает рыться в шкафу.

– Посмотри, – говорит она, я оборачиваюсь, Беккс держит в своих руках красное платье, – как думаешь, это платье подойдет к сегодняшнему вечеру?

– ...ты все-таки решилась? – с улыбкой спрашиваю я. Беккс кивает. Я встаю с кровати и обнимаю ее.

– Ты будешь великолепна в этом платье.

– Глория, спасибо, что выслушала меня. Знаешь, иногда мне кажется, что мы знакомы с тобой лет сто.

– Удачи тебе, все будет хорошо.

* * *

После нескольких часов езды, мы все же прибываем к пункту назначения. Как сказал Алекс, город, в котором мы сейчас находимся, довольно крупный, здесь будет концерт малоизвестных рок-групп, которые ищут спонсоров для продолжения своей карьеры.

Мы с Беккс переодеваемся. Я помогаю ей застегнуть ее миниатюрное красное платье. Я же одеваюсь в длинную тунику и короткие шортики.

– Итак, господа, сегодня мы просто обязаны покорить новую публику. Я уверен, что у нас это получится, – говорит Алекс.

* * *

Огромная концертная площадка сверкает многочисленными прожекторами. Толпа народу стоит у сцены. Девушки сидят на плечах своих парней. У каждого из здесь присутствующего в руках по баночке пива или коктейля. Атмосферу разбавляет то одна группа, то другая. По всей видимости, мы находимся на окраине города, потому что рядом с площадкой возвышаются холмы, за которыми прячется закат.

Наконец, на сцене появляются Алекс, Стив и Джей. Все встречают их диким возгласом. Своей медленной красивой музыкой они завораживают всех. Даже не верится, что всего несколько дней назад мы не были знакомы, и я смотрела на них, как все остальные девчонки, восхищаясь их песнями.

– Обалдеть, сколько же у них фанатов! – говорит Беккс.

– Да, но достались они только нам.

Я смотрю на Стива, вижу, как он подмигивает девушкам, которые тянут к нему свои руки. На душе становится как-то не по себе. Неужели я ревную? «Для того, чтобы ревновать, нужно хотя бы любить», – проносится в моей голове. Нет. Я не люблю его. Это слишком сложно. Да и

тем более, он больше не станет со мной разговаривать. Я чувствую себя омерзительно.

Внезапно, под конец песни, соло-гитара в руках Алекса перестает играть. Солист крепко сжимает микрофон. Стив и Джей с недоумением одновременно прекращают играть. У Алекса такой вид, будто он сейчас упадет в обморок.

– Прошу прощения, – говорит он и уходит со сцены. Народ не понимает, что сейчас происходит, в том числе я, Беккс, Джей и Стив.

– Что это с ним? – спрашивает Ребекка.

– Я сейчас.

На сцене появляется ведущий и объявляет о выступлении следующей группы.

Я бегу, расталкиваю толпу руками, тайком забегаю за кулисы. Здесь куча музыкантов, я осматриваюсь, пытаюсь найти хотя бы одно знакомое лицо. Затем вижу Алекса. Он заходит в какую-то комнату. Я иду туда.

Открываю дверь и вижу, как Алекс оперся о стену, тяжело дышит.

– Алекс...

– Выйди отсюда.

– Алекс, что с тобой?

– Я сказал, выйди отсюда!

– Нет, – я подхожу к нему, его глаза зажмурены, – какой же ты бледный...

– Я в порядке.

– В порядке? Ты сбежал со сцены, я вижу, что тебе плохо. Алекс я беспокоюсь о тебе, и я на сто процентов уверена, что это последствия аварии.

– Что ты хочешь от меня?

– Ничего. Пойду и позову тебе доктора.

– Нет...

– И не пытайся меня остановить.

Алекс резко встает, хватая меня за руку и прижимает к стене. Я не могу пошевелиться. В это же мгновение дверь открывается.

– Алекс... – говорит Стив, рядом с ним стоит Джей. Они с пре зрением смотрят на все происходящее, Алекс продолжает прижимать меня к стене.

Стив нервно выдыхает, затем разворачивается и уходит.

– Нет, Стив!.. – кричу я, но уже поздно. Джей, ничего не сказав, тоже уходит. Алекс разжимает руки.

– Прости, – говорит он.

– Да что с тобой вообще происходит?! – он молчит, – я пы таюсь тебе помочь, но тебе, видимо, наплевать на это. Ну, и делай что хочешь. Раз тебе нравится терпеть боль, то продолжай в та ком же духе, мазохист.

Я выхожу из комнаты, рядом с кулисами стоит Беккс, она останавливает меня.

– Что произошло?

– Ты не видела Стива?

– Видела. Он выбежал из комнаты, как сумасшедший. В нем было столько ярости.

– Куда он пошел?

– Кажется, вышел через черный вход. Так что произошло?

– ...конец всему, Беккс.

Я выбегаю через черный вход. Совершенно пустынная улица, люди остались по ту сторону сцены. Я бегу вперед, постоянно оборачиваясь, в надежде увидеть где-нибудь Стива, но мои ожидания не оправдываются. Я вижу впереди себя железнодорожную станцию, по всей вероятности, это единственное место, где сейчас может находиться Стив, ибо дальше

расстилаются горы, где вообще не ступала нога человека. Я приближаюсь к станции и оказываюсь права. Стив сидит на серой плите. Я долго не решаюсь произнести ни слова, но, в конце концов, беру себя в руки.

– Стив... мне нужно тебе все объяснить.

– Оставь меня.

– Пожалуйста, ты должен меня выслушать.

– Я тебе ничего не должен!

– Между мной и Алексом ничего не было.

– Конечно. Ведь мы с Джеем так не вовремя появились! Мне это надоело. Нужно прекратить это раз и навсегда. Хватит меня мучить! – Стив на секунду замолкает, но потом низким тоном произносит. – Уходи.

Я не обращаю внимания на его слова, подхожу к нему, сажусь рядом с ним.

– Я не хочу тебя потерять. Я вела так себя с тобой потому что... Потому что точно так же со мной вели себя те, которым я доверяла... которых я любила. Я просто хотела отыграться.

– Да когда ты, черт возьми, поймешь, что я не игрушка, я человек?! – вскакивает Стив.

– Я это уже поняла... прости меня, – Стив молча поворачивается ко мне спиной. Я подхожу к нему и обхватываю руками его массивные плечи, прижимаясь щекой к его спине, – прости меня... прости меня, – повторяю я, но тот не произносит ни слова, – Стив, если ты не простишь меня, я сверну тебе шею.

Я чувствую, как его рассмешила моя реплика, но он снова продолжает молчать. Я отстраняюсь от него.

– Ну, что?

– ...уйди.

Я неловко сглатываю. Еще утром я хотела жить для этого человека, но сейчас я окончательно потеряла его. Наше молчание разбивает звук приближающегося поезда.

– Хорошо... – говорю я.

Я спрыгиваю вниз, подхожу к рельсам, поезд через несколько минут окажется рядом со станцией. Я выдыхаю и на глазах у Стива ложусь на рельсы.

– Что ты делаешь?! – кричит Стив.

– Я уйду из твоей жизни, Стив. Навсегда.

– Вставай оттуда, больная! – блондин спускается ко мне. Я вижу в его глазах страх. Поворачиваю голову в сторону, вижу, что еще немного и поезд окажется здесь. Сердце выпрыгивает из груди. Мне страшно и одновременно смешно от всей этой ситуации.

– Вставай, быстро!!! – Стив дергает меня за руку, но я крепко цепляюсь за рельсы и отталкиваю его ногами.

– Нет, – смеясь говорю я.

– Я прощаю тебя!

– Я не верю тебе.

Остались доли секунды, и я окажусь под поездом.

Стив подходит ко мне, наклоняется и целует в губы. Рельсы дрожат подо мной. Поезд всего в сотнях сантиметров от нас. Стив продолжает меня целовать, затем быстрым движением руки обхватывает меня, падает на спину, крепко держа мои руки, и мы с ним оказываемся за пределами рельсов. Длинный поезд с шумом проезжает мимо нас. Мы тяжело дышим, оба дрожим. Я понимаю, что моя взяла. Он испугался за меня. Он простил меня. А мне только это и нужно было.

– Что, испугался? – смеюсь я.

– Господи!!! Ты хоть чего-нибудь боишься в этой жизни?! – кричит Стив.

– Да, – говорю я, тяжело дыша, – я боюсь потерять близких мне людей... боюсь воспоминаний, которые, словно петля на шее, постепенно тебя убивают... А еще я боюсь обнять человека... а он, тем временем, вонзит мне нож в спину.

В это мгновение, Стив крепко меня обнимает. Я чувствую, как сильно дрожит все его тело.

– Я никогда этого не сделаю.

Я отвечаю ему взаимностью и также обнимаю его, закрывая глаза.

– Я знаю...

– Ты всегда будешь моей, слышишь?

Наши сердца бешено бьются в унисон. Мы сидим, обнявшись, на гравии, состав поезда продолжает стучать по рельсам. Но нам, кажется, совсем нет дела до этого и до всего мира в целом.

* * *

– О чем ты вообще думала? Гребанная экстремалка, – говорит Стив.

Его рука находится на моем плече. Уже совсем стемнело, но концерт продолжает идти, толпа одурманенных травкой и алкоголем молодежи все увеличивается.

– Видел бы ты свое лицо. Ты был похож на пятилетнего мальчика, который посмотрел «Оно», – смеюсь я.

– Так бы отреагировал любой нормальный человек. Теперь тебя из виду нельзя упускать, ты же сумасшедшая.

– И что, ты будешь ходить за мной по пятам? Даже в туалет? А то вдруг я утоплюсь в унитазе.

– От тебя можно всего, что угодно, ожидать.

Я пихаю локтем в живот Стива, тот прижимает меня к себе.

– Эй! – к нам подбегают Джей и Ребекка, – вы не видели Алекса?

– Нет, а что? – спрашиваю я.

– Он куда-то пропал, не отвечает на звонки и эсэмэс.

– Ну, и черт с ним. Если он думает, что мы будем за ним бегать, то он сильно ошибается, – говорит Стив.

– Согласен.

– Подождите, – вмешиваюсь я, – мы должны его найти.

– Это еще почему? – спрашивает Стив.

– Потому что он ушел со сцены из-за того, что ему стало плохо, и такое с ним происходит не в первый раз.

– И что с того? – спрашивает Джей.

– Стив, Джей, да вы чего? Вы же были как братья!

– Глория, нам надоело постоянно бегать за Алексом, я уверен, что он сидит в каком-нибудь кабаке и обжимается со стриптизершей.

– ...ладно, вы правы. Алекс взрослый человек, и мы не должны его контролировать, – с трудом выговариваю я.

– Вот именно. Так, у кого какие планы на ночь?

– Можно пойти в клуб, – предлагает Джей.

– Или просто в какое-нибудь кафе, – говорит Беккс.

– Слушайте, неужели вам не надоели каждодневные тусовки? – спрашиваю я.

– А что ты предлагаешь?

– Я хочу, чтобы эта ночь была только наша, без лишних людей, – я роюсь в кармане шорт и достаю кредитку, – на этой карточке осталась еще куча денег, я предлагаю потратить все, до последнего.

– У-у-у-х-у-у! – в унисон закричали Джей, Стив и Ребекка.

* * *

Мы гуляем по огромному городу, Джей обнимает Ребекку, Стив обнимает меня. Заходим в маркет, покупаем сигареты и две бутылки самого дорогого шампанского. Джей и Стив одновременно открывают их и забрызгивают меня и Беккс струями белой пены. Каждый по очереди пьет из горла, затем все, кроме Ребекки, делают затяжки и снова вливают в себя литры алкоголя. Парни подшучивают над нами, мы, в свою очередь, над ними. В такие минуты я снова забываю про то, что когда-то моя жизнь была дерьмом, мне хочется жить. Жить этими счастливыми моментами. Жить так, будто это мой последний день жизни. Но я снова вспоминаю об Алексе. Где он? И вообще, что с ним происходит? Он спас мою жизнь после аварии, и теперь я хочу сделать то же самое, но он отталкивает меня. В моей голове крутятся вопросы: куда он исчез? Зачем он исчез? Я слишком привязалась к нему, и теперь мне страшно за него.

Мы оказываемся на просторном Бродвее, возле которого находится высочайшее здание с надписью «Grand Palace». Люди сидят на лавочках, о чем-то разговаривают, мы медленно проходим мимо них и внезапно останавливаемся возле молодого парнишки, который играет на гитаре, поет песню, видимо собственного сочинения. Сам он в старой потрепанной одежде, у его ног лежит кепка, в которой находятся три жалких цента. Парнишку никто не слушает, кроме нас.

– Мне жалко его, – говорю я.

– У него отличное будущее, – говорит с улыбкой Стив, затем он берет за руку Джея и они вместе подходят к юному музыканту.

– Что они делают? – спрашивает Беккс.

Джей забирает у парня гитару, тот отходит в сторону. Стив становится рядом с Джем и начинает петь.

So you lost your trust,
And you never shared her, you never shared her,
But don't break your back,
If you ever see this,
Don't answer that.
In a bullet proof vest,
With the windows all closed,
I'll be doing my best,
I'll see you soon,
In a telescope lens,
And when all you want is friends,
I'll see you soon^[3].

Около нас моментально появляется толпа народа. Все слушают великолепный голос Стива.

Джей с закрытыми глазами и довольной улыбкой играет на гитаре. Мы стоим с Беккс напротив них и медленно растворяемся в музыке. Люди начинают кидать в кепку сначала мелочь, затем бумажные купюры, в конечном счете в ней не остается свободного места даже для крошечного цента.

Стив заканчивает петь, все аплодируют ребятам. Парень подбегает к музыкантам с улыбкой до ушей.

– Спасибо! – говорит он.

– Да не за что, Август Раш, – говорит Стив.

– Вы чудо, – говорю я.

– Это моя любимая песня! Все присутствующие подумали, что здесь реально выступает Колдплэй, – ликует Беккс.

– Когда-то я тоже пел на бродвеех, и меня так же никто не замечал. Надеюсь, что из этого парня выйдет толк, – говорит Стив.

– Слушайте, у меня есть идея, а что если мы снимем два шикарных номера в том отеле? Давайте хотя бы на один вечер по чувствуем себя мажорами? – говорит Джей.

Все тут же поддерживают инициативу Джея. Через несколько минут мы оказываемся в холле огромного отеля. Все, кто здесь находится, довольно странно на нас смотрят.

Мы подходим к ресепшну.

– Доброй ночи, – говорит портье.

– Сколько у вас стоит номер? – спрашивает Стив.

– Стандарт 150 долларов за ночь. Мы переглядываемся.

– Нам нужно два самых лучших люкса.

Стив произносит это так громко, что у всех чуть ли не отваливается челюсть от услышанного.

* * *

Двухэтажный просторный номер, стены тепло бежевого цвета. Огромный мягкий диван в центре, четыре торшера по всему периметру комнаты, темно-коричневая деревянная лестница.

– Обалдеть! Я и забыл, когда в последний раз жил в таких царских условиях.

Я осматриваю наш номер.

– Здесь две душевых и джакузи! – говорю я.

– А что у нас на втором этаже?

Стив поднимается по длинной лестнице, я за ним. Нам достался пентхаус. Все помещение ограничено панорамными окнами, из которых виднеется весь сверкающий многочисленными огнями город, окруженный горами.

Две кушетки, маленький стеклянный журнальный столик, и в центре всего этого располагается небольшой спа-бассейн с подсветкой.

– С ума сойти, это как рай, только лучше, – говорит Стив, я обнимаю его и мы стоим и смотрим на панораму города. Затем мы слышим громкий всплеск воды. Оборачиваемся и видим, как Джей плещется в нашем бассейне.

– Ребята, я остаюсь здесь жить навсегда! – говорит он. Появляется Ребекка, в ее руках куча маленьких бутылочек спиртных напитков.

– Я вычистила весь наш мини-бар, налетайте.

Каждый берет по спиртному и с разбега прыгает в бассейн, прямо в одежде. Опираемся о бортики, смеемся, словно дети, одновременно окатывая друг друга теплой водой.

«Я хочу жить, я хочу жить», – снова проносится в моей голове. За нашими спинами появляется кучка пустых бутылок из-под алкоголя.

– Джей, пойдем пошаримся в нашем мини-баре, – говорит Стив. Они вылезают из бассейна и, оставляя после себя мокрые следы, спускаются вниз.

Мы остаемся с Ребеккой одни.

Красное платье Беккс из-за воды стало темно-бардовым. Голубая подсветка бассейна превращает атмосферу темной комнаты в таинственную и в то же время романтическую.

– Я даже мечтать о таком и не могла, – говорит Беккс.

– И все это благодаря нашей «любимой» Тезер. Мы смеемся.

– Боишься? – спрашиваю я шепотом Ребекку.

– ...теперь, нет. Я выпила и постепенно становлюсь такой же безбашенной, как ты.

– Ребекка, всего несколько дней назад ты боялась выпить алкогольный напиток, – смеюсь я.

– Да, но потом я связалась с Глорией Макфин и превратилась в плохую девочку.

– Ах, ты... – я смеюсь и одновременно окатываю Беккс волной теплой воды, она, тем временем, отвечает мне взаимностью. В это же время появляются парни.

– Эй, дамы, может быть, вам наполнить бассейн шоколадными сливками? Тогда бы это смотрелось очень эротично, – говорит Стив.

– Заткнись, извращенец, – говорю я и брызгаю водой в блондина.

Мы делаем глотки новой порции алкоголя. Шутим, затем переключаемся на серьезные темы, потом снова шутим и бесимся. «Я хочу жить... я хочу жить».

Я открываю панорамное окно, сажусь на самый край. Джей и Ребекка уже ушли в свой номер. Моя одежда до сих пор остается влажной. Я сижу и смотрю на город с впечатляющей высоты. Ко мне подходит Стив и накрывает мягким пледом, затем садится около другого края окна.

– Я бы целую вечность здесь провела.

– Когда я стану настоящей звездой, мы с тобой будем жить в отелях еще лучше этого.

Я смеюсь.

– Какие у тебя планы.

– Да. Слава всегда была моей мечтой. А у тебя? – Что?

– К чему ты стремишься?

– ...какой сложный вопрос... я даже никогда и не задумывалась об этом.

– Правда?

– Да. У меня всегда были более приземленные мечты.

– Какие, например?

– ...полюбить. По-настоящему, как в книгах. Почувствовать то, что ощущали твои любимые герои.

– Ты думаешь, это вообще реально?

– ...мне кажется, да.

– Иди ко мне.

Я медленно приближаюсь к нему и кладу голову ему на колени. Внизу слышны звуки

машин, город живет своей жизнью, а мы – своей. Сейчас кажется, что небо ближе к нам, чем земля. Невероятное и неопишуемое ощущение.

– ...я постараюсь исполнить твою мечту, – тихо говорит Стив, наклоняется ко мне и целует.

Я проснулась раньше Стива. Стою в ванной босиком на холодном кафеле. В зеркале отражается наша постель. Я смотрю на Стива и умиляюсь. Этот брутальный самец выглядит таким безобидным. Я просматриваю каждый изгиб его тела. Касаюсь пальцами поверхности зеркала, представляю, что в этот момент я дотрагиваюсь до него. Выключаю воду. В номере сразу стало тихо. Снимаю с себя футболку Стива и переодеваюсь, наконец, в свою одежду. Тишину в номере прерывает неожиданный стук в дверь.

Я делаю тихие шаги по темному ламинату. Открываю дверь. На пороге стоит портье с подносом в руках.

– Ваш завтрак, – портье приветливо улыбается – Благодарю.

Сразу после того, как я проснулась, я заказала завтрак. Две кружечки горячего чая, джем, яичницу с беконом и фрукты. Все это красиво выглядит на подносе. Я ставлю его на небольшой столик у окна. Затем подхожу к нашей кровати, время уже близится к обеду, а мы еще даже не завтракали. Делаю пару шагов назад, резко забираюсь на кровать и начинаю прыгать. От этого Стив просыпается. Одним глазом недовольно окатывает меня.

– ...боже, Глория.

– Доброе утро! – говорю я и одновременно сажусь поверх Стива.

– Мне кажется, или моя голова увеличилась вдвое?

– Нет, просто кое-кто вчера слишком много выпил.

– А у тебя нет, случайно, бензопилы, чтобы избавиться от этой головы и боли?

– У меня есть кое-что получше.

Я наклоняюсь и нежно целую Стива в лоб.

– Это, конечно приятно... но ни хрена не исцеляет. Я смеюсь.

– Ладно, вставай, а то завтрак остынет, – хлопаю я Стива по груди и встаю с кровати, – пока ты будешь в душе, я позвоню в рум-сервис и закажу нам огромные порции таблеток от головы.

– Ты чудо.

* * *

Мы сидим за столом и жадно уплетаем наш завтрак.

– Я решила остаться здесь еще на одну ночь.

– Круто! Я бы все на свете отдал, лишь бы не возвращаться в наш проклятый автобус.

Я откусываю бутерброд с джемом, в этот момент Стив смотрит на меня. Частичка джема остается на моей верхней губе, я медленно провожу по ней кончиком языка.

Стив смущенно отводит голову в сторону и резко выдыхает.

– Что? – спрашиваю я.

– Ты можешь есть нормально, а не соблазнять меня?

– Я нормально ем.

– Нет, ты ешь, как порнозвезда.

Я смеюсь над его репликой.

– Я ем, как нормальный человек, просто ты слишком озабоченный.

– Посмотри, как ты ешь, – Стив намазывает джем на ломтик белого хлеба, откусывает его и языком начинает по часовой стрелке облизывать свои губы.

У меня начинается приступ смеха, глядя на него.

- Неправда, я не так ем!
- Именно так. Я выдыхаю.
- Боже, такое ощущение, что я спорю с пятилетним ребенком.
- Аналогично.

Я отодвигаю стул и поворачиваюсь к нему спиной.

- Так лучше?
- Намного, – ехидно отвечает он.

Я разворачиваюсь, беру с тарелки прожаренный кусочек бекона и швыряю его в Стива, тот отвечает мне тем же. Следующие секунды нашего завтрака превращаются в настоящий балаган. Мы бросаем друг в друга еду и одновременно смеемся. Затем Стив приближается ко мне, одной рукой обхватывает мою шею, другой талию и наши губы смыкаются. Мы теряем равновесие и падаем на пол. Не прерывая поцелуй, Стив медленно просовывает свои руки мне под тунику, затем они прокрадываются все выше и выше. Стив покрывает мою шею поцелуями. У меня захватывает от всего происходящего дыхание, но я резко останавливаю его, дотронувшись рукой до его груди.

- Нет, Стив, подожди...
- Что такое?
- Я... хочу чего-то нового.
- Нового? – потягивает с улыбкой Стив.
- Нет, я не в этом смысле.

Я встаю с пола, поправляю тунику.

- Я тебя не понимаю.
- Стив, я хочу нормальных отношений.
- А что тебя в них не устраивает?
- Да у нас даже не было первого свидания. Стив закатывает глаза.
- Зачем нам эти свидания? Нам вдвоем нереально круто, лю бая парочка нам позвадует.
- На свидания ходят все нормальные пары.
- Я не хочу, чтобы мы были нормальной парой. Это скучно.
- Ладно... зря я затеяла этот разговор.
- Так, подожди, и за что ты на меня обиделась?

– За то, Стив, что мне надоело себя чувствовать подстилкой рок-музыканта. Я хочу серьезных отношений, чтобы ты меня уважал. Любая нормальная девушка мечтает о романтике, об искренних чувствах. А все, что сейчас между нами, – это секс, драйв и смех. Пока что это круто, но когда-нибудь нам это надоест, и что будет потом?

Стив молча уставился на меня.

- ...правильно, Стив... ничего.

Я открываю дверь и выхожу из номера. Опираюсь о стену. Что со мной происходит? Я хочу быть с ним, но в то же время отталкиваю его от себя. В душе непонятная пустота. Я действительно устала быть его игрушкой. После того, что произошло между мной и Мэттом, я перестала доверять людям. Мне кажется, что и Стив при малейшей неприятности сбежит от меня так же, как и Мэтт.

Я стучу в номер Беккс. Через минуту она открывает дверь.

- Доброе утро, – говорю я.
- Доброе.

Я вспоминаю наш вчерашний разговор. Осматриваю номер, Джея нигде нет. Вид у Ребекки поникший.

- Так, рассказывай, как все прошло? – спрашиваю, улыбаясь, я.

- Никак.
- То есть?
- То есть ничего не было.
- Почему?
- Джей так напился, что я его еле дотащила до кровати.
- ...мне жаль.
- А мне нет, – Беккс подходит ко мне и мы вместе садимся на небольшой диванчик, – знаешь, мне кажется, это был знак. А вдруг я ошибаюсь? Что если мне не стоит торопиться?
- Я беру за руку Беккс.
- Да, не стоит. У тебя будет еще куча парней, и ты должна найти среди них достойного.
- Внезапно открывается дверь ванной и выходит Джей.
- Доброе утро, девчонки.
- Доброе, – говорю я.
- Как ты себя чувствуешь? – спрашивает Беккс.
- Паршиво. Такое ощущение, что мне распиливают мозг пилочкой для ногтей.
- Мы с Беккс смеемся.
- Стив у себя? – Да.
- Джей выходит из номера.
- Мы решили остаться здесь еще на сутки.
- Отлично, а то меня уже начинает тошнить от этого «псевдодома».
- ...можно я переночую в твоём номере, а Джей со Стивом?
- Конечно. А что-то случилось?
- Я... разделилась на две части. Одна часть меня хочет быть со Стивом, а другую что-то отталкивает от него.
- Я даже знаю, что, точнее кто, – я с недоумением смотрю на Беккс, – Чед.
- Пожалуйста, не начинай.
- Уже начала, – Ребекка встает с дивана, – Глория, я тебя не понимаю. Зачем ты встречаешься со Стивом, если продолжаешь любить Чеда? Зачем ты флиртуешь с Алексом и одновременно хочешь серьезности от Стива?
- Да, я запуталась.
- Запуталась? Это мягко сказано. Ты просто всем морочишь голову!
- Беккс, я пришла сюда за советом, а не чтобы выслушать очередную лекцию.
- Хочешь совет? Получай! Разберись, черт возьми, в своих чувствах! Выбери того, кто тебе действительно нужен, и перестань всех мучить.
- У меня в горле пересохло, после услышанного.
- Хорошо, – тихо отвечаю я, затем встаю с дивана и направляюсь к выходу.
- Куда ты?
- Пойду прогуляюсь.
- Я с тобой.
- Нет. Я хочу одна. Мне нужно подумать.
- Ладно, только, пожалуйста, не наделяй глупостей.

* * *

Ночью шел дождь. Я иду по влажному асфальту. Несмотря на то что время близится к полудню и город довольно большой, на улице мало людей. А если и встречаются прохожие, то

они, так же как и я, идут медленно, не спеша, о чем-то о своем думают и наслаждаются атмосферой тихого города.

В моей голове куча мыслей. Все они на одну и ту же тему. Я действительно запуталась в своих чувствах. Раньше на меня вообще никто не обращал внимания, я ведь была тенью Тезер. И вот только потом, когда я поняла, что я тоже личность и имею право показать себя, меня начали замечать парни. Вся эта ситуация, которая сейчас со мной происходит, очень похожа на ситуацию Тезер. Ведь она тоже металась от Мэтта к Адаму и наоборот. И я одновременно жалела и осуждала ее. Теперь то же самое происходит и со мной. У меня есть чувства и к Чеду и к Стиву. Понять, кто мне из них действительно нужен, не так просто, как кажется. Каждый из них меня дополняет, помогает мне выжить. А Алекс, это совсем другая тема. Меня переполняет чувство благодарности к нему за то, что он спас меня. За то, что только благодаря ему я вдали от дома, от отца. Я могу жить в свое удовольствие и не слушать ничьи дурацкие наставления.

Совсем не обращая внимания на быстротекущее время, я добираюсь до нашего автобуса. Заглядываю в стекла, никого нет. Алекс так и не вернулся. Чувство беспокойства о нем овладевает мной с новой силой. Так как ключей у меня нет, и поэтому я не могу открыть дверцы автобуса, я забираюсь по лестнице на крышу, открываю люк и прыгаю внутрь трейлера. Несколько секунд сравниваю шикарные апартаменты нашего номера в отеле и это узкое, надоевшее пространство автодома. Затем я просматриваю все комнаты, чтобы до конца убедиться, что солиста здесь нет. Мою душу терзают снова все те же вопросы: Где Алекс? Как он? И что он делает сейчас?

Я останавливаюсь в его комнате. Воздух в ней пропитан его одеколоном. Я сажусь на кровать Алекса. Глажу руками теплое покрывало. Затем моя ладонь оказывается на его подушке, и как только я собралась убрать руку, под подушкой что-то зашуршало. Я поднимаю ее. Под ней оказывается куча прозрачных пакетиков. Я беру один из них и, наконец, понимаю, что это за пакетики. Кокаин. Здесь был кокаин. Пакетиков из-под него около двадцати штук. Неужели Алекс в одиночку в тайне употреблял это? Час от часу нелегче. С каждой секундой появляется еще больше вопросов.

Я кладу подушку на место. Выхожу из комнаты Алекса. Замечаю на кухонном столе чей-то телефон. Судя по всему это телефон Джея. Я автоматически залезаю в «Контакты», нахожу номер Алекса. Долго не решаюсь нажать кнопку «Вызвать», но я беру себя в руки и начинаю звонить солисту. Спустя несколько секунд я понимаю, что это бессмысленно, ибо я слышу противный голос автоответчика.

– Алло, Алекс... это я. Прекращай играть в прятки, мы с ребятами очень волнуемся за тебя. Возвращайся, пожалуйста.

Я завершаю вызов и снова кладу телефон на стол.

Дорогой дневник!

Мне страшно. Мне страшно за Алекса. Мы знакомы несколько дней, но я уже привязалась к нему не по-детски. С ним что-то происходит, и меня это пугает.

Так же, дневник, я окончательно запуталась в своих чувствах. Мне дорог Стив и дорог Чед. Мысль о том, что я мучаю Стива, не дает мне покоя. Я не знаю, как мне быть. В голове прокручиваю все, что произошло со мной за этот месяц. Вспоминаю о том, как я поцеловалась с Мэттом в бассейне, потом в лесу, наше с ним свидание на крыше.

Вспоминаю, как провела ночь с Чедом, затем, как он принял меня в свой дом, когда мне некуда было идти, и как я узнала, что это он писал мне те пророческие письма, из-за которых я чуть не сошла с ума. Теперь я со Стивом и каждый день между

нами случаются какие-то передраги. А все из-за чего? Все из-за того, что я дура. Причем самая натуральная. Я не хочу больше причинять людям боль. Я и так достаточно хорошо выполнила эту миссию. Мне очень нравится Стив, и видеть, как с каждым днем я постепенно убиваю его своей нерешительностью, я больше не могу. Тогда остается один выход. Он мне не очень нравится, но другого решения я больше не нахожу.

Я должна прекратить свои отношения со Стивом.

Осталось 12 дней.

Я беру свою сумку, бросаю в нее дневник. Открываю шкаф, беру несколько вещей мне и Ребекке.

* * *

Коридоры отеля кажутся бесконечными. Я дохожу, наконец, до номера Беккс. Открываю дверь, но внутри никого не застаю.

– Беккс, Джей, – говорю я, но мне никто не отвечает. Затем я слышу всплески воды. Поднимаюсь на второй этаж.

Беккс держится за бортики бассейна, находясь при этом на плаву лежа на спине. В ее ушах наушники, подсоединенные к мрЗ-шнику. Глаза закрыты.

Я на цыпочках подхожу к ней и резко хватаю за плечи. Та начинает визжать, одновременно бултыхаясь в воде.

– Да ты что, с ума сошла?! – кричит Беккс.

– Прости, я думала, ты слышала мои шаги.

– Я чуть коньки не отбросила! Беккс еле как вылезает из воды.

– Где ты была? Стив тебя повсюду искал.

– Я гуляла по городу, зашла в наш автобус, взяла вещи. Держи.

– Отлично, а то мои шмотки насквозь пропитались текилой.

– ...значит, говоришь, Стив искал меня? – Да.

Я отхожу в сторону.

– Я все решила. Я все обдумала и приняла, наконец, решение. Я порываю со Стивом и объясняюсь с Алексом. Хватит с меня. Ты права, я действительно запутала всех и саму себя.

– Ну что ж, я думаю, что это правильное решение. И я рада, что ты меня послушалась.

– Девчонки! – слышим мы голос Джея. От неожиданности Беккс подпрыгивает.

– Джей! – кричит она. На худощавом теле Ребекки всего одни трусики и бюстгальтер, Беккс всячески пытается прикрыться руками.

– Извини, я ничего не видел, ничего, – смущенно говорит Джей, – сегодня в отеле выступает группа Carolina Liar.

– Серьезно? Я их обожаю, – говорю я.

– Они классные. Всем посетителям отеля вход бесплатный.

– Круто, пойду расскажу Стиву.

* * *

Я захожу в свой номер.

– Ну, наконец-то, – Стив выходит из ванной, на нем черный элегантный костюм, волосы не взъерошены, как обычно, а аккуратно уложены.

– ...Стив?

– Что, меня не узнать, да?

– Где ты взял костюм?

– Не важно. Сегодня я буду идеальным парнем. Таким, каким ты хочешь меня видеть. И я приглашаю тебя, Глория, на свидание.

От неожиданности я чуть не теряю дар речи.

– ...ты делаешь мне одолжение?

– Вовсе нет. Я просто хочу сделать тебе приятное. Так, Глория, скажи ему это лучше сейчас. Быстро!

– Стив, я должна тебе кое-что сказать.

– Потом, все потом. Иди в ванную, переодевайся, я буду ждать тебя здесь.

Я выдыхаю. Ладно, посмотрим, что из этого выйдет. Я захожу в ванную. Из вещей, которые я забрала из автобуса, я нахожу миниатюрное темно-синее платье. Надеваю его на себя. Волосы забираю в неряшливый конский хвост. В сумочке нахожу косметичку. Подкрашиваю глаза. У меня безупречный вид. Но тут я с ужасом понимаю, что у меня нет туфель и мне придется быть в вечернем платье и В КЕДАХ. Кошмар. Но выбора у меня нет. Далее, меня бросает в жар от того, что я даже не продумала, как я буду говорить Стиву о нашем разрыве. Господи, какой же у меня будет тяжелый вечер сегодня.

Я выхожу из ванной. Стив с милой улыбкой рассматривает меня.

– Ну, как? – спрашиваю я.

– Ты сногсшибательна.

Я замечаю, как мои щеки начинают пылать.

– Спасибо. Ну что ж, идеальный парень, я вся в твоём распоряжении.

– Подожди секунду.

Стив уходит в спальню и через несколько секунд возвращается с огромным букетом пионов.

– Это тебе, малышка.

– Господи, Стив, как ты узнал, что это мои любимые цветы?

– В каждом идеальном парне живет свой экстрасенс, – Стив целует меня в щеку.

* * *

Мы прогуливаемся по бульварам города. Весь вечер Стив говорит красивыми фразочками, он совсем не похож на себя. Неужели он действительно решил измениться ради меня? Черт возьми, теперь он меня еще больше начинает привлекать, чему я не очень рада.

Мы резко останавливаемся. Стив заливается в улыбку.

– Закрой глаза.

– Зачем?

– Это деталь каждого идеального свидания.

Я закрываю глаза, Стив берет меня за руку и куда-то ведет. Я чувствую, что мы переходим дорогу, делаем еще несколько шагов и останавливаемся.

– Открывай, – слышу я команду Стива.

Я открываю глаза и вижу, что мы стоим перед дверьми огромного ресторана.

– Ты... ты серьезно? Это же один из самых дорогих рестора нов Америки, – говорю я, не скрывая своей улыбки.

– Знаю. Наше первое свидание должно пройти именно там. Мы заходим внутрь здания, нас провожают к столику. Мне отодвигают стул, я присаживаюсь.

– Когда ты успел заказать столик?

– Идеальные парни все всегда успевают.

Я смотрю по сторонам. Куча людей, и все они пришли сюда со своими парами. Мужчины в дорогих костюмах, женщины в шикарных платьях, а я... В КЕДАХ. Какой позор.

– Здесь так красиво.

– Да, согласен, – Стив всячески пытается проявить свою галантность, и меня это начинает раздражать.

– Так почему ты меня решил пригласить на свидание?

– Я всегда люблю пробовать что-то новое.

– Новое? Ты что, никогда никого не приглашал на свидания?

– Нет, я не люблю эти сентиментальности. Но ради тебя я готов сделать исключение.

– Это... впечатляет.

Около десяти минут мы просматриваем меню. Очень много блюд по весьма неприличным ценам. К столику подходит официантка.

– Добрый вечер. Уже определились с заказом?

– Да, – говорю я – мне, пожалуйста, салат из утки с манго и ризотто с морепродуктами.

– Мне то же самое, и принесите нам самое лучшее вино, которое у вас здесь есть.

Официантка кивает головой и постепенно удаляется.

Я самопроизвольно начинаю смеяться над всей этой ситуацией.

– Что тебя так рассмешило?

– Ты. Стив, чтобы быть идеальным парнем необязательно говорить красивые слова и играть роль Ричарда Гира в «Красотке». Я хочу, чтобы ты был настоящим.

– Хорошо, я буду настоящим, – Стив проводит рукой по волосам и аккуратная прическа исчезает с его головы, – знаешь, что меня раздражает в этих ресторанах?

– Что?

– Здесь играет просто отвратительная музыка. Такое ощущение, что находишься на чьих-то похоронах. А еще я ненавижу всех этих людей, которые здесь собрались. Посмотри на них, эстеты, разговаривают о высоком и смотрят на тебя, словно ты собачье дерьмо на асфальте.

Последнюю фразу он произнес так громко, что все присутствующие обернулись на наш столик.

– Ой, я что, слишком громко сказал слово «дерьмо»? – спрашивает Стив у посетителей, я чувствую, что сейчас разорвусь от смеха, – извините, извините меня, пожалуйста.

Я смеюсь, глядя на то, каким недовольным взглядом нас награждают все вокруг.

– Вот такой Стив мне нравится намного больше.

Спустя некоторое время нам приносят наш заказ.

– И что же люди делают на свиданиях?

– На первом свидании люди обычно узнают многое друг о друге. Например, какой твой любимый писатель?

– Хемингуэй.

– Серьезно? Он замечательный. Какая его книга тебе нравится больше всего?

– Не знаю, я не читал его, я просто хотел сейчас выглядеть умным.

Стив снова заставляет меня смеяться.

– Какой твой любимый фильм? – спрашивает меня он.

– «Психо».

– Любишь ужастики?

– Обожаю. Вместо жертв я представляю своих знакомых, и фильм становится намного интереснее.

– Ясно, – Стив неловко сглатывает.

– Ты, наверное, подумал, что я странная?

– Да нет, что ты... я об этом подумал еще с первых минут нашего знакомства.

Я опять смеюсь.

– Кстати, давно хотел спросить, откуда у тебя этот шрам? Стив указывает на руку.

– ...это был не самый лучший период в моей жизни.

– Да ладно? Сто пудов какая-нибудь банальная ситуация, типа поссорилась с подружкой или с парнем, или же с предками.

– Не угадал. Меня хотел изнасиловать один мерзавец со своими дружками, и чтобы избежать этого унижения, я решила вскрыть вены, потому что на тот момент смерть была просто подарком судьбы для меня.

Стив мгновенно меняет свое выражение лица.

– Прости... – говорит он виноватым голосом.

– Ничего.

– Я идиот, зачем я вообще начал спрашивать об этом...

– Стив, все в порядке, правда.

Блондин кладет свою теплую ладонь на мою.

Следующие часы мы то и дело болтали обо всем, смеялись и заказывали блюда с непроизносимыми названиями.

Стив рассказал мне о своей жизни. О том, как впервые захотел стать музыкантом. О своих трудных периодах существования. Я поняла, что мы с ним чем-то похожи. Мысль о том, что я хотела порвать с ним, постепенно улечивается. Я не могу представить, как я потом смогу быть без него. Ведь мне с ним безумно хорошо. Этот человек дает мне стимул к жизни. Если я брошу его, то допущу самую огромную ошибку в моей и без того ничтожной жизни.

Я замечаю, как по окнам начинают бить капли дождя. Мы принимаем решение вернуться в отель, до того, как погода совсем испортится. К тому же мы еще успеем попасть на концерт.

Официантка приносит нам счет. Стив начинает рыться по карманам.

– Черт... – говорит он себе под нос.

– Что такое?

– Да нет, ничего.

Я вижу, как взгляд Стива становится беспокойным.

– Стив, что случилось?

– ...кажется, я забыл бумажник в номере.

– Что? Ты шутишь?!

– К сожалению, нет.

Я закрываю глаза и откидываюсь на спинку стула.

– Господи... как, как ты мог забыть его?

– Я не знаю, наверное, я слишком торопился, и у меня все вылетело из головы.

– Можно подумать, туда что-то влетало!

– Почему ты на меня кричишь?

– Ты еще спрашиваешь? Это наше первое официальное свидание, и ты его умудрился испортить.

– Я не хотел его портить. Так получилось, понимаешь?

– ...ладно, извини.

Мной овладевает неприятное чувство паники.

– Обычно тех, кто не оплатил счет, заставляют мыть посуду.

– Это в забегаловках, Стив. А мы находимся в элитном ресторане... они вызовут полицию.

Как только я подумала об этом, мне сразу стало еще хуже. Если сюда приедет полиция, то вся моя райская жизнь на этом закончится. Нас с Беккс увезут в Бревэрд, а потом вынесут приговор за то, что мы натворили вместе с этими музыкантами.

– А ты случайно не взяла с собой кредитку?

– Нет, я думала, что у моего идеального парня все в порядке с памятью.

– Так, без паники, я что-нибудь придумаю. Проходит около пяти минут.

– Есть идея. Я позвоню Джею, он придет сюда и принесет деньги.

– Ничего не выйдет.

– Почему?

– Джей оставил свой мобильник в автобусе.

– Откуда ты знаешь?

– Я сегодня была там.

– Проверяла, не вернулся ли Алекс?

– Слушай, какая разница?! Из-за тебя мы влипли по самую шею, так что сиди и думай, что нам теперь делать.

Стив осматривается по сторонам, затем резко хватает меня за руку.

– Пойдем.

– Куда?

– Доверься мне.

Мы вместе встаем из-за стола и направляемся к выходу. Я чувствую, как мое сердце стучит как бешенное.

– Стив, что мы делаем?

– Тихо, води себя уверенно.

Тут нас резко останавливает администратор.

– Стоять, вы не оплатили ваш счет. Мне вызвать полицию?

– Ах, точно, как мы могли забыть? Сейчас я все оплачу, – Стив разворачивается, затем размахивается и ударяет администратора в челюсть. Тот весь скрючился, Стив, пользуясь случаем, берет меня за руку и мы вместе выбегаем из ресторана.

Дождь бьет в лицо. Холодные капли кажутся маленькими камешками, падающими с неба. Я оборачиваюсь назад и вижу, как за нами бегут два охранника. Мы ускоряемся. Наши руки до сих пор крепко сцеплены. Мы бежим по множественным закоулкам улиц, я замечаю, что мы оторвались от наших преследователей. Я разжимаю кисть.

– Стив! – кричу я.

Тот останавливается и идет ко мне.

Я опираюсь о какую-то кирпичную стену. Тело дрожит от холодного осеннего дождя. Я глотаю воздух ртом. Стив начинает смеяться.

– Ну, что ты ржешь? Мы еще только сильнее разозлили по лицу.

– Да плевать я на них хотел. Мы с тобой, как Бонни и Клайд, только круче.

У меня начинается истерический смех.

– Мне страшно, – говорю я.

– Да ладно тебе, по сравнению со всеми передрыгами, в которых мы побывали, это просто пустяк.

– Да уж.

– Зато это свидание нам запомнится надолго. Кстати, в номере ты что-то хотела мне сказать?

– Да... но теперь это неважно. Стив, ты самый безбашенный парень из всех, которых я когда-либо встречала... – я делаю долгую паузу, но затем произношу это. – Ты мне нравишься.

Стив обнимает меня, затем страстно целует. Я забываю о том, что мне было холодно. Внутри словно что-то подожгли. Я впиваюсь руками в его мокрый пиджак. Теперь я ни за что не оттолкну его от себя.

* * *

Внутри отеля шумно. Куча людей собралась посмотреть на чумовых ребят из Carolina Liar, сейчас играет песня California bound. Каждый третий подпевает солисту.

Мы со Стивом, насквозь промокшие из-за дождя, находим в толпе Беккс и Джей.

– Ну? и где вас черти носили? – спрашивает Ребекка.

– Бы пропустили самый шикарный момент, когда Чед Вулф^[4] бросил в толпу свою рваную рубашку? – говорит Джей.

– У нас были дела поважнее.

– Мы ходили на свидание, – говорю я.

– Да, как и любые другие нормальные пары, – говорит Стив.

– То есть... – протягивает Беккс.

– То есть, теперь мы самая настоящая пара, – отвечает Стив. Беккс и Джей переглядываются.

– Поздравляю, чувак, – жмет руку Стиву Джей, – Глория, на деюсь, ты вправишь мозги этому болвану.

– Постараюсь, – смеюсь я. Беккс отводит меня в сторону.

– Так, мне что, послышалось несколько часов назад, как ты сказала, что хочешь порвать с ним?

– Нет, не послышалось. Просто я поняла, что ошибаюсь. Стив такой сумасшедший, наверное, именно он заставляет меня просыпаться каждое утро. Только с ним я забываю о том, что хочу сделать.

– А что ты хочешь сделать?

У меня пересыхает во рту, я поняла, что проболталась Беккс. Я прокручиваю в голове различные варианты того, как сменить тему разговора, но вдруг мой взгляд падает на дверь, ведущую из концертного зала. На ее пороге стоит...

– ...Алекс? – говорю я вслух.

Я парю, лежа спиной на воде. Мои глаза закрыты, тишина, смешивающаяся с маленькими всплесками воды, наводит полное умиротворение. Мои волосы, цвета голубой воды, сливаются с ней. Находясь в воде трудно дышать, но я все-таки умудряюсь вздохнуть полной грудью. Я не слышу своих мыслей, не замечаю, как вода медленно затекает в мои уши. Моя душа словно отдельно от тела.

Неожиданно где-то вдали появляется громкий звук. Затем я слышу чьи-то шаги. Я открываю глаза и... вижу, что передо мной стоит ОТЕЦ. Я с ужасом смотрю в его красные, разъяренные глаза. Он стоит, склонившись надо мною.

– ...папа? – еле-еле выговариваю я.

– Ну вот ты и попалась! – кричит он, затем хватает меня за шею и начинает погружать под воду. Я кричу во всю глотку, вода попадает в рот, и от этого я начинаю задыхаться. Отец продолжает меня топить, я всячески пытаюсь вырваться, сопротивляться, но бесполезно, всю свою силу и мощь он направил на меня. Я не прекращаю издавать жалобные крики, но отец этого не замечает.

Резко открываю глаза. Дышу так, словно только что пробежала на полной скорости целую милю. Оглядываюсь по сторонам. Я нахожусь на втором этаже номера. Всю ночь я проспала в кресле у огромного окна. Господи, неужели все это был сон? Мое тело зверски дрожит, хотя я приказываю себе успокоиться.

– Глория, ты чего? – я не заметила, как здесь появилась Ре бекка. У нее довольно обеспокоенный вид.

– Я что, кричала?

– Да, я думала, что тебя здесь расчлениют.

– Мне приснился кошмар.

Беккс садится рядом со мной на журнальный столик.

– Что за кошмар?

– Да так, не важно.

– Расскажи. Чтобы избавиться от дурных мыслей, нужно поделиться ими с кем-нибудь.

– ...мне снился мой отец. Он был здесь и... топил меня в этом бассейне.

– ...да уж. Ты что, часто думаешь о нем?

– Я всегда о нем думаю. Мне кажется, что вот-вот откроется дверь, он зайдет сюда, и конец свободной жизни.

– Глория, нас никто не найдет. Все будет хорошо, нужно просто... забыть об этом идиотском сне.

Я привожу свои мысли в порядок. Мне постепенно становится легче. Это действительно просто сон, отец остался во Флориде, а я уже совсем далеко от нее.

– Ладно. Пойду в номер к парням, узнаю, как они там.

– Хорошо, а я пока соберу тут наши вещи. Приходил портье и сказал, чтобы через два часа мы освободили номера.

«Райская жизнь заканчивается», – проносится у меня в голове.

* * *

Номер парней оказывается открытым. Я захожу внутрь, прохожу в спальню и то, что я вижу,

вызывает во мне приступ смеха. Джей и Стив лежат вместе на одной кровати. Рука Джея нежно обнимает Стива. Тот совсем не сопротивляется этому. Я всячески пытаюсь подавить свой смех, подхожу к Стиву и шепчу ему:

– Стив, просыпайся.

Блондин с первого раза услышал мои слова. Я замечаю, как он с закрытыми глазами улыбается, затем поворачивается, все еще не открыв веки, к Джею, и зарывается рукой в его кудрявые волосы.

– Малышка... – тихо произносит он.

Стив начинает судорожно ощупывать Джея, затем резко открывает глаза и в следующую секунду весь отель, наверное, услышал его крик. Тут я даю волю своим эмоциям и смеюсь так же громко, как кричит Стив.

– Ну, зачем так орать? – тихо и недовольно спрашивает Джей. Стив с отвращением убирает руку Джея со своего торса.

– Какого черта ты делаешь в моей кровати?! Мы же договорились, что ты спишь на втором этаже!

– На втором этаже спит Алекс, а на полу спать неудобно, так что извини.

– Вы так мило смотрите, – сквозь смех говорю я.

– Боже, он обнимал меня всю ночь.... – закрыв лицо, говорит Стив.

– Я же не виноват, что у тебя такая нежная кожа. Я думал, что сплю с шикарной блондинкой.

– Сейчас тебе эта шикарная блондинка врежет промеж ног, понял? – Стив встает с кровати. – Пойду в душ.

По пути он подходит ко мне и обнимает меня.

– Доброе утро, – говорит Стив.

– Доброе утро, блондиночка, – говорю я и шлепаю Стива по пятой точке, тот повиляв ею, закрывает за собой дверь ванной.

– В вашем номере душ свободен? – спрашивает Джей. – Да.

Музыкант в одних трусах выходит из номера. Я выхожу из спальни и слышу, как кто-то спускается по лестнице. Это Алекс. Мы долго смотрим друг на друга.

– Привет, – решаюсь сказать я.

– Привет.

Его появление вчера было довольно неожиданным. Когда я его увидела, на душе сразу появилось приятное облегчение, что с ним все хорошо.

– Мы так вчера и не смогли нормально поговорить, так что сегодня, я не упущу этой возможности, – я подхожу к солисту и мы вместе с ним садимся на диван. – Алекс, где ты был?

– Тебе правда это интересно?

– Еще как.

– Я просто ходил по городу, думал о жизни, заходил в бары, в общем, ничего интересного.

– Зачем ты ушел? Мы сняли два прекрасных номера, ты мог бы жить здесь.

– Я хотел побыть один.

– И... как ты сейчас себя чувствуешь?

– Отлично, а как я должен себя чувствовать?

– Алекс... я все это время думала о тебе, волновалась. Думала, что у тебя какие-то неприятности, что тебе плохо, а ты ведешь себя, как настоящая скотина.

– Прости. На самом деле, я хотел сбежать. Мне все это надоело. Музыка, группа, люди, которые меня окружают. Но знаешь, из-за чего я вернулся? Точнее, из-за кого? Из-за тебя, Глория.

- Решил проверить, не повесилась ли я на каком-нибудь столбе?
- В общем-то, так. Ты же сумасшедшая. Я знаю, что у тебя на уме, и я никогда тебя не оставлю.
- За мной есть кому присматривать.
- Стив? – Алекс начинает смеяться, – я тебя умоляю, это за ним нужен присмотр.
- Ты уже говорил с ребятами?
- Нет. Они меня избегают. Все еще злы, что я сорвал выступление.
- Так объясни им, почему ты его сорвал.
- Не вижу смысла.
- Алекс, я... – как только я хотела сказать о том, что видела под его подушкой, открывается дверь номера.
- Ну что, вы уже собрали вещи? – спрашивает Беккс.
- Всем пространством овладевает тишина. Я смотрю на Алекса, он на меня, затем он быстро отводит свой взгляд в сторону и выходит из номера, чуть задев плечом Ребекку.
- Я, наверное, не вовремя, да? – спрашивает Беккс.
- Нет, все в порядке.
- И о чем вы с ним разговаривали?
- Я просто спросила, где он был все это время.
- Глория, отстань ты от него. Неужели ты не понимаешь, что общаясь с ним, ты еще больше злишь Стива?
- Послушай, мы впятером единое целое, и это ненормально, когда у одного из нас серьезные проблемы, а мы не знаем об этом.
- У каждого человека есть свои тайны, если он ничего не говорит, значит, так нужно. Я выдыхаю.
- Ладно, проехали.

* * *

Как только мы вышли из отеля, в мою голову сразу ударяют воспоминания о том, как нам здесь было хорошо. Я люблю этих ребят, с ними каждый день становится незабываемым. Мы идем вчетвером к автобусу, видим, как Алекс стоит уже около него.

- Ну что, мы опять бездомные? Куда направимся теперь? – спрашивает Джей.
- Может быть, в сторону Лас-Вегаса? Всегда мечтал побывать там на самых крутых вечеринках, – предлагает Стив.
- А что, это мысль. Нужно проделать маршрут, – говорит Джей.
- Мы с Беккс переглядываемся, одновременно держа друг друга за руки, и улыбаемся в предвкушении нового приключения.
- Я заправил все баки, теперь можно ехать куда угодно, – говорит Алекс, но парни делают вид, что не слышали его и залезают в автобус.

* * *

- Если верить навигатору, то нам нужно ехать меньше суток, а по пути можно остановиться в Альбукерке, – говорит Стив.
- Отлично, я сяду за руль, потом сменишь меня, – пролепетал Джей.

– Хорошо.

Я подхожу к Стиву, обнимаю его.

– Значит, Лас-Вегас? – спрашиваю я.

– Да. Была там когда-нибудь?

– Ни разу.

– Я тоже. Вот только есть одна проблемка.

– Что за проблема?

– Чтобы развлекаться на полную в Вегасе, нам нужны деньги.

– Проблем нет. На моей кредитке осталось еще немного денег.

– Нет-нет, твои деньги мы пока транжирить не будем. У меня есть другая идея. Нужно продать всю оставшуюся наркоту.

– Опять? По-моему, мы завязали с этим.

– Нам все равно нужно избавляться от товара, заодно и получим хорошие деньги.

– Ладно, пойду расскажу Ребекке.

– Нет, вы с ней ничего продавать не будете. Забыла, чем закончилась та свадебная вечеринка?

– Как скажешь.

Стив открывает шкаф. Начинает рыться.

– ...не понял.

– Что такое?

– Все исчезло, наркоты нет.

Взгляд Стива в считанные секунды стал озлобленным. Он ударяет кулаком о дверцу шкафа и начинает быстро идти вперед.

– Стив, что ты делаешь?

– Это он! Он продал всю наркоту и деньги забрал себе!

Я иду за Стивом, внутри меня бушуют чувства волнения и неопишуемой тревоги. Блондин направляется в комнату Алекса. Незаметно за моей спиной появляется Беккс.

– Что происходит?

– Стив! – кричу я, тот со всей силы открывает дверь комнаты Алекса так, что раздается очень громкий неприятный звук.

– Какого черта?! – спрашивает в недоумении Алекс.

– Где товар?

– Зачем он тебе?

– Какая разница?! Я спрашиваю, где товар?

Солист молчит. Его молчание вызывает еще больше ярости у Стива.

– Какая же ты сволочь! – Стив бьет Алекса в лицо, затем наносит еще один удар и еще. Завязывается потасовка. Мы с Беккс стоим ошарашенные.

– Алекс, Стив! – пытаюсь остановить их я.

– Господи... – говорит Ребекка, закрывая ладонями свое лицо.

– Беккс, беги за Джем, только он сможет их разнять. Ребекка кивает головой и удаляется.

– Стив, я прошу тебя! – продолжаю кричать я.

Но он меня не слышит. Они бьют друг друга совершенно не жалея и не соображая, что когда-то были совсем как братья. В комнату вбегает Джей.

– Да вы что, совсем с катушек съехали?! – кричит он. Одна рука Джея упирается в Алекса, другая в Стива.

– Так, быстро объяснили, что здесь происходит! Стив вытирает кровь с губы.

– Он продал втайне весь товар и забрал себе все деньги.

– Алекс, это правда? – спрашивает Джей, но тот продолжает молчать.

Комнату охватила тишина, все стоят и смотрят на Алекса, тот, в свою очередь, делает отрешенный вид.

– Ну, что ты молчишь, а? стыдно признаться? – насмехается Стив.

Мой внутренний голос разрывается: «Да скажи ты уже им!!!». Я вспоминаю про те пакетики под подушкой Алекса. В моей голове, наконец, складывается логическая цепочка.

– Он ничего не продавал, – вырывается из уст.

– То есть как? – спрашивает Стив.

Я смотрю на Алекса, тот с недоумением смотрит на меня. Я отталкиваю Джея, подхожу к кровати Алекса и поднимаю подушку. Все присутствующие видят то, что находится под ней.

– Это еще что? – спрашивает Джей, хотя, на самом деле, он уже все сам понял.

– Алекс, я прошу тебя, расскажи все нам, – говорю я. Солист еще долго смотрит на нас.

– Я лучше покажу, – наконец произносит он.

Мы вчетвером не понимаем, что происходит. Затем Алекс поднимает вверх свою футболку, и от увиденного я закрываю свое лицо руками. Огромная гематома темно-фиолетового цвета на грудной клетке. Каждый из нас просто не верит своим глазам.

– В той аварии я неудачно приземлился и сломал ребро. Я сорвал наше выступление лишь потому, что закончилось действие наркотика, а без него я не могу терпеть эту боль.

– ...почему ты нам сразу все не рассказал? – спрашивает Стив.

– Я не хотел выглядеть жалким... как сейчас.

– Тебе нужно в клинику, – говорю я.

– Нет, необязательно. Ребра могут сами срастись, нужно только потерпеть.

Стив молча окатывает взглядом Алекса, затем разворачивается и выходит из комнаты.

– Извини, что мы тебя заподозрили, – говорит Джей.

– Да ладно, я сам во всем виноват.

Джей, все еще не отошедший от увиденного, медленно выходит из комнаты, следом за ним Ребекка. Остались только мы вдвоем.

– Как ты узнала об этом?

– ...разве теперь это имеет значение? Я поражаюсь. Как ты так долго терпел такую боль?

– Захочешь жить – и не такое стерпишь. Хотя теперь мне терпеть будет намного сложнее. Обезболивающие закончились, а без них не протяну.

Алекс ложится на кровать. Драка со Стивом выбила его из колеи, он обхватил рукой область ребер, и я чувствую, как ему тяжело и очень больно дышать.

– Чем я могу тебе помочь?

Алекс молчит несколько минут, затем произносит тихим тоном.

– Глория, если бы я не был в таком положении, я бы никогда тебя не попросил об этом...

– Говори, Алекс.

– ...в Альбукерке есть один закрытый клуб, там можно приобрести кокс, ЛСД, в общем, все, что захочешь.

– Я поняла, я приду туда и...

– Нет. Забудь все, что я тебе сказал. Это очень опасно, там работают серьезные люди.

– А я приду туда с серьезными деньгами.

– Нет...

– Алекс, я справлюсь. Напиши, куда я должна идти. Солист, долго не решаясь, поднимается с места, пишет адрес и отдает мне в руку записку.

– Держи. Перед тем как купить товар, ты должна его проверить.

– Проверить?

- Да, лучше втирай его в десны. Если они заневают, значит, товар качественный.
- Поняла.
- Алекс берет меня за руку.
- Пожалуйста, будь осторожна.
- Хорошо.
- Открой верхний ящик.
- Я исполняю его команду. Открываю ящик и вижу пистолет. Беру его в руки.
- Ты пойдешь туда только с ним.
- Ладно, отдыхай. Тебе нужно беречь свои силы.
- Если с тобой что-нибудь случится, я...
- Алекс, со мной ничего не случится. Я тебе обещаю.

Дорогой дневник!

Наконец-то я узнала, что творится с Алексом, и, если честно, мы до сих пор еще не отошли от увиденного.

Я не знаю, как переживу сегодняшний вечер. Я пойду в закрытый клуб, где должна найти барыгу и купить у него «обезболивающие» для Алекса. Мне очень страшно. Не смотря на то что с музыкантами я уже повидала многое и побывала во всех передрягах, каких можно побывать, внутри меня все бушует. Успокаиваю себя лишь одной мыслью – я должна помочь Алексу, я просто обязана это сделать. Я должна забыть о безумно колотящемся сердце, о страхе от огромных амбалов, что будут там, и о том, что они могут со мной сделать. Алекс спас меня, теперь я должна спасти его, но, главное, чтобы об этом не узнали Стив и Ребекка, а то от каждого из них мне придется выслушать многочасовую лекцию о моих глупых поступках.

Осталось 11 дней.

* * *

– Бедный Алекс, – говорит Беккс, но я полностью погружена в мысли о том, что мне предстоит сделать, и я не замечаю ее слов.

– Что? – спрашиваю я.

– Я говорю, бедный Алекс. Какие силы нужно иметь, чтобы вытерпеть такую адскую боль...

– Да...

Я закрываю дневник и кладу его на свою полку, где лежат вещи.

– Ты с ним не расстанешься.

– Ты про кого?

– Про что. Твой дневник. Интересно, о чем ты там пишешь?

– Обо всем, что происходит вокруг. Мне так легче.

Договорив последнюю фразу, я устремляюсь в окно. Местность, по которой мы сейчас проезжаем, абсолютно лишена жизни. Желтая, даже оранжевая земля, какие-то непонятные растения на ней, и лишь вдали виднеются маленькие зеленые холмики.

– Я много слышала про Лас-Вегас. Там столько достопримечательностей! Интересно, как люди там работают? Ведь в таком соблазне развлечений нереально настроиться на рабочий лад, – все, что сейчас говорит Беккс, проносится мимо моих ушей, – Глория, ты меня вообще слушаешь?

– А, что?., да, я тебя слушаю, – соврала я.

– У тебя руки дрожат.

Я смотрю на свои ладони, и действительно. Руки и все остальные части тела охвачены дрожью. Не передать словами, как мне страшно идти в тот самый клуб.

– Беккс, перестань рассматривать меня, как подопытного кролика! – срываюсь я.

В этот же момент дверь комнаты открывается.

– Чем занимаетесь? – спрашивает Стив. Беккс с опаской смотрит на меня.

– Просто разговариваем. Ладно, не буду вам мешать, – говорит она и выходит из комнаты.

Стив садится рядом со мной, одновременно обвивая своей рукой мою талию.

– Когда мы приедем в Альбукерке? – спрашиваю я.

– Еще четыре часа, и мы там.

Четыре часа. Всего четыре часа. Господи, как же это мало. Мне становится еще страшнее.

– Ты поговорил с Алексом? – Нет.

– Слушай, ему сейчас очень плохо. Он нуждается в твоей поддержке.

– Если бы он нуждался в моей поддержке, то давно бы нам все рассказал.

Я сжимаю его ладонь.

– Стив, неужели тебе его совсем не жалко?

Он тяжело вздыхает, понимая, что от моих наставлений ему все равно никуда не деться.

– Хорошо, я поговорю с ним, но только ради тебя.

– Нет, ты не должен это делать ради меня, ты должен сделать это ради вашей дружбы.

Стив целует меня в губы, затем встает и выходит из комнаты. На секунду я стала забывать о приближающемся вечере. Ложусь спиной на кровать и закрываю глаза.

* * *

За окном совсем стемнело, я вижу вдали огни города. С каждой секундой мы к нему все ближе и ближе. Я проспала несколько часов. И это были самые лучшие часы. Я не думали ни о чем. Мое сознание просто вырубилось на некоторое время. Я собираю все силы в кулак и с мыслью «что будет, то будет» начинаю одеваться. Через несколько минут на мне оказываются мои любимые джинсы и серая толстовка. Я беру с собой сумочку, кладу туда пистолет, кредитку. Бумажку с адресом я засовываю в карман джинсов. На минуту присаживаюсь на кровать и заставляю себя не нервничать.

– Ты справишься... ты справишься, – говорю я себе вслух. Выхожу из комнаты, когда автобус останавливается.

– Дамы и господа, добро пожаловать в Альбукерке! – говорит Стив.

Все мы в унисон издаем радостный возглас. Джей и Беккс первыми выскакивают из душного автодома.

– Свежий воздух, я так по тебе соскучился, – говорит Джей.

– Алекс, ты идешь? – спрашивает Стив.

– Нет, веселитесь без меня.

По их короткому диалогу я поняла, что у них, наконец-то, наступил мир. Чему я очень обрадовалась. Мы выходим из автобуса.

– Куда пойдем? – спрашивает Беккс.

– Я жутко голоден. Может, зайдем в какую-нибудь закусочную? – предлагает Джей.

– Ты когда-нибудь можешь думать не о еде? Мы здесь задержимся на минут пятнадцать, не более, – говорит Стив.

«Сейчас или никогда», – проносится у меня в голове.

– Ребят, вы пока идите, а я забегу в маркет.

– А зачем тебе в маркет? – спрашивает Беккс.

– Купить что-нибудь, что за идиотский вопрос? – чуть ли не кричу я, – я вас догоню.

Стив молча с недоумением смотрит меня, я разворачиваюсь и быстрым шагом иду вперед.

По пути нахожу банкомат и снимаю две тысячи долларов. Затем спрашиваю у местных, где находится та самая улица, на которой и располагается клуб. К счастью, я быстро нахожу правильный путь и спустя некоторое время я оказываюсь прямо перед дверью своего пункта назначения. То, что я вижу, даже клубом нельзя назвать. Обыкновенный многоэтажный заброшенный дом, а в подвале как раз и проходят тусовки. Несмотря на то что я нахожусь не на окраине города, здесь нет ни единой души. Это еще больше усугубляет ситуацию. Меня зверски трясет. Но раз уж я решилась на это, то дойду до конца.

Я открываю дверь. Сколько же здесь народу! Музыка с оглушающими битами, запах дешевого алкоголя и курева. Две девушки танцуют на деревянном столе, который располагается в центре помещения. Пятьдесят процентов присутствующих пьют или уже валяются на полу, остальные пятьдесят обжимаются с проститутками. Мне мерзко здесь находиться.

В толпе я замечаю человека, который не пьет и ни с кем не обжимается, похоже, он здесь самый главный. Я подхожу к нему. Ему на вид лет двадцать пять, темный цвет кожи, все это дополняет омерзительная лысина, в которой отражается потолок.

– Эй, – говорю я, – мне нужен кокс, – я стараюсь держаться уверенно, но мой голос все равно дрожит.

Рядом с ним стоят еще несколько парней, услышав мою фразу, они одновременно начали смеяться.

– Детка, я доставлю тебе больше удовольствия, чем кокс, – говорит какой-то тип, при этом хватая меня за руку.

– Отвали, – со всем отвращением я отталкиваю его от себя, и смех других парней тут же прекратился.

– Пойдем, – говорит главарь.

Он открывает какую-то дверь, за ней оказывается лестница. Она очень длинная, мы спускаемся в самый низ, я так поняла, что это бункер-клуб. Далее следуют множество коридоров, лампы дневного света противно ослепляют глаза. Я иду за главарем, считаю каждый удар своего сердца.

– Ну, и кто тебя сюда послал? – спрашивает он.

– Никто. Я сама пришла.

– Как ты узнала про это место?

– Знакомый посоветовал.

– Что за знакомый?

– Слишком много вопросов.

Мы доходим до очередной двери, главарь останавливается.

– Просто мы не продаем товар кому попало. Ну, так что это за знакомый?

Он начал пристально на меня смотреть. От его взгляда меня мигом бросило в жар.

– ...Алекс. Фамилии не знаю. Он играет в одной рок-группе.

– Так сразу бы и сказала.

Главарь открывает дверь. Мы заходим в комнату. Ничего себе, я даже и не думала, что Алекс является таким авторитетом. Парень держит в руках один брикет кокаина.

– 600, – говорит он.

Я вспоминаю наставления Алекса.

– Сначала я проверю.

– А ты дерзкая.

Главарь разрывает упаковку брикета. Я беру маленькую щепотку и мизинцем начинаю втирать в десна. Через 5-10 секунд я чувствую некое охлаждение во рту.

Я достаю из сумки деньги, отдаю ему, брикет кладу к себе.

Направляюсь к двери, дергаю за ручку и понимаю, что она закрыта.

– Открой дверь.

– А ты что, куда-то торопишься? – парень подходит ко мне.

– Я сказала, открой дверь, немедленно.

– Недотрога? Мне это нравится.

Как только он хотел ко мне приблизиться еще на один сантиметр, я достаю пистолет и направляю на него. Тот поднимает руки.

– Ладно-ладно, жалкая школьница, опусти пистолет. В это же мгновение, мы слышим громкий звук серены.

– Что это? – спрашиваю я. Кто-то начинает долбить в дверь.

– Отойди, – парень отталкивает меня. Открывает дверь. На пороге стоит какой-то мелкий паренек.

– Наверху куча легавых, кто-то слил нас!

– Твою мать.

Главарь выталкивает меня из комнаты, запирает ее на замок. И начинает бежать, я за ним. Тот останавливается.

– Нет, ты останешься здесь.

– А что мне делать?!

– Извини, детка, тут каждый за себя.

Они скрываются в коридорах. Я стою в полной растерянности, слышу женский крик, выстрел пистолета. И вот в этот момент я готова продать душу дьяволу, лишь бы оказаться дома, лежа в своей постели.

Мои ноги становятся ватными. На мгновение мне показалось, что мною овладел паралич. Я смотрю в разные стороны, из коридоров складывается целый лабиринт, наверх мне подниматься точно нельзя, но и где выход из этого бункера я тоже не знаю. Господи, что же мне делать. Я чувствую, что еще одна секунда, и я начну рыдать из-за всей этой ситуации.

Тут я чувствую, как кто-то прикасается к моей спине, я вскрикиваю, резко оборачиваюсь и вижу, что передо мной стоит Стив! Мне показалось, что я онемела от увиденного. Как?! Как он меня нашел? О боже...

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю его я.

– Это я тебя хочу спросить.

Я слышу, как кто-то открывает дверь в бункер.

– Стив, я... потом тебе все объясню, нужно бежать.

По моей команде мы со Стивом начинаем метаться по коридорам, находим лестницу, поднимаемся и снова бежим.

– Сюда! – кричит Стив, он открывает дверь, и спустя мгновение мы оказываемся в какой-то комнате. Здесь очень темно, лишь небольшое подвальное окошечко освещает помещение.

– Как ты узнал, что я здесь? – шепотом спрашиваю я.

– Пошел следом за тобой. Я не мог тебя одну отпустить. Теперь ясно, в какой маркет ты пошла. Теперь отвечай на мой вопрос.

– ...Алексу нужно обезболивающее.

– Ну, конечно! Алекс! Ублюдок, он же прекрасно знает, что в таких клубах каждый день происходят облавы, – Стив достает телефон, затем звонит Джею и сообщает наши координаты.

– Тише, – говорю я.

За дверью я слышу шаги и мужские голоса.

– Здесь пусто.

– Нужно проверить все комнаты. Шаги приближаются.

– Они идут сюда, – говорю я.

Стив понимает всю безысходность нашего положения. Затем он начинает светить телефоном на пол, берет стул, размахивается и разбивает окно. Стив помогает мне выбраться, затем я вижу, как открывается дверь и забегает полицейский.

– Стоять!

Стив мгновенно выбирается из комнаты, и мы с ним вместе пускаемся в бегство. Я не хочу оборачиваться назад, потому что мне очень страшно. Несмотря на то что я уже начинаю задыхаться, мы не останавливаемся. Через несколько минут к нам подъезжает автобус, мы быстро забираемся внутрь.

– Быстрее! Жми на газ! – кричит Стив.

– О господи, что это? – спрашивает Беккс. Стив заходит в комнату Алекса.

– Какого черта ты туда ее послал?!

– Стив, отстань от него! – кричу я.

– Да ты хоть понимаешь, во что мы теперь ввязались?!

– Не кричи на нее. Никто не знал, что за этим клубом шла охота, – говорит Алекс.

В комнату забегает Беккс, по ее щекам текут слезы.

– Ребята, там... там за нами едет целая куча полицейских.

Я, Беккс и Стив выходим из комнаты, смотрим в заднее стекло. Я насчитываю шесть машин копов. В этот момент я понимаю, что нашему путешествию пришел конец.

– Нет, они охотились не за клубом, они ждали нас, – говорит Стив. Я снова захожу к солисту.

– Алекс...

Я вижу, как тот достал из моей сумочки брикет.

– Ты молодец, если бы не ты, я не знаю, что со мной было бы.

– И что теперь с нами будет? Алекс посмотрел в окно.

– Через несколько миль мы будем проезжать мост. Они отстанут от нас только в том случае, если мы погибнем.

– То есть ты предлагаешь..

– Нет, это ты сейчас пойдешь к Стиву и Джею и предложишь им инсценировать аварию. Меня они не послушают, так что все в твоих руках.

Я сглатываю комок в горле.

* * *

Выхожу из комнаты. Ребекка сидит на полу и ревет.

– Я не хочу возвращаться домой. Я не хочу снова оказаться в аду.

– Беккс, мы не вернемся в Бревэрд, слышишь? Я иду к Джею. Он сидит за рулем.

– Джей, мы скоро окажемся на мосту, ты должен свернуть с дороги.

– В смысле? – спрашивает Джей, широко раскрыв глаза.

– В прямом. Стив, открой все окна и двери. Беккс, собери все самые нужные вещи.

– Да вы что, совсем с ума сошли?! Это же самоубийство! – у Беккс началась истерика.

– Все будет хорошо, только так мы сможем покончить со всем этим.

Из комнаты выходит солист. – Алекс...

– Мне уже лучше. Ну, что вы стоите? Вы не слышали ее команду?

– Да это же бред! Ты что, собираешься лишить нас всего? Погрузить на дно наш автобус, инструменты, вещи?!

– А что тебе дороже, инструменты или свобода?

Я захожу в нашу с Беккс комнату, начинаю собирать в сумку все важные вещи. Из трясущихся рук все падает, это начинает раздражать.

* * *

Мы стоим рядом с Джеем. Погоня за нами все еще продолжается.

– ...ребят, а что если ничего не выйдет и мы реально умрем? – спрашивает Джей.

Из-за его слов Беккс стала еще сильнее реветь.

– Я открыл все окна и двери. Нам нужно выпрыгнуть из авто буса до того, как он окажется под водой, – говорит Стив.

Еще чуть-чуть и мы окажемся на мосту. Мое дыхание захватывает еще больше.

– Джей, по моей команде ты сворачиваешь с моста, – говорит Алекс.

– О господи... – протягивает Джей.

В каждом из нас сейчас бушует чувство страха. Лично мне страшно не за себя, а за остальных. Что если это наши последние минуты, когда мы все вместе. Что если кто-то из нас утонет. Я не хочу об этом думать. Но плохие мысли лезут в мою голову одна за одной. Еще вчера мы славно отдыхали в отеле, а сегодня сталкиваемся лицом к лицу со смертью. Но по крайней мере только так мы сможем остановить погоню.

– Я не хочу умирать, – говорит сквозь слезы Беккс.

– Ты не умрешь. Главное, вдохни глубоко. Я буду держать тебя за руку.

Стив подходит ко мне, обнимает, дышит в ухо, не произнося ни слова. Я в ответ прижимаюсь к нему.

Мы оказываемся на мосту. Машины полицейских все еще продолжают противно гудеть.

– Давай! – кричит Алекс.

Джей сворачивает с дороги, и автобус несколько секунд парит над водой. Я набираю полную грудь воздуха.

Господь, забери мою жизнь, но не отнимай ее у ребят, пожалуйста.

Часть 11

Embrace

Ветер поднимает мои волосы вверх, и они становятся похожими на щупальца. Поезд надоедливо стучит по рельсам. Громкий звук перехода путей будит меня. Я опираюсь на локти. Яркий солнечный свет не дает мне широко раскрыть глаза. Я цепляюсь за стенки вагона и осматриваю местность, по которой мы едем. Скалы, обрамленные пышными кронами деревьев, вдали виднеются какие-то пустыри с желтой травой. Даже предположить трудно, где я сейчас нахожусь.

ТРИНАДЦАТЬ ЧАСОВ НАЗАД

Беккс крепко держит меня за руку. Мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я боюсь не успеть задержать дыхание. И вот только в этот момент я понимаю, как же мне страшно.

– Давай! – кричит Алекс.

Джей резко выворачивает руль. В эту же секунду мы открываем двери автобуса. Мы уже чувствуем, как колеса автодома отрываются от земли. Невесомость. Снова неприятное чувство невесомости. Мы одновременно выпрыгиваем из автобуса. Удар о воду. Такой сильный, что еще несколько секунд тело не может прийти в себя. Из-за того, что автобус пошел ко дну, меня со всей силы так же начало тянуть вниз. Наши ладони с Беккс разъединяются. Я еще долго пытаюсь найти ее, но все мои попытки оказываются безуспешными.

Как только я собираю все свои силы в кулак и пытаюсь подняться на поверхность, понимаю, что моя сумочка (это единственное, что я успела взять из автобуса) зацепилась за что-то. Вода мало того, что ледяная, так она еще и абсолютно темная, я ничего не вижу вокруг себя. Дергаю со всей силы сумку, но это не изменяет ситуацию. Воздуха во мне осталось совсем чуть-чуть. От безысходности я даже издаю какие-то звуки. Неужели это все? Неужели мне суждена именно такая смерть? Я закрываю глаза и парю в воде. Но спустя несколько секунд я чувствую, как чья-то рука хватается меня за плечо, сумка к моему удивлению быстро отцепляется от чего-то, я начинаю добираться до поверхности воды. Мы всплываем. Волосы полностью обволокли мое лицо. Я пытаюсь избавиться от воды в горле кашлем. На моем плече до сих пор остается чья-то рука. Это Стив. Он смотрит на меня. Так же тяжело дышит.

– Ты как? – спрашивает он.

– ...н-нормально, – еле-еле отвечаю я.

Я еще никак до конца не могу прийти в себя.

– Глория! – кричит Ребекка.

Мы со Стивом оборачиваемся и видим, как Алекс и Беккс сидят под мостом. Мы подплываем к ним.

– Давай руку, – говорит мне Алекс.

Мы поднимаемся на бетонную плиту. Я забываю про свою усталость и про то, что все мое тело дьявольски дрожит. Я обнимаю Ребекку, а она меня. Без лишних слов и эмоций. Мы смогли это сделать. Мы выжили.

– А где Джей? Кто-нибудь его видит? – спрашивает Стив.

И действительно, прошло уже несколько минут, а он до сих пор не вынырнул. На нас всех обрушивается паника.

– О господи... – по щекам Ребекки начинают стекать слезы.

– Будьте здесь, – говорит Алекс и снова ныряет в реку. Я крепко сжимаю ладонь Ребекки.

– Беккс, с ним все будет хорошо.

– Мы же все спрыгнули одновременно. Что с ним могло случиться?

– Эй, тише, – говорит нам Стив.

Мы замолкаем и прислушиваемся. Там, на мосту скопилась куча народу. Мы слышим звуки сирен, чьи-то разговоры, сигналы радиации. Мы все еще в опасности.

Спустя несколько минут Алекс выныривает из воды, и, к счастью, он не один, а с Джем. Мы помогаем им забраться. Джей все еще остается без сознания.

– Что с ним? Он жив? – спрашивает Ребекка. Алекс кладет большой палец на запястье Джея.

– Жив, он ударился головой обо что-то. Искусственное дыхание. Один раз, второй раз, и, наконец, на третий раз глаза Джея широко открываются, ртом он начинает глотать воздух, одновременно из него выходит вся вода.

– Джей! – Ребекка обнимает его, тот еще не может до конца опомниться.

– ...черт, у нас что, получилось? – спрашивает он.

– Получилось, – говорит с улыбкой Алекс.

– Чувак, как же ты нас напугал, – говорит Стив.

– Так, не расслабляйтесь. Я уверен на сто процентов, что полиция прекрасно поняла наш план, скоро они начнут прочесывать берега, так что нам нужно сматываться отсюда, – говорит командным голосом солист.

– И куда мы теперь? – спрашивает Беккс.

– Город в нескольких милях отсюда, нужно двигаться в его сторону, а там дальше посмотрим, что делать.

Алекс слезает с бетонной плиты и оказывается на земле.

– Джей, ты как? Сможешь идти? – спрашивает Стив.

– Да. Обо мне не беспокойтесь, я в порядке.

– Подожди, – говорит Ребекка, – у тебя кровь струится. Он стирает струйку крови со лба Джея.

– Спасибо.

Их идиллию нарушает Стив.

– Эй, заканчивайте со своими ласками, нам скоро копы задницы надерут.

* * *

Мы идем друг за другом. Все насквозь промокшие. Мои челюсти просто отбивают чечетку от холода. Во мне не осталось ни капельки сил, но я понимаю, что останавливаться нельзя. Иначе подведу и себя, и ребят.

В лесу крошечная темнота. Лишь свет луны помогает нам двигаться вперед, хотя из-за массивных туч, которые перекрывают свет, нам приходится идти вслепую. У Алекса в руках зажигалка, она еще работает, и мы все следуем за ее маленьким пламенем.

Каждую секунду натыкаюсь на колючие ветки, которые нагло впиваются в кожу.

– Черт... я ничего не вижу, – говорит Джей.

– Джей, хватит ныть. Надо было оставить его на дне, – говорит Стив.

Их голоса доносятся до меня как эхо. Я не представляю, как они еще могут что-либо говорить, как у них на это хватает сил.

Мы прилично отошли от реки. Я молю Бога, чтобы это испытание на выносливость, наконец, уже закончилось. Вдруг я слышу чей-то крик. Лишь через несколько секунд я понимаю, что это крик Ребекки. Я останавливаюсь и, благодаря тусклому лунному свету нахожу ее.

– Беккс...

Она сидит на бревне и держится за руку.

– Боже... – говорит она.

– Ребята, подождите, – кричу я.

– Что там у вас? – к нам подходит Стив.

– Она упала.

– Алекс, посвети, – говорит Джей.

Солист подносит пламя к колену Ребекки, и мы видим, как из небольшой ранки струится кровь.

– Обычная царапина, – говорит он, – слушайте, если мы так будем на каждом шагу останавливаться, то нас точно поймают.

– Ну и пусть!!! Пусть нас поймают!!! Я так больше не могу... Неужели вы не понимаете, что нас все равно поймают? Мы просто оттягиваем это от себя. Это бессмысленно, – Беккс закрывает лицо руками и плачет – я устала...

– А что если... у нас получится? – тихо спрашиваю я.

– Даже если и получится, что мы будем делать?! У нас ничего нет. Ни дома, ни вещей, осталось лишь немного денег, но мы и ими даже не сможем воспользоваться, потому что мы В РОЗЫСКЕ! И наша жизнь теперь сплошное бегство.

Беккс продолжает истерить. Если честно, я ее частично поддерживаю. У нас в самом деле ничего не осталось, и рано или поздно полиция найдет нас, и тогда прощай, нормальная жизнь.

– Она права, – говорит Джей и садится рядом с Ребеккой, – какой смысл дальше бежать? Мы все теперь в полной заднице.

– Нет, Джей, полная задница наступит тогда, когда нас поймают. А ты, случайно, не забыл, сколько статей нам всем светит? Ты выйдешь из-за решетки в шестьдесят лет, и то не факт, что ты доживешь до такого возраста, потому что там тебе не курорт. Там тюрьма, – говорит Алекс, – а ты, Беккс, и ты, Глория, – теперь вы тоже во всем этом замешаны, и вы даже не представляете, какое дерьмо ждет вас, когда вас поймают.

Наступает тишина. Во мне бушует буря эмоций. Почему сейчас, в момент, когда мы должны быть единым целым, мы разделяемся на два лагеря?!

– Так. Хватит. Мы будем бежать, и мы должны держаться все вместе. Сейчас идти к городу бессмысленно, мы даже своей вытянутой руки не видим, поэтому нужно найти место на ночь, где мы можем отсидеться, – говорю я.

Я иду вперед, мне никто ничего не сказал в ответ. Я принимаю это, как согласие.

– Стой, – слышу я голос Стива, – дай мне свою руку.

Он берет меня за руку, и мы вместе идем в глубину леса. Я оборачиваюсь и вижу, как за нами идут все остальные. Мне становится спокойнее.

* * *

Спустя несколько часов блуждания по лесу мы выбрали, наконец, надежное место. Разожгли костер. Это, конечно, глупое действие в нашей ситуации, ибо так нас легко смогут обнаружить, но наши тела продрогли. Нам просто необходимо согреться.

Мы сидим вокруг костра, каждый думает о чем-то своем. Мы все устали, и даже мысль о том, что скоро нам снова предстоит идти в путь, отнимает силы.

– Ну, и куда мы теперь? – спрашивает Джей.

– Я же сказал, к городу, – говорит Алекс.

– К городу... – смеется Джей, – да нас теперь знает в лицо каждый третий, весь этот

розыгрыш с аварией только усугубил ситуацию.

– Хорошо, и что ты теперь предлагаешь?

– Нам нужно остаться в лесу. Хотя бы на несколько дней.

– Интересно, как ты будешь жить в лесу несколько дней без еды?

– Если захотеть, то выжить можно.

– Нет. Алекс прав. Нам нужно в город. Копы первым же делом будут прочесывать лес, а мы за это время найдем какой-нибудь городишко, жилье, а там дальше видно будет, – говорит Стив.

Беккс лежит у меня на коленях. Дрожь ее тела передается мне.

– Я так устала. Лучше бы я утонула в том автобусе.

– Не говори так. Мы справимся, слышишь?

– Мне страшно. Но я боюсь не тюрьмы. Я боюсь лишь посмотреть в мамины глаза.

– Так, что вы успели взять из автобуса? – спрашивает Алекс.

– Зажигалку и документы, хотя от них уже почти ничего не осталось, – говорит Стив.

– Я взял карту, она, конечно, размокла, но по ней еще можно ориентироваться.

Я открываю свою сумку.

– Кредитка, – это единственное ценное, что я успела захватить.

– Сколько у нас еще осталось? – спрашивает Алекс.

– Не знаю, но думаю, еще на два месяца хватит.

– Отлично, главное, что у нас есть деньги, а с остальным мы справимся.

На самом деле, кредитка это не единственное, что я взяла с собой. Дневник. Его обложка разбухла и листочки стали твердыми, все мои записи размыты.

– Так, все. Давайте спать. Как только начнет светать, нужно двигаться вперед, – говорит Стив, – Джей, потуши костер.

Снова все меркнет перед нами, и воздух вновь становится прохладным, после того, как Джей избавился от огня. Мы все располагаемся на холодной, влажной земле. Спустя минут пятнадцать, может, больше, я заметила, как все уснули. Все, кроме меня. Мои веки не смыкаются, несмотря на то, что я не по-детски вымоталась. Я слышу громкий стук моего сердца. В животе неприятно бурлит. Боже, если я сейчас не засну, то утром я вообще буду больше походить на труп. Как только мое сознание начинает подчиняться мне, и я чувствую, что вот-вот засну – я слышу какой-то звук. Он больше похож на хруст сухой ветки. Я открываю глаза, прислушиваюсь, больше звук не повторяется. Наверное послышалось. Так, Глория, попытайся заснуть, прошу тебя.

Спустя несколько минут звук повторяется, и он становится все ближе и ближе. Я пытаюсь взглянуть в темноту – ничего не видно.

– Алекс, – шепотом говорю я.

– Что? – отвечает мне он.

– Там кто-то есть.

Мы вместе прислушиваемся, где-то там вдалеке до нас доносятся чьи-то голоса.

– Слышишь?

– Твою мать... – говорит Алекс, – Стив, Джей, просыпайтесь.

– Беккс, вставай.

– Что такое? – спрашивает Стив.

– Кажется, нас нашли.

Я уже устала считать, сколько часов мы идем. Я держусь на автопилоте. Каждую секунду я чувствую, что вот-вот упаду и больше не встану. Но я беру себя в руки. Подбадриваю себя тем, что мы уже прилично отделились от наших преследователей. Небо уже начинает светлеть. Мы, наконец-то, видим, куда мы идем. Мои мысли накладываются одна на другую. Сейчас я думаю о еде. В животе все просто ломит. Голова кружится от бессилия.

– Эй, смотрите, там какой-то свет, – говорит Ребекка.

Мы подходим к ней, всматриваемся вдаль. И действительно. Мы видим что-то похожее на фонарь. Затем смотрим вверх и видим линии электропередач.

– Пути. Это железнодорожные пути! – говорит Алекс.

– Значит, город совсем близко, – с улыбкой говорит Джей. Мы подходим к рельсам и теперь держим путь по их направлению.

Осталось несколько минут до рассвета. Мы не останавливались до тех пор, пока не услышали гудок паровоза. Проходим еще несколько метров и видим, как перед нами стоит огромный состав товарного поезда.

– Вот это удача! – говорит Стив, они переглядываются с Алексом и стремительно идут вперед.

Мы с Ребеккой не понимаем, что происходит.

– Эй, давайте быстрее, – говорит нам Джей.

– А что вы собираетесь делать? – спрашиваю я.

– Когда у нас еще не было фургона, мы только так и ездили в разные города.

Мы подходим к последнему полувагону.

– Вы что, собираетесь туда лезть? – спрашивает Беккс.

– Конечно, – отвечает Алекс.

– А что, если кто-то увидит, что мы здесь? – задаю вопрос я.

– Малышка, знаешь, сколько людей так «путешествуют»? Нам просто нереально повезло, – говорит Стив.

Алекс первый забирается в полувагон. Затем Стив и Джей помогают нам с Беккс присоединиться к Алексу. В открытом вагоне куча металлолома, но мы все же находим удобное местечко и располагаемся.

Поезд трогается. Мои ноги невыносимо гудят. Мы все быстрее и быстрее отдаляемся от этого ужасного места.

* * *

На несколько часов я вырубил свое сознание. Поэтому, когда я проснулась, я, наконец-таки, почувствовала долгожданную бодрость. Но головная боль и боль в желудке до сих пор не покинули меня.

Все проснулись, за исключением Ребекки.

– Интересно, куда мы вообще едем? – спрашивает Джей.

– Ставлю на то, что мы едем в Техас, – говорит Стив.

– Нет, на Техас это не похоже. Может быть, мы направляемся в Калифорнию?

– Да какая разница, куда мы едем? Главное, что мы до сих пор не за решеткой, – говорит Алекс.

Пока парни разговаривают, я вновь знакомлюсь с новыми пейзажами. Мы едем по длинному мосту, под нами в нескольких метрах широкая река, ветер играет с ее голубыми волнами, человек всего лишь песчинка, по сравнению с ней. У меня захватывает дыхание на

мгновение. И снова меня окутывает знакомый страх неизвестности. Куда мы едем? Что с нами произойдет?

– Малышка, ты чего молчишь? – спрашивает Стив.

– У меня нет сил, чтобы с вами разговаривать. Я сейчас так голодна, что готова отрезать твою руку, зажарить и съесть.

Парни начинают смеяться.

Ребекка до сих пор не проснулась. Она лежит, словно маленький бездомный щенок, обвив себя руками. Вид у нее нездоровый. Кожа стала еще бледнее, я вижу капли пота на ее лбу. Она начинает кашлять. И кашель такой едкий и глубокий, что порой нам начинает казаться, что она задыхается.

– Беккс... – говорю я и приближаюсь к ней.

Она услышала мой голос и просыпается. Я трогаю ее лоб. Такой горячий. Мне становится страшно за нее.

– Боже... у нее жар, – говорю я.

– Мы что, уже приехали? – спрашивает Ребекка.

– Нет, еще нет.

– ...мне холодно.

Я и Джей снимаем с себя толстовки и укрываем Беккс.

– Да у нее же лихорадка. Плохо дело, – говорит Джей. Алекс смотрит на Беккс, потом на меня, и по его взгляду я понимаю всю сложность нашей ситуации.

– И что мы теперь будем с ней делать? – спрашивает Стив.

– Нужно купить какие-нибудь лекарства...

– С такой температурой обычно долго не живут, – говорит Джей.

– Замолчи! – резко говорю я.

Я смотрю на Беккс и понимаю, насколько ей сейчас тяжело. В таком состоянии нужно находиться дома, в теплой постели, с горячим чаем. А она лежит на холодном железном покрытии полувагона. Палящее солнце только усиливает повышение температуры.

Я чувствую некую ответственность за Ребекку. Из-за меня она здесь, из-за меня заболела. Если с ней что-то случится, я себе этого никогда не прощу.

* * *

Когда на небе начинают сгущаться краски заката, поезд останавливается. Мы быстро спрыгиваем с вагона, лишь бы никто не заметил, что мы нелегально проехали. Джей берет на руки совсем обессилившую Ребекку.

– Джей, отпусти меня. Я могу идти, – говорит она.

– Уверена? – Да.

Мы добираемся до станции. Пытаемся найти указатель или какую-нибудь табличку, чтобы разобраться в нашем местоположении. Сколько же здесь людей, и все они смотрят на нас. Это неудивительно, ведь на нас грязная одежда, мы похожи на уличных бродяг. Но что самое ужасное в этой ситуации – мы действительно уличные бродяги. Отсталое общество людей, которых все стараются избегать.

Мы находим табличку с названием города. Окснард.

– Я же говорил, что мы приедем в Калифорнию, – говорит Джей.

– Значит так, слушайте, сейчас мы должны держаться все вместе. Ведите себя непринужденно, не смотрите в глаза людям. Нам нужно найти маркет и аптеку.

Некоторое время мы плутаем по небольшому городку, но вскоре находим магазин, я сразу иду к банкомату и снимаю все деньги с карточки. Совсем не густо. Несколько тысяч долларов на пятерых человек и на весьма длительное время. А когда они закончатся, что мы будем делать? Я снова начинаю себя накручивать дурацкими мыслями.

* * *

Я, Алекс, Джей и Беккс выходим из маркета с большими пакетами еды. Купили всего понемногу, и сосиски, и сендвичи, воду, коньяк консервы. Первое время мы будем сыты.

– Я купил жаропонижающие и антибиотики, – говорит Стив.

– Хорошо, – отвечаю ему я.

– Мы и так на мели, зачем вы на меня тратитесь? – тихо спрашивает Ребекка.

– Беккс, прекрати. Как ты себя чувствуешь?

– Мне уже лучше, правда, – после реплики ею снова начинает овладевать жуткий кашель. По ее состоянию видно, что еще немного, и она просто упадет на землю.

– Ребят, – говорит Джей, кивая нам, – посмотрите вперед. Мы видим группу полицейских. Я, Беккс, Стив, Джей и Алекс одновременно разворачиваемся и непринужденно идем в другую сторону.

– Давайте найдем какое-нибудь место, где поменьше людей, – предлагает Алекс.

* * *

Пляж. Городок Окснард омывается океаном. На пляже никого, из-за ветреной и пасмурной погоды. Я, наконец-то, чувствую свободу. Только здесь мы можем отдохнуть от всего того, что с нами произошло за последние сутки.

Мы располагаемся под пирсом. Разводим костер. Нанизываем на палочки сосиски, пьем по глотку коньяк. Я уже забыла, каково это, быть сытым. Не чувствовать раздражающее чувство голода. Мы здесь. Все вместе. Мне спокойно. Глядя на этих ребят я понимаю, что с ними мне, в самом деле, ничего не страшно. Уж сколько мы за все эти дни пережили разных передраг. Мы словно неуязвимы. Мне это безумно нравится.

– Я чувствую себя голодным африканским ребенком, – говорит Джей.

Мы смеемся. Я на секунду поворачиваю голову в другую сторону и замечаю, что Ребекка сидит отдельно от нас и даже не притрагивается к еде.

– Беккс, ты чего не ешь?

– Я не хочу.

– Так, ты обязана поесть, слышишь?

– Глория, я правда не хочу.

Я беру в руки поджаренную сосиску.

– Мне все равно. Если ты сейчас же не поешь, я запихаю еду тебе в рот.

Ребекка выдыхает и все же соглашается поесть.

– Не знаю, как вам, но мне уже надоели эти липкие шмотки, – говорит Стив и снимает с себя футболку.

– Ты куда? – спрашивает Алекс.

– Весь пляж в нашем распоряжении, грех этим не воспользоваться.

Стив полностью раздевается и окунается в океан.

– Как в старые добрые времена, – смеется Джей.

– Пожалуй, мне тоже нужно охладиться, – говорит Алекс, хватая за руку Джея и они вместе прямо в одежде ныряют в соленые воды океана.

Я смотрю на них, и мне становится смешно. Они уже такие взрослые, и несмотря на все дерьмо, через которое им пришлось пройти, – они радуются жизни. Нужно научиться быть такой же.

– Все, я больше не могу, – говорит Беккс, доедая сосиску.

– Выпей вот это, – я наливаю в пробку пузырька сироп. Беккс послушно выпивает содержимое.

– Молодец, а теперь тебе нужно поспать.

– Хорошо, мамуля.

Я смеюсь. Под пирсом очень сыро и влажно, я стелю на землю свою толстовку, Беккс укладывается, я накрываю ее толстовкой Джея. Даже не верится, что нам приходится существовать в таких условиях.

Здравствуй, дневник!

Никогда не завидовала бездомным. А иногда я даже осуждала их за то, что они самовольно докатились до такой жизни. Хотя жизнью это назвать язык не поворачивается. Но теперь я сама оказалась бездомной. Я сплю на улице, молюсь, чтобы костер не погас, и чувство голода навечно поселилось внутри меня. Я не знаю, к чему это все приведет. Я боюсь засыпать, потому что мне кажется, что вот-вот нас найдет полиция. Этот страх просто изматывает меня. Я никогда не думала, что моя жизнь станет такой. Я боюсь потерять ребят и боюсь встречи с отцом. Мне кажется, что я стою на краю обрыва, еще немного и я сорвусь.

Осталось всего 10 дней.

* * *

Я иду одна по пляжу. Ребята остались у пирса. Чувство спокойствия смешивается с паникой. Штормовые волны бьют по ногам и тащат меня за собой в океан. Я сопротивляюсь. Дохожу до скалы, опираюсь на нее. Впитываю в себя соленый воздух. Океан не на шутку разбушевался. Волны достигают значительных размеров. Небо совсем помрачнело. Тучи такие темные и тяжелые, кажется, что они вот-вот обрушатся на землю. Я смотрю на все это и понимаю, что такая же буря происходит внутри меня.

– А, вот ты где. Что ты здесь делаешь? – я вспрыгиваю от неожиданности. Ко мне подходит Стив.

– Наслаждаюсь покоем, который ты мне, между прочим, нарушил.

– Прости, – он обнимает меня и целует в шею.

Я в ответ обнимаю его и закрываю глаза. Как же мне этого не хватало. Его объятий, ласки.

– Знаешь, я только сейчас поняла, как сильно я боюсь потерять тебя.

– Ты так говоришь, будто нам уже по семьдесят, – смеется Стив.

– Я серьезно. Если нас поймут, то мы уже никогда больше не встретимся. Я боюсь слишком привязаться к тебе.

– Я не хочу об этом думать. Я уже к тебе привязался.

Я еще крепче обнимаю его, будто в последний раз. По моим щекам стекают слезы. Мне становится стыдно за свою сентиментальность.

– Эй, ну ты чего? – спрашивает Стив и вытирает слезы с моих щек.

– Это всего лишь эмоции.

Стив целует меня. Мои руки опускаются вниз и оказываются под футболкой блондина. Через несколько секунд моя и его футболки уже лежат на земле. Я ложусь на песок, Стив продолжает покрывать поцелуями мое тело. Волны бьют со всей силы о скалы, ветер назойливо воеет, шум океана из-за шторма становится все громче и громче. Но мы не обращаем внимания на разбушевавшуюся стихию. Нам хорошо. Нам горячо. И пусть минуты нашей свободы будут короткими, мы должны их провести незабываемо.

Мое тело ласкают волны. Утром океан такой спокойный. Вода, конечно, прохладная. Но я быстро привыкла к ней. Нырять. Несколько секунд парю в воде, затем выныриваю, набираю воздуха и снова погружаюсь под воду. Волны затягивают меня вдаль, берег уже совсем далеко. Мне хочется уплыть, найти какой-нибудь остров и поселиться на нем. Чтобы меня никто не беспокоил.

Я в нижнем белье, мои вещи остались на берегу, и я уже заметила, что их давно охраняет Стив. Непослушные волны еле как смогли меня выпустить из своих объятий. Я приближаюсь к Стиву. Соленые капли медленно стекают по моему продрогшему телу.

– Доброе утро, русалка, – говорит Стив, жмурясь от солнца. Я улыбаюсь. Мой шрам на боку и многочисленные царапины на моем теле неприятно пощипывают.

– Ребята уже проснулись? – спрашиваю я.

– Да, и я стащил у них парочку хот-догов.

Это приятное чувство, когда в своих руках ты держишь еду и можешь ощущать себя человеком благодаря приятному чувству сытости.

Стив пытается согреть мое дрожащее тело своим объятием. Мы смотрим на бесконечный голубой океан, сидя на желтом песке.

– Я бы осталась здесь жить. Построила бы дом, купила машину. Каждое утро бегала бы по пляжу, днем ездила за продуктами, а вечером ужинала и любовалась закатом на берегу.

– Я бы тоже здесь жил.

– Seriously?

– Да. Мне надоела моя шумная жизнь. Хочется покоя, гармонии... и детей.

– Что? Детей? – смеюсь я. – Такого я от тебя не ожидала.

– А что, мне уже скоро тридцать, пора бы уже задуматься о потомстве.

– Да ты же сам хуже любого младенца.

– Зато у нас будет такая прекрасная мама, как ты.

– Да, семнадцатилетняя мамаша, которую исключили из школы и которая в бегах от полиции.

Мы смеемся.

* * *

Я и Стив приближаемся к пирсу. Джей и Алекс что-то обсуждают между собой.

– Привет, голубки, – говорит Джей.

– Привет. Ребекка проснулась?

– Нет, я не стал ее будить. Может быть, сон хоть немного поможет ей окрепнуть.

– Вы уже определились с планами на сегодня? – спрашивает Стив.

– Можно остаться здесь, тут вроде бы безопасно.

– А еще какие варианты? Алекс, где твоя карта?

– Сейчас принесу.

Через несколько секунд Алекс подходит к Стиву с какой-то сумкой в руках и дает ему карту.

– Так, посмотрим, что тут у нас, – Стив и Джей отходят в сторону и начинают обсуждать наш план действий.

Мы остаемся с Алексом с глазу на глаз.

– Нам нужно найти жилье, Ребекке в любой момент может стать еще хуже.

– Знаю, – отвечает Алекс и отходит в сторону, – сколько тебе еще осталось?

Я подхожу к нему.

– В смысле?

– Ну, ты же еще ведешь отсчет, сколько тебе осталось? Он застал врасплох меня этим вопросом.

– Девять дней.

– И что ты решила?

– Пока не знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что мне трудно смотреть на тебя. Каждый раз вспоминаю, что ты хочешь с собой сделать. Неужели ты готова оставить Стива, Ребекку?

– ...Алекс, я не хочу сейчас об этом говорить.

В руках у солиста раскрытая сумка, я замечаю в ней размокшие фотографии Данны.

– Какая же она красивая...

Я беру фотографии в руки. Они все такие живые. На них изображена настоящая легкая жизнь. Я уже и забыла, каково это, жить без забот, страха и экстрима.

Случайно натыкаюсь на фото, на котором изображен маленький домик.

– А что это за дом? – я переворачиваю фотографию, там синей пастой написано «Палм-Спрингс, район девятый, дом сорок шесть».

– Это дом моей бабушки. Каждое лето мы с Данной жили там. Она мечтала поступить в Калифорнийский университет и жить в этом доме.

– А что если она там?

– Не знаю... я больше десяти лет туда не приезжал.

– Алекс, ты все это время знал, где она может находиться и не приехал к ней?

– Я всегда боялся этой встречи, мне стыдно смотреть в глаза своей сестре.

Я отхожу от него.

– Ребята, дайте карту, – получив карту, я начинаю ее изучать, – так, Палм-Спрингс находится здесь, а Окснард тут. Это совсем близко.

– И что ты предлагаешь? – спрашивает Алекс.

– Нам нужно поехать туда. Только твоя сестра может нам помочь.

– А что если ее там нет?!

– В любом случае мы должны это проверить. Это наш единственный выход.

Все смотрят с надеждой на Алекса.

– Я не могу... я столько лет ее не видел, а теперь, почти что уголовник, припрусь к ней, ну уж нет, – говорит он.

– Какой же ты трус, а, – говорит Стив.

– Алекс, если ты не думаешь о себе, подумай хотя бы о нас, о Ребекке. С ее состоянием просто невыносимо который раз ночевать на улице, – говорит Джей.

Алекс молчит. Неужели он так и будет всю оставшуюся жизнь смотреть на фотографии со своей сестрой? Мы упускаем из рук наш последний шанс. Я разворачиваюсь и просто пытаюсь смириться с тем, что есть.

– Собирайтесь, – я оборачиваюсь на голос Алекса, – мы едем в Палм-Спрингс.

* * *

Мы находимся в электричке. Через два часа мы будем в Палм-Спрингс. Каждый сел на

разные места, мы стараемся вести себя, как обычные люди, чтобы не вызывать подозрения. Электричка несется с огромной скоростью. Я хоть и стараюсь вести себя непринужденно и даже волосы спрятала под капюшоном, чтобы никто не узнал, но все же терзаю себя сомнениями, а вдруг кто-то вычислил нас, и сейчас позвонит в полицию. Никогда так сильно не боялась людей.

Я мельком осматриваю каждого пассажира: кто-то спит, кто-то читает газету, кто-то смотрит в окно, в общем, никто не проявляет к нам интереса, никто не рассматривает нас, и мне становится спокойнее. Я заостряю свое внимание на Алексе, я чувствую, как он волнуется, еще бы, любой бы на его месте переживал. И еще не известно, живет там Данна или же нет.

Я засыпаю на некоторое время, но резкая остановка состава заставляет меня проснуться. Мы приехали. Слава богу!

Мы долго идем за Алексом. Все это время я рассматриваю Палм-Спрингс, место, где очень часто отдыхают многие знаменитости. Вообще никогда не была в Калифорнии, и не смотря на то, что здесь так же как и во Флориде горячие, огромные пляжи, океан, пальмы и куча туристов, – все же Флорида и Калифорния многим отличаются.

– Ты точно помнишь, где находится этот дом? – спрашивает Стив.

– Конечно. Я знаю этот район, как все свои пять пальцев. Наконец, Алекс останавливается напротив того дома, кото рый я видела на фотографии.

Минут пятнадцать мы стоим около двери. Алекс долго не решается звонить в дверь.

– Давай, – говорю я.

Алекс звонит в дверь. Проходит больше трех минут – никто не открывает. Затем Алекс звонит еще раз, но снова безуспешно.

– Там никого нет.

Внутри каждого из нас все надежды испарились вмиг. Мы ехали сюда, подвергая себя опасности, зря. Так обидно признавать это.

Алекс с разочарованным видом приближается к нам.

– Ну, что ж, куда теперь? – спрашивает Джей.

Никто ему не отвечает. Потому что каждый знает, что нам некуда идти. Мы даже номер в гостинице снять не можем, потому что так нас сразу найдет полиция. Мы снова в безвыходном положении.

Как только мы разворачиваемся, слышим скрип двери.

На пороге стоит худенькая девушка с черными длинными волосами.

– Алекс?..

Солист долго стоит в оцепенении.

– Данна... – произносит, наконец, он.

* * *

Мы стоим внутри дома. Здесь так уютно, все ухожено. Мне этот дом чем-то напоминает дом моей бабушки.

Несколько минут Алекс и Данна молчали, затем, я увидела на их глазах слезы, а потом они крепко обняли друг друга. Очень трогательный момент. Столько лет не видеть родного человека, и теперь обнять его – это просто необъяснимо.

– Я думала, что ты погиб. Где ты был все это время?

– Я познакомился с Джейм и Стивом, и мы стали колесить по миру.

Алекс не отводит взгляда от своей сестры, представляю, каково это, больше десяти лет видеть человека лишь на фотографии и теперь встретиться с ним вживую.

– Даже не верится, что ты здесь, рядом со мной.

– Мне тоже, – почти шепотом говорит Алекс, – Данна, нам нужна твоя помощь, нас разыскивает полиция.

– Я знаю. О вас во всех новостях говорят.

– Можно мы у тебя поживем несколько дней?

Данна находится в смятении. Мы слышим громкий плач ребенка.

– Что это? – спрашивает Алекс.

Данна не отвечает, она поднимается на второй этаж, через некоторое время спускается с младенцем на руках.

– Не «что это», а «кто это». Это Кристофер. Твой племянник. Алекс на несколько секунд онемел. У него дух захватило от услышанного.

– Боже... у меня что, есть племянник? – с улыбкой спрашивает он. Его руки тянутся к ребенку.

– Подожди, сначала помойся. И вы все тоже, – смотрит она на нас.

– Значит, ты нас...

– Да. Можете жить здесь сколько угодно.

* * *

Я в мягком махровом халате захожу в гостиную. Алекс сидит на диване и держит ребенка.

– А где же отец Кристофера? – спрашивает он.

Гостиная совмещена с кухней. Данна стоит у плиты, что-то жарит, по всему помещению разносится приятный аромат, у меня сразу разыгрывается аппетит.

– С его отцом у нас была бурная любовь, но как только он узнал, что я беременна, то сразу испарился.

Данна оставляет на несколько минут готовку и приближается к нам.

– Данна, спасибо, что приютила нас, – говорю я.

– Да не за что. Кстати, давно пора нам уже познакомиться. Я смеюсь от неловкости.

– Я Глория.

– Очень приятно. А та девушка, что с ней? У нее такой вялый вид.

– Ее зовут Ребекка. Она заболела. Я хотела спросить, у тебя есть какие-нибудь лекарства, градусник?

– Конечно. В прихожей есть аптечка, если что, бери все, что нужно.

– Спасибо.

– Так, а теперь все к столу, вы наверняка очень голодны. Я зову Стива и Джея.

Мы все сидим за небольшим круглым столом. Каждый с огромным аппетитом уплетает свою порцию прожаренного мяса с соусом. Данна и Алекс разговаривают о своем, за столько лет много чего накопилось. Все остальные тихо сидят и не прерывают их разговор.

– Почему ты столько лет не приезжал ко мне?

– Я... не знал, как повести себя. Мне казалось, что ты меня ненавидишь.

– Если честно, первое время я тебя действительно ненавидела. Когда погибли родители, я осталась совсем одна. Тебя не было рядом.

– ...прости меня.

– Алекс, да я давно тебя уже за все простила.

Я, Алекс и Стив сидим на мягком ковре и играем с Кристофером. Джей лежит на кровати и давно уже вырубился.

Я, наконец-таки, надела на себя свою чистую постиранную одежду.

– Было бы круто, если бы он стал музыкантом, – говорит Стив.

– Ну уж нет, пусть он лучше станет доктором, или учителем, или даже офисным планктоном, но я не хочу, чтобы он стал таким же, как я.

– Ладно, чувствую, что сейчас засну, пойду спать, – говорю я.

Данна выделила нам две гостевые комнаты. Я захожу в ту, которую она выделила мне и Ребекке. Беккс спит. Слабость и сонливость никак не могут ее покинуть. Я ложусь рядом с ней. Боже, как же приятно лежать на кровати. Вы даже не представляете, каково это, несколько ночей спать на земле, а теперь оказаться в комфортабельных условиях.

Дверь комнаты открывается, заходит Данна.

– Ну что, расположились?

– Да. Еще раз огромное спасибо.

Данна кивает и уже вроде бы собралась уходить, как снова останавливается.

– Глория, а ты что, девушка Алекса? – Нет.

– Тогда почему ты связалась с ними?

– ...у нас с Алексом похожие истории. Я тоже сбежала из дома. Мы с Ребеккой пошли на концерт и там познакомились с ними.

– Сколько тебе лет?

– Скоро будет семнадцать.

– Такая юная и совсем глупая. Неужели ты не скучаешь по своему дому?

– ...нет.

– Ясно. Ну что ж, отдыхайте, не буду вам мешать. Данна закрывает дверь.

Я приказываю себе расслабиться и сомкнуть веки.

Громкий кашель Ребекки не дает мне заснуть. Я трогаю ее лоб, она снова вся горит.

– Черт... – говорю я.

Ей нужно срочно жаропонижающее. Я направляюсь за аптечкой. Открываю дверь. Иду на цыпочках, чтобы никого не разбудить, дохожу до лестницы. Вижу Данну, только я хочу ее позвать, но что-то меня останавливает. Она подходит к телефону, набирает чей-то номер.

– Алло, полиция...

Меня бросает в жар. Несколько миллисекунд я ссылаюсь на то, что мне это послышалось, но нет. Она действительно звонит в полицию. Я быстро спускаюсь по лестнице, хватаю телефон, нажимаю на кнопку завершения и бросаю аппарат на пол. Данна не ожидала моего появления. Она стоит в ошарашенном виде.

– Что ты делаешь?! – чуть ли не кричу я.

Через несколько секунд рядом со мной оказываются Алекс, Стив и Джей.

– Что случилось? – спрашивает Алекс. Данна молчит и настороженно на всех смотрит.

– Она звонила в полицию.

– ...Данна, зачем?

– Затем, что я никогда в жизни не буду в своем доме прикрывать преступников. Вы подвергаете опасности меня и моего ребенка.

– И ты решила нас сдать?! Но я же твой брат!

– Ты перестал быть моим братом тогда, когда бросил меня и маму. Я чувствую, как эти слова ранили Алекса. Это словно ножом по сердцу. Я знаю, что такое предательство самых близких, и я прекрасно понимаю Алекса. Его веки полны слез, но он сдерживается. Данна была его смыслом жизни, а теперь этот человек просто напорохнул его с пропасти.

– Данна, я прошу тебя, давай мы просто уйдем и никто ни о чем не узнает, – говорю я.

– Довольно, – говорит Алекс, – если хочешь звонить – звони. Я никогда не думал, что ты так сможешь со мной поступить. Ты пустила нам пыль в глаза и с самого начала знала, что сдашь нас. Но ты просто вспомни, как мы в детстве бегали по этому дому, клялись, что мы всегда будем вместе.

– И ты нарушил эту клятву! Ты!!! – в истерике кричит Данна, – ты сбежал, ты не видел, как я опознавала в морге трупы наших родителей, ты не видел, как их хоронили, ты не знаешь, сколько дней я ревела, какую боль я испытала. Конечно, ты же музыкант, для тебя музыка важнее, чем собственная семья!

Мы слышим крик Кристофера на втором этаже. Алекс поднимается по лестнице, затем спускается с ребенком на руках.

– ...звони. Ты права, я действительно законченный подонок. Я заслуживаю тюрьму и всего того, что там со мной про изойдет. Я прошу лишь одного, прости меня. Прости... если сможешь, – Алекс целует в щечку Кристофера и отдает его в руки Данны.

Та стоит, неловко сглатывая, слезы скатываются с ее бледных щек. Она опускается вниз, берет в руки телефон. Мое дыхание замирает. Данна кладет телефон на тумбочку. Затем открывает какой-то ящик и достает ключи от машины.

– Уезжайте, – говорит Данна, протягивая мне ключи.

– Данна... – говорю в растерянности я.

– Уезжайте немедленно.

Я беру ключи. Данна берет листок и ручку, и, держа на руках своего сына, начинает что-то писать.

– Вот, – она протягивает листок Алексу, – это адрес одного человека, он сможет дать вам жилье и за хорошие деньги никому ничего не расскажет.

– ...зачем ты это делаешь? – спрашивает Алекс. Данна долго смотрит на него.

– Не знаю. Вас все равно рано или поздно поймают.

* * *

Мы сидим в машине. Алекс еще долго не решается ее завести. Никто из всех остальных присутствующих и слова не сказал. Все понимают, насколько это тяжелая ситуация. Данна стоит у порога. Алекс смотрит на ее отражение в боковом зеркале машины, затем, когда Данна закрыла дверь, Алекс медленно заводит мотор. Автомобиль трогается с места. Солист открывает свою сумку, достает фотографии, опускает вниз стекло и выпускает их из рук. Несколько секунд фотографии скользят по стеклу, но потом быстро исчезают. Он расстался с прошлым, он отпустил ее. Нет ничего хуже предательства родного человека. По себе знаю. Ты теряешь мгновенно веру во все. В любовь, доверие, надежду и то, что когда-нибудь ты сможешь еще стать счастливым.

Мы все дальше и дальше от дома Данны. Я понятия не имею, куда мы теперь едем. Сможем

ли мы найти жилье, и останемся ли мы в безопасности.

Мне осталось всего девять дней. Девять дней для того, чтобы решить, уйти из жизни или нет. Осталось меньше двух недель раздумий, но я даже не представляю, что мне делать. Я даже не знаю, как буду себя лишать жизни.

Я окончательно запуталась в своих намерениях.

Дорогой дневник!

Все постепенно возвращается в прежнее русло.

Мы сняли домик на окраине города. Заплатили хозяину половину наших сбережений. Дом из светлой древесины. Две маленькие комнаты и одна большая, смежная с кухней.

Я не знаю, сколько мы будем здесь жить. Ееккс правильно сказала, наша жизнь превратилась в сплошное бегство. Отчасти, мне это нравится. У меня появился интерес к жизни. Мне хочется просыпаться и наслаждаться неизвестностью очередного дня. Никогда прежде я еще такого не испытывала. Неужели я нашла свой смысл жизни? Что если это действительно так? Я все реже думаю о самоубийстве, мне, наоборот, хочется познать что-то новое, бороться и любить.

Возможно, ради этого и стоило себя ставить на «счетчик». Мне стоило понять, что жизнь может быть прекрасна. Я очень хочу надеяться, что за оставшиеся 8 дней ничего не произойдет, и я забуду слово «самоубийство» навсегда.

* * *

Я сижу на полуразваленном кресле у кровати, где, свернувшись калачиком, спит Ребекка. Пусть мы с ней и одного возраста, но она мне кажется совсем маленькой, беззащитной. Мне хочется о ней заботиться, словно о младшей сестре, которой у меня никогда не было. Я всегда нуждалась в такой подруге. Простой, робкой, бескорыстной, и я по истине благодарна судьбе за то, что она свела меня с ней.

Сквозь пожелтевшую занавеску проявляются лучи утреннего солнца, они слегка касаются век Ребекки, и та резко поворачивается набок. Сделав глубокий выдох, Беккс протирает глаза и устремляет свой взгляд на меня.

– Доброе утро, – говорит она хриплым голосом.

– Беккс, ты как?

– Если не считать дикой заложенности носа, ужасной боли в горле и не проходящего шума в голове... то просто прекрасно.

– Ну, раз твое чувство юмора вернулось, значит, ты действительно выздоравливаешь.

Я подхожу к ней, трогаю лоб – температуры нет. Кожа, наконец-то, приобретает здоровый тон и теряет бледность. Кашель до сих пор ее сопровождает, но признаки выздоровления на лицо. Я одергиваю шторы. Мы приехали вчера сюда поздно, было темно, и я не смогла толком рассмотреть местность, в которой мы находимся. Где-то вдаль виднеются массивные горные хребты, их еле-еле скрывает туман. Нас окружают маленькие домики, в них живут такие же отшельники, как и мы.

– Здесь так спокойно, – говорю я.

– ...надолго ли это спокойствие.

Я поворачиваюсь к Ребекке, стягиваю с нее одеяло.

– Так, давай, вставай и иди в душ.

– Можно я еще немного полежу? – протягивает Ребекка.

– Беккс, я, конечно, понимаю, ты болеешь, но посмотри на кого ты стала похожа?

Растрепанные волосы, грязная одежда. Мы, наконец-то, живем в человеческих условиях, и ты

должна им соответствовать.

– Ты просто издеваешься надо мной.

– Я дружила с Тезер Веккери, забыла? А она меня научила оставаться эффектной, даже если меня собьет бульдозером.

Мы смеемся.

* * *

На кухне пахнет чем-то вкусным. Стив сидит на старом скрипучем диване, Джей стоит у плиты и что-то жарит.

– Доброе утро, мальчики, – говорю я.

– Доброе. Не думал, что вы, девушки, можете так долго спать, – говорит Джей.

– А, по-твоему, девушки – не люди?

– Нет, но я уже приготовил завтрак, хотя это ваша работа.

– Что? – смеюсь я, – интересно, какая же у вас работа?

– Мы – мужчины. Мы должны вас защищать и удовлетворять. Меня снова распирает смех.

– Тогда вы тоже плохо справляетесь со своей работой.

– Что? – я не заметила, как за моей спиной оказался Стив.

Он берет меня на руки и начинает кружить. Я заливаюсь хохотом, Стив целует меня в шею, от этого по моей коже бегают мурашки. Он отпускает меня, обхватывает мою талию руками и продолжает целовать шею, ключицы. Я закрываю глаза и на секунду отдаляюсь из этого мира, наслаждаясь моментом.

– У-у-у, у вас что, опять начались брачные игры? – голос Ребекки снова возвращает меня в реальность.

Мы со Стивом смущенно ухмыляемся.

– Так, садитесь и попробуйте мои фирменные сосиски, – говорит Джей.

Мы садимся за крохотный деревянный стол.

– Меня скоро начнет тошнить от них, – говорит Стив.

– А что ты хочешь? Это единственная еда, которая осталась в доме.

– А где Алекс? – спрашиваю я.

– Он... сыт, – отвечает Стив.

– Он в порядке?

– Конечно, он в порядке, его всего лишь родная сестра вчера чуть не сдала копам, – сорвался Стив.

Я неловко сглатываю.

– Нужно поговорить с ним, – предлагает Ребекка.

– Это бесполезно. Алекс никого никогда не слушает. Когда ему плохо, он уходит в себя, а потом снова возвращается в прежнее русло, – говорит Джей.

Наши тарелки постепенно опустели.

– Пойду отолю, – говорит блондин.

– Спасибо, Стив, за содержательную информацию, – говорит Беккс, дожевывая кусочек жареной сосиски.

Как только Стив захлопнул дверь уборной, Джей шепотом меня спрашивает:

– Глория, ты уже придумала, что подарить Стиву на день рождения? Я, если честно, уже всю голову себе сломал.

От услышанного я чуть не подавилась.

- Что? У Стива день рождения?
- Да, завтра. Ты что, не знала?
- ...как видишь, нет.
- Обалдеть! Вы вроде встречаетесь и даже не знаете, когда у кого день рождения.
- За эти несколько дней столько всего произошло, что даже если бы я и знала, то все равно забыла.
- Может, устроить ему вечеринку? – вмешивается Беккс.
- Вечеринку? За нами гонятся копы, как-то не очень хочется веселиться.
- А по-моему, Беккс права, – говорю я, – нам нужно расслабиться, иначе от постоянного страха мы совсем сойдем с ума. Устроим теплую вечеринку, как в кругу семьи. Нам всем этого жутко нехватает.
- Джей долго молчит, но затем произносит:
- Ладно, уговорили, но тогда у нас на сегодня куча хлопот.

* * *

Я выхожу на улицу. От солнца не осталось и следа. Все небо заволочло тучами. Дует сильный, но теплый ветер.

Алекс сидит вдали от дома на скамье. Я почти на цыпочках подхожу к нему. В горле пересохло, в первые секунды я совсем растерялась и не знала, с чего начать разговор.

- Алекс... там Джей завтрак приготовил.
- Я не голоден, – резко говорит он. Я сажусь рядом с ним.
- Послушай, я понимаю твои чувства, но...
- Господи, Глория, я могу побыть один?!
- ...конечно, извини.

Я медленно поднимаюсь. Обхожу скамью и, уже находясь за его спиной, снова останавливаюсь.

– Черт возьми, Алекс! Ну, сколько можно сидеть и думать, неизвестно о чем?! Мне казалось, что ты намного сильнее.

- ...если бы ты не настояла, мы бы не поехали к ней.
- Отлично! То есть это я во всем виновата?!

– Нет. Виноват во всем я. Я потерял самого дорогого человека в моей жизни. У меня теперь ничего не осталось. Совсем ничего.

- У тебя есть мы.

Я вновь сажусь рядом с солистом и кладу свою руку на его спину.

– Это жизнь, Алекс. Нужно быть готовым ко всему. К предательству друзей, знакомых, семьи... и даже предательству самого себя. Ты справишься с этим... Я знаю.

Внезапно я почувствовала, что Алексу стало немного легче. Он поворачивается ко мне.

- Говоришь, Джей завтрак приготовил?
- Да, сосиски, – я улыбаюсь.
- Принеси, пожалуйста.
- Сейчас.

Я срываюсь с места. Забегаю в дом. Ребята распластались по своим комнатам. Я хватаю тарелку, кладу несколько сосисок и снова выхожу на улицу, но... К моему удивлению, я никого там не застаю. Алекс словно исчез. Я рассеянно оглядываюсь по сторонам и, наконец, замечаю, как Алекс направляется к нашей машине. Тарелка с едой выскальзывает из моих рук и

мгновенно разбивается о землю. Я начинаю бежать со всей силы.

– Алекс! – кричу я, тот доходит до машины, открывает дверцу, – Алекс!

Он не замечает меня, я слышу, как заводится двигатель. Добегаю до автомобиля, цепляюсь за капот и становлюсь в позу. Смотрю, тяжело дыша, в лобовое стекло, на лицо Алекса. Тот бы еще немного и сбил меня.

Солист вылезает из машины.

– Ты что делаешь?! – спрашивает он.

– Это я тебя хочу спросить, какого черта?! – кричу я. Алекс молчит, уставившись на меня.

Когда мое дыхание умирается, в моей голове начинает все проясняться.

– ...ясно. Ты опять хотел сбежать. Ну что ж, валяй! – я иду вперед, толкаю солиста плечом. Затем разворачиваюсь и смотрю ему в глаза, – ты чокнутый. Знаешь, когда-нибудь нам всем надоест бегать за тобой, и тогда ты реально останешься один, – я снова разворачиваюсь и теперь уже направляюсь к дому. Я слышу, как Алекс подбегает ко мне, резко хватая на руки и начинает тащить к машине.

– Да ты что, совсем что ли?! – кричу я, изо всех сил барахтаясь в его руках.

Он насильно сажает меня в машину, захлопывает дверь. Я до сих пор еще не могу опомниться. Алекс садится на водительское место, заводит машину, и мы трогаемся с места.

Я усаживаюсь в кресле и никак не могу понять, что происходит.

– Куда мы едем?

– Скоро узнаешь.

– Я сейчас выпрыгну из машины!

– Давай, – ухмыляется Алекс, еще сильнее разгоняя машину. Я чувствую невероятный прилив злости.

– Твою мать, Алекс! – я нервно бью ногой о дверцу, от своего бессилия в этой ситуации.

Солист роется в бардачке и дает мне в руки сигареты с зажигалкой.

– На, успокойся.

– Ты и вправду чокнутый.

– Говорит мне девушка, которая хочет покончить жизнь самоубийством, – смеется он.

Я достаю из упаковки сигарету, зажигаю ее и вдыхаю в себя никотин. С каждой затяжкой я все больше и больше успокаиваюсь, начинаю следить за дорогой и лишь догадываться, куда мы все-таки едем.

* * *

Уже несколько минут мы едем по не асфальтированной дороге, нам то и дело попадаются какие-то камни. Пыль обволокла автомобиль. Я докуриваю уже третью сигарету. Всю дорогу мы с Алексом не обмолвились ни словечком.

Вскоре мы останавливаемся. Одновременно выходим из машины. Я осматриваюсь. Мы находимся у подножия горного хребта.

– И что мы здесь делаем? – спрашиваю я.

Алекс осматривает пейзаж и улыбается. Меня настораживает его странное поведение.

– Ты знаешь, как называется эта гора?

– Понятия не имею.

– Сан-Хасинто. В детстве я всегда мечтал забраться на эту гору.

– Алекс, зачем ты меня сюда привез? Он поворачивается ко мне.

– Ты умеешь водить машину?

– ...нет.

– Отлично. Тогда я предлагаю тебе пари. Если ты забереешься на гору до вон того камня, – Алекс указывает пальцем на огромный красноватый камень, который находится около десяти метров от нас, – то я отвезу тебя домой, но если ты проиграешь, то пойдешь пешком.

Я стою, разинув рот, не понимая, что происходит.

– Алекс, тебе что, голову солнцем напекло? Какое, к черту, пари?!

– Даю десять секунд на раздумья.

– Я никуда лезть не буду!

– Осталось восемь секунд.

– Да пошел ты!

Я направляюсь к машине, открываю дверцу и сажусь в салон. Алекс подходит ко мне.

– Время вышло.

– Алекс, отвези меня домой, немедленно!

– Прости, но ты проиграла пари.

Он берет меня на руки и начинает вытаскивать из машины.

– Отпусти меня! – кричу я.

Алекс захлопывает дверцу пассажира.

– Удачной прогулки, – говорит он. Алекс садится в машину.

– Идиот! – я чуть ли не срываю свой голос.

Оглядываюсь по сторонам. Вокруг никого. Только дикие птицы летают у вершины горы. Мне становится не по себе. Я слышу звук заводящегося двигателя.

– Ладно, подожди! – я подбегаю к машине, – я согласна.

Я разворачиваюсь спиной к машине и иду к горе, слышу, как Алекс вылез из салона.

– Я тебя ненавижу. – говорю я и начинаю взбираться на гору. Почва рыхлая, но на ней легко можно удержаться. Я цепляюсь за камни, ноги внедряются в землю. С детства любила лазать по деревьям, холмам, так что мне это не доставило никаких сложностей.

– Осторожно, там могут быть змеи, – говорит Алекс.

– Заткнись.

Мне осталось еще немного, и я доберусь до того камня. Пот медленно стекает по телу, я стараюсь не смотреть вниз и двигаться только вперед. Теперь во мне бушует азарт, и будет очень неловко, если я проиграю это пари. Через несколько минут я добираюсь до точки, указанной Алексом и, наконец, чувствую себя героем.

– Bravo! – говорит солист.

– А теперь слушай мое условие. Если ты сейчас же не забереешься ко мне, то самый крупный камень этой горы познакомится с твоей головой.

Алекс смеется.

* * *

Мы расположились на небольшом склоне. Совсем одни. Лишь где-то вдалеке слышны звуки машин, но такое ощущение, что это звуки из другого мира.

– Знаешь, у тебя слишком странный способ для борьбы со стрессом, – говорю я.

– Ну, тебе же все равно понравилось? Я лишь фыркнула в ответ.

Алекс обвил себя руками. Все это время мы держались в стороне друг от друга, но затем я решила приблизиться к нему.

– Как твое ребро?

– Мне словно его просверливают, но, кажется, я уже привык к этой боли.

Сначала я злилась на Алекса за его дурацкое пари, но потом успокоилась, поняв, что он хоть на время, но перестал думать о Данне.

– И что будет дальше? – спрашиваю я.

– Дальше? Ну, мы вернемся домой и будем весь вечер слушать идиотские шуточки Джея.

Я смеюсь.

– Ты прекрасно понял, о чем я. Мы надолго останемся в Палм-Спрингс?

– Пока не знаю. Есть один человек, когда-то он задолжал мне крупную сумму денег. Мне нужно созвониться с ним и забрать долг. С этими деньгами мы можем целый год роскошно жить.

– А что если он нас...

– Сдаст? Нет. У него у самого не очень хорошие отношения с полицией, так что это не в его интересах.

Мое настроение постепенно поднимается. Мы преодолели столько трудностей и теперь, наконец-то, сможем по-человечески насладиться жизнью.

Я встаю. Ветер становится еще сильнее. Он развивает мои волосы, мою одежду. Приятно ударяет по лицу. Я вспомнила, как Алекс говорил мне про то, что нужно получать удовольствие от любых мелочей: от заката, рассвета, ветра, дождя. И теперь я, наконец, понимаю, что означали эти слова.

– Ты красивая, – внезапно говорит мне Алекс.

Я поворачиваюсь к нему. Из-за ветра голубые пряди ласкают мое лицо. Мне становится смешно.

– Тебе действительно солнце напекло голову, – говорю я.

* * *

Начинает темнеть. Мы возвращаемся домой. Я и Алекс провели почти весь день вдвоем вдали от дома, от ребят и малейшего намека на цивилизацию.

– Завтра у Стива день рождения, – говорю я.

– Знаю.

– Мы решили устроить ему вечеринку.

– Вечеринка, я даже и забыл о существовании этого слова.

– Как ты думаешь, ему понравится?

– Вообще-то, Стив предпочитает тусовки в клубах и марихуану, но вечерника тоже сойдет, – говорит с улыбкой Алекс.

* * *

Автомобиль останавливается у нашего дома. Мы с Алексом идем к входной двери медленными шагами, прекрасно понимая, что нас ждет впереди. Ребята устроят нам целый допрос о том, где мы были и почему так поздно возвратились. Такое ощущение, что я возвращаюсь домой к родителям.

Наши ожидания оправдались, как только мы переступили порог. Стив, Джей и Ребекка грозно нас осматривают.

– Эй, где вы были? Мы уже думали, что с вами что-то случилось, – говорит Беккс.

– Мы... прогуливались по окрестностям, – говорит Алекс.

– Да, все хорошо, – поддакиваю я.

– Могли хотя бы предупредить, – ворчит Джей.

Стив, молча, заходит в нашу с Беккс комнату и громко хлопает дверью. Все тут же замekli. Я делаю глубокий вдох, собираюсь с мыслями и захожу в ту же комнату.

– Стив...

– Ну как, понравилась поездочка?

– Стив, ты чего?

– Действительно, чего это я, моя девушка всего лишь проводит большую часть времени с другим парнем.

Стив тяжело дышит, его ладони сомкнуты в кулак.

– Ты опять начинаешь? – я на мгновение закрываю глаза, стараясь не потерять самообладание, – как ты можешь ревновать меня к Алексу после того, что мы все пережили? Мы просто друзья.

– Он смотрит на тебя не как просто друг, – тихо произносит Стив и поворачивается ко мне спиной.

Я подхожу к нему. Кладу свои ладони ему на плечи и прижимаюсь щекой к его телу.

– Слушай... мне это надоело, – почти шепотом говорю я, – может, ты мне вообще запретишь общаться с мужским полом?

Стив резко поворачивается, я от неожиданности еле как успеваю отскочить назад.

– Вот только не надо строить из себя несчастную овечку! Да если бы я проводил время с другими девушками, ты бы меня тоже ревновала!

– Нет, не ревновала бы, – спокойным тоном говорю я.

– Серьезно?!

– Да, потому что я доверяю тебе, и я не собираюсь ограничивать тебя от общения с другими девушками. Это глупо.

Несколько секунд мы молчим. Стив долго смотрит на меня, затем кладет руку на мою талию и прижимает меня к себе, кладя подбородок мне на макушку.

– Ладно. Прости, что я вспылил.

– Да я уже привыкла.

Его ладони касаются моего лица. В это же мгновение Стив целует меня. Я обнимаю его. Меня еще никто никогда не ревновал. И я даже не думала, что это настолько приятно. Приятно знать и чувствовать, как ты кому-то нужна. Как ты небезразлична человеку, который занимает определенное место в твоём сердце.

Нашу идиллию прерывает звук открывающейся двери.

– Глория... нужно поговорить, – говорит Ребекка. Стив отпускает меня.

– Ох уж эти девичьи секреты. Блондин выходит из комнаты.

Я до сих пор нахожусь в полном умиротворении, которое мне подарил Стив.

– Нужно поехать в город, купить еды и всякой мелочи на завтра.

– Точно. Пойду попрошу Алекса или Джейа, чтоб кто-то из них отвез нас.

– Нет, не надо никого просить. Я сама нас отвезу.

– Ты умеешь водить машину?

– Да... меня папа научил.

– Хорошо, пойдем.

Я и Беккс заходим в гостиную.

– Гребанный телевизор! – Джей бьет кулаком по старому телевизору, но на нем вместо хоть какого-то изображения снова появляются раздражающие черные и белые полосы.

– Джей, да оставь ты его, – говорит Алекс.

– Мы здесь застряли на несколько дней, а у нас даже нет нормального телевизора. Проклятое место!

– Мы уезжаем в город за продуктами, – говорю я и направляюсь к входной двери.

– Эй, подождите, мы не можем отпустить вас одних, – говорит Стив.

– Да, Стив прав, это очень опасно, – добавляет Алекс.

– Конечно, это же девчонки, с ними обязательно что-нибудь случится, – смеется Джей.

Парни подхватили его смех.

Меня это мгновенно вывело из себя. Я хватаю Джея за шею и прижимаю его к стене. Моя ладонь настолько крепко уцепилась за него, что он не может пошевелиться и вот-вот начнет задыхаться.

– Ну, продолжай, – говорю я.

– Я пошутил, – лицо Джея покраснело за считанные секунды, – отпусти, а то задушишь, – еле-еле выговаривает музыкант.

Я покорно расслабляю кисть. Парень хватается за свою шею и пытается восстановить свое дыхание.

– Мы скоро вернемся, – говорю я.

– Будьте осторожны, – произносит Алекс.

Мы с Беккс ничего ему не отвечаем и молча выходим из дома.

На улице, несмотря на позднее время, довольно тепло. В Палм-Спрингс лето вытесняет осень и зиму. Здесь почти всегда теплая солнечная погода. Это похоже на маленький рай.

– Круто ты с ним обошлась, – говорит Беккс. Я ухмыляюсь.

– Ты точно сможешь вести машину? – Да.

Мы садимся в салон. Я нахожу карту. Ищу дорогу, ведущую в город.

Ребекка заводит автомобиль, он резко трогается с места и обо что-то стучается капотом.

– Да, Беккс, ты просто Шумахер, – смеюсь я.

– Я всего лишь чуть-чуть подзабыла. Сейчас я все вспомню. Мы снова трогаемся и на этот раз ничего не задеваем. Мы живем в не самом лучшем райончике. Здесь почти нет никакого освещения. И лишь когда мы выбираемся, наконец, на трассу, то дорогу начинают освещать громадные фонари. Я кое-как ориентируюсь по карте.

– Так, теперь поверни налево, – говорю я. Беккс следует моим указаниям.

– Ты уверена, что мы правильно едем?

– Если верить карте, то да.

Всюду худощавые пальмы, упирающиеся в темное небо, усыпанное мерцающими звездами. Я отодвинула стекло, положила локти на дверцу и высунула голову. Мы едем довольно медленно, Беккс опасается снова с чем-нибудь или кем-нибудь столкнуться. Я вдыхаю горячий ночной воздух и наслаждаюсь атмосферой этого города.

Как только мы находим улицу с многочисленными магазинчиками, я начинаю осматривать территорию.

– Смотри, сколько свободных мест. Припаркуйся где-нибудь здесь.

– ...я забыла.

– Что забыла?

– Я забыла, как парковаться.

Это во мне вызывает истерический смех.

– Отлично! Беккс, ты меня убиваешь.

– Так, подожди... поворачиваем руль... сбрасываем скорость... и мягко жмем на тормоз.

Машина останавливается. Беккс с облегчением выдыхает.

– Вау, – говорю я, – молодец. Ставлю тебе зачет по вождению.

– Можешь издеваться сколько угодно, мне все равно. Закрываем автомобиль и начинаем изучать местные магазины. В продуктовом маркете я обливаюсь слюнями. Ничего не ела с самого утра. Мой организм, казалось бы, привык к тому, что ем теперь я редко, но все же не может устоять перед полными прилавками с едой. Мы затариваем себя многочисленными тяжелыми пакетами, складываем все в багажник машины.

Я и Беккс решаем зайти в небольшой торговый центр. Время близится к полуночи, но людей здесь очень много. Сначала, мне было страшно, ведь нас может кто-то узнать, но потом я поняла, что этим людям все равно. Они бегают по павильонам магазинов, скупают все подряд и им все равно, кто ходит рядом с ними. Мы покупаем шарики и прочие безделушки для вечеринок. К нашему удивлению нам продали алкоголь, мы заполнили холодными бутылками пива, текилы, шампанского и мартини всю тележку.

– Мы потратили столько денег! – говорит Ребекка, просматривая наши чеки.

– Не волнуйся, Алекс сказал, что достанет еще денег.

– И где же он их возьмет?

– У него есть какой-то знакомый. Он задолжал ему кругленькую сумму, скоро мы с ним встретимся и заберем наши деньги.

– Что-то мне как-то страшно. Неизвестно, что это за человек и во что мы опять вляпаемся.

– Беккс, ты не заметила, что мы сами стали такими? И поэтому нам нужно бояться не бандитов, а нормальных людей, которые смотрят новости.

Мы заходим в магазин сувениров. Здесь все блестит, переливается, глаза разбегаются. Беккс отходит в противоположный конец магазина, а я останавливаюсь у аксессуаров. Мой взгляд притягивают к себе браслеты. Шнурок из кожи, удерживающий блестящую железную вставку с буквой «S».

– Это браслеты для влюбленных. Они укрепляют союз. Я не заметила, как ко мне подошла продавщица.

– И вы действительно в это верите?

– ...если честно, не очень. Но зато они стильные, и это отличный способ сделать приятное любимому человеку.

Я нахожу еще один браслет с буквой «G».

– Я возьму эти.

* * *

Мы находимся в магазине выпечки. Здесь так вкусно пахнет, я чувствую, как мой желудок скручивается от такого блаженного аромата. У кассы толпа народа. Мы стоим уже некоторые минуты.

– Глория, мне кажется, за нами наблюдают.

Беккс указывает на двух парней, которые прожигают нас своим взглядом.

– Они просто смотрят.

– Уже пять минут... не сводя с нас глаз.

Мое тело начинает нервно дрожать. Я стараюсь не поддаваться нахлынувшему страху, но меня это не получается.

– Ладно, поехали.

Мы с полной тележкой направляемся к выходу. Беккс поворачивается назад.

– О господи, – чуть ли не вскрикивает она, – они идут за нами!

– Тише... води себя как ни в чем не бывало.

Меня обдаёт жаром. Джей был прав, нас действительно нельзя было отпускать одних, потому что мы две ходячие неприятности. Мы оказываемся на улице, быстрым шагом идем к машине. Воздух, который когда-то казался мне теплым, стал пронизывающим до костей. Я оборачиваюсь и вижу, что парни продолжают за нами идти.

– Я не понимаю, зачем они следуют за нами? Почему сразу нельзя вызвать полицию? – спрашиваю я.

– Выслеживают. Хотят узнать, где мы живем, чтобы сдать всех нас...

Мы доходим до машины. Судорожно начинаем складывать покупки в багажник. Вести себя непринужденно оказывается очень трудно. Беккс то и дело смотрит в их сторону, а парни тем временем доходят до своей машины.

– Не смотри на них, – говорю я.

– Да какая разница! Это все равно уже конец... От слов Ребекки мне становится еще хуже.

– ...мы не поедem домой, – говорю я.

– Что?..

– Я не хочу, чтобы из-за нас пострадали ребята. Поедем в другую сторону.

Сначала Ребекка с недоумением смотрит на меня, но затем кивает головой. Мы садимся в машину. Я чувствую, как у нас обеих колотятся сердца в унисон. Нам очень страшно.

– Ну что мы стоим?! – спрашиваю я.

– Я не могу, – Беккс бьет рукой руль, – неужели это все? Неужели на этом все закончится?

Я ничего не отвечаю, лишь дотягиваюсь своей рукой до дрожащей ладони Беккс и крепко ее сжимаю. Мы переглядываемся и, наконец, трогаемся с места. Все это время смотрю в зеркало заднего вида и замечаю, что машина тех самых парней едет за нами. Теперь мы едем быстро. Беккс со всей силы жмет на газ. Мы не знаем, куда едем, и вообще, что выйдет из этой погони. Я так устала от этого. Хочется лечь в теплую постель и ни о чем не думать. Слезы на глаза наворачиваются от всей этой ситуации. Что будет дальше? А дальше мы все-таки остановимся, парни наверняка уже вызывали копов, потом нас отвезут обратно в Бревэрд. И снова привет, дом и жизнь, от которой я так далеко убежала, но вновь вернулась.

Мы стоим на светофоре, затем я замечаю, как машина преследователей сворачивает на другую улицу. Я высовываюсь в окно и вижу, как парни остановились у здания с мигающей вывеской.

– Где они? – спрашивает Ребекка.

– ...они остановились у клуба.

– Подожди, это значит мы...

– Да, Беккс, мы идиотки!

Нами овладевает самый настоящий истерический смех. Мы смеемся без остановки, с малейшими перерывами на вздох.

– Это уже паранойя, – говорю, смеясь, я.

Мы разворачиваемся и весь остальной путь продолжаем смеяться над тем, какие же мы паникеры. После всего того, что с нами произошло, мы видим врага в каждом человеке.

Наша машина останавливается на неосвещенной улице. Здесь нет ни машин, ни людей. Мы решили, что нам нужно немного передохнуть от такого вечера и поговорить, ведь находясь с музыкантами, мы редко можем поболтать друг с другом о заболевшем.

Мы опустили наши сидения и теперь находимся в лежачем состоянии. Я с закрытыми глазами закуриваю сигарету.

– А помнишь, как мы с ними познакомились... как мы испугались, хотели сбежать от них, – говорит Беккс, – наши родители, наверное, уже с ума сошли.

– ...не думаю. Мой отец сейчас наслаждается спокойной жизнью без меня.

– Глория, как бы он к тебе не относился, он все равно любит тебя.

– Ты его совсем не знаешь. До недавнего времени я вообще не чувствовала, что у меня есть отец. Только с появлением Лоренс он начал выполнять эту функцию. Он считает, что забота отца, это постоянные нравоучения, наказания и эта самая дурацкая фраза: «Я хочу, чтобы ты стала нормальным человеком». Бред... как можно стать нормальным человеком, если тебя воспитывает самовлюбленный тиран?

– Знаешь, ты все равно с ним рано или поздно встретишься. Я бы, например, все бы отдала, чтобы вернуть своего отца. А у тебя еще есть шанс.

Я наполняю свои легкие дымом и медленно выдыхаю.

– Ладно. Давай сменим тему. Ты лучше расскажи про вас с Джеем.

– А что рассказывать? Ничего особенного не происходит.

– Ты ему нравишься, он тебе тоже. Вы должны сделать друг друга счастливыми!

– ...я боюсь серьезно влюбиться. Я себя знаю. Если понравился какой-то человек, то я его буду помнить всегда. И когда мы расстанемся с Джеем, я не смогу это пережить.

– Беккс, тебе давно пора начать жить одним днем. Какая разница, что будет завтра или через неделю? Главное, чтобы тебе сегодня было хорошо. Жизнь одна и нельзя упускать счастливые моменты, потому что они больше не повторятся.

Ребекка долго молчит, но затем произносит.

– Завтра вечеринка... я что-нибудь придумаю.

– Вот так бы и сразу.

Я приподнимаюсь. Делаю очередную затяжку.

– Ты только посмотри, какое небо. Мы сидим в этой гребанной машине и не замечаем такую красоту.

Я встаю на ноги и начинаю забираться через окно на крышу автомобиля.

– Что ты делаешь?

– ...хочу быть ближе к звездам, – говорю я, вскарабкиваясь на металлическую крышу, заставляю себя подняться.

Беккс выходит из машины.

– Сумасшедшая, – смеется она.

– ...да, я сумасшедшая, – я поднимаю руки вверх, закрываю глаза и кричу, – я сумасшедшая!!!

Ребекка заливается хохотом, закрывая лицо руками.

– Давай, иди ко мне.

– От крыши ничего не останется.

– Плевать.

Я помогаю Беккс забраться на крышу, и мы вместе с ней начинаем кружиться и кричать в пустоту. «Ради этого нужно жить. Каждое утро наслаждаться этим, наслаждаться музыкой, свободой. Для счастливой жизни люди не нужны», – снова проносятся в голове слова Алекса.

Я на цыпочках захожу в комнату Стива. Он все еще спит, лежа на животе, затащив руки под холодную подушку. Я подхожу к нему и нежно целую его в щеку. Стив просыпается.

– Доброе утро, старичок, – говорю я.

Он мило улыбается. Я смотрю на его сонные глаза, улыбку, во мне что-то просыпается. Так хочется вцепиться в него, целовать и никогда не отпускать.

– Я не старичок, мне всего лишь двадцать ше... подожди, ты знаешь про мой день рождения? – спрашивает он.

– Я все про тебя знаю. Поздравляю, – я обнимаю его, а он так сильно притягивает меня к себе, что я в считанные секунды оказываюсь в его постели.

Внутри меня все ликует. Стив исполнил мое желание. Я целую его. Трогаю его мягкое бархатистое тело. Чувствую его запах.

Его руки медленно гладят меня по талии, затем по бедрам, и вскоре они опускаются все ниже и ниже.

– Эй, аккуратно, в твоем возрасте нужно быть поосторожнее с резкими движениями, – смеюсь я.

Это еще больше его подстегивает. Его губы покрывают поцелуями мое тело, оставляя многочисленные засосы. Я чувствую, что сейчас расту.

Внезапно он останавливается.

– Ну, и кто тебе сказал?

– Неважно.

– Джей? Я смеюсь.

– Да у тебя чутье!

Стив снова целует меня в губы, его руки забираются мне под футболку, но я вовремя останавливаю его, потому что мы с ребятами приготовили ему небольшой сюрприз, и утренний секс не входит в наши планы.

– Ну все, вставай, – я быстро покидаю постель и поправляю свою одежду.

– Я хочу провести весь этот день с тобой на кровати.

– А силенок-то хватит?

– Еще как. Мне всего лишь двадцать шесть, я молод душой и телом.

Я нахожу в комнате футболку Стива.

– Лови, – говорю я, кидаю ее, но блондин не успевает поймать футболку.

Он встает с кровати, наклоняется вниз и выражение его лица заметно изменяется.

– Спина затекла.

Я громко смеюсь, над этим «молодым старичком».

Как только Стив надел на себя свою одежду, мы открываем дверь комнаты и видим, как Беккс, Алекс и Джей стоят перед нами, держа в руках огромный плакат с надписью «Happy birthday!».

– С днем рождения! – произносят они хором.

Все помещение украшено многочисленными разноцветными шариками и серпантинном.

– Обалдеть! – Стив весь просто сияет от радости, как маленький мальчик.

– Поздравляю, чувак, – говорит Джей, обнимая Стива.

– Когда вы успели все это сделать?

– Мы не спали всю ночь ради тебя, – говорю я.

– Я обожаю вас.

Мы садимся за стол, он хоть и крохотный, но смог уместить на себе большой шоколадный торт, две вазы с фруктами, булочки и бокалы с шампанским.

– Ну что ж, Стив, поздравляю тебя, и добро пожаловать в клуб двадцатишестилетних, – говорит Алекс – это серьезный возраст, и теперь тебе нужно начать трезво смотреть на жизнь, – в комнате все замерло, никто не произносит ни слова и тут все одновременно начинают смеяться, – шучу, ты всегда будешь безбашенным, и именно это мне и нравится в тебе. Я хочу, чтобы у тебя все было на высоте.

– Спасибо, – Стив расплывается в улыбке.

– Стив, когда я впервые увидела тебя, то подумала, что ты чокнутый болван... и я не ошиблась, – все снова смеются, – ты очень веселый, и я хочу, чтобы у вас с Глорией было все хорошо.

– Спасибо, коротышка.

Мы поднимаем бокалы, чокаемся и делаем несколько глотков.

– Так, теперь у нас есть для тебя сюрприз, – говорит Джей.

– Еще один?

– Да, так что идите, садитесь в машину, а я принесу все, что нам нужно.

* * *

Мы все впятером едем в автомобиле. С каждой секундой мы отдаляемся от цивилизации. Сегодня пасмурно и не очень жарко. Мы решили, что это идеальная погода для того, чтобы провести весь день на природе. Джей захватил несколько пакетов с едой и алкоголем. В машине очень шумно. Кто-то смеется, кто-то разговаривает, почти у всех в руках по сигарете. За эти недели, проведенные с музыкантами, я кое-что поняла: пока ты молод, ты должен попробовать все, совершить кучу глупостей, которые впоследствии станут для тебя уроками жизни. Пока ты молод, ты должен выпустить из себя всех своих бесов, ведь потом у тебя появятся семья, дети. Пока ты молод, ты должен вытрясти из себя всю свою дурость при помощи вечеринок, алкоголя и безбашенных поступков, чтобы в зрелости быть более спокойным, мудрым и подавать своим детям хороший пример.

Мы приехали в безлюдное место, здесь лишь изредка появляются машины с туристами-альпинистами, которые едут к горе. Мы находим уютный холмик. Земля темно-коричневого цвета. Поблизости растут колючки с человеческий рост. Мы расстилаем покрывало, располагаемся.

– Здесь очень круто, – говорит Стив.

– Мы старались, – я целую блондина в щеку.

Мы находимся на возвышенности, здесь порывистый ветер, небо полностью покрывают тяжелые темные тучи.

– Смотрите, что я достал у местных барыг, – говорит Алекс, в его руках несколько белых таблеток.

У всех появляется улыбка на лице. У всех, кроме Ребекки.

– А как вы потом машину поведете? – спрашивает она.

– Не парься, мы сможем вести машину даже с отрубленными головами, – говорит Джей.

Я, Стив, Джей и Алекс одновременно кладем по одной таблетке в рот и запиваем пивом. Ребекка все еще сидит в стороне.

– Беккс... – говорю я.

– ...я боюсь, что меня совсем унесет.

– Так мы этого и добиваемся, – говорит Стив.

Все смотрят на Беккс, она, тем временем, молчит и смотрит на оставшуюся таблетку.

– А, к черту, – говорит она и кладет ее себе на язык.

Легкость. Сейчас я ощущаю легкость. Мои веки закрыты, в руках бутылка пива, и через каждые несколько минут я делаю по глотку. Ребята разложили еду и с шутками и непрекращающимся хохотом уплетают ее.

Я пытаюсь привести свои мысли в порядок, но действие наркотика оказывается сильнее, чем мой разум. Нужно чем-то себя отвлечь. Я поднимаюсь, роюсь в сумке, наконец, нахожу небольшую коробочку, которую я специально припасла для этой вечеринки. Подхожу к ребятам.

– Я предлагаю сыграть вам в одну игру.

– Покер? – говорит Стив.

– Бутылочка? – подмигивая говорит Джей.

– Фанты, – я открываю коробочку, в ней находится много бумажек с разными заданиями.

– У-у-у, – все в унисон провозгласили, показывая, что им не нравится эта идея.

– Посмотрим, как вы справитесь с этими заданиями. Я первая, – я тяну фант. Читаю задание и успеваю несколько раз пожалеть, что я вызвалась играть первой.

– Ну, читай, – говорит Алекс.

– Поцеловать человека, сидящего по правую сторону от вас. Я поворачиваюсь и вижу, что справа от меня сидит БЕККС.

– Так, вытяну другой фант.

– Э-э, это не честно, ты должна выполнить это задание, – говорит Джей.

– Нет...

– Целуй, целуй, целуй, – хором говорят парни.

– Стоп, подождите! А мое мнение, что, никого не интересует?! – говорит Ребекка.

– Действительно, не могу же я насильно ее поцеловать. Парни начинают просверливать нас глазами, я понимаю, что мне ничего другого не остается, как сделать это. Я приближаюсь к Ребекке.

– Глория... – говорит она.

– Прости.

Я целую ее, сначала она сопротивляется, но затем ее губы становятся все мягче и мягче. Парни наслаждаются зрелищем. Спустя несколько секунд я и Беккс отстраняемся друг от друга. Музыканты нам даже заплодировали.

– Так, теперь я, – говорит Алекс и тянет фант, – станцевать стриптиз, сняв с себя три вещи. Без проблем.

Алекс встает, мы все устремляем свое внимание на него. Джей и Стив создают ритм при помощи хлопков. Солист снимает с себя футболку, затем расстегивает ремень и бросает его на землю. Настала очередь джинсов. Вскоре Алекс остается в одних плавках.

– Спасибо за внимание, – говорит он.

– Э, ты снял только две вещи, – говорит Стив.

– Ремень тоже вещь, – Алекс быстро одевается.

– Ой, да ладно, что мы там у него не видели, – говорит Джей. Мы с Ребеккой переглядываемся и начинаем смеяться.

– Беккс, давай, – говорю я.

Она дрожащими руками вытягивает фант.

– Выпить залпом бутылку пива.

– Обалденное задание, – говорит Джей.

– Нет... я не смогу.

– Прости, Беккс, но ты должна выполнить это, – говорит Алекс, протягивая Ребекке

бутылку пива.

– Можно хотя бы полбутылки?

Мы все одновременно качаем головой.

Беккс выдыхает, открывает бутылку и глубокими глотками начинает пить содержимое.

Маленькие струйки пива растекаются по ее телу. Я глазам своим не верю, неужели она действительно это делает?

Беккс останавливается, тяжело дыша.

– Что, сдаешься? – спрашивает Стив.

– Еще чего, – говорит она и продолжает пить.

Мы замечаем, что бутылка полностью опустела. Я до последней секунды не верила, что она с этим справится. Мы аплодируем ей.

– Так, теперь моя очередь, – говорит Джей, вытягивая фант, – раздеться догола и пробежать несколько метров, держа руки на поясе. Что за извращенец придумывал эти задания?

– Спасибо за комплемент, Джей, – говорю я, – раздевайся.

Мы все дико смеемся. Джей без всякого стеснения раздевается, ставит руки на пояс, начинает бежать, при этом громко крича. В это время к горе направляется автобус, полный туристами, которые все как один уставились на Джея.

– Твою мать! – Джей смущенно начинает прикрывать свое интимное место. Мы все попадали на землю от раздирающего смеха. Джей бежит к нам.

– Я вас ненавижу...

Мы не перестаем смеяться над ним.

Когда Джей вновь оказывается одетым и приступ смеха нас всех покинул, фант тянет Стив.

– Рассказать свою самую сокровенную тайну... ну, не знаю, насколько это тайна, но я вас чертовски сильно люблю. Тебя, Джей, тебя, коротышка, – Ребекка фыркнула ему в ответ, – тебя, Алекс. Ты всегда был моим наставником, и пусть между нами была куча передраг, но я все равно люблю тебя, – затем Стив смотрит на меня. – Глория... я наконец-то встретил такого же сумасшедшего человека, как я. В общем, я безумно рад отмечать свой день рождения с вами.

– Я сейчас расплачусь, – говорит Джей, прерывая сентиментальную ноту.

Мы смеемся.

* * *

– Послезавтра он будет в Палм-Спрингс, и мы заберем наши деньги, – говорит Алекс.

Как только начало темнеть, мы решили вернуться домой. Включили музыку на полную мощность, вынесли на улицу столик и теперь уплетаем прожаренные мясные стейки. Минут пятнадцать назад Ребекка зашла в дом и до сих пор не выходит. Я оставляю парней одних и захожу внутрь дома. Вижу, как Ребекка роется в сумке Джея.

– Беккс, – говорю я, она, наконец, замечает мое присутствие, – что ты делаешь?

– ...ищу таблетки.

– Зачем? Мне и от одной хорошо.

– Мне тоже... просто я хочу совсем ничего не соображать, чтобы у нас с Джем все получилось.

Я улыбаюсь и подхожу к Ребекке.

– Беккс, тебе больше не нужно глотать таблетки, ты должна запомнить этот момент, насладиться им.

– Ты не представляешь, как мне страшно.

– Ну, почему же, представляю, я сама такой была несколько недель назад, – я обнимаю Беккс, – послушай, все будет хорошо. Ты только представь, ты проведешь ночь с парнем своей мечты.

Ребекка обнимает меня в ответ.

– ...а это очень больно?

– Скоро сама узнаешь, – я смеюсь.

Беккс отстраняется от меня.

– Так, ладно... успокойся, Ребекка, – говорит она сама себе, – такое ощущение, что я иду к стоматологу.

– Пойдем к ребятам, а то наши стейки остынут.

* * *

Время двенадцатый час ночи, мы перебрались в дом. У каждого из нас в руках по бутылке martini.

Мы пьем с самого утра, на сегодня я уже распрощалась с чувством трезвости.

Мы играем в игру «Я никогда не...», очень жестокая игра, она выбивает все оставшиеся трезвые мысли в моей голове.

– Меня никогда не динамили девушки, – говорит Стив.

Я, Беккс и Джей одновременно делаем по глотку из бутылки.

– Я никогда не убивала людей, – говорю я.

Джей, Алекс и Стив подносят горлышко бутылки ко рту.

– Я никогда, даже на спор не надевал платье, – говорит Алекс. Мы с Беккс снова делаем глотки.

– А я туфли, – говорит Джей.

– Вы издеваетесь, – говорю я.

– Да вы меньше всех выпили, так что все честно. Настала очередь Беккс.

– Сейчас я возьму реванш... я никогда не... занималась сек сом.

Несколько секунд все молчат.

– Сочувствуем, – говорит Стив, и затем я и остальные ребята выпиваем содержимое бутылки.

* * *

Я пьяная. Я слишком много выпила. Не завидую своей печени и даже не представляю, как она справится с таким количеством алкоголя. Я лежу одна в темной комнате, на несколько минут я даже заснула, но шум в соседней комнате меня быстро разбудил. Я дотягиваюсь рукой до тумбочки, там лежат два браслета. Я кладу их к себе в карман. Еле-еле встаю с кровати, становлюсь возле зеркала и пытаюсь хоть как-то привести себя в порядок, находясь в кромешной темноте.

Я выхожу из комнаты, и моя нижняя челюсть чуть не отпала на поверхность пола, после увиденного. Весь дом заполнен незнакомыми пьяными людьми. Все танцуют под громкую музыку, пьют наш алкоголь, уплетают еду, которую мы приготовили с Беккс. Кто-то валяется на полу, кто-то танцует на столе. Я просто в шоке. В толпе нахожу одного из музыкантов.

– Джей!

– О, а мы уже думали, что потеряли тебя.

– Кто все эти люди?

– Понятия не имею. Кто-то из соседей узнал, что у нас вечеринка, и привел сюда своих друзей.

Джей начинает танцевать, трясая головой. Я отстраняюсь от него. Музыка так больно бьет по вискам. Голова начинает кружиться. На диване сидит Ребекка, я присоединяюсь к ней.

– Обалдеть! Во что они превратили наш дом... – говорю я, еле как скрывая свою злость.

– Да ладно тебе, с ними весело.

Я надеялась, что Беккс меня поддержит, но ей даже нравится вся эта ситуация. Меня все это еще сильнее раздражает. Внезапно мой взгляд падает на парня, стоящего у противоположной стены, его руки обвивают тонкие талии двух блондинок. Я с ужасом понимаю, что этот парень – Стив!

– Не поняла... – говорю я.

– Глория, спокойно.

– Да я в полном спокойствии.

Я срываюсь с места и иду к нему. Я слышу, как он флиртует с этими девушками, и мне становится противно.

– Стив, что происходит?

– Ничего. Я как раз хотел тебя познакомить с моими новыми подружками, – ехидно смеется он.

Я молча разворачиваюсь и иду вперед. Стив хватается меня за руку.

– Стой. Ну и куда ты идешь?

– Какая тебе разница?! Иди и дальше обжимайся с этими потаскухами!

– Ага, значит, ты меня ревнуешь? А не ты ли мне вчера говорила, что доверяешь мне?

– И ты решил меня проверить таким образом?! – я чувствую, что от злости у меня скоро пар из ушей пойдет, – ты скотина... – говорю я и снова иду вперед.

– Глория... – я делаю вид, что не слышу его. Прохожу на кухню, наблюдаю со стороны за всем происходящим. Дом разнесен в хлам. Мы так старались, украшали его к вечеринке, а теперь он вдребезги разгромлен. Меня случайно толкает какая-то парочка, не прекращающая целоваться. Господи, как же мне мерзко. Рядом со мной стоит бутылка текилы. Я понимаю, что уже достаточно выпила на сегодня, но мне хочется разбавить свое дерьмовое состояние. Я делаю несколько больших глотков. Жидкость мгновенно прожигает мой пищевод.

С яростью расталкиваю людей. Нахожу солиста.

– Алекс, выгони всех этих людей из нашего дома!

– Тебе что, не нравится?

– Да, не нравится. Мы хотели устроить дружескую вечеринку, а не превратить наш дом в скопление обдолбанных людей!

– Послушай, Стиву исполнилось двадцать шесть лет, ему нужна реальная тусовка, а не утренник для тринадцатилетнего мальчишки.

– Ну, что ж... веселитесь.

Я отталкиваю Алекса и направляюсь к входной двери.

– Подожди, куда ты?

– Подальше от этого борделя.

Я выбегаю из дома. Глаза щиплет от слез. Не думала, что такой прекрасный день может так обернуться. Я, шатаясь, подхожу к скамье и сажусь на нее. Слезы еще быстрее скатываются по моим щекам, я уже не в силах их остановить. Достаяю из кармана браслеты и бросаю их на землю. Делаю еще несколько глотков текилы.

Я ревную. Я действительно его ревную. И как только я вспоминаю, как он поглаживал тех блондинок, меня всю трясет от злости. Я даже не заметила, как начала реветь навзрыд.

Слышу, как ко мне кто-то приближается, мельком смотрю назад – Стив.

– Уйди, – говорю я.

Он все равно подходит ко мне и садится рядом со мной.

– Слушай, я не думал, что это тебя так заденет. Я всего лишь хотел преподать тебе урок.

Теперь ты поняла, что я чувствую, когда вижу тебя вместе с Алексом.

– Я и Алекс и ты с этими шлюхами – две абсолютно разные вещи!

– Для меня – нет, – Стив прижимает меня к себе, – Глория, ты единственная девушка, которая меня так зацепила. Да я смотрел на тех блондинок не как на соблазнительных красоток, а как на дешевые швабры... – Стив целует меня в плечо, – ты нужна мне.

Его слова меня согревают. Я зажмуриваю глаза, пытаюсь перестать плакать, но все впустую.

– Ты тоже нужен мне... Но быть с тобой очень сложно. Я словно на вулкане. И я постоянно нахожусь в страхе, что он вот-вот взорвется.

Стив стирает слезы с моих щек.

– Прости меня.

Блондин обнимает меня, я немного начинаю успокаиваться.

– Что это? – Стив наклоняется вниз и что-то достает.

– ...это браслеты. Мой подарок для тебя... говорят, что они укрепляют отношения.

– И ты действительно в это веришь? Я смеюсь.

– Я то же самое сказала продавщице.

– А я хочу в это верить, – Стив застегивает мне на запястье браслет с буквой «S», затем я ему в ответ застегиваю браслет с буквой «G».

Он смотрит мне в глаза.

– Ну, не смотри на меня так, я знаю, что это глупый подарок.

– Не правда. Мне еще никто такого не дарил.

Стив крепко меня обвивает руками, я опираюсь на него. Окончательно успокаиваюсь. Мы сидим одни, вокруг темнота, и лишь громкая музыка нам не позволяет до конца расслабиться и уйти из этого мира.

Внезапно я чувствую, что к моему рту медленно поднимается рвота. Живот неприятно начинает ныть. Я съеживаюсь и зажимаю свой рот.

– Что такое?

– Кажется, меня сейчас стошнит.

– Да, Глория, ты умеешь настроить на романтику.

– Ну, извини.

Стив аккуратно берет меня на руки и быстро заносит в дом. Расталкиваем толпу, заходим в туалет. Я чувствую, что вот-вот причина моего сегодняшнего веселья выбьется наружу.

– Стив, выйди, – еле-еле говорю я.

– Я подержу твои волосы.

– Выйди отсюда! – не сдерживаюсь я.

Стив покорно исчезает и закрывает за собой дверь. Следующие минут десять я пытаюсь освободить свой желудок от алкоголя. Как же я отвратительно себя чувствую. На автопилоте включаю кран, пытаюсь умыться и привести себя в божеский вид.

Затем сажусь на пол и опираюсь спиной о дверь. Музыка эхом доходит до меня. Я до такой степени напилась, что мне сложно пошевелиться и что-либо сказать.

– Как ты? – слышу я голос Стива.

– ...я хочу умереть.

– Умирать будешь завтра от жуткого похмелья.

Еще несколько минут я сижу на полу и чувствую, как начинаю засыпать. Заставляю себя подняться. Открываю дверь.

– Пойдем, я уложу тебя спать, – говорит Стив и снова берет меня на руки.

– Я с-сма могу дойти...

– Точнее поползти.

Люди, похоже, и не собираются покидать наш дом, но мне уже лень выражать свое недовольство.

Стив открывает дверь нашей с Беккс комнаты, но мы так и не решаемся туда зайти. Мы видим, как Ребекка сидит на коленях у Джея, они страстно целуются. Я улыбаюсь.

– Так, похоже, мы не вовремя, – говорит шепотом Стив.

Он относит меня в комнату парней. Кладет меня на кровать. Бессилие овладело мною. Мое тело словно ватное. Стив снимает с меня кеды, джинсы, затем футболку. Я остаюсь в одном нижнем белье.

– Иди еще повеселись, – говорю я.

– Пожалуй, я уже достаточно сегодня повеселился.

Я смотрю, как Стив раздевается, как играют его мускулы, когда он снимает с себя футболку. Он ложится рядом со мной. Еще немного и я отрублюсь.

– ...прости, что испортила твой день рождения.

– Это самый лучший день рождения в моей жизни. Со мной рядом мои друзья, и моя любимая девушка лежит со мной на кровати. Да я и мечтать о таком не мог.

Стив целует меня в лоб. Накрывает одеялом. Моих сил хватает лишь на то, чтобы крепко скрепить наши ладони. Мы одновременно закрываем глаза. Я слышу его ровное дыхание и медленно засыпаю.

С каждым днем мои чувства к Стиву растут с невероятной силой. Теперь я понимаю слова Ребекки. Я боюсь серьезно влюбиться. Я боюсь его потерять.

Я проснулась от противного раздражающего чувства тошноты. Веки с трудом приподнимаются. Во рту все пересохло, дико хочется пить. Горло дерет.

Стив еще спит. В доме царит глубокая тишина. Ни малейшего звука и движения. Словно все вымерли после вчерашнего веселья.

Я сажусь на край кровати. Руками держусь за свои виски. Так больно бьет, что хочется на стену лезть. Никогда мне еще не было так плохо. Я чувствую, как от меня за несколько метров пахнет алкоголем. Медленно встаю. Голова начинает кружиться, боль накатывает с новой силой. Мелкими шажочками выхожу из комнаты, стараясь не разбудить Стива. В гостиной такой бардак, наш дом похож на настоящую свалку. В каждом углу по большой куче бутылок, какие-то бумажки, упаковки из-под сигарет валяются по всему периметру дома. Стол перевернут, огромные темные разводы на и без того уже грязном паласе. Каким-то непонятным образом следы кетчупа оказались на стене. Или это вовсе и не кетчуп...

На столе среди груды мусора я нахожу бутылку с остатками текилы. Делаю глоток, мне становится немного легче.

Душ. Сейчас хочется только окунуться в ледяную воду и хоть на секунду забыть о таком ничтожном состоянии. Я открываю ванную и вижу, как на полу лежит какой-то парень. Из коврика для унитаза он сделал себе «подушку».

– Эй, вставай! – говорю я, – вставай, быстро! – я со всей силы пинаю его ногой.

– ...отвали.

– Если ты сейчас же не свалишь из моего дома, я окуну тебя башкой в унитаз, понял?!

Потребовалось еще минут шесть, чтобы тот, наконец, встал и еле-еле вышел из ванной, при этом не переставая что-то бубнить себе под нос.

Я закрываю дверь. Смотрю в зеркало. Боже, неужели я сейчас так выгляжу? Лицо все отекло. Глаза потухшие, белки красноватого оттенка. Кожа бледная, как у забальзамированного трупа. В общем, сейчас я бы запросто прошла кастинг на роль в каком-нибудь жутком фильме ужасов.

– Дьявол... – говорю я, глядя на свое отражение.

Милая молчаливая школьница превратилась в непонятное существо с отвратительным запахом.

Душ меня действительно спасает. Холодная вода проникает вглубь пор, словно даря мне новое тело. Моя кожа приобретает вторую жизнь. Чувствуется долгожданная легкость.

* * *

Мягкое махровое полотенце согревает мое тело. Все до сих пор спят. Я вновь осматриваю гостиную и мне снова становится дурно от всего того хлама, что нам придется весь день убирать. Внезапный стук в дверь отвлекает меня от мыслей об уборке. Я тихими шагами подхожу к двери, прислушиваюсь. Снова стук. Да такой сильный и громкий, что я даже подпрыгнула. Мельком посмотрела в окно, вроде не видно полицейской машины. Значит, это кто-то другой. Может, тот парень, который спал в туалете? Или же кто-то из других вчерашних парней? Ладно, нет смысла гадать.

Я открываю дверь. На моем пути стоят два здоровенных амбала в черных протертых кожаных куртках.

– Алекс Мид здесь живет?

– А что вам нужно?

– Я спрашиваю, здесь или нет? – один из амбалов повысил свой тон, и мне стало не по себе.

– ...здесь.

– Рич будет ждать его завтра по этому адресу, – он дает мне записку с названием и номером улицы. Так значит, этот Рич и есть тот знакомый Алекса, который ему задолжал.

– Ясно.

Из-за страха и мутных мыслей у меня вылетело из головы, что я стою перед этими мужиками в одном крохотном полотенчике, который еле прикрывает бедра.

Они начали меня рассматривать, я закатываю глаза от смущения.

– Всего хорошего, – говорю я и закрываю дверь.

Дорогой дневник!

Нахожу в себе силы, чтобы писать эти строки. Это последний день в нашем доме. Завтра все начнется по новой. Бегство, бегство и еще раз бегство. Я даже понятия не имею, куда мы поедem на сей раз. В какой штат, в какой город. Одни догадки. Не спорю, я хотела перемен в жизни, но иногда так хочется себя почувствовать обычным подростком. Я уже, если честно, и забыла, каково это.

Я живу теперь в совершенно другом мире. Здесь нет ничего из прошлой жизни. Даже гадкие воспоминания все реже и реже навещают меня. Я себя чувствую пленницей, вернее, будто я выбралась из плена. Ощутила настоящую свободу. Узнала, наконец, что такое счастливая жизнь, ведь раньше для меня это было лишь обычным словосочетанием.

* * *

– Джей, я вижу еще две бутылки под диваном.

Я сижу на стуле, задрав ноги на стол, и смотрю, как парни убирают весь мусор из дома.

– Глория, ты изверг, – говорит Джей.

– Знаю. Но не я вас заставляла приглашать стаю обкуренных бабуинов, которые разнесли нам весь дом.

– Слушайте, что-то я сомневаюсь насчет этого Рича, – говорит Стив.

– Да брось, что он с нами сделает? Всего лишь отдаст деньги.

– А почему все так официально? – спрашиваю я. – Утром к нам приезжают какие-то люди, дают адрес.

– Понятия не имею. Раньше Рич был обычным барыгой, а теперь, наверное, стал главарем какой-то банды.

– Супер. Опять ищем приключения на свою задницу, – говорю я.

– Все будет нормально.

– Да мы не спорим, просто ехать черт знает куда без оружия... – говорит Джей.

– Джей, Стив, да вы чего? Вспомните, сколько раз мы попадали в передраги и столько же раз выходили сухими из воды.

Наш разговор прерывает скрип открывающейся двери. Ребекка. Сонная, помятая, с взъерошенными темными волосами. Меня раздражает от любопытства, как у них прошла ночь с Джейм.

– Доброе утро, – говорит она.

– Доброе. Бери мешки и начинай собирать мусор, – говорит Стив.

– Ну уж нет. Сегодня вы будете вылизывать весь дом, а мы с Беккс за вами наблюдать. Вы это заслужили.

– Такое ощущение, что я уже женат, – ворчит блондин. Мы с Ребеккой заходим в ванную, закрываем дверь.

– Ну, как ты? – спрашиваю я с улыбкой на лице.

– В смысле?

– В прямом. Как ощущения?

Я вижу, как щеки Ребекки мгновенно приобрели розовый оттенок. Ее взгляд устремляется в пол, я чувствую ее смущение.

– Ну... все пролетело как-то незаметно. Я даже не успела ничего сообразить... и я не испытала никакого наслаждения.

– Это нормально. Все-таки это был твой первый раз... Беккс, я так за тебя рада, – я обнимаю ее.

– Я себя ужасно чувствую, мне даже стыдно смотреть в глаза Джею.

– Расслабься. Прими холодный душ и постарайся привыкнуть к новой себе. Ведь ты перешагнула эту грань между маленькой девочкой и настоящей женщиной. Это незабываемо, правда?

– ...да. Я бы хотела это еще повторить.

– Ничего, у вас с Джеем будет еще много бурных ночей, – мы обе с ней смеемся.

* * *

Погода довольно мрачная. Несмотря на то что сейчас около трех часов дня, на улице темно из-за тяжелых грозовых туч. Ливень бьет по крыше нашего маленького домика. Все заполнило водой. По земле бегут ручейки дождевой воды с примесью дорожной грязи. Гром доводит до дрожи. Ветер бьет в окна, отовсюду слышен его гул.

Но даже такая обстановка меня не пугает. Мы впятером в своем убежище. И зная, что они со мною рядом, мне вдвойне спокойнее.

Я нахожусь в той комнате, где мы ночевали со Стивом. Застилаю постель, прибираю некоторые вещи. Открываю один из ящиков маленького деревянного шкафчика и нахожу несколько белых листков и уже совсем источенный простой карандаш. Вскоре я замечаю, что это не совсем белые листы. На них карандашные наброски девушки. Четко и, кажется, с особой нежностью выведены линии глаз, губ, тонкая шея, небольшой шрам на лбу. Господи, да это же я. Я и не думала, что Стив видит меня такой... красивой, нежной, воздушной. Это необыкновенно.

Открывается дверь.

– Мы все убрали, – говорит Стив.

– Молодцы.

Он замечает в моих руках его рисунки, подходит ко мне.

– Нравится?

– ...очень. Когда ты успел все это нарисовать?

– Для любимого дела можно всегда найти время.

Темную комнату осветила молния, в нескольких метрах от нашего дома. В первые секунды мне стало не по себе.

– Какой дождь... кажется, что еще немного и нас смочит вместе с этим домиком, – говорю я.

– Что у тебя здесь? – Стив начал пристально рассматривать мою футболку.

– Где?

– Да вот здесь.

Стив берет меня за руку и притягивает к себе. Его губы нежно касаются моей шеи, затем ключиц. Каждое последующее прикосновение пробуждает в нас обоих сильное желание.

– Стив, давай не сейчас, ребята за стеной.

– А когда нас это останавливало?

Его теплая ладонь погружается в мои волосы. Я целую его губы. Мы садимся на пол, я оказываюсь поверх Стива. Снимаю с него рубашку. Он с меня футболку. Так приятно гладить его упругое тело. Целовать каждый миллиметр его кожи. Чувствовать, как напрягается его тело вместе с моим. Ощущать его прикосновения, от которых получаешь неистовое наслаждение.

Теперь я лежу на спине, а он медленно снимает с меня джинсы, смотря мне в глаза. Я лишь жду того момента, когда наши губы снова соединятся в горячем поцелуе. И это случается незамедлительно.

Так приятно овладевать его телом, доставлять ему удовольствие своими поцелуями и знать, что в эту секунду он полностью принадлежит мне и только мне. Мы стараемся как можно тише издавать стоны от наслаждения, но у нас это плохо получается.

* * *

Такая приятная усталость. Тело еще не может отойти от того, что произошло между мной и Стивом несколько минут назад. Его ладонь скользит по моей талии. Я, в то же время, глажу его кубики на животе.

– Знаешь, я думаю, нам нужно разъехаться, – говорит Стив.

– Разъехаться? – переспрашиваю я.

– Да. Мы с тобой возьмем полсуммы тех денег, которые завтра получим и уедем. Снимем небольшой дом и будем спокойно жить.

– ...а как же Ребекка?

– А что, Ребекка? У нее теперь есть Джей, пусть с ним вместе и уезжают.

– Стив, неужели ты сможешь жить спокойной жизнью?

– С тобой смогу. Ты меня меняешь. Каждую секунду. Я улыбаюсь.

– Трудно в это поверить. Мне кажется, что ты до самой старости останешься ребенком.

– Да ты сама еще ребенок.

– А вот и нет. Девушки взрослеют намного быстрее, чем парни.

Когда он улыбается, я млею. У него красивая улыбка. Такая искренняя. Ни за что не скажешь, что ему двадцать шесть. Он еще слишком юн для такого возраста. Но приближающийся к третьему десятку возраст выдают маленькие неглубокие морщинки у его глаз. Даже они меня в нем привлекают.

– Слушай, Стив, а сколько у тебя было всего женщин?

– А что это тебя так вдруг заинтересовало?

– Просто хочу узнать, сколько наивных дур, таких как я, были без ума от тебя. Скольких ты так же целовал, обнимал, говорил красивые слова.

– ...если честно, трудно подсчитать, но одно могу сказать точно, у меня еще никогда не было такой, как ты.

– Правда?

– Да. У меня еще никогда не было голубоволосой сумасшедшей школьницы, сбежавшей из дома.

Я смеюсь.

– Ну, спасибо.

Стив снова целует меня.

* * *

– Беккс, передай морковь.

Мы стоим с Ребеккой на кухне, готовим овощное рагу по-мексикански. Парни в другой комнате обсуждают завтрашний день. Время уже близится к ночи, но ливень даже и не думается прекращаться.

В лицо брызжет масло, овощи под пряностями издают приятный аромат.

– Вкусно пахнет, – говорит Ребекка.

– Жаль, что у нас нет базилика, тогда вкус был бы намного необычнее.

– ...скажи, у тебя бывает дурное предчувствие? Кажется, что что-то случится, но ты не знаешь, что именно.

– Такое у каждого бывает, но не пугай меня, Беккс.

– Оно меня с самого утра гложет.

Ребекка начала шинковать зелень, но затем резко отбросила нож и направилась к входной двери.

– Беккс, ты куда?

– Мама говорит, чтобы избавиться от дурного предчувствия, нужно его чем-нибудь перебить.

Беккс снимает с себя футболку, открывает дверь и босиком выбегает на улицу под ливень.

– Что ты делаешь?! – я бегу к ней, а та, расставив руки в стороны и закрыв глаза, стоит под холодным тропическим ливнем как ни в чем не бывало.

– Беккс, зайди в дом! Ты же толком не выздоровела.

– Это так здорово! – кричит она, кружась. Ливень приглушает все звуки.

Я выхожу на улицу, подбегаю к Ребекке и тащу ее за руку.

– Беккс, пойдём.

– Это всего лишь дождь!

Вода попадает в глаза, в рот. В считанные секунды я пропитываюсь ею. А Беккс, словно маленький ребенок, танцует и смеется.

– Эй! Что вы там делаете? В такой ливень и собаку не выгонишь, – говорит Джей.

– Иди к нам! – кричит Беккс.

– Парни, вызывайте скорую, у этих ненормальных совсем крышу снесло.

Мы смеемся, но наш смех оказывается недолгим, в нескольких метрах от нас мы видим силуэт женщины под черным зонтом. Она стоит, уставившись на нас.

– Кто это?.. – спрашивает Беккс.

Женщина подходит еще ближе, и теперь мы, наконец, можем увидеть ее лицо.

– Привет, – сказала Данна.

* * *

– Ну, и зачем ты приехала? – спрашивает Алекс.

Мы в доме. Все пристально рассматриваем Данну и не можем понять, что заставило ее в

такую ужасную погоду приехать к нам.

– Налей мне чаю, пожалуйста, я замерзла, – говорит она. Алекс с ярым недовольством отправляется на кухню и через несколько минут возвращается с кружкой горячего чая.

– Данна, что-то случилось? – не выдерживаю я.

– Да, случилось, – она делает глоток напитка, – несколько часов назад ко мне приезжала полиция и спрашивала, не знаю ли я, где вы находитесь, – после услышанных слов мое сердце мгновенно сжалось, – я им ничего не сказала, но, похоже, они что-то заподозрили. Вам нужно уезжать отсюда, скоро полиция начнет прочесывать весь Палм-Спрингс, а затем доберется и до окраин.

– Мы завтра уезжаем, – говорит Алекс.

– Куда?

– А этого мы сказать тебе не можем. Я разучился тебе доверять.

– ...как знаешь. Я просто хотела вас предупредить.

– Спасибо, – говорю я.

Данна делает еще несколько глотков чая.

– Слушайте, неужели вам не надоело все это? Вечно скитаться, бояться прохожих? Неужели вам нравится такая жизнь?

– Нравится, что-то еще? – резко сказал солист.

– Алекс... – шепотом сказала я.

– Да, братец... если бы ты только знал, как мне больно смотреть на тебя, а еще больнее осознавать, кем ты стал.

Данна отдает кружку в руки Алексу и направляется к выходу.

– Данна, останься, пережди дождь, – говорит Стив.

– Нет, у меня сын один дома, мне нужно идти... Удачи вам, – Данна закрывает за собой дверь.

Мы погружаемся в минутное молчание. В принципе, мы ожидали, что нас скоро здесь найдут... но не так же быстро.

– Я же говорила тебе про дурное предчувствие, – тихо сказала Беккс.

– Послушайте, нам не нужно паниковать. Завтра мы все равно уедем, и нас никто не найдет, – говорит Алекс.

– Да, но еще впереди целая ночь. И может все что угодно произойти, – говорит Джей.

– Ничего не произойдет, здесь мы в безопасности.

– А как они узнали, что мы в Палм-Спрингс? Они что, следят за нами? – спрашиваю я.

– Или же им кто-то сообщил... – говорит Ребекка.

– Одну ночь, всего одну ночь нам нужно пережить. И мы справимся. Обещаю.

* * *

Тарелка горячая от только что приготовленного рагу. Я захожу в нашу со Стивом спальню. Он сидит один на полу, о чем-то думает.

– Стив, поешь.

Я подхожу к нему, отдаю тарелку с едой. Сажусь рядом с ним.

– Представляешь, мне впервые в жизни по-настоящему страшно. Раньше мы то и дело, что бегали от полиции, и я ничего не боялся, ну, подумаешь, тюрьма. Выйду и начну новую жизнь. А теперь... теперь появилась ты. И все стало гораздо серьезнее. Я поддалась его страху, но чтобы хоть как-то разбавить ситуацию, обнимаю его за плечи, прижимаюсь щекой к его голой спине.

– Ну, перестань, глупый. Все будет хорошо. Мы всегда будем вместе. Ты еще сто раз устанешь от меня и захочешь сбежать.

Мы смеемся, он берет меня за руку.

– Так ты согласна уехать со мной?

– Согласна. Но не сейчас. Пойми, Стив, в такой ситуации мы должны держаться вместе, как единое целое. А потом мы обязательно с тобой уедем.

Я целую его в плечо.

– Вкусно, – говорит Стив, жуя рагу.

– Точно? А то мне показалось, что я его пересолила.

– ...ну да, с солью ты переборщила.

– Черт... я никудышная хозяйка.

– Знаешь, даже если бы ты нечаянно добавила туда моющее средство, то я все равно бы съел все до последней крошки.

– Как мило, – я еще сильнее его обнимаю. Дверь комнаты открывается, заходит Джей.

– Стив, можно тебя на секунду?

– Джей, проходи, я вас оставляю.

Я выхожу из комнаты. В гостиной на диване лежит Беккс.

– А где Алекс? – спрашиваю я.

– По-моему, пошел курить.

Я сажусь на диван, кладу голову Беккс к себе на колени и начинаю гладить ее волосы.

– Ну что, твое дурное предчувствие покинуло тебя?

– Нет. И меня это еще сильнее пугает.

– Беккс, ты просто себя накручиваешь.

– Может быть, но в последний раз у меня было такое предчувствие перед аварией папы.

– Так, хватит, отбрось все свои дурные мысли, давай лучше выберем место, куда мы завтра поедем. Тебе какой штат больше нравится?

– А есть такой штат, где даже не слышали про такое слово, как «полиция»?

– Думаю, что нет, – смеюсь я.

– Тогда никакой не нравится.

– ...надеюсь, что завтра все пойдет как надо.

– Я тоже. Хотя после падения с моста и ночевки в лесу мне уже ничего не страшно.

В гостиной появляется Алекс. Весь мокрый, такое ощущение, что он искупался где-то прямо в одежде.

– Да уж, погода оставляет желать лучшего, – говорит он.

– Господи, Алекс, да тебя же выжимать можно, – я подхожу к нему, снимаю с него напрочь мокрую футболку, на диване лежит старый плед, я набрасываю его на солиста.

– Не нужно.

– Так, у нас уже есть один больной, – я сморю на Ребекку, – я не собираюсь открывать здесь госпиталь.

Алекс заходит в ванную и закрывает дверь. Беккс смотрит на меня с непонятным выражением лица. Будто я что-то ей сделала.

– Да... ты такая заботливая.

– А что здесь такого?

– Да действительно, ничего, подумаешь, у тебя есть парень, а ты продолжаешь охмурять другого.

– Беккс, прекрати, я просто не хочу, чтобы он заболел.

– Можно подумать, если бы сюда вошел Джей весь мокрый, ты бы тоже к нему кинулась?

– ...на что ты намекаешь?

– Я не намекаю, я прямо говорю.

– Да вы со Стивом словно сговорились! Между мной и Алексом ничего нет. Мы друзья.

– Нет, мы не сговорились, просто он тоже это чувствует. Глория, он любит тебя, да, пусть он тот еще придурок, но он действительно любит тебя, а тебе, похоже, на это наплевать.

– Не правда! И вообще, с каких это пор ты стала таким экспертом в отношениях? Что, после первого секса мозгов прибавилось?

Ребекка молчит, тут я понимаю, что сболтнула лишнего. Она встает с дивана.

– Беккс... Беккс, я не это хотела сказать, – она не замечает моих слов и захлопывает дверь своей комнаты.

Мне становится жутко неудобно. Черт возьми, ну почему я всегда думаю только после того, как что-то скажу?! Так больше не может продолжаться. Стив прав, чтобы избежать разрыва, нам нужно уехать.

Алекс выходит из ванной, смотрит на меня.

– Что-то случилось?

– ...нет.

– Из тебя плохая врунья. Он садится рядом со мной.

– Мы со Стивом решили уехать завтра.

– ...ну что ж, я это ожидал. Рано или поздно мы должны были разъехаться.

– Да, и я думаю, так будет лучше для всех.

– А ты уверена, что сможешь нормально жить со Стивом?

– Да. Он сильный, смелый, мне с ним ничего не страшно.

– Ты его любишь?

– Что? – его вопрос застал меня врасплох, – а это тут причем?

– Хорошо, тогда задам другой вопрос, ты рассказала ему про 50 дней до твоего самоубийства?

– Нет. Зачем ему это знать? Я оставила это в прошлом. Это... бред.

– Бред? Глория, ты истекала кровью, была в полуобморочном состоянии, нормальный человек молил бы, чтобы его спасли, а ты просила, чтобы я оставил все как есть и дал тебе умереть.

– Алекс, мы все равно уедем.

– Я тебя никуда не пущу.

– Что?! Я не твоя собственность!

– Я знаю, но я хочу быть уверенным, что с тобой все хорошо, поэтому Стив может ехать, куда угодно, а ты останешься со мной.

– Да какое право ты имеешь распоряжаться моей жизнью? Почему ты не можешь оставить меня в покое?!

– Да потому что... не важно. Но я все сказал, – Алекс разворачивается и уходит в комнату к парням. Я вновь остаюсь одна.

* * *

Время близится к полуночи. Мы сидим, пьем чай. Разговариваем.

– О, кажется, я настроил какой-то канал, – говорит Стив, – черт... он японский.

Мы смеемся.

– Глория, можно у тебя спросить? – подошел ко мне Джей.

– Конечно.

– Я хочу сделать Ребекке что-то приятное, но ты же девушка, ты лучше в этом разбираешься, что ей больше нравится?

– Знаешь, я не советчик в таких делах, но Беккс не такая, как все остальные девушки, ей не нужна роскошь, дорогие подарки и прочее. Она получает удовольствие от внимания, от простого разговора с дорогим ей человеком.

– Спасибо, теперь я знаю, что делать.

Джей направился в сторону ее комнаты, но я останавливаю его.

– Подожди, я сама ее позову.

Я открываю дверь. Ребекка лежит на кровати, делает вид, что спит.

– Беккс... – она не отвечает, я подхожу к кровати, сажусь, – слушай, я не хотела тебя обидеть, – снова молчание, – ты что, со мной не разговариваешь? Ну, ладно, – я встаю, – знаешь, я терпеть не могу таких обидчивых людей, как ты. Я тут перед ней унижаюсь, прошу, чтобы она не обижалась, а ты тупо меня игнорируешь. Ну, и пожалуйста! – я подхожу к двери, – последнее, что я тебе скажу, Джей ждет тебя в гостиной.

Я выхожу. Через пять минут выходит Беккс.

– Ребекка, у меня есть для тебя сюрприз, – говорит Джей и ведет ее за руку к входной двери.

– Куда мы идем? – спрашивает она.

– Пока что в машину, только нам придется немного намочнуть. Готова?

– Да.

Они открывают дверь и с громкими возгласами бегут к машине.

– ...да, любовь делает из нормальных людей идиотов, – говорит Стив, подходя ко мне.

– Самокритично, – отвечаю ему я.

Он обнимает меня, мы наслаждаемся друг другом, несмотря на присутствие в помещении Алекса.

– Даже не верится, что завтра мы снова уезжаем. Я уже привыкла к этому дому.

– Я тоже.

– Когда все уляжется, я заведу собаку.

– У меня жуткая аллергия на шерсть, но ради тебя я буду любить это противное мохнатое существо.

Я касаюсь ладонями его лица и целую его.

– Спокойной ночи, – резко сказал Алекс, прервав нашу идиллию.

Все остальное время мы со Стивом провели не разлучаясь. Мы смотрели японский канал, смеялись над смешными словами и почти через каждую минуту отдавались поцелую. То продолжительному, то короткому, но каждый из них был по-своему чарующим.

Еще одна незабываемая ночь.

Туман. Лес. Хотя это лесом назвать сложно. Повсюду высокие серые стволы мертвых деревьев с голыми ветками. От земли тянет влагой и сгнившими листьями. Я осматриваюсь вокруг и не могу понять, где я нахожусь. Где зеленые хребты солнечной Калифорнии? Небо темно-серого цвета. Знакомое чувство паники одолевает меня. Я не знаю, где я. Я не знаю, что я здесь делаю.

Слышу звук приближающихся шагов. Мимо меня идет человек в черном пальто, прикрывая свое лицо.

– Эй, простите... – говорю ему я, но он словно не слышит меня. Я иду за ним. Мы проходим несколько метров, затем я вижу толпу людей. И все они, как один, в одежде черного цвета. Я подхожу к ним.

– Извините, что здесь происходит? – спрашиваю я у еще од ного незнакомого мне человека, но он тоже меня не замечает.

Я словно призрак. От этого мне становится вдвойне страшнее. Мороз по коже.

– Эй, меня кто-нибудь слышит?! – кричу я.

Но никто из толпы даже не повернулся в мою сторону. Я осматриваю людей. Слезы. Поникий взгляд. У каждого. В одном лице я узнаю жутко знакомые черты.

– Мама?.. – тихо спрашиваю я, затем приближаюсь к ней, нет, я не обозналась, это действительно она.

Бледная, глаза красные и опухшие от слез.

– Мама, что ты здесь делаешь? – она смотрит в одну точку и, как все остальные, не замечает моих слов.

Я расталкиваю толпу людей. Из-за многочисленного черного цвета у меня начинает рябить в глазах. Наконец, я вижу то, ради чего эти люди здесь все собрались. Могила. Серый памятник с выгравированными буквами – Глория Макфин.

Я перестаю чувствовать свое тело. Я кричу. Как? Как меня могли похоронить?! Я же еще жива!

* * *

– Глория! – я чувствую, как кто-то трясет меня. Это оказался Стив.

Я открываю глаза. Всю гостиную заволокло дымом с едким запахом. Я начинаю кашлять без остановки.

– Что, что такое?.. – спрашиваю я, пытаюсь понять, что происходит.

– Ты что-то готовила, уснула, потом на плите вспыхнул огонь, еще б немного и начался бы пожар.

Плита и рядом стоящий стол в черной гари.

– Господи, какой кошмар... нам же теперь придется платить за это...

– Глория, ты вообще слышишь меня? Мы все были на улице, а ты была здесь одна, ты бы сгорела здесь заживо!

– ...я не знаю, как это случилось.

– Ладно, я вовремя все потушил, главное, что с тобой все хорошо. Пойдем, тебе нужно подышать свежим воздухом.

Я никак не могу отойти от того жуткого сна и этого пожара. Почему я заснула? Как я могла быть такой безрассудной? Первая половина утра для меня вообще стерта из памяти.

– Неужели ты не почувствовала запах дыма? – спрашивает Джей.

– Нет... я отключилась, такое ощущение, что я не спала целую вечность.

– Представляю, сколько бабок потребуует с нас хозяин за ущерб.

– Джей, заткнись, – говорит Стив. К нам подходит Ребекка.

– Когда вы почините машину?

– А что с машиной?

– Ну, вчера, когда мы ехали, было очень темно, и я наткнулся на какую-то кочку. Теперь она жутко барахлит.

– Джей, ты водишь хуже блондинки!

– Я же сказал, что было темно.

– Ладно, пойдем посмотрим, что там. Парни оставляют нас с Беккс одних.

– Как ты? – спрашивает она.

– ...о, ты решила заговорить со мной?

– Нет, я просто хочу узнать, как ты.

– ...отлично.

Ребекка молча разворачивается и уходит.

Я еще долго нахожусь на улице. После вчерашнего ливня пахнет свежестью, зеленой листвой. Мои легкие пропитались дымом и теперь очищаются прохладным утренним воздухом.

– А ты, случаем, не пироманка? – спрашивает Алекс, подходя поближе ко мне.

– Нет, я просто ужасно готовлю. Нам много придется заплатить, да?

– Еще чего. Я ему ни цента не дам. Мы и так отвалили ему достаточно.

– ...я вечно приношу неприятности.

– Что, Стив тебе не дает высыпаться? – смеется Алекс.

– Да иди ты! – я поддерживаю его смех.

Дорогой дневник!

Почему-то та легкость, с которой я жила раньше, меня покинула в одночасье. Хочу взять за руку Стива и убежать с ним далеко-далеко. Мне не нужны другие люди, мне нужен только он. И я хочу, чтобы он принадлежал только мне, как бы это и эгоистично не звучало. Мне кажется, что в любую минуту все может оборваться, и я его потеряю навсегда. Я много раз теряла, и я уже к этому привыкла, но Стив другой. И мне будет очень сложно без него.

Мы с Ребеккой до сих пор не разговариваем. Но я тоже нуждаюсь в ней. Ненавижу себя, свои поступки. Почему нельзя взять, щелкнуть пальцами и повернуть время назад?

Была б моя воля, я вообще бы не тратила жизнь на ссоры, разборки. Сегодня ты можешь высказать человеку все, что у тебя накопилось в недрах души, а завтра этого же человека может сбить машина или же ему поставят страшный диагноз. А что? Это же жизнь, она та еще сука, от нее все можно ожидать. Если идешь против нее, она идет против тебя. Вот только ты крохотная песчинка по сравнению с ней.

Поэтому я должна помириться с Ееккс. Такими людьми, как она, нужно дорожить.

Мы сидим за столом. Дом проветрился, но запах гари все еще не оставляет нас.

– Парни, смотрите, что я нашел, – говорит Джей, доставая из шкафчика полбутылки виски. Остатки прошедшей вечеринки все еще дают о себе знать.

– Слушайте, может, не стоит? У вас все-таки через несколько часов встреча, – говорю я.

– Наоборот, нам нужно подзарядиться, – говорит Стив.

– Да и к тому же, это и встречей назвать трудно, мы просто приедем, возьмем деньги, и мы снова свободны, – поддерживает Алекс.

– А куда мы поедem? – спрашивает Беккс.

– Это сюрприз. У моего знакомого есть небольшая хижина на побережье. Там маленький городок, население около трех тысяч человек.

– А ты уверен, что там будет безопасно? – спрашиваю я.

– Глория, если он выбрал это место, значит, он уверен в этом, – резко отвечает Беккс.

– Я не тебя спрашиваю!

– Эй, вы чего? – говорит Джей.

– Ничего, просто Глория себя возомнила пупом Земли, и она хочет, чтобы ей все подчинялись.

– Беккс, что за чушь ты несешь?

– Конечно, я несу чушь. Да мы все тут несем чушь, но только ты одна говоришь правду и ничего, кроме правды!

– Успокойтесь, – вмешался Алекс.

– Поверить не могу, что ты такое говоришь после всего того, что я для тебя сделала.

– А что ты для меня сделала, а? Напомни!

– Джей, утомни свою истеричку, – говорит Стив.

– Как ты ее назвал?! Лучше заberi свои слова обратно.

– И не собираюсь.

– Можно подумать, она не права. Да ты сам стал подкаблучником, после того, как с ней повелся!

– Заткнись.

– Да пошел ты!

Стив набрасывается на Джея, ударяя ему в лицо. Тот отвечает, начинается потасовка.

– Стив! – кричу я.

Алекс, к счастью, успевает их разнять. У Стива разбита губа, у Джея нос.

– А теперь послушайте меня, Ромео недоделанные, вы что тут устроили? Сегодня очень важный день, а вы ведете себя, как имбицилы.

Алекс разводит парней по сторонам.

– Джей, ты в порядке? – спрашивает Ребекка. – Да.

Алекс уходит в другую комнату. В гостиной царит тяжелая атмосфера.

Парни долго смотрят друг другу в глаза.

– Стив... – тихо говорю я.

– Пожалуйста, не трогай меня сейчас, – он выходит на улицу. Ребекка обнимает Джея. Меня переполняют чувства обиды и гнева.

– А я и не думала, что ты такой лицемер. Ходишь, улыбаешься, а внутри ненавидишь меня?

– Я тебя не ненавижу, просто Стив после встречи с тобой очень изменился, и мне это не нравится.

Я ничего ему не говорю в ответ. Разворачиваюсь и выхожу из дома. Стив стоит в паре метров от меня, я подхожу к нему.

– Ты успокоился?

– ...да. Прости.

– За что?

– За то, что не умею себя контролировать.

– Ничего. Я же знаю, что ты сумасшедший и способен на многое, – я дотрагиваюсь до опухшей губы Стива, вытираю кровь, – пойдём, это нужно обработать.

– Подожди. Я хочу кое-что знать... скажи, ты любишь меня?

– ...а что для тебя означает любовь?

– Ну, наверное, это когда ты думаешь об одном и том же человеке. Тебе хочется обнимать его каждую секунду и не отпускать. Ты счастлив только от того, что он рядом с тобой. Когда ты держишь его за руку, внутри тебя что-то переворачивается, и ты становишься совершенно другим. Ты готов пойти ради этого человека на все... даже на смерть.

Я вижу перед собой совсем не того Стива, которого я знала раньше. Передо мной теперь стоит настоящий зрелый мужчина с мягким, приятным голосом. Все мои сомнения насчет него улетучились мгновенно, осталось только одно чувство, такое сильное и неподвластное никому и ничему.

– ...значит, я люблю тебя, Стив.

Он обхватывает мою талию, и в считанные секунды мы растворяемся в поцелуе. Я чувствую солоноватый вкус его крови, но почему-то этот поцелуй становится все слаще и слаще.

* * *

Ребекка сидит на краю кровати. У нас у обеих столько всего накопилось, но я первая решила сделать ей шаг навстречу. В очередной раз я переступила через себя, ведь я всегда ждала, чтобы кто-то другой первым проявлял инициативу, и мне нравилась моя роль.

Но теперь, наверное, я становлюсь взрослее. И я понимаю, что такое на самом деле дружба и любовь. Это две спутницы жизни, каждая из которых играет определенную очень важную роль для тебя.

Я взрослею и, наконец, понимаю, чтобы что-то приобрести, нужно, для начала, чем-то пожертвовать.

И сейчас я жертвую своей гордостью, еще одна моя спутница, которая отравляла мою жизнь.

– Я знаю, ты не будешь со мной разговаривать... просто вы слушай. Мы с тобой не так давно знакомы, но за это время ты стала мне по-настоящему родной. И я не хочу, чтобы мы ссорились из-за какой-то ерунды. Я не слежу за тем, что говорю, и поэтому иногда обижаю людей. Наверное, жизнь меня ничему не учит. Беккс, ты нужна мне. Я не хочу тебя потерять, потому что таких, как ты, очень мало. Добрых, искренних, готовых бросить все и помочь тебе... Я просто хочу, чтобы ты это знала.

Я уже приготовилась выйти из комнаты, но голос Ребекки останавливает меня.

– ...ты дважды меня спасла.

– Дважды?

– Да. Сначала, ты помогла мне выбраться из Бревэрда, а потом спасла от тех бандитов, – Беккс встает с кровати и идет ко мне, – я такая дура. Ты столько для меня сделала, а я вела себя отвратительно. Ты тоже нужна мне, – Беккс обнимает меня.

Мне, наконец, становится легче.

– Значит, мир?

– Конечно, мир.

– Слава богу. А то еще одни сутки без общения с тобой я бы не вынесла... ужас, наши парни подрались из-за нас.

Мы смеемся.

– Нужно их помирить.

– Обязательно. Может, приготовим им что-нибудь вкусненькое?

– Приготовим? Глория, ты спалила полкухни.

– Черт, я и забыла.

Дверь открывается, на пороге стоит Алекс.

– Да, вы, девушки, очень странные. Сначала вы готовы вце питься друг другу в глотку, а потом мило улыбаетесь.

* * *

Стива и Джея долго умолять помириться не пришлось. Все же они столько лет знакомы, и они уже не в первый раз устраивают драки между собой. Но все равно неприязнь между ними до сих пор была, и я это чувствовала.

Постепенно все начало налаживаться. Мы собрали кое-какие вещи, продумали точный план наших дальнейших действий. У нас еще осталось немного еды, денег, и это вселяет надежду.

Стемнело. Мы последний раз проверяем, все ли вещи забрали из нашего временного убежища.

У каждого в руке по стопке виски.

– Ну что ж, давайте выпьем за то, чтобы у нас все получилось, и чтобы копы нежно поцеловали нас в задницу, – говорит Стив.

Мы делаем по глотку.

– Стив, губа сильно болит? – с насмешкой спрашивает Джей.

– Нет, что ты. А как твой нос? А то он так распух, что ты похож на того ленивца из «Ледникового периода».

– Парни, вам подгузники не поменять? – говорит Алекс. Я едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться в голос.

– Вы починили машину? – спрашивает Беккс.

– Конечно, – говорит Стив, – только Джея теперь к ней не подпускать.

– Я просто наткнулся на кочку!

– Ты просто купил права в переходе.

Выключаем свет. Все складывают вещи в багажник, а я стою напротив дома. Мы здесь прожили всего ничего, зато сколько воспоминаний. Не думала, что мне будет так тяжело отсюда уезжать.

Алекс за рулем, Джей рядом с ним. Я, Беккс и Стив сидим втроем на заднем сидении.

По радио играет замечательная песня «Bob Marley – No woman no cry», мы все подпеваем. Как же все это прекрасно. Как же я рада, что встретила этих людей. Они кардинально поменяли мою жизнь. Поменяли мое мировоззрение.

Стив держит меня за руку. И я соглашаюсь с его словами. Внутри меня действительно что-то происходит, когда наши ладони сомкнуты. Какая-то невероятная сила бушует во мне. Тепло раздается по всему телу. Я мысленно прошу, чтобы он не отпускал меня.

Парни выходят из машины.

– Ты уверен, что это здесь? – спрашивает Стив Алекса. – Да.

Мы с Беккс открываем дверцы автомобиля.

– А вы будьте здесь, мы скоро вернемся, – говорит Джей.

– Нет, мы с вами, – возразила Ребекка.

– Вам там нечего делать, да и к тому же, это для вашей же без опасности, – говорит Алекс.

Парни отдаляются от машины. Место, в которое мы приехали, похоже на заброшенную заправку или что-то типа того. Вдали горит один фонарь, так тихо, словно здесь все вымерли, хотя центр города не так далеко находится.

– Как ты думаешь, все будет хорошо? – спрашивает Ребекка.

– ...конечно.

Как бы Алекс нас не успокаивал, мне все равно страшно. Почему этот тип решил устроить встречу именно в таком месте? Все это на меня наводит тревожные мысли.

Я вылезая из машины.

– Ты куда?

– Я не могу спокойно здесь сидеть и ждать. Будь тут, хорошо?

– Нет, я с тобой, – Беккс следом за мной выходит из машины. Мы держимся за руки, медленно, тихими шагами идем вперед.

В висках бешено стучит кровь.

– С ума сойти, здесь только ужастики снимать, – говорит Беккс.

И действительно. Мы словно попали в затерянный городок. Лишь тихие отзвуки машин слышны где-то вдалеке.

– Эй, подождите нас, – говорю я ребятам.

Они разворачиваются, и на их лицах мы видим явное недовольство.

– Ну, и зачем вы пошли сюда? – спрашивает Стив.

– А вдруг с вами что-то случится? – говорю я.

– А вы нас, конечно, спасете.

– Да ладно, пусть идут, – говорит Джей.

Мы доходим до фонарного столба. Останавливаемся.

– Ну, и где этот Рич? – спрашивает блондин.

– Наверное, мы слишком рано приехали, придется подождать.

– Может быть, черт с этими деньгами? Давайте уедем отсюда, – говорит Ребекка.

– Беккс, ты не понимаешь, о какой сумме идет речь. Без этих денег мы – ничто.

Мы сидим здесь полчаса, может, больше. Вся эта мертвая обстановка начинает надоедать.

Мне хочется уже вырваться, уехать отсюда и снова начать беззаботно жить вместе с ребятами. Надеюсь, что скоро мое желание воплотится в реальность.

К нам подъезжает какая-то машина. Из нее выходит парень, лет двадцати пяти, сам он худощавого телосложения, но из-за черной кожаной куртки, которая, похоже, на два размера больше, он кажется довольно массивным.

– Здравствуй, Алекс. Давно не виделись. Обнимемся?

– Здравствуй, Рич. Давай сразу к делу.

– А я вижу ты тут не один. Стив, по-моему, и Джей, да? А как зовут этих красоток?

- Это тебя не касается.
- Ясно. А Расскажи мне о себе, как ты, как твои дела?
- У меня все отлично.
- Я рад. А не хочешь узнать, что со мной произошло за это время?
- Рич, нам нужно ехать.
- А я все равно расскажу. Это не займет много времени. Представляешь, меня хотели убить.

Приставили лезвие к горлу и вот-вот могли полоснуть, но меня кое-то спас. И только благодаря ему я стою здесь перед тобой. Алекс, ты веришь в ангела-хранителя?

- Нет.
- Я тоже не верил до того случая.
- Рич, мне нужны мои деньги.

– Не волнуйся, – парень достает из внутреннего кармана куртки белый конверт, – вот они, я все тебе отдам, я держу свое слово. Вот только сначала ты должен познакомиться с моим ангелом-хранителем.

Когда из машины вылез этот человек, у меня перехватило дыхание. Я не могу поверить, что он здесь. В груди сразу закололо.

– А они меня и так знают, Рич. Вся шайка в сборе, – говорит Дезмонд, главарь той самой банды, из-за которой у нас была куча проблем.

– Привет, Дез, – говорит Алекс, тяжело сглатывая, понимая, что сейчас начнется что-то неладное.

– Привет-привет. Если бы вы знали, как долго я вас искал. Я даже новости смотрел, чтобы следить за вашим местоположением. И только благодаря Ричу и вышел на ваш след.

- И что тебе здесь нужно?
- Предлагаю тебе сделку. Мы отдаем тебе деньги, и вы спокойно уезжаете. Неплохо, правда?
- Я повторяю, что тебе нужно?
- Мне нужна она, – Дезмонд указывает на меня, у меня мгновенно пересыхает во рту, – у меня как раз есть один хороший бизнес, где такие же малолетки, как она, за травку и пару баксов обслуживают кучу клиентов. Алекс, мы столько лет с тобой спокойно жили и не враждовали, но когда появилась она, все изменилось.

Вы убили моих людей, подорвали мой авторитет. Я такого не прощаю, так что я забираю ее, вы забираете деньги и уезжаете на все четыре стороны.

– Интересное предложение, – говорит Алекс, затем размахивается и в считанные секунды его кулак соприкасается с челюстью Дезмонда.

- Ах ты урод! – кричит Стив и тоже кидается на него.

Из машины выходят еще несколько здоровенных амбалов, они оттаскивают Алекса и Стива, хватают Джея и начинают их избивать битой.

Я осматриваюсь вокруг и нигде не вижу Ребекки, она словно испарилась. Дезмонд с яростью хватается за волосы, я теряю равновесие и падаю на колени. Боль адская, словно мне снимают скальп. Я вскрикиваю. Слезы самопроизвольно покатались из моих глаз.

- Ну что ж, я хотел по-хорошему, но теперь пеняйте на себя. Рич!
- Я уже вызвал полицию, Дез, они скоро будут.

Люди Дезмонда продолжают избивать парней, те уже не сопротивляются. Все это происходит на моих глазах. Я смотрю, как из тела Стива выбивают жизнь. А ведь еще только вчера я его целовала, прикасалась к его телу и не хотела отпускать.

- Не бойся, крошка, ты поедешь со мной, – говорит мне Дез.

Я собираю в кулак всю свою злость и ненависть. Пытаюсь вырваться из его рук. Пинаю его ногами, кричу и наконец понимаю, что делаю этим всем только хуже.

– Ах ты, сука малолетняя! – Дез снова хватается меня за волосы и бьет головой об асфальт. К моему удивлению, я не теряю сознания, но мое тело мне больше не подчиняется, я не могу заставить себя сделать ни малейшего движения. Дез бьет меня ногой в живот, затем еще и еще, в один момент, мне показалось, что мои органы превратились в сплошную кашу. Он избивал меня еще несколько минут, а я лишь молила бога, чтобы он забрал мою жизнь.

– Знаешь, что я делаю с такими же пигалицами, когда они доставляют мне проблемы? Я их убиваю, – Дез достает из кармана пистолет, я слышу громкий звук спускового крючка, и... мне все равно. Я лишь закрываю глаза. Осталось потерпеть одно нажатие курка, один выстрел и я, наконец, перестану жить. Давай же, стреляй! Мне так хочется ему крикнуть, но, увы, не хватает сил.

– Не трогай ее! – я слышу голос Ребекки, а затем выстрел. Странно, почему я не почувствовала, как пуля вошла в меня?

Неужели я уже умерла? Тогда почему я до сих пор слышу звуки?

Я открываю глаза и вижу, как Ребекка падает на асфальт, а из ее живота льется алая кровь.

Нет. Боже. Нет! Эта пуля принадлежала мне! Мне!!!

– Дез, ты что творишь? Мы же договорились, без трупов! Нужно сматываться.

Я слышу, как Дезмонд отстраняется от меня.

– Оставьте их, – приказывает он амбалам, – они все равно уже никуда не денутся. Смерть для них – это слишком просто. Надеюсь, вы быстро сгниете в тюрьме.

Через несколько минут я слышу звук отъезжающего автомобиля.

Открываю глаза. Боже, дай мне сил подняться. Прошу тебя.

Я ползу к Ребекке. Мое тело все стонет от боли, но я перестаю это чувствовать, когда вижу лицо моей подруги. Слезы бесшумно скатываются по ее щекам. Она дышит ртом, и с каждым вздохом, я чувствую ее боль.

Кровь с невероятной скоростью выходит из нее.

– Господи, господи, господи... – говорю я, – Беккс, маленькая моя, ты слышишь меня?

– Д-да, – еле-еле произносит она.

Ее глаза полны ужаса, она еще толком не понимает, что с ней происходит. Приподнимает голову, ищет глазами рану.

– Нет, не смотри туда, не надо.

Парни с большим усилием приближаются к нам.

– Куда ее ранили? – спрашивает Алекс.

– В живот... Господи, сколько крови, – я реву и постепенно начинаю задыхаться от этого.

Смотрю на Джея, его глаза тоже полны слез, он целует Ребекку в лоб.

Ее тело бьется в конвульсиях, кожа бледнеет. С каждой секундой она теряет миллилитры собственной крови.

У меня начинается истерика.

– Да что вы сидите?!! – кричу я, – нужно вызвать скорую!!!

– Глория... – говорит Стив

– Нужно срочно остановить кровь!!!

– Глория! – Стив хватается ладонями мое лицо и, глядя мне в глаза, говорит, – ...она умирает.

– Нет!!! – я отталкиваю его, пытаюсь закрыть дрожащими пальцами рану, мои слезы смешиваются с ее кровью, – Беккс, посмотри на меня! Потерпи еще немного, я прошу тебя, потерпи.

– Папа... – говорит она. – Что?

– ...папа улыбается.

Ее взгляд становится вмиг застывшим, грудь больше не движется.

– Беккс! Беккс! – с этого момента моя жизнь разделилась на «до» и «после». Я еще никогда не чувствовала такого опустошения и потерянности. Будто кто-то вынул мою душу, и теперь осталось лишь одно безжизненное тело.

Я цепляюсь за ее тело и кричу, кричу, что есть силы. Кричу от боли. Кричу от потери.

– Не оставляй меня!!! Не оставляй меня!!! – я срываю свой голос.

* * *

Я держу ее ладонь, целую, она еще теплая. Или же мои горячие слезы делают ее такой. Подъезжают машины с мигалками.

– Никому не двигаться! – голоса доносятся до меня эхом.

Я сижу, закрыв глаза, и стараюсь не верить в происходящее.

– Глория, Глория! – слышу я голос Стива, но не реагирую на него.

– Девушки тоже с ними, но одна из них мертва. Кто-то хватает меня за руку, поднимает.

– Нет... не трогайте меня, – тихо говорю я сорванным голосом. Я смотрю на тело Ребекки, затем на ребят. Им надевают на ручки, мне почему-то нет.

Полицейский оставляет меня около машины, а сам уходит к своим коллегам. Я ищу глазами Стива. Мы встретились взглядом, затем он вырывается из рук полицейского и сквозь боль от побоев бежит ко мне, я тоже срываюсь с места.

Я обнимаю его, он целует меня. Эти несчастные прощальные секунды стали для меня вечностью.

Полицейские вновь разъединяют нас.

– Мы еще встретимся, малышка! – кричит Стив.

Я смотрю ему вслед. Затем меня заталкивают в машину, закрывают дверь.

Как же хочется кричать. Да так кричать, чтоб слышала вся планета. Чтобы каждый знал о моей боли. Я рыдаю. Моим телом овладела дрожь. Лучше бы меня расстреляли. Живьем выдернули сердце. Я никому не пожелаю такого испытать.

* * *

Камера. Синие стены. Я здесь одна, ребята в другом корпусе. Полицейский закрывает решеточную дверь.

– Завтра приедут твои родители, – говорит мне он.

А я стою. Смотрю на стены. Не слышу ничего, кроме стука своего сердца.

– Это сон. Это всего лишь сон. Глория, ты должна проснуться, – шепотом говорю я, замуриваю глаза, через несколько секунд открываю. Синие стены, холодная решетка. Тишина.

Нет, неужели это не сон? ГОСПОДИ, НЕУЖЕЛИ ЭТО НЕ СОН?!!! Я смотрю на свои руки, они в крови Ребекки. Слезы снова хлынули из опухших век. Я опять кричу, несмотря на жуткую боль в горле, словно я проглотила осколки стекла.

Подхожу к стене. Ударяю ее кулаком, затем еще, еще и еще. Кричу и бью кулаками в стену, вспоминаю улыбку Ребекки – бью в стену, вспоминаю поцелуи Стива – бью в стену, вспоминаю диалоги с Алексом – бью в стену, вспоминаю шутки Джея – бью в стену, вспоминаю, как нам было всем хорошо, и наш мир рухнул в одночасье. Кричу и не жалею свои оставшиеся силы, бью в стену. Бью до тех пор, пока мои руки не превращаются в кровавое месиво. До кости. Струйки крови скатываются по кисти, к локтю. Но даже эта боль не способна затмить ту, что внутри

меня.

Я падаю на пол. И не перестаю реветь.

Все снова возвращается на круги своя. Мне противен этот воздух. Мне противна эта жизнь.

В моей голове снова появляются те мысли, от которых я, как мне показалось, избавилась. «5 дней, Глория, тебе осталось всего 5 дней».

Белое пространство. В лицо ударяет приятный прохладный воздух. Я осматриваю все кругом, пытаюсь разобраться, где я.

Чувствую необъяснимую легкость, будто я парю. А может быть, я умерла? Господи, хоть бы это было так.

Слышны приближающиеся шаги. Вмиг мое сердцебиение учащается, я вновь осматриваюсь, но никого не вижу. Что со мной происходит?!

– Уже проснулась? – спрашивает меня до боли знакомый голос, я оборачиваюсь и вижу перед собой Ребекку.

Она в длинном белом платье, которое сливается с тем пространством, в котором мы находимся. Я не верю своим глазам, сначала я испытываю испуг, но затем уголки моих губ приподнимаются. Она стоит здесь, передо мной, цела и невредима.

– Беккс? – произношу тихо я, – господи, Беккс! – я обнимаю ее крепко-крепко. Я чувствую ее тепло. Она обнимает меня в ответ и смеется.

– Ты чего?

– ...я думала, что ты... – я смотрю ей в глаза. Они светятся от радости.

Я знала, что это сон. Она жива! И мне действительно приснился дурной сон. Я вздыхаю с небывалым облегчением.

– Глория, тебе нужно уходить, – внезапно говорит мне она.

– Куда уходить?.. Подожди, а где мы вообще? – говорю я, в очередной раз осматриваясь.

– Тебе нельзя здесь находиться.

– Где, здесь?..

Ребекка делает шаг назад, затем еще один. Она идет спиной вперед, не сводя с меня своих теперь уже поникших глаз.

– Беккс... – говорю я, не понимая, что происходит.

– Меня там ждут. Прости, – Ребекка разворачивается и стремительно отдаляется.

– Беккс! – кричу во всю глотку я, – Беккс, прошу тебя, не уходи! Беккс!!!

Синие стены. Противный запах от холодного бетонного пола, на котором я лежала всю ночь. Мне начинает не хватать воздуха. Острая боль пронизывает все тело. Кажется, что все кости переломаны. Я смотрю на свои руки, они приобрели едкий бордовый оттенок из-за застывшей крови. Не могу полноценно пошевелить пальцами, потому что кисти жутко ломит от вчерашних ударов.

А внутри себя я снова слышу выстрел. И так повторяется каждую секунду. Слышу выстрел и вспоминаю ее падение. Слышу выстрел и вспоминаю, как она умирала у меня на руках. Как только я понимаю, что больше никогда не услышу ее голос, не увижу ее улыбки, ее блестящих глаз, меня начинает всю трясать. От истерики. Я не могу уже кричать из-за сорванного голоса. Но я кричу внутри себя. Закрываю глаза и плачу. Молча и без единой слезинки. Наверное во мне уже не осталось слез. Не осталось ничего, кроме простреливающей боли.

«Мы еще встретимся, малышка», – проносится у меня в голове. Я смотрю на запачканный кровью браслет с буквой «S», и мне становится в два раза больнее. Это все, что осталось у меня от него. Вспоминаю наше последнее объятие и снова начинаю задыхаться.

Слышу скрип решетки и чье-то дыхание.

– Макфин, на выход. За тебя внесли залог, – говорит грубый мужской голос.

И кто же внес этот залог? Папа. Конечно, он. Они с Нэнси уже здесь. Я представляю нашу встречу, и по моей коже начинают бегать мурашки.

Нет... этого не может быть. Это происходит не со мной.

– Поднимите ее, – говорит тот же голос.

Ко мне подходят два человека и поднимают за плечи. Я чуть ли не взвизгиваю от новой порции боли. Меня выводят из камеры. Я еле-еле переставляю ноги.

– К стене, – приказывающим тоном говорит мне двухметровый мужчина в форме. Я слушаюсь его. Он закрывает замок на решетке.

– Вперед.

Из-за тусклого света в темном узком с запахом сырости коридоре у меня щиплет в глазах.

Волосы совсем запутались и как пакли болтаются у меня на голове. Мою одежду «одеждой» назвать трудно. На мне просто груда грязных тряпок с довольно неприятным запахом. Кожу на руках противно тянет, и ладони, словно клешни, я не могу их расправить. Представляю, как омерзительно я сейчас выгляжу. И в таком виде меня сейчас увидит отец. Теперь представляю его выражение лица и мысли о том, какая у него гнусная дочь.

Мы доходим до двери какого-то кабинета. Медленно сглатываю ком в горле. Сердце снова бьется в бешеном ритме. Каждый удар отдается эхом. Дверь открывается. В глаза теперь бьет резкий дневной свет. Я делаю шаг вперед. Прядь грязных волос оказывается у меня на лице, закрывая глаза. Сквозь нее я пытаюсь ознакомиться с тем местом, в котором я нахожусь. Маленький кабинет. За большим столом сидит мужчина средних лет в форме, на стуле около него сидит мой отец, а рядом с ним стоит Лоренс. Все трое уставились на меня. Я без всяких эмоций смотрю прямо в глаза отцу. Он смотрит на меня. Знакомое «каменное» лицо. Но я чувствую, что сейчас творится у него в душе.

– Глория... – Нэнси подходит ко мне и обнимает. Я стою, словно статуя, даже не протягиваю руки к ней, продолжая смотреть на своего папашу.

Нэнси убирает прядь с моего лица и начинает рассматривать меня.

– Господи, что с тобой? Почему она в таком состоянии находилась здесь?! Неужели вы не могли отправить ее в клинику?

– Мы не центр милосердия, – говорит следователь, – Глория, присаживайся.

Я сажусь на стул прямо перед ним. Чувствую, как отец просверливает меня своим взглядом.

– Завтра вы отправляетесь во Флориду с нашими сопровождающими. Вы привезли документы девушки?

– Да, привезли, – сухо отвечает отец.

– Хорошо.

– И что будет дальше?

– А дальше вашей дочерью будут заниматься местные власти. Советую вам побыстрее нанять адвоката. Распишитесь здесь, – следователь дает отцу какую-то бумагу.

– ...скажите, а где Ребекка? – спрашиваю охрипшим голосом я. – Ее тело транспортируют в цинковом гробу так же во Флориду. Когда он произнес «тело», у меня сильно закололо в груди.

Губы дрожат, я едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься у всех на виду.

– Можно увидаться в последний раз с Алексом, Стивом и Дже-ем, пожалуйста.

– Нет, это исключено.

В этот момент я окончательно понимаю, что больше никогда не увижу ребят. В груди закололо еще сильнее.

– Я прошу вас, хотя бы одну минуту, мне нужно их увидеть, – слезы самопроизвольно посыпались из глаз.

– Я же сказал, нет.

– Да неужели я так много прошу! – кричу охрипшим голосом я.

– Глория... – говорит отец, но его слова проносятся мимо меня.

Я падаю на колени и смотрю в глаза следователю.

– Пожалуйста, я вас умоляю, я должна их увидеть!

– Глория, успокойся, – говорит Нэнси.

– Повторяю, у нас не центр милосердия. Я не собираюсь устраивать встречи будущих заключенных.

Его слова, как удар ножом в спину. Они нанесли мне точно такую же боль.

Я медленно поднимаюсь с колен. Продолжаю смотреть в глаза этому бездушному человеку, а затем хватаюсь обеими руками за край его стола и опрокидываю его. От неожиданности все отскочили по сторонам. Громкий грохот раздался по всему зданию. В кабинет врывается охрана. С такой силой меня толкают лицом к стене, что я царапаю щеку о ее поверхность.

* * *

Я становлюсь все дальше и дальше от ребят. Такси едет уже где-то полчаса до гостиницы, в которой папа и Нэнси сняли номер.

Вот и все, Глория. Все то, от чего ты так старалась скрыться, снова настигло тебя. Теперь я словно в капкане, и мне уж точно не выбраться отсюда. Я уже начинаю потихоньку привыкать к боли, которая оглушает меня каждую минуту. По крайней мере, она помогает мне хоть на долю секунды забыть о ребятах, о Ребекке... и о том, что скоро все это закончится. Меня могут лишить свободы, но никто не сможет лишить смерти.

Подъезжаем к гостинице. Нэнси говорит, что они сняли двухкомнатный номер, так что мы не будем докучать друг другу.

Заходим в здание, все смотрят на меня таким взглядом, будто увидели приведение. Я стараюсь не обращать на них внимания. Через несколько минут мы оказываемся в номере.

Мимолетом вспоминаю, как мы с ребятами сняли шикарные номера в отеле, как нам было хорошо и мы ни о чем не задумывались. Затем я слышу громкий выстрел, и он снова возвращает меня в реальность.

– Ты что стоишь? Проходи, – говорит мне Лоренс, – для на чала прими душ, мы привезли тебе чистую одежду.

Отец проходит мимо меня, даже не посмотрев в мою сторону. Мною снова начинает овладевать чувство ненависти к этому человеку.

Я захожу в ванную, Нэнси идет следом за мной.

– Вот вещи. Если что-то понадобится, зови, – Лоренс закрывает дверь.

Передо мной висит небольшое круглое зеркало. Я всматриваюсь в свое отражение и поражаюсь тому, как ничтожно я выгляжу. Холодный взгляд, на лице капли крови, кожа аж зудит от грязи. Я начинаю тяжело дышать, и каждый вздох отражается сильным отголоском боли. НЕНАВИЖУ, НЕНАВИЖУ, НЕНАВИЖУ себя. Ненавижу каждую частичку своего тела. Во мне просто кипит ярость, смешанная с болью. Я сжимаю ладонь в кулак и с громким криком ударяю кулаком в зеркало. Маленькие осколки впиваются мне в руку, и новая боль доставляет мне небывалое удовольствие. Благодаря ей я снова забываюсь. Но потом мое сознание вновь возвращается ко мне. Я падаю на пол, и теперь все мои эмоции выливаются наружу. Я реву. Снова реву, держась за кисть, обтекающую кровью.

В ванную забегают Нэнси.

– Господи, Глория! – она падает на колени около меня, берет мою окровавленную руку и пытается ее максимально сжать, чтобы остановить кровь.

– Ну, что ж ты творишь с собой, а? Глупенькая.

Я утыкаюсь лбом ей в плечо и чуть ли не вою. Внутри себя я кричу: «Остановись, Глория! Попробуй принять все, как есть». Нэнси вытирает слезы с моих щек.

– Вставай, – она включает воду и промывает мою рану, – раздевайся, я помогу тебе помыться.

И в этот момент я понимаю, какая же я дура. Я столько всего наговорила Нэнси, а она несмотря на это возится со мной, как с маленьким ребенком, не жалея себя. Со мной так родная мать себя не вела, как Нэнси.

Она помогает мне снять с себя одежду. Теперь я стою совершенно голая перед ней, и она с ужасом смотрит на меня.

– Боже... да на тебе же живого места нет.

– ...я сама помоюсь.

– Хорошо, но я все равно останусь здесь, а то мало ли что еще может случиться.

* * *

С трудом расчесываю мокрые волосы перебинтованными руками. Боль от ударов сковывает каждое мое движение, но я уже к этому привыкла. Уже несколько минут я стараюсь не плакать. Пытаюсь думать о чем-то поверхностном. Например, будет ли сегодня вечером дождь или как выглядят постояльцы из соседнего номера. И тут я вспоминаю об Алексе. О том, как он научил меня восхищаться мелочами жизни. Получать удовольствие от всего, что меня окружает. «Ты его больше никогда не увидишь, Глория», – проносится у меня в голове. Снова хочется потерять самообладание и реветь. Хочется выплакаться окончательно. Но на этот раз я сдерживаю себя.

– Глория, – слышу я голос Нэнси из соседней комнаты.

Я открываю дверь и вижу небольшой стол, заставленный от края до края огромными подносами с едой.

– Садись, тебе нужно подкрепиться.

– Я не хочу есть.

– Да ты же еле на ногах стоишь.

Я пропускаю ее слова мимо своих ушей и снова направляюсь в комнату.

– Стоять! – резким тоном говорит отец.

Я останавливаюсь и слышу, как он подходит ко мне.

– Повернись ко мне, – я следую его команде, – ты что думаешь, что мы будем возиться с тобой? Жалеть тебя каждую секунду?!

– Дэвид... – говорит Нэнси.

– Помолчи! – его взгляд пронзает меня насквозь, – нет, моя дорогая. Мне надоело с тобой нянчиться. Все, что сейчас с тобой происходит – это целиком твоя вина, и не нужно делать из себя невинную жертву! А теперь быстро села за стол и поела, мы что, зря на тебя деньги потратили?!

«Держи себя в руках, Глория. Держи себя в руках». Я сглатываю и шагаю вперед, к столу. Беру тарелку с едой, разворачиваюсь и делаю шаги к моей комнате.

– Ты уйдешь только тогда, когда я тебе скажу, – я останавливаюсь, – а теперь запомни кое-что, еще одна твоя такая выходка, и я сделаю все, чтобы ты села за решетку. Я не стану нанимать тебе адвоката и подпишу все, что мне предложат. Если ты хочешь до конца сломать свою жизнь, я тебе это устрою, – я уже собралась вновь развернуться и уйти, как он хватается за мое плечо и сжимает его так, что мне чуть дыхание не перехватило.

– Ты поняла меня?! – ...поняла, – его кисть разжимается.

Я чувствую, что вот-вот взорвусь. Я так надеялась, что за время моего отсутствия он хоть что-то поймет и немного изменится. С горечью признаю, что я вновь ошиблась.

– А теперь ты меня послушай, папочка. Если ты еще раз хоть пальцем до меня дотронешься – ты об этом очень сильно по жалеешь, – я хватаюсь за его лицо и ногтями впиваюсь ему в кожу, – я уже не та маленькая девочка, которая не может за себя заступиться. Понял? Ты понял меня или нет?!!

Он молчит. Я убираю свою руку от него. На его щеках остались несколько небольших царапин от моих ногтей.

– Приятного аппетита, – говорю я и теперь уже без всякого напряжения иду в комнату.

* * *

Ни единая крошка в рот не лезет, хотя я ничего не ела со вчерашнего дня. В глубине души, когда еще ничего этого не произошло, я надеялась, что дома, во Флориде, меня ждут. Что отец понял, насколько я ему дорога. Но, как оказалось, совсем ничего не изменилось. Меня всюду разыскивали лишь по нужде. Отец поступил так, как должен был поступить любой родитель. Но не потому, что я ему нужна, я его единственная дочь и со мной может произойти что-то страшное, а лишь потому, что так нужно. Все мои надежды превратились в осколки.

– Дэвид, что ты делаешь? Девочка перенесла такой огромный стресс, а ты...

– Ты ее еще и защищаешь?! Я вырастил чудовище, Нэнси. Ты только посмотри на нее, она же копия своей мамы.

– Какой бы она не была, Дэвид, она твоя дочь! На ее глазах убили человека, ты хоть представляешь, что она перенесла? И еще неизвестно, что эти уроды делали с бедными девочками все это время. Ты должен только радоваться, что она здесь с тобой, что с ней все хорошо.

– Да лучше бы ее и не было здесь. Я устал от нее.

– ...устал? Ты устал от собственного ребенка? Это не она чудовище, Дэвид, а ты.

– Нэнси, ты куда?

– Мне нужно прогуляться... Господи, еще недавно я думала о том, что хочу иметь от тебя детей, но посмотрев, как ты обращаешь ся со своей родной дочерью, мне теперь страшно об этом подумать.

Я слышу, как Лоренс хлопает дверью.

Закрываю глаза, слышу свое медленное дыхание. Меня окатывает жаром. «Только не плачь, Глория, только не плачь».

Я подхожу к окну. Снова пытаюсь отвлечь себя. Смотрю на проезжающие машины, проходящих мимо людей. Затем поднимаю голову и смотрю на небо. Серое, тяжелое. Это просто аномалия для солнечной Калифорнии.

– ...как же мне тяжело без тебя, Беккс, – говорю я, глядя на мрачное небо, – ты даже не представляешь, – облака расплываются из-за наступающих слез, – господи, ну почему ты та кой жестокий?! Почему ты забираешь жизнь у хороших людей и оставляешь на свете мерзких тварей? Что она тебе сделала, а? – мой голос дрожит и смешивается с ревом. Я становлюсь на подо конник, – заberi меня! Заberi меня к себе, я прошу тебя! Я не хочу здесь больше оставаться, я не вынесу этого!

Внезапно кто-то хватает меня на руки и оттаскивает от окна. Отец. Во мне рождается еще больше ярости, я начинаю со всей силы, преодолевая боль, бить его ногами и руками.

– Отпусти! Отпусти меня!

Папа кладет меня на кровать и старается изо всех сил успокоить меня, но я ему не поддаюсь.

– Что ты наделал?!!! Я же почти прыгнула, у меня бы все получилось!!! Ненавижу тебя, как же я тебя ненавижу! Не даешь мне жить, так дай мне умереть!

Отец прижимает ладонь к моему рту и держит до тех пор, пока я не перестану брыкаться. Мне кажется, я выплакала все глаза, они уже зверски болят от моих истерик.

– Поплачь, тебе станет легче, – говорит отец.

– Легче? Мне станет легче, папа, если меня сейчас кто-нибудь пристрелит.

– Послушай, я понимаю твое состояние. Увидеть, как убивают другого человека, хуже собственной смерти. Но не нужно доводить себя до такого. Тем более ты знала эту девочку не так давно.

– Ты что несешь, а? Да какая разница, сколько я ее знаю? День, два, неделю! Она мертва, папа. Она спасла мне жизнь, эта пуля принадлежала мне! Мне! Я никогда себе этого не прощу, мне проще умереть, чем каждый раз закрывать глаза и видеть ее лицо, ее улыбку... Я не могу... я больше так не могу, – говорю сквозь слезы я, – это невыносимо. Она... такая маленькая, хрупкая, жизнерадостная, поплатилась жизнью из-за такой мрази, как я. Это несправедливо!.. Знаешь, ты прав. Я действительно чудовище. Если бы у меня была такая дочь, как я... я бы давно уже от нее избавилась.

Отец долго молчит.

– ...Глория, я погорячился. И я хочу, чтобы ты меня простила. Я знаю, это нелегко, но... Эту девочку больше не вернешь. Такова ее судьба, ты должна понять это.

Впервые за шестнадцать лет моей жизни отец выслушал и понял меня. Я сижу перед ним, словно зомбированная, и ничего не могу сказать.

– Ложись и закрой глаза. Тебе нужно прийти в себя. А я пока посижу здесь.

Мои веки миг становятся тяжелыми.

* * *

Тихими шагами направляюсь к выходу. Нэнси, слава богу, вернулась, и они спят в обнимку с папой. Несколько минут роюсь в отцовской барсетке и, наконец, нахожу упаковку крепких сигарет с зажигалкой. Стараюсь как можно тише закрыть дверь.

Свобода.

Я иду по темному коридору гостиницы, спускаюсь на первый этаж и выхожу за пределы здания. Около гостиницы расположены несколько лавочек, я сажусь на одну из них. Закуриваю сигарету и с жадностью делаю каждую затяжку. Тишина. Я не знаю, сколько сейчас времени, но город кажется совсем пустым. Лишь изредка проезжают машины.

Закрываю глаза. Последняя ночь в Калифорнии. И где-то там, в десятках километрах от меня, спят Стив, Джей и Алекс. Внутри все сжимается, когда я вспоминаю о них. Как бы то ни было, мне с ними было хорошо, и я не жалею, что познакомилась с ними. На мгновение представляю, что бы было, если мы не поехали на встречу к Дезмонду. Мы бы остались в нашем теплом убежище. Я и Ребекка готовим на кухне ужин для ребят. Джей смеется над нашей с Беккс неуклюжестью, Стив подходит ко мне сзади и медленно обнимает, целуя мою шею, а Алекс сидит на диване и как наш «вожак» наблюдает за всем происходящим.

Открываю глаза. Возвращаюсь в реальность. Я уеду завтра домой и еще неизвестно, что меня там ожидает. Парней ждет «хороший» срок, а Ребекка... осталась лишь в моих самых светлых воспоминаниях.

– Ты когда-нибудь перестанешь сбегать?

Я оборачиваюсь и вижу рядом со мной отца, который уставился на сигарету в моей руке.

– Прости... да, пап, я курю. Отшлепаешь меня за это? Он молча берет сигарету из моих рук и кидает ее в урну.

– Пойдем спать. Завтра будет тяжелый день.

Люди бегут толпами, волоча за собой огромные чемоданы. Слова диктора аэропорта кажутся мне неразборчивыми и доносятся до меня лишь громким эхом. Я иду «на автопилоте». Просто дала сама себе команду: «Так надо. Делай все, что они говорят». Передо мной идут двое вооруженных сопровождающих в форме, позади меня плетутся Нэнси и отец. Проходящие мимо меня люди, несмотря на суету и бешеную беготню в аэропорту, успевают озарить меня недоумевающим взглядом, полным любопытства или осуждения.

Но мне все равно. Я лишь подчиняюсь ситуации. Иду молча, как можно реже смотрю по сторонам, не привлекая к себе внимания. Несмотря на мое внешнее фальшивое спокойствие, внутри меня все бушует. Я представляю, как вырываюсь из своих невидимых «кандалов» и бегу, настолько быстро, насколько мне предоставляют это мои силы. Я бегу, в надежде, что я все еще смогу увидеться с ребятами. Бегу и смеюсь, мимолетом глядя в лица ничего не соображающих прохожих. Бегу и уже предвкушаю свою свободу.

Но я вновь возвращаюсь в реальный мир. И мне становится очень горько на душе.

Полчаса в зале ожидания, затем диктор оповещает нас о том, что производится посадка на рейс № 180 «Палм-Спрингс – Майами». Вот и все. Пройдет несколько часов, и я снова окажусь во Флориде. Удивительно, но мне кажется, что я не была там целую вечность. Да я бы еще столько же туда не возвращалась. Мне противен мой город, люди, проживающие в нем. Вспоминаю, как мы с музыкантами каждый день колесили по разным незнакомым городам. Слезы снова на глаза наворачиваются. И уже сидя в самолете, я не могу совладать со своими эмоциями. Я как могу, скрываю слезы, но они то и дело, что скатываются с моих покрасневших щек. Руками цепляюсь за сидение, закрываю глаза и снова настраиваю себя на «спокойствие». Так нужно, Глория, ты просто должна это вынести.

* * *

Меня разбудили уже на посадке. Спросонья я еще мало что понимаю. Но, наконец, мое сознание стало на тропу пробуждения – я дома. Вернее, еще несколько часов и я буду в Бревэрде. Внутри меня что-то перевернулось. Так больно осознавать, что я снова здесь.

Полицейские сопровождают нас до самого дома. Внезапно мы слышим какой-то шум за пределами автомобиля. Я смотрю в окно и вижу толпу журналистов, корреспондентов с огромными фотоаппаратами, диктофонами, видеокамерами и микрофонами. Я нервно улыбаюсь. С ума сойти, из всего того, что произошло, эти клоуны устроили настоящий цирк. Для них мое исчезновение и смерть Ребекки это лишь новая статья в их идиотских газетах и приличный гонорар. Господи, как же мерзко.

Отец выходит первый, вместе с ним двое полицейских.

– Вы Дэвид Макфин? Как вы прокомментируете ситуацию, в которую ввязалась ваша дочь?

– Вы знаете, кто именно убил Ребекку Донелл?

– Глория Макфин и Ребекка Донелл были в рабстве?

– Пошли все вон отсюда! – кричит отец. Полицейские начинают всех расталкивать.

– Так, Глория, сейчас мы с тобой вместе выходим и быстро идем к дому. Только не останавливайся, хорошо? – спрашивает Лоренс.

– Да.

Я и Нэнси вылезаем из машины и быстрым шагом направляемся к дому. В глазах мелькают

яркие ослепляющие вспышки от фотоаппаратов. В ушах стоит гул от голосов журналистов. На секунду я теряю свою ориентацию, но рука Лоренс помогает мне не упасть. Мы заходим домой. Я пытаюсь отдышаться.

– Кошмар какой-то, – говорит Нэнси.

– Закрой дверь на замок, не хватало, чтоб они еще в дом вломились, – говорит отец, задерживая шторы.

Вот они, мои родные стены. Мой дом. Вспоминаю, как мы ночевали на улице, на холодной влажной земле, и знаете, я бы вновь это перенесла, но ни за что бы не вернулась домой. Медленно поднимаюсь по лестнице. Захожу в свою комнату, закрываю дверь.

Смотрю на свою кровать. Солнце пробивается сквозь закрытое окно, освещая нежный тон обоев и оставляя блики на шкафу. На мгновение мне показалось, что я никуда и не убегала. Что это лишь был сон, с которым я так сильно не хотела расставаться. Опираюсь спиной о стену и медленно скольжу вниз, поджимая под себя колени. Ну что ж, а теперь начнется мое самое главное испытание. Остается несколько жалких дней моей жизни, и я обязана не сорваться и пережить их.

* * *

Мы сидим в гостиной, передо мной стоит высокая женщина в строгом черном костюме. Я уже чувствую, что этот разговор будет не из легких.

– Меня зовут Кейт, я инспектор по делам несовершеннолетних. Теперь, Глория, мы будем с тобой видеться довольно часто, – женщина присаживается на стул и смотрит прямо мне в глаза своим суровым взглядом, – вы уже наняли адвоката?

– Еще нет, – отвечает отец.

– Ну что ж, тогда перейдем сразу к делу. Дэвид, ваша дочь совершила такие правонарушения, как продажа и хранение наркотиков, а также участие в разбойных нападениях. Как вы понимаете, это все очень серьезно. Поскольку Глории еще нет восемнадцати, то ей светит отбывание срока в колонии для несовершеннолетних, а затем, если так решит суд, ее направят в так называемую колонию для взрослых.

Если все-таки судьи сжалятся над вами, и ей назначат условное наказание при домашнем аресте, то и это не изменит ваше положение. Дело в том, что с любой судимостью у вас возникнут проблемы при поступлении в любой университет Соединенных Штатов. Также ни один нормальный работодатель не захочет видеть в своем руководстве такого работника.

– Простите, но зачем вы нам это говорите? Разве так вы должны разговаривать с несовершеннолетними детьми? – вмешивается Нэнси.

– Это уже не дети. Это будущие заключенные. Если бы вы знали, сколько таких же подростков сидело тут передо мной. И все они, как один, думают о том, что их никто не понимает и какая же у них тяжелая жизнь. Да вы еще не знаете, что такое настоящая жизнь, что такое настоящие проблемы! И в итоге вы делаете больно себе, своим родителям и другим ни в чем неповинным людям.

– ...вы правы, – спокойно говорю я.

Кейт, видимо, не ожидала от меня такого ответа. Ее выражение лица вмиг меняется со строгого в более мягкое.

– Очень хорошо, что ты это осознаешь... Глория, я вижу, что ты умная девочка, ты просто оступилась. И поэтому, я хочу тебе помочь.

– Как же?

– Мы можем повернуть всю ситуацию вспять. Нам нужно выставить тебя жертвой. Ты всего лишь должна подписать заявление, в котором ты подтверждаешь то, что Алекс Мид и остальные его сообщники заставляли тебя продавать наркотики. Что они угрожали тебе. Тогда срок отбывания в тюрьме для этой банды увеличится, а тебя оправдают.

– Да, это было бы замечательно, – говорит Нэнси, – вы только посмотрите, что эти сволочи с ней сделали, они избивали ее каждый день.

– Это не они! – вырывается у меня, – это не они...

– А кто же, Глория? – спрашивает Кейт.

– ...я знаю только его имя, Дезмонд. У него огромная банда, и это они на нас напали... Это они убили Ребекку.

– Глория... если честно, полиция не будет искать никакого Дезмонда. Сейчас все вертится вокруг тебя и этих музыкантов-наркодиллеров.

– Но почему?! Почему вы не ищите того, кто действительно виновен?

– Глория, послушай меня. Ты хочешь сесть в тюрьму? А ты представляешь, что ждет тебя после нее? Ты станешь отшельником, без образования и денег, в то время, как все твои сверстники уже обзаведутся семьями. Все, что ты должна сделать, это подписать заявление. Только так ты можешь спасти себя.

У меня пересыхает во рту, и на несколько минут я теряю дар речи. Внутри все клокочет. Все смотрят на меня и ждут моего ответа, а я... я не знаю, что мне делать. Лишиться свободы или предать тех, кого я любила? У меня темнеет в глазах, мне плохо. Каждую секунду обдаёт жаром. Решай, Глория, решай же! Наконец, я беру себя в руки и принимаю решение.

– Нет. Я не буду ничего подписывать. Я все это делала по своему согласию, никто меня не заставлял, и я готова понести за это наказание, – отчеканиваю я.

– Прошу прощения, можно мы отойдем с Глорией на пару минут? – спрашивает дрожащим голосом Нэнси.

– Конечно.

Лоренс берет меня за руку и силой выводит из гостиной. Когда мы оказываемся за закрытой дверью, она вцепляется за мои плечи и смотрит мне в глаза.

– Что ты делаешь? Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?!

– Понимаю.

– Ни черта ты не понимаешь! Глория, одумайся, ты в один момент можешь сломать всю свою жизнь!

– И пусть. Но я ни за что не буду клеветать на людей, которые ничего плохого мне не сделали.

– Что?! Ничего плохого? Да они втянули тебя в эту «грязь», Глория!

– Да, но они подарили мне другую жизнь, и я бы все на свете отдала, чтобы вернуться к ним.

Я возвращаюсь в гостиную. Отец стоит в стороне и делает вид, будто я посторонний человек и что его совсем не интересует, что со мной теперь будет. Хотя нет. Он не делает вид. Ему действительно все равно. Поражаюсь тому, что Нэнси, совсем чужому человеку, моя судьба безразлична, а моему отцу «по барабану». Внутри аж жжет от ненависти и обиды.

– Ну что, Глория, ты поменяла свое решение? – спрашивает Кейт.

– Нет, не поменяла.

– ...хорошо. Я пыталась тебе помочь, так что моя совесть чиста. У вас осталась ровно неделя до судебного заседания, за это время вы должны как следует подготовиться, – инспектор встает со стула и вновь смотрит на меня, – да, кстати, калифорнийские полицейские при обыске вашей машины кое-что нашли, – она роется в черном пакете и что-то достает, – это твое?

В ее руках моя сумка, в которой находятся деньги и мой дневник.

– ...да.

– Держи, следствию это не понадобится. Мы все направляемся к выходу.

– Теперь ваш дом под охраной. Выход за его территорию так же осуществляется с нашими сопровождающими во избежание побега. Всего доброго.

Кейт садится в машину и уезжает. Около нашего дома стоят несколько охранников. Один возле входной двери, два других напротив выдвижных ворот.

– Дэвид, почему ты молчал?! Почему ты ничего не сказал, когда она приняла такое решение?

– ...она уже взрослая. Это ее жизнь, – говорит отец и затем заходит в дом, Нэнси следует за ним.

Я все еще стою на крыльце, крепко держа свою сумку. Я подписала себе приговор. Неужели я это сделала? Ведь я всегда считала, что тюрьма это в сто раз хуже смерти. Как только я произношу про себя слово «тюрьма», у меня внутри все съеживается.

– Глория Макфин? – тихо говорит мне охранник. На секунду я растерялась.

– Да..

– Алекс Мид просил передать вам это, – человек в форме достает из кармана небольшой конверт.

– Алекс?..

– Если кто-нибудь узнает, что я передал тебе это письмо...

– Я никому не расскажу, – я хватаю конверт и быстро захожу в дом.

Алекс передал мне письмо при помощи полицейского? Но как?.. Хотя, что я удивляюсь, это же Алекс. Он может заставить каждого подчиниться ему, руководствуясь своими связями. Я крепко сжимаю конверт. Мне сразу становится так тепло и легко, будто он и остальные ребята рядом со мной. Я поднимаюсь в комнату, и меня начинает раздражать от любопытства, что же написано в этом письме.

* * *

Лежу на кровати и вспоминаю, как ровно сорок семь дней назад, до того, как я решила поставить себя «на счетчик», лежала так же на кровати, разглядывала потолок и думала о всякой ерунде, например, о Мэтте и о том, в каком платье я пойду на очередную тухлую вечеринку. Господи, неужели я такой была? Мелкой и глупой. Хотя... можно подумать, что сейчас что-то изменилось.

Неожиданный стук в дверь прерывает мои мысли.

– Глория, ты спишь? – слышу я голос Нэнси. Пожалуйста, ничего не отвечай, пожалуйста!

– Нет, – выдыхаю я.

– Тогда открой дверь, к тебе кое-кто пришел.

Мне становится не по себе. И кто же этот «кое-кто»? Бабушка?.. или мама? Мне сейчас вообще не хочется никого видеть. Но я все же подхожу к двери и открываю ее. Передо мной стоит... Чед. В руках он держит букет алых роз, на лице смущенная улыбка. Вспоминаю, как совсем недавно я сбежала от него, а потом он являлся мне почти что каждую секунду. Так трудно было выкинуть его из головы, и теперь он снова стоит здесь передо мной, но уже реальный. Я глазам своим не верю.

– Привет, – говорит он, улыбаясь, затем делает шаг вперед и обнимает меня.

Я до сих пор не могу отойти от шока, поэтому не обнимаю его в ответ, а всего лишь стою,

как вкопанная. – Чед... – шепчу я.

– Я так боялся, что больше не увижу тебя. Это тебе, – Чед протягивает мне букет.

– ...спасибо. Ну, проходи.

Наступает минутная тишина. Чел закрывает дверь и садится рядом со мной на кровать. Даже и не знаю, что сказать ему. Волнение смешивается со страхом и неожиданностью.

– ...ты до сих пор злишься на меня? – спрашивает он.

– Нет, Чед. Конечно, нет, я очень рада, что ты пришел.

Он подсаживается ко мне еще ближе и берет меня за руку.

– Представляешь, я все это время почти не спал, а если и засыпал, то мне снилась ты, – мои щеки начинают гореть, – можно я еще раз тебя обниму?

Я улыбаюсь и на этот раз тоже его крепко обнимаю. Совсем не замечаю, как мои глаза снова на мокром месте.

Чед смотрит на меня и большим пальцем осторожно проводит по щеке, которая вся в мелких ссадинах.

– Это они сделали?

– Да пустяки, заживет.

Раны от соленых горячих слез начинают щипать.

– Что теперь с тобой будет?

– Не важно. Я сама во всем виновата, теперь главное это все вытерпеть.

Закрываю глаза и начинаю всхлипывать от слез.

– Прощу тебя, не плачь. Сейчас ты не должна падать духом.

– У меня не получается... Они убили Ребекку.

– ...я знаю. По новостям уже сообщили. Послушай, ты – сильная, ты должна с этим справиться.

Чед прижимает меня к себе, мы соединяемся лбами, находимся настолько близко, что я чувствую его дыхание на своих губах. Затем я чувствую, что он вот-вот меня поцелует, поэтому я резко отталкиваю его от себя.

– Не надо, Чед, – я встаю с кровати.

– Прости, – смущенно говорит он, – ...я буду приходить к тебе каждый день, я не хочу оставлять тебя здесь одну.

– Знаешь, я думаю, будет лучше, если ты вообще сюда больше не будешь приходить.

– ...почему?

– Потому что я так хочу, – резко отвечаю я, – я уже испортила жизнь одному хорошему человеку, и я не допущу, чтобы это повторилось снова.

– Но Глория, я... – Чед...

– Я люблю тебя.

– Ты должен кое-что знать..

– Ты не можешь испортить мне жизнь, ты и есть моя жизнь.

– Замолчи! – не выдерживаю я, – выслушай меня!.. я спала с другим. И знаешь, мне понравилось. Я даже не думала о тебе, мне было настолько с ним хорошо, что я вычеркнула тебя из своей жизни, – мой голос дрожит, чувствую, что еще немного и я начну задыхаться от этой лжи.

– Зачем ты врешь?

– Я не вру, Чед. Это правда. Если ты думаешь, что я все та же Глория, которую ты знал раньше, то ты глубоко ошибаешься. Той Глории больше нет, она умерла, а вместе нее теперь я. Гадкое и мерзкое существо. Я использовала тебя, Чед. Глупенький мальчик, который бесплатно доставлял мне удовольствие. Неужели ты думал, что я буду с тобой? – я громко смеюсь, – да ты

посмотри на себя, ты же жалкое посмешище! – я смотрю в лицо Чеда и продолжаю смеяться. Я вижу, как ему неприятно это слышать, да что там говорить, мне и самой больно от этих слов.

Он подходит ко мне.

– ...а я все равно буду приходить к тебе, – говорит Чед и уходит.

Я закрываю лицо ладонями, дабы еще сильнее не разрыдаться. Я ему столько всего наговорила, но он все равно не отказался от меня. Ты все правильно сделала, Глория. Рано или поздно он поймет и забудет тебя. Он слишком дорог мне, и уж лучше пусть возненавидит меня, чем будет из-за меня мучиться.

На кровати все еще лежит его букет. Я беру его в руки, достаю из блестящей шуршащей упаковки. Шипы больно внедряются в мои забинтованные ладони.

Я подхожу к окну, открываю его, вижу, как Чед выходит из моего дома и направляется к воротам.

– Чед!

Он поднимает голову и смотрит на меня. Я замечаю на его лице улыбку, но она вмиг ускользает, когда я швыряю охапку роз вниз. Его глаза начинают блестеть... от слез? Я закрываю окно. Прости, Чед. Прости.

* * *

Вечер. Я, папа и Нэнси сидим, медленно уплетая ужин. Мертвая тишина. Каждый пытается сделать вид, что у нас пока все хорошо. Но все мы прекрасно знаем, что нас не все хорошо. Мы лишь играем в мнимое спокойствие. «Быстрее бы отужинать, подняться к себе в комнату и не видеть никого», – проносится у меня в голове.

– Завтра будут похороны Ребекки, – говорит Лоренс. Я чуть не подавилась непрожеванным куском мяса.

– ...я не пойду.

Как только представлю, что увижу ее маленькое хрупкое забальзамированное тельце, закрытые глаза, которые больше никогда не откроются и скрещенные на груди руки, у меня мурашки бегут по коже. Нет, этого я точно не вынесу.

– Глория, я понимаю, тебе очень тяжело, но потом ты не один раз пожалеешь, что не проводила ее в последний путь.

– Я не пойду, – повторяю я.

– ...как знаешь.

Я вздрагиваю, когда слышу, как кто-то звонит нам в дверь. А это еще кто?

– Пойду открою, – говорит отец и направляется к двери.

– Дэвид... – узнаю этот родной голос.

– Здравствуй, Корнелия. Здравствуй, Макс.

Я встаю из-за стола, бабушка подбегает ко мне.

– Глория, детка! – мы бросаемся друг к другу в объятия.

– Привет, бабушка.

– Как же я по тебе соскучилась, – бабушка осматривает меня жалобным взглядом, – Боже... что они с тобой сделали? Вы водили ее к доктору?

– Нет. Я осмотрела ее, у нее лишь небольшие гематомы и ссадины. Все будет хорошо.

– А мы тебе кое-что принесли, – говорит Макс.

– Да, мы с Максом купили тебе небольшой подарочек, захотели порадовать тебя, – бабушка дает мне в руки подарочный пакет, я достаю белую блестящую коробочку.

– Что это? Телефон?..

– Да, последняя модель. Сейчас все знаменитости с такими ходят. Но это еще не все.

Я достаю еще одну коробочку.

– Видеокамера, – с улыбкой говорю я, – я давно о такой мечтала.

– Я помню. Вот видишь, я еще не такая старая.

– Спасибо, бабушка, но не стоило.

– Так, прекрати. Неужели я не могу порадовать свою любимую внучку?

– Пойду, отнесу все это в комнату.

Я поднимаюсь наверх, кладу подарки на тумбочку. Моя наигранная улыбка быстро исчезает.

«Так, Глория, иди и сделай вид, что ты счастлива. Хотя бы попробуй», – приказываю себе я. Выхожу из комнаты, дохожу до лестницы и останавливаясь, слыша разговор Нэнси и бабушки.

– Корнелия, нам нужна ваша помощь.

– Что такое?

– Дело в том, что осталась лишь неделя до суда, и нам срочно нужен адвокат. Это должен быть хороший, надежный человек, который сможет хоть как-то смягчить срок Глории. Я думаю, у вас много связей и это не доставит вам особого труда.

– ...прости, Нэнси, но здесь я ничем не смогу вам помочь.

– Почему?

– Видишь ли, у меня сейчас не так много клиентов и перед тем, как подписать контракт, они придираются ко всему, даже к моей внешности, образу жизни и... семье.

– Корнелия, а причем здесь это?

– Притом, что если я буду копаться в этом деле и они узнают, что моя внучка спуталась с наркочеловеками, то им это не очень понравится, так что здесь я бессильна.

У меня челюсть отвисла. Не могу поверить, что это говорит моя бабушка. Человек, который был моей последней надеждой. У меня даже голова закружилась, от услышанных слов.

– Ясно... – говорит Нэнси, – хотя нет, ничего мне не ясно. Господи, Корнелия, вы вообще понимаете, что вы говорите?! Неужели вам какие-то вшивые контракты важнее, чем родная внучка?

– Конечно, нет, Нэнси. Но я не могу так жертвовать своей карьерой. А почему Дэвид не может заняться ее делом?

– Я обычный юрист, если вы забыли, я не имею права быть защитником обвиняемого в уголовном процессе.

– Тогда почему бы вам не обратиться в любую адвокатскую контору?

– Да вы сами прекрасно знаете, что им важны лишь деньги, а не человеческая судьба!

– Я люблю Глорию, и я стараюсь ее поддерживать.

– И как вы ее поддерживаете? Новым телефоном и видеокамерой? Да она скоро может оказаться за решеткой, вы это понимаете?!

– Не говори со мной в таком тоне!

Кусаю губы, сжимаю кисти в кулаки, чтобы почувствовать боль. До такой степени обидно, что хочется биться головой о стену. Такое ощущение, что там сидит не моя бабушка, а совершенно чужая женщина. В глубине души я надеялась на нее, думала, что она сможет помочь мне, но моя любимая бабуля просто плюнула мне в лицо. Нет ничего хуже, когда родные люди тебе перекрывают кислород. Мне надоело терпеть. Мне надоело притворяться. С меня хватит!

Я спускаюсь вниз и направляюсь на кухню.

– Бабушка... я думаю, тебе лучше уйти.

– Глория, ты все не так поняла.

– К сожалению, я все правильно поняла. Прости меня, бабушка. Прости за то, что я жива. А

то ведь если бы меня убили, то твои клиенты наверняка бы сжалились над тобой и подписали все твои контракты. Прости меня, пожалуйста. Прости, что я стою тут перед тобой, – у меня вновь начинается истерика.

– Глория...

– А теперь убирайся вон! – кричу я.

Я разворачиваюсь и бегу по лестнице в свою комнату.

Дневник.

Думала, что уже никогда не подержу тебя в руках. Пишу сейчас эти строки кривым ужасным почерком, потому что руки совсем не слушаются меня. С большим трудом держу ручку. Но мне нужно выплеснуть все, что сейчас во мне.

Теперь я одна. Я действительно одна, и этого я боялась больше всего. Моя жизнь разорвана в клочья, и это я не преувеличиваю. Отец смотрит на меня с презрением. Конечно, я же позор семьи. Все только и говорят обо мне. Точнее осуждают меня. Бабушка тоже от меня отвернулась. Ну, это неудивительно, кому нужна такая внучка, как я? Одна огромная обуза. Просто знаешь, дневник, мне казалось, что семья, это те люди, которым наплевать, нищий ты или богатый, которые всегда будут с тобой, в любую минуту поддержат, каким бы ты ни был. Убийцей, вором, для своей семьи ты всегда будешь милым и хорошим человеком, которого они знают.

Но это точно не про мою «семью». И от этого мне становится еще хуже.

Больше всего на свете мне жаль Нэнси. Этот человек поистине светлый и добрый. Мне очень жаль, что она оказалась среди нас. И что теперь она мучается из-за меня. Нэнси этого не заслуживает.

Мама даже не позвонила нам, я прекрасно понимаю, что она в клинике, но неужели ей не хочется услышать мой голос? Черт возьми, неужели ей настолько плевать на меня?!

В общем, дневник, я не знаю, зачем я вернулась. Меня здесь никто не ждал. Я здесь никому не нужна.

А в прочем, как всегда.

Осталось три дня.

Смогла сомкнуть глаза лишь тогда, когда начало светать. Всю ночь я терзала себя мыслями о том, что произойдет со мной спустя эти дни. Меня бросает то в жар, то в холод. Я знала, что этот выбор не будет для меня легким. Знала и все равно пошла на это.

Еле поднялась с кровати. Захожу в ванную, привожу себя в порядок. Шов на боку почему-то начал периодически побаливать. Мне это совсем не нравится. Дышать стало еще труднее. Смотрю в зеркало. «Глория, погляди, на кого ты стала похожа? И сколько же ты бед принесла людям. И ты до сих пор думаешь, жить тебе или умереть? Идиотка!», – проносится у меня в голове.

Захожу на кухню, Лоренс орудует над плитой.

– Доброе утро, – говорю я. Нэнси поворачивается ко мне.

– Доброе утро, Глория. Выспалась?

– Ну... есть немного.

– Как себя чувствуешь?

– ...нормально, пойдет.

– Садись, позавтракай.

Я присаживаюсь за стол, Лоренс ставит передо мной тарелку омлета с ветчиной и апельсиновый сок.

– А где папа?

– Он с утра пораньше поехал в адвокатскую контору. Пообещал найти самого лучшего адвоката. Так что мы можем справиться и без помощи Корнелии.

– Можно подумать, мне это поможет, – с усмешкой говорю я.

– Конечно, поможет. Нужно только в это верить.

Я беру ножик и вилку, кисти рук дрожат и совершенно не поддаются мне. Замечаю, как Лоренс в прихожей несколько минут вертится у большого зеркала, затем облачается в черный плащ и берет в руки такого же цвета клатч.

– А ты куда? – спрашиваю я.

– ...на похороны Ребекки. Сглатываю огромный ком в горле.

– Ясно.

– Ты точно не пойдешь со мной?

– Точно, – едва сдержав слезы, говорю я.

– Ну, может быть это и к лучшему. Ты и так столько всего пере жила... – сделав минутную паузу, Нэнси продолжает, – если что, звони мне. Хорошо?

– Да...

После того как Лоренс захлопнула дверь, я вновь поддаюсь своим эмоциям. С трудом сжимаю кисти в кулак, зажмуриваю глаза, горячие слезы скатываются с щек. Нет, я не пойду. Прости, Беккс, но я не пойду. Прийти на эти похороны – это означает отпустить тебя... Навсегда. Я не готова к этому. Прости.

В голове даже до сих пор не укладывается – «похороны» и «Ребекка».

* * *

Нахожу в себе силы и, наконец, успокаиваюсь. Так, Глория, тебе осталось уже всего ничего, а ты за эти дни ни разу не навестила свою мать.

Я соскучилась по ее голосу. Хочу ее обнять, но... боюсь. Боюсь увидеть ее снова в окружении тех белых стен. Боюсь взглянуть в ее поникшие глаза. Но как бы то ни было, я обязана ее навестить.

Несколько минут роюсь в спальне родителей и нахожу визитку той самой клиники.

Переодеваюсь. Выхожу на улицу. На этот раз всего двое сопровождающих стоят напротив ворот дома. Подхожу к ним.

– Мне нужно в психиатрическую клинику. Вот адрес, – даю в руки полицейского визитку.

* * *

Снова пасмурная, давящая погода. Срывается мелкий дождь. Стою напротив клиники и не решаюсь пока что зайти внутрь. Что я ей скажу? Как я вообще буду смотреть ей в глаза? И как пройдет эта сцена возвращения блудной дочери? Мне не по себе. Но про себя твержу лишь одно – это последняя встреча с моей матерью. Больше я ее никогда не увижу.

– Можно я пойду одна? – спрашиваю я одного из сопровождающих.

– Нам приказано сопровождать вас везде.

– Пожалуйста. Куда я отсюда смогу сбежать?

– ...ладно, даю вам полчаса.

– Спасибо.

Собрав все силы в кулак, захожу внутрь клиники. Останавливаюсь напротив регистратуры.

– Здравствуйте, мне нужно увидеть Джоди Макфин.

Меня окатывают таким взглядом, будто я стою перед ними напроць голая. Хотя, что я удивляюсь. Весь город знает, кто я и что я сделала, поэтому неудивительно, что на меня так смотрят.

– Следуйте за мной.

Спустя несколько минут плутания по клинике меня останавливают напротив двери одной из палат. Я слышу громкий женский смех. Спрашиваю себя: «Неужели за этой дверью действительно моя мама?». Открываю дверь. И в самом деле, мама сидит на кровати. Рядом с ней какой-то мужчина, и они о чем-то разговаривают, попеременно смеясь и перебивая друг друга. Я узнаю ее собеседника.

Фред. Брат моего отца. Тот самый человек, с которым мама изменила папе, тем самым, отомстив ему. С самого начала дядя Фред и папа не ладили друг с другом. Мама рассказывала, что когда они познакомились с папой, Фреду она тоже понравилась, папа это сразу почувствовал. Фред нередко дарил маме цветы и осыпал комплиментами, это, естественно, папе не нравилось, и между братьями постоянно возникали потасовки. После моего рождения папа и дядя Фред вообще перестали общаться. Я узнала о своем дяде только по рассказам матери. Затем, я выяснила, что на протяжении всех этих лет, мама и Фред по-прежнему общались втайне от папы. Отцу, тем временем, наскучила спокойная семейная жизнь и его начали увлекать разнообразные романы на стороне. Мама, узнав вскоре об этом, попросила Фреда вернуться во Флориду. С тех пор в нашей семье и начался раздор. В конце концов, от семьи осталось лишь одно слово. Я стою, как вкопанная, у двери.

– Глория! – говорит мама, подходит ко мне и обнимает меня.

– Привет, мам, – говорю я.

По телу сразу раздается такое приятное тепло, на мгновение я забываю, где я и что вообще со мной происходит.

– Как я рада тебя видеть! – говорит мама.

Фред молча сидит на стуле и наблюдает за происходящим.

– Ну, садись, рассказывай, как прошла твоя поездка? Дэвид сказал, что ты со своим классом поехала в какое-то путешествие, да?

Я, честно сказать, ошарашена этим вопросом. Мама не знает, что со мной произошло? Папа соврал ей? Ну что ж, значит, так надо. Придется мне продолжить этот миф.

– ...Да, это так. Мы ездили... в одно прекрасное место.

– Здорово! Фотографии принесла?

– ...Нет, забыла.

– Ну ничего страшного, в другой раз.

– ...А ты что, совсем не смотришь телевизор?

– Ты что? Какой телевизор? Мне запрещено выходить в Интернет и даже читать некоторые журналы, потому что это неблагоприятно действует на психику, а мне теперь ее нужно беречь.

Все понятно, неудивительно, что она не в курсе того, в какую ситуацию я влипла.

– Я вижу, тебе уже лучше.

– Да, и мой доктор сказал, что меня скоро выписывают. Еще он сказал, что мне нужно сменить обстановку, поэтому после развода мы с Фредом, как и планировали, переезжаем в Калифорнию.

– ...Вы с Фредом?.. А я?

– А что ты? Ты останешься жить с отцом. У вас ведь с ним такие прекрасные взаимоотношения.

«Прекрасные взаимоотношения»... мне так сильно захотелось рассмеяться.

– ...Ну, да, – на несколько секунд я забываю о том, что меня ждет уголовный срок, и мне становится так колко на душе от маминых слов, – ...просто у папы теперь своя семья, и я думала, что мы будем жить с тобой вместе...

– А у меня теперь своя семья, Глория. Я хочу начать все заново, с чистого листа. Хочу забыть свое прошлое.

«Забыть прошлое» – это означает забыть и меня. Если бы вы знали, как это тяжело осознавать, что ты являешься не плодом любви своих родителей, а их огромной ошибкой. Как это обидно, когда родители забывают о том, что ты живой человек, что тебе втрое тяжелее расплачиваться за их ошибки. У отца своя семья, у матери своя. А я? Господи, я понимаю, что я почти совершеннолетняя, и большинство моих сверстников живут без родителей, но черт возьми! У каждого человека должна быть своя, пусть и небольшая, но семья. В любом возрасте: в восемнадцать, тридцать, пятьдесят – человек нуждается в поддержке семьи. А у меня ее нет. У меня ничего не осталось, кроме руин воспоминаний.

Я встаю с кровати, направляюсь к двери, но затем снова резко останавливаюсь. Нет, я не могу молчать, просто не могу.

– Мам, а ты не хочешь спросить, откуда у меня все эти шрамы, порезы, синяки? Неужели ты их не заметила?! – я держу перед ней перебинтованные руки.

– Ой, и правда не заметила. А что, с тобой что-то случилось? Ты упала?

Мне снова хочется кричать во всю глотку от обиды. Меня всю трясет, и я молю про себя, лишь бы не сорваться.

– ...Да, я упала. Но это не страшно, – чувствую, как мои веки наполняются слезами, – главное, что у тебя теперь все хорошо... У тебя теперь своя семья... А я... я уже взрослая... зачем мне семья?.. Сама справлюсь, – медленно иду спиной вперед, продолжая смотреть на равнодушный взгляд матери, наталкиваюсь на дверь, нащупываю ручку. – Пока, мам.

Выхожу в коридор. Делаю глубокий вдох. Спокойно, Глория, спокойно. Зато ты теперь точно знаешь, что в мире живых тебя уже ничто не держит. Ничто и никто.

– Глория, подожди, – слышу за спиной мужской голос. Разворачиваюсь, в нескольких метрах от меня стоит Фред. Он подходит ко мне.

– Я думаю, тебе сюда больше не стоит приходить.

– ...Почему?

– А ты что, сама не понимаешь? Лечащий врач Джоди сказал, что ей нужно как можно меньше негативных эмоций. А если она узнает, что ее дочь наркоманка и преступница, то... Ты сама прекрасно знаешь, что произойдет. Так что не приходи сюда... и лучше не звони ей.

Так хочется плюнуть в лицо этому человеку.

– Ух, какие же мы заботливые. А где ты был, дядя, когда моя мать начала запивать свою боль алкоголем? Где ты был, когда она из-за помутнения рассудка начала ходить в секту? Где ты был, когда она чуть не покончила с собой?! Закрой рот и не смей мне указывать... Хотя знаешь, я все равно сюда больше не приду. Так что живите счастливо, нарожайте кучу детишек и подарите им прекрасное детство... Прощайте.

* * *

Сажусь в машину. Закрываю лицо руками, глубоко дышу, лишь бы не поддаться истерике.

– Возвращаемся обратно? – спрашивает сопровождающий.

– Нет. Нужно заехать еще в одно место.

* * *

Ливень. Отдаленные раскаты грома. Но несмотря на это большое скопление людей, облаченные в промокшую черную одежду, стоят полукругом у свежей могилы. На прощание с Ребеккой пришла почти что половина городского населения. Большинство из них даже вживую ее никогда не видели, наверное, только по новостям. Все они пришли сюда, чтобы поддержать мать Ребекки. Выразить свое сочувствие.

Я подхожу ближе к могиле. Начинаю задыхаться от слез. Вот только недавно я слышала ее голос, держала ее за руку, смеялась вместе с ней, а теперь... она лежит под толщей земли. Я закрываю рот рукой, чтобы мои всхлипывания не были такими громкими. Вы не поверите, но мне до сих пор кажется, что там лежит не она, а совершенно другой человек. Я окончательно схожу с ума.

Ко мне подходит Лоренс, она держит большой зонт, под которым мы обе прячемся от холодных капель дождя.

– Ты все-таки решилась прийти, – говори Нэнси.

Да, решилась, потому что перед своей смертью я должна проститься со всеми. Ну, или хотя бы попытаться.

Вижу, как около могилы стоит мать Ребекки. Она уже не плачет. Просто стоит и смотрит на ее памятник. Она так же, как и я, не верит в то, что сейчас происходит.

– Миссис Донелл, примите мои соболезнования, – говорю я. Она медленно поворачивается ко мне. Меня бросило в жар от ее взгляда. Такого взгляда, полного ненависти, я еще никогда не видела.

– Ты... Зачем ты сюда пришла?.. – я молчу. – Зачем ты сюда пришла?!!!

– Миссис Донелл, я...

– Убийца. Это ты убила мою дочь! Это ты должна гнить в этой земле, а не она!

– Миссис Донелл, да что вы такое говорите? – вмешивается Лоренс, но та не обращает на нее внимания.

– Я проклиная тот день, когда моя дочь сплелась с такой потаскухой, как ты! Ты забрала ее у меня. Мою маленькую Ребекку. Убирайся вон! Вон!!!

Я срываюсь с места и бегу. Чувствую, как толпа людей прожигает меня своим осуждающим взглядом.

– Будь ты проклята!!! Будь ты проклята, убийца!

Я бегу. Мне начинает не хватать воздуха. Капли дождя безжалостно бьют по лицу. Я поскользываюсь и падаю лицом на мокрую землю. Заставляю себя подняться. Не обращаю внимания на то, что моя одежда превратилась в комок грязи. Выбегаю за ворота кладбища. Останавливаюсь у какого-то дерева, хватаюсь ладонями за его ствол с такой силой, что впиваюсь ногтями в кору. Кричу. Мой крик смешивается с шумом ливня. И в этот момент я понимаю, что два дня до самоубийства это слишком много. Я не знаю, как пережить эти сорок восемь часов. Они будут самыми невыносимыми в моей жизни.

Дневник, 48 дней назад я поставила себя перед выбором: остаться жить или свести счеты с жизнью. Тогда я даже не подразумевала, что произойдет спустя 50 дней. Все эти «проблемы», которые я переживала на начальном этапе, кажутся мне теперь такими идиотскими. Я сама завела себя в этот тупик. Если бы я вовремя остановилась, то ничего бы этого не произошло. У каждого третьего подростка разводятся родители, и что? Теперь всем им нужно кончать жизнь самоубийством? У каждого встречного человека была неразделенная любовь – но ведь они же нашли в себе силы справиться с этим? Я ненавижу себя за свою слабость. Мать Ребекки права, я действительно убийца. Я сама потянула за собой Беккс. А теперь.., ее нет. Ребекка, моя милая Ребекка, прости меня. Прости за то, что я с тобой сотворила. Я готова заживо зарыть себя в землю, лишь бы искупить свою вину перед тобой.

* * *

– Глория, это Энтони Прайз, твой адвокат, – говорит мне отец.

– Здравствуй, Глория.

Передо мной стоит мужчина лет тридцати пяти в очках на тонкой оправе, в сером костюме. В руках держит небольшой черный кейс и какую-то папку.

– Здравствуйте.

Я, папа, Нэнси и Энтони садимся за стол в гостиную.

– Я уже ознакомился с материалами вашего дела и хочу сказать, что оно довольно-таки непростое.

– То есть, вы бессильны?

– Нет, почему же? Я сделаю все от себя зависящее. Возможно, вас не оправдают, но условный срок вы получите.

– Условный. И сколько это?

– Пять-шесть лет.

На мгновение у меня перехватывает дыхание. Пять или шесть лет без свободы. И после отбывания срока я выйду с пожизненным клеймом «условно-досрочная освобожденная». Боюсь представить, сколько лет дадут ребятам.

– Глория, за распространение наркотиков дают намного больше, плюс ко всему вы еще

участвовали разбойных действиях, что тоже добавляется к вашему сроку.

– А вы можете гарантировать, что ей точно дадут условный срок? – спрашивает папа.

– К сожалению, я не имею права что-либо гарантировать. Я лишь постараюсь добиться этого.

– И сколько это будет стоить?

– Одну секунду, – Энтони достает калькулятор, что-то бубнит себе под нос, набирая цифры, – по нынешним расценкам вот столько.

Энтони показывает отцу сумму. У папы чуть не отвисла нижняя челюсть. Мне становится так неловко за то, что из-за меня ему приходится идти на такие расходы. Папа переглядывается с Нэнси.

– Дэвид, какая разница, сколько это стоит? Главное, чтобы все получилось.

– Вот именно, – говорит адвокат.

– Хорошо, мы согласны.

– Нет! – как можно громче говорю я, – мы не нуждаемся в ваших услугах.

– Глория... – говорит Нэнси.

– Зачем платить этому человеку столько денег, если... если все это впустую?! Зачем?

– Глория, есть большая разница между условным сроком и реальным, – говорит Энтони.

– Мне плевать. Для меня это ничего не решит. Пусть мне дадут обычного бесплатного адвоката, а вы... вы можете идти.

– Ну, что ж, как вам угодно, – Энтони направляется к выходу, но перед этим оставляет папе визитку. – Если что, я всегда рад вам помочь.

Нэнси, тяжело вздохнув, выходит из гостиной, оставляя нас с отцом наедине.

– Глория, когда ты, наконец, поймешь, что все это по-настоящему? Что там, на суде, никто не будет смотреть в твои красивые глазки и не сжалится над тобой?

– Папа, мне не нужна их жалость. Какая разница, через сколько лет я выйду? Я все равно останусь для всех отбросом общества, позо ром, осужденной. Так что пусть все будет так, как оно должно быть.

* * *

Сажусь на диване, обхватив руками колени. Слушаю бессмысленное бормотание диктора по телевизору и одновременно наблюдаю, как капли дождя разбиваются об оконное стекло.

– Глория, мы с Дэвидом едем по магазинам, ты с нами?

– Нет, я не хочу.

– Послушай, тебе нужно развеяться. Сегодня был такой тяжелый день.

– Нэнси, я хочу в последние дни побыть дома.

– ...Хорошо. Кстати, я купила тебе успокоительное, – Лоренс дает мне в руки небольшую баночку с оранжевыми таблетками, – оно поможет на некоторое время избавиться от вредных мыслей и поспать.

– Спасибо.

– Ну что, мы едем? – спрашивает папа. – Да.

Спустя некоторое время Нэнси и папа оставляют меня одну дома.

Открываю баночку успокоительного, высыпаю горсть таблеток в руку и начинаю рассматривать их. Я держу смертельную дозу. Один стакан воды, несколько глотков, и все это закончится. Но я задала себе установку продержаться последние два дня. И я выдержу.

Внезапный звонок в дверь. Скорее всего, папа и Нэнси из-за такой погоды отменили свою

поездку. Отсыпаю таблетки обратно в баночку и направляюсь к двери. Открываю ее и понимаю, что ошиблась в своих догадках.

– Привет, – говорит Чед, – я полностью промок из-за этого дьявольского дождя, поэтому ты обязана впустить меня.

Чед проходит внутрь.

– Я видел, как уехали твои родители. Надолго?

– Не знаю. Чед, что ты хочешь от меня?

– Ничего. Я просто хочу побыть с тобой рядом, пока ты еще здесь.

– ...Ладно, пойду принесу тебе сухую одежду.

* * *

Пока Чед переодевался, я нашла в домашнем баре бутылку вина. Захожу в гостиную, Чед надевает на себя папину рубашку, которая в несколько раз больше него. Отцовские шорты, которые я ему дала, смотрятся на нем, как расклешенная юбка. Смотрю на него, и мне хочется смеяться.

– Ну, как я тебе?

– Отлично, – я приближаюсь к нему, держа в руке бутылку спиртного и один фужер, – смотри, что я нашла.

Наливаю в фужер вино, даю его Чеду. Сама же делаю несколько глотков прямо из горлышка бутылки.

– Я не смог прийти на похороны Ребекки, говорят, что там был почти весь город.

– Давай не будем об этом, ладно?

– ...Глория, я просто не понимаю, почему вы связались с этими музыкантами?

– Знаешь, мы и сами этого поначалу не понимали. Нам даже было страшно, хотели сбежать от них... Но потом все изменилось. Мы привязались к ним, а они к нам. Мы стали одним целым... Путешествовали по разным городам, и нам казалось, что мы одни в этой Вселенной. И потом я поняла, что меня в них привлекает. Свобода. Та легкость, с которой они живут, так заразителна! Здесь все люди куда-то бегут, торопятся, а в нашем мире все совсем по-другому.

– Но ведь они же убийцы!

– Чед, есть люди, которые не убивали, но они гораздо хуже, чем убийцы. Если ты с такими еще не сталкивался, то тебе повезло.

Весь вечер мы говорили обо всем, что у нас обоих накопилось. Я, наконец-то, почувствовала некое облегчение. Как же мне не хватало такого простого общения.

– ...Скажи, Чед, ты можешь мне помочь?

– Конечно, я все, что угодно, сделаю.

– Тогда пообещай, что ты поможешь мне, даже если эта просьба будет из ряда вон выходящая.

– ...Обещаю.

– Хорошо. Для начала, я должна тебе кое-что рассказать.

Я проснулась от того, что кто-то начал трясти меня за плечо. Открываю глаза. Я лежу на диване в гостиной, около меня валяется пустая бутылка из-под вина. Дневной свет раздражает глаза, плюс ко всему, все это сопровождается головной болью.

– Доброе утро, – говорит отец сердитым тоном.

Я протираю глаза и заставляю себя окончательно проснуться.

– Ой, пап, только не начинай. Я просто...

– Просто стало скучно, просто выпила, просто заснула. Все ясно.

– Что тебе ясно? Ну, подумай, я выпила бутылку вина? Я потом лет десять спиртного в рот не возьму.

После моих слов отец еще несколько секунд не мог ничего сказать.

– ...Приведи себя в порядок и иди завтракать.

Дневник, сегодня последний день моей жизни. Сейчас пишу эти слова с идиотской улыбкой на лице. Я приближала этот день, как могла. Я вот он настал.

У меня появился новый выбор: жизнь в тюрьме или же свобода. Я выбираю второе. Смерть – это свобода. Ее у меня уже никто не имеет права отобрать.

Я знаешь, дневник, мне совсем не страшно. Наоборот, я больше всего боюсь суда, тюремной жизни и существования после нее. Страшно представить, что моя жизнь станет еще хуже, чем сейчас.

Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что перед своей смертью я не обниму на прощание Стива, Алекса, Джея. У меня душа болит за них.

Так хотела за эти 49 дней помирить маму с папой, но теперь они окончательно разошлись по своим дорогам. А возможно, это и к лучшему. Я – огромная ошибка родителей, которая до сих пор их связывает. Не станет меня, не станет проблем. Так горько это признавать, если честно. Знаешь, дневник, я все-таки надеялась, что меня хоть кто-то будет оплакивать. Но мама, скорее всего, даже и не узнает о моей смерти, папа немного погрустит, да и смирится. Я даже посторонние люди на моих похоронах не жалеть будут меня, а лишь твердить в один голос: «Так ей и надо, она это заслужила».

Прожила почти семнадцать лет, и что? Никакой пользы, добра никому не принесла, я несусь за собой лишь потери. Я ненужный человек. Мусор, только и всего. Я вот теперь напрашивается вопрос: заслуживает ли такой человек, как я, жизни, или нет?

* * *

Сегодня, на удивление, солнечно, от вчерашней непогоды не осталось и следа. В доме приятный аромат чего-то печеного. Так светло и тепло, впервые в жизни эти стены на меня не давят. Я наконец-то чувствую уют и комфорт в этом доме. Слезы на глаза наворачиваются от того, что сегодня я последний день здесь.

Захожу на кухню. Лоренс в одной руке держит терку, в другой морковь.

– Что готовишь?

– Морковные кексы.

- Гадость какая.
- Пробовала когда-нибудь?
- Нет, – смеюсь я, – но звучит как-то не очень.
- Когда попробуешь, то твое мнение изменится, вот увидишь.
- Давай я тебе помогу.
- Это было бы чудесно, – глаза Нэнси вмиг засияли.

Никогда не готовила вместе с матерью. Меня всегда интересовало это чувство, когда вы со своим родным человеком делаете что-то вместе, смеетесь, помогаете друг другу. И вот теперь я узнаю, каково это. Но вместо моей матери здесь совсем чужой человек. Никогда бы не подумала, что мы с мисс Лоренс, моей ненавистной учительницей по математике, будем вот так стоять на кухне, смеяться и готовить. Мне так тепло рядом с ней. Такую теплоту и заботу я никогда не получала от своей родной матери. Сотню раз пожалела, что не поняла этого раньше.

- Надо же, вы вместе готовите? Сегодня, наверное, снег пой дет, – смеется папа.

Мы подхватываем его смех.

- Нэнси, а что если нам сегодня устроить праздничный ужин? – спрашиваю я.

- У нас есть повод?

– ...Нет, просто хочется какого-то настроения. Тем более мы ни разу не собирались за ужином все вместе, как... как семья.

– Ну, конечно! Я только за. Наготовим кучу вкусностей, а потом можно посмотреть какой-нибудь фильм, – с улыбкой говорит Нэнси.

– Да и я еще хочу пригласить бабушку и Макса. Как-то это неправильно, чтобы мы расставались в ссоре.

- Я согласна с тобой. Я позвоню им.

Громкий звонок в дверь прерывает наш разговор. Я, в полном неведении, кто это может быть, открываю дверь и от неожиданности чуть не теряю дар речи.

- ...Тез? – говорю я.

- Ну, привет, подруга. Закрываю за собой дверь.

Неужели она и правда здесь? Такого я точно не ожидала. Интересно, зачем она пришла? Посмеяться надо мной? Посмотреть, что со мной стало, и вновь доказать, что она лучше? Столько вопросов накопилась у меня в голове. Все еще не могу прийти в себя от того, что она здесь.

- Я не думала, что ты ко мне придешь.

- А я вот решила навестить тебя. Или мне лучше уйти?

– Нет-нет. Подожди секунду, – я подхожу к одному из сопровождающих, – сигареты есть? – он достает из пачки одну сигарету и протягивает ее мне, – благодарю.

Мы с Тезер садимся на ступени крыльца. Я закурываю сигарету, Тез внимательно смотрит на меня.

- Ты куришь?

- Приходится, – улыбаюсь я.

- Да уж, ты совсем изменилась. Такое ощущение, что я тебя лет двадцать не видела.

Я делаю очередную затяжку и виртуозно выпускаю из себя дым.

- А в школе все только о тебе и говорят. Некоторые даже восхищаются тобой.

- А ты из тех, кто осуждает?

- Нет, я сама по себе.

- Не боишься, что они обо всем узнают и отвернутся от тебя?

- Не боюсь, мне плевать, что они обо мне подумают.

- Тогда ты тоже изменилась. Раньше тебя волновало мнение каждой собаки о тебе.

Минутная пауза в нашем разговоре задерживается. За это время я успеваю рассмотреть Тезер. Ее белокурые волосы стали еще светлее. Коротенькая юбочка едва прикрывает тощие ляжки. Кожа рук аж сияет от своей ухоженности. И рядом с ней сидит полная ее противоположность. На моих руках живого места не осталось, поблекшие голубые волосы небрежно собраны в пучок. Вдобавок, я напялила на себя футболку, на четыре размера больше моего, чтоб не стягивала мое тело со шрамами.

— Знаешь, я пришла сюда, чтобы извиниться. Забавно, мы столько гадостей понаделали друг другу, но несмотря на это, когда ты была в розыске... я боялась за тебя.

Я неловко сглатываю.

— ...Правда?

— Да. Даже если бы ты увела у меня сотню парней и наделала бы еще кучу всего, ты все равно будешь для меня не чужим человеком. Так что прости меня.

Я не верю своим ушам. Неужели рядом со мной действительно сидит моя бывшая лучшая подруга? После этих слов, кажется, что я говорю с совершенно другим человеком. Впервые Тезер Виккери в чем-то раскаивается.

— Тез... и ты тоже прости меня, — мой голос дрожит, — я такая идиотка, из-за меня разводятся твои родители.

— Ерунда, на самом деле, — смеется Тез, — конечно, сначала мне было тяжело, но потом я смирилась. Папа оставляет нам дом, машину, каждый месяц будет платить определенную сумму, так что ничего не изменилось.

Груз с моих плеч постепенно исчезает.

— Кстати, я пришла к тебе не одна, — Тез все это время держала в руках большую пластмассовую корзинку с крышкой, когда она открывает ее, мое сердце в одно мгновение замирает.

— Принц! — говорю я и тяну к нему руки.

— Он соскучился по тебе.

— Мой мальчик...

Я уже не узнаю этот крохотный беленький комочек. Он заметно вырос, распушился, поправился. Я запускаю руки в его теплую шерсть и закрываю глаза. Неужели я хоть кому-то принесла пользу? Я спасла жизнь этому крохе, и теперь он живет в сытости и тепле. Она заботилась о нем. Она выходила его. Если честно, я думала, что после нашей ссоры, она выкинет его в отместку мне. Но я, слава богу, ошиблась.

— Это так ужасно. Ребекки больше нет. А я как вспомню, что я с ней сделала, сразу биться головой об стенку хочется.

Мое сердце вновь сжимается. Я решаю как можно быстрее сменить тему для разговора.

— А вы с Адамом встречаетесь?

— Да... у нас все хорошо. Мы даже планируем вместе переехать в Нью-Йорк и поступить там в колледж. Правда, я еще не знаю, в какой именно, но мы с мамой уже купили огромную квартиру в шикарном районе Нью-Йорка.

— Здорово, — с досадой говорю я.

А ведь я тоже, как и все остальные мои сверстники, сейчас бы готовилась к экзаменам, выбирала колледж, но теперь дорога в светлое будущее мне навсегда закрыта.

— Представляешь, я до сих пор не могу определиться со своей профессией. Помнишь, я мечтала стать модельером? Может, мне стоит попробовать, как думаешь?

— Не знаю. Если тебе это нравится, то стоит.

— В том-то и дело, мне это очень нравится, но еще меня привлекает карьера актрисы, по-моему, я бы стала неплохой актрисой.

– Да... – чувствую, что вот-вот слезы посыплются из моих глаз.

– Шонна хочет открыть свой кондитерский магазин. Представляешь? Я так долго смеялась, а она даже на меня обиделась. А помнишь Мэри, ну, ту худышку из параллельного? Так вот, ее пригласили работать манекенщицей в Милан. Вот повезло.

Все. Больше не могу это слушать. Терпение иссякло. У всех нормальная, стандартная жизнь, планы, перспективы. А у меня из-за моей дурости ничего не осталось. Обидно, горько. Но в то же время, понимаю, что я все это заслужила.

– Тез, меня, кажется, Нэнси зовет. Я пойду. Я поднимаюсь со ступени.

– Слушай, я даже ничего не спросила о тебе...

– Давай потом. Мы сегодня устраиваем что-то типа прощального ужина, так что приходите с Адамом.

– Отлично, он как раз хотел навестить тебя на днях. Я касаюсь ручки двери.

– Да, и... заberi его, – я отдаю Принца в руки Тезер, – думаю, ты сможешь о нем позаботиться.

* * *

Папа читает газету, Мы с Нэнси стоим у плиты, готовя говяжьи стейки.

– Вы с Тезер помирились? – спрашивает Лоренс.

– Вроде, да.

– Как хорошо. Я верила, что у вас все наладится. Мне нужно отойти ненадолго, пригляди за стейками.

– Ладно.

Нэнси выходит из кухни.

– До заседания осталось четыре дня, – говорит отец.

– И что?

– За это время Энтони мог бы горы свернуть и найти кучу обстоятельств, чтобы добиться условного наказания.

– Пап, мы же уже обсуждали это.

– Глория, я видел твоего бесплатного адвоката. Он палец о палец не ударит, чтобы спасти тебя.

– И пусть.

– Ты до конца хочешь угробить свою жизнь, да?

– Я уже сделала это, папа.

На нас обрушивается тишина. Последний день с моим отцом. Так хочется много сказать, но язык почему-то не поворачивается. В конце концов, я нахожу в себе силы и говорю то, о чем давно хотела сказать ему, но все никак не решалась.

– Пап, а ты знаешь, что мама и дядя Фред...

– Знаю, – перебивает меня отец.

– И как ты относишься к этому?

– А как я должен к этому относиться? Мы с Джоди считаемся мужем и женой только по документам. У каждого из нас теперь своя жизнь.

– Пап, пообещай мне, что ты не оставишь ее. Звони ей, навещайте ее с Нэнси... Я не доверяю Фреду, с мамой может все, что угодно, случиться.

– ...Обещаю.

Зашторив окна, в полутемной комнате я лежу на кровати, слушаю музыку и вспоминаю, как мы с Беккс пошли на концерт, познакомились с ребятами и уехали далеко-далеко из Бревэрда. Будто переместились в другую реальность. Чувствую на сердце какую-то тяжесть. Лучше бы вообще этого ничего не было. Как бы я хотела избавиться от всех этих воспоминаний, которые только мучают меня, но в то же время хочу, чтобы моя дверь распахнулась, в комнату зашел Стив, назвал меня, как обычно, малышкой, и заключил меня в свои объятия. Сердце на части разрывается от желания снова увидеть его, Алекса, счастливых Джея и Ребекку.

Дверь комнаты открывается, но вопреки моим ожиданиям, на пороге стоит не Стив, а Нэнси.

– Глория, к тебе снова гости.

Я с неохотой поднимаюсь с кровати, затем спускаюсь с лестницы и вижу перед собой человека, которого я точно не ожидала увидеть.

– Привет, Лори, – говорит Мэтт.

Я с небывалым равнодушием, без всякого удивления и радости, смотрю на него.

– Здравствуй.

– Я так рад тебя видеть.

– Да неужели? – с насмешкой спрашиваю я.

Мэтт стал выглядеть гораздо старше. Он сменил стрижку, и теперь от его густой взъерошенной прически не осталось и следа. Легкая щетина на подбородке делает его солиднее. И теперь даже не верится, что этот парень когда-то играл в регби и тусовался на школьных вечеринках.

По сравнению с ним я выгляжу так, словно только что вернулась с вокзальной ночлежки. Представляю, что он сейчас думает обо мне и моем внешнем виде, хотя впрочем, мне абсолютно все равно.

– Мэтт, а может, вы с Глорией поедете куда-нибудь? Ей как раз нужно подышать свежим воздухом, – говорит Нэнси.

– А что, отличная идея.

– Я под охраной, если ты не в курсе.

– Ну, ничего. С ними даже веселее.

Я молча, с показным безразличием направляюсь к выходу.

Едем в машине. За все это время мы еще ни разу не обмолвились словом. А о чем говорить-то? Я даже понятия не имею, зачем он сюда вернулся. Во мне кипит обида. Я так хочу высказать ему все то, что хотела сказать тогда, когда он уехал. Но сдерживаю себя. Снова.

– Почему ты перекрасилась в этот цвет?

– Захотелось. Не нравится?

– Почему же? Ты с ним еще больше необычная. Я лишь фыркаю ему в ответ.

– Что-то не так? Ты не рада меня видеть?

– Очень рада. Может, мне станцевать от радости, чтобы ты убедился в этом?

Мэтт молчит. Наконец-то я добилась этого. Добилась того, что он понял, что зря приехал. Его здесь никто не ждал.

Заходим внутрь кафе. Ища глазами свободный столик, я замечаю, как на меня все уставились. До такой степени мне становится неприятно, что хочется демонстративно развернуться и выбежать отсюда. Но я лишь глубоко вдыхаю, заставляю себя успокоиться и просто терпеть. Снова.

Мы садимся за свободный столик. Мэтт каждую секунду рассматривает меня. А я пытаюсь сделать вид, что ничего не замечаю.

– Как же я соскучился по маленьким кафешкам Бревэрда, – говорит он.

– Конечно, в Канаде ведь совсем все по-другому.

– В этом ты права. Если бы ты знала, как долго я привыкал к ее суровому климату.

– Бедняжка, – ехидно говорю я.

– Лори, скажи честно, ты не рада, что я приехал?

– А что ты хотел, я не пойму? Чтобы я кинулась тебе в объятия и закричала: «О, Мэтт, как хорошо, что ты вспомнил обо мне! Я так соскучилась!»? Зачем ты приехал сюда?

– Когда я увидел тебя в новостях, то чуть с ума не сошел. Я приехал сюда, чтобы увидеть тебя, убедиться, что с тобой все хорошо.

– Со мной все прекрасно, Мэтт. Теперь ты можешь бежать в авиакасса и брать себе билет на ближайший рейс.

– ...Так, ладно, давай закажем что-нибудь.

– Я буду воду.

– Хорошо, я закажу что-нибудь на свой вкус.

Как только Мэтт собрался открыть меню, у него зазвонил телефон.

– Я сейчас.

Он выходит на улицу. Я осматриваюсь вокруг, замечаю, как несколько официантов, стоя за барной стойкой, смотрят на меня и что-то говорят. Люди с соседнего столика периодически поглядывают на меня. Так, Глория, спокойно, не обращай внимания. Как же трудно жить в маленьком городке, где тебя знает каждый встречный, и стоит тебе совершить какой-нибудь проступок, так тебя тут же накроет волна осуждения и сплетен со стороны окружающих. Пропускать все мимо ушей, оказывается, не так-то просто.

Смотрю на самый дальний столик. За ним сидит компания девочек на несколько лет младше меня. До меня доносится их разговор.

– ...И он мне сказал, что мы расстаемся. Вы представляете? Как мне теперь жить?

Я смеюсь. И мне становится так неловко, ведь когда-то я тоже считала это великой проблемой. А теперь... я понимаю, что такое настоящие проблемы. Смерть близкого человека. Потеря семьи. И это жуткое чувство, которого и врагу не пожелаешь, когда все тебя считают изгоем.

Дверь кафе открывается, я разворачиваюсь, в надежде, что это Мэтт, но не тут-то было. В помещение заходит Шонна, подружка Тезер, со своей свитой. К моему огромному сожалению, они замечают меня.

– Смотрите, это же Глория.

Через несколько секунд они уже оказываются около моего столика.

– Привет, Макфин.

– Шонна, давно не виделись.

Она оценивающим взглядом рассматривает каждую деталь на мне.

– Да-а, на кого ты стала похожа? Вы только посмотрите на нее. Не зря же почти весь город говорит о том, что ты – позор Бревэрда, – они все вместе смеются своими писклявыми голосами.

– А я бы на твоём месте так со мной не разговаривала. Знаешь, я неадекватная, могу сделать

все, что угодно, – я встаю, хватаю с соседнего столика нож, все с опаской смотрят на меня, кто-то от страха и неожиданности вскакивает со своего места, – например, перерезать тебе горло, или сначала отрезать твой язык.

Шонна и ее подруги, с выпученными глазами, отстраняются от меня, ни сказав мне ни слова. Я улыбаюсь, бросаю на пол нож и выбегаю из кафе.

– Ты чего? – спрашивает Мэтт.

– Я не могу там больше находиться. Надоело! Все смотрят на меня с таким видом, будто я убила сотню человек. Что я такого ужасного им сделала?

– Успокойся. Какое тебе дело, что они о тебе думают? Давай прогуляемся по парку.

* * *

Мы около часа гуляем по влажной тропинке, среди ярко-зеленой травы и деревьев. В нескольких метрах от нас, сзади, идут мои сопровождающие.

– Уже нашел себе девушку? – спрашиваю я. – Нет.

– Серьезно? Что, в Канаде никто не достоин тебя?

– Не в этом дело, просто я еще никак не могу забыть одну девушку со странным цветом волос, – я улыбаюсь, – а ты, как я понял, развлекалась не на шутку? Сбежала из дома, связалась с бандитами.

– Это было самое лучшее время в моей жизни. Мэтт резко останавливается.

– Лори, ответь мне, только честно, ты сбежала из-за меня?

– Что? – мной овладевает приступ смеха.

– А что я такого сказал?

– Мэтт, я никогда не думала, что ты до такой степени само влюбленный! Ты уехал. Ты сбежал, как самый настоящий трус, в то время, когда меня презирала вся школа. Ты оставил меня одну, когда я нуждалась в твоей поддержке. Если бы ты знал, как низко ты пал в моих глазах. Признаюсь, честно, с того момента я изменилась, пересмотрела свое отношение к жизни, к людям, которые меня окружают, но сбежала я не из-за тебя, Мэтт.

Я просто захотела вырваться. Найти людей, которые меня понимают. И у меня получилось. Но мое счастье было недолгим... Так что возвращайся обратно, Мэтт. Забудь меня, этот дерьмовый город, этих гнилых людей. А я? У меня теперь уже нет выбора. Мне остается только смириться со всем.

Я разворачиваюсь, но вдруг Мэтт резко хватается меня за руку.

– Глория... – он приближается ко мне, одно движение и его губы коснутся моих.

Но я вырываюсь и бью кулаком в его челюсть. Замечаю, как из губы Мэтта пошла кровь. Сопровождающие подбегают ко мне и вцепляются в мои руки.

– Отпустите меня!

– Я в порядке, – еле-как говорит Мэтт.

– Отпустите! – одним резким движением я высвобождаю свои руки. Задерживаю свой взгляд на Мэтте.

– ...Прощай, Мэтт.

* * *

Старательно сервирую стол. Готовлюсь к этому ужину, как к какому-то важнейшему

событию. Хотя это действительно непростой вечер. Когда я думаю о том, что я последний раз вижу своих родных и близких, у меня мурашки бегут по коже. Скорее всего, я до сих пор еще не осознаю, на что я решилась. В голове творится что-то непонятное. И всякий раз, когда ко мне приходит мысль о том, что еще не поздно передумать, не идти на такой шаг, как я снова говорю про себя: «Лишение свободы хуже смерти».

– Глория, зачем ты это сделала? Ты же прекрасно знаешь, что они следят за каждым твоим действием, – говорит Лоренс.

– Знаю. Но я же никого не убила, просто Мэтту следовало не распускать свои руки.

– Я прошу тебя, постарайся вести себя спокойнее.

– Хорошо.

– Я где-то слышала, что если за обвиняемым нет первичного уголовного наказания и каких-либо проступков, то его приговор могут смягчить.

Как же мне надоели эти разговоры про суд, приговор, тюрьму. Каждый раз при упоминании этих слов мое тело содрогается, во рту пересыхает. Всегда, когда смотрела криминальные новости, не завидовала будущим заключенным. Жизнь без свободы – это жалкое существование. У меня и в мыслях не было, что со мной то же самое может случиться. Я гналась за свободой и угодила в клетку.

Звонок в дверь. Бегу в прихожую, открываю дверь, на пороге стоят Тезер, Адам и бабушка с Максом.

– И снова здравствуй, – говорит с улыбкой Тез.

– Привет, – говорит Адам и крепко обнимает меня.

– Глория! – бабушка еще крепче меня обнимает, – не держи на меня зла, умоляю, – говорит она. Я замечаю, как ее глаза заблестели от слез.

– Бабушка, только не это, не плач. Я уже все забыла, – в сердце аж закололо от вранья, – так, проходите все на кухню. Мы с Нэнси весь день готовили, надеюсь, вам понравится наша стряпня.

– Да, мы очень старались.

Все рассаживаются по местам, остается свободным лишь один стул. Не успела я об этом подумать, как входная дверь открывается и заходит отец.

– Я смотрю, вы тут без меня начали веселиться?

– Папа, ну разве мы можем про тебя забыть.

Все смеются, переговариваются. В доме такая теплая атмосфера. Кажется, что я повернула время вспять, ровно на сорок девять дней назад, когда я была обычной школьницей с обычными девчоночьими проблемами. И в следующую секунду на мои плечи словно что-то обрушилось. Я чувствую невыносимую тяжесть. Я вновь вспоминаю, что произойдет завтра. Прикусываю губу, лишь бы не выдать свое состояние. Начинаю фальшиво улыбаться, скрывая за этой улыбкой свою боль. Смотрю на бабушку с Максом, затем перевожу взгляд на папу с Нэнси. Вспоминаю про маму и дядю Фреда. Они такие счастливые. Как бы это ужасно не звучало, но я им завидую. Завидую их свободе. Смотрю на Тезера и Адама. Забавно, но именно я стала их связующим звеном. Если бы не я, они никогда бы не встретили друг друга. Теперь они счастливы, у них появились общие планы на жизнь, и не исключено, что они поженятся. И их любовь будет крепнуть с каждым годом. Вспоминаю, как мы со Стивом мечтали о безмятежной жизни. Помню, как я смеялась, когда он сказал, что хочет детей. Господи... как же воспоминания больно терзают душу.

«Мы счастливы и свободны», – эта фраза не покидает меня. Я до сих пор слышу голос Ребекки. Такой живой, звонкий. До сих пор кажется, что она где-то рядом.

Боже, Глория, что ты с собой делаешь? Зачем ты добиваешь себя этими мыслями? Чувствую,

что вот-вот у меня начнется истерика.

– А после ужина у нас будет семейный просмотр кино. Кстати, вы все можете остаться у нас на ночь. Я уже приготовила вам спальные места, – доносится до меня голос Нэнси.

– Вечеринка на всю ночь? Я люблю это, – говорит Тезер.

– Замечательно! – говорит бабушка.

– Какая вкуснотища, – говорит Макс, дожевывая кусочек стейка.

– Кстати, а что за фильм будем смотреть? – спрашивает Адам.

– Глория, сказала, что она сама выберет. Ведь так? Их голоса проносятся мимо меня.

– Глория? – наконец, голос Нэнси возвращает меня в реальность.

– Что?.. А... Простите, я отойду на пару секунд.

Со скрежетом отодвигаю стул, вскакиваю, и как только пересекаю порог кухни, слезы, как по команде, повалились из моих глаз. Я забегаю в ванную. Зажимаю себе рот обеими ладонями и, в конце концов, поддаюсь истерике. В этот момент я поняла: несмотря на то, сколько раз я говорила, как ненавижу этот дом, отца, всю свою семью, – мне очень больно расставаться с ними. И даже если я не покончу жизнь самоубийством, я все равно расстанусь с этими людьми.

Я слишком поздно начала ценить то, что имею. И от этого мне становится еще больнее.

Дорогой дневник, это моя последняя запись.

Я столько дней провела с тобой, столько историй, мыслей, чувств описала. Только ты один знал, что у меня творится на душе.

Для меня эти 50 дней тянулись вечно. Я не думала, что моя однообразная жизнь имеет столько оборотов.

Знаешь, мне сейчас совсем не страшно. Я хочу лишь одного: чтобы все это, наконец, закончилось.

Я не знаю, есть ли загробный мир, но мне так хочется оттуда, сверху, наблюдать за всем происходящим здесь, на земле. Хочу узнать, как сложится дальнейшая жизнь у папы с Нэнси, у мамы с Фредом, у моих друзей, одноклассников... У Стива, Алекса и Джея.

Я хочу, чтобы после моей смерти этот мир стал лучше.

Прощай, дневник.

Глория, 1996–2013 г.

* * *

По радио играет утренняя бодрящая музыка. Шум тарелок и воды из-под крана наполняет все пространство кухни. Нэнси проснулась раньше всех, ее тело старается двигаться под такт музыки, руки без передышки моют посуду. На секунду ей кажется, что в их доме все прекрасно. Отношения с Глорией наладились, чувства Дэвида растут с каждым днем с новой силой. Из них бы получилась идеальная семья. Но затем Нэнси возвращается в реальность. До суда Глории осталось всего несколько жалких дней. Дэвид на взводе. Осознание жестокой реальности копьями вонзается в сердце Лоренс.

– Доброе утро, Нэнси, – говорит за ее спиной Корнелия. Нэнси вздрагивает от неожиданности.

– Доброе утро. После вчерашнего вечера осталось столько грязной посуды...

– Значит, я не зря проснулась в такую рань. Давай помогу.

– Нет, не стоит. Лучше начните готовить завтрак, а то скоро все проснутся.

– Хорошо.

Корнелия подходит к столу и не перестает смотреть на Нэнси. Перед ней на мгновение предстает образ Джоди. Та несколько лет назад с таким же энтузиазмом возилась на кухне, пылала энергией. И теперь дорога в этот дом для нее навсегда закрыта. Корнелии так тяжело осознавать, что она потеряла свою дочь.

– А я вижу, ты отлично заняла место моей дочери. Нэнси застывает на месте, после услышанных слов.

– Я ничье место не занимала. Просто мы с Дэвидом...

– Просто встретились, влюбились и начали жить вместе, – Корнелия смеется.

– Корнелия, вас что-то не устраивает?

– Успокойся, Нэнси, я не хочу тебе ничего плохого. Наоборот, я хочу, чтобы ты была счастлива. Счастлива, понимаешь? А с этим человеком ты никогда не узнаешь, что такое счастье.

– Дэвид не такой плохой, как вы думаете. Просто у них с Джоди ничего не получилось.

– Ну, конечно, они поженились, столько лет прожили вместе, вырастили дочь и у них ничего не получилось. Дэвид не постоянен, и скоро ты убедишься в этом.

Разговор Нэнси и Корнелии прерывает появление на кухне Тезер и Адама.

– Доброе утро! – говорит Тез.

– Тезер, Адам, садитесь, скоро будем завтракать, – Нэнси была рада тому, что ребята вовремя пришли, разговор с Корнелией она уже просто не могла терпеть.

– Вчера был волшебный вечер, – говорит Тезер, – даже и не думала, что с вами может быть так весело.

– С нами, это с кем? Со старыми перечницами? – спрашивает Корнелия.

– Нет, Корнелия, я не это имела в виду.

– А ты покраснела.

– Черт... – Тезер смущенно смеется.

– Ну ладно, мне все равно приятно.

– Всем доброе утро, – на кухню заходит Дэвид.

– Доброе утро, дорогой, – говорит Нэнси.

– Макс и Глория как всегда бьют рекорды по сну, – смеется Корнелия.

– Пойду разбужу Лори, – говорит Адам.

Парень поднимается по лестнице, подходит к двери комнаты Глории и стучит в нее. Поняв, что ответной реакции ему не дожидаться, Адам открывает дверь.

– Лори... – несколько секунд Адам стоит в ошарашенном виде, – комната пуста.

Адам спускается вниз, направляется на кухню.

– Глория уже проснулась, наверное, она в душе.

– Тезер, ты предупредила маму, что ты у нас? – спрашивает Нэнси.

– Мисс Лоренс, моя мама сейчас на спа-курорте отдыхает после развода.

– Дэвид, а когда вы разводитесь с Джоди? – резко спрашивает Корнелия.

– Через неделю.

– Ты, наверное, очень ждешь этого?

– Корнелия, что опять не так? По-моему, мы уже давно со всем разобрались.

– Да нет, просто все как-то в одну кучу навалилось. Суд Глории, ваш развод с Джоди. Как бы вынести все это...

Неожиданно на кухне появляется Макс, в его руках мокрое полотенце, сам же он одет в позаимствованный халат Дэвида.

– О, все уже в сборе? А я думал, что проснулся самый первый. Увидев его, в голове Адама сразу возник вопрос: «Если Макс был в душе, то где же тогда Глория?»

– Тезер, можно тебя на секунду? Адам и Тезер оказывается в холле дома.

– Что такое?

– Глории нет в своей комнате.

– И что? Значит, она где-то в другой комнате. Тезер заходит в гостиную.

– Лори! – Тезер разворачивается и идет наверх, – в гости ной ее нет.

Адам и Тезер заходят в спальню Нэнси и Дэвида, но их снова ждет разочарование.

– В спальне родителей тоже, – говорит Адам.

– Но не могла же она просто испариться?

– Ко мне на ум приходит другая мысль...

– Какая? – Тезер, не дождавшись ответа от Адама, сама поняла, что он имеет в виду. – Нет, она не могла сбежать. Это невозможно. Их дом находится под круглосуточной охраной.

– Нужно сказать об этом всем.

– Подожди, давай я позвоню ей, – Тезер судорожно набирает номер телефона Глории, но все

безуспешно. Трубку никто не берет.

Тезер быстро спускается по лестнице.

На кухне все сидят за большим столом, о чем-то беседуют, хохочут. Тезер стоит перед ними, смотрит на всех с растерянным видом, во рту пересохло.

– Тезер, что случилось? Вы разбудили Глорию? – спрашивает Нэнси.

– В общем... я даже не знаю, как сказать, но... Глории нигде нет.

– Что значит, нигде нет? – спрашивает Дэвид.

– Мы с Адамом обыскали весь дом, но она словно испарилась.

– О боже... – Корнелия прикрывает рот ладонью, чтобы сдержать свои эмоции.

– Так, давайте без паники, – говорит Макс, – выйти за пределы дома она все равно не смогла бы, так как на выходе стоят копы.

– Тогда где она может быть? – спрашивает Лоренс.

– Я звонила ей на телефон, гудки шли, но звука телефона не было слышно.

– Эй, все сюда! – кричит Адам.

Корнелия, Нэнси, Тезер, Дэвид и Макс одновременно ринулись со своих мест, поднялись наверх и зашли в комнату Глории. Перед ними стоит Адам, в его руках видеокамера, подаренная Корнелией Глории, с приклеенной запиской: «Правда раскроется после нажатия "Play"».

– Похоже, Глория оставила нам послание, – говорит он. Несколько минут требуются Адаму, чтобы подключить USB-шнур к компьютеру. Затем все усаживаются на кровать. Адам нажимает «Play». На экране монитора появляется изображение Глории.

– Всем привет. Вы наверняка задаетесь вопросом: «Где я?», – или же думаете, что я всего навсего вас разыгрываю. Нет, это не розыгрыш. Для начала я вам расскажу одну историю.

Жила-была одна девочка. Она думала, что живет в прекрасном мире, который полон любви, заботы и понимания. В детстве всем кажется, что мир идеален, но вырастая, мы, к сожалению, понимаем, что это не так. Девочка узнала, что такое ложь, предательство, боль. Ей так хотелось обратиться к кому-нибудь за помощью, но все отвернулись от нее. Ее жизнь была похожа на яму, и девочка была на самом дне. Темном и вязком. Другие люди проходили мимо этой «ямы», и никто не обращал внимания на крики девочки. Никто не хотел ей помочь.

И в один момент она решила покончить со всем этим. А вернее, покончить с собой. Но сначала она оставила себе 50 дней жизни. 50 дней, чтобы разобраться в себе, понять, что она ошибается...

Эту девочку зовут Глория. И мои 50 дней уже прошли.

Вы подумаете, что я сумасшедшая, что мне нужно лечиться. И вы будете абсолютно правы.

Знаете, несколько раз мне казалось, что моя жизнь не так уж и ужасна, но я сама себя загнала в тупик. Последней каплей стала смерть одного очень близкого мне человека.

Я не могу жить с таким грузом на сердце. Это очень тяжело. Я каждый раз вижу ее. Она смотрит на меня, прожигает своим взглядом и уходит, ничего не сказав...

Если бы я в тот день не позвала ее за собой, то она бы осталась жива.

Я убийца. Я не заслуживаю жизни на земле. Таких как я нужно расстреливать.

Но я уже выбрала себе приговор.

Я специально вас вчера собрала всех вместе, чтобы провести последние минуты с вами.

Если вы смотрите сейчас это видео, то меня уже нет в живых.

Простите меня, пожалуйста, за все, что я натворила. Я очень хочу, чтобы вы были счастливы. И я прошу никого не винить в том, что со мной произойдет.

Я люблю вас.

Прощайте.

* * *

Видео обрывается. Все присутствующие находятся словно в оцепенении несколько секунд.

– Это что... шутка? – спрашивает Тезер.

– Я вызываю полицию! – Дэвид срывается с места.

– Нет, Дэвид! Ты этим сделаешь только хуже. Мы должны сами ее найти, – почти кричит Нэнси.

– Да что мы сами сделаем?! Мы только упустим время. Нэнси и Дэвид выбегают из комнаты.

– О господи... если с ней что-то случится, я этого не переживу, – Корнелия теперь не скрывает своих слез, ее тело трясет.

– Любимая, успокойся, – Макс обнимает Корнелию, но понимает, что его поддержка бессильна.

– Подождите, вы что, действительно поверили в это?! – кричит Тезер, – да Глория не может покончить с собой. Она не способна на это! Вчера она была такая жизнерадостная, так не может себя вести человек, который планирует покончить с собой! Да и как она могла сбежать? Почему мы этого не заметили?

– Ты что, забыла, с кем она связалась? – спрашивает Адам, – с бандитами. Наверняка, ей не впервой сбежать откуда-то.

Взгляд Тезер падает на маленькую книжечку, лежащую на тумбочке. Тезер берет ее в руки, открывает. В книжечке куча записей. Тезер узнает почерк Глории. Она вчитывается в каждое слово, и ее сердце начинает колотиться, как бешеное.

– Черт возьми...

– Что? – спрашивает Корнелия. Тезер подходит к ней.

– Это ее дневник... Здесь каждая запись о том, как она хочет покончить с собой. Она действительно готовила себя к этому...

* * *

Вожу пальцем по холодным перилам длинного моста. В нескольких метрах от меня стоит компания из трех парней, в руках у каждого по серебристой фляге. Их голоса доносятся до меня негромким эхом. Мой внутренний голос кричит. Кричит от боли и сомнения. Я смотрю вниз, голова кружится от высоты. Шум реки заставляет мое тело дрожать. У меня дежавю, уже который раз подряд я стою на мосту, который раз пытаюсь заставить себя сделать это. Закрываю глаза. Передо мной проносится вся моя короткая жизнь.

Рождество. Подарки родителей. Вспоминаю, как мама с папой целовались при мне, а я закрывала лицо руками. Улыбаюсь и плачу одновременно. У меня ведь были прекрасные моменты в жизни, но почему все пошло не так? Родители. Именно они разрушили мой мир. А теперь мне страшно. Страшно оказаться в неволе. Страшно стать осужденной и нести это клеймо до конца своей жизни.

Нет, Глория. Ты уже давно все решила. Не стоит оборачиваться назад. Один прыжок. Всего лишь один прыжок. НЕУЖЕЛИ ТЫ И НА ЭТО НЕ СПОСОБНА?!

Слышу рингтон своего телефона. Вынимаю его из кармана. Звонит Тезер. Значит, они уже

заметили мое отсутствие. Все, дальше тянуть нельзя. Я кладу телефон на поверхность моста. Вытираю слезы. Подхожу к компании парней, кладу руку на плечо одного из них.

– Угостишь? – спрашиваю я.

– Для тебя все, что угодно.

Он протягивает мне флягу. Я беру ее своей дрожащей рукой и делаю один глубокий глоток. Во рту все начинает неприятно жечь, я издаю тихий стон, затем, придя в себя, отдаю флягу обратно. Разворачиваюсь и снова направляюсь к перилам моста.

– Эй, красотка, может, присоединишься к нам? – спрашивает меня один из парней.

– ...В другой раз.

Цепляюсь за перила, перебрасываю свое тело через них. Еще один рывок и я... свободна.

– Ты что делаешь? – слышу я голос одного из той компашки. Оборачиваюсь назад и вижу позади себя Ребекку. Она смотрит на меня и вертит головой. Я улыбаюсь. Разжимаю руки и лечу вниз.

* * *

– Твою мать!!! – кричит парень в красной толстовке.

Его друг снимает с себя футболку и прыгает вниз вслед за Глорией. Двое остальных парней никак не могут прийти в себя после увиденного.

– Смотри, – говорит один из них, наклоняется вниз и берет в руки телефон Глории, – ей звонила какая-то Тезер.

– Так, быстрее, звони ей, – парень подходит к перилам моста, – Райан!

Райан судорожно набирает воздух в легкие.

– Я не могу ее найти, здесь зверское течение!

* * *

– Как?! Как вы могли упустить ее?! – спрашивает Дэвид охранников.

– Мы дежурили всю ночь, из дома никто не выходил.

– Тогда куда делась моя дочь?!

–Мы не знаем.

Дэвид с яростью бьет кулаком о поверхность стола.

– Господи! И эти люди еще называют себя полицейскими!!! Внезапно раздается рингтон телефона Тезер.

– Стойте! Это Глория.

– Так чего ты ждешь?! Бери трубку! – кричит Дэвид. Тезер отвечает на звонок.

– Алло! Алло, Глория?.. – спустя мгновение, Тезер медленно опускает телефон. Ей не хватает воздуха. На секунду ей кажется, что она вот-вот рухнет на пол.

– Тезер, я прошу тебя, не молчи, – говорит Корнелия. Тезер находит в себе силы, чтобы произнести то, о чем ей сообщили.

– ...Она сбросилась с моста.

* * *

– Как же ненавижу тебя, Дэвид. Ты забрал у меня все. Дочь, внучку. Это ты довел ее до такого состояния, – Корнелия, Дэвид и Нэнси прибыли к месту происшествия. Вместе с ними здесь на ходятся куча спасателей и полицейских.

Корнелия сидит в машине полиции, она потеряла счет времени. Ее гложет душераздирающая боль. Где-то там, в глубине души, у нее есть маленькая надежда на то, что ее внучку все еще могут спасти.

– Корнелия, не нужно меня винить в этом. Я не заставлял ее связываться с преступниками и доводить ситуацию до такого момента.

– Она из-за тебя ушла из дома. Из-за твоей чертовой тирании! – состояние Корнелии медленно перетекает в истерику. – Довели, довели мою девочку! – она закрывает лицо руками и начинает рыдать.

Дэвид быстрым шагом направляется к одному из спасателей.

– Вы уже несколько часов здесь работаете. Неужели нет ни каких результатов? – Дэвид едва сдерживает себя, чтобы не со рваться.

– Сэр, успокойтесь. Мы делаем все, что от нас зависит. Наши водолазы исследуют дно, но, к сожалению, течение сделало свое дело.

– ...то есть?

– То есть, скорее всего, нам не удастся найти ее тело. Мне очень жаль.

Услышав слово «тело», Дэвид окончательно теряет самоконтроль. На мгновение в его голове всплыло далекое воспоминание. Джоди сидит с маленькой Глорией на руках. Дэвид подходит к ним и целует малышку в щечку. Та улыбается и тянется к нему своими крохотными ручками.

Дэвид кричит. Кричит во всю глотку. Кричит, никого не замечая вокруг.

Никогда в жизни он не чувствовал такой нечеловеческой боли.

* * *

«– В эфире выпуск новостей. Нашумевшей истории округа Бревэрд пришел конец. Сегодня стало известно, что несколько часов назад несовершеннолетняя Глория Макфин, которая являлась членом банды под руководством Алекса Мида, покончила с собой, сбросившись с моста. Спасатели до сих пор не могут найти ее тело.

– К сожалению, это не единственный случай, когда подростки, на рушив закон и осознав свою ошибку, совершают суицид, – говорит полицейский, – Глория Макфин не была исключением. Эта история про банду Алекса Мида послужит для всех нас уроком. А прежде всего, уроком для подрастающего поколения. Ваша жизнь никогда не ста нет лучше, если вы преступите закон. Помните об этом всегда.»

* * *

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НАЗАД

– Глория Макфин? – тихо говорит мне охранник. На секунду я растерялась.

– Да...

– Алекс Мид просил передать вам это, – человек в форме достает из кармана небольшой конверт.

– Алекс?..

– Если кто-нибудь узнает, что я передал тебе это письмо...

– Я никому не расскажу, – я хватаю конверт и быстро захожу в дом.

* * *

Закрываю дверь комнаты. Сажусь на кровать. Сердце тревожно стучит. Что хочет сообщить мне Алекс? С одной стороны, мне очень любопытно, но с другой, довольно страшно. Я медленно раскрываю конверт, начинаю вчитываться в слова, написанные размашистым почерком

Глория, я первый раз в жизни пишу кому-то письмо.

Жаль, что мы не успели толком попрощаться. Мне так хотелось тебя обнять...

Стив каждую секунду говорит о тебе, я уже не знаю, как его заткнуть.

Если бы ты знала, как мне тяжело слышать, когда он говорит, что любит тебя.

Но сейчас не об этом.

Я не могу перестать думать о том, что ты хочешь с собой сделать. Я прошу тебя, Глория, выкинь эти дурные мысли из головы. Если не станет тебя, тогда не станет и меня. Ты – мой стимул к жизни. Вспомни Ребекку. Она пожертвовала своей жизнью ради тебя. Ради того, чтобы ты жила долго и счастливо. Неужели она погибла напрасно? Ты не должна так с ней поступать.

Согласен, взять и перечеркнуть все свои планы – непросто. Да и тем более тебя так же, как и нас, ждет суд. Но есть один выход, Глория. Ты должна покончить с собой...

Но не по-настоящему.

Я понимаю, это звучит, как бред, но я прошу тебя, отнесись к моим словам серьезно.

Помнишь, как мы пытались инсценировать смерть, когда бросились с моста всем фургоном? Да, такое сложно забыть. Тогда у нас ничего не получилось, но, может быть, теперь у тебя получится?

Самое главное, чтобы твои родные и полиция поверили, что ты действительно покончила с собой. Будет очень хорошо, если на мосту будут свидетели твоего «самоубийства», тогда никто ни к чему не придерется.

Внизу я написал номер одного моего соратника. Он сделает тебе новые документы и предоставит убежище. Все, что тебе нужно, – это деньги. Понимаю, задача не из легких, но я надеюсь, что ты справишься с этим.

Нас направляют в Марион, штат Иллинойс. Туда тебя и отвезет мой человек.

Если у тебя все получится, то мы очень скоро встретимся с тобой, Глория.

Я умоляю тебя, сделай так, как я прошу.

Умри, но останься жива.

1-888-237-8289

* * *

Я несколько минут сижу, ничего не соображая. В голове пустота. Он что действительно просит меня об этом? В голове не укладывается. Решай, Глория, решай быстрее! Я хочу с ним встретиться. Я хочу увидеть его и Стива. Я хочу, чтобы наша история продолжилась.

Мы обязаны воссоединиться и отомстить Дезмонду за смерть Ребекки. Покончить с собой –

это значит смириться со всем, что произошло. А я не смирилась.

И не собираюсь.

Я на автомате беру свой мобильный, набираю цифры, указанные в письме, и нажимаю кнопку «вызова». Через пару томительных гудков мне отвечает грубый мужской голос.

– ...Алло, меня зовут Глория. Алекс сказал, что вы можете мне помочь.

* * *

Мы с Тезер лежим на моей кровати. Слушаем музыку. Уже так поздно, но мы не обращаем внимания на время. Нам столько хочется друг другу рассказать, выговориться.

– А помнишь, как мы подрались в школе? – спрашивает Тез.

– Такое трудно забыть.

– Господи, было бы из-за кого. Мэтт Гинс – «красавчик планеты», – мы смеемся, – скажи, ты до сих пор любишь его?

– Нет, а ты?

– Да я и не любила его вовсе. Ты же сама знаешь... – наступает минутное молчание, – спасибо тебе.

– За что?

– За Адама. Знаешь, так прекрасно осознавать, что рядом с тобой человек, который действительно любит тебя.

– Да...

«А мой любимый человек так далеко от меня», – проносится у меня в голове.

– Слушай, а ведь в тюрьме можно навещать заключенных?

– Конечно, – смеюсь я.

– Тогда я буду каждый день приходить к тебе. Я еще успею тебе надоесть.

– В этом я не сомневаюсь. Дверь комнаты открывается.

– Девочки, вы еще не спите? – спрашивает Нэнси.

– Мисс Лоренс, ну мы же не в школе, нас не нужно контролировать.

– Тезер, уже поздно, я постелила тебе в гостиной.

Тез с неохотой встает с моей кровати и направляется к выходу.

– Спокойной ночи, – говорит она.

– Спокойной ночи...

Я остаюсь одна в комнате. Для меня эта ночь точно не будет спокойной.

Несколько часов провожу, не смыкая глаз. Затем я начинаю собираться. Достаю рюкзак, кидаю в него свою толстовку с капюшоном и джинсы. Сую телефон в карман. Достаю несколько купюр из своей старой заначки. Кладу видеокамеру с запиской и свой дневник на видное место.

Надо спешить, Глория. Надо спешить.

Несколько минут молча прижимаюсь к стене. Чувствую, что вот-вот заплачу. Я больше никогда здесь не окажусь. Я потеряю свой дом навсегда. Я себя потеряю.

Открываю окно, выходящее на задний двор. Я еще в раннем детстве, благодаря Тезер, приобрела навыки по незаметному побегу из дома. Цепляюсь за водосточную трубу, прыгаю вниз. Тихо подхожу к углу дома. Вижу охранников, они разговаривают о чем-то своем, смеются. Нужно воспользоваться этим моментом. Я цепляюсь руками за забор, перебрасываю свое тело за него и прыгаю. Приземляюсь неудачно. Острая боль раздается в колене. Затем начинает болеть шов на боку, и мне кажется, что еще немного и я начну разваливаться по частям.

Я нахожу в себе силы и начинаю бежать. Выбегаю на дорогу, голосую. Начинает светать.

Господь, помоги мне.

Около меня останавливается машина, я запрыгиваю в нее.

* * *

– Интересно, что ты здесь забыла? – спрашивает меня водитель после того, как остановил свою машину в том месте, куда я назначила ему ехать.

– Хочу убить себя в тишине, – я отдаю водителю все деньги из заначки.

– Ну, и юморок у тебя.

Я выхожу из машины. Автомобиль трогается с места. Я остаюсь одна. Вокруг ни души. Я уверенно иду вперед. На улице уже совсем стало светло. Дохожу до того места, которое я просто не могла не посетить перед своим «исчезновением». Я залезаю через окно в тот самый ветхий деревянный дом, в котором я проводила почти каждое свое лето. Я прогуливаюсь по комнатам. Все это время я пытаюсь понять, что я делаю. Я сбежала из дома. Скоро все проснутся и обнаружат, что меня нет на месте. Разъяренные полицейские будут искать меня, и если я не сделаю то, о чем меня попросил Алекс, то мне в самом деле конец. За побег мне припаяют еще больше срока.

Господи, что же я наделала? Но обратного пути уже нет. Вернуться домой я уже не могу, и просто сбежать тоже не получится, потому что меня все равно найдут. Остается один выход. Умереть.

* * *

Когда на улице начали появляться люди, я выхожу из дома. Чтобы дойти до старого моста над Шумной речкой, так ее называют местные из-за сильного течения, мне потребовалось около часа. Помню, когда-то я приехала сюда, и узнала, как один мальчик утонул в той реке, ее течение унесло его тело за считанные мгновения.

Спускаюсь к основанию моста. Вижу, как на мосту стоит компания из трех человек. Я улыбаюсь. Отлично. Мне как раз нужны свидетели. Прохожу несколько метров, снимаю с себя рюкзак, кидаю его на землю. Затем снова возвращаюсь к мосту.

* * *

Прыжок.

Не знаю, почему, но мое тело даже и не почувствовало удара о воду, хотя высота моста довольно приличная. Я чувствую небывалый прилив адреналина. Мое тело не подчиняется течению. Я не думаю о страхе, не думаю ни о чем, кроме того, как бы побыстрее вынырнуть. Чувствую, как кто-то прыгнул за мной в реку. В этот момент я выныриваю. Добираюсь до берега. И без единого намека на усталость бегу, что есть силы. Бежать тяжело из-за мокрых вещей. Но я вовремя нахожу свой рюкзак, хватаю его, пробегаю еще пару километров и даю себе время отдышаться. Снимаю с себя мокрую одежду. Достаяю из рюкзака сухую, переодеваюсь.

* * *

Дышу с облегчением. Я это сделала. У меня все получилось. Я не подвела Алекса.

Не думала, что это будет настолько просто. Я добираюсь до телефонной будки, нахожу в рюкзаке письмо с номером телефона. Звоню.

– Это я. Я все сделала, – знакомый Алекса сообщает, где и во сколько мне его ждать.

Вешаю трубку. Разворачиваюсь и понимаю, что я обязана позвонить еще одному человеку. С трудом вспомнив номер его телефона, набираю его.

– ...Я в Беллвуде. И мне все еще нужна твоя помощь.

* * *

Иду по обочине пустой, забытой дороги. До сих пор не верится, что все это закончилось. За считанные секунды я покончила со своей жизнью. А что теперь будет дальше? Как сказал Алекс, я уеду в другой город. С новыми документами я могу делать все, что угодно. Нужно снова поступить в школу. Если я хочу нормальной жизни, то я обязана закончить школу. Я буду навещать Стива, Алекса и Джея. Мы будем держаться вместе во что бы то ни было.

Сейчас главное усвоить, что Глории больше нет. Глория умерла. Ее 50 дней до самоубийства прошли. Я теперь совершенно другой человек. Скоро у меня появится новое имя. Новая жизнь.

Ко мне подъезжает небольшой автомобиль. Из него выходит парень, на вид ему столько же лет, сколько и Алексу, Джею и Стиву.

– Глория?

– ...Здравствуй... те, – тихо говорю я.

– Да не бойся меня. Алекс сказал, что я за тебя отвечаю своей шкурой, так что у меня нет другого выхода.

Я улыбаюсь.

– Садись в машину, нужно как можно быстрее уехать отсюда. Я оборачиваюсь назад, смотрю на дорогу. Надежда не покидает меня. Он должен приехать.

– Глория...

Я тяжело выдыхаю и залезаю в салон автомобиля. Парень несколько минут роется в бардачке. Затем смотрит на боковое зеркало.

– А это еще кто?

Я смотрю в заднее стекло и вижу, как к машине бежит Чед. Я вылезаю из автомобиля и бегу к нему навстречу. Мы крепко обнимаем друг друга.

– Ты все-таки приехал... – шепчу я.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НАЗАД

– Ты... ты серьезно?! Ты что, разыгрываешь меня?

– Нет, Чед.

– Да ты хоть понимаешь, что ты такое говоришь? Ты все это время планировала покончить с собой, а теперь просишь меня помочь тебе инсценировать свое самоубийство!

– Не кричи, пожалуйста.

– Глория, твоя жизнь – это не голливудский фильм. И здесь не будет все по идеальному сценарию.

– Послушай. Мне не к кому больше обратиться. Мне нужны деньги. Я не могу их взять у отца, потому что когда он заметит пропажу, то сразу поймет, что что-то не так.

– Господи, хоть бы это был сон...

– Чед, помоги мне.

– А что если все пойдет не так, как нужно?! Да и какая жизнь тебя ждет после этого «самоубийства»?

– А какая жизнь меня ждет за решеткой?!

Чед долго молчит.

– ...А что если я все расскажу твоему отцу?

– Ты не расскажешь. Я знаю. Чед, скажи, ты любишь меня?

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же сама прекрасно знаешь, что я ради тебя готов на все.

– Ну, тогда помоги мне. Если же ты мне откажешь, я все равно это сделаю... только по-настоящему.

Чед молча разворачивается, открывает дверь и уходит из моего дома.

* * *

Наши объятия продолжаются несколько минут. Затем Чед открывает свой рюкзак и дает мне толстый конверт, наполненный купюрами.

– Надеюсь, этого тебе хватит?

– Хватит. Спасибо, – улыбаюсь я.

– Глория, что же ты со мной делаешь? Из-за тебя я могу в психушку попасть, – мы смеемся. – Я даже теперь не знаю, как буду вести себя на твоих «похоронах».

– Чед, пообещай мне, что ты никому ничего не расскажешь.

– Обещаю. А ты обещай, что будешь звонить мне, хоть изредка.

– Обещаю, – я снова его обнимаю и целую в щеку.

Разворачиваюсь и иду к машине. Еще несколько раз оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Чеда. Замечаю, как по его покрасневшим щекам стекают слезы. И я чувствую, что еще немного и сама разрыдаюсь. Нет, я не могу себе этого позволить. Я быстро залезаю в автомобиль, и мы трогаемся с места.

Ну что ж, Глория Макфин, добро пожаловать в новую жизнь. Теперь у тебя точно все будет по-другому.

Я уезжаю в неизвестность. Мне так долго придется привыкать к новой другой жизни. Не так-то просто расстаться со своим прошлым.

Как там говорится, начать все с чистого листа? Ну что ж, я так и сделаю.

– Ты уже придумала себе новое имя? Я улыбаюсь.

* * *

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ СПУСТЯ

Дэвид сидит на диване, держа фотографию Глории в руках. Казалось бы, прошло уже столько дней, но боль от потери никак не покинет его.

– Дэвид... – Нэнси подходит к нему и обнимает его за плечи.

– Перестань терзать себя...

– Она отомстила мне... и она выбрала такой жестокий способ мести...

– Дэвид, рано или поздно ты должен отпустить ее... Знаешь, может быть, это не вовремя, но я должна тебе кое-что сказать.

– Что?..

– ...Я беременна.

– Ты серьезно?

– Ну, разве я могу шутить в такой момент?

От радости Дэвид начал плакать. Взрослый мужчина плачет, словно ребенок. Он обнимает Нэнси.

– Мы справимся... и будем жить дальше, – говорит Нэнси.

* * *

Тезер и Адам стоят у могилы Глории. Тезер дотрагивается до горячего памятника с изображением своей подруги, и ее глаза начинает колоть от слез.

– Как это ужасно, Адам. Мы даже не смогли, как следует, попрощаться с ней. Под нами пустой гроб, а ее тело неизвестно где. Это же ненормально.

– Тез...

– Я не плачу, не плачу. Просто я никогда, наверное, не смирюсь с ее смертью.

– Я знала, что вы здесь.

Адам и Тезер оборачиваются и видят перед собой Корнелию.

– Мы почти каждый день сюда приходим, – говорит Адам.

– А я здесь последний раз.

– Почему последний? – спрашивает Тезер.

– Мы с Максом уезжаем в Италию. Хотим там отыграть свадьбу и начать новую жизнь.

– Это очень здорово, – говорит Тезер.

– Корнелия, а почему матери Глории не было на похоронах?

– Да она еще и не знает о ее смерти. После развода с Дэвидом она и ее новый возлюбленный уехали в Калифорнию. Мы с Дэвидом договорились ей пока ничего не говорить. Она еще не готова узнать такое.

Тезер достает из своей сумочки дневник Глории, который она прочла от корки до корки, и кладет его возле памятника.

– Покойся с миром, моя девочка.

* * *

Мы влюблены в свою свободу.

Мы в бегстве от самих себя.

Мы в поисках надежды и блаженства.

Мы счастливы и свободны.

notes

Примечания

Colt Silvers – Rain Comptine

Incubus – Monuments And Melodies

Coldplay – See you soon

Чед Вулф – солист группы Carolina Liar